

ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ

Терри
БРУКС

Меч Шаннары

ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ

ГЕРБ
БРУК

Меч
Шамары

Terry
BROOKS

*The Sword
of Shannara*

ЭКСМО
Москва
Доминио
Санкт-Петербург
2010

Терри
БРУКС

*Меч
Шаннары*

ЭКСМО
Москва
Домино
Санкт-Петербург
2010

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Б 89

Terry Brooks
THE SWORD OF SHANNARA

© 1977 by Terry Brooks
This translation published by arrangement with Ballantine Books,
an imprint of Random House Publishing Group,
a division of Random House, Inc.

Составитель серии *А. Жикаренцев*

Оформление серии *А. Саукова*

Серия основана в 2001 году

Оригинал-макет подготовлен ООО «ИД «Домино»

Брукс Т.
Б 89 Меч Шаннары / Терри Брукс ; [пер. с англ. Е. Королевой]. — М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2010. — 640 с. — (Шедевры фантастики).

ISBN 978-5-699-41727-8

Не всё спокойно в мире Четырёх земель. Повелитель колдунов Броня, раскрывший тайну бессмертия с помощью черной магии, уже простер над миром живых свою гибельную завесу, и только легендарный меч древнего короля Шаннары способен остановить его. Но волшебный меч дается в руки лишь избранному. И надо же такому случиться, что Ши Омсфорд, юноша из глухой деревни, неожиданно узнает, что он и есть тот самый избранник, которому суждено спасти от гибели всё живое. И вот Ши вместе со своим названным братом, принцем маленького горного королевства, и загадочным странником Алланом отправляются на поиски спасительного меча...

«Меч Шаннары» — одно из лучших произведений в жанре эпической фэнтези, начало которому положил великий Дж. Р. Р. Толкин. Книга не только принесла автору всемирную читательскую известность, она стала первой ласточкой, проложившей дорогу произведениям в жанре фэнтези в списки бестселлеров «Нью-Йорк таймс».

Роман публикуется в новом переводе.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

ISBN 978-5-699-41727-8

© Королева Е., перевод на русский язык, 2010
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2010

Посвящается моим родителям, которые верили

Предисловие автора

Мне было лет четырнадцать, когда я открыл для себя сэра Вальтера Скотта, Артура Конан Дойла, Роберта Льюиса Стивенсона, Александра Дюма и других европейских авторов восемнадцатого-девятнадцатого столетий, которые писали романы о приключениях. Они совершенно очаровали меня. Какие удивительные истории! «Айвенго», «Квентин Дорвард», «Белый отряд», «Сэр Найджел», «Черная стрела», «Остров сокровищ», «Граф Монте-Кристо», «Три мушкетера» и так далее и так далее. Каждая новая история казалась еще более потрясающей, чем предыдущая. Только такие книги и стоит читать, думал я. Хватит уже рассказов об огромных белых китах и угнетенных женщинах с алыми буквами на платьях. Вот бы и мне научиться писать такие книги, мечталось мне. И я, разумеется, пытался, только отчего-то у меня не получалось так, как у Дюма или Стивенсона. Вероятно, мне не хватало знаний. Я не ладил ни с временем, ни с языком, ни с пониманием явлений. И я беспомощно барахтался в хаосе своих мыслей, не двигаясь дальше начала, а потом, так и не завершив ни одного романа, уехал учиться в колледж.

Однако я не забыл, как много радости принесли мне эти книги и как сильно они на меня повлияли. Поэтому после четырех лет колледжа и одного семестра на юридическом факультете я надумал вернуться к ним. Роман о приключениях, полный леденящих кровь испытаний и чудесных спасений, сильных и целеустремленных мужчин и женщин, опасностей, подстерегающих на каждом шагу,— вот о чем я буду пи-

сать и вот как я избегну расписанной наперед жизни юриста. Так решил я. Но только мои истории должны быть особенными. К примеру, как д'Артаньян стал бы спасать Руперта фон Хенцау из «Узника Зенды». Или Джим Хокинс познакомился бы с Квентином Дорвардом. Я предвкушал свой роман как нечто грандиозное и захватывающее.

И вот тогда я снова подумал о Дж. Р. Р. Толкине. «Властелина колец» я прочитал двумя годами раньше. Что, если бы фантастические персонажи Толкина стали частью мира Вальтера Скотта или Дюма? Что, если бы моя история происходила где-нибудь вне времени и пространства, но все-таки в таком месте, в котором наверняка угадывался бы наш собственный мир, отнесенный в будущее? Что, если бы мы растеряли все свои нынешние знания и наука сменилась магией? Только эта магия не обязана быть заслуживающей доверия или просто хорошей или плохой. И истину отличить от лжи здесь тоже нельзя, просто потому что в жизни так не бывает. А главного героя мои читатели непременно отождествляли бы с собой и представляли, как они сами попадают в водоворот невероятных событий и пытаются в этом водовороте выжить.

Вот так появился «Меч».

Глава 1

Солнце уже тонуло в густой зелени холмов на западе долины, его багровые и серо-розовые отсветы ложились на траву, когда Флик Омсфорд начал спускаться с холма. Тропинка петляла по северному склону, огибала огромные валуны, торчащие из неровной земли массивными глыбами, исчезала в густых зарослях, чтобы вновь появиться и быстро перечеркнуть поляну или поредевший подлесок. Флик рассеянно скользил взглядом по знакомой дорожке, устало переставляя ноги, полупустой мешок болтался у него за спиной. На широком обветренном лице застыло привычное безмятежное выражение, и только большие серые глаза выдавали неумную энергию, скрытую за внешним спокойствием. Флик был молод, хотя из-за коренастой фигуры, седеющих каштановых волос и кустистых бровей выглядел гораздо старше своих лет. На нем была свободная рабочая одежда жителя Дола, в мешке перекачивались и позвякивали инструменты.

В вечернем воздухе повеяло легкой прохладой, и Флик плотнее запахнул на груди шерстяную рубашу и поднял воротник. Дорога шла через лес и скрывающиеся за ним холмистые долины; величественные дубы и заросли раскидистого орешника тянулись в темноту, закрывая могучими кронами безоблачное небо. Солнце уже зашло, и лишь глубокая синева небес, усеянная тысячами весело мигающих огоньков, висела над головой путника. Но вскоре громадные деревья заслонили приветливые звезды, и натопанная тропинка, по которой шагал Флик, погрузилась в темноту. Он ходил одной и той же дорогой сотни раз, поэтому тотчас заметил необыч-

ную тишину, охватившую тем вечером всю долину. Привычный стрекот и деловитая возня ночных насекомых, крики птиц, вылетающих на охоту с закатом солнца, — все куда-то исчезло. Флик напряженно прислушивался, стараясь уловить хоть один живой звук, но даже его чуткий слух не различал ни малейшего шороха в густой тишине леса. Встревоженно покачав головой, Флик вдруг вспомнил разговоры о жуткой твари с черными крыльями, которую несколько дней назад видели в ночном небе на севере долины.

Чтобы отогнать страх, он принялся насвистывать какой-то незатейливый мотивчик и мысленно вернулся к хлопотам прошедшего дня. Этот день он провел как раз к северу от родного Дола, в одном дальнем поселении, где несколько семей жили уединенной жизнью, возделывая землю и разводя скот. Каждую неделю он приходил к ним, принося то, в чем они нуждались, а заодно рассказывал новости о жизни Дола, а порой и о далеких городах таинственных Южных земель. Мало кто знал окрестности долины так хорошо, как Флик, а желающих покинуть безмятежный край и заглянуть в дальние земли было и того меньше. В ту пору люди предпочитали жить в своем маленьком безопасном мире и до остальных им не было никакого дела. Однако Флик любил путешествовать и время от времени покидал родную долину, а разрозненные фермы нуждались в его услугах и охотно оплачивали его хлопоты. Отец Флика был не из тех, кто упустит плывущие прямо в руки деньги, и, казалось, все получали то, чего и хотели.

Низко нависшая ветка задела Флика по голове, от неожиданности он вздрогнул и резко отскочил в сторону. Обернувшись, юноша сердито посмотрел на зеленое препятствие и двинулся дальше, чуть ускорив шаги. Он был уже в самом низу долины, и лишь тонкие ниточки лунного света просачивались сквозь густое сплетение ветвей над головой, выхватывая из темноты едва различимую извилистую тропу. В густом мраке Флик с трудом находил дорогу, напряженно вглядываясь перед собой. Он снова ощутил давящую тишину. Казалось, какая-то неведомая сила внезапно уничтожила вокруг все живое и ему предстояло в одиночку искать выход из этой

лесной могилы. В памяти вновь всплыли слухи о таинственном существе. Почувствовав испуг, Флик обеспокоенно огляделся. Но темная тропинка была пуста, ничто не шевелилось в кронах деревьев, и юноша, устыдившись глупых страхов, успокоился.

На залитой лунным светом поляне Флик ненадолго остановился, разглядывая звездное небо, и вновь углубился в лес. Он двигался медленно, шагая по петляющей тропинке, которая сужалась на другой стороне поляны и, казалось, исчезала в стене деревьев и кустов впереди. Флик понимал, что это лишь обман зрения, но невольно озирался по сторонам. Спустя несколько мгновений он снова шагал по довольно широкой тропе и видел между густыми кронами деревьев клочки неба. Он был почти у самого подножия долины, до дома оставалось мили две. Ускорив шаг, Флик улыбнулся и принялся насвистывать старую кабацкую песенку. Он так сосредоточился на тропинке и на открытом пространстве за лесом, что не заметил огромную черную тень, которая внезапно отделилась от гигантского дуба слева и стремительно метнулась ему наперерез. Темная фигура едва не врезалась во Флика, когда он вдруг ощутил нависшую над головой огромную черную глыбу, готовую сплющить его в лепешку. Испуганно вскрикнув, он отскочил в сторону, мешок с громким лязганьем упал на тропу. Выхватив из-за пояса длинный тонкий нож, Флик встал в грозную стойку, как вдруг его остановил властный взмах руки стоявшего перед ним человека, и зычный спокойный голос произнес:

— Погоди-ка, приятель. Я не враг и вовсе не желаю тебе зла. Просто я сбился с пути и был бы признателен, если бы ты показал мне правильную дорогу.

Флик опустил нож и пристально взгляделся в темную фигуру, пытаясь обнаружить в ней хоть какое-то сходство с человеческим существом. Однако так ничего и не увидел и осторожно шажками сдвинулся влево, пытаясь разглядеть черты лица незнакомца в густой тени деревьев.

— Поверь, у меня добрые намерения, — продолжал голос, словно читая мысли молодого человека. — Я не собирался

тебя пугать, я даже не видел тебя, пока мы едва не столкнулись на тропинке, и решил обратить на себя внимание, чтобы ты ненароком не прошел мимо.

Голос умолк, громадная черная фигура застыла в молчании, но, незаметно продвигаясь к краю дорожки, чтобы развернуться спиной к свету, Флик постоянно чувствовал на себе пристальный взгляд. Лунный свет начал медленно растекаться по лицу незнакомца, обрисовывая его черты неясными контурами и голубыми тенями. Так они стояли долго, молча изучая друг друга; Флик пытался понять, кто же встретился ему на лесной тропе, незнакомец невозмутимо выжидал.

Внезапно с ужасающим проворством громадная фигура метнулась вперед, мощные руки схватили Флика за запястья и резко оторвали от надежной земной опоры. Выронив нож из онемевших пальцев, он беспомощно повис в воздухе.

Раздался зычный издевательский смех.

— Ну-ну, мой юный друг! Интересно, как ты теперь поступишь? А что, если мне вырезать твое сердце и бросить на съедение волкам?

Флик яростно вырывался, от ужаса в голове не осталось ни одной мысли, кроме желания спастись. Несчастный парень понятия не имел, что за существо напало на него, но оно было гораздо сильнее обычного человека и явно собиралось прикончить его. Неожиданно злодей отодвинул пленника от себя на вытянутой руке, и насмешка в его голосе сменилась ледяным раздражением.

— Ладно, парень! Пошутили — и хватит. Ты ведь по-прежнему ничего обо мне не знаешь. Я устал, голоден и не желаю мерзнуть посреди леса, пока ты решаешь, человек я или зверь. Я отпущу тебя, а ты покажешь мне дорогу. Но предупреждаю: не пытайся сбежать — хуже будет!

Звучный голос стих, недовольный тон сменился прежней язвительностью, и незнакомец коротко хохотнул.

— Кроме того, — прогрохотал он, разжимая железные пальцы и позволяя Флику выскользнуть обратно на тропинку, — я могу стать твоим другом: хочешь — верь, а хочешь — нет.

Существо отступило на шаг, молча наблюдая, как Флик старательно растирает затекшие запястья. Больше всего на свете парню хотелось сбежать, но он уже не сомневался, что на сей раз незнакомец прикончит его не раздумывая. Флик осторожно наклонился, поднял выпавший нож и прицепил к поясу.

Теперь Флик видел незнакомца гораздо лучше — это определенно был человек, хотя юноше и не доводилось встречать таких великанов прежде. Ростом он был семь футов, не меньше, худощавую фигуру скрывал просторный черный плащ с широким капюшоном, накинутым на голову. Хмурое вытянутое лицо прочерчивали глубокие морщины, словно высеченные из камня. Глубоко посаженные глаза были почти полностью скрыты кустистыми бровями, сросшимися над длинным тонким носом. Короткая черная борода обрамляла широкий, похожий на неподвижную линию, рот. В общем черный великан производил пугающее впечатление, и Флик с трудом поборол растущее желание рвануть к выходу из леса. Он посмотрел прямо в глубокие жесткие глаза незнакомца, хотя это и потребовало немалого мужества, и выдавил робкую улыбку.

— Я думал, вы разбойник, — пробормотал он, запинаясь.

— Ты ошибся, — последовал негромкий ответ. Потом голос несколько смягчился. — Тебе следует научиться отличать друзей от врагов. Иногда от этого умения зависит жизнь. Итак, позволь узнать твое имя.

— Флик Омсфорд. — Флик немного помедлил, а затем продолжил чуть более уверенно: — Мой отец Кёрзат Омсфорд. Он держит гостиницу в Тенистом Доле, всего в паре миль отсюда. Там вы всегда найдете кров и пищу.

— Ага, Тенистый Дол! — неожиданно воскликнул незнакомец. — Именно туда я и направляюсь.

Великан замолчал, словно задумавшись над собственными словами. Флик боязливо наблюдал, как он потирает искривленными пальцами словно высеченное из камня лицо и смотрит сквозь деревья на колышущиеся травы в долине. Не отрывая глаз от пастбища, он снова заговорил:

— У тебя... есть брат.

Это был даже не вопрос. Тихие слова прозвучали так спокойно и отстраненно, словно он и не ждал ответа, поэтому Флик сначала пропустил их мимо ушей. Но когда смысл сказанного внезапно дошел до него, юноша вздрогнул и с удивлением посмотрел на незнакомца.

— Откуда вы...

— Ничего удивительного, — сказал незнакомец. — Разве у парня из долины, вроде тебя, не может быть брата?

Флик неуверенно кивнул, не понимая туманных речей своего странного собеседника и раздумывая, что тому вообще известно о Тенистом Доле. Незнакомец молча смотрел на Флика, очевидно дожидаясь, когда его отведут к обещанным крову и пище. Флик быстро огляделся в поисках брошенного мешка, поднял его и закинул на плечо, потом снова взглянул на громоздящуюся над ним фигуру.

— Нам сюда, — махнул он рукой, и оба двинулись в путь.

Они вышли из густого леса и направились по тропе меж пологих холмов, вдоль которых им предстояло идти до самого Тенистого Дола, лежащего на другом конце долины. После леса ночь сделалась намного светлее, полная луна белым шаром висела над головой, в ее молочном свете четко вырисовывалась долина и тропинка, по которой двигались путники. Сама тропа превратилась в смазанную линию, петлявшую между травянистыми холмами и заметную лишь по редким вымоинам от дождей и утоптаным участкам земли, мелькавшим в густой траве. Ветер все больше крепчал. Собравшись с силами, он налетал на путников резкими порывами и терзал на них одежду, заставляя пригибать головы, чтобы защитить глаза. Оба шли молча, сосредоточенно глядя перед собой, и с каждым оставленным за спиной пригорком впереди возникали все новые холмы и ложбины. Мирную тишину ночи нарушали лишь голоса ветра. Только однажды Флику показалось, что далеко на севере раздался резкий крик, но звук тут же затих и больше не повторялся. А вот незнакомца царящая вокруг тишина, казалось, несколько не утнетала. Его внимание было полностью поглощено некоей постоянно убегающей точкой футах в шести впереди. Он не поднимал головы и не смотрел на своего юного проводника в ожидании

указаний. Более того, он словно точно знал, куда направляется его провожатый, и уверенно шагал рядом с ним.

Вскоре Флику стало трудно поспевать за незнакомцем, по сравнению с его размашистой поступью собственные шаги казались ему лилипутскими. По временам парню приходилось почти бежать, чтобы не отстать от великана. Изредка тот поглядывал на своего менее рослого попутчика и, видя безуспешные попытки юноши подстроиться под его походку, замедлял шаг. Наконец южные склоны долины придвинулись ближе, холмы начали переходить в заросшие кустарником поля, что означало скорое появление очередного участка леса. Начался долгий пологий спуск, и Флик разглядел несколько знакомых межевых камней, отмечавших границы Тенистого Дола. Невольный вздох облегчения вырвался из его груди. Родная деревня и уютный дом были совсем близко.

За время короткого пути незнакомец не проронил ни слова, да и Флик не решался завязать разговор. Вместо этого он на ходу украдкой бросал на гиганта взгляды, пытаясь незаметно изучить своего попутчика. Человек этот определенно внушал трепет. Его вытянутое грубое лицо с острой черной бородой напомнило Флику рассказы об ужасных колдунах, услышанные им в детстве от безжалостных взрослых во время ночных посиделок вокруг догорающего костра. Самым страшным в незнакомце были глаза, точнее, глубокие темные провалы под кустистыми бровями на том месте, где должны были находиться глаза. Флик так и не сумел ничего увидеть в густой тени, которая полностью закрывала лицо незнакомца. Прорезанное глубокими складками, оно казалось высеченным из камня, застывшим и всецело поглощенным созерцанием бегущей впереди тропинки. Пока Флик изучал непроницаемое лицо великана, он вдруг вспомнил, что незнакомец так и не назвал своего имени.

Путники подошли к окраине Дола, явственно различимая тропа вилась между плотными зарослями кустарника, подступавшими к самым ее краям. Высокий незнакомец резко остановился и замер на месте, склонив голову и напряженно прислушиваясь. Флик встал рядом и тоже прислушался, но ничего подозрительного не заметил. Несколько томи-

тельных минут они стояли неподвижно, затем великан поспешно развернулся к своему маленькому спутнику.

— Быстрее! Бегом в те кусты. Живо!

Он толкнул Флика вперед, едва не подкинув его в воздух, и помчался к высокому кустарнику. Испуганный Флик стремительно понесся к спасительным зарослям, с громким звяканьем мешок яростно хлопал его по спине. Незнакомец развернулся, сдернул с плеча Флика мешок и засунул себе под плащ.

— Тихо! — прошипел он. — Беги. Ни звука!

Они быстро добежали до темной стены листвы футы в пятидесяти впереди, великан торопливо толкнул Флика в путаницу нещадно хлещущих по лицу ветвей и бесцеремонно затолкал его в самую гущу зарослей, где они и остановились, тяжело дыша. Взглянув на незнакомца, Флик с удивлением заметил, что тот неотрывно смотрит вверх, туда, где в маленьких рваных просветах в листве проглядывало ночное небо. Флик проследил за его пристальным взглядом, но, кроме вечных звезд, подмигивающих ему с чистого небосвода, ничего не увидел. Минуты текли одна за другой, и ничего не происходило. Устав ждать, Флик попытался заговорить, но не успел он открыть рот, как сильные руки незнакомца предостерегающе вцепились ему в плечи. Юноша замер и напряженно прислушался, силясь уловить в ночной тишине хоть малейший звук, означавший приближение опасности. Однако, кроме их собственного тяжелого дыхания и негромкого шелеста ветра, который раскачивал ветви их укрытия, не слышал ничего.

А затем, когда Флик уже решил дать отдых уставшим ногам и присесть, что-то огромное и черное вдруг заслонило небосвод, проплыло в вышине и скрылось из виду. Мгновение спустя темная глыба вернулась, медленно кружа на одном месте, и ее тень зловеще нависла над укрывшимися в зарослях путниками, словно готовясь обрушиться на них. Нежданная волна страха затопила разум Флика, ужас оплел сознание железной паутиной, и не было спасения от накатывшего на него безумия. Казалось, что-то сдавило ему грудь, медленно выжимая воздух из легких, и Флик начал задыхаться. Перед гла-

зами явственно промелькнул черный силуэт, пронизанный красными сполохами, когтистые лапы и огромные крылья. Зловещая тварь источала такую ненависть, что, казалось, одно ее существование угрожало раздавить хрупкую жизнь Флика. Замерев от ужаса, юноша едва сдерживал крик, и лишь уверенная рука незнакомца, сжимавшая его плечо, удержала его на краю пропасти. Так же внезапно, как и появилась, гигантская тень исчезла, и в просветах между ветвями осталось только безмятежное ночное небо.

Рука на плече Флика медленно ослабила хватку, и юноша тяжело рухнул на землю; ноги его дрожали, тело покрывал холодный пот. Высокий незнакомец спокойно опустился рядом с Фликом, и едва заметная улыбка тронула его губы. Он коснулся ладони Флика и легонько похлопал по ней — так успокаивают ребенка.

— А теперь в путь, мой юный друг, — шепотом произнес он. — Ты цел и невредим, и Дол совсем рядом.

Полными ужаса глазами Флик посмотрел в спокойное лицо незнакомца и тряхнул головой.

— Что... это было?

— Просто тень, — беспечно отозвался собеседник. — Однако теперь не время и не место задаваться подобными вопросами. Поговорим об этом позже. Сейчас я хочу поесть и оказаться у теплого очага раньше, чем потеряю всякое терпение.

Он помог юноше встать и протянул ему мешок. Затем взмахом руки дал понять, что готов следовать за Фликом, когда тот решит вести его дальше. Они выбрались из густых зарослей, и юноша опасливо оглядел ночное небо, не в силах побороть страх. Впрочем, ему уже начинало казаться, что все увиденное было лишь плодом его не в меру разыврававшегося воображения. Поразмыслив немного, Флик решил, что приключений для одного вечера более чем достаточно — сначала этот жутковатый странник, потом зловещая тень в небе. Впредь, мысленно поклялся он себе, надо будет хорошенько подумать, прежде чем пускаться в путь на ночь глядя.

Вскоре деревья и кусты начали редеть, впереди уже мерцали желтые огоньки, и через несколько минут из темноты про-

ступили смутные контуры зданий. Тропинка расширилась до ровной грунтовой дороги, ведущей прямо в селение, и Флик благодарно улыбнулся огням, которые приветливо светили ему из окон притихших домов. На всей дороге им не встретилось ни души, и лишь свет в окнах напоминал о жителях Дола. Однако голова Флика была занята совсем другими мыслями. Он уже обдумывал, что из увиденного можно рассказать отцу и Ши, ему совсем не хотелось путать родных странными тенями, которые вполне могли оказаться плодом его буйной фантазии и ночной темноты. Возможно, незнакомец, идущий рядом с ним, позже прольет свет на эти тайны, однако пока он не проявлял особого желания к долгим беседам. Флик невольно перевел взгляд на высоченную фигуру рядом с собой. И снова по спине юноши пробежал холодок. Казалось, чернота отражается от плаща незнакомца, стекая по скрытой низким капюшоном голове и худым рукам, и, словно саваном, окутывает величественную фигуру мрачной завесой. Кем бы он ни был, Флик чувствовал, что его врагам есть чего опасаться.

Они медленно прошли между деревенскими домами, и Флик видел факелы, горевшие за деревянными рамами широких окон. Все постройки в селении были длинными и низкими — один этаж и пологая крыша. Часто крыша продлевалась с одной стороны, чтобы накрыть небольшую веранду, и опиралась на тяжелые бревна, укрепленные на вытянутом крыльце. Дома строили из дерева, на каменных фундаментах и иногда с выложенными камнем фасадами. Флик всматривался в занавешенные окна, замечал движущихся за ними обитателей, вид знакомых лиц помогал ему справляться с царящей снаружи темнотой. Ночь выдалась беспокойная, и он был счастлив оказаться дома, среди людей, которых хорошо знал.

Незнакомец оставался безучастен. Он удостоил селение лишь беглым взглядом и не произнес ни слова с тех пор, как они вошли в Дол. Флик с недоверием поглядывал на своего спутника. Казалось, молчаливый великан прекрасно знал, куда идти. Каждый раз, когда дорога раздваивалась, расходясь между рядами совершенно одинаковых домов, он без

малейшего труда выбирал верный путь, хотя ни разу не посмотрел на Флика и даже не оторвал взгляда от земли. Флик вдруг поймал себя на том, что сам тащится следом за незнакомцем.

Вскоре они добрались до гостиницы. Это было довольно большое строение, состоящее из главного здания с крытой верандой и двух длинных пристроек, раскинувшихся по сторонам. Выстроенный из огромных бревен, обтесанных и уложенных на каменный фундамент, дом был покрыт обычной дощатой крышей, которая, впрочем, оказалась гораздо выше, чем у большинства соседних домов. Главное здание было хорошо освещено, изнутри доносились приглушенные голоса, время от времени заглушаемые взрывами смеха и выкриками. Пристройки гостиницы, в которых размещались спальни для постояльцев, были погружены в темноту. В ночном воздухе растекался дразнящий запах жареного мяса, и Флик быстро взбежал по деревянным ступенькам крыльца к широким двустворчатым дверям главного здания. Ни сказав ни слова, высокий незнакомец последовал за ним.

Флик оттянул назад тяжелую металлическую задвижку и навалился на ручку двери. Правая створка распахнулась, пропуская их в просторную гостиную, заставленную скамейками, стульями с высокими спинками и массивными деревянными столами у дальней стены слева. Комнату ярко освещали высокие свечи на столах и в настенных канделябрах и огромный камин посередине левой стены. Привыкший к полумраку, Флик быстро прищурился и всмотрелся в закрытую дверь в глубине комнаты и длинную стойку, протянувшуюся вдоль всей правой стены. Постояльцы у стойки лениво взглянули на двух вошедших, но при виде величественной фигуры незнакомца в черном плаще на их лицах отразилось неподдельное изумление. Впрочем, молчаливый спутник Флика, казалось, не замечал обращенных на него удивленных взглядов, и вскоре все вернулись к прерванным разговорам и выпивке, изредка поглядывая на новых гостей и ожидая, что они станут делать дальше. Оба еще немного постояли возле двери, Флик снова оглядел лица собравшихся, высматривая отца. Незнакомец махнул рукой на стоящие слева столы.

— Я посижу здесь, пока ты ищешь отца. Можем вместе поужинать, когда вернешься.

С этими словами он спокойно направился к маленькому столику и уселся спиной к посетителям у стойки, чуть опустив голову и отвернувшись от Флика. Молодой человек немного помедлил, глядя на него, а потом быстро прошел к двойным дверям в дальнем углу помещения и вышел в коридор. Наверное, отец сейчас на кухне, ужинает вместе с Ши. Флик торопливо пробежал по коридору мимо нескольких закрытых дверей и оказался перед входом в гостиничную кухню. Когда он вошел, двое поваров, работавших в глубине комнаты, встретили его радостными возгласами. Отец сидел слева, на краю длинного стола. Как Флик и догадывался, он как раз заканчивал ужин. Приветствуя юношу, отец взмахнул мускулистой рукой.

— Ты немного запоздал, сын, — благодушно проворочал он. — Садись поешь, пока еще что-то осталось.

Флик устало добрал до стола, с легким звяканьем опустил на пол мешок с инструментами и взгромоздился на высокий стул. Распрямив могучий торс, Омсфорд-старший отодвинул от себя пустую тарелку и вопрошающе взглянул на сына, наморщив широкий лоб.

— По дороге в долину я встретил путника, — сбивчиво заговорил Флик. — Ему нужна комната и еда. Да, еще он просил нас поужинать с ним.

— Что ж, если ему нужен ночлег, он не ошибся, — провозгласил отец. — Не вижу причин, почему бы нам не перекусить вместе с ним, я запросто осилю еще одну порцию.

Он с трудом поднял со стула свое грузное тело и велел поварам накрывать стол на троих. Флик оглядывался в поисках Ши, но брата нигде не было. Пока отец давал поварам какие-то особые указания по приготовлению ужина, Флик прошел к рукомойнику, чтобы смыть дорожную пыль и грязь. Когда вернулся отец, он спросил о брате.

— Я отправил его с поручением, должен вернуться с минуты на минуту, — ответил отец. — Кстати, как зовут твоего гостя?

— Не знаю. Он не сказал, — пожал плечами Флик.

Отец нахмурился и пробурчал что-то о скрытных чужаках, завершив приглушенное бормотание клятвенным заверением, что никогда больше не потерпит в своей гостинице таинственных типов. Потом он жестом подозвал сына и вышел в кухонные двери. Его широченные плечи едва не касались стен коридора, когда он поворачивал налево, направляясь к гостиной. Флик поспешил за ним, его широкое лицо было мрачно.

Незнакомец по-прежнему сидел неподвижно, повернувшись спиной к стойке. Услышав стук двери, он чуть развернулся и мельком взглянул на вошедших. Очевидное сходство отца и сына сразу бросалось в глаза. Оба были среднего роста, крепкого сложения, с широкими спокойными лицами и темными волосами с проседью. Они задержались в дверях, и Флик указал на темную фигуру, заметив отразившееся в глазах Кёрзата Омсфорда изумление. Прежде чем подойти, хозяин гостиницы с минуту разглядывал необычного постояльца. Отец и сын подошли ближе, и незнакомец учтиво поднялся со стула, возвышаясь над ними обоими.

— Добро пожаловать в мою гостиницу, чужестранец, — приветствовал его Омсфорд-старший, тщетно пытаясь разглядеть скрытое густой тенью капюшона лицо незнакомца. — Мой сын, должно быть, уже сообщил вам, что меня зовут Кёрзат Омсфорд.

Великан пожал протянутую руку с такой силой, что крепыш-хозяин поморщился, и кивком указал на Флика.

— Ваш сын был настолько любезен, что проводил меня в эту чудесную гостиницу. — Он улыбнулся, и Флик был готов поклясться, что улыбка получилась издевательской. — Надеюсь, вы оба не откажетесь отужинать со мной и пропустить по стаканчику пива.

— Ну разумеется, — отозвался хозяин гостиницы, вразвалку направляясь к свободному стулу, на который и втиснул свое грузное тело.

Флик тоже подтянул к себе стул и сел, все еще не сводя глаз с незнакомца, который тем временем начал расточать комплименты отцовской гостинице. Омсфорд-старший расцвел от удовольствия и одобрительно кивнул Флику, знаком веля

человеку за стойкой принести три кружки пива. Чужак так и не снял капюшон, закрывающий его лицо. Флику хотелось всмотреться в тень под капюшоном, но он опасался гнева незнакомца, а одна подобная попытка уже стоила ему оборванных запястий и вселила безоговорочное уважение к силе и нраву великана. Так что оставаться в неведении было, несомненно, безопаснее.

Он сидел молча, прислушиваясь к беседе незнакомца с отцом, которая постепенно перешла от вежливых замечаний о чудесной погоде к более откровенному обсуждению жителей и событий Тенистого Дола. Флик отметил про себя, что болтал в основном отец, которого, впрочем, никогда не составляло труда разговорить, а его собеседник лишь время от времени вставлял вопросы. Может, это и не имело значения, но Омсфорды ничего не знали о чужаке. Он даже не назвал им своего имени. И вот теперь ловко выуживал сведения о Доле из убаюканного сладкими речами хозяина гостиницы. Это беспокоило Флика, но он не знал, что предпринять. Как назло, брат задерживался; лишь когда долгожданный ужин был уже съеден до последней крошки, тяжелая дверь распахнулась и из темноты ночи появился Ши.

Впервые Флик увидел на лице незнакомца не просто мимолетный интерес. Впившись руками в край стола, черная фигура поднялась, нависая над Омсфордами. Казалось, он позабыл об их присутствии, глубокие складки на лбу залегли еще глубже, грубые черты лица застыли от сосредоточенного внимания. На мгновение Флику показалось, будто чужак хочет сделать с Ши что-то ужасное, но затем страшная мысль исчезла и сменилась другой. Этот странный человек пытался проникнуть в сознание его брата.

Великан пристально смотрел на Ши, его скрытые тенью запавшие глаза цепко оглядывали худощавое лицо и стройную фигуру юноши. Он тотчас уловил эльфийские черты: чуть заостренные уши, прикрытые светлыми растрепанными волосами, словно нарисованные карандашом брови, под прямым углом разлетающиеся от переносицы, тонко очерченные рот и подбородок. Не ускользнули от его взгляда живость ума и искренность на пылающем лице юноши и еще реши-

мость в пронизательных голубых глазах, открыто глядящих на незнакомца. В первую секунду Ши замер, напуганный огромным черным призраком на другом конце комнаты. Сам не понимая почему, он чувствовал себя в ловушке, но, быстро справившись с волнением, решительно зашагал навстречу грозной фигуре.

Флик с отцом заворуженно смотрели, как подходит Ши, не сводя глаз с великана, а потом, словно внезапно узнав вошедшего, оба поднялись из-за стола. Мгновение все смотрели друг на друга в неловком молчании, а потом Омсфорды разом заговорили, словно стараясь за потоком слов скрыть странное напряжение. Ши улыбнулся Флику, по-прежнему не отводя глаз от внушительной фигуры, возвышающейся над ним. Он был немного ниже брата, но в отличие от Флика огромный рост незнакомца не пугал его. Кёрзат Омсфорд принялся расспрашивать сына о своем поручении, и, отвечая на настойчивые расспросы отца, Ши ненадолго отвлекся, но уже вскоре снова сосредоточился на странном госте Тенистого Дола.

— Я уверен, что мы никогда не встречались, но мне почему-то кажется, что вы знаете меня. И у меня такое странное чувство, будто я должен знать вас.

Голова в капюшоне над ним согласно кивнула, и на мгновение на лице великана мелькнула уже знакомая насмешливая улыбка.

— Может, и должен, хотя нет ничего удивительного в том, что ты не помнишь. А вот я знаю, кто ты, поверь, отлично знаю.

Сбитый с толку Ши во все глаза смотрел на незнакомца, не зная, что ответить. Высокий чужестранец поднес к подбородку худую руку и потер короткую черную бороду, медленно обводя взглядом троих Омсфордов, дожидавшихся от него продолжения. Флик уже раскрыл рот, чтобы задать вопрос, мучавший всех троих, когда чужак откинул капюшон плаща, и все ясно увидели его смуглое лицо, обрамленное длинными черными волосами, доходящими до плеч и падающими на глубоко посаженные глаза, которые казались узкими черными щелками в тени кустистых бровей.

— Меня зовут Алланон, — сообщил он негромко.

Словно громом пораженные, трое слушателей в изумлении смотрели на него, не в силах вымолвить ни слова. Алланон, таинственный скиталец, прошедший весь свет, летописец всех народов, философ и учитель и еще, как утверждали, адепт мистических искусств. Алланон, человек, побывавший всюду — от самых дальних уголков Анара до запретных вершин Чарнальских гор. Его имя было известно даже тем, кто жил в самых глухих поселениях Южных земель. И вот, неожиданно-негаданно, он стоит перед Омсфордами, которые за всю свою жизнь лишь несколько раз покидали родную долину.

Впервые за все время Алланон тепло улыбнулся, он искренне жалел этих людей. Спокойной жизни, которую они вели столько лет, пришел конец, и в этом, до некоторой степени, была его вина.

— Что привело вас сюда? — спросил наконец Ши.

Великан бросил на него быстрый внимательный взгляд и неожиданно для всех тихо рассмеялся.

— Ты, Ши, — произнес он негромко. — Я пришел за тобой.

Глава 2

На следующее утро Ши проснулся рано и, выбравшись из теплой постели, наспех оделся в сырой прохладе зябкого утра. Оказалось, он проснулся раньше всех, ни постояльцы гостиницы, ни его домочадцы еще не поднимались. Он беззвучно прошел по окутанному тишиной зданию из своей маленькой комнатки в дальнем конце главной пристройки в большой зал, где тут же принялся разводить огонь в огромном каменном очаге онемевшими от холода пальцами. Ранним утром, пока солнце не поднималось над кромкой холмов, в долине всегда царил пронизывающий холод, даже в теплое время года. Тенистый Дол был надежно укрыт, и не только от людских глаз, но и от злобных ледяных ветров, дующих из Северных земель. Но хотя свирепые зимние и весенние бури обходили долину и Тенистый Дол стороной, круглый год по утрам между высокими холмами было невыносимо холодно, и лишь к полудню солнечные лучи доставали до дна долины, прогоняя стужу.

Огонь в очаге с сухим треском жадно набрасывался на дрова; Ши уселся на стул с высокой спинкой и задумался над событиями прошлого вечера. Откинувшись назад, он обхватил себя руками, чтобы хоть немного согреться, и вжался спиной в жесткое дерево. Откуда Алланон знает о нем? Он очень редко выходил за пределы Дола и наверняка запомнил бы великана, если бы вдруг повстречал во время какого-нибудь из своих нечастых путешествий. Накануне Алланон не стал говорить об этом. Ужин он завершил в молчании, рассудив, что разговоры могут подождать до утра, и снова превратился

в загадочное мрачное изваяние, каким показался при первой встрече, едва Ши переступил порог гостиницы. Покончив с ужином, он попросил, чтобы ему показали комнату для ночлега, и, извинившись, удалился. Ни Ши, ни Флику не удалось добиться от гостя ни единого слова о путешествии в Тенистый Дол или о причинах его интереса к младшему из братьев. Они проговорили далеко за полночь, и Флик рассказал, как натолкнулся на Алланона, и о встрече с кошмарной тенью.

Снова и снова Ши спрашивал себя: откуда Алланон его знает? Он мысленно перебирал события своей жизни. Раннее детство он помнил смутно. Места своего рождения не знал, хотя однажды, уже после того, как Омсфорды усыновили его, Ши рассказали, что его родина — маленькое селение в Западных землях. Отец умер, когда мальчик был еще слишком мал, и его смутный образ почти стерся из памяти. Потом он жил с матерью, о годах, проведенных с нею, у него сохранились лишь обрывочные воспоминания об играх с детьми эльфов под сенью деревьев-великанов в уединении густого леса. Ему было пять лет, когда мать внезапно заболела и решила вернуться к своей родне в деревушку Тенистый Дол. Должно быть, она уже тогда понимала, что умирает, но ее заботила только судьба сына. Переезд на юг стал ее последним путешествием, и вскоре после того, как они добрались до долины, она умерла.

Родственников, которых мать не видела после своего замужества, уже не было в живых, остались только Омсфорды, седьмая вода на киселе. Кёрзат Омсфорд за год до того потерял жену, один растил сына Флика и управлял гостиницей. Ши стал частью их семьи, оба мальчика росли как братья, оба носили одну фамилию. Своей настоящей фамилии Ши не знал, да и не пытался узнать. Омсфорды стали его единственной семьей и приняли его как родного. Было время, когда он стеснялся своего неясного происхождения, но Флик настойчиво убеждал его в том, что именно смешанная кровь наделила его чертами и способностями сразу двух народов, а это явное преимущество.

Однако, как Ши ни старался, встречи с Алланом он припомнить не мог. Казалось, он никогда и не был с ним знаком. Наверное, действительно не был. Ши поерзал на стуле, рассеянно глядя на огонь. В утрюмом страннике было нечто такое, что наводило на него страх. Было ли виной тому воображение юноши, но он не мог избавиться от ощущения, что этот человек каким-то необъяснимым образом может читать его мысли и видеть его насквозь, если только пожелает. Какими бы нелепыми ни казались подобные опасения, они не покидали юношу с первой минуты их встречи. Флик чувствовал то же самое. Более того — в темноте их общей спальни он шепотом, словно боясь посторонних ушей, признался брату, что ощущает исходящую от Алланона опасность.

Ши потянулся и глубоко вздохнул. За окном уже занимался рассвет. Он поднялся, чтобы подкинуть дров в огонь, и услышал в коридоре голос отца, который зычно отдавал какие-то приказания. Глубоко вздохнув, Ши отбросил тревожные мысли и поспешил на кухню, чтобы помочь приготовить завтрак.

Близился полдень, когда Ши увидел Алланона, который, очевидно, так и просидел у себя в комнате все утро. Совершенно неожиданно он вывернул из-за угла гостиницы, когда Ши сидел под огромным тенистым деревом за домом, рассеянно глотая приготовленный на скорую руку обед. Отец был занят делами в доме, а Флик отправился куда-то с поручением. Мрачный ночной гость и при свете полуденного солнца выглядел зловеще, его невероятно высокая фигура по-прежнему была закутана в плащ, хотя уже не черный, а светло-серый. Не поднимая глаз от дорожки под ногами, он подошел к Ши и сел на траву рядом с юношей, рассеянно глядя на холмы на востоке, поднимающиеся над кронами деревьев. Несколько долгих минут оба сидели молча, пока Ши наконец не выдержал:

— Зачем вы пришли в долину, Алланон? Зачем искали меня?

Темное лицо развернулось к нему, и тонкие губы тронула легкая улыбка.

— На этот вопрос, мой юный друг, ответить не так просто, как тебе хотелось бы. Быть может, лучше сначала задать вопрос тебе? Ты читал об истории Северных земель?

Он помолчал.

— Знаешь ли ты о королевстве Черепа?

Ши окаменел — страшнее этих слов не было ничего, ни в реальной жизни, ни в вымышленной, королевством Черепа пугали шаловливых детей, у взрослых при этих звуках бежали мурашки по спине, когда поздними вечерами они рассказывали друг другу страшные истории перед догорающим костром. Призраки и гоблины, коварные лесные карлики и огромные скальные тролли с далекого Севера притаились в этом ужасном названии. Ши поглядел в угрюмое лицо перед собой и медленно кивнул. И снова Алланон помолчал, прежде чем продолжить.

— Видишь ли, Ши, помимо всего прочего я историк. Должно быть, я путешествую больше всех живущих ныне историков, поскольку кроме меня за последние пятьсот лет в Северных землях побывало лишь несколько человек. О расе людей мне известно много такого, о чем никто даже не подозревает. Прошлое понемногу превращается в туманное воспоминание, наверное, это и к лучшему, потому что история человечества была не особенно славной на протяжении последних двух тысяч лет. Люди сегодня позабыли прошлое, они мало знают о настоящем и еще меньше — о будущем. Род человеческий живет обособленно от других и не покидает пределов Южных земель. Люди вообще ничего не знают о Северных землях и живущих там народах, очень мало знают о Восточных и Западных землях. Очень жаль, что люди стали так близоруки, а ведь когда-то они отличались завидной прозорливостью. Ныне они вполне довольны своим существованием отдельно от других, вдалеке от забот всего остального мира. Только попомни мое слово, довольны они, потому что пока эти заботы не коснулись их, потому что страх перед прошлым мешает им внимательнее взглянуть в будущее.

Ши ощутил легкое раздражение, выслушивая эти хлесткие обвинения, поэтому его ответ прозвучал резко.

— По-вашему, если люди хотят спокойной жизни, они преступники. Я достаточно хорошо знаю историю — нет, я достаточно хорошо знаю жизнь, — чтобы понимать: для людей единственная надежда на выживание заключена в этой обособленности от остальных рас, надежда восстановить все то, что было потеряно за последние две тысячи лет. Быть может, тогда люди поумнеют настолько, чтобы не потерять все во второй раз. Они ведь почти полностью уничтожили себя в Великих войнах постоянным вмешательством в дела других и собственным болезненным нежеланием жить обособленно.

Смуглое лицо Алланона окаменело.

— Я прекрасно знаю, к каким гибельным последствиям привели эти войны — плоды властолюбия и жадности, — которые человеческая раса вынуждена теперь расхлебывать по причине собственной беспечности и поразительной неадаптивности. Все это было давным-давно, но что изменилось? Ты думаешь, люди могут начать все сначала, Ши? Так знай — есть нечто неизменное в человеческой природе, и во власти всегда таится опасность, даже для расы, почти полностью уничтожившей себя. Великие войны прошлого стали историей, войны народов, правителей и патриотов, те последние войны за абсолютную, непререкаемую власть. Но сейчас перед нами возникла новая опасность, и никогда еще не было более сильной угрозы самому существованию народов! Если ты думаешь, что люди вольны строить новую жизнь, отгородившись от всего остального мира, тогда ты вообще ничего не понимаешь в истории!

Он внезапно замолчал, и его утробное лицо исказилось от гнева. Ши стойко выдержал его взгляд, хотя в душе чувствовал себя маленьким и напуганным.

— Ладно, довольно об этом, — снова заговорил Алланон и дружески сжал плечо Ши своей сильной рукой, лицо его смягчилось. — Прошлое осталось в прошлом, а мы должны беспокоиться о будущем. Позволь мне коротко напомнить тебе историю Северных земель и легенду о королевстве Черспа. Ты, я уверен, знаешь, что Великие войны знаменовали

конец эпохи, когда люди были главенствующей расой. Человечество было почти полностью истреблено, и даже привычная география совершенно изменилась, мир стал неузнаваем. Целые страны, народы и правительства исчезли, когда последние представители человечества бежали на Юг, чтобы спастись. Прошла почти тысяча лет, прежде чем люди снова поднялись выше уровня животных, на которых они охотились ради пищи, и основали развивающуюся цивилизацию. Конечно, она была примитивной, однако в ней поддерживался порядок и подобие правительства. И вот тогда люди обнаружили, что в мире помимо них обитают и другие народы, существа, пережившие Великие войны и развившиеся в самостоятельные расы. В горах жили гигантские тролли, могучие и свирепые, но вполне довольные тем, что у них есть. На холмах и в лесах селились низкорослые коварные существа, которых мы теперь называем карликами. В годы, пришедшие за Великими войнами, люди и карлики часто воевали друг с другом за право обладать землями, и эти войны болезненно сказывались на обеих расах. Но они дрались, чтобы выжить, а рассудительность не свойственна существам, которые сражаются за жизнь.

Люди обнаружили и еще один народ, который, спасаясь от ужасов Великих войн, переселился под землю. Годы жизни под толщей земли, в огромных пещерах, куда не проникает солнечный свет, сильно изменили их облик. Плотные и низкорослые, с могучими руками и грудью, с крепкими мускулистыми ногами, они с легкостью карабкались и пробирались по подземным норам. Как никакой другой народ, они прекрасно видели в темноте, зато при свете дня становились беспомощными. Много сотен лет они прожили под землей, пока не начали снова выбираться на поверхность. Сначала видели они плохо, поэтому строили дома в самых темных лесах Восточных земель. Они создали собственный язык, хотя позже вернулись к языку людей. Когда люди впервые натолкнулись на этих обитателей затерянных лесов, они называли их гномами в честь выдуманного народа прежних дней.

Алланон замолчал и несколько минут задумчиво смотрел на лесистые верхушки холмов, сверкающие на солнце. Ши

размышлял над словами историка. Он никогда не видел троллей, а карликов и гномов видел всего пару раз в жизни и помнил их облик довольно смутно.

— А что случилось с эльфами? — спросил он наконец.

Алланон задумчиво посмотрел на него и чуть наклонил голову.

— Да-да. Я не забыл о них. Удивительные существа, эльфы. Может даже, величайший народ из всех, хотя никто пока этого не понимает. Впрочем, рассказ об эльфийском народе мы отложим до следующего раза, скажу лишь, что они всегда жили в бескрайних лесах Запада, хотя теперь другие народы видят их нечасто.

А пока давай выясним, насколько хорошо ты знаком с историей Северных земель, мой юный друг. В наши дни эта суровая сторона населена почти одними троллями, другие народы редко забредают в бесплодные зловещие пустоши, не говоря уже о том, чтобы селиться там. А вот тролли могут выживать и в таком мрачном краю. Люди в наши дни обитают на теплых плодородных землях Юга, в стране мягкого климата и зеленых лугов. Они позабыли, что некогда на Севере жили и гномы, и тролли, и карлики равнин и лесов, да и сами люди. И было это в ту пору, когда все народы только начинали заново восстанавливать цивилизацию, с новыми стремлениями, новыми законами и множеством новых культур. Будущее представлялось радужным и счастливым, однако сегодня люди напрочь забыли о тех временах, забыли, что они не просто проигравший народ, который пытается обособиться от тех, кто его победил и унизил. Тогда не было разделения на страны. Была возрожденная земля, где каждому народу была предоставлена вторая попытка воссоздать мир. Разумеется, они не сознавали всей важности такого подарка судьбы. Они были слишком сосредоточены на том, чтобы удержать земли, которые считали своими, и обустроить свои собственные укромные мирки. Каждый народ был уверен, что именно ему суждено стать главной силой на много лет вперед, — они были похожи на стаю злобных крыс, караулящих жалкий черствый кусок сыра. А люди, о да, они, при всем своем вели-

чили, унижались и грызлись за свой кусок пирога, как и все остальные. Ты знаешь об этом, Ши?

Юноша медленно покачал головой, отказываясь верить собственным ушам. Ему рассказывали, что со времен Великих войн люди подвергались жестоким гонениям, что они сражались за свою жизнь и достоинство, пытаясь защитить принадлежавший им клочок земли от диких невежественных народов. Люди никогда не были зачинщиками завоевательных войн, напротив — они только защищались. Наблюдая, как изменилось лицо юноши, Алланон мрачно хмыкнул, и губы его искривились в довольной усмешке.

— Вижу, ты удивлен. Что ж, думаю, ты услышишь еще много нового для себя. Человечество никогда не было тем великим народом, каким себя воображало. В те давние времена люди дрались, как и все остальные, хотя, не спорю, у них было больше понятий о чести и желание строить мир заново в отличие от некоторых других народов, да еще они были чуть более цивилизованными. — Историк намеренно выделил голосом последнее слово, проговорив его с нескрываемым сарказмом. — Однако все это имеет мало общего с главной темой нашей беседы, к которой я надеюсь в скором времени подобраться.

Приблизительно в то же время, когда расы обнаружили существование друг друга и начали сражаться за главенство, Совет друидов впервые открыл залы Паранора на краю Северных земель. Истории мало известно о происхождении и устремлениях друидов, хотя считается, что это были высокообразованные представители всех рас, сведущие во многих утраченных искусствах старого мира. Философы и духовидцы, знатоки искусств и всевозможных наук, они были наставниками рас и делились с народами своими знаниями о новой жизни. Возглавлял их человек по имени Галафил, историк и философ, как и я, он созвал величайших представителей разных народов вместе, чтобы основать Совет, способный учредить мир и порядок. Он полагался на умение друидов направлять расы, на их способность даровать знания, приобретая взамен доверие людей.

Друиды были по-настоящему могущественной силой в те годы, и план Галафила, казалось, получил блистательное воплощение. Однако время шло, и стало ясно, что некоторые члены Совета обладают способностями, намного превосходящими возможности других, могущество это до поры до времени дремало и крепло в нескольких гениальных умах. Мне сложно вкратце объяснить тебе, что это была за сила, на это потребуется время, которого у нас почти не осталось. Скажу лишь, что некоторые наиболее выдающиеся члены Совета пришли к убеждению, будто бы им назначено судьбой определять будущее народов. В итоге они покинули Совет, создали собственное сообщество и на некоторое время исчезли из виду, а вскоре и вовсе были позабыты.

Спустя полтора века среди людей разразилась ужасная гражданская война, которая постепенно переросла в Первую войну рас, как называли ее историки. Причины, вызвавшие свирепую бойню, были неясны даже тогда, а теперь почти забыты. Говоря простыми словами, маленькая группа людей восстала против учения Совета и создала сильную, прекрасно обученную армию. Своей целью восставшие провозгласили порабощение других народов ради возвышения рода человеческого. Постепенно им удалось увлечь своими мыслями почти всех людей, и началась война против других рас, якобы ради осуществления этой новой идеи. Главной фигурой в той войне стал человек по имени Брона, что на языке древних карликов означает «учитель». Говорили, что он возглавлял друидов первого Совета, которые откололись от остальных и исчезли в Северных землях. Однако никто ни разу не видел его и не разговаривал с ним, поэтому было решено, что Брона — это лишь имя, выдуманный герой. Мятеж, если можно его так назвать, был в конце концов подавлен объединенными силами друидов и союзными войсками других рас. Ты знал об этом, Ши?

Юноша кивнул и слабо улыбнулся.

— Я слышал о Совете друидов, о его целях и делах, но все это древняя история, ведь Совета давно уже нет. О Первой войне рас я тоже слышал, хотя ваш рассказ немного отлича-

ется от того, что я знаю. Думаю, вы назвали бы мое толкование предвзятым. Эта война стала горьким уроком для человечества.

Алланон терпеливо ждал, пока Ши молча перебирал в памяти свои познания в истории, прежде чем продолжить.

— Я знаю, что уцелевшие люди после войны бежали на Юг, с тех пор они так и живут здесь, заново отстроили разрушенные дома и оставленные города и пытаются создавать жизнь, а не уничтожать ее. Вы считаете их стремление к уединению порождением страха. Но я думаю, такой образ жизни был и останется лучшим. Верховная власть всегда была пагубна для людей. Теперь ее нет, маленькие сообщества создали свой уклад жизни. Кое о чем нам всем лучше позабыть.

Великан засмеялся гулким печальным смехом, и Ши внезапно почувствовал себя глупо.

— Твои знания ничтожны, хотя в твоих рассуждениях немало правды. Тривиальность, мой юный друг, — это убогое порождение недалекости. Что ж, я не собираюсь сейчас спорить с тобой о хитростветениях социальных реформ, не говоря уже о политических веяниях. Все это может подождать до следующего раза. Расскажи-ка лучше, что тебе известно о персонаже по имени Брона. Быть может... нет, подожди минутку. Кто-то идет.

Не успел он договорить, как из-за угла гостиницы показалась коренастая фигура Флика. Увидев Алланона, тот резко остановился и замер в нерешительности, пока Ши не замахал ему. Он неуверенно подошел и остался стоять, не сводя глаз с темного лица великана, который медленно растянул губы в уже знакомой насмешливой улыбке.

— Я только хотел узнать, куда ты подевался, — начал Флик, обращаясь к брату. — Я вовсе не хотел мешать...

— Ты никому не помешал, — быстро отозвался Ши. Но Алланон, казалось, был иного мнения.

— Наш разговор предназначен только для твоих ушей, — заявил он ледяным тоном. — Если твой брат пожелает остаться, он предпримет тем самым свою судьбу. Я предпочел бы, чтобы он не только не слышал нашей дальнейшей беседы,

но и вообще забыл, что мы с тобой когда-либо разговаривали. Впрочем, выбор за ним.

Братья переглянулись, сначала им показалось, что великан шутит. Однако угрюмое лицо Алланона не оставляло никаких сомнений в серьезности его слов, и юноши не сразу решились ответить. Первым заговорил Флик.

— Не имею ни малейшего понятия, о чем вы тут говорили, но мы с Ши братья, и каждый из нас готов разделить судьбу другого. Случись с ним беда, я поддержу его, и уж точно сделаю это по собственному выбору.

Ши в изумлении смотрел на брата. За всю жизнь он ни разу не слышал, чтобы Флик высказывался о чем-нибудь с такой решимостью. Он ощутил прилив гордости за брата и благодарно улыбнулся ему. Флик быстро подмигнул в ответ и уселся, не глядя на Алланона. Мрачный философ поскреб короткую черную бороду и совершенно неожиданно улыбнулся.

— Ты действительно волен сам принимать решение, и твои слова убедили меня, что ты любишь своего брата. Однако важны не слова, а поступки. Скоро ты можешь пожалеть о своем выборе...

Он надолго замолчал, задумчиво глядя на склоненную голову Флика, и наконец снова повернулся к Ши.

— Что ж, я не стану повторять все сначала ради твоего брата. Придется ему самому додумываться. Итак, расскажи мне, что ты знаешь о Броне.

Ши немного подумал и пожал плечами.

— Я знаю очень немного. Как вы и сказали, он просто вымысел, мифический предводитель восставших, которые начали Первую войну рас. Говорят, он был друидом, но вышел из Совета и использовал черную магию, чтобы повелевать умами своих последователей. Никто никогда не видел его, ни среди пленных, ни среди убитых в последнем сражении. Его просто не существовало.

— Что ж, довольно точно с точки зрения истории, — пробормотал Алланон. — А что ты знаешь о его участии во Второй войне рас?

Ши улыбнулся.

— Ну, легенда гласит, что он сыграл главную роль в этой войне, но это тоже оказалось вымыслом. Говорили, будто это тот же человек, который собрал армию людей в Первую войну, только теперь его уже звали Повелителем чародеев. Еще я слышал, что он был лютым врагом друида Бремена и тот убил его во Второй войне. Только это все равно сказки.

Флик согласно кивал, но Алланон хранил молчание. Ши надеялся услышать от него слова одобрения, явно озадаченный странными вопросами историка.

— К чему вообще весь этот разговор? — спросил он резко.

Алланон пристально поглядел на него, удивленно приподняв черную бровь.

— А ты весьма нетерпеливый юноша. Разве мы только что, за считанные минуты, не охватили тысячелетнюю историю? Впрочем, если ты сумеешь хотя бы ненадолго обуздать свое нетерпение, я, пожалуй, отвечу на твой вопрос.

Смутившись, Ши едва заметно кивнул. Его заделли не сами слова, а насмешливый тон Алланона. Впрочем, юноша быстро овладел собой и пожал плечами, показывая смиренную готовность выслушать неторопливый рассказ историка.

— Прекрасно, — одобрительно произнес Алланон. — Я постараюсь не утомить тебя. Все, о чем я говорил до сих пор, было лишь прологом к главной части нашей беседы — для чего я искал именно тебя. Позволь вкратце напомнить тебе о событиях Второй войны рас, самой последней войны в новейшей истории человечества, которая завершилась в Северных землях чуть менее пятисот лет назад. Люди не принимали участия в той войне; после того как они проиграли Первую войну, они жили небольшими группками в самом сердце Южных земель, отчаянно пытаясь выстоять перед угрозой полного истребления. Это была война великих рас — в ту славную эпоху эльфийский народ вместе с гномами сражался против диких орд скальных троллей и хитроумных карликов.

После Первой войны рас мир был поделен на четыре части, которые существуют и поныне. Все народы довольно долго не враждовали. Сила и влияние Совета друидов в ту

пору заметно уменьшились, ибо надобность в его помощи отпала. Справедливости ради стоит заметить, что друиды и сами проявляли все меньше заботы о народах, а с годами новые члены Совета совершенно утратили интерес к первоначальной цели его создания, отвернулись от чаяний народов и сосредоточились на собственных нуждах. Они стали вести уединенную жизнь, занимаясь лишь собственными исследованиями и размышлениями. Эльфы были самым могущественным народом в ту пору, но они жили обособленно и не стремились нарушить свое уединение, о чем потом горько сожалели. Прочие народы были разобщены, селились в основном на Востоке маленькими сообществами, хотя некоторые жили и на Западе, и на Севере, в приграничных областях.

Вторая война рас началась, когда гигантская армия троллей спустилась с Чарнальских гор и захватила все Северные земли, включая крепость друидов в Параноре. Друидов предали свои же товарищи, поддавшиеся на обещания командующего вражеской армией, имя которого на тот момент было неизвестно. Оставшихся друидов, за исключением тех немногих, которых просто не было в крепости, и тех, кому удалось бежать, бросили в подземелья Башни. Большие их никто никогда не видел. Немногие уцелевшие друиды разбрелись по всему миру, скрываясь от посторонних глаз. Армия троллей немедленно выступила против гномов, живших в Восточных землях, стремясь как можно скорее сломить их сопротивление. Однако гномы отступили в самое сердце непроходимых лесов Анара, где только они и умели выживать, и там держали оборону, отбрасывая атаки армии троллей, несмотря на помощь, которую тем оказывали некоторые племена карликов, присоединившиеся к войскам захватчиков. Король гномов, Рейбур, оставил в летописях имя настоящего врага своего народа. Это был мятежный друид Брона.

— Как король гномов мог в такое поверить? — быстро вставил Ши. — Если бы это оказалось правдой, Повелителю чародеев было бы больше пятисот лет! Скорее всего, какому-то честолюбивому мистика удалось внушить нелепую мысль королю, в надежде воскресить забытую легенду, чтобы упро-

чить свое положение при дворе. Или с какой-нибудь другой целью...

— Что ж, возможно, — признал Алланон. — Но позволь мне продолжить рассказ. Борьба велась уже много месяцев, тролли, судя по всему, сочли армию гномов разбитой и повели свои легионы на запад, чтобы выступить против могущественного королевства эльфов. Однако в те месяцы, пока тролли сражались с гномами, несколько друидов, которым посчастливилось сбежать из Паранора, собрались под началом знаменитого ученого Бремена, уважаемого старейшины Совета. Он повел их в эльфийское королевство, чтобы предупредить гордый народ о новой угрозе и подготовить к неизбежному вторжению северян. В те годы эльфами правил король Джерл Шаннара, самый великий из всех эльфийских королей, за исключением, пожалуй, Эвентина. Бремен предупредил короля о возможном нападении на его земли, и эльфийский правитель быстро подготовил войска, до того как тролли успели подойти к его границам. Я уверен, ты достаточно хорошо знаешь свою историю и помнишь, чем закончилась битва, Ши, однако хочу обратить твое внимание на некоторые подробности, которых я коснусь сейчас.

Ши и взволнованный Флик разом кивнули.

— Друид Бремен дал Джерлу Шаннаре особенный меч для войны с троллями. Тот, в чьих руках находился этот меч, был неуязвим, даже ужасный Повелитель чародеев не мог причинить ему вреда. Когда легионы троллей вошли в долину Ренн на границе эльфийских земель, армии эльфов из высокогорья взяли их в кольцо. Два дня длилась жестокая кровавая битва. Эльфов возглавляли друиды и Джерл Шаннара, у которого был тот самый великий меч, подарок Бремена. Они вместе сражались с армией троллей, которым, по слухам, помогали существа из призрачного мира, слуги Повелителя чародеев. Однако доблесть эльфийского короля и сила легендарного меча сломили призраков и уничтожили их. Когда же остатки армии троллей попытались бежать обратно в безопасные Северные земли через равнины Стрелехейма, они оказались зажатými между преследующей их арми-

ей эльфов и приближающейся с востока армией гномов. Завязалась ужасная битва, и армия троллей была почти полностью уничтожена. Во время побоища Бремен бесследно исчез, сражаясь бок о бок с королем эльфов и вызвав на поединок самого Повелителя чародеев. В летописях сказано, что и друид, и чернокнижник стинули во время битвы и больше их никогда не видели. Даже тел не нашли.

Джерл Шаннара не расставался с подаренным мечом до самой смерти, а умер он несколькими годами позже. Его сын передал оружие Совету друидов в Параноре, и клинок был возложен на огромный Тре-Камень и помещен под своды Башни друида. Я уверен, что ты и сам прекрасно знаком с легендой о мече и понимаешь, как много она значит для всех народов. Сегодня великий меч покоится в Параноре, как и пятьсот лет назад. Достаточно ли ясно я изложил все события, молодые люди?

Флик завороченно кивнул, вмиг позабыв все слова. Однако Ши внезапно разозлился и решил, что с него довольно. В рассказе Алланона не было ни слова правды, а иначе юноше пришлось бы навсегда забыть о том, чему его учили в детстве. Странник просто пересказал им красивую сказку, которая поколениями передавалась из уст в уста. Ши терпеливо выслушал все небылицы, которые Алланон преподнес им под видом истории народов, не переча ему лишь из уважения к славе почтенного гостя. Однако вся эта история о волшебном мече была просто смешна, и Ши больше не хотел изображать из себя доверчивого простака.

— Но при чем здесь ваше появление в Тенистом Доле? — настойчиво спросил он, и легкая усмешка выдала его раздражение. — О битве пятисотлетней давности мы всё знаем, люди в ней даже не участвовали, а только тролли, эльфы, гномы и бог знает кто еще, как вы нам и рассказали. Да, я забыл о призраках. Простите мою неучтивость, но мне трудно принять на веру эту сказку. Всем народам давно известна легенда о мече Шаннары, но это лишь вымысел, красивое предание, выдуманное для того, чтобы потомкам было чем гордиться. Но легенда о волшебном мече просто сказочка для детей,

и взрослым не пристало повторять ее с серьезным видом. Для чего вы пересказываете мне все эти нелепицы? Почему просто не ответите на мой вопрос — зачем вы искали меня?

Ши внезапно осекся, заметив, как напряглось лицо Алланона и почти почернело от гнева, косматые брови сдвинулись на переносице, щелчки глаз вспыхивали зловещими огоньками. Казалось, великан едва сдерживает ярость, хлопотавшую внутри, и на мгновение Ши испугался, что Алланон вот-вот придавит его своими ручищами.

— Глупец... какой же ты глупец! — выдохнул гигант, с трудом сдерживая гнев. — Вы ничего не знаете... дети! Разве может человечество вообще знать правду, если страх загнал людей в самую глушь Южных земель, где они и прятались в своих жалких домишках, словно испуганные кролики? И ты смеешь утверждать, будто бы я рассказываю небылицы, ты, кто никогда не знал войн и всю жизнь просидел в безопасности в своем драгоценном Доле! Я пришел в поисках потомка королей, а нашел маленького мальчика, которому лож милее правды. Ты всего лишь ребенок!

Флик искренне мечтал провалиться сквозь землю или хотя бы просто исчезнуть, когда, к своему изумлению, увидел, как Ши вскочил на ноги и встал перед великаном, его худое лицо пылало от гнева, а руки сами сжались в кулаки, пока он пытался совладать с собой. Негодование душило юношу, он даже не мог говорить; дрожа от злости и унижения, он беспомощно стоял перед своим грозным обвинителем. Впрочем, на Алланона это не произвело впечатления, и его низкий голос зазвучал снова.

— Успокойся, Ши! Неставляй себя еще большим дураком. Внимательно слушай мои слова. Все, о чем я сейчас рассказывал, на протяжении веков передавалось как легенда, и легендой дошло до людей. Однако время сказок прошло. Весь мой рассказ от начала до конца истинная правда. Меч существует, он хранится в Параноре. Но самое главное — Повелитель чародеев тоже существует. Он жив и поныне, и королевство Черепа — его владения!

Ши вздрогнул, внезапно осознав, что великан вовсе не пытается обмануть его, Алланон искренне верил в правди-

вость своего рассказа. Юноша успокоился и медленно сел на место, не отводя взгляда от темного лица историка. Внезапно он вспомнил слова загадочного странника.

— Вы сказали — короля... вы ищете короля?

— О чем говорится в легенде о мече Шаннары, Ши? О чем гласит надпись, высеченная на глыбе Тре-Камня?

Сбитый с толку, Ши не мог вспомнить ни одной легенды.

— Я не знаю... не помню точно. Что-то о будущем...

— Потомок! — вдруг раздался голос Флика. — Когда Повелитель чародеев снова появится в Северных землях, явится потомок рода Шаннары, чтобы поднять меч против него. Об этом гласит легенда!

Ши посмотрел на брата и вспомнил слова, высеченные на камне. Он снова перевел взгляд на Алланона, который пристально всматривался в него.

— Но при чем здесь я? — сбивчиво проговорил он. — Я не потомок рода Шаннары, я даже не эльф. Жалкий полукровка, а никакой не король. Эвентин — вот настоящий король. Только не говорите мне, будто я пропавший наследник. Я никогда в это не поверю!

Он быстро обернулся к Флику в поисках поддержки, но его брат зачарованно смотрел в лицо Алланону. И тогда загадочный великан тихо заговорил:

— В тебе действительно течет эльфийская кровь, Ши, и ты не родной сын Кёрзата Омсфорда. Это ты должен знать. А Эвентин не прямой наследник Шаннары.

— Я всегда знал, что я приемный сын, — подтвердил юноша, — но я точно не могу принадлежать к... Флик, ну скажи ему!

Но брат только завороченно смотрел на него, не в силах выговорить ни слова. Ши вдруг замолчал и отчаянно встряхнул головой. Алланон кивнул.

— Ты потомок рода Шаннары, пусть только наполовину и далек от прямой линии наследников, которая насчитывает более пятисот лет. Я знал тебя еще ребенком, до того как Омсфорды приняли тебя в свою семью. Твой отец был эльфом, а твоя мать принадлежала к расе людей. Оба они умер-

ли, когда ты был слишком мал, и Кёрзат Омсфорд воспитал тебя как собственного сына. Но все-таки ты потомок Джерла Шаннары, хотя и дальний и не чистой эльфийской крови.

Ши рассеянно кивал, слушая объяснения историка. Он все еще отказывался верить его словам. Флик смотрел на брата так, словно видел его первый раз в жизни.

— И что теперь будет? — нетерпеливо спросил он у Алланона.

— Все, что я рассказал вам, известно Властелину тьмы, хотя он пока и не знает, кто ты и где живешь. Однако рано или поздно его лазутчики выследят тебя, и тогда смерть твоя неминуема.

Ши резко вскинул голову и испуганно посмотрел на брата, вспомнив его рассказ о гигантской тени, которую тот видел на границе Дола. Флик тоже ощутил внезапную дрожь, вспомнив леденящий ужас, охвативший его.

— Но почему? — быстро спросил Ши. — За что ему меня убивать?

— Ты должен многое понять, Ши, прежде чем найдешь ответ на свой вопрос, — отозвался Алланон, — а у меня нет времени на долгие объяснения. Ты должен верить моим словам. Ты потомок Джерла Шаннары, в тебе течет эльфийская кровь, и Омсфорды — твоя приемная семья. Ты был не единственным потомком великого рода, но ты единственный, кто остался в живых. Все остальные были чистокровными эльфами, и Властелину тьмы не составило труда найти и уничтожить их. Именно это так долго защищало тебя от его внимания, Повелитель чародеев просто не знал, что в Южных землях живет еще один наследник, полукровка. Он знал только об эльфах.

Ты должен понять, что сила меча безгранична, и Брона живет в постоянном страхе перед этим единственным оружием, которому он не может противостоять. Легенда о мече — могучий оберег в руках народов, и Брона вознамерился положить конец легенде. Он полон решимости уничтожить на корню весь род Шаннары, чтобы ни один потомок короля не смог поднять меч против него.

— Но я ничего не знал о мече, — возразил Ши. — Я даже не знал, кто я такой, и о Северных землях не слышал...

— Это ничего не значит! — резко оборвал его Алланон. — Голько мертвый ты не будешь опасен для Броны.

Его голос перешел в усталый шепот, и он снова обернулся, чтобы посмотреть на далекие вершины холмов над кронами раскидистых ильмов. Ши лег на мягкую траву и посмотрел в бледно-голубое зимнее небо с легкими белыми облачками, которые выплывали из-за высоких холмов. На несколько сладких мгновений присутствие Алланона и угроза смерти отступили под усыпляющим теплом полуденного солнца и приятной прохладой от тени величественных деревьев. Он закрыл глаза и подумал о своей жизни в Доле, о планах, которые они строили вместе с Фликом, о надеждах на будущее. Если слова историка верны, мечтам не суждено было сбыться. Он лежал неподвижно, задумчиво глядя перед собой, и наконец сел.

— Не знаю, что и думать, — начал он медленно. — Столько вопросов. У меня просто в голове не укладывается, что я не Омсфорд и мне угрожает какой-то... сказочный герой. Что же мне делать?

Алланон впервые дружески улыбнулся.

— Пока ничего. Сейчас опасность тебе не грозит. Подумай о том, что я тебе рассказал, а позже мы обсудим все трудности. Я буду рад ответить на твои вопросы. Но только никому ничего не рассказывай, даже отцу. Веди себя так, словно этого разговора никогда не было, пока у нас не появится повод все обсудить.

Молодые люди переглянулись и согласно кивнули, хотя плохо представляли, как можно делать вид, что ничего не произошло. Алланон молча поднялся, разминая затекшие мышцы. Братья тоже встали и стояли в ожидании, пока он глядел на них сверху вниз.

— Легенды и предания прошлого появятся в мире будущего. Порождения злобы, жестокости и коварства, которые спали долгие века, пробудились. Тень Повелителя чародеев расползается по всем четырем землям.

Он внезапно умолк.

— Я не хотел быть грубым, — он неожиданно мягко улыбнулся, — но если моя грубость окажется самым худшим из того, что тебя ждет в ближайшие дни, можешь считать себя счастливым. Тебе грозит по-настоящему серьезная опасность, это не волшебная сказочка, над которой можно посмеяться и забыть. Не надейся на снисхождение. Ты узнаешь о жизни много такого, что тебе не понравится.

Алланон замолчал, возвышаясь серой тенью на фоне далеких холмов, плащ полностью скрывал его костлявую фигуру. Потом историк протянул длинную руку и крепко сжал худенькое плечо Ши, на одно короткое мгновение они словно стали единым целым. А потом Алланон стремительно развернулся и ушел.

Глава 3

Надежды Алланона на то, что они смогут продолжить беседу в гостинице, не сбылись. Он покинул братьев, когда те негромко разговаривали на заднем дворе дома, и отправился в свою комнату. Вскоре Ши и Флик вернулись к прерванным делам, а через некоторое время отец отослал их с поручением на северную границу долины, за пределы Тенистого Дола. Когда они вернулись, уже стемнело, и братья поспешили в общую комнату, надеясь засыпать историка новыми вопросами, однако Алланона там не оказалось. Они наспех поужинали, не смея обсуждать в присутствии отца то, что случилось днем. После ужина они прождали в гостиной почти час, но историк так и не появился. Отец уже давно отправился на кухню, и наконец братья решили заглянуть в комнату своего загадочного постояльца. Флик не особенно рвался искать мрачного странника, особенно после своей встречи с ним по дороге домой, но, поддавшись настойчивым уговорам брата, согласился в надежде, что вдвоем они будут в большей безопасности.

Когда они дошли до комнаты Алланона, выяснилось, что дверь не заперта, а их таинственный знакомый исчез. Комната выглядела так, словно ею никто и не пользовался. Братья торопливо обыскали гостиницу и пробежались вокруг дома, но Алланона нигде не было. После бесплодных поисков им пришлось смириться, что некая неведомая причина вынудила его покинуть Тенистый Дол. Вслух Ши возмущался внезапным исчезновением историка, но в то же время в душе его росло беспокойство из-за того, что покровительство Алла-

нона больше не защищало его. Флик же, напротив, был совершенно счастлив уходу странного гостя. Сидя рядом с Ши на высоком стуле с жесткой спинкой и глядя на огонь в общей комнате гостиницы, он пытался убедить брата, что все, что ни делается, — к лучшему. Лично он так до конца и не поверил этим рассказам о войнах на Севере и о мече Шаннары, уверял Флик, и даже если что-то из всего сказанного правда, то уж конечно небылицы о происхождении Ши и смертельной угрозе Бронны явное преувеличение, просто нелепая сказка.

Ши молча слушал путаную болтовню Флика, согласно кивая время от времени, но его мысли были всецело поглощены собственным будущим. Он по-прежнему сомневался в словах историка. И все же — для чего Алланон пришел к нему? Казалось, он явился лишь для того, чтобы открыть юноше удивительную тайну его происхождения, а затем исчез, ни словом не обмолвившись о своих намерениях. Быть может, он просто хотел использовать Ши как марионетку? И снова юношу терзали сомнения, а новые вопросы оставались без ответа.

В конце концов Флику надоело давать советы молчащему брату, он тяжело опустился на стул и невидящим взглядом уставился на потрескивающий огонь. Ши все еще обдумывал рассказ Алланона, пытаясь решить, что делать дальше. Но через час мучительных раздумий он в отчаянии взмахнул руками и понял, что в голове по-прежнему царит полная неразбериха. Выбежав из гостиной, юноша направился в их комнату, верный Флик неотступно следовал за ним. Они избегали говорить о том, о чем каждый не переставал думать ни на минуту. Добравшись до маленькой спальни в восточном крыле, Ши мрачно опустился на стул, а Флик тяжело повалился на кровать и уставился в потолок.

В комнате мерцал тусклый свет от двух свечей, стоявших в подсвечнике на маленьком столике у кровати, и Флик вскоре почувствовал, как дремота одолевает его. Он заставил себя взбодриться и, вытянув руки над головой, натолкнулся на сложенный листок бумаги, заткнутый между матрасом и из-

головьем кровати. Охваченный любопытством, он поднес листок к глазам и увидел, что письмо адресовано Ши.

— Что это? — пробормотал он, протягивая листок при- тихшему брату.

Ши сломал печать на бумаге и спешно пробежал глазами строчки. Едва начав читать, он негромко присвистнул и вскочил со стула. Флик быстро сел на кровати, догадываясь, кто оставил записку.

— Это от Алланона, — подтвердил Ши подозрения брата. — Только послушай, Флик.

«У меня нет времени разыскивать тебя и вступать в дальнейшие разъяснения. Произошло некое событие чрезвычайной важности, и я должен немедленно отправляться в путь, возможно, я уже опоздал. Ты должен доверять мне и верить тому, что я рассказал, даже если я уже не смогу вернуться в долину.

Тенистый Дол недолго останется безопасным местом, ты должен быть готовым к бегству в любой момент. В случае опасности ты найдешь убежище в Кулхейвене, в лесах Анара. Я при- шлю друга, который проводит тебя. Полностью доверься Ба- линору.

Никому не рассказывай о нашем знакомстве. Тебе угрожает чудовищная опасность. В кармане твоего малинового дорож- ного плаща я оставил маленький мешочек с тремя эльфийски- ми камнями. Они станут твоими проводниками и защитни- ками, когда не останется иных средств. Будьте осторожны: эти камни предназначены только для Ши и использовать их сле- дует только тогда, когда все остальные возможности исчер- паны.

Знак Черепа послужит тебе сигналом к бегству. Да пребу- дет с тобой удача, мой юный друг, пока мы не встретимся снова».

Ши взволнованно посмотрел на брата, однако подозри- тельный Флик недоверчиво покачал головой и мрачно на- хмурился.

— Я ему не доверяю. Как он там говорит — Череп и эль- фийские камни? Никогда в жизни не слышал о месте под на-

званием Кулхейвен, а Анарские леса находятся во многих милях от нас, в нескольких днях пути. Мне все это не нравится.

— Камни! — воскликнул Ши и бросился к своему дорожному плащу, который висел в высоком угловом шкафу.

Несколько минут он рылся в одежде, пока обеспокоенный Флик наблюдал за ним, а потом медленно отступил назад, осторожно держа на ладони правой руки маленький кожаный мешочек. Он поднял его и взвесил на руке, показывая брату, а затем поспешно сел на кровать. Мгновение спустя он развязал шнурок и высыпал содержимое мешочка на ладонь. Оттуда выкатились три темно-голубых камешка, каждый размером с обычную гальку. Искусно ограненные камни ярко сияли в слабом свете свечей. Братья заворуженно смотрели на них, готовые к чудесному зрелищу. Но ничего не происходило. Камни недвижно лежали на ладони Ши, поблескивая, словно маленькие голубые звезды, сорванные с неба, такие чистые, что сквозь них можно было смотреть, как через цветные стеклышки. Наконец, после того как Флик набрался храбрости и потрогал один камешек, Ши ссыпал их обратно в мешок и засунул в карман рубашки.

— Что ж, о камнях он не солгал, — произнес Ши.

— Может, и так, только кто знает, что они эльфийские, — недоверчиво возразил Флик. — Ты же их не видел? Что он там еще пишет? Я вот никогда не слышал о человеке по имени Балинор, и о Кулхейвене никогда не слышал. Мы должны как можно скорее забыть о всей этой истории, особенно о встрече с Алланом.

Ши с сомнением покачал головой, не зная, что ответить брату.

— Слушай, может, не стоит так волноваться? Будем просто внимательно следить за появлением знака Черепа, как бы он ни выглядел, и дожидаться друга Алланона. Может, ничего и не произойдет.

Флик еще несколько минут ворчал о своем недоверии к содержанию письма и к его автору, прежде чем ему наскучило. Оба брата устали за день и решили лечь спать. Задув свечи, Ши осторожно положил под подушку мешочек с камнями.

ми, чтобы ощущать их щекой. Пусть Флик думает, что хочет, но он решил отныне никогда не расставаться с камнями.

На следующее утро пошел дождь. Черные клубящиеся тучи неожиданно напозли с севера и затянули всю долину, полностью поглотив солнце и синеву неба. На маленький поселок обрушились свирепые потоки колючего дождя. Все работы в полях тут же остановились, походы из долины и обратно прекратились, сначала на день, затем на два, а потом на целых три дня. Разразилась настоящая буря, ослепительные росчерки молний прорезали черное небо, а от зычных раскатов грома, которые следовали один за другим и сменялись неспешным зловещим рокотом, доносящимся откуда-то с севера, вся долина содрогалась, словно при землетрясении. Дождь лил три дня, и жители Дола начали опасаться, что потоки воды, скопившись на вершинах окрестных холмов, смоят их дома и ничем не защищенные поля. Жители долины каждый день собирались в гостинице у Омсфордов, высказывали свои опасения за кружкой пива, опасливо поглядывая на завесу дождя, который безостановочно хлестал за мокрыми окнами. Братья молча прислушивались к разговорам и вглядывались в озабоченные лица напуганных земляков, которые собирались маленькими группками в битком набитой гостинице. Сначала все надеялись, что буря вот-вот прекратится, но прошло три дня, а небо по-прежнему скрывала черная завеса.

К полудню четвертого дня дождь перешел из ровного ливня в теплую изморось, смешанную с густым туманом и сырым липким паром, который раздражал и выводил из себя всех и каждого. Толпа в гостинице начала редеть, люди возвращались к работе, и вскоре Ши с Фликом уже занимались ремонтом и генеральной уборкой. Буря разбила ставни и оторвала от крыши куски кровли, разбросав их вокруг дома. В крыше и стенах пристроек обнаружили протечки, а маленький сарай для инструментов на задворках гостиницы был смят в лепешку упавшим ильмом, который буря вырвала с корнем. Молодые люди потратили несколько дней, латая дыры, починяя крышу и меняя разбитые или унесенные

ветром ставни и кровельные доски. Это была утомительная работа, и время тянулось медленно.

Спустя десять дней дождь совершенно прекратился, гигантские тучи расступились, темное небо просветлело и засияло дружелюбной синевой, прорезанной легкими белыми облачками. Ожидаемые потоки с гор так и не сошли, и, когда обитатели Дола вернулись на поля, снова выглянуло теплое солнце и почва долины начала подсыхать; превращаясь из жидкой грязи в твердую землю. Повсюду стояли лужицы мутной воды, но и их с жадностью впитывала ненасытная земля. Вскоре даже лужи исчезли, долина стала такой же, как прежде, а ярость пронесшейся бури осталась лишь в смутных воспоминаниях.

Закончив работу в гостинице, Ши и Флик ремонтировали разрушенный сарайчик и прислушивались к обрывкам разговоров, жители Дола и постояльцы обсуждали страшный ливень. Никто не помнил таких неистовых гроз в это время года. Ненастье скорее напоминало зимние бури в высоких северных горах, когда могучие потоки воды смывали несчастных путников с перевалов и горных дорог. Неожиданная непогода вынудила всех в долине снова задуматься об упорных слухах о странных происшествиях на далеком Севере.

Братья внимательно прислушивались к разговорам, но так и не выяснили ничего интересного. Наедине они часто говорили об Алланоне и его удивительном рассказе о происхождении Ши. Категоричный Флик по-прежнему настаивал, что вся эта история либо глупость, либо скверная шутка. Ши терпеливо выслушивал его доводы, но все-таки не был готов отмахнуться от случившегося, как его брат. Однако хотя Ши не отвергал рассказ их недавнего гостя, принять его на веру он тоже не мог. Он чувствовал, что многие тайны остались для него нераскрытыми, ведь ни он, ни Флик так ничего и не узнали об Алланоне. И пока он не выяснит все, пусть все останется как есть. Мешочек с эльфийскими камнями он теперь постоянно носил с собой. Флик то и дело принимался бурчать о том, как глупо таскать с собой эти камни и верить, будто что-то из небылиц Алланона может оказаться

правдой, а Ши тем временем внимательно приглядывался ко всем чужакам, проезжающим через Дол, старательно рассматривая их пожитки в поисках чего-нибудь похожего на знак Черепа. Но время шло, так ничего и не высмотрев, он вскоре решил выбросить из головы всю эту историю и впредь не попадаться на удочку ловких мошенников, которые с легкостью могут одурачить такого легковверного простофилю, как он.

Прошло больше трех недель со дня внезапного исчезновения Алланона, прежде чем Ши изменил свое суждение. С самого утра братья пилили кровельные доски в долине и вернулись уже затемно. Отец сидел на своем излюбленном месте за длинным кухонным столом, склонившись над тарелкой с едой, от которой шел пар. Он приветствовал сыновей взмахом руки.

— Пока вас не было, тебе пришло письмо, — сообщил он и протянул Ши сложенный лист бумаги. — Написано, что от Лиха.

Ши удивленно воскликнул и нетерпеливо взял у отца письмо. Флик громко застонал.

— Я так и знал, так и знал, чудес не бывает, — пробурчал он. — Самый главный бездельник на всем Юге решил, что пора снова нас помучить. Порви это письмо, Ши.

Но Ши уже сломал печать, развернул бумагу и читал письмо, не обращая внимания на причитания Флика. А тот пожегся от негодования и упал на стул рядом с отцом, который вернулся к прерванному ужину.

— Он хочет знать, куда мы пропали, — засмеялся Ши. — Просит как можно скорее навестить его.

— Ну конечно, — пробормотал Флик. — Должно быть, попал в переделку и ищет, на кого свалить. Не лучше ли нам просто спрыгнуть с ближайшего утеса? Помнишь, что случилось в прошлый раз, когда Менион Лих пригласил нас в гости? Мы несколько дней плутали в Черных Дубах и нас едва не сожрали волки! Такое приключение не скоро забудешь. Да пусть меня заберет Тень, если я еще раз приму его приглашение!

Ши засмеялся и обнял Флика за плечи.

— Ты просто завидуешь ему, потому что Менион потомок королей и может жить так, как ему нравится.

— Только королевство его размером с лужу, — последовал колкий ответ. — Да и королевская кровь в наши дни недорого стоит. Взять хотя бы тебя...

Он осекся, закрыл рот и быстро огляделся. Оба покосились на отца, но тот явно ничего не слышал и был по-прежнему занят едой. Флик с виноватым видом пожал плечами, а Ши ободряюще улыбнулся брату.

— Тут в гостинице тебя искал какой-то человек, — неожиданно сообщил Кёрзат Омсфорд, поглядев на сына. — Он еще спрашивал о том долговязом путнике, что был у нас несколько недель назад. Никогда раньше не видел его в Доле. Он сейчас сидит в общем зале.

Флик медленно поднялся, скованный внезапным страхом. Взволнованный Ши поспешно махнул брату, которому не терпелось поделиться своими опасениями, и судорожно вцепился в нагрудный карман, удостовераясь, что эльфийские камни по-прежнему с ним.

— А как он выглядит? — быстро спросил Ши, не в силах придумать другой вопрос, чтобы узнать, не несет ли чужак знака Черепа.

— Точно не скажу, сынок, — невнятно ответил отец с набитым ртом, не поднимая головы от тарелки. — В длинном зеленом плаще. Днем приехал, лошадь у него что надо. Страсть как хотел тебя увидеть. Так что ступай поскорее и узнай, что ему нужно.

— А ты не заметил в нем ничего необычного? — спросил взбудораженный Флик.

Отец перестал жевать и, недоуменно хмурия брови, посмотрел на сына.

— О чем ты толкуешь? Мне что, нарисовать его мелом? Что с тобой?

— Ничего, не обращай внимания, — поспешно вмешался Ши. — Флик просто хотел спросить... не похожи этот путник на Алланона... Ну, ты помнишь.

— А, ясно. — Отец понимающе улыбнулся, а Флик подавил вздох облегчения. — Нет, я не уловил в нем сходства с тем

великаном, хотя этот человек тоже не маленький. Да, я заметил у него длинный шрам через всю правую щеку, похоже на след от ножа.

Ши благодарно закивал и быстро потащил Флика за собой, выходя в коридор и устремляясь к общему залу. Они подбежали к широким дверям и остановились, тяжело дыша. Ши осторожно приоткрыл одну створку и принялся оглядывать заполненную народом комнату. Сначала он не заметил ничего, кроме знакомых физиономий завсегдатаев пивной или обычных путников, проезжавших через Дол, но вдруг отпрянул от двери, захлопнул ее и повернулся к перепутанному Флику.

— Он там, сидит в углу, рядом с камином. Отсюда не видно, кто он и как выглядит, весь закутан в зеленый плащ, как отец и говорил. Надо подобраться поближе.

— Выйти туда? — ахнул Флик. — Ты что, спятил? Он сразу поймет, кто ты, если знает, кого ищет.

— Тогда иди ты, — твердо произнес Ши. — Сделай вид, будто хочешь подбросить дров в огонь, а сам рассмотри его. Ищи знак Черепа.

Флик широко распахнул глаза и развернулся, чтобы удрать, но Ши схватил его за руку и потащил обратно, силком пропихнул за дверь в общий зал, а сам быстро присел, чтобы его не заметили. Мгновение спустя он приоткрыл створку двери и стал наблюдать в щелочку, что происходит. Он увидел, как Флик нетвердым шагом прошел через комнату к камину и принялся не торопясь ворошить мерцающие угли, а потом подбросил в очаг еще одно полено из корзины. Флик тянул время, явно пытаясь найти место, откуда будет удобнее рассмотреть лицо незнакомца, закутанного в зеленый плащ. Путник сидел спиной к Флику, в нескольких футах от камина, полуобернувшись к двери, за которой прятался Ши.

Неожиданно, в ту же секунду, когда Флик, казалось, уже собирался уходить, незнакомец развернулся на стуле и быстро проговорил что-то, отчего Флик замер. Ши видел, как брат поворачивается к путнику и что-то отвечает, бросив быстрый взгляд в сторону его укрытия. Ши отпрянул в темно-

ту коридора и выпустил створку двери. Они выдали себя. Пока он размышлял, куда бежать, Флик пулей пролетел между створками дверей, лицо его побелело от страха.

— Он видел тебя за дверью. У этого типа глаза как у коршуна! Он велел мне привести тебя.

После минутного раздумья Ши безнадежно кивнул. Любые попытки убежать были напрасны.

— Может, он ничего не знает, — предположил он с надеждой. — Или хочет с нашей помощью найти Алланона. Будь осторожен, Флик, не болтай лишнего.

Он первым прошел через широкие распашные двери и направился к столу, за которым сидел незнакомец. Братья остановились у него за спиной в ожидании, но он, не поворачиваясь, жестом указал им на стулья. Они неохотно подчинились безмолвному приказу; все трое некоторое время не говорили ни слова, рассматривая друг друга. Незнакомец оказался крупным человеком крепкого сложения, хотя и ниже Алланона. Плащ полностью скрывал его тело, и они видели только голову. У него были суровые мужественные черты лица, приятные, если не считать темного шрама, который начинался у внешнего края правой брови и через щеку спускался ко рту. Его взгляд показался Ши удивительно мягким, карие глаза выдавали доброту, скрытую за суровой внешностью. Светлые волосы путника были коротко острижены и свободно падали на широкий лоб и небольшие уши. Ши рассматривал незнакомца и с трудом верил, что этот человек может оказаться врагом, о котором предупреждал Алланон. Даже Флик, казалось, позабыл все свои страхи в его присутствии.

— На игры нет времени, Ши, — вдруг произнес незнакомец мелодичным, но усталым голосом. — Осторожность, конечно, не помешает, только не ищи на мне знака Черепа. Я друг Алланона. Меня зовут Балинор. Я сын Рула Букхана, короля Каллахорна.

Братья сразу же узнали имя, но Ши не собирался верить на слово.

— Откуда мне знать, что ты тот, за кого себя выдаешь? — быстро проговорил он.

Путник улыбнулся.

— Оттуда же, откуда я знаю, что ты Ши. По трем эльфийским камням, которые ты носишь в кармане рубашки. Эти камни — подарок Алланона.

Взволнованный юноша едва заметно кивнул. Только тот, кого направил к ним долговязый историк, мог знать об волшебных камнях. Он придвинулся ближе к гостю.

— А что с Алланоном?

— Я и сам толком не знаю, — негромко отозвался их собеседник. — Уже две недели мы не виделись и я не получал от него никаких вестей. Когда мы расстались, он направлялся в Паранор. Ходили слухи, что на Башню напали, и он опасался за сохранность меча. И отправил меня сюда, чтобы защитить тебя. Я пришел бы раньше, если бы не буря... да еще те, кто хотел с моей помощью добраться до тебя.

Он помолчал, потом пристально посмотрел на Ши, взгляд карих глаз внезапно стал жестким.

— Алланон открыл тебе правду о твоём происхождении и рассказал об опасности, с которой ты однажды столкнешься. Поверил ли ты ему или нет, сейчас это не имеет значения. Время пришло, ты должен бежать из долины, и немедленно.

— Просто так взять и уйти? — воскликнул пораженный Ши. — Но я не могу!

— Можешь и должен, если хочешь остаться в живых. Посланники Черепа догадываются, что ты живешь в этой долине. Через день, в лучшем случае, через два они отыщут тебя, и, если ты все еще будешь здесь, тебе конец. Ты должен уходить сейчас же. Уходи быстро и налегке, иди знакомыми тропами и по возможности лесом. Если тебе придется проходить через открытое пространство, то иди днем, когда их сила слабеет. Алланон сказал тебе, куда отправляться, однако, чтобы добраться туда, тебе придется полагаться исключительно на собственные силы.

Изумленный Ши некоторое время смотрел на гостя, а затем обернулся к Флику, который от неожиданности лишился дара речи. Как этот человек может требовать от них, чтобы они все бросили и ушли? Это же просто нелепо.

— Мне пора. — Путник внезапно встал и плотнее запахнул плащ на широкой груди. — Я взял бы вас с собой, но за мной следят. Те, кто хочет твоей смерти, только и ждут, что в конце концов я приведу их к тебе. От меня будет больше пользы, если я и дальше буду отвлекать их, возможно, они последуют за мной и тебе удастся ускользнуть незамеченным. Некоторое время я буду двигаться на юг, а потом поверну обратно к Кулхейвену. Встретимся там. Помни, что я тебе сказал. Не задерживайся в Доле, беги не откладывая, сегодня же ночью! Делай, как велел Алланон, и береги эльфийские камни. Это могущественное оружие.

Братья поднялись из-за стола вместе с ним и пожали протянутую руку, в первый раз заметив блестящие доспехи, скрытые под плащом. Не говоря больше ни слова, Балинор быстро прошел через комнату, вышел в главные двери и исчез в ночи.

— Ну и что теперь? — спросил Флик, без сил падая на стул.

— Откуда мне знать? — устало отозвался Ши. — Я же не гадалка. Почему я должен верить ему больше, чем Алланону? Если он сказал правду, то я должен немедленно убираться из долины, ради безопасности остальных. А если я останусь, то вы с отцом можете пострадать.

Он уныло оглядел комнату, не в силах решить, как поступить дальше. Флик молча наблюдал за братом, разделяя его смятение, но не в силах помочь. Наконец он перегнулся через стол и положил руку Ши на плечо.

— Я пойду с тобой, — сказал он негромко.

Ши изумленно посмотрел на него.

— Нет. Отец ни за что не поймет. Да я, может, никуда и не пойду.

— Помнишь, что сказал Алланон? Мы теперь вместе, — упрямо возразил Флик. — К тому же ты мой брат. Я не позволю тебе уйти одному.

Ши с удивлением разглядывал его, потом кивнул и благодарно улыбнулся.

— Обсудим все позже. В любом случае, я не уйду, пока не решу, куда идти и что мне понадобится в долгом пути. Надо

оставить отцу записку, не могу же я уйти просто так, что бы там ни думали Алланон с Балинором.

Они поднялись из-за стола и пошли на кухню ужинать. Остаток вечера они провели, без устали снуя между общим залом и кухней, время от времени забегая в спальню, где Ши разбирали свои пожитки, рассеянно осматривая вещи и откладывая в сторону все ненужное. Флик безмолвно следовал за ним, не желая оставлять брата одного из опасения, что тот вдруг решит отправиться в Кулхейвен, не сказав ему. Он смотрел, как Ши заталкивает одежду и припасы в походный узел. На его вопрос, к чему такие приготовления, Ши уклончиво пробормотал что-то о внезапном бегстве и тут же заверил брата, что никогда не уйдет украдкой. Однако Флику не стало легче, и он еще пристальнее начал наблюдать за каждым шагом Ши.

Стояла кромешная тьма. Ши проснулся оттого, что его схватили за руку. Спал он чутко, и холодное прикосновение мгновенно пробудило его, сердце учащенно забилося. Он начал отчаянно вырываться, силясь что-нибудь разглядеть в густой темноте, и свободной рукой пытался схватить невидимого врага. Послышалось поспешное «Тсс!», и он вдруг узнал широкое лицо Флика, смутно обрисованное в неясном свете закрытых тучами звезд и тонкого серпика луны, глядящего в задернутое занавеской окно. Страх отступил, сменившись неожиданным облегчением при виде родного лица брата.

— Флик! Как ты меня...

Облегчение быстро прошло, потому что сильная рука Флика зажала его открытый рот, и он снова услышал предостерегающее шипение. Юноша разглядел в темноте искаженное страхом бледное лицо брата. Он попытался подняться, но сильные руки еще крепче вцепились в него, и Флик наклонился к самому его уху.

— Ничего не говори,— прошептал он дрожащим голосом.— Ползи к окну, тихо!

Флик ослабил хватку и осторожно, но быстро стащил его с кровати на пол и потянул за собой. Они добрались до густой

тени на деревянных половицах. Ползком пробираясь к открытому окну, они едва осмеливались дышать. Когда они наконец подползли ближе, Флик дрожащими руками подтянул Ши к подоконнику.

— Смотри! Рядом с домом!

Помертвев от ужаса, Ши приподнял голову и опасливо выглянул в темноту за окном. И почти сразу увидел огромный черный силуэт. Жуткое создание, пригнувшись к земле, крадучись пробиралось в тени домов напротив гостиницы. Его сгорбленная спина была закрыта плащом, который медленно вздымался и опадал, словно что-то под ним подталкивало и тянуло его вверх. Звук сиплого дыхания был слышен даже издалека, а ноги чудовища производили странный царапающий звук. Ши вцепился в подоконник, не в силах оторвать взгляд от крадущейся твари, и, уже опускаясь на пол, краем глаза заметил яркий отблеск серебряного амулета в форме черепа.

Глава 4

Ши безмолвно рухнул рядом с темной фигурой брата, и они теснее прижались друг к другу, дрожа от страха. Во дворе слышались шаги, скребущий звук становился все громче, и они уже стали опасаться, что слишком поздно вняли предостережениям Балинора. Едва дыша, братья чутко прислушивались к малейшему шороху и ждали. Ши хотел бежать от безжалостного убийцы, но страх быть обнаруженным пригвоздил его к полу. Флик застыл рядом с братом, вздрагивая от порывов холодного ночного ветра, трепавшего оконные занавески.

Внезапно они услышали неистовый собачий лай, вскоре лай перешел в хриплое рычание, в котором смешивались злоба и страх. Братья осторожно подняли головы над подоконником и выглянули на улицу, всматриваясь в темноту. Существо, носящее знак Черепа, скорчилось у стены дома напротив их окна. Футых в десяти от него стоял огромный пес, помесь собаки и волка, один из жителей Дола ходил с ним на охоту. Пес не сводил глаз с чужака, обнажив сверкающие белые клыки. Два темных силуэта застыли в ночной темноте, уставившись друг на друга. Тварь дышала медленно и хрипло, а собака с утробным рычанием нюхала воздух и подкрадывалась все ближе на полусогнутых лапах. Наконец, яростно рыкнув, огромный пес бросился на незванного гостя, нацелив разинутую пасть на темную голову чудовища. Неожиданно из-под вздымающегося плаща высунулась похожая на

клепню рука, перехватила несчастного пса прямо в полете и вырвала ему горло. Безжизненное тело с грузным стуком ударилось о землю. Все случилось в мгновение ока, и изумленные братья едва успели нырнуть под окно. Вскоре царпанье повторилось, тварь потащила вдоль стены соседнего дома, однако отвратительный звук становился все слабее, и перепуганные братья поняли, что чудище уходит.

Несколько долгих минут они не смели шелохнуться, дрожа в темноте пустой комнаты. За окном стояла безмятежная ночь, и ни один шорох не напоминал о присутствии жуткого существа. Наконец Ши набрался храбрости и снова выглянул из-за подоконника в густую тьму. Когда он опустился на пол, перепуганный Флик был готов мчаться к ближайшей двери, однако Ши тут же замотал головой, уверяя брата, что тварь ушла. Флик проворно вернулся в уютную постель и уже накрывался одеялом, когда вдруг увидел, что Ши торопливо одевается в темноте. Он хотел заговорить, но юноша поднес палец к губам. Не раздумывая ни минуты, Флик тоже начал наспех натягивать одежду. Куда бы ни пошел Ши, Флик пойдет с ним. Когда оба оделись, Ши притянул к себе брата и тихонько зашептал ему в ухо:

— Пока мы здесь, всем в Доле грозит опасность. Надо уходить прямо сейчас! Ты твердо решил идти со мной?

Флик горячо закивал, и Ши продолжил:

— Тогда идем на кухню и соберем еды на несколько дней. Записку отцу я напишу там же.

Не добавив больше ни слова, Ши схватил из шкафа узел с одеждой и бесшумно исчез в крошечной тьме коридора, ведущего в кухню. Флик поспешил за братом, на ощупь выбираясь из спальни. В потемках им потребовалось несколько минут, чтобы, шаря по стенам и осторожно огибая углы, добраться до широких дверей. Оказавшись на кухне, Ши зажег свечу и махнул Флику на шкафы с припасами, а сам тем временем нацарапал на небольшом клочке бумаги записку и сунул ее под пивную кружку. Флик справился со своим заданием за несколько минут и подошел к брату, который быстро задул огарок свечи и двинулся к задней двери.

— Когда выйдем, — сказал он, обернувшись, — не говори ни слова. Просто иди за мной.

Флик с опаской кивнул, живо представив, что за дверью их поджидает жуткое чудовище, готовое вырвать им глотку, как несчастному псу. Однако времени на сомнения не осталось. Ши осторожно приоткрыл деревянную дверь и выглянул в залитый лунным светом двор, окруженный густыми зарослями деревьев. Мгновение спустя он махнул Флику, и они, озираясь, выбрались из дома в ночную прохладу, осторожно прикрыв за собой дверь. На улице оказалось довольно светло от мягкого сияния луны и звезд, быстро оглядевшись по сторонам, братья никого не заметили. До рассвета оставался час или два, и совсем скоро деревня начнет просыпаться. Они остановились у стены гостиницы, прислушиваясь к малейшему шороху. Ничего не услышав, Ши направился через двор к живой изгороди, а Флик украдкой обернулся на родной дом, который, быть может, он больше никогда не увидит.

Ши молча шагал между домами поселка. Юноша понимал, что посланник Черепа не знает своей жертвы в лицо, иначе он непременно схватил бы их в гостинице. Но злобная тварь точно знала, где искать Ши, поэтому и явилась в спящий Тенистый Дол в поисках полукровки из рода Шаннары. Ши мысленно вернулся к плану бегства, который наспех продумал в гостинице. Если враг выследил его, как и предостерегал Балинор, тогда за всеми дорогами, ведущими из долины, будут наблюдать. Более того, обнаружив его исчезновение, они тотчас кинутся в погоню. Наверняка жуткая тварь пришла не одна, и сейчас чудовища прочесывают всю долину. Любыми ухищрениями Ши с Фликом должны тайно выбраться из родного поселка и приграничных земель в ближайшие два дня. А это означало, что идти придется быстро, почти без отдыха. Но больше предстоящего трудного пути Ши страшила неизвестность. Куда им бежать? Припасов, взятых из дома, хватит лишь на несколько дней, а путь до Анара займет не одну неделю. Местность за пределами долины была им почти незнакома, если не считать несколь-

ких проторенных дорог и крупных поселков, где посланники Черепа, без сомнения, и будут их искать. От того, куда они направлятся, зависела их жизнь, но в какой стороне бездушные твари станут искать их в последнюю очередь?

Ши тщательно обдумал пути бегства, хотя все давно решил. К западу от Дола местность открытая, не считая горстки разбросанных деревень. Кроме того, если они пойдут в ту сторону, то будут удаляться от Анара. Если они направятся на юг, то рано или поздно доберутся до Пайи и Золомаха, безопасных и довольно крупных городов Юга, где живут их друзья и родственники. Однако посланники Черепа наверняка сочтут этот путь наиболее вероятным и будут тщательно следить за всеми дорогами к югу от Дола. Хуже того, местность за Дульнскими лесами открытая и пустынная, там негде укрыться беглецу, до городов путь не близкий, и по дороге их запросто выследят и убьют. На севере от Дола и за Дульном пролегают обширные земли, где течет река Раппахалладран, там находится огромное Радужное озеро, а от него на многие мили тянутся дикие пустоши, которые постепенно переходят в территории королевства Каллахорн. Должно быть, посланники Черепа проходили через них по пути из Северных земель. Скорее всего, они знакомы с этой местностью гораздо лучше братьев и будут внимательно наблюдать за ней, если подозревают, что Балинор явился в Дол из Тирсиса.

Анар находился на северо-востоке от Дола, путь туда был неблизким и опасным, зато лазутчики Повелителя чародеев наверняка не ожидают, что братья выберут именно эту дорогу. Им придется преодолеть непроходимые леса, коварные низины, незаметные глазу топи и несметное множество иных опасностей, которые из года в год поджидали в тех гиблых местах ничего не подозревающих путников. Однако на востоке от Дульнских лесов лежали безопасные земли горного королевства Лих, о которых не знали жуткие посланники Черепа. Там братья смогут попросить о помощи Мениона Лиха, близкого друга Ши и, как бы ни ворчал Флик, единственного человека, способного провести их через опасные

земли по дороге в Анар. Отбросив все сомнения, Ши решительно выбрал именно этот путь.

Братья добежали до юго-восточной окраины селения и остановились у старого дровяного сарая, тяжело дыша. Привалившись к шершавой стене, Ши настороженно глядел перед собой. Где же притаился его невидимый враг? Поселок тонул во мгле умирающей ночи, а луну то и дело закрывали проплывавшие по небу облака. Неожиданно слева яростно залаяли собаки, в окнах ближайших домов загорелись огоньки, и их сонные обитатели с любопытством вглядывались в темноту. До рассвета оставалось чуть больше часа, и нужно было как можно скорее добежать до границы долины и укрыться в Дульнских лесах. Если до восхода солнца они не успеют покинуть Дол, при свете дня преследователи непременно увидят, как они карабкаются по склонам голых холмов.

Ши хлопнул Флика по спине и побежал прочь от безопасного селения в сторону густых зарослей у подножия долины. Стук их подошв заглушала высокая трава, сырая от утренней росы. Ветви деревьев больно хлестали по лицу и рукам, оставляя на коже мокрые следы. Они спешили добежать до пологого восточного склона, лавируя между вековыми дубами и ореховыми деревьями, пустые скорлупки и веточки, устилавшие землю под могучими ветвями, взметенными к небу, хрустели под их ногами. Добежав до небольшого пригорка, братья начали торопливо карабкаться по травянистому холму, они не оборачивались, глядя на мелькавшую под ногами землю, которая с каждым шагом стремительно терялась в темноте. Поскальзываясь на мокрой траве, они поднялись к границе Тенистого Дола и увидели восточные склоны долины, усеянные огромными валунами и заросшие редким кустарником, которые отделяли их родной край от всего остального мира.

Сильный и выносливый Ши легко мчался по неровной земле, ловко огибая заросли кустов и небольшие бульжники. Флик ни на шаг не отставал от своего стремительного брата, крепкие мышцы ног без усталости несли его плотное тело.

Только однажды он отважился обернуться, но перед глазами, в слабом мерцании догорающих звезд и скрытой за облаками луны в светлеющем небе, промелькнули лишь смазанные верхушки деревьев, которые поднимались над уже скрытым из виду селением. Он смотрел на бегущего впереди Ши, который с легкостью преодолевал небольшие подъемы и обломки скал с явным намерением добраться до небольшой рощицы у подножия восточного склона долины в миле от них. Понемногу Флик начал уставать, однако страх перед жуткими преследователями гнал его вперед. Он с горечью думал об отчем доме и неведомой судьбе, которая ждала их впереди. Могущественный враг неотступно шел по их следам и в любую минуту мог погасить огонь их хрупких жизней, словно зыбкое пламя свечи. Где им искать спасения? Впервые со дня исчезновения Алланона Флик взмолился о том, чтобы таинственный странник оказался рядом.

С каждой минутой рощица становилась все ближе, уставшие братья бежали, вздрагивая от утренней прохлады. Вокруг стояла тишина, туманные склоны хранили безмолвие. Казалось, беглецы были единственными живыми существами в огромном мире, не считая настороженных звезд, которые торжественно мерцали в вышине в немом одобрении. Небо быстро светлело, прогоняя ночь, и небесные зрители в безмолвной вышине один за другим исчезали в утренней заре. Не останавливаясь, братья продолжали бежать, до рассвета оставались считанные минуты.

Добежав до опушки леса, беглецы в изнеможении упали на усталенную ветками землю. Задышавшись после долгого бега, они слушали бешеный стук сердца, который гулко раздавался в их ушах. Несколько минут они лежали неподвижно, затем Ши медленно встал и посмотрел на Дол. Не заметив ничего подозрительного, он решил, что им удалось проскочить до безопасного укрытия незамеченными. Но они все еще не выбрались за пределы долины. Ши наклонился, рывком поднял Флика с земли и потащил за собой между деревьями. Впереди начинался крутой склон. Флик безропотно следовал за братом; собрав волю в кулак и выбросив из головы все

мысли, он из последних сил переставлял словно налитые свинцом ноги.

Подъем на неровную каменистую поверхность восточного склона, поросшую колючим кустарником и заваленную упавшими деревьями, оказался непростым. Ши быстро огибал крупные преграды, вынуждая Флика не отставать. Отчаянно цепляясь руками и ногами, они карабкались вверх по склону. Начинался рассвет, и все звезды растаяли в светлеющем небосводе. Впереди, над кромкой долины, первые робкие лучи солнца уже окрашивали небо оранжевыми и желтыми полосами. Вскоре и Ши начал уставать, дыхание его стало неровным и хриплым. У него за спиной Флик из последних сил заставлял себя ползти вперед. Обдирая руки о колючие кустарники и острые камни, он втаскивал наверх измученное тело. Подъем казался бесконечным. Они карабкались по неровному склону с черепашной скоростью, и только страх быть замеченными в лучах рассветного солнца заставлял их ползти вперед. Если их поймают здесь, на открытом месте, после стольких трудов...

Внезапно, когда они преодолели уже три четверти подъема, Флик вдруг пронзительно вскрикнул и прижался к земле. Ши испуганно обернулся и тотчас увидел громадный черный силуэт, который медленно поднимался над далеким Долом, подобно гигантской птице, взлетающей по широкой спирали в мутном утреннем свете. Взмолясь, чтобы тварь не заметила их, Ши распластался между булыжниками и кустами и жестом велел брату уползть с открытого места. Замерев, они лежали между камнями, пока жуткий посланник Черепа поднимался все выше, приближаясь к месту их укрытия. Неожиданно тварь издала леденящий душу крик, лишая беглецов последней надежды на спасение. Не поддающийся доводам рассудка ужас, такой же, что испытал Флик, прячась от гигантской черной тени в кустах рядом с Алланом, охватил их. Но только теперь прятаться было негде. Страх быстро нарастал, сменяясь паникой, пока тварь стремительно летела прямо на них, и в эти чудовищные мгновения они поняли, что сама смерть пришла за ними. Но в следующий миг черный охотник заложил крутой вираж и плавно заскользил на

север, постепенно уменьшаясь, пока совсем не исчез за горизонтом.

Оцепенев от ужаса и не смея шелохнуться, беглецы еще несколько томительных минут лежали среди обломков скал и редких зарослей кустарника, опасаясь возвращения черного убийцы. Когда жуткий, необъяснимый страх отступил, они поднялись на трясущиеся ноги и в потрясенном молчании продолжили карабкаться наверх к выходу из долины. Быстро добравшись до края неровного склона, они бегом преодолели небольшое открытое пространство за ним, стремясь к спасительному укрытию Дульнского леса. Через несколько минут беглецы уже затерялись среди огромных деревьев, и первые лучи поднявшегося над холмами солнца застали окрестности Дола молчаливыми и пустынными.

Войдя в Дульн, братья Омсфорд сбавили шаг, и Флик, который ничего не знал о плане Ши, наконец решился заговорить.

— Почему мы пошли сюда? — спросил он. Собственный голос показался ему чужим после долгого молчания. — Куда мы вообще идем?

— Туда, куда велел идти Алланон, в Анар. Вернее всего отправиться таким путем, где посланники Черепа меньше всего ожидают нас найти. Поэтому мы пойдем на восток к Черным Дубам, а уже оттуда повернем на север, вероятно получив по пути помощь.

— Погоди-ка! — порывисто воскликнул Флик. — Ты хочешь сказать, мы пойдем на восток через Лих в надежде на помощь Мениона? Ты что, совсем спятил? Давай лучше просто сразу сдадимся на милость этой твари! Чтобы долго не мучиться!

Ши всплеснул руками и устало повернулся к брату.

— У нас нет выбора! Менион единственный, на чью помощь мы можем надеяться. Он хорошо знает земли за пределами Лиха. Возможно, он знает, как пройти через Черные Дубы.

— Ага, конечно, — утрюмо кивнул Флик. — Ты что, забыл, как он бросил нас там в прошлый раз? Как можно ему после этого доверять?

— Но у нас нет выбора, — повторил Ши. — Знаешь, тебе не стоило идти со мной.

Он внезапно замолчал и отвернулся.

— Извини, я погорячился. Но своего решения я не изменю, Флик.

Вновь погрузившись в угрюмое молчание, он тронулся в путь, Флик с хмурым видом поплелся за братом, неodobительно качая головой. С самого начала мысль о бегстве из дома не казалась ему разумной, пусть даже они знали, что по долине рыщет эта чудовищная тварь. Но отправиться к Мениону Лиху — как можно было додуматься до такого! Этот нахальный бездельник заведет их напрямиком в ловушку, если сначала где-нибудь не потеряет. Менион в этой жизни интересуется исключительно Менионом, великий искатель приключений, готовый пуститься в очередное сумасбродное путешествие. Просить его о помощи было верхом легкомыслия.

Надо сказать, что Флик был чересчур пристрастен. С тех самых пор, как пять лет назад они познакомились, он невзлюбил Мениона Лиха и решительно не принимал все, что с ним связано. Единственный наследник рода, который веками правил маленьким горным королевством, Менион занимался в жизни только тем, что пускался в одну безумную эскападу за другой. Ему никогда не приходилось трудом зарабатывать на жизнь, и, насколько мог судить Флик, он никогда не делал ничего путного. Большую часть жизни он проводил в охоте и драках — занятиях, которым работающие молодые люди из долины могли уделять только редкие часы отдыха. Его отношение к жизни тоже настораживало. Ничто на свете — ни семья, ни родное королевство, ни собственные земли, — казалось, не было для него достаточно важным. Горец как будто плыл по жизни, словно облачко в ясном небе, не касаясь ничего, ни на чем не оставляя ни малейшего следа своего пребывания. Именно из-за его легкомысленного отношения ко всему они год назад едва не погибли в Черных Дубах. Однако Ши искренне любил своего друга, и горец, в своей небрежной манере, казалось, отвечал ему нежной привязанностью. Однако Флик так и не смог пове-

рить, что на Мениона можно положиться, и вот теперь его брат предлагает доверить их жизни заботам человека, который совершенно не знает, что такое ответственность.

Флик стал думать, как можно уберечься от неизбежной опасности. Наконец он решил, что самое лучшее — внимательно следить за Менионом и как можно деликатнее предупредить Ши в случае грозящей им беды. Если он бросит брата сейчас, позже у него не будет возможности оградить его от дурных советов принца Лиха.

День уже клонился к вечеру, когда путники наконец добрались до берега величественной реки Рапахалладран. Ши шел во главе их маленького отряда вдоль кромки воды примерно с милю, пока они не добрались до места, где противоположный берег резко приближался, а русло заметно сужалось. Здесь они остановились и всмотрелись в лес на дальнем берегу. До захода солнца оставалось меньше двух часов, и Ши совсем не хотелось, чтобы ночь застала их здесь. На душе будет спокойнее, если от возможных преследователей их отделит полоса воды. Он поделился своими соображениями с Фликом, тот согласился, и они принялись строить маленький плот с помощью захваченного из дома топора и охотничьих ножей. Крошечный плот был нужен только для того, чтобы погрузить на него провиант и одежду. Строить крепкий плот, способный выдержать самих путников, времени не было, и они решили перебраться через реку вплавь, защитив от воды только вещи. Братья быстро завершили работу, привязали к плоту припасы и одежду и вошли в ледяные воды Рапахалладрана. Течение было стремительное, но в это время года неопасное, весенний паводок уже миновал. Когда они переплыли реку, сложнее всего оказалось отыскать подходящее для высадки место на высоком берегу. Однако пока они сражались с громоздким плотом, течение отнесло их еще на полмили, и братья оказались в узкой заводи, словно созданной для удобной высадки на берег. Дрожа в вечернем прохладном воздухе, они выбрались из ледяной воды и вытянули плот, потом быстро вытерлись и оделись. Переправа заняла немногим больше часа, и солнце уже почти скрылось за вы-

сокими деревьями, на небе остался лишь неяркий красноватый отблеск, быстро гаснущий в наступающей темноте.

Несмотря на спешку, Ши предложил немного поспать, чтобы восстановить силы, и возобновить путь ночью, под покровом спасительной темноты. Укромная заводь показалась им безопасной для привала, они устроились под высоким ильмом, завернулись в одеяла и быстро заснули. Еще не настала полночь, когда Ши разбудил Флика, слегка встряхнув его, они наспех собрали вещи и подготовились к переходу через Дульн. Внезапно Ши показалось, что на противоположном берегу кто-то крадется, и он торопливо махнул Флику. Затаив дыхание, они несколько минут прислушивались к малейшему шороху, но так и не заметили ничего живого в черной тени под могучими деревьями, в конце концов решив, что Ши просто померещилось. Флик поспешил заверить брата, что за шумом стремительной реки все равно ничего не услышать, да и посланники Черепа, должно быть, все еще ищут их в Доле. Разумеется, юноша заблуждался, думая, что они с братом ловко обвели всех своих преследователей вокруг пальца, поэтому и был так уверен.

Братья шли до самого рассвета, стараясь двигаться прямо на восток, хотя за нависающими кронами деревьев было нелегко разглядеть дорогу. Густо сплетенная сеть тяжелых ветвей и шуршащих листьев закрывала от них звезды. Когда путники наконец остановились, они по-прежнему были в Дульнских лесах и понятия не имели, сколько еще до границ Лиха. Когда солнце начало подниматься прямо перед ними, у Ши словно гора с плеч свалилась, ведь они не сбились с пути, хотя и двигались почти наугад. Отыскав поляну среди густо растущих ильмов и с трех сторон закрытую пышными кустами, молодые люди побросали поклажу и быстро заснули, совершенно измотанные тяжелым походом. Было далеко за полдень, когда они проснулись и начали готовиться к новому ночному переходу. Разводить огонь не стали из опасения привлечь к себе внимание, поэтому пришлось довольствоваться вяленой говядиной, сырыми овощами и фруктами с водой на сладкое. Пока они ели, Флик снова заговорил о цели их путешествия.

— Ши, — начал он осторожно, — мне бы не хотелось докучать тебе, но ты уверен, что выбрал лучший путь? Ведь даже если Менион и захочет нам помочь, мы можем заблудиться в болотах и холмах за Черными Дубами и никогда не выбраться оттуда.

Ши медленно кивнул и пожал плечами.

— Можно пойти дальше на север, где укрытий еще меньше, а местность незнакома даже Мениону. Думаешь, нам есть из чего выбирать?

— Наверное, нет, — с несчастным видом отозвался Флик. — Но я все время думаю о словах Алланона, помнишь, он велел никому не рассказывать и никому не доверять. Он очень настаивал на этом.

— Давай не будем начинать все сначала! — вспыхнул Ши. — Алланона здесь нет, и решение принимать мне. Я не знаю, как мы сможем достичь Анарских лесов без помощи Мениона. Кроме того, он всегда был хорошим другом, и еще он владеет мечом лучше всех, кого я знаю. Нам не обойтись без его умения, если вдруг придется сражаться.

— Наверняка придется, если с ним свяжемся, — многозначительно заключил Флик. — К тому же разве мы сможем дать отпор этой твари с Черепом? Да она нас в клочья разорвет!

— Зачем же так мрачно, — засмеялся Ши, — мы все-таки еще живы. Не забывай, нас охраняют эльфийские камни.

Довод брата не слишком убедил Флика, но он понимал, что все разговоры на эту тему разумнее отложить до следующего раза. Он не мог не признавать, что Менион Лих дерется лучше всех, кого он знает, но в то же время не мог с уверенностью сказать, чью сторону примет этот непредсказуемый парень. Ши доверял Мениону из одной только безотчетной приязни к этому развязному искателю приключений, которая развилась и окрепла за годы походов в Лих вместе с отцом. Однако Флик чувствовал, что в оценке принца Лиха его брат отчего-то не внемлет голосу рассудка. Лих был одной из немногих уцелевших монархий Южных земель, а Ши всегда ненавидел абсолютную власть и горой стоял за само-

управление. И тем не менее он считал наследника монархического престола своим другом — это никак не укладывалось в голове Флика. Либо ты веришь во что-то, либо нет, нельзя делать и то и другое и оставаться при этом честным с самим собой.

Они завершили трапезу в молчании, когда начали ложиться первые вечерние тени. Солнце уже давно скрылось из виду, а его ласковые золотистые лучи медленно превратились в багрово-красные отсветы, которые просвечивали сквозь зеленые кроны деревьев. Братья быстро уложили нехитрые пожитки и неторопливо зашагали на восток, повернувшись спиной к угасающему дневному свету. В лесу было необычайно тихо, даже для раннего вечера, и усталые юноши двигались в тревожном безмолвии сквозь затянутый погребальной мглой ночной лес; луна манила из вышины, лишь изредка проглядывая сквозь путаницу ветвей над головой. Флика особенно настораживала неестественная тишина Дульна, тишина, странная для такого огромного леса и уж совершенно непривычная для здорового крепыша из Дола. Время от времени братья останавливались в темноте и вслушивались в звенящую тишину, но, так ничего и не услышав, быстро шагали дальше, высматривая впереди, в просветах между деревьями, верхушки далеких гор. Эта давящая тишина никак не давала Флику покоя, и он даже начал негромко насвистывать, но тут же замолк, когда Ши предостерегающе махнул рукой.

Перед рассветом братья добрались до опушки Дульнского леса и вышли на поросшие кустарником поля, которые тянулись несколько миль до самых гор Лиха. До восхода солнца оставались считанные часы, и путники пошли дальше на восток. Оба ощутили несказанное облегчение, когда Дульн остался позади и они выбрались из душных объятий исполинских деревьев и давящей тишины. Быть может, скрытые лесными тенями, беглецы оставались в большей безопасности, однако на открытом пространстве они почувствовали себя увереннее и были готовы взглянуть в лицо любому врагу. Они даже начали негромко переговариваться на ходу. За

час до рассвета они добрались до небольшой, заросшей кустами долины, где и остановились, чтобы отдохнуть и перекусить. На востоке уже вырисовывались смутные очертания гор Лиха, до них оставался еще день пути. Ши рассудил, что если они снова пустятся в путь на закате, то без труда дойдут до места к следующему утру. Все остальное будет зависеть от Мениона Лиха. С этой не высказанной вслух мыслью он быстро заснул.

Прошло всего несколько минут, и они проснулись. Разбудил их вовсе не тревожный звук, а, напротив, — мертвящая тишина, которая зловещим пологом расплзалась над травянистыми лугами. Они тотчас безошибочно почувствовали присутствие иного существа. Ощущение пронзило их одновременно, оба разом подскочили, не говоря ни слова, выхваченные ножи блеснули в тусклом свете, пока они настороженно оглядывали свое укрытие. Ни шороха. Ши жестом велел брату следовать за ним и начал карабкаться по склону долины наверх, откуда можно было осмотреть окрестности. Они неподвижно лежали в колючих зарослях, вглядываясь в предрассветный сумрак, до боли в глазах высматривая притаившееся в темноте зло. Ни секунды ни один из них не сомневался, что оно там. Да и можно ли было сомневаться, если оба мгновенно узнали тот же леденящий душу ужас, который охватил их под окном собственной спальни. Едва дыша, братья замерли в немом ожидании, боясь малейшим шорохом обнаружить себя. Неужели все их усилия были напрасны, неужели смерть все же настигнет их, когда спасительный Лих всего в нескольких часах пути?

Вдруг они услышали мощный порыв ветра и шорох листьев и увидели, как вдали слева, над вытянутой полосой подлеска беззвучно взлетел черный силуэт посланника Черепа. Его смазанный контур поднялся выше и грузно завис над землей, замерев на несколько томительных мгновений, словно не в силах двинуться, вырисовываясь в слабом свете предрассветного неба. Братья лежали, вжимаясь в склон, такие же безмолвные, как и кусты над ними, и дожидались, когда тварь сдвинется с места. Как злобное существо сумело просле-

дить весь их путь, оставалось загадкой. Может, просто слепая судьба свела всех троих на пустынном клочке земли, но, как бы то ни было, они снова были на волосок от гибели. Еще несколько минут тварь неподвижно висела в небе, затем лениво взмахнула огромными черными крыльями и медленно двинулась в сторону их укрытия. Флик громко охнул и заполз еще глубже в заросли кустов, лицо его посерело от страха, и он судорожно вцепился в худое плечо Ши. Однако, не долетев до беглецов несколько сотен футов, тварь камнем упала вниз, в маленькую рощицу, и мгновенно исчезла из виду. В отчаянии братья всматривались в полумрак, не в силах разглядеть своего преследователя.

— Давай, — решительно зашептал Ши на ухо брату, — пока оно нас не видит. Бежим к тем кустам.

Уговаривать Флика не пришлось. Когда чудовище закончит осмотр рощицы, которая пока занимала его внимание, оно непременно заинтересуется их укрытием. Переполненный страхом Флик кинулся по мокрой от росы траве, наполовину бегом, наполовину ползком, то и дело оглядываясь через плечо, в ожидании увидеть грозного убийцу. Позади него, низко пригибаясь к земле, бежал Ши, следуя за плотной фигурой брата. Они благополучно преодолели открытый луг и добрались до кустов, и только тогда Ши вспомнил, что дорожные мешки остались на дне ложбины. Посланник Черепа наверняка заметит их, и тогда уставшим беглецам больше не придется задумываться, в какой стороне искать спасения. Ши почувствовал, как внутри все оборвалось. Как могли они быть такими остолопами? Он в отчаянии сжал плечо брата, но Флик и сам понял их непростительную ошибку и тяжело рухнул на землю. Ши сознавал, что придется вернуться за проклятыми мешками, даже если его заметят. Но когда он поспешно поднялся, в светлеющем небе вдруг появился черный силуэт охотника и неподвижно завис в воздухе. Последняя возможность была упущена.

И снова их спасло приближение рассвета. Пока посланник Черепа безмолвно висел над полем, в небе показался золотистый диск солнца, и первые вестники грядущего дня

радостно разбежались во все стороны, заливая землю теплым сиянием. Едва яркий свет коснулся черного силуэта ночной твари, как она стремительно взмыла ввысь, облетая поле огромными расширяющимися кругами. Испустив леденящий душу вопль, полный яростной злобы, от которого на миг замерли все утренние звуки, чудовище повернуло на север и быстро скрылось из виду, а двое изумленных путников еще долго с недоверием и благодарностью смотрели в чистое высокое небо.

Глава 5

Ближе к вечеру того же дня братья добрались до высокогорного Лиха. Каменные стены города показались уставшим путникам желанным пристанищем, хотя нагретые яркими лучами полуденного солнца тускло-серые глыбы располагали к отдыху не больше, чем раскаленное железо. Одни их внушительные размеры и толщина угнетали жителей долины, которые всегда предпочитали свободу менее безопасных лесов, окружавших их родной дом, неприступным каменным укреплениям. Впрочем, усталость быстро вытеснила неприятные ощущения, путники решительно вошли через западные ворота и оказались на узких улочках города. В Лихе царило всеобщее оживление, галдящий народ толпился вокруг небольших лавок и рынков, протянувшихся по обе стороны главной улицы города, которая начиналась от крепостной стены и тянулась к дому Мениона, величественному старинному зданию, скрытому в тени деревьев и увитых плющом изгородей, окружавших тщательно подстриженные лужайки и благоухающие сады. Гостям из Тенистого Дола Лих казался огромным, хотя на самом деле был довольно невелик по сравнению с большими городами в центральных южных землях или даже с приграничным Тирсисом. Лих стоял в стороне от остального мира, и путники не часто проезжали через его ворота. Город жил замкнутой жизнью и заботился лишь о процветании своих обитателей. Королевский род, правящий этими землями, был древнейшим на Юге, и власть монарха считалась единственным законом для его подданных. Ши никогда не мог поверить в то, что жители горной стра-

ны не мечтают о создании собственного правительства, но они казались вполне довольными жизнью и властью, поставленной над ними.

Протискиваясь сквозь толчею, Ши думал о своей невероятной дружбе с Менионом Лихом. Именно невероятной, ведь, на первый взгляд, они были несхожи ни в чем. Один жил в долине, другой в горах, да и происхождение их не давало ни малейшего повода для сравнения. Приемный сын хозяина небольшой гостиницы, Ши с детства был приучен к труду и отличался вдумчивым, серьезным нравом. Менион был единственным сыном короля Лиха и наследником престола, однако на бесчисленные обязанности, окружавшие его с самого детства, он всегда смотрел сквозь пальцы. Юноша обладал дерзкой самоуверенностью, которую с переменным успехом пытался преодолевать, и поразительным охотничьим чутьем, заслужившим скупую похвалу даже такого сурового критика, как Флик. Их взгляды на устройство общества были так же несхожи, как и их биографии. Ши был убежденным защитником старого уклада, а Менион упрямо твердил, что прежние порядки давно отжили свой век и совершенно неспособны справиться с расовыми проблемами.

Однако, несмотря на все различия, юноши были очень близки и испытывали друг к другу искреннее уважение. Менион считал своего хрупкого друга излишне старомодным, но всегда восхищался его убежденностью и решимостью. Юный Омсфорд, вопреки частым замечаниям брата, вовсе не закрывал глаза на недостатки Мениона, но видел в принце Лиха нечто такое, что многие предпочитали не замечать. Обостренное чувство справедливости.

Менион Лих не особенно задумывался о будущем. Принц много путешествовал, охотился в горных лесах, однако большую часть жизни он, казалось, посвящал поиску новых неприятностей на свою голову. Отточенное в долгих тренировках мастерство лучника и превосходное умение читать следы не находили применения. Напротив, это лишь раздражало его отца, который безуспешно пытался вовлечь единственного сына в изучение премудростей управления государством. Рано или поздно Менион должен был унаследовать

трон, но Ши сомневался, что его легкомысленный друг хотя бы однажды всерьез задумывался над своим будущим. Это было глупо, хотя и объяснимо. Мать Мениона умерла несколько лет назад, вскоре после первого появления Ши в горном королевстве. Отец его был еще не стар, но короли не всегда доживают до старости, многие прежние правители Лиха умерли неожиданно и скоропостижно. Если с его отцом произойдет несчастье, Мениону придется стать королем, готов он к этому или нет. Вот тогда он вспомнит о пропущенных уроках, подумал Ши с невольной улыбкой.

Каменный дворец королей Лиха мирно расположился среди уютной рощицы старых ореховых деревьев и ухоженного сада. Высокие, увитые плющом изгороди защищали королевские угодья от глаз горожан. За небольшой аллеей, проходившей перед дворцом, начинался парк, и усталые путники видели, как в маленьком пруду, от которого расходились аккуратные дорожки, радостно плещутся дети. Стоял погожий денек, и горожане спешили мимо, чтобы поскорее встретиться с друзьями или вернуться домой. На западе предвечернее небо уже наливалось мягким золотым свечением.

Высокие железные ворота были приоткрыты, и молодые люди быстро зашагали к парадным дверям дворца по длинной, выложенной камнем дорожке, выходящей между густым кустарником и цветниками. Они уже подходили к каменному крыльцу перед домом, когда тяжелая дубовая дверь отворилась и на пороге неожиданно появился Менион Лих. Одетый в лимонно-зеленый камзол и цветастый плащ, худой, словно хлыст, принц двигался с грациозной легкостью кошки. Его нельзя было назвать высоким, хотя он и превосходил обоих юношей на несколько дюймов, однако широкие плечи и длинные руки делали его фигуру весьма внушительной. Менион хотел уже свернуть на боковую дорожку, когда заметил на главной аллее двух запыленных измученных путников, и замер на месте. Мгновение спустя его глаза распахнулись от изумления.

— Ши! — воскликнул он громко. — Ради всего святого... что с тобой приключилось?

Он быстро подбежал к другу и с жаром пожал его худую ладонь.

— Рад тебя видеть, Менион, — с улыбкой произнес Ши.

Горец отступил на шаг, пристально глядясь в братьев.

— Вот не думал, что мое письмо так скоро получит ответ... — Он замолчал и внимательнее взгляделся в усталое лицо друга. — Письмо тут ни при чем. Нет, не говори, не хочу ничего знать. Лучше я буду думать, что ты решил навестить меня просто как друг. Что я вижу — ты привел нашего недоверчивого старину Флика. Вот сюрприз так сюрприз!

Он улыбнулся хмурому Флику, который сдержанно кивнул в ответ.

— Будь уверен, я бы до такого не додумался.

— Хотел бы я, чтобы одни лишь дружеские чувства были причиной нашего прихода. — Ши тяжело вздохнул. — Мне совершенно не хочется втягивать тебя в это дело, но, боюсь, у нас серьезные неприятности, а ты единственный, кто сможет нам помочь.

Менион улыбнулся, но быстро уловил мрачное настроение друга и серьезно кивнул.

— Шутки в сторону? Что ж, горячая ванна и обед — вот залог успеха любого дела. О причине вашего прихода поговорим позже. Идемте. Отец выехал по делам на границу, ну а я в вашем полном распоряжении.

Войдя в дом, Менион велел слугам позаботиться о гостях, и братьев проводили в отведенные покои, где их ждала ванна и чистая одежда. Через час трое друзей собрались в большом зале, где был подан обед. В обычные дни предложенного угощения хватило бы и для большей компании, но на этот раз едоки попались серьезные. За обедом Ши поведал Мениону странную историю, за которой и последовало их бегство из родного дома. Ему пришлось даже упомянуть о встрече Флика с таинственным Алтаном и о загадочном мече Шаннары. Несмотря на строгий запрет историка, это было необходимо, ведь юноша собирался просить друга о помощи. Он рассказал о приходе в Тенистый Дол Балинора и его немногословном предостережении, о том, как они чудом

ускользнули от черной твари с медальоном в виде Черепа, и, наконец, об их бегстве в горы. Говорил только Ши. Флик не вмешивался в разговор, противясь искушению подчеркнуть собственную роль в событиях последних дней. Он никогда не доверял Мениону, поэтому твердо вознамерился держать язык за зубами. Будет лучше, если хотя бы один из них проявит благоразумие и вспомнит об осторожности.

Менион Лих молча выслушал долгий рассказ, не выказывая заметного удивления, пока Ши не упомянул о своем чудесном происхождении. Принц был безмерно рад удивительной новости, однако на протяжении всего остального рассказа его худое загорелое лицо оставалось непроницаемой маской, которую оживляла лишь застывшая тонкая улыбка и едва заметные морщинки в уголках внимательных серых глаз. Он сразу понял, почему братья пришли именно к нему. Без помощи надежного проводника, знающего эту местность, они никогда бы не выбрались из Лиха через низины Клета и Черные Дубы. Им нужен был человек, которому они могли бы доверять. Впрочем, мысленно усмехнулся Менион, доверял ему только Ши. Флик никогда бы не согласился пойти в Лих, если бы не настойчивость брата. Менион и Флик не питали друг к другу дружеских чувств. Однако братья все же пришли к нему за помощью, а он никогда бы не отказал в дружеской поддержке Ши, даже если бы его собственной жизни угрожала опасность.

Ши замолчал и терпеливо ждал ответа Мениона. Горько уставился на полупустой стакан вина и, казалось, погрузился в глубокие раздумья. Когда он заговорил, голос его звучал сухо и сдержанно.

— Меч Шаннары. Много лет я не слышал этой истории, да никогда и не верил в ее правдивость. И вдруг откуда ни возьмись она возвращается, да еще с моим старым другом Ши Омсфордом в роли наследника. Но так ли это? — Он внезапно прищурился. — Ты можешь оказаться просто приманкой для этих тварей из Северных земель. А почему ты так уверен в Алланоне? Из твоего рассказа я понял, что он почти так же опасен, как и те существа, которые охотятся за тобой. А вдруг он один из них?

При этих словах Флик заметно вздрогнул, однако Ши уверенно покачал головой.

— Ни за что не поверю. Ерунда какая.

— Может, и нет,— медленно продолжал Менион, явно обдумывая свое предположение.— Наверное, я старею и становлюсь подозрительным. Честно говоря, вся эта история кажется мне скорее похожей на сказку. А если это правда, вам повезло, что вы добрались в такую даль. О Северных землях рассказывают много небылиц, будто бы в пустынных горах за равнинами Стрелехейма живут злые духи и их могущество недоступно разуму смертных существ...

Он немного помолчал и отпил глоток вина.

— Меч Шаннары... если это правда, то...— Он встряхнул головой и широко улыбнулся.— Разве я могу отказаться от возможности докопаться до истины? Для похода в Анар вам потребуется проводник, и он перед вами!

— Я знал, что ты согласишься.— Ши потянулся к нему и благодарно пожал руку. Флик тихо закричал, но сумел выдать жалкую улыбку.

— Итак, чем мы располагаем? — Менион быстро назначил себя главным, и Флик благоразумно вернулся к недопитому бокалу.— Ты говорил об эльфийских камнях? Дай-ка на них взглянуть.

Ши с готовностью достал маленький кожаный мешочек и высыпал его содержимое на ладонь. Волшебные камни блеснули в свете факелов, мерцая дивной глубокой синевой. Менион осторожно коснулся одного из них и взял в руку.

— Они в самом деле прекрасны,— с восхищением произнес принц.— Никогда не видел ничего подобного. Но как они нам помогут?

— Пока не знаю,— неохотно признался Ши.— Я могу лишь повторить слова Алланона — эти камни следует использовать только в случае крайней опасности, и сила их безмерно велика.

— Что ж, надеюсь, он не солгал,— фыркнул горец.— Не хотелось бы на своей шкуре испытать чужие заблуждения. А пока придется верить ему на слово.

Он немного помолчал, глядя, как Ши убирает камни обратно и прячет кожаный мешочек за пазуху. Когда его друг снова поднял голову, Менион рассеянным взглядом изучал свой стакан.

— Я кое-что знаю о человеке по имени Балинор, Ши. Он прекрасный воин, едва ли на всем Юге найдется равный ему. Лучше бы нам отправиться к его отцу и попросить помощи у короля. Солдаты Каллахорна защитят тебя гораздо надежнее, чем лесные гномы Анара. Я знаю дороги до Тирсиса, и все они безопасны. Зато почти все пути в Анар проходят через Черные Дубы, а это, как тебе известно, не самое безопасное место в Южных землях.

— Алланон велел нам идти в Анар, — настаивал Ши. — Наверняка у него были причины отправлять нас именно туда, и я не хочу рисковать, прежде чем снова с ним не встречу. Да и сам Балинор советовал нам слушаться Алланона. Менион пожал плечами.

— Очень жаль. Даже если нам удастся пройти через Черные Дубы, я мало знаю о землях по ту сторону этого страшного леса. Я слышал только, что до самого Анара простирается почти голая пустошь. В основном там обитают южные гномы, они не опасны. Кулхейвен — это маленькое гномье поселение на берегу Серебристой реки в Нижнем Анаре, думаю, мы легко его найдем, если туда доберемся. Сначала надо преодолеть низины Клета, из-за весенних паводков они стали почти непроходимыми. Но самое страшное испытание — Черные Дубы.

— А если пойти в обход? — с надеждой спросил Ши.

Менион налил себе еще вина и передал графин Флику, который принял его не моргнув глазом.

— Обходной путь займет не одну неделю. На севере Лиха есть Радужное озеро. Если мы пойдем этой дорогой, нам придется огибать все озеро, двигаясь на север к горам Рунн. К югу от озера Черные Дубы простираются на сотни миль. Пока мы обойдем Дубы с юга, а потом двинемся на север по другой стороне, пройдет недели две, и все это время нам придется идти по открытой местности. Там совсем негде укрыть-

ся. Так что придется идти на восток через низины, а потом уже срезать через Дубы.

Флик нахмурился, вспомнив, как во время их последнего визита в Лих Менион умудрился потерять братьев на несколько дней в зловещем лесу, где их чуть не сожрали волки, а сами они едва не умерли от голода. Они тогда чудом выбрались живыми.

— Старина Флик помнит Черные Дубы,— засмеялся Менион, заметив, как помрачнело лицо Флика.— Ничего, Флик, на этот раз мы как следует подготовимся. Это опасная местность, но никто не знает ее лучше меня. И там нас никто не будет преследовать. Кроме того, мы никому не скажем, куда направляемся. Для всех мы просто отправимся на долгую охоту. У отца все равно полно своих дел, он даже не заметит моего отсутствия. Он привык, что я исчезаю из дома, иногда на целые недели.

Он немного помолчал, потом задумчиво посмотрел на Ши, вспоминая, не упустил ли что-нибудь важное. Ши улыбнулся, видя воодушевление друга.

— Менион, я знал, что могу рассчитывать на тебя. Хорошо, что ты идешь с нами.

Флик наблюдал за ними с явным негодованием, и Менион, перехватив его взгляд, не мог не поддаться искушению немного подразнить подозрительного гостя.

— Полагаю, теперь нам следует обсудить, что я с этого буду иметь,— вдруг заявил он.— Иными словами, что я получу, если доставлю вас в Кулхейвен целыми и невредимыми?

— Что ты получишь? — взорвался Флик.— А почему ты решил...

— Ладно-ладно,— нетерпеливо перебил его Менион.— Я и забыл о тебе, старина Флик, но ты не беспокойся, на твою долю я не претендую.

— Да как ты смеешь, плут ты этакий? — взъярился Флик.— Нет у меня никакой...

— Хватит! — Ши подался вперед, лицо его пылало.— Так дальше нельзя, если нам предстоит идти вместе. Менион, прекрати дразнить моего брата, а ты, Флик, оставь, раз и наве-

гда, свои глупые подозрения. Вы должны стать друзьями и не таить камень за пазухой!

Менион смущенно опустил глаза, а Флик от возмущения закусил губу. Ши устало опустился на стул, весь его гнев испарился.

— Хорошо сказано, — признал Менион через мгновение. — Флик, вот тебе моя рука. Давай заключим временное перемирие, хотя бы ради Ши.

Флик посмотрел на протянутую руку, затем медленно протянул свою.

— Язык-то у тебя хорошо подвешен, Менион. Надеюсь, сейчас ты действительно думаешь то, что говоришь.

Горец улыбнулся на это замечание.

— Мир, Флик.

Он выпустил руку Флика и осушил свой стакан, прекрасно понимая, что так и не смог убедить недоверчивого южанина.

Близилась ночь, когда все трое наконец завершили обсуждение. Они быстро договорились, что утром выйдут пораньше. Менион распорядился подготовить для братьев легкое снаряжение, включая дорожные мешки, охотничьи плащи, провизию и оружие. Он достал карту восточной части Лиха, хотя и не слишком подробную, ибо далекие земли были плохо изучены. Низины Клета, протянувшиеся от высокогорий на восток, к Черным Дубам, таили в себе зловещие предательские топи, хотя на карте обозначались лишь белым пятном с написанным на нем названием. Черные Дубы сразу бросались в глаза — густой лес тянулся от Радужного озера на юг, величественной стеной возвышаясь между Лихом и Анаром. Менион быстро пересказал братьям все, что знал об этих краях и обычной в это время года погоде. Впрочем, знания принца были такими же скудными, как и сухие обозначения на карте, и путешественникам оставалось лишь гадать о том, какие опасности ждут их на пути.

К полуночи все трое разошлись по спальням, приготовления к походу в Анар были завершены. В комнате, выделенной им с братом, Ши устало опустился на мягкую кровать и несколько минут изучал непроглядную тьму за откры-

тым окном. Ночь стояла пасмурная, небо закрывали тяжелые тучи, которые зловещими клочьями нависали над смутными очертаниями гор. Холодный ветер прогнал на восток тепло ушедшего дня, и спящий город погрузился в мирную тишину. Флик на соседней кровати уже спал, слышалось его тяжелое размеренное дыхание. Ши задумчиво смотрел на брата. Мысли его туманились, каждая клеточка уставшего тела ныла после долгого пути, однако живительный сон не приходил. Впервые он по-настоящему задумался о своем будущем. Бегство в Лих было лишь первым шагом в странствии, которое могло затянуться на годы. Даже если им удастся благополучно добраться до Анара, Ши понимал, что придется бежать дальше. Попытки разыскать их будут повторяться снова и снова, пока не умрет Повелитель чародеев или сам Ши. А до тех пор они не смогут вернуться к отцу в родной Дол и до скончания дней будут скрываться от безжалостных крылатых охотников.

От неумолимой правды его взяла оторопь. В безмолвной темноте Ши Омсфорд остался наедине со своими страхами, отчаянно сражаясь с растущим в душе ужасом. Прошло еще немало времени, прежде чем ему удалось заснуть.

Утро выдалось тусклое и пасмурное, сырость и холод пронизывали до костей. Ощущая все прелести промозглой погоды, Ши и двое его спутников двинулись на восток через затянутые туманом возвышенности горного королевства, направляясь к безрадостным низинам. В полном молчании они шли друг за другом по узким извилистым тропкам, петляя меж огромными серыми валунами и зарослями сухих кустарников. Впереди шагал Менион, его зоркие глаза высматривали незаметные преграды, он ступал широко и свободно, с грациозной легкостью преодолевая кочки и бугорки. За спиной горца болтался небольшой походный мешок с привязанными к нему ясеневым луком и колчаном со стрелами. На поясе Менион закрепил большой старинный меч, подарок отца на совершеннолетие. Этот меч принадлежал принцу Лиха по праву рождения. Глядя на холодный блеск металла в неярком свете, Ши невольно вспомнил о легендарном мече Шан-

нары и попытался представить себе знаменитый клинок. Удивленно приподняв тонкие эльфийские брови, он насто-роженно вгляделся в бескрайний сумрак ночи. Казалось, во-круг не было ничего живого. Это была мертвая земля, и жи-вые, ступившие в это царство запустения, становились здесь непрошеными гостями. Ши поежился и слабо улыбнулся, заставляя себя отвлечься от безрадостных мыслей. Послед-ним в небольшом отряде шагал Флик, на его мускулистой спине висел мешок с провизией, которой должно было хва-тить на время пути через низины Клета и Черные Дубы. Ко-гда путники минуют опасные преграды, если, конечно, уда-ча улыбнется им, придется покупать или выменивать еду у редких обитателей почти безлюдного далекого края или же добывать пропитание самостоятельно, хотя такое будущее не особенно вдохновляло Флика. Несмотря на искреннее желание Мениона помочь попавшим в беду братьям, Флик по-прежнему сомневался в надежности их проводника, хотя принц Лиха добровольно согласился пуститься в опасное пу-тешествие. События их последнего похода еще не стерлись из его памяти, и юноше совсем не хотелось вновь испытывать судьбу.

Первый день пути пролетел незаметно, к вечеру трое пут-ников миновали границы горного королевства и с наступле-нием ночи достигли оконечностей зловещих низин Клета. На ночлег они остановились в небольшой ложбинке под не-надежным прикрытием убогих деревьев и чахлах зарослей высохшего кустарника. От сырого тумана одежда их промок-ла насквозь, а близкая ночь принесла с собой промозглый холод. Чтобы немного согреться и обсохнуть, друзья попыта-лись развести костер, но мокрый валежник упорно не хотел разгораться. Вскоре они сдались, наскоро перекусили и устро-ились под кустами, завернувшись в сухие одеяла, которые предусмотрительно защитили от влаги в самом начале пути. Они почти не разговаривали, лишь вяло ругали несносную погоду. Тесно прижавшись друг к другу, они с тревогой вслу-шивались в гулкую тишину. Странное безмолвие казалось почти осязаемым, и невольный страх заставлял их до боли в ушах вслушиваться в мертвящую тишь в надежде услышать

хотя бы малейший шорох. Однако их чахлое убежище окружала лишь непроницаемая тьма, и даже легкий ветерок не касался замерзших лиц путников. Наконец усталость после долгого перехода взяла свое, и друзья, один за другим, провалились в беспокойный сон.

На второй и третий день стало ясно, что начало путешествия было лишь легкой прогулкой. Постоянно шел дождь, и размеренная ледяная морось, промочив одежду, быстро пробирала до самых костей. Казалось, каждая клеточка пропиталась отвратительной сыростью, и их измученные тела дрожали от липких прикосновений нескончаемого дождя. Днем воздух оставался сырым и холодным, а ночью начинались заморозки. Жалкая растительность, которая попадалась им на дороге, казалась умерщвленной безжалостной сыростью. Чахлые кривые кусты с крохотными листочками, согбенные деревца с пожухлыми ветками молчаливо ожидали скорой гибели. Никто не жил в этом мертвом краю, зыбкая почва, сочащаяся ледяной сыростью, долгие месяцы не знала солнечного света. Они продолжали идти на восток по унылой пустынной земле, и ни разу ни одно живое существо или следы его пребывания не встречались у них на пути. Солнце забыло об этом гиблом месте, и ни единый блеклый лучик ни разу не напомнил измученным путникам о существовании других, полных жизни, земель. Быть может, здесь царил вечный туман или тучи наглухо закрывали небо, но казалось, во всем мире осталась лишь эта гнетущая, полная ненависти пустыня.

На четвертый день их охватило отчаяние. Хотя крылатые охотники Повелителя чародеев пока не появлялись и никто не преследовал их, путники находили в том мало утешения. Время текло тягучей рекой, давая тишина становилась все более бездонной, а топкая почва — все более зыбкой. Даже неиссякаемое воодушевление Мениона начало угасать, и червь сомнения точил его обычную самоуверенность. Горец начал опасаться, не сбились ли они с дороги или даже ходят кругами. Он слишком хорошо понимал, что все, кто заблудился в этом гиблом месте, обречены на верную смерть. Ши с Фликом боялись еще больше. Они ничего не знали о низинах и

не обладали охотничьими талантами Мениона. Братья полагались только на него, но уже ощущали смутную тревогу, хотя горец намеренно умалчивал о своих сомнениях, чтобы не волновать друзей. Время шло, а холодная мертвая пустошь по-прежнему окружала измотанных путников. Они чувствовали, как последние крупницы уверенности ускользают от них. К концу пятого дня пути, когда затянутые мглой низины все так же тянулись до самого горизонта и ничего похожего на Черные Дубы не предстало их взорам, Ши потребовал привала и тяжело рухнул на землю, вопросительно глядя на принца Лиха.

Менион пожал плечами и рассеянно обвел глазами низины, его гордое лицо осунулось от ледяной сырости.

— Не буду лгать,— пробормотал он.— Я не уверен, что мы идем в правильном направлении. Возможно, мы бродим кругами или уже безнадежно заблудились.

Флик с негодованием швырнул на землю мешок и выразительно посмотрел на брата. В его красноречивом взгляде ясно читалось: «Что я тебе говорил!» Ши зыркнул на него в ответ и быстро повернулся к Мениону.

— Не могу поверить, что мы заблудились! Неужели нельзя определить направление?

— Готов выслушать ваши предложения.— Его друг потянулся с печальной улыбкой, бросил на буристую землю мешок и уселся рядом с мрачным Фликом.— В чем дело, старина Флик? Я снова вас подвел?

Флик сердито посмотрел на принца, но, натолкнувшись на взгляд его серых глаз, передумал высказывать вслух свое недовольство. В глазах принца застыла искренняя тревога, даже печаль. Он тяжело переживал, что не оправдал доверия друзей. С необычной для него пылкостью Флик успокаивающе похлопал Мениона по плечу и молча кивнул. Внезапно Ши вскочил на ноги, кинулся к своему мешку и принялся торопливо рыться в пожитках.

— Камни должны нам помочь! — воскликнул он.

Друзья с недоумением уставились на хрупкого юношу, но уже через мгновение подскочили ближе, уловив его мысль. А Ши тем временем извлек из-за пазухи потертый кожаный

мешочек. Все трое застыли в немом ожидании, надеясь на волшебную силу камней, которые помогут им выбраться из дикой пустоши Клета. Ши торопливо развязал шнурок и осторожно вытряхнул три голубых камешка на ладонь. Затаив дыхание, они завороченно смотрели на тусклое мерцание.

— Подними их повыше, Ши, — нетерпеливо предложил Менион. — Может, им нужно больше света.

Ши послушался, с волнением наблюдая за голубыми камнями. Ничего не происходило. Он подождал еще немного и опустил руку. Алланон велел использовать эльфийские камни только в случае крайней опасности. Быть может, такое время еще не пришло и камни не могут проявить свое могущество? Ши начал отчаиваться, понимая, что совершенно не представляет, как воспользоваться волшебным оружием. Он обреченно посмотрел на друзей.

— Сделай что-нибудь! Не стой! — с горячностью воскликнул Менион.

Ши зажал камни между ладонями и сильно потер их друг о друга, потом встряхнул и бросил как игральные кости. И снова ничего не произошло. Он медленно собрал камни с мокрой земли и тщательно вытер их досуха. Казалось, юноша не мог оторвать глаз от глубокой синевы камней, сосредоточенно изучая их ясную, прозрачную, как стекло, сердцевину, словно именно там таился секрет могущества сокровища эльфов.

— Может, тебе поговорить с ними, что ли... — начал было Флик, но в отчаянии умолк.

Неожиданно перед мысленным взором Ши промелькнуло отрешенное лицо Алланона. А если попытаться разгадать секрет эльфийских камней иначе, осенила его внезапная догадка. Держа камни на раскрытой ладони, юноша закрыл глаза и мысленно погрузился в глубокую синеву, пытаясь отыскать в ней ту силу, в которой они так отчаянно нуждались. Думая лишь о своем жгучем желании, он умолял камни о помощи. Прошли мгновения, а быть может, часы, когда он открыл глаза, и все трое в немом ожидании принялись смотреть на слабое голубое мерцание, тусклыми бликами прорезавшее влажный ночной воздух.

Вдруг, с неистовой силой, камни вспыхнули ослепительным голубым светом, который заставил друзей отшатнуться и прикрыть глаза руками. Сияние было настолько мощным, что Ши от изумления едва не выронил небольшие камешки. Яркое свечение усиливалось, заливая мертвую землю слепящим сиянием, от которого померкло бы даже солнце. Завороженные чудесной картиной, друзья смотрели, как темно-голубое свечение медленно разгоралось чистейшим лазоревым цветом. Оно становилось все ярче, ровнее и внезапно вырвалось гигантским лучом, который стремительно метнулся влево и без труда разрезал тягучий серый сумрак, осветив внезапно возникшие в сотнях ярдов впереди огромные корявые силуэты древних Черных Дубов. Лишь один пронзительный миг свет указывал дорогу, а затем погас. Серый туман вернулся вместе с промозглой сыростью, а три скромных голубых камешка мягко светились в ночи тем же неярким светом, что и раньше.

Первым опомнился Менион, бодро хлопнул Ши по плечу и широко улыбнулся. Одним решительным движением горец закинул за спину мешок и вознамерился продолжить путь, устремив глаза на невидимую точку, за которой скрывались Черные Дубы. Ши торопливо ссыпал эльфийские камни в мешочек, братья подхватили свои пожитки, и, не говоря ни слова, все трое бодро зашагали вперед, высматривая в мглистом сумраке долгожданный лес. Промозглый серый туман и сводящая с ума размеренная морось последних пяти дней тут же позабылись, как позабылось и отчаяние, гнетущее их сердца лишь несколько мгновений назад. Осталась лишь незыблемая вера в то, что безжизненные болота скоро останутся позади. Они не задавали друг другу вопросов и ни единой секунды не сомневались в том, что волшебный луч не обманул их. Несмотря на то что Черные Дубы были самым опасным местом Южных земель, по сравнению с мертвящим Клетом они казались для измученных путников избавлением.

Они продолжали идти вперед, время тянулось мучительно медленно. Никто из них не знал, сколько часов или минут длился этот трудный переход, пока наконец стена серо-

го марева неохотно расступилась и взорам путников предстали огромные шишастые стволы, уходящие в туманную высь. Изможденная троица разом остановилась, радостно глядя на бесконечные ряды угрюмых лесных чудовищ, застывших перед ними плотной стеной необхватных исполинских стволов с сырой морщинистой корой, которые несчетные века сидели в этой земле своими могучими корнями и останутся здесь, покуда не погибнет все живое вокруг. Даже в тусклом туманном свете зрелище внушало трепет, и все трое тотчас ощутили присутствие в этих лесах жизни, столь невероятно древней, что невольно хотелось выразить глубочайшее почтение к ее летам. Они словно переместились в иное время, иной мир, окутанный восхитительной магией опасной сказки.

— Камни не ошиблись, — едва слышно проговорил Ши, и улыбка осветила его усталое, но счастливое лицо. Он облегченно выдохнул и широко улыбнулся, блеснув зубами.

— Черные Дубы, — зачарованно прошептал Менион.

— Ну вот, опять начинается, — вздохнул Флик.

Глава 6

На ночевку они остановились под защитным покровом Черных Дубов, на небольшой полянке, окруженной могучими деревьями и густым кустарником, скрывшими от путников зловещие низины Клета всего в пятидесяти ярдах к западу. В лесу непроницаемый туман рассеялся, и над величественным пологом из переплетенных ветвей и листьев путники наконец увидели небо. Если в губительных низинах не было ни малейших следов жизни, то меж гигантскими дубами в ночном воздухе то и дело раздавались приглушенные шорохи скрытых от глаз лесных обитателей. Было радостно снова услышать живые звуки, и трое усталых путников расслабились впервые за много дней. Однако в потаенных уголках памяти еще хранилась печальная история их прошлого похода в это обманчиво мирное место, когда долгие дни они блуждали по лесу и едва не стали пищей для голодных волков, обитавших в лесной чаще. Да и другие рассказы о неудачливых путниках, которые пытались пройти через этот лес, не могли не настораживать.

Однако под сенью Черных Дубов молодые южане быстро почувствовали себя в безопасности и стали собирать дрова для костра. К счастью, сухого валежника в лесу было предостаточно. Друзья стянули с себя мокрую одежду и развесили на веревке над небольшим костром. Быстро приготовили нехитрую еду и в первый раз за пять дней с жадностью проглотили горячий ужин. Мягкая ровная земля оказалась весьма удобной постелью в отличие от раскисшей почвы низин. Друзья улеглись на спину и принялись смотреть на небо в про-

регах далеких верхушек деревьев, которые мягко колыхались на неспешном ветру. Яркий костер выстреливал оранжевыми языками пламени, и казалось, что рядом с ними не ночной костер, а огонь алтаря бескрайнего святилища. Мерцающий свет плясал на грубой коре деревьев, выхватывая из темноты мягкий зеленый мох, покрывающий могучие стволы. Лесные насекомые гудели веселым слаженным хором. Время от времени неосторожная мошка залетала в огонь, и ее короткая жизнь обрывалась с яркой вспышкой. Раза два друзья слышали шорох небольших зверьков за пределами светлого круга костра, которые настороженно наблюдали за непрошеными гостями из безопасной темноты.

Спустя некоторое время Менион перекатился на бок и с любопытством посмотрел на Ши.

— Откуда эти камни черпают свою силу, Ши? Неужели они могут исполнить любую просьбу? Что-то не верится...

Он замолчал и с сомнением покачал головой. Ши по-прежнему неподвижно лежал на спине, вглядываясь в небо, и вновь обдумывал события прошедшего дня. С тех пор как эльфийские камни показали свою чудодейственную силу, осветив им дорогу к Черным Дубам, ни один из трех друзей не заговаривал о чуде, которое видел собственными глазами. Ши мельком посмотрел на Флика, почувствовав его внимательный взгляд.

— Вряд ли я имею над ними какую-то власть, — отрывисто произнес Ши. — Мне показалось, они сами приняли решение... — Он помолчал, а потом рассеянно повторил: — У меня нет над ними власти.

Менион задумчиво кивнул и снова улегся на спину. Флик кашлянул.

— А какая разница-то? Они ведь вывели нас из того жуткого болота.

Менион выразительно посмотрел на Флика и пожал плечами.

— Было бы полезно знать, когда можно рассчитывать на подобную поддержку, тебе не кажется? — Он тяжело вздохнул и сцепил руки за головой, взгляд его переместился на костер.

Флик неловко заерзал по другую сторону костра, быстро переводя обеспокоенный взгляд с брата на Мениона и обратно. Ши ничего не сказал, устремив глаза на видимую только ему одному точку в вышине.

Прошло много времени, прежде чем горец снова заговорил.

— Что ж, по крайней мере, мы забрели довольно далеко, — бодро объявил он. — Посмотрим, что нас ждет дальше!

Он сел и принялся чертить карту на сухой земле. Ши с Фликом сели рядом и стали внимательно наблюдать.

— Сейчас мы здесь. — Менион указал на точку на земляной «карте», обозначавшую кромку Черных Дубов. — Во всяком случае, мне так кажется, — добавил он быстро. — На севере Туманная топь, еще дальше на север — Радужное озеро, в него впадает Серебристая река, текущая с востока из лесов Анара. Завтра нам лучше всего двинуться на север и идти, пока не дойдем до Туманной топи. Потом обогнем болото по краю, — он начертил длинную линию, — и окажемся с другой стороны Черных Дубов. Оттуда мы сможем пойти прямо на север, пока не упремся в Серебристую реку, которая благополучно приведет нас в Анар.

Он замолчал и поглядел на своих спутников. Кажется, ни у одного из них план не вызывал восторга.

— Да в чем дело? — с недоумением воскликнул он. — Только такой дорогой мы сможем миновать Черные Дубы, нам не придется продираться через лес, и мы не заблудимся, как в прошлый раз. Не забывайте, что волки там до сих пор рыщут!

Ши медленно кивнул и нахмурился.

— Сам план неплохой, — начал он с сомнением, — просто мы слышали рассказы о Туманной топи...

От изумления Менион хлопнул себя ладонью по лбу.

— О нет! Ты об этих бабских сказках про Туманного призрака, который будто бы бродит по краю болота в надежде сожрать сбившегося с дороги путника? Только не говори, что вы верите в подобные бредни!

— Тебя послушать, так все прекрасно, — сердито вмешался Флик. — Быстро же ты забыл, как перед прошлым походом убеждал нас в полной безопасности Черных Дубов!

— Ладно-ладно,— примирительно произнес охотник.— Я вовсе не утверждаю, что это самое безопасное место на свете, да и странные существа в здешних лесах тоже водятся. Но никто никогда не видел загадочного обитателя болот, а волков мы видели своими глазами. Так что вы выбираете?

— Наверное, твой план самый удачный,— торопливо заговорил Ши.— Но я бы предпочел продвинуться как можно дальше на восток через лес, тогда мы сможем миновать большую часть Туманной топи.

— Согласен! — воскликнул Менион.— Только это может оказаться не так-то легко, когда солнце не показывается по три дня кряду и никто не знает, где этот самый восток.

— Надо залезть на дерево,— будничным тоном произнес Флик.

— Залезть на...— Горец изумленно замолк на полуслове.— Ну конечно! Как же я сам не догадался? Залезть на двухсотфутовый скользкий, поросший мхом ствол с голыми руками и ногами — что может быть проще! — Он в насмешливом восхищении потряс головой.— Иногда ты меня просто поражаешь.

Он утомленно посмотрел на Ши в надежде на его поддержку, но южанин в волнении уставился на брата.

— Ты взял снаряжение? — спросил он с удивлением, и, когда брат в ответ кивнул, Ши горячо похлопал его по широкой спине.

— Сапоги, перчатки и веревка,— быстро пояснил он озадаченному принцу Лиха.— Флик лазает по деревьям лучше всех в Доле, и если кто-то может забраться на один из этих великанов, то только он!

Ничего не понимая, Менион затряс головой.

— Сапоги и перчатки покрываются особым составом, перед тем как лезть на дерево, их поверхность становится шершавой и хорошо держится даже на скользкой мшистой коре. Завтра Флик заберется на один из этих дубов и посмотрит, в какой стороне солнце.

Флик самодовольно хмыкнул и кивнул.

— Да, действительно чудо из чудес.— Менион покачал головой и поглядел на крепыша из долины.— Даже тугодумы

начинают проявлять смекалку. Друзья мои, у нас все получится!

На следующее утро, когда они проснулись, в лесу по-прежнему было темно, лишь бледные отсветы дня проникали сквозь высокие кроны дубов-исполинов. Прозрачный туман заползал в лес с сумрачных низин, которые с кромки леса казались такими же мрачными и безрадостными, как и раньше. В лесу веяло прохладой, но то была не сырая, пробирающая до костей промозглость низин, а, скорее, бодрящий, хрусткий холод раннего утра в лесу. После короткого завтрака Флик приготовился лезть на один из уходящих ввысь дубов. Он натянул тяжелые мягкие сапоги и перчатки, а Ши покрыл их толстым слоем какой-то пасты из маленькой коробочки. Менион с насмешливым видом наблюдал за их приготовлениями, но, когда коренастый житель долин обхватил основание громадного дерева и с проворством, которое никак не вязалось ни с его тучностью, ни со сложностью дела, быстро начал взбираться к вершине, его ехидство быстро сменилось нескрываемым изумлением. Цепляясь за могучий ствол крепкими руками и ногами, Флик скоро подобрался к путанице толстых ветвей, где подъем сделался труднее и несколько замедлился. На короткое время он исчез из виду, добравшись до самой верхушки дерева, затем снова появился и быстро спустился вниз по гладкому стволу.

Снаряжение для лазания по деревьям быстро собрали, и отряд двинулся на северо-восток. Узнав с помощью Флика, где находится солнце, друзья вознамерились выйти к восточной оконечности Туманной топи. По расчетам Мениона, переход через лес должен был занять не больше одного дня. Выйдя ранним утром, они предполагали миновать Черные Дубы еще до наступления темноты. Поэтому они выстроились гуськом и размеренно зашагали выбранной дорогой, по временам ускоряя ход. Впереди шел зоркий Менион, всецело доверяясь в полумраке своему охотничьему чутью. Ши шел следом за ним, а Флик замыкал отряд, время от времени оглядывая через плечо недвижный лес. Всего трижды путники останавливались на короткий привал и еще один раз для быстрого незамысловатого обеда. Переговаривались они не-

много, но всегда разговоры вели легкие и бодрые. День быстро подошел к концу, приближение ночи ощущалось все сильнее. А лес впереди так и тянулся, и ничто не указывало на скорое появление малейшего просвета между толстыми стволами вековых дубов. Снова появился серый туман, он медленно наползал на тропу быстро густеющими клубами. Но это был другой туман. Непохожий на изменчивое марево низин, лесной туман скорее напоминал дым, и друзьям казалось, что он намертво прикипает к телу и одежде, цепляясь какой-то особенно неприятной хваткой. Возникало странное чувство, будто сотни маленьких липких холодных ладошек пытаются сбить путников с ног, и у всех троих все более настойчивые прикосновения вызвали стойкое отвращение. Менион решил, что тяжелая мгlistая полоса ползет из Туманной топи, а значит, выход из леса уже близко.

Постепенно туман стусился, и разглядеть что-либо в двух шагах от себя стало невозможно. Медленно, на ощупь, Менион продолжал идти вперед, видимость ухудшалась с каждым шагом, и путники старались держаться как можно ближе друг к другу, чтобы не потеряться в сплошной пелене тумана. Тем временем день подошел к концу, на лес опустилась почти непроглядная тьма, и, вкупе с все наползающим странным туманом и висящей в воздухе стеной клубящейся сырости, дорога стала совершенно невидимой. Путникам казалось, что они внезапно угодили в некий призрачный мир, и только твердая, хотя и невидимая земля, по которой они ступали, служила единственным доказательством реальности происходящего. В конце концов рассмотреть что-либо стало настолько сложно, что Менион велел братьям обвязаться веревкой, а конец ее передать ему, чтобы не потерять друг друга. Они сноровисто выполнили приказ, и осторожное движение вперед возобновилось. Менион знал, что Туманная топь близка, и старательно вглядывался в серую мглу, пытаясь увидеть просвет.

Но все же, когда они вышли к границе болота с северной оконечности Черных Дубов, Менион понял это, только провалившись по колено в вязкую зеленую воду. Застигнутый врасплох холодной, мертвящей хваткой болотной тины, Ме-

нион начал отчаянно сопротивляться и только сильнее увязал в трясине, успев громким криком уберечь братьев от такой же участи. В ответ на его крик они вцепились в веревку, связывающую всех троих, и быстро вытянули друга из болота, спасая от верной смерти. Зловещие, затянутые тиной воды огромного болота лишь прикрывали бездонные топи, которые засасывали свои жертвы с верностью зыбучих песков, хотя и не так быстро. Любой зверь или человек, угодивший в их объятия, был обречен на медленную мучительную смерть от удушья в этой пропасти без дна и предела. Несчитанные века ее безмятежная гладь обманывала беспечных путников, которые пытались пройти через болото или обогнуть его по краю, а то и просто попробовать ногой темную воду, и теперь их разлагающиеся останки лежали в общей могиле в мрачной глубине, таящейся под мирной поверхностью. Молча стояли на берегу трое друзей, глядя на трясину и невольно содрогаясь от ужаса перед ее темными тайнами. Даже Менион Лих вздрогнул, вспомнив леденящее прикосновение липкой трясины, приглашавшей его разделить судьбу многих непрощенных гостей. Какое-то заволаживающее мгновение тени мертвецов маршировали перед ними, а затем исчезли.

— Что случилось? — воскликнул вдруг Ши, его голос, разрезавший тишину, показался оглушительным. — Мы ведь должны были миновать болото!

Менион посмотрел вверх и огляделся вокруг, потом покачал головой.

— Мы отклонились слишком далеко на запад. Теперь придется идти на восток по краю трясины, пока не выберемся из этого тумана и из Черных Дубов.

Он помолчал, вспомнив о времени суток.

— Я не буду ночевать в таком месте, — с жаром заявил Флик, угадав, к чему клонит горец. — Лучше я буду идти всю ночь и весь завтрашний день или даже целых два дня!

Они быстро решили идти дальше по кромке Туманной топи, пока не доберутся до открытых земель на востоке, и только там остановиться на ночлег. Ши по-прежнему боялся угодить на открытой местности прямо в лапы посланникам Черепа, но верная угроза утонуть в болоте пересилила

даже этот страх, единственным его желанием было убраться из гибельного места как можно скорее. Троица затянула веревку на поясах и дружно двинулась вдоль неровного берега трясины, не сводя глаз с едва заметной тропки под ногами. Менион вел их осторожно, избегая ступать в предательскую путаницу корней и трав, во множестве растущих вдоль болота; перекрученные, завязанные в узлы заросли казались живыми в призрачных отсветах клубящегося серого тумана. Время от времени почва превращалась в топкую грязь, не менее опасную, чем сама трясина, и такие участки тоже приходилось обходить. Иногда путь преграждали громадные деревья, их могучие стволы тяжело нависали над тусклой безжизненной поверхностью болотных вод, ветви печально клонились вниз, застыв в ожидании смерти, которая притаилась всего в нескольких дюймах под ними. Если в низинах Клета они шли по умирающей земле, то эта трясина сама была смертью — вечной, бесконечной смертью, которая тихо притаилась в самом сердце земель, ею же безжалостно уничтоженных. Пронизывающая до костей сырость низин вновь вернулась, а вместе с ней и необъяснимое чувство тревоги, словно застойные воды гибельной трясины, затянутые туманом, вот-вот вцепятся в усталых путников. Туман в вышине медленно клубился, хотя ветра не было, ни малейшее дуновение не колыхало высокие болотные травы и умирающие дубы. Вокруг стояла глубокая тишина вечной смерти, уверенной в своем неизменном превосходстве.

Прошел почти час, когда Ши впервые кольнуло тревожное чувство. Безотчетный страх захватывал юношу исподволь, пока все его инстинкты не напряглись в попытке отыскать причину беспокойства. Молча шагая рядом с друзьями, он вглядывался в огромные дубы, в замершее болото и напряженно прислушивался к звенящей тишине. Наконец, обмирая от страха, юноша явственно ощутил чье-то незримое присутствие и понял, что они здесь не одни. Скрытый туманом, таинственный невидимка пристально наблюдал за каждым их шагом. От пронзившего его ужаса Ши не мог выговорить ни слова. Одеревеневшей походкой он шагал вперед, со страхом ожидая, что в следующую секунду произойдет не-

что ужасное. Но затем, собрав всю волю в кулак, он успокоил мятушиеся мысли и резко остановился.

Менион с недоумением обернулся, но Ши предостерегающе поднес палец к губам и махнул рукой в сторону трясин. Флик уже настороженно изучал болото, его чутье лишь подтверждало опасения брата. Они долго стояли без движения на краю топи, сосредоточив слух и зрение на непроницаемом тумане, лениво клубившемся над поверхностью мертвых вод. Тишина давила тяжким грузом.

— Мне кажется, ты ошибся, — прошептал наконец Менион, несколько расслабляясь. — Иногда от сильной усталости и не такое померещится.

Ши упрямо замотал головой и взглянул на Флика.

— Не знаю, — отозвался тот. — Мне кажется, я что-то чувствую...

— Туманного призрака? — поддразнил Менион с усмешкой.

— Может, ты и прав, — быстро произнес Ши. — Я здорово устал, и мне могло померещиться что угодно. Идем дальше, надо выбираться отсюда.

Они поспешили возобновить свой унылый путь, но еще несколько минут каждый с тревогой вслушивался в тишину. Однако звенящую тишь ничто не нарушало, и мало-помалу друзья успокоились. Но едва Ши успел убедить себя, что ошибся и от долгого недосыпания стал жертвой своего разыгравшегося воображения, как раздался крик Флика.

В тот же миг Ши ощутил, что веревка, связывающая его с друзьями, резко дернулась и потащила его в сторону болота. Он потерял равновесие и упал, ничего не видя в густом тумане. Лишь на мгновение ему показалось, что перед глазами промелькнуло тело брата, зависшее в нескольких футах над трясинной и все еще обвязанное веревкой. В следующую секунду Ши почувствовал, как ледяная топь хватает его за ноги.

Наверное, они все погибли бы, если бы не проворство принца Лиха. При первом же резком рывке веревки он инстинктивно вцепился в ближайшую опору, чтобы устоять на ногах. Опорой оказался огромный тонуший дуб, ствол его так

глубоко ушел в зыбкую почву, что до верхних ветвей можно было дотянуться, и Менион тут же зацепился локтем за ближайший сук, а второй рукой держал веревку, привязанную к поясу, пытаясь тянуть ее на себя. Ши, который уже по колено провалился в болотный ил, ощутил, как натянулась веревка со стороны Мениона, и собрался с силами, чтобы помочь другу. Над темной трясинной слышались громкие крики Флика, Менион и Ши кричали что-то в ответ, пытаясь подбодрить товарища. Внезапно веревка между Фликом и Ши провисла, и из серого сумрака возник крупный силуэт Флика Омсфорда, отбивающегося от кого-то невидимого и все еще парящего над поверхностью воды; казалось, что его держит за пояс зеленое, покрытое тиной щупальце. В правой руке Флик сжимал длинный серебристый нож и резкими сильными ударами всаживал зловеще поблескивающее в темноте лезвие в схватившую его тварь. Ши сильно дернул за веревку, стараясь помочь брату освободиться, и это ему удалось, потому что в следующий миг щупальце убралось обратно в туман, выпустив брыкающегося Флика, который, разумеется, тут же плюхнулся в болото.

Едва успел Ши вытянуть измученного борьбой брата из объятий трясины, освободить его от веревки и помочь встать на ноги, как еще несколько зеленых лап высунулись из затянутого туманом мрака. Они сбили дрожащего Флика на землю, а одно щупальце сомкнулось на левой руке ошеломленного Ши раньше, чем он успел отскочить. Юноша почувствовал, как его тянет в трясину, и тоже выхватил нож, чтобы с неистовой силой всадить его в покрытое слизью щупальце. Сражаясь, он заметил на болоте огромную глыбу, скрытую туманом и ночной темнотой. А Флика тем временем схватили еще два щупальца, и его крепко сбитое тело неотвратимо приближалось к кромке воды. Ши яростно высвободился из скользкой хватки, глубоко порезав омерзительную конечность мощным ударом ножа; сиюсь дотянуться до брата, он ощутил еще одно щупальце, которое схватило его за ногу и опрокинуло на землю. Падая, он ударился головой о корень дуба и потерял сознание.

И снова их спас Менион; его гибкая фигура выскочила из темноты, тускло сверкнул длинный меч, описав широкую дугу, и одним мощным ударом отсек щупальце, которое цепко держало лежащего без чувств Ши. Мгновение спустя горец очутился рядом с Фликом, прорубив себе дорогу через частокोल скользких зеленых лап, которые внезапно потянулись к нему из темноты, и серией быстрых точных ударов освободил второго брата. На мгновение щупальца снова исчезли в затянута туманом болоте, и Флик с Менионом поспешили унести бездвижного Ши подальше от незащищенного края воды. Но прежде чем они успели добраться под спасительную сень дубов, из темноты снова высунулись отвратительные зеленые лапы. Не колеблясь ни секунды, Менион с Фликом закрыли собой Ши и яростно набросились на болотных чудовищ. Борьба была беззвучной, слышалось лишь тяжелое дыхание людей да свист разрезаемого мечом воздуха; каждый новый удар приходился точно в цель, и мерзкие зеленые щупальца разлетались на мелкие клочки. Однако полученные увечья, казалось, не причиняли чудищу из трясины особого вреда — после каждого нового удара оно нападало с удвоенной яростью. Менион проклинал себя за то, что позабыл о необходимости держать под рукой ясеневиный лук и теперь не может выстрелить в то, что скрывается за пеленой тумана.

— Ши! — в отчаянии выкрикнул он. — Ши, очнись, иначе, как бог свят, мы все покойники!

Бесчувственное тело рядом с ними слабо шевельнулось.

— Вставай, Ши! — хрипло уговаривал Флик, руки его онемели от страшного напряжения и едва удерживали меч.

— Камни! — выкрикнул Менион. — Доставай эльфийские камни!

Ши с усилием встал на колени, но его тут же снова опрокинули на землю в пылу борьбы. Он слышал крики Мениона и потянулся к дорожному мешку, почти сразу же осознав, что выронил его, пока спасал Флика. Мешок виднелся в нескольких ярдах справа, и зеленые щупальца уже зловеще нависали над ним. Менион, казалось, прочитал мысли друга и бросился вперед с диким воплем, прорубая длинным мечом дорогу для остальных. Флик держался рядом, не выпуская из

руки маленький нож. Собрав угасающие силы, Ши вскочил на ноги и кинулся к своей котомке с драгоценными эльфийскими камнями. Ловко увернувшись от цепких зеленых лап, он добежал до цели и сунул руку внутрь сумы, пытаясь нащупать кожаный мешочек с камнями, как вдруг в ногу его мертвой хваткой впилась скользкая зеленая лапа. Отчаянно брыкаясь, он судорожно искал камни. На какой-то миг Ши показалось, что он потерял сокровище, но затем пальцы наконец нащупали небольшой мешочек, и юноша с силой рванул его из лежащей на земле сумы. Неожиданный удар извивающегося щупальца едва не заставил его выронить драгоценную ношу, и Ши крепко прижал камни к груди, мучительно медленно развязывая шнурок онемевшими пальцами. Флику пришлось так далеко отступить назад, что он споткнулся о лежащего Ши, опрокинулся на спину, и щупальца накрыли их обоих. Теперь только тонкий силуэт Мениона, крепко сжимавшего меч королей Лиха, отделял их от громадного врага.

Не успев опомниться, Ши обнаружил у себя на ладони три голубых камешка, наконец-то освобожденных из плена. Он отпрянул назад, с усилием поднялся на ноги и громко закричал, крепко сжимая камни, слабо мерцавшие в темноте. Сила, заключенная в них, высвободилась тотчас же, заливая тьму ослепительным голубым свечением. Флик с Менионом отскочили назад, прикрывая от света глаза. Щупальца в нерешительности замерли и отступили, а когда трое друзей отважились снова взглянуть на болото, они увидели, как слепящий свет эльфийских камней ринулся в туман над трясинной, разрезая клубы испарений с точностью острейшего ножа. Они увидели, как яркий луч сокрушительной силы ударил по огромной туше болотного чудовища, разметаю его в клочья, и их враг медленно скрылся под затянутой ряской водой. В тот же миг свечение над исчезающей зеленой глыбой сравнялось по яркости с небольшим солнцем, от воды пошел пар, вверх, к мглистым небесам, рванулись языки голубого пламени. Болото озарил ослепительный свет, но уже в следующее мгновение туман и ночная темнота вернулись, и трое друзей снова остались одни в висящей над топями черноте.

Они быстро убрали в ножны оружие, подхватили брошенные дорожные мешки и отступили назад к величественным черным дубам. Болото казалось таким же безмятежным, как до этого неожиданного нападения, мутные воды зловеще затаились под серой дымкой. Несколько минут никто не произносил ни слова, друзья молча стояли, привалившись к широким стволам, и тяжело дышали, радуясь счастливому спасению. Флик вымок до нитки в болотной жиже, Ши провалился в воду по пояс. Немного отдышавшись, они начали медленно ходить взад-вперед в надежде согреться и спастись от мерзвющего холода ночного воздуха.

Понимая, что оставаться возле гибельной трясины дольше нельзя, Менион оторвал измученное тело от шершавого ствола и одним ловким движением забросил за спину мешок. Ши с Фликом быстро последовали его примеру, хотя и с меньшей охотой. Они быстро договорились, куда лучше всего направиться. Выбор был невелик: прорываться через Черные Дубы, рискуя заблудиться и нарваться на рыщущих по лесу волков, или же идти дальше по кромке трясины, чтобы во второй раз столкнуться с Туманным призраком. Ни то ни другое не вызывало восторга, однако схватка с тварью из Туманной топи была слишком свежа в памяти, чтобы кому-нибудь из друзей захотелось пережить ее вновь. Поэтому они решили идти под прикрытием деревьев, стараясь по возможности не отклоняться от береговой линии болота и надеясь через несколько часов выйти на равнину. Усталость и долгий, полный опасностей путь вытеснили из мыслей юношей почти все здравые рассуждения сегодняшнего утра. Окруженные странным пугающим миром, измученные путники могли думать лишь о том, как скорее прорваться через опасный лес, чтобы хоть немного поспать. Не думая ни о чем другом, друзья потеряли всякую осторожность и забыли снова обвязаться веревкой.

Они продолжили путь в том же порядке: Менион шел впереди, Ши в нескольких шагах за ним, а Флик замыкал процессию; все двигались размеренно и молча, думая лишь о залитых солнечным светом лугах, которые приведут их в Анар. Туман, казалось, понемногу исчезал, и, хотя силуэт шедшего

впереди Мениона едва вырисовывался, Ши достаточно ясно видел его, чтобы идти следом. Однако порой и Ши, и Флик теряли горца из виду, и им приходилось напрягать зрение, чтобы продолжать нескончаемый путь по тропе, проложенной для них Менионом. Минуты тянулись мучительно долго, все хуже путники различали дорогу, нестерпимо хотелось спать. Вязкие минуты складывались в долгие, нескончаемые часы, а они по-прежнему брели сквозь туманную дымку под величественными черными дубами. Они уже не знали, как далеко продвинулись, не знали, как долго длится их бесконечный путь. Вскоре это потеряло всякое значение. Словно сомнамбулы, они брели по миру полуснов и бессвязных мыслей, и не было конца этому утомительному движению, этим вечным молчаливым черным стволам, которые надвигались и уходили назад бесчисленными рядами. Внезапно налетевший из темноты ветер нарушил сонное размеренное движение, порывы его становились все сильнее, сначала ветер невнятно нашептывал что-то, потом звук пошел на крещендо, и вскоре его шум волшебным образом заморозил путников. Голос ветра зывал к ним, напоминая о быстротечности прошлого и будущего, предупреждал о том, что смертным не место в этих землях, уговаривал усталых путников прилечь и забыться мирным сном. Из последних сил они сопротивлялись искушающим словам, сосредоточившись лишь на том, чтобы бездумно переставлять ноги в бесконечной цепочке шагов. В какой-то миг все трое двигались неровной линией, и вдруг Ши поднял голову и понял, что Менион исчез.

Сначала он просто не придавал этому значения, его обычно ясный ум туманился от долгого недосыпания, и Ши продолжал медленно брести вперед, лениво высматривая неясный силуэт высокого горца. Затем он резко остановился, пораженный внезапным страхом, и понял, что они потерялись. Он отчаянно рванулся к Флику, вцепился в просторную рубашку брата, и измученный, засыпающий на ходу Флик натолкнулся на него. Бессмысленно глядя на Ши, Флик даже не поинтересовался, почему они остановились, он лишь надеялся, что теперь можно будет упасть на землю и вдоволь выспаться. Ветер в темном лесу, казалось, взорвался веселым

ликованием, когда Ши в отчаянии звал принца горного королевства и слышал в ответ лишь эхо собственного крика. Он звал снова и снова, срывая голос от отчаяния и страха, но никто не откликался, только эхо, приглушенное и искаженное яростными завываниями ветра, который бесновался над молчаливыми громадами вековых дубов, застревая в шуршащей листве, отвечало ему. Один раз Ши показалось, что кто-то зовет его по имени, он тотчас ринулся на зов, потащив за собой измученного Флика, но никого не нашел. Упав на землю, он в отчаянии выкрикивал имя друга, но лишь насмешливый хохот ветра отвечал ему.

Глава 7

Когда Ши проснулся, был уже полдень. Лежа на спине в высокой траве, он сквозь полузакрытые веки смотрел на льющийся с неба жаркий поток. Сначала он ничего не мог вспомнить из событий прошедшей ночи, помнил только, что они с Фликом потеряли Мениона где-то в Черных Дубах. Почти проснувшись, он приподнялся на локте, сонно огляделся и обнаружил, что находится в открытом поле. Зловещие Черные Дубы возвышались у него за спиной, и Ши понял, что умудрился все же отыскать выход из ужасного леса, прежде чем потерял сознание. Он даже не представлял, как ему удалось найти в себе силы, чтобы завершить переход. Он вообще не помнил, как вырвался из нескончаемого леса и оказался на этой травянистой равнине. Все произошедшее казалось странно далеким, когда он протирает глаза и вдыхал свежий воздух сочных лугов, наслаждаясь ласковым солнцем. Впервые за много дней Анарские леса не казались недостижимой мечтой.

Внезапно он вспомнил о Флике и встревоженно огляделся в поисках брата. В следующее мгновение он увидел в нескольких ярдах коренастую фигуру. Флик безмятежно спал. Ши медленно встал и лениво потянулся, высматривая свою котомку. Наклонившись, он принялся искать в ней мешочек с эльфийскими камнями, пока не удостоверился, что они целы и невредимы. Прихватив свою поклажу, он, с усилием переставляя ноги, доплелся до спящего брата и осторожно потряс его за плечо. Флик недовольно заворчал, явно не желая просыпаться. Ши пришлось трясти его еще несколько раз,

прежде чем Флик неохотно открыл глаза и с кислой миной посмотрел перед собой. Увидев Ши, он поднялся и сел, затем медленно огляделся.

— Ух ты, мы выбрались! — воскликнул он. — Как же нам это удалось? Ничего не помню. Помню, как мы потеряли Мениона, потом очень долго плутали, я уж подумал, что ноги вот-вот отвалятся.

Ши улыбнулся и похлопал брата по спине. Он был благодарен Флику, ведь тот разделил с ним все тяготы долгого путешествия. И несмотря на невзгоды и опасности, Флик не утратил своей веселости. Ши вдруг понял, как сильно любит Флика, чья преданная дружба была сильнее кровных уз родства.

— Да, мы выбрались, — улыбнулся он, — и мы пройдем весь путь до конца, если, конечно, мне удастся тебя поднять.

— Невероятно, насколько несносными бывают некоторые люди. — Флик потряс головой в шутливом недоумении, а затем с трудом поднялся на ноги. Он вопросительно поглядел на Ши. — Интересно, где сейчас Менион?..

— Я не знаю.

Флик отвернулся, почувствовав горькое разочарование брата, хотя по-прежнему не хотел признаваться даже самому себе, что без принца Лиха им вообще не стоило бы пускаться в этот путь. Без видимых причин он не доверял Мениону, однако в лесу горел спас ему жизнь, а такую услугу Флик не мог забыть. Поразмыслив минуту-другую, он легонько хлопнул брата по плечу.

— Не переживай. Этот пройдоха точно объявится в самый неожиданный момент.

Ши кивнул, и разговор перешел к более насущным делам. Братья быстро договорились продолжать путь на север, дойти до Серебристой реки, которая впадает в Радужное озеро, и, двигаясь вверх по течению, добраться до Анара. Если удача улыбнется им, Менион тоже выйдет к реке и через несколько дней нагонит друзей. Прекрасный охотник и бывалый путешественник, он сумеет выбраться из Черных Дубов, отыщет их следы и пойдет той же дорогой. Ши очень не хотелось бросать друга, но он мудро рассудил, что они неиз-

бежно заблудятся, если вернутся за Менионом в Черные Дубы. Вдобавок посланники Черепа могли выследить беглецов, а Менион даже в зловещих лесах вряд ли столкнется с этой угрозой. Так что самым разумным решением братья посчитали продолжить путь.

Они бодро шагали по зеленым безмятежным лугам, надеясь выйти к Серебристой реке до наступления ночи. Уже давно перевалило за полдень, а они понятия не имели, далеко ли до реки. Теперь, когда солнце служило им проводником, они чувствовали себя гораздо увереннее, чем в туманной мгле Черных Дубов, где приходилось полагаться на собственное ненадежное чутье. Они живо болтали, наслаждаясь солнцем, которого не видели много дней, невыразимое чувство благодарности за то, что они все еще живы после суровых испытаний Туманной топи, переполняло их. Маленькие зверушки, завидев путников, разбегались врассыпную, птицы взлетали ввысь из сочной травы. Вдруг, в увядающем свете предзакатного солнца, Ши показалось, что он заметил на востоке медленно бредущего согбенного старичка. Однако близкие сумерки и отдаленность путника мешали юноше поручиться за свои глаза, а вскоре видение и вовсе исчезло. Флик ничего не заметил, и о странном происшествии вскоре забыли.

В сумерках они увидели на севере длинную тонкую ленту воды и тут же узнали знаменитую Серебристую реку, породившую чудесное Радужное озеро на западе и множество героических преданий, которые рассказывают при свете костра. Говорили, что здесь обитает легендарный король Серебристой реки, обладающий несметными богатствами и непревзойденной силой, однако его единственной заботой является великая река, он следит, чтобы ее воды всегда оставались стремительными и чистыми и для людей, и для зверей. По преданиям, он редко попадает на глаза путникам, но всегда приходит на помощь попавшим в беду или же наказывает тех, кто бесчинствует в его владениях. В свете закатного солнца река была прекрасна и призрачно серебрилась в блеклых лучах. Когда Ши и Флик дошли до берега, было уже

слишком темно, чтобы рассмотреть прозрачность знаменитой реки, но братья рискнули попробовать воду на вкус и нашли ее вполне чистой для питья.

На южном берегу они отыскивали уютную полянку под сенью ветвей двух могучих кленов и сочли ее превосходным местом для ночлега. Даже краткий дневной переход утомил их, и братья решили не рисковать и не выходить среди ночи на открытое место. Припасы подходили к концу, и путешественники с горечью понимали, что уже на следующий день придется самим добывать пропитание. Эта мысль показалась особенно удручающей, когда они вспомнили, что для промысла дичи вооружены лишь короткими и совершенно бесполезными охотничьими ножами. Единственный лук остался у Мениона. Братья молча доели остатки еды, не разводя костер, который мог привлечь к ним внимание. В безоблачном небе висел месяц, яркий белый свет тысяч звезд бескрайней галактики призрачной темно-зеленой дымкой окутывал реку и дальний берег. Закончив ужин, Ши повернулся к брату.

— Ты думаешь о нашем походе, о бегстве из родного дома? — спросил он. — Я хочу сказать, понимаешь ли ты, что с нами произошло?

— Ну и вопросы ты задаешь, — коротко отозвался Флик. Ши улыбнулся и кивнул.

— Наверное, ты прав. Просто я пытаюсь оправдаться перед самим собой, а это не так-то просто. Я могу понять большую часть того, о чем говорил Алланон, об опасностях, угрожающих наследникам меча. Но что хорошего получится, если мы будем отсиживаться в Анаре? Этот самый Брона, должно быть, рассчитывает получить что-то, кроме меча Шаннары, раз уж он взял на себя труд разыскать наследников эльфийского королевского рода. Чего же он хочет... как ты думаешь?

Флик пожал плечами и кинул камешек в быстрые потоки реки; мысли его разбредались, и внятный ответ никак не приходил в голову.

— Может, он жаждет власти, — предположил он рассеянно. — Разве не этого рано или поздно начинает добиваться каждый, у кого есть сила?

— Пожалуй,— не слишком уверенно согласился Ши, размышляя, что именно жажда власти привела народы к той черте, у которой они оказались, после того как за череду долгих жестоких войн едва не погибло все живое. Но с последней войны минуло много лет, и с появлением даже разобщенных поселений забрезжила надежда. Давние мечты о мирной жизни, казалось, скоро станут явью.

Он повернулся и встретил внимательный взгляд Флика.

— А что мы будем делать, когда доберемся до места?

— Алланон скажет,— чуть поколебавшись, ответил брат.

— Алланон не может вечно указывать нам, что делать,— быстро отозвался Ши.— Да я и не верю, что он рассказал о себе правду.

Флик согласно кивнул и вспомнил о первой, леденящей кровь встрече с великаном, когда тот тряс его, словно тряпичную куклу. Поведение мрачного странника пугало его, казалось, этот человек привык всегда и во всем поступать по-своему. Флик невольно вздрогнул, вспомнив о столкновении с призрачным посланником Черепа, и неожиданно понял, что спас его именно Алланон.

— А мне и не хочется знать о нем всю правду. Мне кажется, я и не пойму ничего,— негромко пробормотал Флик.

Ши вздрогнул от этих слов и снова уставился на посеребренные луной воды реки.

— Конечно, для Алланона мы лишь ничтожные людишки,— признал он,— но отныне я и пальцем не шевельну, пока мне не объяснят, ради чего все это!

— Может, и так,— донесся до него ответ брата.— А может, и...

Он многозначительно умолк; тишину нарушали лишь ночные шорохи да мирный плеск реки, Ши не стал продолжать разговор. Братья улеглись и быстро заснули, их усталые мысли неспешно плыли по ярким видениям красочного мира снов. В этом безопасном уединенном царстве грез их утомленный разум мог отдохнуть, забыв о тайных страхах перед неведомым будущим, и здесь же, в самом потаенном святилище человеческой души, они могли сразиться со своими страхами один на один и победить. Однако даже под умиро-

творяющие звуки ночной жизни и спокойное журчание Серебристой реки, уносящей с собой все печали, гнетущий призрак тревоги червем ввинтился в мир их снов, заслонил собой их мысленный взор, рассевшись в ожидании, криво, с ненавистью усмехаясь, прекрасно понимая, что терпение их безгранично. Братья судорожно вздрагивали во сне, не в силах избавиться от присутствия этого жуткого привидения, засевшего в глубине сознания скорее мыслью, чем образом.

Быть может, один и тот же призрак тревоги, источающий свой особенный запах страха, одновременно проник в напряженные умы юношей, заставив их разом проснуться; сон моментально слетел с них, а воздух наполнился холодящим душу безумием, которое цепко впилося в них, готовое раздавить. Они тотчас узнали леденящее чувство и, затаив дыхание, вслушались в звенящую тишину вмиг смолкнувшего леса, ужас отражался в их глазах. Мгновения шли, но ничего не происходило. Однако братья сидели не шелохнувшись, замерев в напряженном ожидании звуков, которые без сомнения должны были вскоре последовать. Затем они услышали зловещее хлопанье гигантских крыльев, посмотрели за реку и увидели громадный силуэт посланника Черепа, который едва ли не грациозно поднялся с темной равнины на севере и плавно заскользил к их убежищу. Застыв от ужаса, юноши смотрели, как сжимается расстояние между ними и черной тварью, страх сковал не только их тела, но и мысли. Пусть чудовище пока не заметило их, пусть даже не подозревает об их укрытии. Пройдет несколько мгновений, и охотник найдет своих жертв, убежать они не успеют, спрятаться нигде, и надежды на спасение нет. Ши почувствовал, как пересохло во рту, в сумятице скачущих мыслей мелькнуло воспоминание об эльфийских камнях, но разум остался глух. Окаменев, братья обреченно ждали смерти.

Которая чудесным образом не настала. Когда казалось, что слуга Повелителя чародеев вот-вот заметит их, его внимание отвлекла вспышка света на другом берегу. Он стремительно развернулся, свет польхнул вновь, чуть ниже по течению, а затем еще раз — или же то был обман зрения? Чудови-

ше без промедления ринулось туда, внимательно всматриваясь в темноту, его искушенный разум говорил ему, что поиски подошли к концу и долгая охота завершена. Однако черному созданию никак не удавалось отыскать источник света. Внезапно свечение вновь появилось и в мгновение ока исчезло без следа. Обезумевшее существо рванулось на приманку, решив, что манящий огонек затерян где-то далеко во тьме за рекой, среди тысяч крошечных оврагов и лощин. Таинственный свет вспыхивал снова и снова и каждый раз, словно дразня, уводил разъяренную тварь все дальше в луга. А на южном берегу застывшие от ужаса братья сидели в темноте, испуганно наблюдая, как крылатая тень стремительно удаляется от них, пока та не исчезла из виду.

Они не смели шелохнуться и после того, как посланник Черепа улетел. Вновь смерть прошла рядом, но им удалось избежать ее холодного прикосновения. Братья молча слушали, как объединенный хор ночных зверюшек и насекомых постепенно возвращается к жизни. Время шло, и вскоре они задышали свободнее, онемевшие тела расслабились, братья сели поудобнее и посмотрели друг на друга. Огромное облегчение ясно читалось в их испуганных глазах. Неожиданно таинственный свет, мерцавший за рекой, вспыхнул в нескольких сотнях ярдов у них за спиной, потом исчез на мгновение и снова забрезжил, уже ближе. Ши с Фликом замороженно смотрели, как странный огонек приближается к ним, слабо помаргивая.

Спустя несколько мгновений перед ними возник согбенный летами древний старик в одежде лесного отшельника, его седые волосы серебрились в звездном свете, лицо обрамляла длинная белая борода, аккуратно подстриженная и расчесанная. Странный огонек в руке старца показался ослепительно ярким с близкого расстояния, но никакого пламени братья не заметили. Внезапно огонек погас, а на его месте возник чудной цилиндр, который старик сжимал скрюченными пальцами. Он смотрел на юношей и приветливо улыбался. Ши молча разглядывал его морщинистое лицо, невольно чувствуя почтение к удивительному старику.

— А откуда, — проговорил наконец Ши, — этот свет?

— Игрушка людей, которые давно умерли и позабыты.— Его голос размеренным шепотом плыл в прохладном воздухе.— Исчезли, как и та злобная тварь...— Слова растаяли, и старик указал в сторону, куда улетел посланник Черепа, худой сморщенной рукой, которая замерла в ночи, словно сухая ветка мертвого дерева.

Ши опасливо посмотрел на старика, не зная, что сказать.

— Мы идем на восток...— внезапно, по собственному почину, сообщил Флик.

— В Анар,— быстро прервал его тихий голос, седовласый старец понимающе закивал, переводя взгляд с одного брата на другого, глаза его зорко блестели в приглушенном свете луны.

Неожиданно он прошел мимо них к стремительной реке, а затем развернулся к ним лицом и жестом велел им сесть. Ши с Фликом, не раздумывая, подчинились, нисколько не сомневаясь в благородстве намерений незнакомца. Опустившись на землю, оба вдруг ощутили, как чудовищная усталость навалилась на их тела, глаза внезапно начали слипаться.

— Спите, юные странники, да станет короче ваш путь.— Властный голос в их головах звучал все громче.

Они не могли противиться сладкой дремоте, такой блаженной и долгожданной, и послушно улеглись на мягкой траве. Силуэт перед затуманенными полужакрытыми глазами юношей начал медленно менять очертания, превращаясь в кого-то другого, и им показалось, что старик становится моложе и одежда на нем меняется. Ши проговорил что-то невнятное, пытаясь прогнать дремоту, но мгновение спустя оба юноши уже спали.

Во сне их, словно облака, несло по забытым дням, полным солнечного света и счастья в безмятежном лесном селении, которое они уже так давно покинули. Они снова бродили по дружелюбным зарослям Дульнского леса, плавали в холодных водах могучей реки Раппахалладран, все дневные страхи и заботы вмиг испарились. Они парили над поросшими лесом холмами и долинами родной стороны, свободные, как никогда прежде. Словно впервые в жизни во сне они касались всех растений и животных, птиц и насекомых, с но-

вым пониманием их значимости как живых существ, какими бы маленькими и незаметными ни казались эти создания. Они плыли и летели как ветер, ощущая свежие запахи земли, и вся дивная красота жизни, созданной природой, открывалась перед ними. Великолепная череда ярких красок и запахов мелькала перед их взором, но их уставший разум тревожили лишь негромкий шум ветра и тихие шорохи земли. Долгие, лишенные солнца, тяжкие дни пути по туманным низинам Клета, когда жизнь, подобно потерянной душе, безнадежно блуждала по мертвым землям, позабылись. Позабылась тьма в Черных Дубах, безумие нескончаемых гигантских деревьев, скрывавших солнце и небо. Ушли воспоминания о Туманном призраке и о неусыпных посланниках Черепа, без усталости преследовавших их. Юные жители Дола попали в чудесный мир, не знающий страхов и забот реальной жизни, и время растворилось в безмятежности, подобно тому как в конце внезапно налетевшей яростной бури на мгновение возникает прекрасная радуга.

Как долго они блуждали по миру грез и что происходило с ними в этом мире, юноши не знали. Однако, медленно пробуждаясь от сладкого сна, они поняли, что больше не находятся на берегу Серебристой реки. И с той же ясностью осознали, что и время сделалось новым и каким-то иным, ощущение было волнующим, но не вселяло опасений.

Глядя перед собой полусонными глазами, Ши внезапно понял, что за ним внимательно наблюдает множество любопытных глаз. Он медленно приподнялся на локте, его затуманенный взгляд уперся в группу стоявших рядом низкорослых людей, взволнованно склонившихся над ним. Из тумана неожиданно проступила высокая величественная фигура в свободном плаще, нависла над ним, широкая ладонь легла на его худое плечо.

— Флик? — нерешительно позвал он, протирая заспанные глаза, и прищурился, пытаясь рассмотреть лицо человека в плаще.

— Теперь ты в безопасности, Ши. — Глубокий голос, казалось, прокатился раскатом грома от неясного силуэта. — Это Анар.

Ши быстро заморгал, пытаясь подняться, но широкая ладонь мягко удержала его. Зрение начало проясняться, и Ши увидел рядом с собой Флика, который только что очнулся от глубокого сна. Вокруг стояли приземистые, крепко сбитые люди, в которых Ши тут же узнал гномов. Взгляд Ши уперся в волевое лицо человека, стоявшего рядом с ним, а когда Ши разглядел блестящие доспехи на нем, то понял, что путешествие в Анар завершено. Они нашли Кулхейвен и Балинора.

Мениону Лиху последний отрезок пути до Анара вовсе не показался таким же легким. Когда горец понял, что потерял братьев, он не на шутку испугался. За себя он не боялся, но как Омсфорды, не зная дороги, одни выберутся из туманных Черных Дубов? Слепо озираясь по сторонам, он долго и безнадежно звал пропавших друзей, пока у него не сел голос. Наконец принц Лиха заставил себя признать, что продолжать поиски бессмысленно. Измученный горец двинулся через лес, в сторону равнин, утешая себя робкой надеждой встретить друзей при свете нового дня. Он блуждал по лесу дольше, чем ожидал, и лишь на восходе солнца вырвался из душевного плена и тут же упал в траву. Даже не подозревая об этом, Менион вышел из леса чуть южнее спящих братьев. К тому времени силы почти оставили его, и сон навалился так быстро, что он не запомнил ничего, кроме медленного, легкого падения в высокую траву на краю равнины. Ему показалось, что сон длился целую вечность, но проснулся он всего на несколько часов позже того, как Ши с Фликом пустились в путь к Серебристой реке. Уверенный, что вышел из леса намного южнее условленного места, Менион не раздумывая решил двигаться на север и срезать путь, чтобы перехватить товарищей до того, как они выйдут к реке. Если же вскоре следов Омсфордов не обнаружится, он обещал себе признать, что братья все еще плутают в дремучих зарослях мрачного леса.

Горец торопливо затянул полегчавший дорожный мешок, закинул за спину большой лук и меч королей Лиха и уверенно зашагал на север. Зорко высматривая следы проходивших той же дорогой людей, Менион не заметил, как промелькну-

ли несколько светлых часов. Лишь с наступлением сумерек он наконец увидел следы, оставленные путниками, идущими к Серебристой реке. Горец решил, что этим следам несколько часов, и безошибочно определил, что по тропе прошел не один человек. Впрочем, кто были неизвестные путники, он сказать не мог, поэтому продолжал торопливо шагать в догорающем свете в надежде нагнать их до наступления ночи. Он знал, что посланники Черепа тоже станут искать их, но решительно отгнул все опасения. Если уж он вызвался помогать братьям, значит, заранее смирился с любой опасностью, которая могла подстергать их на долгом пути.

Едва последний луч солнца исчез за горизонтом, Менион заметил на востоке человека, идущего в противоположном направлении. Менион тут же окликнул его, но тот, казалось, испугался внезапного появления горца и попытался убежать. Принц Лиха не раздумывая бросился в погоню за перепуганным путником, громко крича о своих добрых намерениях. Через несколько минут он догнал бедолагу, который оказался торговцем, разносящим кухонную утварь по разбросанным в здешних низинах редким селениям. Сгорбленный робкий человек до смерти испугался неожиданной погони, а при виде высокого горца с мечом в руках, свалившегося на него в сумерках как снег на голову, пришел в ужас. Менион поспешно объяснил, что не желает ему зла, а просто ищет друзей, с которыми разминулся в Черных Дубах. Как оказалось, горец не мог придумать ничего хуже, потому что после этих слов перепуганный торговец явно считал его сумасшедшим. Менион хотел назвать свой титул, но вовремя передумал. И все же ему удалось выпытать у своего дрожащего собеседника кое-что. Оказалось, рано утром торговец видел издали двух путников, похожих по описанию на его друзей из Дола. Выдумал ли торговец свой рассказ из опасения за жизнь или просто поддакивал, Менион так и не понял, но все же поверил маленькому человечку и пожелал ему доброго пути, и тот, безмерно счастливый, что так легко отделался, быстро засеменил в южном направлении и вскоре растворился в ночной темноте.

Мениону пришлось признать, что в наступившей темноте будет трудно отыскать следы братьев, и он задумался о ночлеге. Он отыскал две большие сосны, которые показались ему наиболее надежным укрытием, и направился к ним, с тревогой всматриваясь в ясное ночное небо. При свете луны рыщущая в поисках добычи тварь с Севера могла легко отыскать место ночевки путников, и он мысленно взмолился, чтобы у друзей хватило здравого смысла разбить лагерь в укромном месте. Менион сбросил мешок и оружие под могучей сосной и заполз под сень низко нависающих ветвей. За последние два дня пути он почти ничего не ел и теперь, проглотив последние припасы, подумал, что и братьям Омсфорд вскоре придется довольствоваться малым. Громко проклиная неудачу, разлучившую их, он неохотно завернулся в легкое одеяло и быстро уснул, положив рядом обнаженный меч наследников Лиха, тускло поблескивающий в лунном свете.

На следующее утро Менион Лих, ничего не ведая о событиях минувшей ночи, потому что он крепко спал в нескольких милях южнее Серебристой реки, проснулся с новым планом в голове. Если он срежет путь и пойдет на северо-восток, то наверняка повстречается с братьями. Он был уверен, что, следуя на восток, в Анарский лес, они не станут отклоняться от берегов Серебристой реки и пойдут по всем ее изгибам, а значит, их пути неизбежно пересекутся выше по течению. Больше не обращая внимания на слабо протоптанную дорожку, обнаруженную им накануне, Менион двинулся по равнинам на восток, сказав себе, что всегда сможет вернуться вниз по течению, если не обнаружит на берегу следов братьев. Вдобавок он тешил себя надеждой подстрелить мелкую дичь, чтобы добыть мяса на ужин. Менион насивистывал и пел на ходу, мрачное выражение сошло с худощавого лица, мысль о скорой встрече с друзьями придавала ему сил. Он даже представлял себе легкое недоверие, написанное на суровой физиономии старины Флика. Легко и уверенно он двигался вперед размашистой твердой поступью опытного охотника и путешественника, быстро оставляя за спиной мили пути.

Мысли его унеслись к событиям прошедших дней, и он принялся думать о том, что случилось. Горец мало знал об

истории Великих войн и правлении Совета друидов, о таинственном появлении так называемого Повелителя чародей и поражении, которое тот потерпел от объединенного войска трех народов. А о легендарном мече Шаннары, сказочном оружии, которое годами служило воплощением свободы, добытой отважными воинами, Менион не знал почти ничего. И теперь мифический меч принадлежал по праву рождения неизвестному сироте, наполовину человеку, наполовину эльфу. Эта мысль казалась настолько нелепой, что он никак не мог представить Ши в подобной роли. Чутье подсказывало Мениону, что в этой цепи недостает какого-то важного звена, а без него загадка великого меча так и останется неразгаданной и трое друзей будут беспомощны как слепые котят.

Еще Менион признавал, что не только дружеские чувства заставили его пуститься в это приключение. Флик не ошибался в своих подозрениях. Даже сейчас Менион не вполне понимал, почему согласился на опасный поход. Он сознавал, что недостойн называться принцем Лиха. Жизнь собственного народа не слишком интересовала его, он никогда искренне не проникался судьбой своих подданных. Никогда не пытался вникнуть в премудрости справедливого управления обществом, где единственным законом являлось слово монарха. Однако он не считал себя хуже многих других людей. Ши твердо верил, что его друг достоин уважения. Что ж, возможно, неспешно размышлял Менион, однако до сегодняшнего дня вся его жизнь, казалось, состояла из длинной вереницы нелепых событий и диких эскапад, которые редко, если вообще когда-нибудь служили благим намерениям.

Поросшие травой равнины сменились грубой голой землей, она резко вздымалась небольшими холмиками и так же резко уходила вниз, в обрывистые, похожие на канавы долины, из-за которых путешествие замедлялось, а порой становилось и просто опасным. Менион с тревогой вглядывался вперед в надежде увидеть равнину, но из-за неровностей рельефа местность просматривалась плохо даже с вершин крутых подъемов. Он шел дальше, осторожно и размеренно, не обращая внимания на неровности почвы и кляня себя за решение идти этим путем. Мысли принца витали далеко, но

внезапный звук человеческого голоса быстро вернул его с небес на землю. Несколько секунд Менион напряженно прислушивался, но звук не повторялся, и горец решил, что виной всему ветер или его буйное воображение. Однако через миг Менион снова услышал его, таинственный и тихий женский голос нежно пел далеко впереди. Менион пошел быстрее, дивясь прихотям собственного слуха, однако сладостный голос с каждым шагом становился все громче. Вскоре чарующее женское пение наполнило воздух живой, торжествующей радостью, голос проникал в самые сокровенные глубины разума горца, заставляя его следовать за собой, стать таким же свободным, как и сама песня. Словно замороженный, он размеренно шагал на зов, счастливо улыбаясь картинам, которые навевало на него радостное пение. В голове мелькнула смутная мысль, что может делать женщина в этих унылых холмах и долинах, за много миль от цивилизации, но песня, казалось, гнала прочь все сомнения, мягко убеждая, что идет от самого сердца.

Менион увидел ее на вершине жалкого буторка, чуть выше окружающих холмов, она сидела под небольшим кривым деревцем с длинными узловатыми ветвями, которые напомнили ему корни ивы. Певуньей оказалась невероятно красивая юная дева, она явно чувствовала себя в этой дикой местности как дома и пела сама для себя, совершенно не интересуясь теми, кого мог привлечь звук ее голоса. Менион не стал прятаться, он направился прямо к девушке, улыбаясь ее цветущей юности. Она улыбнулась в ответ, но не стала вставать, чтобы приветствовать путника, а продолжала выводить радостную мелодию, которую он слышал все это время. Принц Лиха остановился в нескольких шагах от нее, но она быстро замахала ему, приглашая подойти ближе и присесть рядом под причудливо изогнутое дерево. И только тогда в глубине его души кольнуло сомнение, некое шестое чувство настойчиво призывало не поддаваться чарующей мелодии. Никаких причин сомневаться в манящей взор картине у него не было, разве что безотчетное недоверие опытного охотника ко всему, что казалось неуместным и несвоевременным, заставило его остановиться. И в тот же миг девушка исчезла, песня растаяла в

воздухе без следа, и Менион остался один на один со странным деревом на голой вершине.

На мгновение Менион замер, отказываясь поверить своим глазам, затем поспешно попятился. Но пока он мешкал, рыхлая почва перед ним разверзлась, выпустив наружу спутанный комок узловатых корней, которые тут же плотно обвились вокруг лодыжек принца, мертвой хваткой удерживая его на месте. Менион упал на спину, пытаясь высвободиться, но быстро понял всю тщетность своих усилий. Как он ни старался вырваться, цепкие корни крепко держали его. Нелепость положения еще больше усилилась, когда он поднял глаза и увидел, что чудное дерево с похожими на корни ветвями, до сих пор неподвижное, медленно приближается к нему, протянув корявые ветви с небольшими, но с виду смертоносными колючками на концах. Окончательно придя в себя, Менион одним движением сбросил с плеча мешок и лук и выхватил из ножен длинный меч, понимая, что и девушка, и песня были лишь наваждением, призванным заманить его в лапы зловещного дерева. Он тотчас принялся рубить на куски цепкие корни, но дело продвигалось медленно, корявые щупальца слишком плотно прилегали к его ногам, и он не отваживался широко размахиваться. Внезапно его охватила паника, когда он понял, что не успеет освободиться, однако он подавил страх и бешено закричал на дерево, которое теперь почти нависало над ним. Яростно развернувшись, когда ветви оказались в пределах досягаемости, Менион быстро отсек несколько скрюченных конечностей, и дерево медленно попятилось, содрогаясь от боли до самой верхушки. Менион понимал, что при следующей атаке должен поразить его в самое сердце, если хочет уничтожить врага. Но у жуткого дерева имелись иные соображения на этот счет: свернув ветви кольцами, оно начало резко выбрасывать их по одной в плененного путника, осыпая его дождем крошечных колючек. Большая их часть пролетела мимо, много застряло, не причинив вреда, в толстой рубаше и сапогах. Зато остальные угодили в незащищенную кожу рук и головы и засели там, доставляя неприятное жжение. Менион попытался смах-

нуть их, прикрываясь в ожидании следующей атаки, но крошечные колпочки обламывались, оставляя кончики в коже. Он почувствовал, как его медленно охватывает сонливость, а тело начинает неметь. Он тотчас понял, что в иглах содержится яд, который должен усыплять жертвы дерева, доводя их до беспомощного состояния и делая легкой добычей. Менион неистово сражался с одолевавшей его сонливостью, но вскоре беспомощно упал на колени, не в силах ее побороть, и понял, что дерево одержало победу.

Однако смертоносное дерево отчего-то колебалось, даже слегка попятилось, сворачивая кольца веток для новой атаки. За спиной принца послышались чьи-то тяжелые неспешные шаги. Он даже не смог повернуть голову, но неожиданно зычный басовитый голос приказал ему не двигаться. Дерево напряглось, собираясь нанести удар, но не успело оно выстрелить ядовитыми иглами, как на него, разбивая в щепы, обрушился удар громадной булавы, вылетевшей из-за плеча принца Лиха. От удара дерево упало, но, несмотря на рану, попыталось подняться и ответить своему неожиданному противнику. Менион услышал за спиной резкий щелчок спущенной тетивы, и длинная черная стрела глубоко засела в толстом стволе дерева. И тотчас корни, державшие принца за ноги, ослабили хватку и провалились под землю, ствол дерева неистово задрожал, ветви хлестали по воздуху, рассыпая вокруг дождь ядовитых иголок. Через мгновение оно медленно упало на землю и, содрогнувшись в последний раз, замерло.

С трудом преодолевая смертельную дремоту, Менион почувствовал, как сильные руки его спасителя грубо взяли его за плечи и положили навзничь, широкий охотничий нож отсек последние обрывки корней, оплетающих ноги юноши. Менион увидел перед собой коренастого гнома в одежде лесного обитателя, испещренной коричневыми и зелеными пятнами, такую одежду носили почти все его сородичи. Для гнома он был довольно высоким, больше пяти футов, на поясе, охватывающем широкую талию, размещался настоящий арсенал. Он посмотрел сверху вниз на распростертого принца Лиха и с недоумением покачал головой.

— Должно быть, ты нездешний, если вытворяешь такие глупости, — назидательно пробасил он. — Никто, будучи в здравом уме, не приближается к сиренам.

— Я из Лиха... это на Западе, — с усилием выдохнул Менион, собственный голос показался ему хриплым и чужим.

— А, горец, как это я не догадался. — Гном от души захохотал. — Кем же ты еще можешь быть. Ну ничего, не волнуйся, через пару дней поправишься. Этот яд не смертелен, если найти лекарство, но на некоторое время отключишься.

Он снова засмеялся и развернулся, чтобы поднять свою булаву. Менион, собрав последние капли сил, схватил его за рубаху.

— Я должен дойти... до Анара... в Кулхейвен, — резко выдохнул он. — Отведи меня к Балинору...

Гном пристально посмотрел на него, но Менион уже лишился сознания. Невнятно бормоча что-то под нос, гном собрал свое оружие и снаряжение горца. Затем, с поразительной легкостью, он взвалил обмякшее тело Мениона на широкие плечи и уложил поудобнее, чтобы придать себе устойчивости. Провозившись со своей поклажей добрую минуту, гном размеренно зашагал в сторону Анарских лесов, не переставая бурчать.

Глава 8

Флик Омсфорд тихонько сидел на длинной каменной скамье на одном из верхних уровней роскошных Луговых садов гномьего поселения, известного под названием Кулхейвен. Перед ним открывался изумительный вид на сады, разбитые на скалистых холмах ровными террасами, они уходили вниз ступенями, края которых были выложены аккуратно вытесанными камнями, и все вместе напоминало длинный водопад, стекающий по плавному склону. Появление садов здесь, на некогда голом холме, казалось настоящим чудом. Из более плодородных мест специально привозили почву, чтобы тысячи прекрасных цветов и растений могли круглый год цвести в мягком климате Нижнего Анара. Вокруг царил настоящее буйство красок. Сравнить несметное число оттенков растущих здесь цветов с цветами радуги было бы в высшей степени неразумно. Флик попытался наскоро сосчитать дивные краски, но вскоре оставил это безнадежное занятие. Он быстро сдался и сосредоточил внимание на большой поляне у подножия холма, где сновали обитатели гномьего поселения, то ли хлопотливо направляясь по делам, то ли возвращаясь домой. Это был странный, как показалось Флику, народец, чрезвычайно преданный своей тяжелой работе и размеренному течению жизни. Все, что они делали, было тщательно распланировано заранее, дотошно продумано до самой последней мелочи, о которой даже внимательный Флик позабыл бы за время подготовки. При этом они были дружелюбны и всегда готовы оказать услугу, их доброта не укрывалась

от внимания попавших к ним в гости жителей Дола, которые чувствовали себя на этой чужой земле не в своей тарелке.

Уже два дня они гостили в Кулхейвене, но пока так и не узнали, что же с ними случилось, почему они оказались здесь и как долго пробудут. Балинор отматчивался, сказав лишь, что и сам знает очень мало, а когда придет время, мол, все прояснится само собой. Флику такое заверение показалось чересчур напыщенным и даже скучным. Об Алланоне ничего не было слышно, и никто не знал, где его искать. Но хуже всего, что пропавший Менион так и не объявлялся, а братьям строго-настроено запретили покидать безопасную деревню гномов под любым предлогом. Флик снова взглянул на нижнюю террасу и тут же убедился, что его личный телохранитель по-прежнему на посту — гном не сводил с него внимательного взгляда. Ши бесился от такой неусыпной опеки, однако Балинор поспешил убедить Омсфордов, что охрана просто необходима на случай, если какая-нибудь тварь из Северных земель снова попытается напасть на них. А вот Флик ничуть не возражал против такой заботы, он слишком хорошо помнил леденящий душу ужас при встрече с посланниками Черепа, когда они с Ши были на волосок от смерти. Заметив приближающегося по извилистой дорожке брата, он отвлекся от своих раздумий.

— Ну как? — взволнованно спросил он, когда Ши подошел и молча сел рядом на скамью.

— Ни единого словечка, — последовал короткий ответ.

Ши все еще чувствовал бесконечную усталость, хотя прошло уже два дня, чтобы прийти в себя после удивительных странствий, приведших их из родного Тенистого Дола в леса Анара. Относились к ним здесь хорошо, хотя иногда внимание хозяев становилось чересчур навязчивым. Впрочем, гномы казались искренними в своей неусыпной заботе о гостях. Однако об их будущем не было сказано ни слова. Все кругом, включая Балинора, словно ждали чего-то, быть может прибытия давно исчезнувшего Алланона. Балинор так и не смог объяснить юношам, как они оказались в Анаре. Привлеченный загадочными вспышками света, он два дня назад обна-

ружил братьев лежащими на низком берегу реки под воротами Кулхейвена и приказал перенести их в поселение. Ни о загадочном старике, ни о том, как им удалось преодолеть немалое расстояние вверх по течению, он ничего не знал. Когда Ши упомянул легенду о короле Серебристой реки, Балинор лишь пожал плечами и невозмутимо заметил, что всякое возможно.

— О Менионе ничего не слышно? — торопливо уточнил Флик.

— Только то, что гномы все еще ищут его и на поиски уйдет какое-то время, — негромко ответил Ши. — Не знаю, что теперь делать.

Флик мысленно отметил, что весь их безумный поход лишь подтверждал это последнее признание. Он посмотрел вниз на подножие холма с Луговыми садами, где небольшой отряд вооруженных до зубов гномов собрался вокруг внушительной фигуры Балинора, который неожиданно вышел из ближайшего леса. Даже с самой верхней террасы сада братья Омсфорды увидели сверкающую под длинным плащом Балинора кольчугу. Несколько минут он о чем-то горячо спорил с гномами, следы невеселых раздумий залегли на его лице глубокими складками. Ши с Фликом очень мало знали о принце Каллахорна, но народ Кулхейвена, судя по всему, питал к нему глубочайшее почтение. Менион тоже хорошо отзывался о Балиноре. Родиной принца было самое северное королевство обширных Южных земель. Пограничный Каллахорн служил неким буфером между Южными и Северными землями. В далеком королевстве жили в основном люди, но в отличие от подавляющего большинства своей расы они легко смешивались с другими народами и не были приверженцами политики обособленного существования. В этой далекой стране квартировал в высшей степени уважаемый Пограничный легион, профессиональная армия, которой командовал Рул Бухханн, король Каллахорна и отец Балинора. Исторически сложилось, что все Южные земли полагались на Каллахорн и легион, который в случае опасности должен был принять на себя первый удар наступательной

вражеской армии, чтобы дать остальным время подготовиться к битве. За пять сотен лет своего существования Пограничный легион ни разу не был побежден.

Балинор начал медленно подниматься к каменной скамье, где его терпеливо ждали братья Омсфорд. Подойдя ближе, принц приветливо улыбнулся, понимая, как неуютно они себя чувствуют в чужом краю, как тяготеют своим неведомым будущим и как волнуются о судьбе пропавшего друга. Балинор присел на скамью рядом с ними и несколько минут молчал, прежде чем заговорить.

— Я понимаю, как вам нелегко, — начал он осторожно. — Я отправил на поиски вашего друга всех гномов, не занятых работой. Только они смогут отыскать его в этой части страны, и гномы не бросят дело на полдороге, обещаю вам.

Братья кивнули, понимая искреннее желание Балинора помочь им.

— Сейчас очень опасные времена для гномьего народа, хотя, полагаю, Алланон об этом не упоминал. Гномам грозит вторжение карликов из Верхнего Анара. Вдоль границы то и дело возникают небольшие стычки, а к северу от равнин Стрелехейма собирается огромная армия. Все это, без сомнения, связано с Повелителем чародеев.

— Значит, Южные земли тоже в опасности? — взволнованно спросил Флик.

— Несомненно. — Балинор кивнул. — И это одна из причин, по которой я здесь. Мы с гномами должны вместе разработать защитную стратегию на случай вражеского наступления.

— Но где же тогда Алланон? — быстро спросил Ши. — Он успеет прийти нам на помощь? И как связан со всем этим меч Шаннары?

Балинор посмотрел в их озадаченные лица и медленно покачал головой.

— Должен честно признаться, я не знаю ответа ни на один ваш вопрос. Алланон чрезвычайно таинственная личность, но всякий раз, когда мы отчаянно нуждались в нем, этот великий мудрец как надежный друг оказывался рядом и помо-

гал нам. Когда я виделся с ним в последний раз, за несколько недель до того, как пришел к вам в Тенистый Дол, мы договорились встретиться в Анаре. Он опаздывает уже на три дня.

Балинор замолчал и задумчиво посмотрел вниз на сады и величественные деревья Анарского леса за ними, прислушиваясь к шороху ветвей и негромким голосам гномов, которые проходили через поляну внизу. Неожиданно в группе гномов, стоящих под нижним ярусом садов, раздался крик, на него почти сразу же отозвались другие крики и возгласы, которые слились с зычными воплями, несущимися из леса за пределами Кулхейвена. Сидевшие на каменной скамье поднялись, старательно высматривая признаки близкой опасности. Сильная рука Балинора легла на рукоять широкого меча, надежно закрепленного на перевязи под плащом. Мгновение спустя один из гномов кинулся вверх по дорожке, что-то возбужденно крича.

— Они нашли его, нашли! — выкрикивал он, спотыкаясь на ходу в попытке как можно быстрее подняться к ним.

Ши с Фликом взволнованно переглянулись. Гонец, задыхаясь, остановился перед ними, а Балинор в волнении схватил его за плечо.

— Нашли Мениона Лиха? — быстро спросил он.

Гном быстро закивал, широкая грудь его тяжело вздымалась после стремительного подъема к ним с доброй вестью. Не говоря больше ни слова, Балинор поспешил вниз по дорожке на звук голосов, Ши с Фликом поторопились следом. Вскоре они оказались на поляне и побежали по главной дороге через лес к гномьему поселению, которое находилось в нескольких сотнях ярдов впереди. Оттуда доносились возбужденные голоса — жители Кулхейвена поздравляли тех, кому посчастливилось отыскать пропавшего горца. Они добежали до поселения, протолкнулись через толпу гномов, мешавшую проходу, и ринулись прямо в гущу общего возбуждения. Кольцо стражников расступилось, чтобы пропустить их в небольшой дворик, образованный домами справа и слева и высокой каменной стеной впереди. На длинном дере-

вянном столе лежал Менион Лих, лицо его было бледным и безжизненным. Несколько гномов-целителей озабоченно склонились над неподвижным телом, очевидно обрабатывая раны юноши. Ши громко вскрикнул и попытался прорваться вперед, но сильная рука Балинора удержала его на месте, и воин обратился к одному из ближайших гномов:

— Пан, что с ним?

Коренастый гном в доспехах, который явно только что вернулся из поисковой экспедиции, быстро подошел к ним.

— С ним все будет в порядке, только немного подлечат. Его нашли в ветвях одной из сирен посреди Курганных долин вниз по течению Серебристой реки. Но обнаружил его не наш отряд, а Хендель, он как раз возвращался из Южного Анара.

Балинор кивнул и огляделся, высматривая в толпе спасителя.

— Он отправился в зал для собраний сообщить о случившемся, — ответил гном на не высказанный вслух вопрос.

Жестом предлагая двум братьям следовать за ним, Балинор протиснулся через толпу во дворе и пошел по главной улице к большому строению. Там размещались конторы городских чиновников и зал для собраний, где они и обнаружили Хенделя, который сидел на одной из длинных скамеек и с аппетитом ел, пока писарь записывал его рассказ. При их приближении гном поднял голову, с любопытством посмотрел на жителей Дола и коротко кивнул Балинору, не прерывая трапезы. Балинор отпустил писаря, и все трое уселись напротив внешне безразличного гнома, который казался разом и смертельно уставшим, и умирающим с голоду.

— Ну что за дурак, тыкать в сирену мечом, — пробурчал он. — Хотя смелости ему не занимать. Как он, кстати?

— Говорят, поправится, — отозвался Балинор, ободряюще улыбаясь смущенным братьям. — А как ты его нашел?

— Услышал его вопли. — Гном так и жевал все это время, не прерываясь. — Пришлось тащить его почти семь миль, пока не встретил Пана с его отрядом, они как раз шли вдоль Серебристой реки.

Он замолчал и снова посмотрел на двух жителей Дола, которые внимательно ловили каждое слово. Гном с интересом оглядел их и снова повернулся к Балинору, удивленно подняв брови.

— Друзья горца... и Алланона, — ответил тот, многозначительно наклонив голову.

Хендель едва заметно кивнул братьям.

— Я бы и не узнал, кто он такой, если бы он не назвал твое имя, — отрывисто сообщил он, кивая головой на высокого воина. — Было бы неплохо, если бы время от времени кто-нибудь удосуживался сообщать мне, что происходит, причем до того, как все уже произошло, а не после.

Он и дальше продолжал рассуждать в том же духе, и Балинор, развеселившись, улыбнулся озадаченным братьям. Слегка пожав плечами, он словно оправдывался за раздражительного гнома. Ши и Флику очень хотелось услышать подробный рассказ об освобождении Мениона, но они предусмотрительно помалкивали и не вмешивались в разговор Хенделя и Балинора, опасаясь гнева ворчливого спасителя.

— А что скажешь о Стерне и Уэйфорде? — поинтересовался напоследок Балинор, имея в виду большие города на юге и на западе от Анара.

Хендель перестал жевать и коротко хохотнул.

— Власти этих двух блистательных сообществ рассмотрят вопрос и отошлют нам отчет о своем решении. Типичные тупые чинуши, выбранные равнодушными людьми править бал, пока эта обязанность не перейдет к какому-нибудь очередному болвану. Через пять минут после того, как я раскрыл рот, они уже считали меня совершенно ненормальным. Они не увидят опасности, пока меч не упрется им прямо в глотку, а уж тогда они будут вопить и звать на помощь тех из нас, кто понимал все с самого начала. — Он помолчал и вернулся к еде, явно раздраженный.

— Что ж, я должен был это предвидеть. — Балинор казался озабоченным. — Как же нам убедить их в реальности угрозы? Войны не было много веков, и никто уже не верит, что она может разразиться прямо сейчас...

— Да дело не в этом, ты же сам прекрасно понимаешь, — сварливо перебил Хендель. — Они просто не желают верить, что эта опасность угрожает и им тоже. В конце концов, гренады охраняют гномы, не говоря уже о Каллахорне и Пограничном легионе. Мы же защищали их до сих пор, почему бы нам не поступать так и дальше? Эти несчастные тупицы...

Он внезапно замолчал, покончив с речами и трапезой, утомленный долгой дорогой домой. Почти три недели он провел в пути, колся по городам Южных земель, и все оказалось напрасно. Он чувствовал себя совершенно разбитым.

— Я не понимаю, что происходит, — негромко проговорил Ши.

— Что ж, в этом ты не одинок, — утрюмо отозвался Хендель. — Я собираюсь поспать пару неделек. Потом поговорим.

Он резко поднялся и вышел из зала, даже не попрощавшись, его широкие плечи устало поникли. Все трое молча смотрели ему вслед, провожая глазами удаляющуюся фигуру, пока гном не исчез из виду. Тогда Ши повернулся к Балинору, в глазах его читался немой вопрос.

— Это вечная как мир история о безмятежности, Ши. — Рослый воин тяжело вздохнул и встал, разминая затекшие мышцы. — Мы, возможно, находимся на пороге самой страшной войны за последнюю тысячу лет, но никто не желает признавать этого. Все твердят одно и то же — дескать, пусть городские ворота охраняет горстка воинов, а остальные как ни в чем не бывало будут отсиживаться по домам. От нескольких защитников зависят все, это стало в порядке вещей. Но рано или поздно наступит день, когда этих защитников окажется недостаточно, и вот враг уже в городе, заходит прямо в распахнутые ворота...

— Неужели правда будет война? — с ужасом спросил Флик.

— Вот уж вопрос так вопрос, — медленно проговорил Балинор. — Единственный человек, кто может ответить тебе, как назло опаздывает...

За переживаниями, связанными с поисками Мениона, оба брата на время забыли об Алланоне, человеке, из-за

которого они и оказались в Анаре. И вот теперь прежние вопросы с новой силой вспыхнули в их умах, впрочем, за последние недели братья научились уживаться с ними, поэтому не в первый раз, хоть и с неохотой, отмели все сомнения. Балинор направился к открытой двери, приглашая братьев за собой.

— Кстати, не обращайтесь внимания на Хенделя, — сказал он на ходу. — Он на всех бурчит, но о лучшем друге нельзя и мечтать. Многие годы он сражается с карликами по всему Верхнему Анару и всегда одерживает победу, защищая свой народ и граждан Юга, которые не видят дальше собственного носа и так скоро позабыли о том, что именно гномы охраняют их границы. Бьюсь об заклад, карлики только и мечтают, как бы прикончить его.

Ши и Флик ничего не сказали, стыдясь эгоистичности своего народа, да и сами они даже не вспоминали об Анаре до знакомства с Балинором. Помня уроки истории о прежних расовых войнах и чудовищной ненависти, царившей в мире в те времена, они с тревогой думали о грядущей опасности. Вероятность третьей войны народов вселяла ужас.

— Может, вернетесь в сад? — предложил принц Каллахорна. — Я дам вам знать, как только Менион очнется.

Братья неохотно согласились, понимая, что это самое разумное решение. Перед тем как отправиться спать, они оставались у комнаты, куда поместили Мениона, но часовой сказал, что их друг спит и его нельзя беспокоить.

Но уже к следующему полудню горец пришел в себя, и взволнованных братьев пропустили к нему. Даже Флик невольно почувствовал облегчение, увидев принца Лиха живым и здоровым, хотя и упрямо заметил, что совершенно правильно предсказывал подобное несчастье за много дней до того, когда они еще только решили идти через Черные Дубы. Менион и Ши посмеялись над неистребимым пессимизмом Флика, но не стали спорить. Ши рассказал, как гном по имени Хендель принес Мениона в Кулхейвен, а потом об их встрече с таинственным стариком на берегу Серебристой реки. Менион не меньше братьев был удивлен их загадочным перемещением в Анар и не мог придумать ни одного внят-

ного объяснения. Ши благоразумно удержался от упоминания легенды о короле Серебристой реки, прекрасно понимая, что ответит горец на всякие попытки сослаться на древнюю сказку.

В первые предзакатные часы того же дня пронесся слух о возвращении Алланона. Ши с Фликом как раз собирались выйти из своей комнаты, чтобы заглянуть к Мениону, когда услышали взволнованные возгласы гномов, проносящихся под открытым окном в сторону общего зала. Не успели встревоженные братья отойти от двери на пару шагов, как их окружил отряд из четырех часовых и поспешно провел через напирющую толпу мимо открытых дверей зала в маленькую смежную комнату, где им и было приказано оставаться. Гномы молча закрыли за собой двери, задвинули засовы и тотчас встали на караул снаружи. В ярко освещенной комнате стояло несколько длинных столов и скамеек, на одну из которых озадаченные гости из Дола и уселись. Окна закрывали ставни, и Ши, даже не пытаясь проверить, сразу понял, что они, как и дверь, заперты на засовы. Из зала для собраний доносился звучный голос невидимого оратора.

Прошло несколько минут, дверь комнаты отворилась, и два стражника торопливо ввели Мениона; на лице горца пылал лихорадочный румянец, но в остальном он казался совершенно здоровым. Когда гномы вышли, принц Лиха рассказал, что его препроводили сюда так же, как и братьев. Из обрывков разговоров, услышанных по дороге, он заключил, что гномы в Кулхейвене, а может и во всем Анаре, готовятся к войне. Какие бы новости ни принес Алланон, они явно привели в смятение все гномье сообщество. Мениону показалось, что он заметил в открытых дверях зала Балинора. Принц Каллахорна стоял на возвышении недалеко от входа, но стражники быстро провели горца мимо распахнутых дверей, и он не успел ничего разглядеть.

Голоса собравшихся в смежном зале разрослись до громоподобного рева, и трое друзей в ожидании замолчали. Секунды шли, а несмолкающий вопль катился по обширному залу, выплескиваясь наружу, где его подхватывали другие гномы. Когда крик стал оглушительным, двери их комнаты вне-

запно распахнулись и на пороге показалась внушительная фигура Алланона.

Историк стремительно подошел к братьям, пожал им руки и поздравил со счастливым завершением долгого пути в Кулхейвен. Одет он был точно так же, как в день их первой встречи с Фликом, худое лицо наполовину скрывал широкий капюшон, от темной фигуры веяло зловещей тайной. Учтиво приветствовав Мениона, он уселся во главе ближайшего стола, жестом предложив садиться и всем остальным. Вслед за Алланоном в комнату вошли Балинор и несколько гномов, судя по виду, далеко не последние люди в гномьем сообществе, и с ними — вечно раздраженный Хендель. Замыкали шествие две изящные, едва ли не призрачные фигуры в чудных свободных балахонах, спокойно и неторопливо они уселись рядом с Алланоном во главе стола. Сидя напротив, Ши хорошо видел их и после недолгого наблюдения решил, что это эльфы из далеких Западных земель. Их выдавали изящные черты лица, тонкие летящие брови и странно заостренные уши. Ши повернул голову и увидел, что Флик и Менион с любопытством смотрят на него, явно отмечая его несомненное сходство с незнакомцами. Никто из них не видел настоящих эльфов, и, хотя они знали, что Ши наполовину эльф, и не однажды слышали описания эльфийского народа, им ни разу не выпадал случай сравнить друга и брата с кем-нибудь из них.

— Друзья мои. — Алланон поднялся, величественно распрямляясь по весь свой семифутовый рост, и его зычный голос заглушил негромкий гул голосов. В комнате мгновенно наступила тишина, все повернулись к нему. — Друзья мои, я должен сказать вам то, чего пока не говорил никому. Мы понесли трагическую потерю.

Он помолчал и по очереди оглядел взволнованные лица.

— Паранор пал. Отряд карликов под командованием Повелителя чародеев захватил меч Шаннары!

Пару секунд висело гробовое молчание, а потом все гномы вскочили на ноги и зал наполнился их сердитыми криками. Балинор тоже поднялся, пытаясь успокоить возмущенное собрание. Ши с Фликом недоверчиво переглядывались.

Только Мениона, казалось, ничуть не впечатлило печальное известие, он не сводил пристального взгляда с человека, сидящего во главе стола.

— Паранор захватили изнутри, — продолжал Алланон, после того как все немного утомонились. — Судьба защитников крепости и меча в точности не известна. Мне сказали, что все они были казнены. Никто толком не знает, как это произошло.

— А вы были там? — вдруг брякнул Ши, в то же мгновение осознав глупость своего вопроса.

— Я так внезапно покинул ваш Тенистый Дол именно потому, что получил сообщение о готовящейся попытке отбить Паранор. Но я прибыл слишком поздно, чтобы помочь тем, кто был внутри, и сам едва избежал гибели. Это одна из причин моего опоздания в Кулхейвен к назначенному сроку.

— Но если Паранор пал и меч Шаннары захвачен?.. — Произнесенный шепотом вопрос Флика зловеще повис в воздухе.

— Что же теперь делать? — хрипло закончил за него Алланон. — Это главный вопрос, на который мы должны дать ответ без промедления, ради этого и собрался Совет.

Неожиданно Алланон встал со своего места во главе длинного стола и направился к Ши. Подойдя к юноше, он встал за его спиной, положил широкую ладонь на худенькое плечо южанина и сурово оглядел внимательные лица слушателей.

— Меч Шаннары бессилен в руках Повелителя чародеев. Поднять его может лишь потомок рода Джерла Шаннары, только это и мешает дьяволу нанести смертельный удар. Дожидаясь своего часа, он методично выслеживал и уничтожал потомков королевского рода, поодиночке, одного за другим, даже тех, кого я пытался защитить, всех, кого мне удалось разыскать. Ныне все они мертвы, все, кроме одного. Это юный Ши. Он эльф лишь наполовину, однако перед вами прямой потомок короля, который много лет назад владел великим мечом. Теперь настал его черед поднять легендарный меч.

Если бы не сильная рука, удерживающая его за плечо, Ши не раздумывая метнулся бы к двери. Он с отчаянием

взглянул на Флика и увидел в глазах брата отражение собственного страха. Менион стоял неподвижно, но и на него мрачное заявление Алланона явно произвело сильное впечатление. Казалось, грозный великан хотел возложить на хрупкие плечи южанина ношу, непосильную для обычного человека.

— Что ж, кажется, наш юный друг немного обескуражен. — Алланон коротко хохотнул. — Не падай духом, Ши. Все не так плохо, как тебе может показаться на первый взгляд.

Он резко развернулся, снова прошел к своему месту во главе стола и оглядел собрание.

— Мы должны вернуть меч любой ценой. Иного выхода нет. Если мы потерпим неудачу, все народы окажутся вовлеченными в самую страшную войну, какой не знали с тех самых пор, когда две тысячи лет назад лишь чудом сохранилась жизнь на земле. Меч — наше спасение. Без него нам вновь придется призвать на помощь всю свою силу, всю доблесть и отвагу, а бряцание оружием приведет лишь к бесчисленным жертвам с обеих сторон. Повелитель чародеев — это само зло, и победить его невозможно без помощи меча и... горстки смельчаков, и этими смельчаками должны стать мы.

Он снова замолчал, оценивая, какое воздействие оказали его слова. С сомнением оглядывал историк мрачные лица глядящих на него людей, в комнате повисла звенящая тишина. Неожиданно на дальнем конце стола поднялся Менион Лих и открыто посмотрел в глаза великану.

— Так ты предлагаешь нам отправиться за мечом в Паранор?

Алланон медленно кивнул, на губах его играла легкая улыбка. Глубоко посаженные глаза мрачно поблескивали из-под кустистых бровей, пристально вглядываясь в испуганные лица. Менион медленно опустил на скамью, на его лице было написано явное недоверие, а Алланон тем временем продолжал:

— Меч по-прежнему в Параноре и, скорее всего, там и останется. Ни Брона, ни посланники Черепа не могут сами вынести оттуда талисман, одно его присутствие является проклятием для их бесконечного пребывания в мире смертных.

Стоит им пробывать рядом с мечом хотя бы несколько минут, как их охватывает жесточайшая боль. А это значит, что любая попытка переправить меч на Север, в королевство Черепя, должна осуществляться с помощью карликов, захвативших Паранор.

Эвентину и его эльфийским воинам было велено присматривать за крепостью друидов и мечом. Хотя Паранор для нас потерян, эльфы пока удерживают южные оконечности Стрелехейма к северу от крепости, а значит, при любой попытке отправиться на Север, к Властелину тьмы, придется пробиваться через их патрули. Очевидно, Эвентина не было в Параноре, когда захватили крепость, и у меня нет причин не верить, что он приложит все силы, чтобы вернуть меч, или, по крайней мере, воспрепятствует любой попытке увезти его. Повелитель чародеев это понимает, и я сомневаюсь, что он рискнет потерей оружия, приказав карликам привезти его. Вместо того он сам засядет в Параноре и останется там, пока его армия не придет на Юг.

Не исключено, что Повелитель чародеев не ожидает с нашей стороны попытки вернуть меч. Скорее всего, он надеется, что весь род Шаннары истреблен. Возможно, злодей ожидает, что мы сосредоточимся на укреплении защитных рубежей перед его вторжением. Если мы будем действовать не мешкая, небольшой отряд сумеет проскользнуть в Башню незамеченным и унести меч. Не скрою, план опасный, но, если существует хотя бы призрачная надежда на успех, рискнуть стоит.

Балинор поднялся с места, дав понять, что хочет обратиться ко всему собранию. Алланон торжественно кивнул и сел.

— Хотя я и не знаю, какой властью обладает меч над Повелителем чародеев, — начал рослый воин, — зато хорошо знаю, с какой опасностью мы столкнемся, если армия Бронны вторгнется в Южные земли и Анар, а по нашим донесениям, именно это они и собираются сделать. Моя родина первой окажется лицом к лицу с этой угрозой, и, если я могу хоть как-то предотвратить вторжение, я не вижу для себя иного пути. Я иду с Алланоном.

При этих словах гномы снова повскакали с мест и восторженно закричали. Алланон встал и поднял руку, требуя тишины.

— Эти два молодых эльфа, сидящие рядом со мной, — кузены Эвентина. Они будут сопровождать меня, ибо заинтересованы в этом деле так же, как и вы. Балинор тоже пойдет, и еще я возьму кого-нибудь из старейшин гномов, но только одного. Для успеха нужен небольшой, но очень опытный отряд. Выберите сами достойнейшего среди вас, и он пойдет с нами.

Он поглядел на дальний край стола, где сидели Ши с Фликом, юноши наблюдали за происходящим со смесью потрясения и замешательства. Менион Лих ни на кого не смотрел, погруженный в глубокие раздумья. Алланон выжидающе взглянул на Ши, угрюмое лицо философа неожиданно смягчилось, когда он увидел испуганные глаза молодого человека, преодолевшего долгий, полный опасностей путь в надежде обрести мирное пристанище, лишь для того, чтобы услышать о новом, еще более рискованном путешествии на Север, которое ему предстоит совершить. Но у Алланона не было времени, чтобы подготовить юношу к этому известию. Он с сомнением покачал головой и ждал.

— Мне кажется, пойти должен я, — внезапно заявил Менион, снова поднимаясь с места. — Я согласился отправиться с Ши в такую даль, чтобы он благополучно добрался до Кулхейвена, и он добрался. Я выполнил свой долг перед ним, но не перед моей родиной и моим народом, который я обязан защищать.

— И какая от тебя польза? — резко спросил Алланон, удивленный неожиданным предложением горца, который даже не переговаривал со своими друзьями. Ши и Флик с изумлением смотрели на принца Лиха.

— Я лучший лучник Южных земель, — невозмутимо ответил Менион. — А может, и лучший охотник.

После минутного колебания Алланон взглянул на Балинора, тот лишь пожал плечами. Словно пытаясь понять намерения друг друга, Менион и Алланон несколько секунд состязались в проницательности взглядов, потом Менион холодно улыбнулся угрюмому историку.

— Почему я вообще должен отчитываться перед тобой? — сухо спросил он.

Хмурый человек на другом конце стола уставился на смельчака едва ли не с любопытством, и в комнате снова повисла зловещая тишина. Даже Балинор сделал шаг назад, не веря собственным ушам. Ши тотчас понял, что Менион нарывается на неприятности. Все сидящие за столом, кроме них троих, явно знали о мрачном страннике нечто, пока недоступное их пониманию. Испуганный юноша бросил быстрый взгляд на Флика, румяное лицо брата смертельно побледнело. Поддавшись внезапному порыву, Ши вскочил и кашлянул, прочищая горло. Все разом повернулись к нему, и несчастный южанин тут же забыл все, что собирался сказать.

— Ты хочешь что-то сообщить? — мрачно осведомился Алланон.

Ши кивнул, отчаянно пытаясь собраться с мыслями. Он снова посмотрел на брата и с благодарностью увидел, как тот уверенно кивнул.

Ши снова кашлянул и наконец заговорил:

— Я родился не в той семье, вот и весь мой талант, но я хочу знать, чем все это закончится. Мы с Фликом, и Менион тоже, отправляемся в Паранор.

Алланон одобрительно кивнул и даже выдал из себя скупую улыбку, в глубине души довольный юным жителем Дола. Ши должен быть сильным. Он последний из рода Шаннары, и от ничтожной случайности его рождения зависела судьба тысяч жизней.

Стоявший до сих пор Менион Лих тихонько опустился на скамью, едва слышный вздох облегчения сорвался с его губ, и он мысленно поздравил себя с победой. Ведь он намеренно раздражил Алланона и своим поступком вынудил Ши прийти ему на помощь и согласиться на поход в Паранор. Он отчаянно рисковал, вынуждая друга принять непростое решение и присоединиться к отряду. От рокового столкновения с Алланоном его отделяла тончайшая грань. Сейчас ему повезло. Но будет ли удача благосклонна на долгом и трудном пути?

Глава 9

Ши неподвижно стоял в темноте перед залом для собраний, и ночной воздух прохладными волнами окатывал его разгоряченное лицо. Флик застыл справа от брата, его угрюмая физиономия белела в неверном свете луны. В нескольких ярдах слева от Омсфордов Менион лениво привалился к высокому дубу. Совет завершился, и Алланон попросил подождать его. Величественный странник задержался, обговаривая со старейшинами гномов приготовления к вторжению из Верхнего Анара. Балинор тоже остался, он согласовывал оборону прославленного Пограничного легиона в далеком Каллахорне с действиями гномьей армии Восточных земель. Ши с радостью вышел из душной комнаты на свежий ночной воздух, где можно было спокойно обдумать скоро-течно принятое решение о походе в Паранор. Он понимал сам и надеялся на понимание Флика, что отсидеться в стороне от неминуемой борьбы за меч Шаннары им не удастся. Они могли бы остаться в Кулхейвене, жить здесь почти на положении арестантов в надежде, что гномий народ защитит их от неусыпных посланников Черепя. Они могли бы остаться на этой чужой земле, вдали от всех, кто знал их, и только гномы, быть может, со временем вспомнили бы их имена. Однако подобная отстраненность была бы хуже любой участи, которую готовил им враг. Впервые Ши понял, что обязан, раз и навсегда, принять как данность свою принадлежность к великому роду Шаннары. Он больше не просто приемный сын Кёрзата Омсфорда, а потомок королевского

рода и единственный наследник легендарного меча и должен смириться с тем, что уготовила ему всевидящая судьба.

Ши украдкой посмотрел на брата, задумчиво глядящего в потемневшую землю; при мысли о безграничной преданности Флика острая печаль пронзила его сердце. Храбрец Флик любил своего названного брата всей душой, но отправляться прямиком в руки врага он вовсе не рассчитывал. Ши не хотел втягивать Флика в опасное путешествие, в конце концов, вызволять знаменитый меч не его обязанность. Он понимал, что крепыш Флик ни за что не бросил бы его, пока чувствовал свою необходимость, но, быть может, теперь ему удастся убедить брата остаться или даже вернуться в Тенистый Дол и успокоить отца. Однако, как Ши ни ломал голову, он понимал всю безнадежность своей затеи — Флик никогда не повернет назад. Что бы ни случилось дальше, он дойдет до конца.

— Было время, — негромкий голос Флика ворвался в мысли Ши, — когда я мог бы поклясться, что всю жизнь проживу в тихой глуши Тенистого Дола. И вот теперь, похоже, мне предстоит принять участие в спасении человечества.

— Думаешь, я напрасно согласился? — спросил Ши после короткого размышления.

— Нет, не думаю. — Флик покачал головой. — Но вспомни, о чем мы говорили по пути сюда. Есть силы не только неподвластные нам, но даже недоступные нашему пониманию. Теперь ты видишь, как мы беспомощны перед судьбой?

Он помолчал и посмотрел брату в глаза.

— Думаю, ты поступил правильно, а я буду с тобой, что бы ни случилось.

Ши широко улыбнулся и положил руку на плечо Флика, думая, что именно эти слова он ожидал услышать от брата. Кому-то это, быть может, показалось бы ничтожным совпадением, но для Ши значило очень много. Неожиданно он услышал шаги Мениона и повернулся к горцу.

— Наверное, после сегодняшнего вечера вы посчитаете меня недоумком, — отрывисто заявил Менион. — Но этот недоумок полностью на стороне Флика. Что бы ни случилось,

мы встретим опасность вместе, неважно, будет ли она исходить от смертных или от призраков.

— Ты нарочно разыграл эту комедию, чтобы заставить Ши согласиться? — спросил взбешенный Флик. — Такого гнусного надувательства я в жизни не видел!

— Не надо, Флик, — быстро прервал его Ши. — Менион знал, что делает, и поступил правильно. Я все равно решил бы идти, во всяком случае, мне хочется верить в это. А теперь мы должны забыть прошлое, забыть о всех разногласиях и держаться вместе ради нашего же блага.

— Уж я-то точно всегда буду рядом, чтобы не спускать с него глаз, — не удержался от колкости Флик.

Внезапно дверь зала для собраний распахнулась, и на пороге в свете горящих внутри факелов возник могучий силуэт Балинора. Он окинул взглядом троицу, стоящую в темноте, закрыл дверь и с легкой улыбкой подошел к ним.

— Я рад, что вы все решили пойти с нами, — произнес он просто. — Должен сказать, Ши, что без тебя весь поход не имел бы смысла. Без наследника Джерла Шаннары меч всего-навсего кусок железа.

— Расскажи нам об этом волшебном оружии, — быстро проговорил Менион.

— Вам все расскажет Алланон, — ответил Балинор. — Он хочет поговорить с вами, потерпите еще несколько минут.

Менион кивнул, поежившись при мысли о второй встрече с великаном за один вечер, но полный желания узнать о мече. Ши и Флик быстро переглянулись. Наконец-то они услышат о том, что произошло на Севере.

— А как ты оказался здесь, Балинор? — осторожно поинтересовался Флик, боясь показаться чересчур любопытным.

— Это долгая история, вам будет неинтересно, — ответил Балинор довольно резко, и Флик тотчас решил, что все-таки перешел границы дозволенного. Балинор заметил смятение на лице юноши и ободряюще улыбнулся. — В последнее время я не очень хорошо ладил со своей семьей. У нас с младшим братом возникли... некоторые разногласия, и я решил пока уехать из города. Алланон попросил меня сопровождать

его в Анар. Хендель и другие гномы — мои друзья, поэтому я согласился.

— Знакомая история, — сухо заметил Менион. — У меня тоже так бывает.

Балинор кивнул и выдавил из себя улыбку, но по глазам принца Ши видел, что ему вовсе не весело. Что бы ни вынудило Балинора покинуть Каллахорн, вряд ли мелкие переживания Мениона можно было поставить рядом. Ши поспешил сменить тему.

— А что ты можешь рассказать об Алланоне? Почему мы должны слепо верить ему, ведь мы до сих ничего о нем не знаем. Кто он такой?

Балинор удивленно поднял брови и улыбнулся, вопрос позабавил и озадачил его. Пройдясь взад-вперед в глубокой задумчивости, воин резко повернулся к трем друзьям и махнул рукой в сторону зала для собраний.

— Да я и сам немного о нем знаю, — признался он чисто-сердечно. — Алланон много путешествует, изучает земли и страны, ведет подробные записи о всех изменениях в жизни народов. Его знают в любом уголке, мне кажется, нет такого места, где бы он не побывал. Его познания о нашем мире безграничны, такого не прочтешь ни в одной книге. Он удивительный...

— Но кто он такой? — нетерпеливо перебил Ши, чувствуя, что ему просто необходимо узнать истинное происхождение историка.

— Точно сказать не могу, он никогда не был откровенен даже со мной, а я ему почти как сын, — произнес Балинор так тихо, что им пришлось придвинуться ближе, чтобы не пропустить ни слова. — Старейшины гномов и старейшины в моем королевстве говорят, что он величайший из друидов, из того почти позабытого Совета, который правил людьми больше тысячи лет назад. Говорят, он прямой потомок друида Бремена, а может, и самого Галафила. Думаю, в этом есть немалая доля правды, потому что он часто приходил в Паранор и подолгу жил там, записывая свои открытия в огромные книги, которые хранятся в крепости.

Балинор немного помолчал, а трое его слушателей быстро переглянулись, думая об утрюмом историке, который и правда мог оказаться потомком друидов, и о чередѣ веков великой истории, стоящих у него за спиной. Ши и раньше подозревал, что Алланон один из тех древних философов-наставников, которых называли друидами, — это, во всяком случае, объясняло его громадные познания о народах и об источнике смертельной опасности, которая нависла над самой жизнью. Балинор снова заговорил, и Ши повернулся к нему.

— Я уверен, хотя и не могу объяснить почему, что о лучшем товарище в час испытаний и мечтать нельзя, даже если нам придется сойтись в рукопашной с самим Повелителем чародеев. Сам я никогда не видел, но точно знаю — такой силы, как у Алланона, нет ни у кого. Он может быть очень опасным врагом.

— Ну, в этом я нисколько не сомневаюсь, — мрачно пробурчал Флик.

После томительных минут ожиданий дверь зала для собраний наконец распахнулась, и на пороге показался Алланон. В слабом свете луны его силуэт казался громадным и пугающим и очень напоминал посланников Черепа, которых они так боялись. Пока Алланон подходил ближе, его черный плащ медленно развевался, худое лицо скрывали складки широкого капюшона. Все ждали его приближения молча, в надежде услышать слова, которые, быть может, навсегда изменят их жизнь. Возможно, он догадывался об их мыслях, а вот им никак не удавалось заглянуть под маску мрачной таинственности, надежно закрывавшую его настоящее лицо. Они заметили лишь яркий блеск глаз, когда великан остановился перед ними и медленно обвел взглядом все лица по очереди. Повисла зловещая тишина.

— Настало время вам узнать всю историю меча Шанна-ры, историю народов, известную только мне. — Его властный голос притягивал к себе. — Прежде всего об этом должен знать Ши, но и вам, коли вы по доброй воле согласились разделить со своим другом опасный путь, надлежит узнать прав-

ду. Прошу вас сохранять в тайне все услышанное сегодня, пока я не скажу, что необходимость в этом отпала. Согласен, сделать это будет непросто, но вы должны сдержать обещание.

Он жестом пригласил их за собой и направился к темнеющим за поляной деревьям. Когда они углубились в лес на несколько сотен футов, Алланон свернул к маленькой, почти незаметной прогалинке. Там он уселся на трухлявый пенек древнего дерева и взмахом руки предложил устраиваться остальным. Друзья не заставили себя долго уговаривать и молча дожидались, пока знаменитый историк соберется с мыслями и начнет говорить.

— Давным-давно, — начал он наконец, тщательно обдумывая каждое слово, — еще до Великих войн, до появления народов в том виде, в каком мы знаем их теперь, эту землю — во всяком случае, так считается — населяли одни только люди. К тому времени цивилизация их насчитывала уже несколько тысячелетий тяжкого упорного труда и кропотливого учения, которые и вознесли род человеческий к небывалым высотам и приблизили к постижению тайны самой жизни. Это было легендарное, захватывающее время, даже если бы мне с безупречной точностью удалось живописать его для вас, многое осталось бы за гранью вашего понимания — настолько поразительной, неистовой и непостижимой была та эпоха. Однако пока человек трудился над познанием тайны жизни, он за все эти долгие годы так и не смог избежать непреодолимого притяжения смерти. Это две стороны одной медали, даже у самых развитых народов. Как ни странно, движущей силой каждого следующего открытия оставались все те же вечные стремления к новым научным достижениям. Но это не были науки, известные нам сегодня, они не изучали жизнь животных и растений, тайны земли и историю человечества. Машины и энергия — вот что стало предметом бесчисленных исследований, служивших лишь двум неизменным целям: найти секрет совершенной жизни и лучший способ убивать.

Он помолчал и горько усмехнулся, кивнув в сторону внимательно слушавшего его Балинора.

— Подумать только, как много времени тратит человек, стремясь к столь различным целям. Ведь даже сейчас, по прошествии многих лет, ничего не изменилось...

Его голос на мгновение затих, и Ши отважился бросить быстрый взгляд на остальных, но все они были сосредоточены на рассказчике.

— Науки, познающие физические силы! — (От внезапного восклицания Алланона Ши вздрогнул.) — В ту эпоху они были средством достижения любой цели. За всю свою историю мир не знал таких свершений, каких добилась человеческая раса две тысячи лет назад. Смерть, вековечный враг человека, забирала отныне только тех, кто исчерпал отпущенный ему срок пребывания в этом мире. Болезни были побеждены, и, будь у человечества чуточку больше времени, оно нашло бы способ продлевать жизнь. Некоторые философы утверждали, что тайны жизни недоступны смертным. Ведь никому еще не удалось доказать обратного. Быть может, великая тайна и была бы наконец раскрыта, но время истекло и те же могучие силы, которые освободили жизнь от болезней и дряхлости, едва не уничтожили ее. Из мелких незначительных стычек между отдельными народами, нарастая исподволь и распространяясь повсеместно, проросли Великие войны, хотя многие и понимали, что происходит. Всеобщая ненависть поразила народы, и поводом к ней служило все — национальность, границы, религия. И тогда неожиданно — настолько, что лишь немногие поняли, что случилось, — весь мир охватила волна войн между странами, весьма научно спланированных и превосходно реализованных. В какие-то минуты тысячелетиями копившиеся знания и опыт нескольких веков привели почти к полному уничтожению жизни. Великие войны. — Зычный голос историка звучал мрачно, блестящие черные глаза внимательно наблюдали за лицами слушателей. — На редкость удачное название! Силы, израсходованные за несколько минут той битвы, не только благополучно перечеркнули тысячелетия развития цивилизации, но и спровоцировали многочисленные извержения и землетрясения, которые полностью изменили ландшафт земли. Сами по себе удары привели к ужасающим ре-

зультатам: почти девять десятых живых существ было стерто с лица земли, однако последствия их также несли с собой хаос и истребление всего живого и привели к разлому континентов, иссушению океанов, моря и земли сделались непригодными для жизни на несколько сотен лет. Мир оказался на пороге неминуемой гибели, и лишь чудо предотвратило столь ужасную развязку.

— Не могу поверить. — Слова сорвались с губ Ши, прежде чем он успел сдержаться. Алланон взглянул на юношу, и знакомая издевательская усмешка растянула его рот.

— Вот тебе история цивилизованного человечества, Ши, — пробурчал он угрюмо. — Однако нас больше касается то, что произошло потом. Остатки рода человеческого, сумевшие пережить ужасное время после чудовищной бойни, поселились в затерянных уголках земли, сражаясь за выживание. В ту пору и зародились истоки сегодняшних народов — людей, гномов, карликов и троллей. Некоторые могут назвать в их числе и эльфов, но эльфы были там всегда, только это совсем другая история для другого рассказа.

В Тенистом Доле, беседуя с братьями Омсфорд, Алланон был столь же скуп в словах, когда речь заходила об эльфах. Ши мучительно захотелось прервать рассказ историка и расспросить его об эльфах и своем собственном происхождении. Но он боялся рассердить Алланона, слишком хорошо помня, к чему привела его несдержанность во время их первой встречи.

— Лишь немногие сохранили в памяти знания и умения, служившие людям до гибели старого мира. Их было ничтожно мало. Большинство опустилось до уровня самых примитивных существ, да и те немногие избранные помнили лишь обрывки знаний. Однако они бережно хранили свои ученые книги, которые могли рассказать о тайнах древних наук. Первые сотни лет книги просто надежно оберегали в тайных хранилищах, никто не мог найти мудреным словам практическое применение, и люди терпеливо ждали, когда придет время возрождения древних знаний. А пока они перечитывали бесценные тексты, и после, когда книги начали рассыпаться от старости и не нашлось способа спасти или переписать

их, те немногие хранители древних рукописей начали заучивать их наизусть. Годы шли, тексты древних книг старательно передавались от отца к сыну, и каждое новое поколение ревностно сохраняло знание внутри своей семьи, оберегая от тех, кто мог бы использовать его во зло и воссоздать мир, где будут возможны новые Великие войны. И в конце концов, даже когда время пришло и появилась возможность переписать бесценные сведения из тех, погибших, книг, люди, заучившие их наизусть, отказались это сделать. Они все еще боялись последствий, боялись друг друга и даже самих себя. Поэтому они решили — в большинстве случаев каждый решал сам — дожидаться подходящего времени, чтобы передать знание новым развивающимся расам.

Годы шли и шли, новые расы постепенно выходили из первобытного состояния. Они начали объединяться в сообщества, пытались выстроить новую жизнь на руинах старой, но, как вам уже говорили, эта задача оказалась им не по силам. Народы жестоко враждовали из-за территорий, и мелкие споры вскоре переросли в кровавые столкновения. И вот, когда потомки первых хранителей древних наук и знаний о прежней жизни увидели, что мир вновь катится к саморазрушению, они решились действовать. Человек по имени Галафил понимал, что без их немедленного вмешательства народы снова окажутся ввергнутыми в войну. Поэтому он созвал избранных людей, всех хранителей любых знаний из старинных книг, каких сумел разыскать, на совет в Паранор.

— Так это и был первый Совет друидов, — пробормотал Менион Лих с изумлением. — Совет самых умных людей той эпохи, готовых объединить силы ради спасения народов.

— Весьма похвальное описание отчаянной попытки предотвратить всеобщее истребление, — коротко рассмеялся Алланон. — Совет друидов собирался с самыми лучшими намерениями со стороны большинства, быть может, даже все его участники поначалу преследовали благие цели. Они обладали огромным влиянием на народы, поскольку благодаря своим бесценным знаниям могли значительно улучшить жизнь всех без исключения. Они действовали только совместно,

каждый применял свои знания на пользу других. Им удалось предотвратить новую войну и на первых порах сохранять мир, однако они столкнулись с неожиданными трудностями. Знания, которыми обладали члены Совета, неизбежно понемногу искажались с каждым новым пересказом от поколения к поколению, и многие ключи к пониманию оказались вовсе не такими, какими должны были быть.

Осложняла положение и вполне объяснимая неспособность состыковать различные области знания, объединить разные науки. Многие члены Совета не улавливали в знании, переданном им предками, никакой практической сути, оно казалось им пустым набором слов. Поэтому, хотя друиды, как они называли себя в честь древнего сообщества, искавшего смысл бытия, могли во многом помочь народам, они признали, что неспособны извлечь из заученных текстов достаточно сведений, чтобы с легкостью постичь секреты великих наук, которые, как они верили, могли бы помочь народам в их развитии и процветании.

— Значит, друиды хотели воссоздать старый мир на свой манер, — быстро вставил Ши. — Они хотели предотвратить войны, которые однажды едва не уничтожили мир, но при этом извлечь всю пользу из древних наук.

Сбитый с толку Флик помотал головой, не в силах уловить, какое отношение все это имеет к Повелителю чародей и мечу.

— Верно, — подтвердил Алланон. — Однако Совет друидов, несмотря на свои обширные знания и добрые намерения, просмотрел основополагающий закон человеческого существования. Каждый раз, когда разумным существом неизбежно начинает овладевать врожденное стремление улучшить свою жизнь и постичь тайны развития, оно находит способ сделать это так или иначе. Друиды заперлись в Параноре, вдали от народов земли, они работали поодиночке или маленькими группками, чтобы постигнуть тайны древних наук. Многие полагались на доступные сведения, на знания отдельных хранителей, переданные всему Совету для того, чтобы воссоздать, восстановить древние способы обуздания энергии. Однако нашлись и недовольные подобным

подходом. Они не хотели ломать голову над толкованием слов и ходом мысли древних, а предпочитали довольствоваться теми знаниями, которые можно ухватить сразу и использовать вкупе с новыми устремлениями.

Вот так и получилось, что несколько членов Совета во главе с друидом по имени Брона начали углубляться в древние тайны, не дожидаясь полного понимания старинных наук. Они обладали исключительными способностями, некоторые — просто гениальными, и они горели страстным желанием добиться успеха, мечтая подчинить себе силы, которые станут служить людям. Но, по удивительной иронии судьбы, их открытия и умозаключения все дальше и дальше уводили их от исследований Совета. Древние науки по-прежнему оставались неразгаданными, поэтому они переключились на иную сферу, медленно и неукоснительно вторгаясь в мир знания, которое никто еще не смог постичь до конца и никто никогда не называл наукой. Они начали приоткрывать тайны безграничного могущества магии и колдовства. Прежде чем об этом стало известно, они овладели несколькими секретами волшебства, и Совет приказал немедленно прекратить опасные опыты. Возник жаркий спор, и сторонники Броны в гневе покинули Совет, намереваясь продолжить свои исследования самостоятельно. Они исчезли, и больше их никто не видел.

Алланон немного помолчал, обдумывая продолжение своего рассказа. Слушатели терпеливо ждали.

— Сейчас мы знаем, что случилось в последующие годы. Долгие и упорные исследования Броны привели его к раскрытию глубинных секретов волшебства. Но, овладев магическими знаниями, он лишился собственной личности и даже собственной души, отдав их силам, которые с такой жадностью искал. Были позабыты древние науки и цели, каким они служили в мире людей. Был позабыт Совет друидов с его стремлением улучшить жизнь. Было позабыто все, кроме всепоглощающего желания узнать как можно больше об искусстве магии, о скрытых силах разума, помогающих проникать в иные миры. Брона был одержим идеей расширить свое могущество, править народами и миром, который они населя-

ли, с помощью этой чудовищной силы. Результатом его честолюбивых стремлений стала печально известная Первая война рас, когда он стал управлять мыслями слабых и наименее представителей рода человеческого, вынудив этих несчастных развязать войну против других народов и подчинив их воле человека, переставшего быть человеком, который больше даже не был хозяином самому себе.

— А его сторонники?... — медленно проговорил Менион.

— Тоже жертвы. Они превратились в прислужников своего вожака, стали рабами таинственной власти магии... — Алланон нерешительно замолчал, словно хотел добавить еще что-то, но сомневался. После недолгого размышления он продолжил: — Истина в том, что эти злополучные друиды, найдя в результате полную противоположность своим первоначальным устремлениям, явили собой хороший урок в наставление всему человечеству. Возможно, проявив должное терпение, они смогли бы собрать воедино утерянные связи между старинными науками, вместо того чтобы срывать завесу с чудовищных сил потустороннего мира, которые тут же набросились на их незащищенные умы и пожрали их до последней крошки. Человеческий разум не готов столкнуться лицом к лицу с нематериальным миром. Выдержать такое соседство не под силу простому смертному.

И снова повисло зловещее молчание. Теперь слушателям была понятна природа врага, которого они собирались обмануть. Им предстояло сразиться с существом, который больше не являлся человеком, а лишь проводником некой громадной силы, лежащей за пределами их понимания, силы настолько могущественной, что Алланон опасался ее влияния на человеческий разум.

— Остальное вы уже знаете, — снова заговорил Алланон довольно резко. — Существо, именуемое Броней, которое больше не имеет ничего общего с человеком, и есть сила, стоявшая за обеими войнами рас. Посланники Черепа — последователи своего прежнего учителя Броны, те друиды, которые некогда были людьми и принимали участие в Совете в Параноре. Они не в силах избежать своей судьбы — так же,

как и он. Даже принятый ими облик является телесным воплощением зла, которому они служат. Однако для нас важнее всего то, что они знаменуют собой новую эру для человечества, для всех народов во всех четырех землях. Древние науки навсегда остались в истории, позабытые теперь так же верно, как и то время, когда машины стали благословенным открытием для облегчения жизни, их вытеснили магические чары — более страшная и опасная угроза всему живому, чем все, бывшие прежде. Верьте мне, друзья. Мы живем в эру магии, и ее сила может уничтожить всех нас!

Все молчали. В темном лесу висела давящая тишина, и последние слова Алланона, казалось, раскатились звенящим эхом. Первым тихо заговорил Ши.

— А в чем тайна меча Шаннары?

— В Первую войну рас, — отозвался Алланон почти шепотом, — могущество друида Броны было невелико. В результате объединенные силы других рас, подкрепленные знаниями Совета друидов, победили армию людей и вынудили Брону бежать в изгнание. Он мог и погибнуть, и все произошедшее осталось бы в истории лишь еще одной главой об очередной войне между смертными, но ему удалось раскрыть тайну сохранения своей духовной сущности после того, как его бранные останки должны были разложиться и обратиться в прах. Он сумел сохранить собственный дух, подпитывая его энергией магических сил, какими теперь обладал, наделив его жизнью, не нуждающейся в плотском воплощении, жизнью вечной. Теперь он мог перекинуть мостик между двумя мирами — миром живых и потусторонним миром за его пределами, откуда он призвал черных призраков, столетиями дремавших там, и стал дожидаться часа мщения. В ожидании он наблюдал, как сбываются его предсказания и разобщаются народы, сила же Совета друидов иссякла, когда они потеряли интерес к судьбе народов. Как и всякое зло, он выжидал, пока чаша весов с ненавистью, завистью и жадностью — пороками, общими для всех народов, — перевесит добро и милосердие, и вот тогда он сможет нанести удар. С легкостью захватив власть над примитивными, воинствен-

ными троллями с Чарнальских гор, он пополнил их войска существами из мира призраков, которому теперь служил, и его армия двинулась на разобщенные народы.

Как вам известно, они победили Совет друидов и уничтожили его, лишь немногим удалось бежать. Одним из тех, кто спасся, был старый мистик по имени Бремени, он предвидел опасность, но тщетно пытался предостеречь остальных. Как и все друиды, он был историком, изучал Первую войну рас и узнал о Броне и его последователях. Увлеченный их исследованиями, Бремени подозревал, что загадочный друид, вероятно, сумел подчинить себе силы, о существовании которых никто не подозревал, а уж тем более не надеялся их победить, и сам начал изучать искусство магии, но только с величайшими предосторожностями и уважением к тем самым силам, какие, как он предчувствовал, можно потревожить. После нескольких лет изысканий он пришел к убеждению, что Брона до сих пор существует и что следующая война против человечества будет выиграна силами чародейства и черной магии. Можете представить, какой ответ он получил на свое предположение — его буквально выпшвырнули из Паранора. Тогда он уединился и начал оттачивать свое искусство, поэтому его не было в Параноре, когда замок пал под ударами армии троллей. Узнав о захвате Совета, он понял, что народы окажутся беспомощными перед могущественными и совершенно неизвестными смертным чарами Броны, если он не начнет действовать. Однако он не знал, как победить существо, над которым не властно любое оружие смертных, существо, живущее уже больше пяти столетий. Он отправился к величайшему народу того времени — к эльфам, которыми правил храбрый молодой король по имени Джерл Шаннара, — и предложил свою помощь. Эльфы всегда с уважением относились к Бремени, поскольку понимали старика лучше, чем его товарищи-друиды. Долгие годы он жил среди них до падения Паранора, занимаясь изучением магических наук...

— Я что-то не пойму, — вдруг перебил его Балинор. — Если Бремени постиг искусство магии, почему же он сам не бросил вызов Повелителю чародеев?

Ответ Алланона прозвучал несколько уклончиво.

— На самом деле он все же вызвал Брону на бой на равнинах Стрелехейма, хотя этот бой был недоступен глазам смертных, и оба противника исчезли. Предполагалось, что Бремен победил Повелителя призраков, но время доказало обратное, и вот теперь... — Всего лишь мгновение он сомневался, прежде чем вернуться к прерванному рассказу, однако многозначительность последней паузы не укрылась от его слушателей. — Как бы там ни было, Бремен понял, что необходим какой-то оберег на случай возможного появления второго Броны во времена, когда не останется никого, сведущего в мистических искусствах и способного оказать помощь народам четырех земель. Так он пришел к мысли о мече — оружии, содержащем в себе силу для победы над Повелителем чародеев. Бремен выковал меч Шаннары, при помощи мистических дарований ученого обычный кусок металла превратился в нечто большее и получил особенные защитные свойства всех талисманов, оберегающих от неведомого. Меч должен был получать силу из разума смертных, которых защищал, могущество меча зависело от их собственного желания сохранить свободу, отстоять ее даже ценой собственной жизни. Именно эта сила помогла тогда Джерлу Шаннаре разбить усиленную призраками армию Северных земель, именно эта сила должна теперь отправить Повелителя чародеев обратно в мир призраков, к которому он принадлежит, запретить его там навеки, отрезать ему все пути к возвращению в наш мир. Но до тех пор пока меч у него, Повелитель чародеев еще может избежать прикосновения меча и не позволить ему уничтожить себя безвозвратно, и как раз этого, друзья мои, нам нельзя допустить.

— Но почему только потомок рода Шаннары... — запинаясь, выговорил Ши, в голове у него все смешалось.

— В этом-то и состоит величайшая ирония! — воскликнул Алланон, не дослушав вопрос до конца. — Если вы внимательно следили за моим рассказом о переменах в жизни, последовавших после Великих войн, о том, как материалистические науки сменились науками нашего времени, науками ма-

гическими, тогда вы осмыслите самое загадочное явление, которое я пытаюсь объяснить. Если науки прошлого имели дело с реалистическими теориями, выстроенными вокруг вещей, которые можно увидеть, потрогать и почувствовать, то магия нашей эпохи управляет совершенно иными явлениями. Сила этой магии могущественна только тогда, когда в нее верят, ибо владеет мыслями, которых человек не может ни увидеть, ни ощутить. Если разум не находит прочного основания для веры в эту силу, она не оказывает никакого воздействия. Повелитель чародеев знает это, и его внутренние страхи и вера в неведомое — в миры, существа, явления, недостижимые для ограниченного разума человека, — служат для него более чем достаточным основанием, чтобы совершенствовать свое искусство магии. Уже более пяти веков он полагается на эту основу основ. Точно так же и меч Шаннары совершенно бесполезен в руках тех, кто не уверен в своем праве владеть им. Когда Бремен передавал меч Джерлу Шаннаре, он совершил ошибку, вручив великое оружие королю и его потомкам, вместо того чтобы отдать его простым людям. В результате из-за недопонимания и неверного толкования историков родилось всеобщее убеждение, что меч — это оружие короля эльфов и лишь наследники королевской крови могут поднять его против Повелителя чародеев. Теперь тот, в чьих жилах не течет кровь короля эльфов, даже если в его руки попадет великий меч, никогда не поверит в свое право воспользоваться знаменитым оружием. Древнее заблуждение, будто мечом может владеть только прямой потомок рода Шаннары, породило множество сомнений, а сомнения убивают могущество меча, и он превращается в обычный кусок металла. Только кровь и вера в наследника Шаннары способны пробудить дремлющие силы великого меча.

Он сказал в е. На этот раз молчание установилось надолго. Не осталось ничего, что он мог бы еще рассказать этой четверке. Алланон снова мысленно вернулся к данному себе обещанию. Он не открыл им всего, намеренно утаив ту малость, которая окончательно повергла бы его слушателей в ужас. Алланон разрывался между желанием выложить все до конца и гнетущим страхом потерять последнюю надежду на

благоприятный исход, который был сейчас превыше всего, и лишь он один понимал это. Поэтому он сидел молча, ощущая горечь от своего одинокого знания, раздраженный добровольно возложенными на себя ограничениями, которые не позволяли ему быть до конца откровенным с людьми, чья судьба настолько сильно зависела от него.

— Значит, только Ши сможет воспользоваться мечом, если...— внезапно нарушил молчание Балинор.

— Только Ши, по праву рождения. Только Ши.

Было так тихо, казалось, все живое в ночном лесу прекратило свою нескончаемую возню, вдруг ясно осознав мрачные слова историка. Все будущее свелось для каждого к простому выбору: победить или погибнуть.

— А теперь оставьте меня,— неожиданно приказал Алланон.— Поспите, пока есть возможность. На рассвете мы покидаем этот гостеприимный дом и отправляемся в Паранор.

Глава 10

Утро для маленького отряда наступило рано, в золотистом свете занимающейся зари, с трудом разлепляя глаза, они готовились к началу долгого похода. Балинор, Менион и братья Омсфорд дожидались появления Алланона и кузенов Эвентина. Все хранили молчание, короткий сон и слишком раннее пробуждение не располагали к разговорам, да и мысли были заняты предстоящим нелегким походом. Ши с Фликом молча сидели на узенькой каменной скамье, не глядя друг на друга, оба думали о рассказе Алланона и о том, удастся ли им отыскать меч Шаннары, выйти с ним против Повелителя чародеев и уничтожить его, а после еще и вернуться домой целыми и невредимыми. Ши уже преодолел свой страх и теперь впал в некое оцепенение, его мозг, устав бороться с бесконечными опасениями, сдался и словно уснул, и теперь Ши, не испытывая никаких чувств, просто спокойно повторял про себя, что гибельный поход в Паранор неизбежен. Однако, несмотря на смирение, где-то в глубинах его смятенного разума крепла уверенность, что он непременно сумеет преодолеть все несокрушимые преграды. Он чувствовал, что уверенность эта прячется в тайниках его души, дожидаясь более подходящего случая, чтобы заявить о себе и потребовать свою долю. Но пока Ши охотно позволил себе пребывать в молчаливой покорности.

На братьях была одежда лесных жителей, подаренная гномами; спасаясь от утренней сырости, они кутались в теплые

накидки. Короткие охотничьи ножи, принесенные из Дола, путники прицепили к ремням. Дорожные мешки с самым необходимым получились небольшие, да ведь и сами братья были невелики. В стороне, по которой им предстояло пройти, располагались лучшие охотничьи угодья Южных земель, жители редких крошечных поселений дружески относились к Алланону и гномам. Но земля эта была родиной карликов, заклятых врагов гномов. И все же теплилась надежда, что маленькому отряду удастся проскользнуть незаметно и избежать столкновения с охотниками карликов. Ши аккуратно уложил эльфийские камни в кожаный мешочек, никому их не показывая. Алланон не вспоминал о камнях с тех пор, как появился в Кулхейвене. По недосмотру или намеренно молчал историк, но Ши не собирался расставаться со своим единственным мощным оружием, поэтому и прятал драгоценный мешочек под рубашкой.

Менион Лих держался в стороне, он неторопливо прогуливался взад и вперед в нескольких ярдах от братьев. На принце был неброский костюм охотника, не сковывающий движений и по цвету замечательно подходящий для того, чтобы стать почти незаметным. Сапоги из мягкой кожи, пропитанные особыми маслами, позволяли ему нестыпно подкрасться к своей добыче и к тому же прекрасно защищали ноги даже на самой грубой почве. За мускулистой спиной Мениона болтался длинный меч в ножнах, крепкая рукоять тускло поблескивала в утреннем свете. Свой любимый ясеневый лук он повесил на плечо.

Балинор был в своем обычном походном плаще, плотно облегавшем крепкое тело, с наброшенным на голову капюшоном. Под плащом скрывалась кольчуга, каждый раз, когда Балинор резко вскидывал руки, она вспыхивала из-под одежды ярким светом. На поясе у него висел длинный охотничий нож и самый огромный меч, какой когда-либо доводилось видеть братьям. Меч был так велик, что казалось, одним взмахом гигантского клинка можно рассечь человека пополам. Сейчас меч скрывали полы длинного плаща, но братья видели, как утром Балинор закреплял его на перевязи.

Наконец после томительного ожидания из зала для собраний вышел Алланон в сопровождении двух изяшных эльфов. Не трата времени даром, он на ходу пожелал всем доброго утра и велел построиться для предстоящего похода, строго предупредив, что, как только через несколько миль они перейдут Серебристую реку и окажутся на земле карликов, обо всех разговорах придется забыть. За рекой им предстоял путь на Север, через Анарские леса, к далеким суровым горам. Конечно, идти по равнинам Запада гораздо легче, но легче и попасться на глаза, а в этой дикой местности их вряд ли кто-нибудь найдет. А скрытность — их главное оружие. Если Повелитель чародеев узнает о цели их путешествии, с ними будет покончено. Идти они будут только днем, под прикрытием лесов и гор, и лишь на далеких равнинах Севера, где посланники Черепа смогут выследить их, путникам придется вспомнить о ночных переходах.

От гномов для долгого опасного похода старейшины выбрали Хенделя, того самого немногословного воина, который спас Мениона от сирены. Когда они вышли из Кулхейвена, Хендель возглавил отряд, поскольку знал эти края лучше всех. Рядом с ним шагал Менион; говорил он немного, стараясь не привлекать к своей персоне внимание сердитого гнома, который, похоже, считал участие принца Лиха в этом походе совершенно не обязательным. В нескольких шагах за ними шли двое эльфов, их тонкие фигуры, словно быстрые тени, легко и изящно скользили вперед, тихие мелодичные голоса успокаивали, во всяком случае так казалось Ши. Оба эльфа несли большие ясеневые луки, похожие на лук Мениона. Плащей на них не было, только странные облегающие одеяния, в которых они появились на вечернем совете. Следом за эльфами шли Ши с Фликом, а за братьями широко и свободно, не отрывая глаз от тропинки под ногами, вышагивал молчаливый командир небольшого отряда. Замыкал шествие Балинор. Братья тотчас догадались, что их намеренно поместили в середину для более надежной защиты. Ши понимал, сколь важно его присутствие для успеха их опасного путешествия, и все же болезненно сознавал, что остальные считают его слабым и беспомощным.

Они добрались до Серебристой реки и перешли ее в самом узком месте, где через извилистую ленту сверкающей воды был переброшен крепкий деревянный мост. Когда путники оказались на другом берегу, разговоры разом смолкли и все принялись с тревогой вглядываться в темнеющий впереди густой лес. Пока дорога была довольно ровной, хорошо заметная тропа змейкой тянулась среди величественных деревьев и вела прямо на север. Длинные узкие лучи утреннего солнца проникали сквозь плотные кроны, проливаясь на тропинку и лица путников и украдкой согревая их в лесной прохладе. Палые листья и ветки под ногами, налитые обильной росой, превратились в мягкую подушку и заглушали звук шагов, оберегая утреннюю тишину. Отовсюду слышались звуки лесной жизни, хотя путники видели только пестрых птиц да пару белок, которые беспечно резвились в своих владениях на верхушках деревьев, время от времени роняя на непрошенных гостей ореховую скорлупу или веточку. Прочих лесных обитателей скрывали от путешественников огромные деревья, их внушительные стволы от трех до десяти футов в обхвате темнели со всех сторон, а из земли под ними, словно пальцы мамонтов, неторопливо шагающих по мягкому лесному ковру, торчали могучие корни. Заблудиться в таких непроходимых зарослях было проще простого, и оставалось только полагаться на Хенделя с его знанием здешних земель и Мениона Лиха и его опыт бывшего охотника.

Первый день прошел без происшествий, на ночлег путники расположились под кронами исполинских деревьев где-то к северу от Серебристой реки и Кулхейвена. Очевидно, только Хендель точно знал, где они находятся, хотя Алланон коротко переговорил с утрюмым гномом об их маршруте. Ужин съели холодным, опасаясь разводить костер, который мог привлечь внимание. Впрочем, настроение у всех было приподнятое, и беседы на привале велись легкие и безмятежные. Ши воспользовался случаем, чтобы поговорить с эльфами. Они были кузенами Эвентина, от всего эльфийского королевства именно их выбрали сопровождать Алланона и помогать ему в поисках меча Шаннары. Старшего из

братьев-эльфов звали Дьюрин; хрупкий и молчаливый, он с первой минуты показался Ши и даже неотступно следовавшему за ним Флику заслуживающим всяческого доверия. Младший, Дазль, чрезвычайно милый и приятный юноша, был на несколько лет моложе Ши. Его мальчишеское очарование странным образом воздействовало на старших участников похода, особенно на Балинора и Хенделя, умудренных ветеранов, многие годы оберегавших границы своей родины. Юность Дазля, его чистое упоение жизнью, казалось, помогали им вновь обрести нечто, утерянное много лет назад. Дьюрин рассказал Ши, что его брат уехал из дома за несколько дней до собственной женитьбы на самой красивой девушке королевства. Ши не мог поверить, что Дазль достаточно взрослый, чтобы жениться, и уж совершенно не понимал, как можно уехать накануне свадьбы. Дьюрин заверил его, что решение брата было добровольным, но позже Ши поделился с Фликом своими сомнениями — он догадывался, что на выбор молодого эльфа повлияло родство с королем. Теперь, слушая в тишине ночного леса негромкие разговоры своих товарищей — только мрачный Хендель сидел в стороне от всех, — Ши думал о Дазле. Не жалеет ли он о своем решении оставить нареченную ради полного опасностей путешествия в Паранор? Ши вдруг поймал себя на мысли, что считает ошибкой участие Дазля в походе: лучше бы он остался в своем королевстве, под надежной защитой родного дома.

Тем же вечером Ши спросил у Балинора, как юному Дазлю позволили отправиться в столь опасный поход. Принц Каллахорна улыбнулся такому пылкому участию, подумав про себя, что не замечает особой разницы в возрасте самого Ши и эльфа. На вопрос же он ответил, что в такие тревожные времена, когда многим народам грозит беда и кто-то вызывается им помочь, эту помощь просто принимают и особо не интересуются, откуда и почему пришла поддержка. Дазль решил отправиться в Паранор по просьбе короля и еще потому, что иначе перестал бы считать себя мужчиной. А еще Балинор рассказал, что Хендель многие годы борется с карликами, защищая свою родину. В Западных землях нет бо-

лее опытного и умелого воина, он прошел огонь и воду, знает самые укромные тропки, ему и доверили охрану границ. Дома у Хенделя остались жена и дети, за последние два месяца он видел свою семью лишь однажды и неизвестно когда увидит снова. Всем участникам похода есть что терять, заключил он, быть может, даже больше, чем Ши может себе представить. После последнего, довольно туманного, замечания рослый воин прервал беседу и отошел к Алланону. Несколько раздосадованный внезапным завершением разговора, Ши вернулся к Флику и братьям-эльфам.

— Расскажите об Эвентине, — просил Флик, когда Ши подходил к ним. — Я слышал, его называют величайшим королем всех времен, все его уважают. Какой он?

Дьюрин приветливо улыбнулся, а Даэль весело рассмеялся: отчего-то вопрос Флика показался ему забавным и неожиданным.

— Что мы можем рассказать о собственном брате?

— Он великий король, — серьезно ответил Дьюрин спустя несколько секунд. — Очень молодой для короля, как говорят другие монархи и старейшины. Но он обладает даром предвидения и, самое главное, всегда принимает правильное решение, что бы он ни делал. Эвентин снискал любовь и уважение всего эльфийского народа. Эльфы пойдут за ним куда угодно, сделают все, о чем он попросит, и это для нас великое счастье. Старейшины нашего совета предпочли бы не замечать остальные народы и по-прежнему жить своей уединенной жизнью. Чистейшей воды глупость, но они боятся новой войны. Эвентин в одиночку противостоит им и их рассудительности. Он знает единственный способ избежать войны, которая их так страшит, — первыми нанести удар и обезглавить вражескую армию. Вот почему наша миссия так важна, мы должны остановить вторжение и не допустить страшной войны.

При последних словах Дьюрина к ним подошел Менион и, медленно обойдя небольшую полянку, уселся рядом.

— А что вы знаете о мече Шаннары? — спросил он с любопытством.

— Не слишком много, — признался Даэль, — хотя для нас это все же часть истории, а не просто красивая легенда. Для эльфийского народа меч всегда служил залогом уверенности в своем будущем, мы знали, что нам не придется снова дрожать от ужаса перед существами из мира призраков. Мы не сомневались, что с окончанием Второй войны рас угроза миновала безвозвратно, поэтому никого особенно не беспокоило, что вся династия Шаннары через несколько лет вымерла, остались лишь немногие, никому не известные потомки вроде Ши. Наш род Элесседилов, род Эвентина, начал править почти сотню лет назад. Меч оставался в Параноре, позабытый почти всеми до сегодняшнего дня.

— А в чем сила меча? — продолжал выпытывать Менион, слишком настойчиво, как показалось Флику, и он даже многозначительно посмотрел на брата.

— На этот вопрос я не знаю ответа, — признался Даэль и взглянул на Дьюрина, тот в ответ лишь пожал плечами и покачал головой. — Кажется, об этом знает только Алланон.

Все дружно посмотрели на долговязого историка, который беседовал с Балинором на другой стороне поляны. Затем Дьюрин оглядел всех остальных.

— Это счастье, что у нас есть Ши, потомок рода Шаннары. Когда мы доберемся до меча, он сумеет разгадать секрет могущества великого оружия и мы одолеем Властелина тьмы, прежде чем он начнет войну и мы все погибнем.

— Ты хочешь сказать, *если* мы до него доберемся, — быстро поправил Ши.

Дьюрин коротко рассмеялся, признавая правоту Ши, и утвердительно кивнул.

— И все же что-то здесь не так, — негромко проговорил Менион, резко поднялся и пошел искать место для ночлега.

Ши смотрел ему вслед и мысленно соглашался с другом, хотя и не мог понять, что им, собственно, делать со своими сомнениями. Пока почти никакой надежды вернуть меч у него не было, поэтому оставалось лишь продолжать путь и постараться дойти до конца, а уж когда они попадут в Паранор — будь что будет.

Едва забрезжил рассвет, отряд проснулся и, возглавляемый бдительным Хенделем, снова зашагал по извилистой дороге. Гном быстро шел вперед, ловко пробираясь между могучими деревьями с густыми кронами; с каждым шагом лес становился все более дремучим. Тропинка пошла немного вверх, а это означало, что они приближались к горам Среднего Анара. Впереди, на Севере, их ждали суровые заснеженные пики, которые придется преодолеть, чтобы добраться до равнин Запада, отделяющих их от Паранора. Чем дальше путники углублялись во владения карликов, тем большую тревогу они ощущали. Появилось неприятное чувство, будто кто-то постоянно наблюдал за ними, прячась в зарослях, и выжидал удобного момента, чтобы нанести удар. Только Хендель казался по-прежнему невозмутимым: он слишком хорошо знал эти места и никакой страх был ему неведом. Все шли молча, напряженно вглядываясь в притихший лес.

К полудню дорога резко пошла вверх, и им пришлось карабкаться в гору. Деревья немного расступились, и подлесок стал более проходимым. Между ветвями теперь виднелась глубокая чистая синева неба, не замутненная даже легким облачком. Яркое солнце дерзко сияло между рассеянными по склону деревьями, заливая теплым светом лес. Показались первые, пока невысокие, скалы, а впереди уже виднелись устремленные ввысь вершины и протяженные хребты южной оконечности гор Среднего Анара. Чем выше поднимались путники, тем холоднее становился воздух и тем труднее становилось дышать. Спустя несколько часов отряд добрался до опушки дремучего леса из мертвых сосен; деревья теснились вплотную друг к другу, и рассмотреть что-нибудь дальше тридцати шагов было невозможно. По обе стороны дороги вздымались скалистые вершины гор, четко вырисовываясь на яркой синеве неба. Лес протянулся во все стороны на несколько сотен ярдов, упираясь в каменистые стены. На кромке мертвого сосняка Хендель устроил короткий привал и несколько минут совещался с Менионом, показывая рукой попеременно на лес и утесы. К ним присоединился Алланон, потом жестом велел всем остальным подойти ближе.

— Это горы Вольфсктааг, ничейная земля между владениями гномов и карликов,— тихо заговорил Хендель.— Мы выбрали этот путь, потому что здесь проще избежать встречи с карликами и не нарваться на их вооруженные патрули. Говорят, в Вольфсктаагских горах живут существа из другого мира, вот потеха!

— Ближе к делу,— прервал его Алланон.

— А дело в том,— как ни в чем не бывало продолжал Хендель, казалось, не обращая внимания на мрачного историка,— что последние четверть часа за нами следит один или даже два лазутчика карликов. Может, рядом есть еще, этого мы не знаем, горец говорит, что заметил следы большого отряда. Так или иначе, лазутчики сообщат о нас, и скоро будет подкрепление, поэтому мы должны поторопиться.

— Хуже того! — быстро вставил Менион.— Судя по следам, карлики ждут нас где-то впереди, за этими деревьями или даже среди них...

— Может, так, а может, и нет, горец,— резко оборвал его Хендель.— Эти деревья тянутся почти на милю, за ними с двух сторон скалы сплошной стеной, за лесом они резко обрываются и образуют перевал Петли, вход в Вольфсктаагские горы. Этим путем нам и придется идти. Любая другая дорога будет стоить нам двух лишних дней, да и встречи с карликами не избежать.

— Хватит рассуждать! — резко бросил Алланон.— Надо уходить как можно скорее. На другой стороне перевала нас прикроют горы. Туда карлики за нами не пойдут.

— Это, конечно, обнадеживает,— пробормотал себе под нос Флик.

Один за другим, растянувшись цепочкой, путники вошли в густой лес из мертвых сосен, с трудом протискивались они меж колючих стволов. Сухие иголки густым ковром устилали землю, заглушая шаги. Тощие скелеты высоких белоствольных деревьев сплетались в вышине в причудливую паутину, разукрашивая синее небо замысловатыми узорами. Небольшой отряд упорно пробивался вперед через лабиринт стволов и ветвей вслед за Хенделем, который быстро и решительно шагал впереди. Не успели они пройти и несколь-

ких сотен футов, как Дьюрин отчаянно замахал руками, призывая остановиться, и недоуменно огляделся кругом, явно высматривая что-то в воздухе.

— Дым! — воскликнул он внезапно. — Они подожгли лес!

— Я не чувствую никакого дыма, — заявил Менион, старательно приносясь.

— У эльфов чрезвычайно обострены все чувства, ты не сможешь ощутить того же, что и они, — ровным голосом произнес Алланон. Он повернулся к Дьюрину. — Можешь определить, с какой стороны?

— Я тоже чувствую запах дыма, — рассеянно произнес Ши, изумленный тем, что его собственные органы чувств развиты не хуже, чем у эльфов.

Несколько секунд Дьюрин озираясь по сторонам, пытаясь уловить, с какой стороны доносится запах.

— Не уверен, но, кажется, они подожгли лес в нескольких местах. Если так, вот-вот может начаться пожар!

Алланон размышлял одно короткое мгновение, затем жестом велел им идти дальше к перевалу Петли. Они заметно ускорили шаг, спеша выбраться из огненной ловушки, в которую внезапно угодили. Как только огонь охватит сухие стволы деревьев, все пути к отступлению будут отрезаны. Чтобы не отстать, Ши и Флику пришлось перейти на бег, они едва поспевали за высокими Алланоном и Балинором. Алланон на ходу прокричал что-то Балинору, широкоплечий воин быстро промелькнул за деревьями и вскоре исчез из виду. Менион и Хендель ушли далеко вперед, и только неясные силуэты эльфов плавно скользили впереди меж тонкими стволами сосен. Рядом с братьями Омсфорд остался лишь Алланон, он шел в нескольких шагах у них за спиной, подгоняя обоих зычными криками. Между тесными стволами начали просачиваться клубы белого дыма. Похожий на густой туман, дым застилал дорогу и еще больше затруднял дыхание. Но огня нигде не было видно. Пожар еще не разгорелся настолько, чтобы подняться по переплетенным ветвям и поймать путников в капкан. Зато дым повалил со всех сторон, Ши с Фликом при каждом вдохе заходились кашлем, от жара и едкой копоти слезились глаза. Вдруг Алланон крикнул, чтобы они

остановились. С большой неохотой они подчинились, дожидаясь приказа двигаться дальше, но Алланон, казалось, высматривал что-то позади них, его худое смуглое лицо чернело в густом белом дыму. Вдруг откуда-то сзади вынырнула могучая фигура Балинора, плотно окутанная длинным плащом.

— Ты был прав, они у нас за спиной, — выговорил он, с трудом переводя дыхание. — Лес за нами горит сплошной полосой. Похоже, они хотят заманить нас в ловушку и вынудить идти к перевалу Петли.

— Будь с ними, — коротко приказал Алланон, указывая на перепутанных братьев. — Я должен нагнать остальных, пока они не добрались до перевала.

С невероятной для такого великана скоростью он ринулся вперед и промелькнул между деревьями, почти мгновенно исчезнув из виду. Балинор жестом предложил братьям следовать за ним, и все трое поспешно двинулись в том же направлении, едва различая дорогу и с трудом дыша в плотном дыму. Вдруг послышался громкий треск горящего дерева, и дым понесся мимо слепящими белесыми тучами. Огонь нагонял их. Через считанные минуты они сгорят заживо! Захлебываясь в чудовишном кашле, Балинор и двое братьев прорывались между соснами, отчаянно пытаясь выбраться из неожиданного ада. Мельком посмотрев на небо, Ши, к своему ужасу, увидел, что пламя позади них с жадностью перекидывается с верхушки одной тощей сосны на другую, упорно прогрызая себе дорогу вперед по длинным стволам.

Неожиданно из толщи дыма и густой череды стволов выступила непроницаемая каменная стена, и Балинор устремился в ту сторону. Через минуту, на ощупь пробираясь вдоль скалы, они увидели на поляне за частоколом горящих деревьев своих друзей. Впереди, извиваясь между утесами и исчезая на перевале Петли, тянулась узкая горная тропа. Троица быстро присоединилась к остальным, и как раз вовремя — весь лес был уже охвачен пламенем.

— Они хотят поставить нас перед выбором — изжариться живьем в этих соснах или пойти через перевал! — прокри-

чал Алланон сквозь треск горящего дерева, с тревогой глядя на уходящую вперед дорогу. — У нас только два пути, и они знают это. Но и у них выбор не больше, да и преимущества они лишились. Дьюрин, пройди немного вперед, посмотри, не устроили ли карлики засаду.

Эльф бесшумно двинулся вперед, низко пригибаясь к земле и прижимаясь к утесам. Все смотрели ему вслед, пока он не исчез на тропе между скалами. Ши дождался вместе с остальными, жалея, что ничем не может помочь товарищам.

— Карлики не глупы, — внезапно ворвался в его мысли голос Алланона. — Те, что на перевале, понимают, что отрезаны от тех, кто поджег лес, если только они не сумеют пробраться мимо нас. В Вольфсктаагские горы они не рискнут отступать ни при каких условиях. Либо впереди нас поджидает большой отряд карликов, и скоро мы узнаем это от Дьюрина, либо они затевают что-то еще.

— Как бы там ни было, они наверняка постараются осуществить свой план на Узле, — вмешался Хендель. — В том месте дорога сужается настолько, что между сходящимися утесами можно пройти только по одному. — Он замолчал и задумался, очевидно представив себе эту картину.

— Как же они собираются нас остановить? — быстро проговорил Балинор. — Утесы почти отвесные, подъем по ним был бы долгим и нелегким, а с тех пор как карлики выследили нас, у них просто не было времени забраться наверх.

Алланон задумчиво кивнул, соглашаясь с принцем Каллахорна, он тоже явно не догадывался о намерениях карликов. Менион Лих нетромяк переговорил с Балинором, затем неожиданно отделился от маленького отряда и быстро пошел к узкому проходу между скалами, сосредоточенно глядя под ноги. Жар от горящего леса сделался нестерпимым, и им пришлось продвинуться ближе к выходу на перевал. Белый дым все еще клубился меж мертвыми соснами, медленно растворяясь в воздухе. Томительные минуты тянулись мучительно долго, пока шестеро оставшихся путников дождались Мениона и Дьюрина. Они видели, как худощавый горец изучает следы на входе на перевал, его высокая фигура каза-

лась тенью в затянутом дымом воздухе. Наконец Менион распрямился и пошел обратно, почти тотчас его нагнал Дьюрин.

— Впереди на перевале отпечатки ног, но больше никаких признаков жизни, — доложил эльф. — В самой узкой части все вроде спокойно. А дальше я не ходил.

— Это не всё, — быстро вставил Менион. — На входе на перевал я видел две четкие цепочки следов, в обе стороны. Это следы карликов.

— Они, наверное, проскользнули перед нами, а затем вернулись, прижимаясь к скалам, пока мы торчали в дыму посреди леса, — произнес Балинор. — Но если они были там до нас, что же...

— Этого мы не узнаем, если будем сидеть здесь и рассуждать! — с раздражением оборвал Алланон. — Можем только догадываться. Хендель, пойдешь впереди вместе с горцем, смотрите в оба. Всем остальным построиться в том же порядке.

Коренастый гном и Менион пошли впереди, зорко всматриваясь в каждый булыжник вдоль извилистой тропы, которая узкой змейкой уходила на перевал Петли. В нескольких шагах позади осторожно двигались остальные, с опаской поглядывая на острые скалы. Когда Ши отважился оглянуться, он увидел, что Алланон идет за ним по пятам, а Балинор снова исчез. Вероятно, Алланон приказал воину вернуться на опушку сгоревшего леса, замыкать отряд и наблюдать за появлением карликов. Ши понимал, что коварные карлики заманили их в ловушку и теперь остается только ждать.

Почти сотню ярдов тропа резко поднималась вверх, затем постепенно стиралась и сужалась настолько, что проходить между отвесными утесами можно было только по одному. Проход в каменной стене представлял собой глубокую нишу, выдолбленную в утесе, скалы по бокам загибались и едва не смыкались вершинами у них над головой. Узкая голубая полоска неба тянулась над путниками, слабо освещая извилистую, засыпанную камнями тропу. Продвигались вперед медленно, то и дело останавливаясь, когда идущим первыми приходилось выискивать ловушки, расставленные карлика-

ми. Ши не знал, как далеко успел дойти Дьюрин, когда совершал разведку, но, скорее всего, эльф не доходил до того места, которое Хендель назвал Узлом. Ши догадывался, откуда взялось такое название. Щель меж скалами была такой узкой, что казалось, будто на шее затягивается петля палача и впереди их ждет неминуемая казнь. Ши слышал почти над ухом тяжкое дыхание Флика, от близости каменных стен горло сдавило удушьем. Медленно отряд двигался по тропе, чуть отклоняясь в сторону, чтобы не врезаться в подступающие все ближе скалы и не пораниться об их острые как бритва выступы.

Неожиданно скорость совсем замедлилась, и от резкой остановки путники натолкнулись друг на друга. За спиной Ши услышал зычный голос Алланона, историк сердито требовал объяснений и велел пропустить его вперед. Однако в такой тесноте никто не мог сдвинуться в сторону. Присмотревшись, Ши увидел впереди узкую полоску света. Дорога наконец-то расширялась, они почти добрались до выхода из перевала, но в тот же миг послышались шумные восклицания и движение вовсе остановилось. Сквозь полумрак прорывался возмущенный голос Мениона, в ответ раздались громкие проклятия Алланона, и великан резко приказал всем идти вперед. Сначала никто не двигался. Затем отряд начал двоям за дюймом пробираться вперед, уже видя перед собой широкую площадку, затененную утесами, которые отвесными стенами вздымались в яркое небо.

— Этого я и боялся, — пробормотал себе под нос Хендель, когда Ши с Дазлем с трудом протиснулись из каменной ниши. — Я-то надеялся, что карлики не станут забираться так глубоко в свои священные земли. Но похоже, горец, они поймали нас в капкан.

Ши вышел на ровную каменную площадку, где уже стояли все остальные, переговариваясь шепотом от злости и огорчения голосами. Алланон вышел следом за Ши, и они вместе смотрели на открывшуюся глазам картину. Каменная площадка, на которой стояли путники, выдвигалась из тесного проема между скалами футов на пятнадцать и образы-

вала небольшой уступ, который резко обрывался над зияющей пропастью. Даже в ярком солнечном свете пропасть казалась бездонной. Каменные утесы, поднимавшиеся у них за спиной, полукругом огибали пропасть, а затем резко расступались, уступая место непроходимому лесу, который начинался в нескольких сотнях шагов за ними. По недоброй шутке природы, пропасть зияла внизу в форме отчетливой петли с неровными краями. Никакого обходного пути не было. На другой стороне провала виднелись остатки разрушенного подвесного моста из досок и веревок. Восемь пар глаз внимательно всматривались в голые стены утесов, выискивая способ забраться по скользкой поверхности. Но вскоре стало ясно, что мост был единственным средством переправы.

— Карлики знали, что делали, когда рушили мост! — буркнул Менион, ни к кому не обращаясь. — Теперь мы в ловушке между ними и этой бездонной дырой. Им даже не придется за нами возвращаться. Они просто могут подождать, пока мы умрем с голоду. Как глупо...

Едва сдерживая злость, он замолчал. Все понимали, что совершили непростительную ошибку, позволив завлечь себя в столь примитивную, но надежную ловушку. Алланон подошел к краю пропасти, сосредоточенно вгляделся вниз, а затем принялся изучать противоположный берег, выискивая способ переправы.

— Будь пропасть чуть-чуть поуже и немного больше места для разбега, я бы попробовал перепрыгнуть, — с надеждой произнес Дьюрин.

Оценив расстояние, Ши решил, что до другой стороны пропасти не меньше тридцати пяти футов. Он с сомнением покачал головой. Даже лучший прыгун в мире не смог бы совершить такой прыжок.

— погоди-ка! — вдруг воскликнул Менион, подбегая к Алланону и указывая ему на север. — Видите старое дерево слева?

Все с надеждой повернули головы, пытаясь понять мысль Мениона. Дерево, о котором он говорил, торчало из утеса почти в ста пятидесяти ярдах от них, серый контур его четко вы-

рисовывался на безоблачном небе, голые ветви, лишенные листьев, уныло свисали вниз, словно усталые руки измученного великана, замороженного живьем. Это было единственное дерево на каменистой тропе, уходящей от пропасти и исчезающей в лесу под утесами на другой стороне. Ши переглянулся с остальными, но все недоуменно молчали.

— Если я всажу в дерево стрелу с привязанной веревкой, самый легкий из нас смог бы перебраться по веревке, цепляясь руками и ногами, и протащить на ту сторону надежный канат,— предложил принц Лиха, берясь левой рукой за большой ясеневый лук.

— Но до дерева больше сотни ярдов,— недоверчиво произнес Алланон.— Стрела с веревкой будет слишком тяжелой, тебе придется сделать лучший в истории выстрел, к тому же стрелу надо засадить настолько глубоко, чтобы она выдержала вес человека. Сомневаюсь, что такое возможно.

— Лучше попробовать, чем распрощаться с мечом Шаннары навсегда,— пробурчал Хендель, его суровое лицо вспыхнуло от гнева.

— Я знаю, что делать! — вдруг заговорил Флик, выступая на шаг вперед. Все посмотрели на крепкого паренька из Дола так, словно видели его впервые.

— Ну так говори скорее! — воскликнул Менион нетерпеливо.— Что ты придумал, Флик?

— Будь у нас в отряде искусный стрелок...— Флик не без ехидства покосился на Мениона,— он наверняка сумел бы загнать стрелу с привязанной веревкой в доски моста с другой стороны, а мы бы подтянули их сюда.

— А вот это стоящая мысль! — быстро согласился Алланон.— Итак, кто...

— Я смогу,— быстро сказал Менион, сверкнув глазами на Флика.

Алланон коротко кивнул. Хендель достал короткую веревку, и Менион Лих крепко привязал ее к древку стрелы, а свободный конец сунул за широкий кожаный ремень. Вложив стрелу в ясеневый лук, горец тщательно прицелился. Все глаза были устремлены на длинную веревочную конструк-

цию, свисающую с дальнего края пропасти. Менион проследил взглядом по веревкам вниз, в темноту провала, пока не заметил футах в тридцати деревянный обломок, вплетенный в канаты изуродованного моста. Затаив дыхание, все ждали, пока он натянул тетиву, уверенно прицелился и с резким щелчком пустил стрелу. Пролетев через пропасть, стрела впилась в доску, и веревка свободно провисла.

— Отличный выстрел, Менион, — похвалил Дьюрин, стоявший у него за плечом, и худощавый горец просиял.

Мост осторожно потянули на место, пока не сошлись обрубленные концы веревок. Напрасно Алланон высматривал, к чему бы привязать веревки — опоры, на которых держалась переправа, были вырваны карликами. Наконец Хендель с Алланоном встали на краю пропасти и туго натянули веревочный мост, а Даэль перебрался по нему через зияющую бездну со второй веревкой, привязанной к поясу. Пришлось изрядно поволноваться, пока великан в черном плаще и молчаливый гном из всех сил цеплялись за шаткую веревочную переправу, но через несколько минут Даэль, перебирая руками и ногами, благополучно добрался до другой стороны. Неожиданно вернулся Балинор с известием, что пожар в лесу догорает и карлики скоро тронутся в сторону перевала Петли. Веревку, которую протащил через пропасть Даэль, спешно перебросили обратно, когда он закрепил ее конец на противоположной стороне, обмотали вокруг скал на выходе из перевала и надежно привязали к веревкам моста. Оставшиеся члены отряда, следуя примеру Даэля, друг за другом перебрались через провал, осторожно перебирая руками, пока все благополучно не оказались на другой стороне. Тогда веревку перерезали и бросили в пропасть вместе с остатками старого моста, чтобы избавиться от погони.

Алланон приказал не поднимать шума, чтобы карлики раньше времени не узнали о том, что они счастливо выбрались из старательно подготовленной ловушки. Но перед тем как они двинулись в путь, историк подошел к Флику, положил юноше на плечо худую темную ладонь и скупой улыбнулся.

— Сегодня, друг мой, ты заслужил право находиться в этом отряде, право, выше и главнее твоего родства с братом.

Он резко развернулся и подал Хенделю знак вести отряд дальше. Глядя на зардевшееся счастливое лицо Флика, Ши дружески похлопал брата по плечу. Флик действительно заслужил право быть здесь вместе с остальными, право, которого сам Ши, казалось, пока не заслужил.

Глава 11

Отряд углубился в Вольфсктаагские горы еще миль на десять, прежде чем Алланон разрешил устроить привал. Страшная Петля и угроза нападения карликов давно остались позади, и теперь путники находились в густом лесу. До сих пор они двигались быстро, не встречая особых препятствий, тропы были широкие и свободные, почва ровная, хотя они уже и поднялись в горы на несколько миль. Морозный воздух придавал бодрости, отчего шагать было почти весело, а теплое послеполуденное солнце приветливым сиянием поднимало настроение еще больше. Лес в этих горах рос отдельными рощицами, отделенными друг от друга хребтами массивных гор и голыми заснеженными пиками. Испокон веков эти земли были запретными даже для гномов, однако никто не замечал вокруг ничего, что могло предвещать опасность. Обычные лесные звуки окружали путников, пронзительному стрекотанию насекомых вторили радостные песни веселых пичуг всех цветов и размеров. Казалось, они выбрали самый правильный путь, чтобы добраться до пока еще далекого Паранора.

— Остановимся на ночлег через несколько часов, — объявил историк, собрав всех вокруг себя. — Но на рассвете я оставлю вас, хочу посмотреть, не ждет ли нас за горами Повелитель чародеев со своими шпионами. Когда мы переберемся через горы и пройдем через небольшой отрезок Анарских лесов, останется лишь пересечь равнины за Драконьими Зубами, у самого Паранора. И если обитатели Северных земель

или их союзники перекрыли проход, я должен узнать об этом сейчас, чтобы быстро выбрать другой путь.

— Так ты пойдешь один? — спросил Балинор.

— Полагаю, нам всем будет лучше, если я пойду один. Мне опасность вряд ли угрожает, а у вас на счету будет каждый, когда вы снова доберетесь до лесов Среднего Анара. Отряды карликов наверняка будут следить за всеми перевалами в этих горах, чтобы вы не ушли отсюда живыми. Хендель сумеет провести вас через все западни не хуже меня, а я постараюсь перехватить вас где-нибудь по дороге до того, как вы выйдете на равнины.

— Каким путем ты пойдешь? — поинтересовался угрюмый гном.

— Надежнее всего через Нефритовый перевал. Я буду помечать путь обрывками ткани, мы уже делали так раньше. Красный означает опасность. Идите по белым лоскутам, и все будет хорошо. А теперь двинемся дальше, пока еще светло.

Они шли через Вольфсктаг, пока солнце не скрылось за краем гор на западе и толком разглядеть тропинку под ногами стало невозможно. Ночь была безлунная, только звезды тускло освещали неровную землю. Лагерь разбили под высоким зубренным утесом; словно громадный клинок, пересекающий небо, он поднимался на несколько сотен футов. Место стоянки по краям закрывали высокие сосны, вплотную подходящие к полукружью скал, таким образом, путники были защищены со всех сторон. Костер вновь не разводили и ужин съели холодным. На ночь Хендель организовал постоянное дежурство, боясь оставлять отряд без дозора в таком недружелюбном месте. Каждый дежурил по очереди по несколько часов, пока остальные спали. После ужина разговоров почти не было, и утомленные долгим дневным переходом путники вскоре завернулись в одеяла и устроились на ночлег.

Ши вызвался караулить первым, по-прежнему чувствуя неловкость оттого, что другие ради него рискуют своими жизнями. Он больше не хотел оставаться безучастным наблюдателем. За последние два дня отношение Ши к походу в Па-

ранор совершенно переменялось. Он начал сознавать, насколько важно вернуть меч, как сильно спасение жителей всех четырех земель от Повелителя чародеев зависит от этого оружия. Прежде он бежал, спасаясь от посланников Черепа и своих обязанностей наследника рода Шаннары. Теперь же он бежал навстречу еще большей опасности, чудовищная, не знающая границ сила ждала его впереди, и единственной его защитой была отвага этих семерых смертных. Но, даже сознавая все это, Ши прекрасно понимал, что отказаться от похода, утаить при себе то небольшое, что он мог отдать, будет самым вероломным предательством своей крови, эльфийской и человеческой, малодушным отречением от гордости, какую он ощущал, отстаивая свободу и безопасность всех живущих. Даже если бы ему сказали, что их затея обречена на провал, он уже никогда бы не отступился от своих намерений, пусть и призрачной была надежда на успех.

Не заговаривая ни с кем, Алланон отвернулся и через считанные секунды уже спал. Два часа своего дежурства Ши смотрел на неподвижную спину историка, пока не появился Дьюрин и он не ушел спать. И только за полночь, когда проснулся Флик, чтобы заступить в караул, долговязое тело их командира чуть шевельнулось, Алланон поднялся одним плавным движением; лицо его скрывал большой черный капюшон, как и в тот вечер, когда Флик впервые повстречал его на дороге в Тенистый Дол. Минуту Алланон постоял, глядя на спящих и Флика, который неподвижно сидел на валуне на краю лагеря. Затем, без единого слова или жеста, он повернул на север, на тропинку, уводящую от лагеря, и исчез в черноте леса.

Остаток ночи Алланон шел не останавливаясь, чтобы добраться до Нефритового перевала в Среднем Анаре и через него выйти к равнинам на западе. Его темная фигура пронеслась по молчаливому лесу со скоростью летящей тени, лишь на мгновение касаясь земли и снова взлетая. Словно бестелесный призрак, он проходил мимо занятых своими делами лесных обитателей, которые замечали его присутствие, но тут же забывали о ночном страннике; они не изменялись, но и

не оставались прежними — его неизбывный образ отпечатывался в их бесхитростных умах. И вновь Алланон думал о путешествии в Паранор, о том, чего не знал больше никто, и чувствовал странную беспомощность перед будущим. Остальные могли лишь догадываться о его роли во всем, что случилось, и в том, что ждало впереди, и лишь ему одному пришлось жить с осознанием правды о собственной судьбе и судьбах других. Он пробормотал что-то вполголоса, кляня неотвратимость грядущего и понимая всю невозможность выбора. Лишь притихший лес был свидетелем мрачной неуверенности, которая маской сковала его худое вытянутое лицо, избородив глубокими морщинами тревог и волнений, однако в душе историка жила твердая решимость, которая будет ему опорой, даже когда сердце уже сдастся.

Рассвет застал Алланона, когда он пробирался сквозь самый густой участок леса, протянувшийся на несколько миль по холмам, на которых встречались завалы из камней и упавших деревьев. Он тотчас отметил странную тишину этого места, словно неведомая смерть сжала землю своей ледяной рукой. Пройденный путь Алланон старательно помечал небольшими лоскутками белой материи. Он вдруг пошел медленнее. До сих пор ничто вокруг не внушало ему опасений, но теперь вдруг шестое чувство яростно било тревогу. Он добрался до развилки, где тропа раздваивалась. Влево и вниз, вероятно к большой долине, уходила довольно утоптанная дорога. Определить наверняка, куда вела эта тропа, было сложно — со всех сторон темнел лес, скрывая из виду дорогу через пару сотен шагов. Вторая тропинка заросла густым кустарником. По такой дороге, не прорубаясь через заросли, можно было пройти только по одному. Узкой змейкой тропа поднималась к высокому хребту, который уводил в сторону от Нефритового перевала.

Неожиданно утрюмый историк застыл, ощутив чуть дальше вниз по тропе, уводящей в невидимую отсюда долину, присутствие другого существа, безошибочно узнаваемой злобной формы жизни. Стояла звенящая тишина, не угадывалось ни малейшего движения. Зло затаилось, поджидая своих жертв на нижней тропе. Алланон быстро оторвал два клочка тка-

ни, один — красный и второй — белый; красный он привязал на широкой тропе, спускавшейся в долину, а белый — на узкой, уводившей к хребту. Завершив работу, он постоял, чуток прислушиваясь, но, хотя по-прежнему ощущал присутствие некоего существа на нижней тропе, не уловил никакого движения. Сила невидимой твари не шла ни в какое сравнение с его собственной силой, однако представляла опасность для идущих следом людей. Еще раз проверив свои метки, Алланон тихо свернул на верхнюю тропу, ведущую к подножию хребта, и скоро скрылся в густом подлеске.

Прошел почти час, прежде чем тварь, затаившаяся на ведущей в долину тропе, решила выйти из своего укрытия. Алланон не подумал об этом, но существо обладало недюжинным разумом и знало, что прошедший недавно мимо человек ощутил его присутствие и намеренно избежал встречи. Существо также понимало могущество этого человека, поэтому и затаилось в лесу, терпеливо дожидаясь его ухода. Выжидало оно довольно долго. А когда наконец тварь вышла из зарослей леса, она принялась напряженно всматриваться в пустынную развилку дороги, где на легком ветерке трепетали два ярких лоскутка. «Какие нелепые знаки!» — насмешливо подумало существо и, тяжело ступая, двинуло вперед свою массивную бесформенную тушу.

Последним дежурил Балинор, и, когда над восточными вершинами гор брызнули первые золотистые лучи солнца, он потихоньку разбудил весь отряд, возвращая их из мирной дремоты в прохладу раннего утра. Все быстро проснулись, наскоро проглотили легкий завтрак, пытаясь согреться в зябком воздухе пусть и солнечного, но слишком раннего утра, в молчании собрали поклажу и подготовились к новому переходу. Кто-то спросил об Алланоне, и Флик сонно ответил, что историк исчез около полуночи, но с ним не разговаривал. Никто особенно не удивился его молчаливому уходу, и больше о загадочном страннике никто не спрашивал.

Через полчаса отряд тронулся в путь через леса Вольфсктага; держа на север, они шагали размеренно, почти не разговаривая друг с другом, и в том же порядке, что и раньше. Хен-

дель уступил свое место во главе отряда отличившемуся Мениону Лиху, который пробирался сквозь путаницу ветвей и кустов по устланной патыми листьями земле с бесшумной грацией кошки. Хендель даже немного зауважал принца Лиха. Со временем этот юнец, может, и станет непревзойденным следопытом. Но пока горец слишком самонадеян и неопытен, а в этих землях выживают только самые бывалые и осторожные. И все же навык можно приобрести только в настоящем деле, поэтому гном с ворчанием позволил принцу возглавить отряд, хотя и перепроверял все, что попадалось им на пути.

Наметанный глаз гнома сразу же заметил то, что упустил из виду его напарник. Настораживало, что на тропе не сохранилось ни одного следа человека, который прошел здесь перед ними всего несколько часов назад. Гном дотошно вглядывался в землю, но так и не сумел обнаружить ни единого следа. Белые лоскутки появлялись через аккуратные промежутки, как и обещал Алланон. Однако никаких других признаков его пребывания здесь не было. Хендель слышал много историй о загадочном путешественнике и о его могуществе. Однако он и не подозревал, что можно так искусно скрывать свои следы. Впрочем, несмотря на недоумение, гном решил никому не говорить о своих наблюдениях.

Балинор, замыкавший отряд, тоже размышлял о загадочном человеке из Паранора, историке, который знал много такого, о чем другие даже не подозревали, о страннике, который, казалось, побывал всюду, но сам был окутан тайной. Балинор знал Алланона много лет, с самого детства, проведенного при дворе отца, однако воспоминания о мрачном страннике были расплывчатыми, он помнил лишь его неожиданные появления и уходы без предупреждения, его доброту, но и полную закрытость его души. Мудрецы всех четырех земель знали Алланона как непревзойденного философа и ученого. Другие считали его путешественником, всегда готовым помочь добрым советом и обладающим неумолимым здравым смыслом, с которым трудно спорить. Балинор учился у него и привык во всем доверять своему учителю едва ли не слепо. И все же он никогда не понимал Алланона по-настоя-

ящему. Думая об этом и сейчас, идя по тропе, Балинор вдруг впервые понял, что за все время их знакомства Алланон насколько не постарел.

Тропа вновь пошла вверх и начала сужаться, дремучий лес и густой подлесок подступали к ней сплошной стеной. Менион послушно следовал по узким белым ленточкам и ни секунды не сомневался, что они идут верным путем, но все же, когда дорога становилась чуть труднее, он невольно настораживался и смотрел вокруг более внимательно. Был почти полдень, когда тропа неожиданно раздвоилась, и удивленный Менион остановился.

— Как странно. На дороге развилка, а меток нет, не понимаю, почему Алланон не оставил нам знака.

— Должно быть, с его знаком что-то случилось, — сказал Ши с тяжелым вздохом. — И какой дорогой нам идти?

Хендель внимательно оглядел землю. На тропе, уходящей вверх к хребту, остались лишь косвенные признаки недавнего пребывания человека: согнутые ветки и только что опавшие листья. Зато на нижней тропе явственно виднелись отпечатки следов, хотя и очень слабые. Чутье подсказывало гному, что на одной из дорог их ждет опасность, а может, и на второй тоже.

— Не нравится мне это... что-то здесь не то, — пробурчал он, ни к кому не обращаясь. — Меток нет, не нарочно ли их убрали...

— Может, не зря говорят, что в эти земли запрещено заходить, — ворчливо проговорил Флик, опускаясь на упавшее дерево.

Балинор прошел вперед и коротко посоветовался с Хенделем, какой путь к Нефритовому перевалу им лучше выбрать. Хендель признал, что по нижней тропе путь будет короче и она больше похожа на основную дорогу. Но определить, какую из двух дорог выбрал Алланон, он не мог. Наконец Менион раздраженно замахал руками и потребовал прекратить спор.

— Все мы знаем, что Алланон не прошел бы здесь, не оставив нам знака, а это значит — либо что-то случилось с его меткой, либо что-то случилось с ним самим. В любом случае у

нас нет времени сидеть здесь и ждать. Он назначил нам встречу на Нефритовом перевале или в лесу, поэтому я за нижнюю тропу, потому что это самый быстрый путь!

Хендель снова высказал свое недоумение по поводу следов на нижней тропе и свое предчувствие о таящейся на ней опасности, предчувствие, которое Ши разделял с ним с той минуты, как только понял, что условленной метки нет. Ба-лино и все остальные горячо спорили несколько минут и в конце концов согласились с горцем. Они пойдут коротким путем, однако будут вести себя особенно осторожно, пока не выберутся из этих загадочных гор.

Отряд снова построился с Менионом во главе. Они быстро зашагали вниз по пологому спуску, который, скорее всего, вел в долину, скрытую за могучими деревьями, плотными рядами уходившими во все стороны на много миль. Удивительно, но тропа почти сразу начала расширяться, деревья и кустарники расступились, а спуск сделался еще более пологим, с едва заметным теперь уклоном. Дорога стала легче, и их опасения понемногу начали рассеиваться, скоро стало совершенно ясно, что именно эта тропа в прошлом была основной для обитателей здешних земель. Не прошло и часа, как путники достигли дна низины. Определить, где они находятся, в окружении горных хребтов было сложно. Деревья закрывали весь обзор, кроме дороги и безоблачного синего неба.

Они прошли еще немного вперед и вдруг заметили за деревьями необычную конструкцию, похожую на громадный остов. Если бы не чересчур правильные очертания, он мог бы показаться частью окружающего леса, но очень скоро путники подошли достаточно близко, чтобы рассмотреть странное сооружение, состоящее из рядов громадных ржавых балок, составленных в квадратные рамы. Все невольно замедлили ход, настороженно всматриваясь, нет ли поблизости ловушки для доверчивых путешественников. Однако, не заметив никакого движения, они пошли вперед, замороженные застывшим впереди между деревьями строением.

Неожиданно тропа оборвалась, и таинственное сооружение предстало перед ними во всей красе: громадные металлические балки, траченные временем, но все еще прямые и

с виду такие же крепкие, какими были вечность назад. Балки были частью большого города, столь древнего, что никто уже не помнил о его существовании, города, позабытого так же, как эта долина, среди которой он стоял, — последнего памятника цивилизации бесследно исчезнувших людей. Металлические конструкции были надежно закреплены на огромных фундаментах из похожего на камень материала, теперь выщербленных и осыпавшихся от времени. Кое-где виднелись развалины стен. Умирающие здания тесными рядами тянулись друг за другом на несколько сотен ярдов и заканчивались там, где сплошная стена леса отмечала границу ничтожного вмешательства человека в непреходящую природу. Внутри сооружений, между остатками фундамента и балок, росли кусты и небольшие деревца в таком изобилии, что, казалось, город скорее был задушен ими, нежели разрушился от времени. Не произнося ни слова, путники стояли перед этим наследием прошлой эпохи, глядя на дело рук людей, подобных им самим. При виде мрачных скелетов исчезнувшего города, доживавших свои унылые жизни, Ши особенно остро ощутил бренность всего сущего.

— Что это за место? — спросил он тихо.

— Развалины какого-то города, — пожал плечами Хендель, поворачиваясь к юному жителю Дола. — Похоже, сюда никто не заходил уже не одну сотню лет.

Балинор подошел к ближайшей постройке и потерял металлическую балку. Широкие пласты ржавчины и грязи осыпались дождем, и из-под них тусклым стальным цветом блеснул металл, говорящий о силе, по-прежнему живущей в этой конструкции. Подошли все остальные, а Балинор медленно двинулся вокруг фундамента, внимательно рассматривая похожий на камень материал. Через минуту он остановился на углу и стер с поверхности пыль и грязь, из-под которых проступила дата, все еще читаемая на гниющей стене. Все сгрудилось вокруг, чтобы рассмотреть ее.

— Да ведь этот город стоял здесь еще до Великих войн! — в изумлении воскликнул Ши. — Не могу поверить, это... настоящее, самое старое здание на свете!

— Я помню, как Алланон рассказывал нам о живших здесь людях, — с редкой для него сентиментальностью проговорил Менион. — Это была великая эпоха, но и от нее остались лишь эти жалкие развалины. Несколько металлических балок.

— Может, задержимся здесь ненадолго? — предложил Ши. — Мне бы хотелось посмотреть на другие постройки.

Балинор и Хендель не особенно хотели задерживаться, однако согласились на короткую передышку, если только все будут держаться вместе. Ши с Фликом дошли до следующего строения. Хендель уселся, настороженно глядя на огромные каркасы; каждая секунда, проведенная в этих металлических джунглях, так не похожих на его родные леса, выводила его из себя. Остальные отправились вслед за Менионом вокруг постройки, где только что обнаружилась дата, и нашли там обрывок имени, написанного на осыпающейся стене. Вскоре Хенделю показалось, что он видит родной Кулхейвен и свою семью, но он тотчас отогнал видение и насторожился вдвойне. Все были на виду, только братья Омсфорд углубились в левую часть мертвого города, все еще с любопытством вглядываясь в гниющие руины и выискивая приметы древней цивилизации. В то же мгновение гном осознал, что в лесу висит мертвая тишина, слышны были только негромкие голоса его товарищей. Даже шелеста легкого ветерка не раздавалось в этой тихой долине, ни одна птица не пролетела у них над головой, не застрекотало ни единое насекомое. Только его собственное сиплое дыхание отдавалось в ушах.

— Что-то здесь не то... — Не успел он договорить, как руки сами потянулись к тяжелой булаве.

И в то же мгновение Флик заметил, что среди обломков фундамента, который они с Ши рассматривали, что-то белеет. Охваченный любопытством, он подошел чуть ближе и увидел разбросанные в беспорядке, похожие на палки предметы разных размеров и форм. Ши не останавливался, он шел вдоль здания, не обращая внимания на находку брата и завороченно глядя на развалины соседней постройки. Флик подошел еще ближе, но даже с расстояния в несколько шагов не мог определить, что это за белые палки. И только когда он

подошел вплотную и остановился прямо перед ними, он понял, холодея от ужаса, что под полуденным солнцем в черной земле блестят человеческие кости.

И вдруг за спиной Флика оглушительно затрещали ветки и из густых кустов выпрыгнуло грязно-серое многоногое чудовище огромных размеров. Невероятная помесь из живой плоти и машины, отвратительное существо словно явилось из ночного кошмара. Кривые ноги поддерживали тело, наполовину покрытое металлическими пластинами, наполовину — жесткой щетиной. На металлической шее вращалась голова исполинского насекомого. Щупальца с жалами на концах слегка покачивались над двумя горящими глазами, свирепые челюсти хищно шелкали. Сотворенное людьми из другой эпохи для исполнения воли хозяев, чудовище пережило бойню, уничтожившую его создателей, но, выживая и продлевая свое многовековое существование с помощью металлических фрагментов, внедренных в гниющее тело, оно превратилось в бесформенного урода, и хуже того — в пожирателя плоти.

Оно оказалось рядом с несчастной жертвой раньше, чем кто-нибудь успел шевельнуться. Ши ближе всех стоял к огромному чудовищу, когда оно ударило Флика вытянутой конечностью, опрокинув его и тут же пригвоздив к земле, и с сопением потянулось к нему жадными челюстями. Ши не раздумывал ни секунды, он дико завопил, выхватил охотничий нож и, размахивая жалким оружием, бросился на помощь брату. Тварь только вцепилась в лишившуюся сознания жертву, когда ее внимание привлекло другое человеческое существо, которое яростно ринулось в атаку. Замешкавшись из-за этого внезапного нападения, монстр ослабил мертвую хватку и попятился на шаг назад, его громадное тело готовилось нанести второй удар, а выпученные зеленые глазки сосредоточились на крошечном человечке внизу.

— Ши, нет!.. — в ужасе выкрикнул Менион, когда юноша отчаянно ударил ножом по кривой лапе чудовища.

Из глубин огромного тела вырвалось злобное бульканье, тварь замахнулась на Ши вытянутой лапой, чтобы пригвоздить к земле и его. Но в последний момент юноша успел отскочить назад и ударить снова, из другого места, своим кро-

шечным оружием. Затем, на глазах оцепеневших от ужаса друзей, лесное чудище ринулось на Ши в стремительном мелькании конечностей и шерсти. И когда Ши уже почти подхватил Флика, чтобы оттащить его в безопасное место, тварь навалилась на юношу, и на мгновение все исчезло в облаке пыли.

Все произошло так быстро, что никто не успел опомниться. Никогда Хендель не видел таких огромных и свирепых тварей, вероятно, она жила в этих горах неисчислимые годы, поджидая в засаде несчастных путников. Гном стоял от места схватки дальше всех, но быстро кинулся на помощь упавшим братьям Омсфорд. В то же мгновение пришил в себя и все остальные. Когда пыль немного осела и из нее вынырнула чудовищная голова, сразу три тетивы пропели в унисон и три стрелы с громким стуком глубоко засели в черной волосатой туше. Тварь яростно взвыла и поднялась на дыбы, воинственно выбросив вперед передние лапы.

Менион Лих принял вызов чудовища. Он отбросил прочь ясеневый лук и выхватил из ножен меч, крепко взявшись за рукоять.

— За Лих! За Лих! — Тысячелетний боевой клич вырвался из горла принца, и он в ярости бросился через руины фундамента и обломки стен к монстру.

Балинор тоже выхватил меч и ринулся на подмогу горцу, в ярком солнечном свете ослепительно сверкнул огромный клинок. Дьюрин и Даэль выпускали стрелу за стрелой в голову ревушей от злости гигантской твари, которая отбивалась от стрел передними лапами, пытаясь выдернуть их из своей толстой шкуры. Опередив Балинора, Менион добрался до цели и одним широким движением меча рубанул по ближайшей конечности чудища, ощутив, как железо входит в кость. Едва монстр снова поднялся на дыбы и отшвырнул Мениона в сторону, как его настиг сокрушительный удар булавы Хенделя. В следующую секунду перед чудовищем уже стоял Балинор, воин сбросил с себя охотничий плащ и остался в сверкающей на солнце кольчуге. Несколько мощными взмахами меча принц Каллахорна отсек чудищу вторую ногу. Тварь яростно отбивалась, безуспешно пытаясь сбить своих

врагов на землю и раздавить. Три воина с громким воинственным кличем бросились в атаку с новой силой, отгоняя чудовище от своих упавших товарищей. Стремительные точные удары обрушивались на раненую тварь, безошибочно находя самые уязвимые места. Дьюрин с Дазлем подошли ближе, непрерывно осыпая дождем стрел свою внушительную мишень. Стрелы с лязгом отскакивали от металлических пластин, однако неослабевающая атака постоянно отвлекала внимание взбешенного монстра. В гуще битвы Хендель получил такой свирепый удар, что на несколько секунд лишился сознания, и кошмарная тварь тут же метнулась к гному, чтобы прикончить его. Однако верный Балинор мгновенно оказался рядом и принялся наносить удары с таким неистовством, что не успело чудовище добраться до Хенделя, как его уже оттащил за ноги Менион.

Стрелы Дьюрина и Дазля все же достигли цели и едва не выбили чудовищу правый глаз. Кровь хлестала из простреленного глаза и десятка еще более серьезных ран, и монстр понял, что проиграл битву и вот-вот лишится жизни, если сейчас же не отступит. Нанеся быстрый отвлекающий удар по ближайшему противнику, чудовище вдруг с поразительной быстротой развернулось на месте и метнулось в свое лесное убежище. Менион тут же бросился в погоню, но тварь уже исчезла за высокими деревьями. Все пятеро не мешкая подбежали к братьям Омсфордам, которые так и лежали недвижимо, неловко съежившись на истоптанной земле. Бывалый воин, Хендель за долгие годы видел много раненых, он и осмотрел юношей. На первый взгляд все кости были целы, хотя от многочисленных порезов и синяков на телах, казалось, не было живого места. О внутренних повреждениях судить было сложно. Мощный шлепок лапы чудовища обрушился на шею Флика сзади, а Ши достался удар в плечо, на коже багровели уродливые отметины. Яд! Все попытки друзей привести братьев в чувство так и остались тщетными, дыхание юношей стало неглубоким, кожа побледнела и начала сереть.

— От такой напасти я лечить не умею, — обеспокоенно сказал Хендель. — Надо поскорее отнести их к Алланону. Он кое-что смыслит в таких вещах, должен помочь.

— Они умирают? — прошептал Менион одними губами.

Хендель едва заметно кивнул, повисла мертвая тишина. Балинор без лишних слов принял командование и приказал Дьюрину и Мениону нарезать шестов, а сам с Хенделем занялся подготовкой полотнищ для носилок. Юного Даэля оставили на часах на случай, если тварь надумает вернуться. Спустя четверть часа носилки были готовы, для надежности раненых привязали и накрыли одеялами, чтобы защитить от ночной прохлады, и отряд был готов идти дальше. Впереди вышагивал Хендель, прокладывая путь, а остальные четверо тащили носилки. Путники быстро вышли из руин мертвого города и через несколько минут отыскиали тропу, выводящую из затерянной долины. В бессильном гневе друзья то и дело оглядывались на мрачные остовы древнего города, все еще заметные за стволами деревьев. Горькое чувство собственной беспомощности росло у них в душе. Они вошли в долину сильными и решительными, уверенными в себе и преисполненными верой в свое великое предназначение. А уходили отсюда измученными, побитыми жертвами жестокой судьбы.

Они быстро вышли из долины, поднялись по пологим склонам огибающего ее горного хребта и зашагали по широкой извилистой тропе между высокими молчаливыми деревьями, думая только о несчастных раненых. Вернулись привычные лесные звуки, правда, никто, кроме утрюмого гнома, не заметил этой перемены, однако его чуткий слух безошибочно улавливал любые движения в родных лесах. Хендель с горечью думал о сделанном выборе, который привел их в долину, о том, что могло случиться с Алланоном и обещанными им метками. Гном почти не сомневался, что загадочный странник оставил на развилке тревожные памятки, прежде чем выбрал верхнюю тропу, но кто-то или что-то, быть может, та самая тварь из леса догадалась о назначении цветных лоскутков и сняла их. Он покачал головой, изумляясь собственной глупости и неспособности с первого взгляда распознать опасность, и зашагал дальше, с ожесточением стуча сапогами и борясь с подступающим гневом на себя.

Они достигли края долины и зашагали дальше, не останавливаясь, сквозь густой лес; сплошная стена из спутанных и

сплетенных вместе могучих стволов и толстых ветвей закрыла небо. Тропа снова сузилась, вынуждая путников растаптывать цепочкой друг за другом. Глубокий синий цвет предвечернего неба быстро сменялся алым и багровым, возвещая о скором окончании очередного дня. По расчетам Хенделя до заката оставалось не больше часа. Когда покажется Нефритовый перевал, гном не знал, но не сомневался, что он где-то рядом. Друзья прекрасно понимали, что придется идти без остановки всю ночь и весь следующий день, если они хотят спасти от смерти братьев Омсфорд. Необходимо было как можно скорее разыскать Алланона и обработать раны юношей до того, как яд поразит сердце. Никто не роптал и не жаловался, все понимали, что иного выхода нет.

Когда через час солнце скрылось за горными хребтами на западе, путники почувствовали, что их руки после долгого безостановочного похода совершенно онемели и едва удерживают носилки. Балинор объявил короткий привал, и весь отряд рухнул на землю, тяжело дыша в тишине вечернего леса. С наступлением темноты Хендель поставил во главе отряда Дазля; юный эльф сильнее других измучился, таща носилки с Фликом. Братья по-прежнему были без сознания, их укутали в несколько слоев одеял для тепла; осунувшиеся лица юношей, пепельно-серые в догорающем свете дня, покрывала тонкая пленка испарины. Хендель пощупал у них пульс и с трудом уловил слабенькое биение жизни в вялых руках. Менион с проклятиями метался вокруг в приступе неудержимой ярости, обещая отомстить всем и каждому, худощавое лицо принца пылало от воспоминаний о недавней битве и жгучего желания найти кого-нибудь, на кого можно выплеснуть весь свой гнев.

После короткого десятиминутного отдыха отряд вновь тронулся в путь. Последние лучи солнца погасли, и густая ночная тьма чуть рассеивалась лишь бледным сиянием звезд да серебристым светом молодого месяца. Почти в полной темноте приходилось идти медленно, неловко ступая по извилистой неровной дороге. Хендель занял место Дазля у носилок Флика, а худенький эльф пошел впереди отряда, его зоркие глаза высматривали в темноте неверную змейку тропы. Гном

уныло думал об обещанных Алланом цветных лоскутках: какгодились бы они на пути через Вольфсктаагские горы. Сейчас, когда жизнь двух раненых юношей висела на волоске, идти по непроверенной дороге было особенно опасно. Не чувствуя усталости, гном шагал вперед, погруженный в глубокие раздумья. Рассеянно взглянув на две вершины слева, прорезавшие ночную гладь неба, он лишь через несколько секунд понял, что видит перед собой вход на Нефритовый перевал, и даже вздрогнул от неожиданности.

В тот же миг Дазль крикнул, что впереди развилка из трех дорог. Хендель прокричал в ответ, что к перевалу ведет левая тропинка. Не замедляя хода, они свернули налево. Дорога спускалась вниз, в сторону от горного массива, и вела к пикам-близнякам. Ободренные близостью цели, путники зашагали быстрее, от надежды скорой встречи с Алланом у всех словно выросли крылья. Лежащие на носилках Ши и Флик вдруг зашевелились, крупная дрожь била их плотно закутанные в одеяла тела. Цепкая смерть яростно боролась в них с мощным желанием жить. Хендель подумал, что это хороший знак и, несмотря на смертоносный яд, надежда на выживание юношей все-таки есть. Он окинул взглядом отряд и обнаружил, что все напряженно всматриваются в яркий свет на темном горизонте между двумя вершинами. Внезапно со стороны мерцающего света донесся далекий грохот и неясное бормотание. Балинор приказал всем двигаться дальше, однако Дазлю велел пройти вперед, держа глаза и уши открытыми.

— Что это? — настороженно спросил Менион.

— Не могу сказать точно, слишком далеко, — ответил Дьюрин. — Похоже на звук барабанов и пение.

— Карлики, — зловеще проговорил Хендель.

Еще через час пути они подошли достаточно близко и поняли, что странное свечение шло от сотни небольших костров, а звуки издавали дюжины грохочущих барабанов и толпы певцов, поющих заунывными голосами. Мерный звук разрастался, становясь оглушительным, и вдруг из мглы, словно огромные колонны, перед взорами путников выросли две вершины, обозначающие вход на Нефритовый перевал. Ба-

лино́р был уверен, что карлики, если это действительно они, едва ли станут оставлять часовых на своих священных землях, так что их отряду ничего не грозит, пока они не дойдут до перевала. Сквозь густой лес нарастающими волнами накатывал рокот барабанов и неумолчное пение. Кто бы ни перегородил им путь впереди, уходить они явно не собирались. Через несколько минут путники достигли входа на перевал, сразу за линией костров. Беззвучно нырнув с тропы в темноту, отряд устроил спешный совет.

— Что там происходит? — взволнованно спросил Балинор у Хенделя, когда все они остановились под укрытием деревьев.

— Поди разбери отсюда, если только ты мысли не умеешь читать! — раздраженно проворчал гном. — Похоже на пение карликов, но слов не разобрать. Пойду-ка я вперед и посмотрю.

— Не стоит, — быстро вмешался Дьюрин. — Это работа для эльфа, а не для гнома. Я двигаюсь быстрее и тише тебя, и часового я всегда замечу.

— Тогда лучше пойти мне, — предложил Дазль. — Я ниже ростом, легче и быстрее всех вас. Обернусь за минуту!

Не дожидаясь ответа, он растворился в лесу и исчез раньше, чем кто-нибудь успел возразить. Дьюрин негромко выругался, беспокоясь за жизнь младшего брата. Если на Нефритовом перевале действительно были карлики, несчастного эльфа ждала неминуемая смерть. Хендель сердито передернул плечами и уселся, привалившись к дереву, дожидаться возвращения Дазля. Ши вдруг начал стонать и метаться, расшвыривая одеяла и едва не вываливаясь из носилок. Флик тоже стонал, хотя и не так громко, лицо его страшно осунулось. Менион с Дьюрином торопливо укутали братьев в одеяла, на этот раз надежно закрепив их длинными кожаными ремешками. Раненные продолжали стонать, но в нарастающем с другой стороны перевала грохоте их вряд ли бы кто-нибудь услышал. В ожидании Дазля все сидели тихо, с тревогой поглядывая на мерцающие вдаль огни и вслушиваясь в барабанный бой. Минуты тянулись мучительно медленно. Вдруг из темноты вынырнул Дазль.

— Карлики? — сипло спросил Хендель.

— Их там сотни, — утрюмо отозвался эльф. — Растянулись вдоль входа на Нефритовый перевал, развели десятки костров. Наверное, совершают какой-то обряд — поют и колотят в барабаны не переставая. Но хуже всего то, что все они смотрят в сторону перевала. Пройти там незамеченными просто невозможно.

Он замолчал и быстро окинул взглядом раненых братьев, прежде чем снова повернуться к Балинору.

— Я осмотрел вход на перевал и обе горы. Пройти можно только мимо карликов, другого пути нет. Все-таки они поймали нас в западню!

Глава 12

Мрачное сообщение Дазля вызвало настоящий переполох. Менион вскочил на ноги и схватился за меч, грозясь прорубить дорогу пусть даже ценой собственной жизни. Балинор пытался удержать принца или хотя бы успокоить; несколько минут все шумели и перекрикивали друг друга, поддерживая горца. Хендель коротко расспросил встревоженного Дазля о том, что тот видел на перевале, и, услышав ответы, громко приказал всем замолчать.

— Там все старейшины карликов, — сообщил он Балинору, которому наконец удалось немного утихомирить Мениона, чтобы выслушать гнома. — Все их верховные жрецы и жители ближайших селений собрались здесь на особенную церемонию, которую они проводят каждый месяц. Они приходят на закате и возносят хвалы богам за то, что те защищают их от зла, обитающего в запретных землях Вольфсктаага. Церемония продлится всю ночь, а к утру нашим юным друзьям уже никто не поможет.

— Удивительный народ эти карлики! — взорвался Менион. — Боятся обитающего здесь зла, а сами заодно с королевством Черепа! Не знаю, как остальные, а лично я не собираюсь сдаваться из-за того, что каким-то полоумным карликам приспичило распевать свои молитвы!

— Никто и не сдастся, Менион, — быстро произнес Балинор. — Мы пройдем через эти горы сегодня же. Прямо сейчас.

— И как ты собираешься это сделать? — спросил Хендель. — Здесь же добрая половина всех карликов! Может, мы по воздуху перелетим?

— Погодите-ка минутку! — воскликнул вдруг Менион и склонился над бесчувственным Ши, быстро обшарил его одежду и вытащил маленький кожаный мешочек с могущественными эльфийскими камнями. — Эльфийские камни выведут нас отсюда, — объявил он остальным, размахивая мешочком.

— Он что, рехнулся? — удивился Хендель, с недоверием глядя на горца.

— Ничего не выйдет, Менион, — тихо проговорил Балинор. — Власть над этими камнями есть только у Ши. А еще Алланон как-то рассказывал мне, что эльфийские камни защищают лишь от нематериального зла, от опасности, которая смущает разум. А карлики — существа из плоти и крови, они не принадлежат к миру призраков.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, зато точно знаю, что эти камни прогнали тварь из Туманной топи, и я видел их силу... — Менион уныло замолчал, задумавшись над словами Балинора, и обессилевшими руками опустил мешочек с его бесценным содержимым. — И что толку? Наверное, ты прав. Я уже сам не понимаю, что говорю.

— Но должен ведь найтись выход! — Дьюрин вышел вперед, оглядывая всех. — Надо придумать, как отвлечь их внимание на пять минут, а мы в это время проскочим.

Менион снова оживился, радуясь блеснувшей надежде, но, как ни старался, не мог придумать способ отвлечь внимание тысяч карликов. Балинор задумчиво рассказывал взад-вперед, слушая самые невероятные предложения своих товарищей. Хендель, мрачно усмехнувшись, вызвался выйти в центр лагеря карликов и дать себя схватить. Увидев своего заклятого врага, которого они столько лет мечтали уничтожить, карлики придут в восторг и забудут обо всем на свете. Но шутка шуткой, а Менион всерьез задумался, не принять ли предложение гнома.

— Хватит болтать! — зарычал вдруг принц Лиха, совершенно потеряв терпение. — У нас нет времени на пустые разговоры! Пока еще братьям можно помочь, надо выбираться отсюда. Что будем делать?

— А широк ли перевал? — рассеянно спросил Балинор, все еще вышагивая взад-вперед.

— Около двухсот ярдов в том месте, где собрались карлики, — ответил Дазль, едва сдерживаясь от резкого ответа Мениону. Помолчав минутку, он вдруг шелкнул пальцами, словно вспоминая. — Правая сторона перевала совершенно голая, а вот слева вдоль утеса растут небольшие деревья и кустарники. Мы сможем укрыться за ними...

— Этого мало, — перебил Хендель. — Нефритовый перевал достаточно широк, чтобы через него промаршировала целая армия, но пытаться пройти там под таким жалким прикрытием — настоящее самоубийство. Я бывал на перевале и точно знаю — любой карлик, если только он не слепой, заметит нас через минуту!

— Значит, надо заставить их смотреть в другую сторону, — проворчал Балинор, план постепенно начинал вырисовываться у него в голове.

Неожиданно он замер, опустился на колени и быстро нарисовал на земле грубую схему входа на перевал, поглядывая в ожидании замечаний на Дазля и Хенделя. Даже Менион прервал поток жалоб и подошел к ним.

— Если верить этому рисунку, мы сможем пройти незамеченными и вдалеке от света костров, пока не окажемся здесь, — пояснил Балинор, ткнув в точку рядом с линией, обозначающей утес. — Склон достаточно пологий, чтобы держаться подальше от карликов и оставаться под прикрытием деревьев. Потом начинается открытое пространство на двадцать пять—тридцать ярдов, до самого леса на крутом склоне. Это и есть самое трудное место, там светло, и любой, кто повернет голову в ту сторону, увидит нас. Надо отвлечь карликов, когда мы будем как на ладони.

Он замолчал и оглядел взволнованные лица товарищей; быть может, это был не самый лучший план, но времени на раздумья не осталось, если они еще надеялись вновь обрести меч Шаннары. Пусть риск велик, но жизнь хрупкого юноши из Дола, единственного наследника великого меча и последней надежды для народов всех четырех земель спастись от неминуемой гибели, была сейчас превыше всего. И их соб-

ственные жизни не такая уж высокая цена за сохранение этой единственной надежды.

— Нам потребуется лучший лучник всех Южных земель, — негромко сказал рослый воин. — И этот человек ты, Менион Лих.

Горец удивленно вскинул голову при этом неожиданном заявлении, не в силах скрыть переполнявшую его гордость.

— У тебя будет только один выстрел, — продолжал принц Каллахорна. — Если ты промахнешься, мы все покойники.

— Что ты задумал? — с любопытством спросил Дьюрин.

— Когда заросли закончатся и мы доберемся до края открытого поля, Менион прицелится в кого-нибудь из старейшин карликов на дальнем конце перевала. У него будет один выстрел, чтобы убить его, а когда начнется суматоха, мы сумеем проскочить.

— Ничего не выйдет, дружище, — проворчал Хендель. — Как только в их вождя воткнется стрела, все карлики ринутся на перевал. И нас сразу обнаружат.

Балинор покачал головой и слабо улыбнулся, не убежденный его словами.

— Не обнаружат, потому что погонятся за кем-то еще. Как только их вождь упадет, на другом конце перевала покажется один из нас. Карлики придут в ярость и бросятся за ним в погоню, а остальные смогут проскользнуть.

Дружным молчанием встретили товарищи слова принца Каллахорна, все взволнованно переглядывались, и всех терзала одна и та же мысль.

— Может, это и неплохо звучит, только не для того, кто выйдет один на один с толпой карликов, — с недоверием произнес Менион. — Кто же согласится подставить себя под удар?

— Я это придумал, — заявил Балинор, — и я должен остаться на перевале, чтобы завести карликов поглубже в Вольфсктаг, потом я сделаю круг, вернусь и нагоню вас на границе Анара.

— Да ты, верно, не в своем уме, если думаешь, что я позволю тебе остаться и расклебывать эту кашу, — возмутился Менион. — Если стрелять буду я, то я и останусь, а если промахнусь...

Он замолчал и улыбнулся, пожав плечами, а когда Дьюрин с недоверием посмотрел на него, похлопал эльфа по плечу. Балинор хотел было возразить, но неожиданно вперед вышел Хендель, сердито мотая крупной головой.

— План хорош, но все мы знаем, что за тем, кто останется, в погоню бросятся тысячи карликов, мечтающих его изловить или, в лучшем случае, дожидаться, пока он выйдет из их священных земель. Тот, кто останется, должен хорошо знать карликов, их повадки, знать, как с ними бороться и как остаться в живых. А значит, это должен быть гном, который воюет с ними всю свою жизнь. То есть я. Кроме того, — добавил он мрачно, — как я уже сказал, они давно мечтают заполучить мою голову. И не упустят случая, да еще после такого унижения.

— Но ведь это я... — снова начал Менион.

— Хендель прав, — резко оборвал его Балинор. Все в изумлении повернулись к нему. Только Хендель не удивился, он понимал, что и сам принял бы такое нелегкое решение, будь он на месте принца. — Выбор сделан, и мы должны принять его. Из всех нас только Хендель сможет перехитрить карликов и остаться в живых.

Он развернулся к коренастому воину и протянул ему широкую ладонь. Гном крепко пожал ее, на мгновение задержав в своей, затем быстро отвернулся и потрусил по тропе, вскоре исчезнув из виду. Остальные смотрели ему вслед, но через несколько мгновений Хендель уже растворился в сумерках. Грохот барабанов и монотонное пение карликов раскатывались волнами до самого светлого горизонта на западе.

— Заткните парням рты, чтобы они не могли кричать, — приказал Балинор, удивив остальных резкостью этого неожиданного приказа.

Менион не мог сдвинуться с места, он словно врос в землю, молча глядя на тропинку, по которой только что ушел Хендель. Балинор развернулся к нему и утешающе похлопал по плечу.

— Соберись, принц Лиха, пусть твой выстрел стоит жертвы, на которую он пошел ради нас.

Тела раненых братьев по-прежнему была крупная дрожь; их быстро привязали покрепче к носилкам, а в рот всунули плотно скрученные тряпки, чтобы заглушить негромкие стоны и вскрики. Четверо оставшихся путников подхватили свою поклажу, взялись за носилки и двинулись под прикрытием деревьев ко входу на Нефритовый перевал. Впереди полыхали костры карликов, освещая темное небо ярким желто-оранжевым светом. Чем ближе они подходили к перевалу, тем громче становился оглушительный мерный стук барабанов. Пение карликов звучало все громче и громче, казалось, здесь собрался весь маленький народец. Неожиданно друзьям показалось, будто все происходит в зловещем сне, словно они заблудились в странном мире грез, куда наведываются и смертные, и призраки для исполнения загадочных ритуалов с неясными замыслами. По обе стороны Нефритового перевала в небо взмывали зубчатые стены гигантских утесов — мрачные гости, отстраненно наблюдавшие за действием на крошечной сцене, затерянной среди величавых гор. Поверхность скал переливалась мерцающим многоцветьем, красные, желтые и оранжевые сполохи смешивались с темно-зелеными, отскакивали и исчезали в дрожащем свете костров. Цветные огоньки отражались от шершавых скал, мягко играя на уставших лицах путников, лишь на мгновение выхватывая из темноты их страх, который они пытались скрыть.

Наконец они остановились перед ущельем; еще несколько шагов, и карлики заметят их. С двух сторон возвышались крутые склоны гор, на северном скрыться было невозможно, зато южный склон щетинился невысокими деревцами и густым кустарником, растущим так плотно, что он едва не душил сам себя. Балинор знаком приказал всем подняться по заросшему склону. Сам он пошел впереди, высматривая наиболее безопасный путь и осторожно поднимаясь к маленьким деревцам, которые росли чуть выше на горе. Прошло довольно много времени, прежде чем они добрались до деревьев, откуда Балинор повел отряд к выходу на перевал. Пока они медленно и осторожно продвигались вперед, Менион всматривался в просветы между деревьями и кустами, ловя короткие отблески горящих внизу костров; их яркое

пламя почти полностью скрывало сотни маленьких сгорбленных фигурок, которые ритмично раскачивались в свете огней, звучным, заунывным пением восхваляя духов Вольфсктаага. У Мениона пересохло во рту, когда он представил, что с ними случится, если их обнаружат, и с тоской подумал о Хенделе. Он вдруг очень испугался за гнома. Выше по склону кусты и деревья начали редеть, и четверо путников медленно и очень осторожно карабкались вверх, стараясь оставаться незамеченными за скудной растительностью; Балинор то и дело с опаской поглядывал на карликов внизу. Братья-эльфы ступали по-кошачьи мягко, их легкие тела беззвучно двигались по сухим колючим сучкам и веткам, сливаясь с окружающим ландшафтом. И снова Менион обеспокоенно вгляделся в карликов, которые теперь были ближе, чем раньше, их желтоватые тела раскачивались под ритм барабанов, блестя от пота после долгих часов обращения к богам и восхваления гор.

Наконец маленький отряд достиг края зарослей. Балинор указал вперед на ярды открытого поля, отделявшего их от дремучих лесов Анара, которые поднимались вдаль темной стеной. Укрыться было совершенно негде, в этой части перевала росли только низкие кустарники да редкая, высохшая на солнце трава. А прямо внизу поющие карлики мерно раскачивались в отвесах костров, и оттуда им было прекрасно видно всякого, кто рискнул бы спуститься по ярко освещенному южному склону. Дазль был совершенно прав: пытаться проскользнуть по открытому всем ветрам полю — настоящее самоубийство. Менион поднял голову и тотчас понял, что всякие попытки продвинуться выше по склону с двумя ранеными на носилках обречены на провал: на несколько сотен футов в небо поднималась отвесная стена, почти вертикально идущая до невидимой в темноте вершины. Он отвернулся и снова посмотрел на открытое поле. Теперь оно показалось еще шире, чем раньше. Балинор знаком подозвал всех к себе.

— Мениону придется подойти к кромке леса, — осторожно зашептал он. — Как только он прицелится и подстрелит карлика, Хендель отвлечет на себя их внимание, появившись с другой стороны на противоположном склоне. Сейчас он

уже должен быть на месте. Когда карлики бросятся к нему, мы как можно скорее перебежим через поле. Не останавливайтесь и не оглядывайтесь, просто бегите вперед.

Остальные трое кивнули, и все глаза устремились на Мениона, когда тот снял с плеча ясеневого лука и потрогал пальцем тетиву. Выбрав длинную черную стрелу, он вложил ее в лук и мгновение помедлил, глядя вниз сквозь путаницу ветвей на сотни карликов, собравшихся на перевале. Только теперь Менион по-настоящему понял, чего от него ждут. Он должен убить человека — не в бою, не в честном поединке, а из засады, исподтишка, не оставив своей жертве надежды на спасение. Чутье подсказывало принцу, что он не сможет этого сделать, у него не было ни опыта Балинора, ни холодной решимости Хенделя. Безрассудный и храбрый, он был готов сразиться с кем угодно в честном поединке, но стать хладнокровным убийцей... Менион быстро обернулся на остальных, и все тотчас прочли сомнение в его глазах.

— Ты должен это сделать! — хрипло прошептал Балинор, глаза его горели мрачной решимостью.

Дьюрин чуть отвернулся, в полумраке его лицо казалось угрюмым и словно окаменело от мучительных сомнений. Дазль же неотрывно смотрел на Мениона, в его больших эльфийских глазах сквозил страх за горца, которому пришлось встать перед столь тяжелым выбором; от волнения лицо юноши побледнело и стало почти прозрачным.

— Я не могу вот так убить, — Менион невольно вздрогнул от собственных слов, — даже ради них...

Он замолчал, но Балинор не отрывал от него требовательного взгляда.

— Я выполню свой долг, — внезапно заявил Менион после минутного размышления, снова оглядывая перевал. — Только по-другому.

Ничего не объяснив, он прошел между деревьями и бесшумно опустился на колени на границе леса под прикрытием жидкой растительности. Наскоро оглядев фигуры карликов внизу, он наконец выбрал одного из старейшин на дальнем краю перевала. Карлик стоял перед своими братьями, подняв морщинистое желтое лицо к небу, на маленьких вытя-

нутых ручках он держал длинное блюдо с раскаленными красными угольками. Распевая вместе с остальными заунывные песнопения, карлик стоял неподвижно, повернув голову к проходу в Вольфсктаагских горах. Менион вытянул из колчана вторую стрелу и положил перед собой. Потом, стоя на одном колене, он чуть высунулся из-за маленького деревца, за которым прятался, вложил в лук первую стрелу и прицелился. Трое его товарищей, затаив дыхание, наблюдали за Менионом из небольшой рощицы. На мгновение показалось, что все вокруг замерло, затем натянутая тетива громко шелкнула, и невидимая стрела устремилась к своей цели. А Менион, словно вдогонку ее полету, с невероятной быстротой вложил в лук вторую стрелу, прицелился и выстрелил, тут же неподвижно замерев у своего ненадежного укрытия.

Все произошло так стремительно, что каждый успел уловить лишь молниеносные движения лучника. В стане ничего не подозревавших карликов поднялся ужасный переполох. Первая стрела ударила в длинное блюдо на вытянутых руках поющего старейшины, и оно завертелось, рассыпая свое содержимое. Мерцающие красные угли разлетелись в облаке искр. И в следующий миг, когда остолебеневший вождь и его подданные замерли в нерешительности, уязвимый зад старейшины стал прекрасной мишенью для не менее удачливой второй стрелы; карлик издал такой пронзительный вопль, что его слышали во всех уголках ярко освещенного кострами Нефритового перевала. Расчет был безупречен. Все произошло так быстро, что даже несчастная жертва не успела, да и не могла понять, с какой стороны произошло возмутительное нападение и какой подлый злодей выпустил стрелу. Несколько минут старейшина карликов подпрыгивал и корчился от страха и боли под недоуменными и смущенными взглядами своих соплеменников. Впрочем, замешательство их быстро прошло, уступив место оскорбленной чести. Священный обряд был самым наглым образом прерван, а уважаемый вождь подвергся унижительному нападению из-за угла. Карлики были не на шутку разгневаны.

Прежде чем кто-нибудь успел опомниться, на далеком северном склоне перевала загорелся факел и в ночное небо

взметнулся громадный костер, словно сама земля взорвалась, услышав крики жаждущих мести карликов. На фоне разгоравшегося костра возникла коренастая неподвижная фигура Хенделя, руки гнома были вызывающе вскинуты вверх, в широкой ладони он воинственно сжимал булаву, способную сокрушать камни. Его смех оглушительным эхом отразился от стен утесов.

— Эй вы, карлики, земляные черви, кто хочет сразиться со мной? — насмешливо взревел он. — Принимай вызов, вождь, тебе все равно еще долго сидеть не придется. Твои жалкие боги не смогли защитить тебя даже от гнома, что уж говорить о духах Вольфсктаага!

Яростный вопль карликов взорвал тишину, и все они до единого хлынули к Нефритовому перевалу, горя желанием во что бы то ни стало добраться до наглеца и вырвать его подлое сердце за тот позор и унижение, которым он подверг их. Мало того что насмешник ранил их вождя, так он еще поглумился над их доблестью и оскорбил их религию, а этого они простить не могли. Кто-то из карликов сразу узнал обидчика, они выкрикивали имя гнома и требовали для него немедленной казни. А пока карлики, позабыв о священном обряде и бросив свои ритуальные костры, не разбирая дороги, неслись на перевал, четверо укрытых за откосом путников вскочили на ноги, крепко взяли за носилки с бесценным грузом и, пригибаясь к земле, пустились бежать вниз по открытому южному склону, отчетливо видимые в свете костров, их огромные тени зыбкими призраками скользили по грубой поверхности утеса вслед за своими хозяевами. Никто не обернулся, чтобы взглянуть, что делают разъяренные карлики, все мчались вперед, не сводя глаз со спасительной темноты Анарского леса, встающего вдалеке.

К счастью, до леса друзья добрались благополучно. В прохладной тени могучих деревьев они остановились и, тяжело дыша, прислушались к звукам, которые доносились с перевала. Вход на перевал опустел, внизу осталась лишь небольшая группка карликов, один из них помогал раненому вождю извлекать причиняющую боль стрелу. Глядя на эту сцену,

Менион даже захихикал про себя, и по его худощавому лицу медленно расползлась довольная улыбка. Однако улыбка вскоре растаяла, когда он посмотрел на северный склон перевала, где все еще пылал яркий костер. Со всех сторон наверх карабкались несметные полчища разъяренных карликов, их маленькие желтые тела бурлящей рекой стекались к огню. Хенделя нигде не было видно, по-видимому, его схватили на склоне горы. Друзья выждали еще минутку, а затем Балинор жестом приказал двигаться в путь. Нефритовый перевал остался позади.

Когда от костров карликов остались только воспоминания, в лесу стало совсем темно. Во главе отряда Балинор поставил принца Лиха, приказав ему пройти вниз по южному склону и отыскать тропу на запад. Найти такую тропу оказалось несложно, и друзья направились в Средний Анар. Густой лес почти полностью поглощал тусклый свет далеких звезд, величественные деревья обрамляли дорогу черными стенами. Затихшие ненадолго братья Омсфорд снова начали биться в судорогах, даже плотные кляпы не заглушали их стонов. Последняя надежда на спасение раненых начала таять. Яд медленно растекался по их телам, подбираясь к самому сердцу и грозя внезапной гибелью. Никто не знал, когда смертельный яд нанесет свой последний удар и когда они доберутся до подмоги. Единственный из них, кто знал Средний Анар, остался в Вольфсктаагских горах, один на один с жаждущими мести карликами.

Внезапно и так быстро, что ни один из четверых не успел сойти с тропы, чтобы избежать столкновения, из стены деревьев впереди вышел отряд карликов. Какой-то миг все стояли неподвижно, всматриваясь сквозь сумерки. Но уже через мгновение враги узнали друг друга. Четверо друзей проворно опустили громоздкие носилки на землю и шагнули вперед, перегораживая тропу. Десять или двенадцать карликов сбились в кучу, но через секунду один из них отделился и быстро исчез в гуще леса.

— Побегал за подмогой, — шепнул Балинор остальным. — Если мы не разделаемся с ними сейчас же, подоспеет подкрепление, и тогда нам конец.

Едва последние слова слетели с его губ, как оставшиеся карлики испустили яростный боевой клич и бросились им навстречу, в неярком свете тускло мерцали их короткие, жажущие крови мечи. Трех воинов бесшумные стрелы Мениона и братьев-эльфов поймали на бегу, а в следующее мгновение остальные карлики уже набросились на небольшой отряд, словно стая бешеных волков. Даэля сразу же сбили с ног, и на мгновение он исчез из виду где-то сзади. Балинор стоял крепко, одним ударом огромного меча он разрубил пополам сразу двух карликов. Несколько минут ночную тишину сотрясали пронзительные крики и тяжелое дыхание сошедшихся на узкой тропинке противников; карлики пытались увернуться от длинных мечей и подобраться поближе, а четверо защитников стойко отражали их яростные атаки, стараясь не подпустить карликов к своим раненым товарищам. После короткой жестокой схватки на залитой кровью тропе, в тусклом свете равнодушно взирающих звезд остались лежать бездыханные тела всех карликов. Даэль получил серьезное ранение под ребра, и его пришлось перевязать, Менион и Дьюрин отделались мелкими царапинами. Только Балинор не пострадал от мечей карликов, его защитила легкая кольчуга под изорванным плащом.

Чуть замешкавшись лишь для того, чтобы перевязать рану Даэля, четверо друзей снова подхватили носилки и торопливо зашагали по пустынной тропе. Теперь у них была еще одна причина спешить. Едва карлики найдут своих мертвых собратьев, они тотчас бросятся вдогонку за их убийцами. Менион пытался определить время по звездам, прикидывая, сколько часов прошло с тех пор, как солнце зашло в Вольфсктаагских горах, но сумел лишь понять, что близится рассвет. Он быстро шагал за широкоплечим Балинором, который теперь возглавлял отряд, и чувствовал, как по онемевшим рукам и вздутым от напряжения мышцам спины растекается свинцовая усталость. После утомительного похода, стычки с Вольфсктаагским чудовищем да еще жестокой драки с карликами силы путников были на исходе. Только страх за жизнь раненых братьев заставлял их держаться на ногах. И все же через полчаса после короткой стычки с отрядом карликов

Дазль просто рухнул на землю от потери крови и полного изнеможения. Потребовалось несколько минут, чтобы привести его в чувство и снова поставить на ноги. Когда друзья снова пустились в путь, шли они намного медленнее.

Уже через несколько минут Балинору пришлось снова объявить привал. Все молча плюхнулись на тропу, с тревогой прислушиваясь к нараставшему вдали шуму. Пока далекие, до них снова доносились воинственные крики и барабанная дробь. Все говорило о том, что разгневанные карлики отправили на их поиски не один отряд. Казалось, весь Анарский лес вдруг ожил, кишя разъяренными карликами, прочесывающими ближайшие холмы и рощи в надежде отыскать врага, ускользнувшего от них на тропе и безнаказанно уничтожившего не меньше десятка их воинов. Менион устало посмотрел на лежащих на носилках братьев; лица их побелели и покрылись крупными каплями пота. Стоны несчастных не прекращались, руки и ноги судорожно подергивались — смертоносный яд неумолимо проникал все глубже. Менион смотрел на Омсфордов, и внезапно его охватило острое чувство вины, словно он подвел их, когда они больше всего в нем нуждались, и теперь им приходится расплачиваться за его промах. С самого начала вся эта затея с путешествием в Паранор за древней реликвией, пришедшей из далеких веков и якобы способной спасти их от самого Повелителя чародеев, была безумной, в гневе думал он. И все же они не имели права подвергать сомнению даже призрачную надежду, это он тоже понимал. Менион устало смотрел на Флика и не мог понять, почему они так и не стали друзьями.

Неожиданно послышался предостерегающий шепот Дьюрина, они подхватили тяжелые носилки и убрались с тропы под защиту огромных деревьев, распластавшись на земле и затаив дыхание. Через мгновение по тропе прокатился далекий грохот тяжелых сапог, и с той стороны, откуда они пришли, промаршировал в темноте отряд карликов, направляясь напрямик к их укрытию. Балинор тотчас понял, что силы слишком неравные, и предостерегающе сжал плечо Мениона, чтобы удержать уже готового принять бой принца от резкого движения. Карлики ровным строем вышагивали по тропе, в свете звезд их желтые лица казались вырезанными из

камня, широко посаженные глаза напряженно вглядывались в темный лес. Поравнявшись с тем местом, где затаился маленький отряд беглецов, они прошли дальше, даже не подозревая, что их враги всего в нескольких футах. Когда карлики исчезли из виду и все звуки стихли, Менион повернулся к Балинору.

— Без Алланона нам конец. Если не будет помощи, в таком состоянии мы не пронесем Ши с Фликом даже милю!

Балинор медленно кивнул, но ничего не ответил. Он сам все прекрасно понимал. Но еще он понимал, что любая остановка опаснее плена или еще одной стычки с карликами. Оставить братьев в лесу, в надежде привести к ним помощь, они тоже не могли — слишком опасно. Балинор жестом поднял отряд на ноги. Ничего не говоря, они взялись за носилки и, пошатываясь, побрели дальше по лесной тропе, понимая, что теперь карлики не только у них за спиной, но и впереди. И снова Менион подумал о бесстрашном Хенделе. Вряд ли даже находчивый гном, с его непревзойденным знанием этих гор, сумел далеко уйти от разъяренных карликов. Как бы там ни было, гному сейчас не лучше, чем им, затерянным в лесах Анара с двумя ранеными и без всякой надежды на помощь. Если им не удастся найти безопасное место, новая встреча с карликами может закончиться печально, в этом Менион не сомневался.

И снова чуткие уши Дьюрина уловили звук близких шагов, и все кинулись под высокие деревья. Едва они успели убраться с дороги и спрятаться в кустах, как впереди на тропе показались силуэты. Даже в слабом свете звезд острые глаза Дьюрина тотчас выделили вожака небольшого отряда, настоящего гиганта в длинном черном плаще, свободно висящем на худом теле. Мгновение спустя его увидели и все остальные. К ним приближался Алланон. Однако предостерегающий жест Дьюрина заставил Мениона и Балинора сдерживать радостные восклицания, готовые сорваться с губ. Приглядевшись, они с изумлением узнали в маленьких спутниках историка, семенящих с ним рядом, карликов в белых одеяниях.

— Он предал нас! — шепло прошептал Менион, рука его сама потянулась к длинному охотничьему ножу на поясе.

— Погоди минуту, — быстро приказал Балинор, жестом приказывая всем затаиться, пока отряд не подойдет ближе к их укрытию.

Алланон медленно приближался; явно никуда не торопясь, он размеренно шел по тропе, глядя глубоко посаженными глазами прямо перед собой. От глубокой задумчивости на лбу залегли морщины. Чутье подсказывало Мениону, что на этот раз их непременно обнаружат, и он едва сдерживался, чтобы не выскочить на тропу и первым же ударом прикончить предателя. Вряд ли ему представится другой случай расквитаться. Облаченные в белое карлики послушно следовали за своим предводителем, шли они не строем, рассеянно глядя по сторонам. Неожиданно Алланон остановился и в изумлении огляделся, словно чувствуя присутствие беглецов. Менион приготовился к прыжку, но тяжелая рука опустилась ему на плечо, крепко прижимая к земле.

— Балинор, — ровным голосом позвал великан, он не двигался ни вперед, ни в сторону, а лишь молча ждал.

— Отпусти меня! — яростно приказал Менион принцу Каллахорна.

— Они безоружны!

Голос Балинора поубавил его гнев, заставив внимательнее взглянуть на карликов, стоявших рядом с Алланоном. Оружия ни у кого не было видно.

Балинор медленно поднялся и двинулся на прогалину, крепко сжимая в руке длинный меч. Следом за ним шел Менион, заметив между деревьями стройный силуэт Дьюрина, который уже вложил в лук стрелу и стоял наготове. Алланон с вздохом облегчения шагнул вперед и протянул Балинору руку, но быстро остановился, увидев тень недоверия в глазах принца Каллахорна и явную горечь на лице горца. Мгновение он казался обескураженным, но затем вдруг оглянулся на маленькие фигурки, неподвижно застывшие у него за спиной.

— О, не волнуйтесь! — поспешно выдохнул он. — Это наши друзья. У них нет оружия, они не испытывают к вам ненависти. Они целители, врачи.

Еще мгновение никто не двигался. Затем Балинор убрал в ножны меч и пожал протянутую руку Алланона. Менион сделал тоже самое, все еще с недоверием поглядывая на карликов, ожидавших на тропе.

— А теперь расскажите мне, что случилось, — потребовал Алланон, снова принимая командование над измотанным отрядом. — Где все остальные?

Балинор быстро рассказал, что приключилось с ними в Вольфсктааге, как они выбрали неверную дорогу на развилке, о последовавшем затем сражении с чудовищем в руинах города, о пути до перевала, о плане, который помог им пройти мимо карликов. Услышав о ранах братьев, Алланон сейчас же переговорил с сопровождавшими его карликами, заверив подозрительного Мениона, что они умеют лечить такие раны, от которых страдали его друзья. Балинор продолжал рассказ, пока одетые в белое карлики хлопотали вокруг раненых, озабоченно склоняясь над ними и вливая в них снадобья из каких-то пузырьков, принесенных с собой. Менион в волнении наблюдал, спрашивая себя, почему эти карлики так отличаются от остальных. Когда Балинор договорил, Алланон печально покачал головой.

— Это моя вина, мой просчет, — сердито проговорил он. — Я слишком увлекся будущим и не заметил опасности, затаявшейся в настоящем. Если эти двое умрут, весь наш поход пропадет даром!

Он снова переговорил с суетящимися карликами, и один из них поспешно ушел вверх по тропе к Нефритовому перевалу.

— Я отправил его узнать, что слышно о Хенделе. Если с ним что-то случится, виноват буду я один.

Он приказал карликам-целителям нести раненых, и весь отряд снова ступил на тропу, держа путь на запад, карлики с носилками впереди, а усталые путники за ними. О ране Дазля тоже позаботились, и он смог идти без посторонней помощи. Пока они шли по опустевшей тропе, Алланон объяснял, почему в этой части леса им не угрожала неожиданная встреча с поисковыми отрядами карликов.

— Мы приближаемся к владениям сторов, это те карлики, которые пришли со мной, — сказал он. — Они целители и живут отдельно от остальных карликов и прочих народов, посвятив свою жизнь всем, кто нуждается в пристанище или лечении. У них свое правительство, они не вмешиваются в споры других народов, от чего могут удержаться очень немногие. Все живущие в этих краях уважают и почитают их. Земли сторов, в которые мы скоро войдем, называются Сторлок. Это священные земли, через которые незваными не осмелится пройти ни один поисковый отряд карликов. Уверяю вас, этой ночью их точно никто звать не собирается.

Продолжив рассказ, Алланон поведал друзьям о своей давней дружбе с этим добродушным народом, о том, как они делились с ним своими секретами, когда он жил среди них по несколько месяцев. Он заверил Мениона, что сторы вылечат братьев от любого недуга. Они самые лучшие целители на свете, и он вовсе не случайно взял их с собой, когда возвращался через Анарский лес на встречу с отрядом у Нефритового перевала. О странных событиях на перевале Алланон узнал от одного насмерть перепуганного карлика, повстречавшегося ему на тропе на окраине Сторлока. Бедолага был уверен, что духи священных земель вырвались на свободу, чтобы уничтожить их всех. Тогда-то Алланон и попросил сторов отправиться вместе с ним на поиски друзей, опасаясь, что те могли сильно пострадать при переходе через перевал.

— Я и не подозревал, что та тварь, чье присутствие я ощутил в долине Вольфсктаага, настолько разумна, чтобы снять метки после моего ухода, — сердито признался историк. — Но я должен был догадаться и оставить другие подсказки, чтобы вы наверняка прошли мимо опасного места. Хуже того, я миновал Нефритовый перевал в начале дня, совершенно не сообразив, что вечером карлики соберутся задабривать горных духов. Кажется, я по-настоящему вас подвел.

— Все мы виноваты, — заявил Балинор, хотя Менион, который молча прислушивался к их разговору, был явно другого мнения. — Будь мы все более осторожными, ничего этого бы не произошло. Но сейчас важнее всего вылечить Ши

с Фликом и отыскать Хенделя раньше, чем до него доберутся карлики.

Некоторое время все шагали молча, подавленные и слишком уставшие, чтобы задумываться о будущем, сосредоточившись лишь на том, чтобы переставлять ноги, одну за другой, и мечтая об отдыхе в безопасном селении сторов. Казалось, тропе не будет конца и она будет вечно виться среди деревьев Анарского леса; вскоре четверо измученных путников уже потеряли всякое ощущение времени и пространства, от долгой бессонницы притупился разум. Ночь медленно умирала, на востоке неожиданно появились первые проблески зари, а дорога все не кончалась. Только через час показались огни зажженных в деревне сторов сигнальных костров, выхватывая из темноты мрачные силуэты деревьев, плотным кольцом окружавших измученных путников. Внезапно друзья обнаружили, что стоят посреди деревни, в окружении похожих на привидения сторов в одинаковых белых балахонах. Карлики смотрели на людей печальными немигающими глазами, провожая усталых путников к одному из низких строений.

Оказавшись под крышей, все четверо молча рухнули на приготовленные для них мягкие постели, не в силах даже умыться и раздеться. Через мгновение все, кроме Мениона, уже спали, только принц Лиха отчаянными усилиями сопротивлялся цепким объятиям долгожданного сна, затуманенным взором высматривая в комнате Алланона. Не увидев историка, он с большой неохотой выбрался из уютной кровати и устало доковылял до закрытой двери, которая, как он смутно припоминал, вела в смежную комнату. Тяжело привалившись к двери и плотно прижав ухо к щели между дверью и косяком, он прислушался к разговору между историком и сторами. В дурманящем полусне до него доносились короткие обрывки фраз о Ши и Флике. Станные маленькие человечки заверяли Алланона, что юношей излечит отдых и особые снадобья. Затем дверь в смежной комнате внезапно отворилась, чтобы впустить еще несколько человек, их взволнованные испуганные голоса сливались в один невнятный гул. Звучный голос Алланона с ледяной решимостью обобщал всех.

— Что ты узнал? — спросил он. — Стучилось самое страшное?

— В горах кого-то схватили, — последовал робкий ответ. — Когда все закончилось, было невозможно даже понять, кто это был. Его разорвали в клочья!

«Хендель!»

Потрясенный даже в сонном дурмане, горец заставил себя оттолкнуться от двери и заковылял обратно к ждущей его постели, не в силах поверить услышанному. Глубоко в душе разверзлась бездонная пропасть. Бессильные слезы ярости рванулись наружу, но не успели добраться до сухих глаз и так и застыли на полпути, когда принц Лиха провалился наконец в спасительный сон.

Глава 13

Когда Ши наконец открыл глаза, день был в разгаре. Оглядевшись, он обнаружил, что лежит на удобной длинной кровати, на чистых простынях, укрытый теплыми одеялами, а вместо походной одежды на нем свободный белый балахон с завязками на шее. На соседней кровати спал Флик, его еще недавно смертельно бледное лицо снова обрело румянец и безмятежность. Они находились в небольшой комнате с оштукатуренными стенами, под потолком тянулись длинные деревянные балки. За окном юноша видел деревья Анара и сияющее синевой послеполуденное небо. Он понятия не имел, как долго пробыл без сознания, что успело произойти за это время и как он очутился в этом незнакомом месте. Но Ши точно знал, что тварь с Вольфсктаагских гор едва не убила его и что они с Фликом обязаны товарищам жизнью. Вдруг в дальнем конце маленькой комнаты скрипнула дверь, и вошел взволнованный Менион Лих.

— Вижу, ты вернулся в мир живых, старина. — Горестно-нерешительно улынулся, подходя к кровати Ши. — Напугал ты нас изрядно!

— Но теперь все уже позади. — Ши счастливо улыбнулся звукам знакомого насмешливого голоса.

Менион быстро кивнул и повернулся к кровати Флика, тот слегка зашевелился под одеялами и начал просыпаться. Медленно открыв глаза, Флик в нерешительности замер, увидев над собой усмехающееся лицо горца.

— Я так и знал, все слишком хорошо, чтобы быть правдой,— застонал он.— Даже после смерти мне от него не избавиться. Это настоящее проклятие!

— Ну, старина Флик совершенно выздоровел.— Менион коротко засмеялся.— А я-то надеялся, он оценит, какого труда нам стоило всю дорогу тащить его тяжеленную тушу.

— Я буду не я, если ты вдруг начнешь честно трудиться,— пробормотал Флик, усиленно моргая и протирая мутные от сна глаза. Взглянув на улыбающегося брата, он улыбнулся в ответ и коротко взмахнул рукой.

— А кстати, где мы? — поинтересовался Ши, с усилием садясь на кровати. Он все-таки был еще слаб.— И сколько я был без сознания?

Менион присел на край постели и пересказал всю историю их путешествия, начиная с того момента, когда они спаслись от твари из долины. Он рассказал братьям о переходе до Нефритового перевала и о том, как они обнаружили там карликов, как придумали план пройти мимо них незамеченными и что получилось в результате. Дойдя до страшной гибели Хенделя, который пожертвовал своей жизнью ради спасения остальных, он чуть запнулся. Потрясенные, братья выслушали рассказ об отважном гноме и его чудовищной смерти от рук разъяренных карликов. Менион быстро досказал все остальное, поведав, как они скитались по Анарскому лесу, пока не натолкнулись на Алланона и странный народец, именуемый сторами, как эти сторы вылечили их раны и привели сюда.

— Эта земля называется Сторлок,— завершил он свой рассказ.— Живут здесь карлики, которые посвятили себя исцелению больных и раненых. Они удивительные. У них есть такая мазь, что если ее нанести на открытую рану, то рана на глазах затягивается и заживает за двенадцать часов. Я сам видел, как исчезла рана Дазля.

Ши недоверчиво покачал головой и хотел было расспросить Мениона подробнее, но тут дверь снова открылась и вошел Алланон. Ши никогда не видел мрачного скитальца таким счастливым, искренняя открытая улыбка оживляла его

обычно утрюмое лицо. Алланон быстро подошел к ним и удовлетворенно кивнул.

— Я чрезвычайно рад, что вы оба поправились. Меня серьезно беспокоило ваше состояние, но, кажется, сторы превосходно справились со своей работой. Как по-вашему, у вас хватит сил, чтобы встать и немного пройтись, а может, и перекусить?

Ши вопросительно взглянул на Флика, и оба кивнули.

— Что ж, отлично, тогда ступайте вместе с Менионом и испытайте свои силы,— предложил историк.— Очень важно, чтобы вы как можно скорее окрепли и мы смогли снова тронуться в путь.

Не произнеся больше ни слова, Алланон вышел, мягко прикрыв за собой дверь. Друзья смотрели ему вслед, не понимая, почему он продолжает оставаться таким подчеркнуто холодным по отношению к ним. Менион пожал плечами и объявил, что попробует найти их одежду, которую унесли в чистку. Он ушел и скоро вернулся с их походной одеждой, после чего братья, покачиваясь, выбрались из постелей и оделись, пока Менион продолжал свой рассказ о сторах. Горец признался, что сначала не доверял новым знакомым, потому что они карлики, но все его опасения быстро испарились, когда он увидел их заботу о раненых друзьях. Все остальные участники похода проспали до позднего утра, а проснувшись, разбрелись по селению, наслаждаясь короткой передышкой на пути в Паранор.

Вскоре трое приятелей вышли из комнаты и пошли в соседнюю постройку, которая служила деревенской столовой; там гостям подали щедрый горячий обед, способный усмирить их проснувшийся аппетит. Несмотря на раны, оба брата с удовольствием уплели по несколько блюд. Когда они насытились, Менион вывел их на улицу, где друзья встретили бодрых и отдохнувших Дьюрина и Даэля, которые были счастливы видеть выздоравливающих братьев. Менион предложил всем вместе дойти до южной окраины деревни и полюбоваться на чудесный Голубой пруд, о котором ему утром рассказывали сторы. Они добрались до небольшого пруда за

несколько минут и уселись на берегу под раскидистыми плакучими ивами, в молчании глядя на безмятежную голубую поверхность воды. Менион рассказал друзьям, что большинство своих мазей и снадобий стору замешивают на воде из этого пруда: говорят, в ней содержатся целебные вещества, которых нет нигде в мире. Попробовав воду, Ши обнаружил, что вкус ее совершенно необычный, но очень приятный. Остальные тоже попробовали и одобрительно закивали. Голубой пруд был таким мирным и спокойным, что какое-то время они просто сидели, позабыв об опасном путешествии и думая лишь о далеком доме и родных.

— Этот пруд напоминает мне о Белеале, моем родном селении в Западных землях. — Дьюрин задумчиво улыбнулся, рисуя пальцами по воде одному ему понятные знаки. — Там царит такой же покой.

— Ты и глазом моргнуть не успеешь, как мы вернемся, — пообещал Даэль и прибавил пылко, почти по-мальчишески: — А потом я женюсь на Линлисс, и у нас будет много детей.

— Не вздумай! — решительно заявил Менион. — Оставайся холостяком и проживешь счастливо.

— Ты не видел ее, Менион, — горячо продолжал Даэль. — Она не похожа ни на одну девушку — нежная, добрая, красивая и такая же чистая, как этот пруд.

Менион в притворном отчаянии покачал головой, легонько хлопнул хрупкого эльфа по плечу и понимающе улыбнулся. Несколько минут все молчали, со смешанными чувствами глядя на голубое зеркало пруда. Затем Ши вопросительно посмотрел на приятелей.

— Как по-вашему, мы правильно поступаем? Я говорю о походе. Думаете, игра стоит свеч?

— Странно слышать такие речи от тебя, Ши, — задумчиво проговорил Дьюрин. — Ведь, насколько я понимаю, ты потерял больше всех нас, отправившись в этот поход. Но без тебя вся затея была бы бессмысленна. Неужели ты не чувствуешь, что дело того стоит?

Ши немного подумал, пока остальные молча смотрели на него.

— Нечестно задавать ему такой вопрос, — кинулся защищать брата Флик.

— Нет, честно, — сурово возразил Ши. — Все они рискуют ради меня жизнью, а я твержу о своих сомнениях. Но я даже сам не могу ответить на свои вопросы, потому что до сих пор многого не понимаю. Мне кажется, мы просто не всё знаем.

— Я понимаю, о чем ты говоришь, — согласился Менион. — Алланон что-то скрывает от нас. И вообще, в этой легенде о мече Шаннары много загадок.

— А кто-нибудь видел этот меч? — вдруг спросил Даэль. Все отрицательно замотали головами. — Может, и нет никакого меча...

— Меч-то, конечно, есть, — быстро вставил Дьюрин. — Но что нам с ним делать, когда мы его найдем? Как Ши сможет противостоять силе Повелителя чародеев, пусть даже с мечом Шаннары?

— Остается надеяться, что Алланон расскажет нам все, когда придет время, — произнес чей-то голос.

Этот голос не принадлежал ни одному из пятерых, и все резко развернулись, с облегчением выдохнув, когда говорившим оказался Балинор. Глядя на возвышающегося над ними принца Каллахорна, Ши мысленно задавался вопросом, почему все они испытывают необъяснимый страх перед Алланоном. Балинор приветливо улыбнулся Ши и Флику и присел рядом с компанией.

— Что ж, кажется, мы все-таки не зря потрудились, преодолевая Нефритовый перевал. Рад видеть вас живыми и здоровыми.

— Мне жаль Хенделя, — сказал Ши и тут же почувствовал, как неуклюже прозвучали его слова. — Я знаю, вы были близкими друзьями.

— Тогда не было другого выхода, — негромко ответил Балинор. — Он знал, на что идет, и понимал, как это опасно. И сделал это ради нас всех.

— А что будет дальше? — спросил Флик, чуть помедлив.

— Сейчас Алланон решает, как лучше преодолеть остаток пути, — ответил Балинор. — Да, еще раз повторяю о сво-

ем полном доверии к нему. Это замечательный, выдающийся человек, хотя временами может показаться странным. Нам он сообщает только то, что мы, по его мнению, должны знать, но, поверьте мне, ему приходится труднее всех нас. Не судите об Алланоне сторяча.

— Ты знаешь, что он рассказал нам не все, — простодушно заявил Менион.

— Я уверен, что он рассказал нам лишь часть истории, — кивнул Балинор. — Но только он понял, какая опасность грозит всем четырем землям. Мы многим обязаны ему, и доверие — лишь самое меньшее, чем мы можем отплатить.

Все медленно кивали, соглашаясь скорее из уважения к принцу, а не потому, что его доводы сумели их убедить. А Менион, с тех пор как узнал о бесстрашии и доблести Балинора, всецело доверял ему и даже считал своим командиром. Больше о подозрительном поведении мрачного историка они не вспоминали, а снова завели разговор о гостеприимных столах, их родстве с карликами и долгой прочной дружбе с Алланоном. Солнце клонилось к закату, когда неожиданно появился сам Алланон и присоединился к посиделкам у пруда.

— После того как я закончу, я хочу, чтобы оба Омсфорда отправились спать. Полагаю, всем остальным тоже не повредят несколько часов сна. Вскоре после полуночи мы отправляемся в путь.

— Не слишком ли скоро, ведь Ши и Флик еще очень слабы? — осторожно спросил Менион.

— Ничего не могу поделать, горец. — Мрачное лицо Алланона казалось черным даже в закатном солнце. — Мы и без того задержались. Если о нашем походе или даже о нашем пребывании в Анарских лесах станет известно Повелителю чаролеев, он попытается немедленно спрятать меч, а без меча наш поход просто бесцельная прогулка.

— Мы с Фликом готовы идти, — решительно произнес Ши.

— А какой дорогой пойдем? — спросил Балинор.

— Сегодня ночью мы пройдем через равнины Рабб, переход займет часа четыре. Если повезет, нас никто не увидит на открытом пространстве, хотя я совершенно убежден, что по-

сланники Черепа ищут не только Ши, но и меня. Остается только надеяться, что они не проследили наш путь до Анара. Я не говорил вам раньше, у вас и без того забот хватало, но каждый раз, когда вы используете эльфийские камни, Брона и его ищейки знают, где вы находитесь. Любое существо из потустороннего мира способно почувствовать могущество камней и предупредить хозяина о магической силе, сравнимой с его собственной.

— Так, значит, когда мы пользовались камнями в Туманной топи... — в ужасе воскликнул Флик.

— Вы с точностью сообщили посланникам Черепа, где находитесь, — договорил за него Алланон со своей раздражающей улыбкой. — Если бы вы потом не заблудились в тумане и в Черных Дубах, они схватили бы вас прямо там.

Когда Ши понял, насколько близки они были к смерти и, сами того не подозревая, приманивали к себе тварей, которых боялись больше всего на свете, его пробил ледяной озноб.

— Если вы знали, что камни привлекают существ из мира призраков, почему не предупредили нас? — сердито спросил он. — Если пользоваться ими так опасно, зачем вы велели прибегать к их помощи в опасную минуту?

— Вас предупреждали, мой юный друг, — медленно проговорил Алланон ворчливым тоном, который всегда означал, что терпение историка на исходе. — Без этих камней вы стали бы жертвами иных, не менее опасных, существ. Кроме того, в них самих заключена защита от крылатых тварей.

Повелительным жестом он отмел дальнейшие расспросы, чем еще больше разозлил Ши и посеял в душе юноши новые подозрения. Видя лицо Ши, наблюдательный Дьюрин успокаивающе похлопал его по плечу и предостерегающе покачал головой.

— Если мне будет дозволено вернуться к более насущным делам, — заговорил Алланон уже более спокойным тоном, — я продолжу излагать свой план на ближайшие несколько дней и прошу меня не перебивать. К рассвету мы пересечем равнины Рабб и подойдем к подножию Драконьих Зубов. В этих горах нас никто не найдет. Но перейти через них и добраться

до лесов, окружающих Паранор, будет нелегко. Все известные перевалы через Драконьи Зубы будут тщательно охраняться союзниками Повелителя чародеев, а всякая попытка преодолеть горы, минуя перевалы, наверняка погубит нас. Поэтому мы пойдем через горы дорогой, которую никто не станет охранять.

— Погоди-ка! — в изумлении воскликнул Балинор. — Не собираешься же ты вести нас через Усыпальницу королей!?

— Другого пути пройти незамеченными нет. Мы войдем в Зал королей на рассвете и, миновав горы, к закату будем уже в Параноре, оставив стражников с носом.

— Но если верить летописям, никому еще не удалось пройти через эти пещеры и остаться в живых! — вмешался Дьюрин, придя на помощь Балинору, тоже явно несогласному с планом историка. — Никто из нас не боится живых, но в этих пещерах обитают духи мертвых, и только мертвые могут ходить там безнаказанно. Живым вход туда запрещен!

Балинор медленно наклонил голову в знак согласия, остальные лишь испуганно переглядывались. Менион и братья Омсфорд никогда раньше не слышали о месте, которого, судя по всему, смертельно боялись все остальные. В ответ на последние слова Дьюрина Алланон загадочно усмехнулся, глаза под косматыми бровями еще больше потемнели, хищно блеснули белоснежные зубы.

— Ты не вполне прав, Дьюрин, — ответил он, выждав минуту. — Я сам проходил через Зал королей и знаю, что это возможно. Разумеется, такой поход не будет легкой прогулкой. В пещерах действительно обитают духи умерших, и именно поэтому Брона уверен, что живым вход туда запрещен. Но моей силы будет довольно, чтобы защитить всех нас.

Менион Лих никогда не слышал о загадочных пещерах, куда даже такой смельчак, как Балинор, не торопится входить, но чувствовал, что страхи эти появились неспроста. Тем более что в Туманной Топи и Вольфсктааге он уже встретился наяву с тем, что раньше презрительно называл бабушкиными сказками и небылицами. Сейчас его больше занимал вопрос, какой же силой должен обладать человек, обещающий

провести их через пещеры под Драконьими Зубами и защитить от духов мертвых.

— Все наше путешествие — сознательный риск, — снова заговорил Алланон. — Еще до начала пути мы знали, какие опасности ждут нас. Вы хотите повернуть назад или мы пойдем до конца?

— Мы пойдем за тобой, — заявил Балинор после минутного колебания. — Ты сам это знаешь. Ради великого меча стоит рискнуть.

Алланон чуть улыбнулся, переводя пристальный взгляд глубоко посаженных глаз с одного лица на другое, наконец остановился на Ши. Взгляд историка проникал в самые сокровенные мысли юноши, замечая, казалось, все потаенные сомнения, которые тот пытался скрыть, но Ши выдержал пронизывающий взгляд не дрогнув, хотя сердце его прыгало от страха и неуверенности.

— Очень хорошо. — Алланон мрачно кивнул. — А теперь ступайте отдыхать.

Он резко развернулся и пошел обратно в деревню сторов. Балинор поспешил за ним, очевидно собираясь подробнее расспросить о новом походе. Остальные смотрели им вслед, пока оба не скрылись из виду. Затем, словно очнувшись, Ши заметил, что уже почти стемнело: солнце медленно исчезало за горизонтом и последние светлые лучи тонули в багровеющем небе. На мгновение все застыли в немом ожидании, потом молча встали и пошли в тихую деревню, чтобы до полуночи немного поспать.

Ши показалось, что не успел он закрыть глаза, как чья-то сильная рука грубо затрясла его, пробуждая ото сна. По темной комнате заплесал слепящий свет факела, Ши беспомощно заморгал и прищурил сонные глаза. С трудом просыпаясь, он разглядел решительное лицо Мениона Лиха и по беспокойному взгляду друга понял, что пришло время отправляться в путь. Пошатываясь и дрожа в холодном ночном воздухе, он встал и, после минутного колебания, начал торопливо одеваться. Флик уже проснулся и был почти одет, в жутковатой полноточной тишине его невозмутимое лицо показалось

Ши самым желанным зрелищем. Ши вновь почувствовал себя сильным, долгий и опасный переход через равнины Рабб и неприступные горы больше не пугал его, юноша знал, что дойдет до конца, чего бы это ни стоило.

Вскоре трое друзей уже шли через спящую деревню, чтобы встретиться с остальными членами отряда. В темноте чернели контуры домов, неуклюжими кубиками выделяясь на фоне безлунного ночного неба, затянутого густыми облаками, лениво плывущими в неведомые дали. Для перехода по открытой равнине ночь была самой подходящей, и Ши даже воодушевился при мысли, что шпионам Повелителя чародеев придется немало потрудиться, выслеживая их. По дороге он обратил внимание, что их легкие охотничьи сапоги ступают по сырой земле почти беззвучно. Казалось, сама природа помогала им.

Возле западной окраины деревни их уже ждали все, не было только Алланона. Во мраке ночи Дьюрин и Даэль казались бестелесными призраками; чутко вслушиваясь в звенящую тишину, братья молча расхаживали вокруг, их хрупкие силуэты легкими тенями скользили в полночном сумраке. Когда Ши проходил рядом, ему снова бросились в глаза ярко выраженные эльфийские черты братьев — чудные заостренные уши и словно нарисованные карандашом дуги бровей, удивленно вздернутые к вискам. Неужели другие разглядывают его с таким же изумлением, как он сам сейчас смотрит на братьев, подумал Ши. Неужели эльфы действительно совсем иные существа? И снова он задумался об истории эльфийского народа, которую Алланон называл весьма примечательной, но так ничего и не рассказал. История эльфов была и его историей, теперь Ши наверняка знал то, о чем всегда догадывался. Ему хотелось узнать о них больше, хотя бы для того, чтобы лучше понимать себя и легенду о мече Шаннары.

Он посмотрел на высокого широкоплечего Балинора, застывшего, словно статуя, в стороне, черты его лица скрывала темнота. Присутствие Балинора в отряде, без сомнения, было большой удачей. Его надежность и несокрушимая уверенность передавались остальным и добавляли им храбрости. Даже Алланон не внушал таких чувств, хотя Ши догады-

вался, что могущество историка неизмеримо выше. Вероятно, Алланон, с его удивительной способностью проникать в суть вещей, знал о благотворном влиянии Балинора на людей и взял его с собой за это ценное качество.

— Именно так, Ши. — Мягкий голос прозвучал у самого уха, и Ши испуганно подскочил от неожиданности, когда завернутый в черный плащ историк прошел мимо и жестом позвал за собой остальных. — Мы должны отправиться в путь под прикрытием темноты. Держитесь вместе, не теряйте из виду идущего впереди. И никаких разговоров.

Ограничившись этим скудным напутствием, мрачный великан повел свой отряд в Анарский лес по узкой тропинке, уходящей от Сторлока строго на запад. Ши двигался след за след за Менионом, от только что пережитого испуга сердце бешено колотилось; он лихорадочно вспоминал все свои прошлые встречи с таинственным великаном и снова мучился ужасными подозрениями. Когда в следующий раз Алланон окажется рядом, твердил себе Ши, он будет скрывать свои мысли, каких бы трудов это ни стоило.

Западной оконечности Анарского леса и равнины Рабб отряд достиг раньше, чем предполагал Ши. Несмотря на черноту ночного неба, братья Омсфорд скорее чувствовали, чем различали маячившие вдали зловещие горы; не говоря ни слова, они коротко переглянулись и снова встревоженно уставились в темноту. Алланон вел отряд через пустую равнину, не останавливаясь и не сбавляя шага. Впереди простиралась совершенно плоская земля, полностью лишенная естественных преград, да и признаков жизни тоже. По дороге попадались лишь невысокие деревца и похожие на скелеты чахлые кустики без единого листочка. Твердая как камень почва была такой сухой, что местами растрескалась и теперь зияла длинными неровными изломами. Путники шли в полной тишине, настороженно прислушиваясь и высматривая в темноте малейшую опасность, но ничего вокруг не смущало ночного покоя. Лишь однажды, на третьем часу пути по равнине Рабб, Дазль резко взмахнул рукой, будто уснул в темноте какой-то звук. Все бросились на землю и на несколько томительных минут замерли в ожидании, но ничего не проис-

ходило. Наконец Алланон пожал плечами, жестом приказал всем построиться, и отряд зашагал дальше.

Перед самым рассветом путники добрались до подножия гор; черное ночное небо по-прежнему затягивали облака, когда они остановились возле мрачных вершин, которые, словно гигантские шипы, преградили им дорогу. Даже после долгого перехода Ши и Флик были полны сил и тут же одними жестами показали остальным, что готовы идти дальше без отдыха. Алланон явно и не намеревался останавливаться, словно боялся опоздать на условленную встречу. Он решительно направился к зловещим горам по каменистой тропинке, постепенно уходящей все выше, к небольшой расщелине в скале. С любопытством вертя головой, Флик на ходу рассматривал неровные вершины гор, мерцавших в темноте по обе стороны узкой тропы. Название Драконы Зубы как нельзя лучше подходило этим горам.

Они подходили все ближе к расселине, горы словно смыкались у них за спиной. А впереди уже виднелись другие, более высокие горы, и преодолеть их могли только птицы. Ши на миг замешкался, поднимая с земли небольшой обломок скалистой породы, и пошел дальше, с интересом разглядывая находку. К его изумлению, у камня оказалась ровная, словно зеркальная, поверхность, похожая на стекло, а глубокий черный цвет напомнил Ши уголь, которым топили печи в некоторых южных поселениях. Только этот камень был намного прочнее, как если бы уголь спрессовали и отполировали. Ши передал камень Флику, тот бросил на него быстрый взгляд, без всякого интереса пожал плечами и выбросил осколок.

Тропинка начала извиваться между завалами огромных валунов, из-за которых путники перестали видеть окружающие горы. Они довольно долго петляли между каменными глыбами, по-прежнему поднимаясь к расселине, а их суровый командир, казалось, начисто забыл, что никто из членов отряда понятия не имеет, куда они направляются. Наконец в скалах показался просвет, в нем виднелись лишь возвышающиеся вокруг горы, и стало ясно, что они стоят у входа в рас-

селину, а тропа вот-вот оборвется, либо повернет вниз, либо уйдет внутрь горы. Неожиданно Балинор негромким свистом нарушил молчание, и все остановились. Он коротко переговорил с Дьюрином, который шел рядом с воином от самого подножия гор, а затем спешно подошел к Алланону и остальным, лицо его было встревожено.

— Дьюрин уверен, что за нами по тропе кто-то идет! — сообщил он взволнованно. — На этот раз никаких сомнений — кто-то следит за нами.

Алланон мельком взглянул на ночное небо. Худое лицо его выражало сильную тревогу, темные брови хмурились. Он с сомнением посмотрел на Дьюрина.

— Я уверен, там кто-то есть, — подтвердил эльф.

— Мне нельзя задерживаться здесь, чтобы разбираться самому. Я должен попасть в долину до восхода солнца, — резко заявил Алланон. — Кто бы там ни был, задержите его, пока я не закончу, это жизненно важно!

Ши еще ни разу не слышал, чтобы Алланон говорил о чем-нибудь с таким жаром, он заметил, как вытянулись лица у Мениона и Флика, как они обменялись испуганными взглядами. Наверное, в долине Алланона действительно ждали неотложные дела.

— Я останусь, — вызвался Балинор, вынимая из ножен длинный меч. — Ждите меня в долине.

— Я не оставлю тебя одного, — быстро проговорил Менион. — Я тоже останусь, на всякий случай.

Балинор коротко улыбнулся и одобрительно кивнул горцу. Алланон на мгновение задержал на нем взгляд, словно собирался возразить, но затем согласно кивнул и жестом велел остальным следовать за собой. Братья-эльфы с готовностью зашагали по тропе вслед за рослым вожаком, и только Ши с Фликом неуверенно топтались на месте, пока Менион не махнул им, чтобы уходили. С тяжелым сердцем оставляя друга, Ши помахал в ответ и побрел вслед за остальными, слишком хорошо понимая, что ничем не сможет помочь, даже если останется. Лишь однажды он оглянулся и увидел, как оба воина затаились в скалах напротив друг друга по обочи-

нам узкой тропы, в слабом свете звезд тускло поблескивали клинки мечей, а темные охотничьи плащи сливались с тенями от камней.

Вслед за Алланом четверо путников пробирались между горами камней к прорезавшей утес расселине, поднимаясь все выше, к границе загадочной долины. Совсем скоро они уже стояли на кромке низины, с изумлением глядя на то, что открывалось их глазам. Все дно и склоны долины были сплошь завалены беспорядочными горами валунов и обломками скал, такими же черными и блестящими, как тот камешек, который подобрал Ши на тропе, и под этими обломками не было видно земли. Кроме камней в долине можно было разглядеть лишь небольшое озерцо с тускло поблескивавшей зеленовато-черной водой, поверхность озера лениво кружилась, словно живя собственной жизнью. Странное движение воды завораживало. В воздухе не чувствовалось ни ветерка, который мог бы вызвать эту неспешную рябь. Ши взглянул на молчаливого Аллана и поразился, увидев странное сияние, исходящее от его смуглого зловещего лица. Казалось, мысли высокого странника унеслись далеко-далеко, а его взгляд, устремленный на странное озеро, наполнился непонятной тоской.

— Это Сланцевая долина, преддверие Зала королей и пристанище духов разных эпох, — вдруг вырвался из могучей груди его звучный раскатистый голос. — А озеро называется Преисподней, его воды губительны для смертных. Вы спуститесь со мной в долину, но дальше я пойду один.

Не дожидаясь ответа, он начал медленно спускаться по склону, уверенно ступая по оползающим камням и не сводя глаз с озера. Все замороженно шло следом, чувствуя, что именно здесь единственное место четырех земель, где Алланон настоящий повелитель, и именно здесь должно случиться что-то очень важное. Даже не понимая, откуда в нем такая уверенность, Ши не сомневался, что этот странник, историк, философ и мистик, который провел их через бесчисленные опасные преграды к одному ему понятной цели, загадочный незнакомец, известный им под именем Алланон, наконец-то пришел домой. Вскоре они были уже на дне Сланцевой доли-

ны, там Алланон внезапно остановился и повернулся к своим спутникам.

— Ждите меня здесь. Что бы ни случилось, не ходите за мной. Не двигайтесь с этого места ни на шаг, пока я не вернусь. Там, куда я отправляюсь, только смерть.

Все замерли на месте, глядя, как Алланон идет по каменистому дну долины к берегу таинственного озера. Его высокая темная фигура двигалась размеренно, ни на шаг не отклоняясь от выбранного пути, широкий черный плащ слегка развевался от ходьбы. Ши бросил быстрый взгляд на Флика, напряженное лицо брата выдавало страх перед неизвестностью. Поддавшись минутной слабости, Ши чуть не бросился бежать из этого ужасного места, но тут же опомнился и взял себя в руки. Он порывисто прижал руку к груди, с облегчением ощущая успокаивающую тяжесть маленького мешочка с эльфийскими камнями. От их близости становилось легче, хотя он и сомневался, что волшебные камни сумеют совладать с силами, не подвластными Алланону. Ши встревоженно посмотрел на товарищей, глядящих вслед удаляющейся фигуре, и увидел, что Алланон уже достиг берега Преисподней и остановился, словно в ожидании. Мертвящая тишина, казалось, сдавила всю долину. Не сводя глаз с темной фигуры, неподвижно застывшей у края воды, молодые люди молча ждали.

Алланон медленно воздел к небу руки из широких складок огромного черного плаща, и на глазах у изумленных зрителей зеленоватое озеро вспенилось и забурлило в бешеном негодовании. Вся долина тяжко содрогнулась, словно некая тайная, до сих пор спавшая жизнь вдруг пробудилась. Перепуганные смертные беспомощно озирались вокруг, с трепетом ожидая, что в следующую минуту отвратительное чудовище с каменной пастью, которое умело притворялось мирной долиной, проглотит их. Алланон спокойно стоял на берегу, когда в середине озера яростно вскипела вода и к темным небесам взметнулось облако брызг, с пронзительным шипением вырываясь из глубин к долгожданной свободе. Внезапно в ночном воздухе родился протяжный стон, словно непрощенный гость, стоящий у кромки воды, нарушил сон заточенных

здесь душ. Четверо друзей, застыв от ужаса на краю долины, почувствовали, как нечеловеческие, леденящие кровь голоса смерти врезаются в мозг, безжалостно высасывая последние капли храбрости и оставляя взамен лишь холод и страх. Не в силах двигаться, говорить, даже думать, так они и стояли, словно каменные изваяния, а звуки призрачного мира налетали на них и прокатывались сквозь сознание, принося весть о том, что лежит за гранью жизни и за пределами понимания.

И вдруг, под низкий рокот, исходящий, казалось, из самого сердца земли, среди хора отвратительных голосов, озеро разверзлось и в центре водоворота, из черных глубин возник силуэт старца, согбенного временем. Призрачная бледная фигура распрямилась в полный рост и застыла на поверхности озера, высокое худое тело старика тускло мерцало, как и вода под его ногами. Флик побелел как полотно. Он больше не сомневался, что последние минуты их пребывания на этом свете скоро истекут. А у края воды, как и прежде недвижно, стоял Алланон, опустив худые руки; черный плащ плотно облегал его застывшую, как статуя, фигуру, лицо странника было обращено к парящей перед ним бледной тени. Казалось, они беседуют, однако в нескончаемом многоголосье безумного хора мертвецов, яростно взлетающем в ночном сумраке всякий раз, когда рожденный Преисподней старик поднимал руку, невозможно было различить ни слова. Несколько коротких мгновений длился этот безмолвный разговор и завершился, когда призрак внезапно развернулся к зрителям, вскинул тощую истерзанную руку и указал на них. Ши кожей ощутил леденящее дыхание, пробирающее до самых костей, и понял, что в эту минуту его коснулась сама смерть. Затем бледный дух отвернулся и, махнув на прощание рукой Алланону, медленно погрузился в темные воды Преисподней и исчез. Едва призрак скрылся из виду, как вода вновь медленно вспенилась, стоны и крики взрезали ночь с новой, исступленной силой, потом сменились протяжным скорбным воплем и наконец стихли. Поверхность озера вновь стала гладкой и спокойной, и люди остались одни.

Уже на востоке пробивались первые лучи солнца, когда высокая черная фигура на берегу вдруг слегка покачнулась и рухнула на землю. Четверо друзей замерли от неожиданности, но после секундного колебания бросились к своему командиру, поскальзываясь и спотыкаясь на шатких камнях. Подбежав к Алланону, они встревоженно склонились над ним, не зная, что делать дальше. Наконец Дьюрин протянул руку и осторожно потряс неподвижное тело, позвав Алланона по имени. Ши начал растирать его огромные, холодные как лед мертвенно-бледные ладони. Все ужасно перепугались, но уже через несколько минут Алланон слабо пошевелился и открыл глаза. Сначала он молча разглядывал взволнованные лица перед собой, потом медленно сел, а все остальные опустили на корточки рядом.

— Должно быть, напряжение было слишком велико, — еле слышно пробормотал он, потирая лоб. — Потерял сознание, когда связь с ним оборвалась. Сейчас мне уже лучше.

— Кто это был? — быстро спросил Флик, он ужасно боялся, что бледное существо снова появится.

Алланон, казалось, задумался над его вопросом, пристально глядя перед собой, лицо его судорожно подергивалось.

— Потерянная душа, давно забытая этим миром и обитающими в нем людьми, — произнес он печально. — Он сам обрек себя на такую полужизнь-полусмерть, которая может длиться вечность.

— Не понимаю, — произнес Ши.

— Сейчас это неважно. — Алланон резко отмахнулся от вопроса. — Несчастный призрак, с которым я говорил, — тень Бремена, того друида, что когда-то сражался с Повелителем чародеев. Мы говорили о мече Шаннары, о нашем походе в Паранор и о судьбе, которая нас ждет. Сказал он немного и лишь о том, что судьба наша решится очень не скоро. Судьба всех, кроме одного.

— Что это значит? — робко спросил Ши.

Алланон с трудом поднялся на ноги, молча оглядел долину, словно убеждаясь, что встреча с призраком Бремена завершена, затем развернулся к взволнованным молодым людям, ждущим ответа.

— Непросто сказать такое, однако вы прошли долгий путь и заслужили право знать. От призрака Бремена, заточенного в преддверии ада, я услышал два пророчества о судьбе нашего отряда. Первое — через две зари мы увидим меч Шаннары. Но если верить второму его пророчеству — один из нас не перейдет через перевал Драконьих Зубов. Зато он первым коснется священного клинка.

— Все равно не понимаю, — признался Ши после минутного размышления. — Ведь мы уже потеряли Хенделя. Наверное, призрак говорил о нем.

— Ты ошибаешься, мой юный друг! — печально вздохнул Алланон. — Когда призрак делал свое последнее предсказание, он указал на вас четверых. А это значит, кто-то из вас не дойдет до Паранора!

Менион Лих затаился за валунами у тропинки, ведущей наверх, к Сланцевой долине, и терпеливо дожидался таинственного преследователя, который шел за ними до самых Драконьих Зубов. С другой стороны тропы, невидимый в сумраке теней, замер принц Каллахорна, рука его лежала на рукояти меча, тускло посверкивающего меж камней. Менион тоже взялся за меч и вгляделся в темноту. Ничто не нарушало ночную тишину. Тропа была видна футов на пятнадцать, потом делала резкий поворот и скрывалась за грудой огромных валунов. Прошло не меньше получаса, но никто не появлялся, несмотря на горячие заверения Дьюрина о слежке. Менион вдруг испугался при мысли о том, что загадочное существо, крадущееся за ними, может оказаться посланником самого Повелителя чародеев, а если так, то ему ничего не стоит взмыть в воздух, миновать их засаду и добраться до остальных. От этой мысли он вздрогнул и уже хотел подать знак Баллинору, когда его внимание вдруг привлек неожиданный шорох на тропе. Он немедленно вжался в скалы.

Судя по совершенно отчетливому звуку, кто-то поднимался по извилистой тропинке, неспешно шагая между громадными валунами в тусклом свете близкой зари. Кто бы ни был этот таинственный путник, он явно не подозревал о ждущей его засаде, более того — шел совершенно открыто и даже не

пытался спрятаться. Через несколько секунд смутный силуэт возник на тропе прямо под их укрытием. Менион отважился высунуться из-за камней, и на один короткий миг путник своей приземистой фигурой и шаркающей походкой вдруг напомнил ему Хенделя. Он взялся за рукоять меча, не торопясь обнаружить себя. План нападения был прост — выскочить перед носом у незванного гостя и перегородить ему дорогу наверх. А Балинор тем временем отрежет ему путь к отступлению.

С быстротой молнии горец вылетел из-за камней и оказался лицом к лицу с таинственным преследователем, поднял меч, громко приказывая ему остановиться. Незнакомец низко наклонился, и в его могучей руке тускло блеснула огромная железная булава. Через мгновение взгляды соперников схлестнулись, руки сами собой опустились, а из груди принца Лиха вырвался восторженный крик.

— Хендель!

Балинор вышел из тени как раз в тот миг, когда радостный Менион с диким воплем кинулся обнимать невысокого крепыша, нисколько не скрывая своего счастья. Принц Каллахорна с облегчением убрал меч в ножны, улыбнулся и изумленно покачал головой, глядя, как горец в восторге насккивает на отбивавшегося от него и что-то бубнящего гнома, которого они считали мертвым. Первый раз с тех пор, как они миновали Нефритовый перевал в Вольфсктааге, Балинор почувствовал веру в успех, теперь он знал наверняка, что придет день и все они увидят меч Шаннары в Параноре.

Глава 14

С холодной, угрюмой решимостью заря разливалась над широкими хребтами и пиками Драконьих Зубов, и не было в ее свете ни радости, ни очарования нового утра. Тепло и блеск восходящего солнца полностью поглощали низко висящие облака и клубы тяжелого тумана, намертво зависшие меж мрачными вершинами гор. С неистовой силой над голыми скалами дули ветра, проносясь по каньонам и разломам, огибая склоны и хребты, врезаясь в жалкую растительность и до хруста сгибая деревья, но непостижимым образом оставляя неподвижными плотные облака и густой туман. Завывания ветра напоминали несмолкаемый рев океана, когда тяжелые волны грузно накатывают на пустой берег; странный гул плотно окутывал голые вершины, и вскоре его ровное роптание уже казалось тишиной. Вместе с порывами ветра взмывали ввысь и падали птицы, и в воздухе разносились их приглушенные вскрики. Животных на такой высоте почти не встречалось, лишь горные козы сбивались в небольшие стада да маленькие пушистые мыши прятались в самых глубоких трещинах в скале. Воздух был не просто холодный, а обжигающе-ледяной. Снег на вершинах Драконьих Зубов не таял никогда; несмотря на смену времен года, тепло редко навешало эти мрачные высоты.

Широкой грядой тянулись исполинские горы, упираясь в свод неба. Казалось, в блеклой хмари раннего утра вершины замерли в загадочном ожидании, и отважная восьмерка из Кулхейвена, продвигаясь все глубже в холодный серый су-

мрак, не могла отделаться от тревожного ощущения. И не только зловещее пророчество Бремена было тому виной, даже не скорая попытка войти в запретный Зал королей. Словно заключенная в этой пустынной скалистой земле коварная сила, преисполненная к ним мстительной ненависти, терпеливо ждала, пока путники глубоко увязнут в исполинских горах, отделяющих от мира древнее королевство Паранор. Неровной цепочкой двигались они под мгlistым небосводом на север, зябко кутаясь в шерстяные плащи и наклонив головы, чтобы уберечься от колючего ветра. Склоны и расселины были усыпаны шаткими обломками камней, прорезанными скрытыми от глаз трещинами, отчего каждый неверный шаг таил в себе смертельную опасность. То и дело кто-нибудь из путников оступался и падал, осыпaeмый дождем пыли и каменных обломков. Однако существо, таящееся в этой земле, не торопилось явить себя, довольствуясь тем, что его присутствие просто обнаружено и теперь остается только терпеливо ждать, пока страх перед неведомым не вымотает восьмерых путников. И вот тогда охотники превратятся в добычу.

Ждать пришлось недолго. Исподволь, но с неослабевающей силой сомнения вгрызались в их уставший разум, рождаясь из потаенных страхов, которые каждый хранил в уголках своей души. Каждый из них, отгороженный друг от друга холодом и реющим ветром, оказался в своем крошечном мирке, и разобщенность еще больше усиливала и без того растущее дурное предчувствие. Лишь Хендель оставался спокойным и невозмутимым. Замкнутый и угрюмый, он был на чистоту лишен сомнений и угрызений совести, а недавнее спасение от разъяренных карликов на Нефритовом перевале лишило его, во всяком случае на время, всякого страха смерти. Лишь опыт и природное чутье спасли его от неминуемой гибели. Карлики наступали на него со всех сторон, распаленные своей ненавистью, они бесстрашно штурмовали склон, и остудить их гнев могла только кровь. Хендель проворно скользнул назад и затаился между скалами Вольфсктаага; неподвижно лежа в кустах, он хладнокровно выжидал, пока карлики не расползутся во все стороны, высматривая его, и

один из них окажется в пределах досягаемости. Через несколько секунд ничего не подозревавшая жертва была оглушена и наряжена в гномью одежду, а Хендель уже громко звал на помощь. Возбужденные погоней карлики в наступившей темноте разглядели только плащ и разорвали на куски своего собрата, так и не узнав его. А Хендель тем временем отсиделся в укрытии и на следующий день перебрался через перевал. Удача снова улыбнулась опытному воину.

Однако братья Омсфорд и эльфы не обладали таким хладнокровием и невозмутимостью. Пророчество призрака Бремена потрясло их. Казалось, слова гостя из Преисподней снова и снова звучали в голове, сливаясь с завываниями высокогорного ветра. Одному из них было суждено погибнуть. И пусть пророчество звучало несколько иначе — смысл его угадывался безошибочно. Никто из них не хотел мириться с ужасным будущим. Необходимо было во что бы то ни стало помешать словам призрака сбыться.

Склоняясь под яростными порывами ветра, идущий далеко впереди Алланон снова и снова думал о встрече в Сланцевой долине. В сотый раз размышлял он о странном разговоре с призраком старого друида, обреченного скитаться у врат ада, пока не будет уничтожен Повелитель чародеев. Однако не встреча с печальным призраком беспокоила Алланона. Ужасное знание, погребенное глубоко под слоем самых мрачных мыслей, тревожило историка. Зацепившись ногой за выступ скалы, он едва не упал, однако сумел сохранить равновесие. Парящий кругами ястреб пронзительно заклекотал в сером небе и стремительно пронесся в вышине, скрывшись за дальним хребтом. Друид чуть обернулся назад, глядя, как растянувшийся в цепочку отряд пытается его нагнать. Не только пророчество услышал он от печального призрака Сланцевой долины. Но Алланон не рассказал тем, кто так верил ему, всей правды, как не рассказал им и всей истории легендарного меча Шаннары. Глубоко посаженные глаза таинственного странника горели от сдерживаемого гнева; вынужденный скрывать правду и ненавидя себя за это, он даже едва не поддался минутному порыву рассказать друзьям все.

Ведь они поверили ему и вручили свои жизни. Однако миг прошел, и Алланон прогнал прочь горькие мысли. Нужда важнее истины.

Серое утро лениво сменил серый день, а горная гряда все не кончалась. Вершины и склоны возникали и исчезали за спиной, от их унылого однообразия усталым путникам казалось, что они топчутся на месте. Впереди, на фоне затянутого туманом северного небосклона тянулась гнетущая череда высоких пиков, сливаясь в непроходимую каменную стену. Вскоре они вошли в широкую расселину, которая резко уходила вниз к извилистой тропинке, протянувшейся между двумя громадными утесами и исчезающей в густом тумане. Алланон повел их прямо в клубящуюся мглу, горизонт исчез, ветер внезапно стих. Тишина навалилась неожиданно и сразу, словно сквозь толщу камня проник тихий голос и стал нашептывать ослепшим в тумане путникам слова предостережения. Затем ущелье немного расширилось, туман рассеялся до легкой дымки, и из него показалось высокое, похожее на вход в пещеру, отверстие в скале, от которого начинался извилистый проход.

Они стояли перед входом в Зал королей.

Жуткий и величественный, он вселял благоговейный трепет. По обе стороны черного прямоугольника входа высились огромные, вырезанные в скале каменные статуи. Безмолвные часовые в полных боевых доспехах строго глядели из сумрака, сжав рукояти огромных мечей, упиравшихся в землю. Суровые бородатые лица неумолимых каменных стражей прорезали трещинки от времени и ветров, а вот глаза казались почти живыми и настороженно вглядывались в восьмерых смертных, которые застыли на пороге древнего зала. Над величественным входом читались высеченные в скале три слова на древнем и давно забытом языке, слова предупреждения тем, кто осмелится войти в усыпальницу мертвых. За огромным зияющим проемом в скале царил мрак и тишина.

Алланон подозвал их поближе к себе.

— Много лет назад, еще до Первой войны рас, некие идопоклонники, происхождение которых теряется в веках,

были жрецами богов смерти. В этих пещерах они погребали монархов четырех земель вместе с их семьями, слугами, любимыми вещами и большей частью нажитых богатств. Появилась легенда, будто бы в этих каменных чертогах могут находиться только мертвые и жрецы, коим дозволено видеть умерших правителей. Все остальные, кто осмеливался входить сюда, пропадали бесследно. С годами поклонение мало-помалу прекратилось, однако зло, обитающее в Зале королей, продолжает жить, слепо служа жрецам, кости которых давным-давно погребены в земле. Лишь немногие проходили через...

Внезапно он замолчал, увидев в глазах слушателей немой вопрос.

— Да, я проходил через Зал королей, единственный в нынешнюю эпоху, а теперь пройдете и вы. Я друид, последний из живущих на земле. Как Бремен и Брона до него, я изучал черную магию, я чародей. Я не обладаю могуществом Властелина тьмы, но смогу благополучно провести нас через эти пещеры на другую сторону Драконьих Зубов.

— А что за ними? — прозвучал из тумана тихий вопрос Балинора.

— Узкая, прорезанная в скале тропа, ее прозвали Морщиной Дракона, она поможет нам сойти вниз. А у подножия гор мы увидим Паранор.

Повисло долгое неловкое молчание. Алланон знал, о чем они думают, но все же продолжил:

— За этим входом бессчетное число переходов и закоулков, настоящий лабиринт для тех, кто не знает дороги. Одни из них опасны, другие нет. Сначала мы попадем в туннель сфинксов, громадных статуй, вроде этих часовых. Сфинксы — полулюди-полузвери. Стоит заглянуть им в глаза, и немедленно превратишься в камень. Поэтому вам придется идти с завязанными глазами. А еще вы все обяжетесь веревкой. Но самое главное — думать вы должны только обо мне, потому что воля сфинксов, их мысленные приказы настолько сильны, что они смогут заставить вас сорвать повязку и посмотреть им в глаза.

Все испуганно переглянулись. Они уже сомневались, что все эти предосторожности помогут им уцелеть.

— После сфинксов будет несколько безопасных переходов, они приведут нас в Коридор ветров, населенный невидимыми существами, названными банши в память о легендарных призраках. Живут там всего лишь голоса, но голоса эти сводят смертных с ума. Вам придется заткнуть уши, чтобы защититься от них, но главное — снова сосредоточиться на мне, позволить моему разуму оградить вас от истинной силы этих голосов. Вы должны полностью довериться мне и не сопротивляться. Все понятно?

Ответом ему были семь едва заметных кивков.

— После Коридора ветров мы попадем в Усыпальницу королей. За ней останется последнее испытание...

Алланон замолчал и обратил усталый взгляд на вход в пещеру. Еще мгновение все ждали, что он все-таки договорит, но историк молча махнул рукой, приглашая их переступить порог темной пещеры. Они неловко топтались между каменными изваяниями, серый туман заволакивал высокие утесы, а перед ними, словно пасть неведомого хищного чудовища, зиял черный проем. Алланон извлек широкие матерчатые повязки и раздал своим спутникам. Все обвязались длинной веревкой, первым поставили легконогого Дьюрина, принца Каллахорна, как всегда, встал замыкающим. Повязки надежно закрепили на глазах, потом все взялись за руки, образуя живую цепочку, и спустя мгновение осторожно вошли в Зал королей.

В пещере висела глухая тишина, воюющий снаружи ветер внезапно стих, а их шаги по каменному полу отдавались гулким эхом, отчего тишина казалась бездонной. Пол каменной галереи оказался неожиданно гладким и ровным, зато холод, который столетиями гнезился в этих древних, не знающих света камнях, быстро просочился в напряженные мышцы путников, вызывая озноб и дрожь. Все молчали и послушно шли за Алланоном, который осторожно вел их по плавным изгибам поворотов. Идущий в середине цепочки Ши чувствовал, как крепко в кромешной темноте сжимает его руку Флик. По-

сле ухода из Тенистого Дола они стали гораздо ближе друг к другу, пережитые вместе тяготы пути связали их крепче, чем братские узы. И какое бы будущее ни ждало их, Ши знал, что эта связь никогда не порвется. Как не забудет он и того, что сделал для него Менион. Подумав о принце Лиха, Ши вдруг поймал себя на том, что улыбается. За последние дни горец так переменился, что стал едва ли не другим человеком. Конечно, прежний Менион никуда не исчез, но появились в нем незнакомые раньше серьезность и глубина. Впрочем, все они, Менион, Флик да и сам Ши, изменились за эти дни, хотя невнимательный взгляд мог и не заметить этих перемен. А увидел ли Алланон произошедшие в нем перемены, вдруг подумал Ши, ведь мрачный историк всегда обращался с ним как с ребенком, не воспринимая всерьез.

Все неуверенно остановились, и в звенящей тишине раздался властный голос друида, он безмолвно шептал в мозгу у каждого: «Помните мои наставления, сосредоточьте свои мысли на мне, думайте только обо мне». Живая цепочка двинулась дальше, и по каменному полу прокатилось гулкое эхо шагов. И тотчас же путники с повязками на глазах ощутили чье-то молчаливое присутствие, кто-то внимательно наблюдал за ними, терпеливо ожидая их приближения. Мгновения сменяли друг друга, и все глубже в пещеру забирался небольшой отряд. Они уже знали, что по обе стороны тропы возвышаются огромные неподвижные фигуры, высеченные из камня статуи с головой человека и телом припавшего к земле неведомого зверя. Сфинксы. Мысленным взором люди видели их глаза, горящие за тускнеющим образом Алланона, и ощутили, как трудно стало думать только о друиде. Непреклонная воля каменных чудовищ вторгалась в разум, обвиняя и стягивая разрозненные мысли, неотвратимо приближая миг, когда человеческие глаза встретятся с их безжизненным взглядом. Каждый чувствовал стремительно растущее желание сорвать спасительную повязку, избавиться от темной завесы и свободно взглянуть в глаза удивительных созданий, молчаливо взирающих на них сверху вниз.

И вот, когда уже казалось, что настойчивый шепот сфинксов сломит решимость слабеющих людей и окончательно от-

влечет их мысли от тающего образа Алланона, их мозг прорезал его острый как бритва зов, беззвучно обращенный к ним: «Думайте только обо мне!» Мучительно освобождаясь от почти непреодолимого желания взглянуть в каменные глаза, они подчинились безмолвному приказу. Странный поединок не прекращался ни на минуту, пока истекающие потом и сипло дышащие в темноте люди медленно проходили через запутанный лабиринт невидимых статуй; связанные одной веревкой и крепко держась за руки, они шли вперед, подчиняясь властному голосу Алланона. Никто не потерял связи с ним. Устремив взгляд в каменный пол, друид уверенно вел их сквозь вереницу сфинксов, его неукротимая воля боролась за разумы лишенных возможности видеть подопечных. Постепенно каменные изваяния начали редеть, пока наконец последний сфинкс не растворился во мраке, и смертные остались одни в полной тишине.

Они двинулись дальше. Живая цепь змеилась по длинным изогнутым коридорам, затем снова остановилась, и тихий голос Алланона прорвался в черноту, приказывая всем снять повязки. Путники подчинились, хотя и неохотно, оказалось, что они находятся в узком туннеле, где от шершавых камней исходил странный зеленоватый свет. Разглядывая искаженные таинственным свечением лица друг друга, они спешили убедиться, что все на месте. Темный силуэт друида беззвучно проскользнул вдоль связки, Алланон тщательно проверил веревку и напомнил, что Коридор ветров еще впереди. Вспомнив наставления Алланона о губительных голосах невидимых банши, они заткнули уши матерчатыми шариками и обвязали сверху снятыми с глаз повязками, после чего снова крепко взялись за руки.

Медленно продвигались они в тусклом зеленом свечении по узкому туннелю, едва слыша звук собственных шагов. Больше мили тянулся тесный коридор, потом резко обрывался, вливаясь в огромный, непроницаемо темный зал. Каменные стены раздвинулись, потолок взлетел так высоко, что почти исчез из виду, и путники остались одни посреди таинственного темного пространства, лишь гладкий пол пещеры внушал некую уверенность, что земля не растворилась без

остатка. Алланон уверенно, не колеблясь ни секунды, вел их сквозь тьму.

Внезапно в тишине родился звук. Его невыносимая ярость застала путников врасплох, и на какое-то мгновение всех охватила паника. Первый вскрик перерос в чудовищный рев, словно голоса тысячи ветров объединились в порыве бешеной злобы. И вдруг сквозь ужасный шум прорвался наполненный болью хор страдающих душ, искаженные мукой голоса тех, кто испытал все мыслимые и немыслимые мучения и потерял всякую надежду на спасение. Рев перешел в пронзительный визг и достиг высот, от которых рассудок смертного переходит за грань безумия. Жуткие звуки захлестывали горстку слабых людей, выражая их собственное отчаяние, неумолимо заползая внутрь и отрывая истерзанные нервные окончания, словно полоски кожи, в стремлении добраться до самых костей.

Это длилось лишь миг. В следующий миг их ждала неминуемая смерть. Но вновь могучая воля Алланона пришла на помощь неспособным сопротивляться близкому безумию людям, он прорвался сквозь завесу сводящего с ума звука, успокаивая и вселяя уверенность. Перед их мысленным взором возникло угрюмое смуглое лицо, твердый голос властно отчеканил: «Успокойтесь, думайте только обо мне», и постепенно визг и рев утихли и слились в странное ровное гудение. То и дело спотыкаясь, семеро машинально переставляли ноги в непроглядной тьме туннеля, чувствуя, как их разум медленно возвращается к спасительному берегу. Стены коридора дрожали от еще слышного крика, огромные камни угрожающе ворчали. В последний раз голоса банши достигли запредельных высот, захлебываясь в бессильной ярости и вновь отчаянно пытаясь прорваться сквозь стену подсознания, возведенную могучим разумом друида, однако стена не шелохнулась, сила голосов иссякла и упала до мертвящего шепота. В следующий миг проход снова сузился, и отряд покинул Коридор ветров.

Потрясенные, с залитыми потом лицами, они молча застыли, когда Алланон приказал им остановиться. Пытаясь хоть немного привести в порядок растерзанные мысли, они

сняли с поясов веревку и развязали повязки. В небольшой пещере, где находились путники, они увидели огромные каменные двери, окованные железом. Стены излучали то же таинственное зеленоватое свечение. Алланон терпеливо ждал, пока все окончательно придут в себя, затем позвал их за собой. Перед каменными дверьми он остановился. Повинуясь слабому мановению худой руки, тяжелые створки медленно открылись. Зычный голос друида прозвучал шепотом в тишине.

— Зал королей.

Более тысячи лет ни одна живая душа, кроме Алланона, не входила в эту тайную усыпальницу. Никто не тревожил покой огромной круглой пещеры с толстыми гладкими стенами с потолком, мерцающим все тем же зеленоватым светом. Вдоль круглых стен с гордым, независимым видом, вероятно, отличавшим их и при жизни, стояли каменные изваяния покойных правителей, все они смотрели в центр пещеры, на странный алтарь в виде свернувшейся кольцами змеи. Перед каждой статуей были сложены сокровища усопшего: бочонки и сундуки с золотыми монетами и драгоценными камнями, меха, оружие, любимые безделушки. В стене за статуями виднелись запечатанные прямоугольные отверстия, за которыми покоились останки правителей, их домохозяев и слуг. Надписи на склепах рассказывали об истории погребенных здесь королей, но не всегда зачарованные путники могли прочесть вырезанные на камне надписи, сделанные на незнакомых языках. Чарующий зеленоватый свет заливал пещеру, отчего и металл, и камень тоже казались зелеными. Все здесь покрывал толстый слой мелкой каменной крошки, она накапливалась столетиями и теперь поднималась облачками пыли от шагов хребцов, потревоживших вековой сон могильного склепа. Тысячу лет никто не осмеливался смущать тишину древней усыпальницы. Никто не вмешивался в ее тайны, не пытался отпереть двери, оберегавшие мертвецов и их сокровища. Никто, кроме Алланона. И вот теперь...

Ши никак не мог унять дрожь. Далекий тихий голос в голове назойливо шептал, что он не должен был приходить сю-

да. И не потому, что Зал королей священен и недоступен. А потому, что живым не место в мавзолее. Вздвогнув от прикосновения чьей-то руки к своему плечу, он обернулся и увидел Алланона. Друид неодобрительно оглядел юношу, потом тихо позвал остальных. Когда все подошли, Алланон негромко заговорил.

— За теми дверьми находится Ассамблея. — Он взглядом указал на противоположную сторону ротонды, и все увидели еще одни каменные двери, они были закрыты. — По каменной лестнице мы спустимся к большому пруду, его питает глубокий подземный источник под горой. У подножия лестницы, на самом берегу пруда находится Погребальный костер, возле этого сакрального места покойные монархи лежали определенное количество дней, в зависимости от положения и богатства, пока их души не переходили в иной мир. Нам придется пройти мимо, чтобы попасть в коридор, который затем выведет нас к Морщине Дракона по другую сторону гор.

Он помолчал и тяжело вздохнул.

— Прежде, когда я проходил через эти пещеры, мне удалось скрыть свое присутствие от существ, которые убивают незваных гостей. Спрятать вас всех я не смогу. В Ассамблее обитает нечто, чья сила, быть может, превосходит мою. Хотя оно и не заметило меня в прошлый раз, я отчетливо ощутил его присутствие где-то в глубине заводи. Так вот. От лестницы ведут две дорожки, они огибают пруд с обеих сторон и ведут к туннелю за Ассамблеей. Эти дорожки — единственный способ миновать пруд. Существо, охраняющее Погребальный костер, нападет на нас именно там. Когда мы окажемся в зале, Балинор, Менион и я пойдем по левой дорожке и выманит тварь из ее убежища. Когда существо нападет на нас, Хендель выведет остальных по правой дорожке в туннель. Не останавливайтесь, пока не окажетесь у Морщины Дракона. Все поняли?

Они медленно кивнули. У Ши появилось странное чувство, будто его поймали в ловушку, но говорить он ничего не стал. Алланон выпрямился во весь свой семифутовый рост и зловеще усмехнулся, сверкнув крепкими зубами. Ши ощу-

тил, как меж лопаток пробежал противный холодок, и уже не в первый раз обрадовался, что друид не числит его среди своих врагов. С резким металлическим звоном Балинор легким движением вынул из ножен меч. Хендель уже шел через зал, крепко сжимая в руке тяжелую булаву. Менион пошел было за ним, но задержался, с сомнением взглянув на груды сокровищ, сложенных возле гробниц. Что, если прихватить парочку, ведь покойникам все равно? Братья Омсфорд и оба эльфа уже ушли вслед за Хенделем и Балинором. Остался лишь Алланон, он стоял и смотрел на горца, скрестив руки на груди. Менион обернулся и вопросительно посмотрел на друида.

— Я бы на твоём месте не стал, — предостерег тот кратко. — Здесь все пропитано ядом, он проникает через кожу; стоит лишь дотронуться — и через минуту ты уже мертв.

Менион недоверчиво посмотрел на него, бросил быстрый взгляд на сокровища и послушно кивнул. Он уже прошел половину пещеры, когда, поддавшись внезапному порыву, вдруг выхватил из колчана две длинные черные стрелы и направился к ближайшему раскрытому сундуку с золотыми монетами. Стараясь ничего не касаться, он осторожно потер о них наконечники стрел. Улыбнувшись довольной улыбкой, Менион торопливо догнал остальных. Что ж, почему бы не испытать действие яда на том, кто ожидает их за каменной дверью? Все тесным кругом обступили Алланона, холодный блеск мечей чуть рассеивал полумрак пещеры. Тишину нарушало лишь настороженное дыхание восьмерых смельчаков, застывших в ожидании перед закрытыми воротами. На мновение Ши обернулся и еще раз посмотрел на Зал королей. Усыпальница казалась не потревоженной, если не считать неровной цепочки следов на запыленном полу. В зеленоватом свете еще клубилась, медленно оседая на древний пол, вековая пыль, взбитая ногами чужаков. Пройдет время, и все следы пребывания смертных в этом царстве покоя исчезнут под новым слоем белого покрова.

От прикосновения Алланона каменные створки дверей открылись, и отряд тихо вошел в Ассамблею. Переступив по-

рог, они оказались на высокой площадке, которая упиралась в просторный альков, от алькова вела вниз широкая лестница. За ней глазам изумленных зрителей открывалась огромная пещера, величественное нерукотворное создание самой природы, представшее во всем своем первозданном блеске. С высокого потолка свисали зубчатые сталактиты, каменные сосульки, тысячелетиями создаваемые водой и минералами. Под этими причудливыми изваяниями поблескивал продолговатый пруд с темно-зеленой водой и гладкой, словно зеркало, поверхностью. С нависающего над прудом каменного выступа упала тяжелая капля воды, и по недвижной глади разошлась мелкая рябь, но уже вскоре заводь снова была спокойной и безмятежной. Люди осторожно двинулись к краю площадки, глядя сверху на высокий каменный алтарь, установленный у подножия лестницы перед прудом, его древняя поверхность была покрыта царапинами, выбоинами и кое-где почти выкрошилась. Пещеру тускло освещали неровные вспышки света, урывками проходящего сквозь каменные стены, отчего в древнем зале царило мрачное зловещее мерцание.

Когда друзья начали медленно спускаться по ступеням, они заметили, что на каменной поверхности алтаря высечено одно слово. «Валт» — это слово из древнего языка карликов означало «смерть». От звука шагов по огромной пещере прокатилось тихое эхо. Больше тишину ничто не нарушало, все кругом было окутано саваном древности и покоя. Спустившись по длинной лестнице, они остановились, нерешительно глядя на зеркало пруда. Затем Алланон нетерпеливо махнул Хенделю и его подопечным направо, а сам вместе с Менионом и Балинором быстро свернул на левую дорожку. Любая оплошность теперь могла оказаться смертельно опасной. Идя вдоль пруда, Ши смотрел, как с другой стороны, мимо шершавой каменной стены, медленно движутся три фигуры, держась как можно дальше от кромки воды. Поверхность пруда, как и прежде, была мирной, но, лишь когда они прошли уже половину пути, Ши наконец задышал ровнее.

И вдруг недвижная гладь темного пруда взорвалась и из глубины появилось похожее на змею чудовище. Омерзитель-

ная тварь, казалось, заполнила собой огромную пещеру, блестящее от слизи тело взметнулось под потолок, сбивая древние сталактиты. Яростный вопль прокатился по каменным залам. Массивное тело извивалось и дергалось, поднимаясь из воды, длинные передние лапы со смертоносными когтями хватали воздух, громадные челюсти громко шелкали, обнажая ряды острых почерневших клыков. Среди наростов и шипов на уродливой голове красным огнем горели круглые застывшие глаза. Змеиную кожу чудовища покрывали слизь и ил, быть может, из самой преисподней. Из пасти сочилась слюна, капала в воду, и от поверхности поднимались струйки пара. С неукротимой ненавистью тварь шипела и сверкала глазами на идущих по дорожке троих людей. Внезапно, широко разинув пасть, она испустила оглушительный кровожадный вопль и ринулась в наступление.

Яростная атака чудовища не застала их врасплох. С резким отрывистым свистом прозвенел меткий лук Мениона, и в раскрытую пасть монстра одна за другой впились отравленные стрелы. От боли тварь попятилась, и на помощь принцу Лиха тотчас подоспел Балинор. Бросившись к краю водоема, широкоплечий воин с силой рубанул по выставленной передней лапе чудища. Но, к его изумлению, длинный меч лишь оставил на чешуе легкую царапину, соскользнув по толстому слою слизи. Другой лапой чудовище замахнулось на врага, и только в последнюю секунду Балинору удалось увернуться. На противоположной стороне пруда Хендель быстро продвигался к открытому коридору впереди, подталкивая бегущих перед ним братьев Омсфорд и эльфов. Вдруг кто-то из них нажал потайную пластину, и спасительный выход с громким стуком закрыла огромная каменная плита. Напрасно Хендель наваливался мощным телом на неожиданную преграду — она не двигалась с места.

Грохот камня привлек внимание чудовища. Прервав сражение с Менионом и Балинором, монстр живо развернулся к врагам помельче, и, если бы не гном, история на этом и закончилась бы. Забыв о каменной преграде впереди и о собственной безопасности, он отважно принял вызов и обрушил увесистую булаву на голову чудовища. Сильнейший удар

пришелся точно в горящий ненавистью глаз. От боли змей взмыл вверх и закачался из стороны в сторону, с яростной силой врезаясь в зубчатые сталактиты. Огромные обломки породы засыпали всю пещеру. От внушительного удара по голове упал Флик, а у кромки воды, погребенный под градом камней, неподвижно лежал Хендель. Остальные трое вжались в каменную стену за спиной, в ужасе глядя на зависшего над ними змея.

И тогда настал черед Алланона. Он протянул вперед костлявые руки, и вдруг все увидели, как на кончиках его пальцев появились маленькие светящиеся шарики. Неожиданно с них сорвались струйки ослепительного голубого пламени и ударили в голову разъяренного чудовища. Мощный удар застал тварь врасплох, она яростно дергалась над кипящими водами пруда, крича от боли и злости. Быстро пройдя по дорожке вперед, друид атаковал во второй раз, голубое пламя вновь устремилось к голове взбешенного монстра. От второго удара чудовище отшвырнуло к стене, и там, от его неистовых конвульсий, плита, закрывавшая выход из пещеры, немного сдвинулась. Ши с эльфами едва успели оттащить с дороги Флика, иначе массивное тело монстра раздавило бы его. Услышав громкий хруст сдвигаемой плиты, они отчаянно закричали товарищам на другой стороне пруда. Едва тварь снова оказалась рядом, Балинор тщетно попытался ударить ее мечом, но сила голубого огня Алланона была так велика, что тварь, все еще оглушенная, так яростно размахивала головой, что достать до нее было очень трудно. Алланон не спускал с чудовища глаз, и только Менион слышал отчаянный вопль друзей с противоположного берега и тут же махнул им в сторону открытого прохода. Дазль с Ши подхватили Флика и потащили его к проему в стене. Дьюрин побежал было за ними, но остановился, заметив Хенделя, распростертого под грудой каменных обломков. Развернувшись, эльф кинулся к краю пруда, схватил гнома за безжизненную руку и тщетно попытался вытащить его из-под каменного завала.

— Уходи! — заревел Алланон, увидев эльфа рядом с открывшимся проходом.

Тем временем змей, пока на него никто не смотрел, нанес ответный удар. Мощным движением когтистой лапы он отшвырнул Балинора, с силой впечатав его в стену пещеры. Менион отважно встал перед чудовищем, но тут же от мощного удара отлетел далеко в сторону, перевернувшись в воздухе. Но главной целью израненного зверя был высокий человек в черном плаще, и тварь пустила в ход свое последнее оружие. Увидев, что желанная добыча осталась без поддержки, змей открыл сочащуюся слоной пасть и выплюнул могучий столб пламени, поглотивший друида. Увидев это, Дьюрин громко вскрикнул от ужаса. Ши с Дазлем, уже стоявшие перед входом в туннель, в немом оцепенении смотрели, как высокую фигуру охватывают языки пламени. Но не успели все опомниться, как огонь погас, и перед изумленными взглядами предстал Алланон, целый и невредимый. Он вскинул руки, и струи голубого пламени с ужасающей силой ударили в голову чудовища, от чего покрытый отвратительной слизью монстр взвился и завертелся над вскипевшей водой. От потревоженного пруда поднялись огромные клубы пара и, смешавшись с пылью и дымом, густым туманом застили поле битвы.

Внезапно из тумана вынырнул Балинор и встал рядом с Дьюрином; плащ его был истрепан и разорван, кольчуга сплюснута и изрезана, по лицу стекали струйки пота и крови. Вдвоем они вытащили Хенделя из-под каменного завала. Принц Каллахорна мощной рукой закинул недвижимое тело гнома на плечо и жестом велел Дьюрину идти вперед ко входу в туннель, где Ши с Дазлем все еще пытались привести в чувство Флика. Балинор велел им поднять беднягу и, не дожидаясь, пока они исполнят приказ, исчез в темноте туннеля с Хенделем на плече, крепко сжимая свободной рукой огромный меч. Братья-эльфы торопливо подняли Флика и направились к туннелю, но Ши медлил, обеспокоенно высматривая Мениона. Еще недавно мирная пещера являла собой ужасное зрелище — стены изуродовали трещины и разломы, ряды вековых сталактитов были разбиты, дорожки превратились в завалы из камней, а из булькающего пруда валил пар, смешиваясь со столбами пыли. У расколотой стены бился в агонии

огромный змей, его израненное тело превратилось в сплошное месиво из чешуи и крови. Ни Алланона, ни Мениона нигде не было видно. Неожиданно они появились из густой пелены. Менион немного прихрамывал, но крепко сжимал в руках лук и меч Лиха, черный плащ Алланона был изорван, лицо историка покрывал слой золы. Не говоря ни слова, друид махнул Ши, приказывая идти вперед, и все трое пролезли в полуоткрытый проем в стене.

То, что произошло потом, все помнили смутно. Собрав последние силы, измученный отряд торопливо шел по темному туннелю, с двумя ранеными на руках. Время тянулось мучительно медленно, и все же выход появился неожиданно для всех — жмурясь от яркого послеполуденного солнца, они стояли на краю отвесного утеса. Справа извивалась Морщина Дракона, уводя вниз к открытой холмистой местности. Неожиданно гора зловеще загудела, содрогаясь у них под ногами. Алланон немедленно приказал всем спускаться по узкой тропе. Впереди пошел Балинор с Хенделем на руках, следом за ним двинулся Менион Лих. Затем — Дьюрин и Даэль, они несли Флика. За эльфами ступал Ши, и замыкал отряд Алланон. Зловещий гул в сердце горы не смолкал. Маленький отряд медленно спускался по узкой тропе, петлявшей среди зубчатых выступов и неожиданных завалов, приходилось то и дело прижиматься к каменной поверхности, чтобы не потерять равновесие и не упасть на скалы внизу. Морщина Дракона не зря получила свое название. Бесконечные изгибы и повороты требовали полной сосредоточенности и осторожности, если путники хотели благополучно добраться до подножия, а непрерывные толчки делали спуск еще опаснее.

Они прошли совсем немного по ненадежной тропе, когда до их ушей донесся раскатистый грохот, перекрывший бормотание горы. Ши, вместе с Алланоном, шел последним и не сразу понял, откуда доносится сильный гул, пока, обогнув острый выступ в скале и развернувшись на север, не увидел точно напротив огромный водопад. Мощные каскады воды с оглушительным грохотом падали в реку далеко внизу, широкий поток неся меж горными цепями, спускался по стремнинам и уходил на восток к равнине Рабб. Могучая река мча-

лась как раз под тем выступом, где стоял Ши, бурлящая вода взбивала белую пену, разбиваясь о стены гор, зажимавших реку с двух сторон. Словно замороженный, Ши мгновение любовался величественным зрелищем, а потом поспешил вниз по тропе, подчиняясь приказу Алланона. Остальной отряд ушел далеко вперед и уже почти скрылся из виду.

Ши успел отойти от выступа на сотню футов, когда внезапный толчок, сильнее всех предыдущих, сотряс гору до самого основания. Неожиданно участок тропы, где он стоял, обвалился и соскользнул вниз по склону, унося с собой несчастного юношу. Увидев, что его сносит к крутому скалистому выступу и падение в ущелье неминуемо, Ши испуганно закричал и попытался устоять на ногах. Глядя, как Ши отчаянно балансирует на шатком выступе в облаке пыли, Алланон бросился к нему.

— Хватайся за что-нибудь! — взревел друид. — Держись!

Ши махал руками, тщетно пытаясь зацепиться за поверхность скалы, и лишь на самом краю выступа сумел ухватиться за торчащий над пропастью камень. Всем телом он вжимался в почти отвесную скалу, не осмеливаясь лезть наверх, руки его едва не отрывались от напряжения.

— Держись, Ши! — подбадривал его Алланон. — Я брошу веревку. Не двигайся!

Алланон окликнул ушедший вперед отряд, но Ши так и не узнал, смогли бы они его спасти. Когда друид закричал о помощи, гора дернулась во второй раз, от нового толчка юноша потерял свою ненадежную опору и начал сползать вниз прежде, чем успел сообразить, что происходит. Отчаянно размахивая руками и ногами, он стремительно вошел в бурные потоки текущей внизу реки. Алланон беспомощно наблюдал, как юноша с сокрушительной силой ударился о воду, вынырнул на поверхность и его понесло на восток, к равнинам, подбрасывая и крутя на волнах словно пробку, пока он не скрылся из виду.

Глава 15

Флик Омсфорд молча стоял у подножия Драконьих Зубов и смотрел в пустоту. Догорающие лучи вечернего солнца заливали светом его крепкую фигуру, на остывающие скалы за спиной легла тень. Он прислушивался к звукам вокруг, к тихим голосам друзей, к пронзительным крикам птиц в лесу. На мгновение он мысленно услышал бодрый голос Ши и вспомнил, как храбро встречал брат все опасности, которые довелось им пережить вместе. А теперь Ши пропал, быть может даже погиб, унесенный безымянной рекой на равнины за горами, которые они с таким трудом преодолели. Он осторожно потер голову, чувствуя тупую ноющую боль в том месте, куда ударил обломок скалы, лишивший его сознания и возможности помочь, когда брат больше всего нуждался в нем. Они были готовы встретить смерть от рук посланников Черепа, погибнуть от меча рысующих по лесу карликов и даже навсегда остаться в Зале королей. Но примириться с тем, что все закончится лишь по случайной прихоти природы, заставшей их на узкой тропе горного перевала, было слишком тяжело. Сердце Флика разрывалось от жгучей боли, слезы отчаяния душили его, но даже сейчас он не мог заплакать. Сжимаясь в комок от боли и гнева, он чувствовал лишь безмерную пустоту.

Менион Лих, напротив, в отчаянии метался в нескольких шагах от Флика; скорчившись, как от болезненной раны, горец быстро ходил взад-вперед. Бессильная злоба захлестывала его мысли, так бесится пойманный в клетку зверь, ли-

шенный надежды на бегство, которому только и остается, что собственная гордость и ненависть к мучителям. Менион знал, что ничем не может помочь другу. Однако знание это не умаляло чувства вины за то, что его не оказалось рядом в роковой момент, когда выступ утеса оборвался и Ши упал в бурлящую реку. Быть может, окажись он рядом с другом в ту злополучную минуту, то сумел бы помочь. Впрочем, несмотря на досаду, Менион понимал, что друид ни в чем не виноват и сделал все, чтобы спасти юношу. Сердясь на себя и на весь мир, Менион мерил поляну размашистыми шагами, глубоко зарываясь в землю острыми каблуками сапог. Он отказывался признать, что поход окончен и придется смириться с поражением именно сейчас, когда меч Шанна-ры был почти у них в руках. Остановившись, он снова подумал о мече. Горец по-прежнему не верил, что обычный человек, почти мальчишка, смог бы выстоять против Повелителя чародеев. Но теперь, после гибели Ши, им этого все равно не узнать. Казалось, все вмиг лишилось смысла, и Менион Лих внезапно понял, как много значила для него эта нечаянная и необременительная дружба. Они никогда не говорили о ней, даже толком не осознавали, но от этого дружба не ослабевала, и принц Лих дорожил ею. А теперь он потерял друга, потерял навсегда. В бессильной ярости Менион закусил губу и снова начал мерить землю шагами.

Все остальные собрались у подножия горы, до конца узкой тропы оставалось несколько ярдов. Глядя в землю и лишь изредка поднимая глаза друг на друга, Дьюрин и Дазль едва слышно переговаривались между собой, на утонченных лицах эльфов лежала тень печали. Рядом, привалившись мускулистой спиной к большому валуну, сидел Хендель; и без того немногословный, сейчас он был особенно уторм и неприветлив. Плечо и нога гнома были перевязаны, мрачное лицо покрыто царапинами и синяками после стычки со змеем. Хендель думал о своей родине, о семье, которая ждала его, и острое желание еще раз увидеть родные леса Кулхейвена вдруг охватило гнома. Он знал, что только Ши с помощью волшебного меча мог спасти его страну от нашествия с Севера. И Хен-

дель был не одинок в своих невеселых раздумьях. Глядя на одинокую фигуру друида, стоящего поодаль, в небольшой рощице, Балинор думал почти о том же. Он понимал, какое непростое решение им предстоит принять: отказаться от желанной цели и повернуть домой, и, быть может, им даже удастся отыскать следы пропавшего Ши, — или же, несмотря ни на что, дойти до Паранора и попытаться самим захватить меч Шаннары. Выбор предстоял мучительный, и никто не решался сделать его первым. Балинор печально покачал головой, вспомнив вдруг о своей жестокой ссоре с братом. По возвращении в Тирсис его тоже ждал горький выбор. Но он ни с кем не делился своими сомнениями, считая собственные невзгоды мелкими в такой важный момент.

Внезапно Алланон развернулся и уверенным шагом направился к остальным. Все настороженно следили за приближением друида; черный плащ великана развевался на ходу, смуглое лицо горело решимостью, несмотря на горечь поражения. Сердце Мениона бешено забилося, он чувствовал, что столкновение с Алланоном неизбежно, ведь его собственный план, скорее всего, не найдет понимания друида. Флик заметил, как на лице Мениона промелькнула тень испуга, впрочем, горец быстро взял себя в руки. Ожидая приближения своего командира, все собрались вместе и, несмотря на усталость и уныние, вдруг поняли, что никогда не признают поражения. Что бы ни решил Алланон, они проделали такой долгий и смертельно опасный путь и пожертвовали самым дорогим не для того, чтобы сдаться, когда цель так близка.

Друид подошел к ним и остановился, обводя всех пронизательным взглядом; прочесть его мысли по выражению глаз было невозможно, суровое лицо Алланона напоминало гранитную стену, изрезанную временем, но по-прежнему крепкую и неприступную. Его громкий, холодом наполненный голос словно бритва взрезал тишину.

— Я признаю наше поражение, но повернуть назад мы не можем. Это означало бы покрыть себя позором не только в собственных глазах, но и в глазах тех, кто доверил нам свои жизни. Если судьбою предначертано нам погибнуть в схват-

ке с исаждением мира призраков, с самим злом, обитающим в Северных землях, то мы должны встретиться с ним лицом к лицу. Мы не имеем права отступить в надежде, что неожиданное чудо спасет нас от чудовишной силы, которая стремится во что бы то ни стало поработить и уничтожить нас. Если смерть придет, пусть она застанет нас с обнаженными клинками и с мечом Шаннары в руках!

В последних словах историка прозвучала такая решимость, что даже Балинор невольно вздрогнул. Все застыли в немом восхищении перед неукротимой силой друида, вдруг преисполнившись гордости за то, что входят в тот маленький круг избранных, кого Алланон взял с собой в трудное и опасное путешествие.

— А как же Ши? — вдруг выпалил Менион; от резкого вопроса друид повернул голову и остановил на нем пронизывающий взгляд. — Что будет с ним, ведь без него наш поход теряет смысл!

Алланон медленно покачал головой.

— Я знаю не больше твоего. Горная река унесла его к равнинам. Возможно, он выжил, а возможно, и нет, но сейчас мы ничем не сможем ему помочь.

— Значит, ты предлагаешь забыть о нем и преспокойно отправиться за мечом, этим бесполезным куском металла без его законного наследника? — выкрикнул Менион; давно копившийся гнев наконец-то прорвался. — Ну так вот, пока я не узнаю, что случилось с Ши, я дальше не пойду. Можете считать меня трусом и предателем, но своего друга я не брошу!

— Осторожнее, горец! — Голос друида звучал насмешливо. — Ты смешон. Глупо обвинять меня в потере Ши, я последний из вас, кто пожелал бы ему зла. А в твоём предложении нет даже тени здравого смысла.

— Довольно умных слов, друид! — взорвался Менион, безрассудно делая шаг вперед. Возмутительное бесстрашие друида доводило его до бешенства. — Неделя за неделей мы послушно шли за тобой, миновали сотни миль, преодолели сотни опасностей, беспрекословно подчиняясь твоим приказам. Я принц Лиха и не стану, словно какой-нибудь безрод-

ный босяк, смиренно исполнять все, что ему велят, лишь бы спасти свою жизнь! Пусть для тебя моя дружба с Ши ничего не значит, а для меня она важнее сотни мечей Шаннары! Так что не стой на моем пути! Я пойду своей дорогой!

— Глупец! Такие слова скорее подходят неотесанной деревеншине, а не принцу! — в бешенстве пророкотал Алланон; лицо его застыло от гнева, руки сами сжались в кулаки.

Все остальные с ужасом следили за яростной перебранкой, но, когда обмен любезностями уже готов был перерасти в потасовку, противников оттеснили друг от друга и попытались образумить, опасаясь, что раскол в отряде уничтожит всякую надежду на спасение. Один только Флик не шевельнулся; все его мысли были сосредоточены на брате, он ненавидел себя за беспомощность и неспособность сделать что-нибудь. Запальчивые слова принца словно описали его собственные чувства, Флик понял, что тоже не двинется с места, пока не узнает о судьбе брата. Но как же можно пренебречь решением друида, ведь он самый мудрый из них и никогда не ошибается? Раздираемый сомнениями, Флик мучительно думал, как поступил бы брат на его месте. И, совершенно неожиданно для самого себя, Флик нашел ответ.

— Алланон, я знаю, что делать! — выпалил он внезапно; в общем гвалте ему пришлось кричать.

Все разом повернулись, удивленные решительным выражением на лице крепыша Флика. Алланон кивнул, предлагая ему продолжать.

— Вы можете разговаривать с мертвыми. Мы видели это в долине. Неужели вы не сможете поговорить с живым Ши? Если вы способны поднимать мертвецов, значит, вашего могущества хватит, чтобы отыскать живого человека. Ваш дар поможет нам узнать, где он.

Все повернулись к друиду, ожидая его слов. Алланон тяжело вздохнул и уставился в землю, весь его гнев на Мениона вмиг испарился.

— Я могу это сделать, — ответил он, к всеобщему изумлению и громадному облегчению, — но не стану. Если я использую свою силу для того, чтобы узнать о судьбе Ши, будь он живой или мертвый, я наверняка выдам наше присутствие

Повелителю чародеев и посланникам Черепа. И тогда они будут поджидать нас в Параноре.

— Если мы пойдем в Паранор, — мрачно вставил Менион; друид резко развернулся к принцу, и его гнев вспыхнул с новой силой.

Все торопливо бросились разнимать спорщиков.

— Перестаньте! — закричал Флик. — Так мы никому не поможем, а меньше всего — Ши. Алланон, я ни о чем не просил вас за весь наш поход. У меня не было права просить, я ведь сам решил идти с вами. Но теперь у меня есть такое право, потому что Ши мой брат, пусть не по крови, но узы наши сильнее. Если вы не захотите использовать свою силу, чтобы найти его и узнать, что с ним произошло, я пойду с Менионом и буду искать Ши, пока не найду.

— Он прав, Алланон, — задумчиво кивнул Балинор, легко опуская могучую руку на плечо юноши. — Эти двое имеют право узнать о судьбе Ши, что бы ни случилось с нами в будущем. Я понимаю всю опасность такого решения, но мы обязаны рискнуть.

Дьюрин с Дазлем энергично закивали. Друид бросил взгляд на Хенделя, но угрюмый гном лишь пристально посмотрел в черные глаза Алланона и ничего не сказал. Алланон оглядел всех по очереди, быть может, он пытался прочесть их потаенные мысли или взвешивал, стоит ли меч Шаннары потери еще двух человек. Потом он перевел рассеянный взгляд на уходящее солнце; ранние сумерки медленно наполнили на горы, перемежаясь багровыми и красными отсветами. Долгий утомительный поход окончился полной неудачей, а тот, ради кого и затевалось все это путешествие, бесследно исчез. Алланон прекрасно понимал, что после такой чудовищной несправедливости никто не захочет по доброй воле двигаться дальше. Он задумчиво кивнул, еще раз оглядел всех и вдруг увидел, какой радостью засияли их глаза, когда они приняли его кивок за согласие. Однако друид решительно встряхнул головой и без тени улыбки произнес:

— Я вынужден выполнить вашу просьбу. Отойдите подальше, не заговаривайте со мной, не приближайтесь ко мне, пока я не разрешу.

Все отошли. Алланон застыл на месте и сосредоточенно наклонил голову, скрестив на груди руки и спрятав широкие ладони под плащом. Лишь далекие негромкие шорохи нарушали тишину близких сумерек. Неожиданно от натянутого как струна тела друида полилось ослепительное белое свечение, от которого все невольно прищурились, а потом и вовсе прикрыли глаза ладонями. Мгновение удивительный свет заливал все вокруг, затмевая темный силуэт Алланона, потом ярко вспыхнул и погас. В сумерках, как и прежде, застыла недвижная фигура друида, затем он медленно осел на землю, крепко прижимая руку ко лбу. После секундного колебания, забыв о запрете, все броситься к историку. Возмущенный послушанием, Алланон сверкнул сердитым взглядом на своих дерзких подопечных, но, увидев на их лицах искреннюю тревогу, неожиданно смягчился. Недоверие, вспыхнувшее в его глазах вначале, сменилось удивлением и, наконец, пониманием. Странная теплая волна прокатилась в его душе, когда он понял, что, несмотря на неудачу, эти шестеро все еще верят ему. Впервые после потери Ши Алланон почувствовал надежду. Он с трудом поднялся на ноги, слегка опираясь на могучую руку Балинора, все еще ослабленный после поисков Ши. Секунду он постоял молча, потом слабо улыбнулся.

— Наш юный друг в самом деле жив, хоть я и не нахожу объяснений его чудесному спасению. Я ощутил пульсацию его жизненной силы по другую сторону гор, скорее всего где-то рядом с рекой, которая унесла его на восточные равнины. С ним были и другие, но я не смог определить их намерений без глубокого погружения в их мысли. Иначе мы были бы наверняка обнаружены, а я растерял бы последние силы и стал совершенно беспомощен.

— Но он жив, вы точно знаете? — с жаром спросил Флик.

Алланон кивнул. Все просияли от счастья. Менион хлопнул воспрявшего духом Флика по широкой спине, потом прошелся танцующей походкой и подпрыгнул.

— Значит, все решено! — воскликнул принц Лиха. — Мы возвращаемся через перевал, находим Ши, а потом снова идем в Паранор и забираем меч.

Внезапно улыбка сползла с его сияющего лица, и глаза вновь вспыхнули от гнева, когда Алланон покачал головой. Остальные смотрели с недоумением, уверенные, что именно это и собирался предложить сам друид.

— Ши попал в руки дозорного отряда карликов, — заявил Алланон. — Они везут его на север, скорее всего в Паранор. Чтобы добраться до него, нам придется сначала с боем проходить через охраняемые перевалы в горах, а потом выискивать его на кишашей карликами равнине. На это уйдет много дней, и нас тотчас обнаружат.

— Но ведь они и так уже могли узнать о нашем приближении! — запальчиво крикнул Менион. — Разве ты не об этом говорил? Как мы сможем помочь Ши, если он попадет к Повелителю чародеев? И кто вдохнет жизнь в великий меч без него?

— Мы не можем бросить его, — умоляюще произнес Флик, снова выходя вперед.

Остальные молчали, со страхом ожидая объяснений Алланона. Наступившая темнота укутала горную страну, и люди с трудом различали лица друг друга в слабом свете луны, которую скрывали величественные пики у них за спиной.

— Вы забыли о пророчестве, — терпеливо напомнил Алланон. — А в нем говорилось, что один из нас не увидит другой стороны Драконьих Зубов, однако же он первый прикоснется к мечу Шаннары. Теперь ясно, что призрак говорил о Ши. И еще вспомните: если верить пророчеству, не пройдет и двух дней после нашего перехода через перевал, как мы увидим меч. Так что судьба скоро снова сведет нас.

— Меня такие отговорки не устраивают, — решительно заявил Менион, и Флик живо закивал, поддерживая горца. — Как вообще можно верить нелепым обещаниям призрака? Ты предлагаешь нам поставить на карту жизнь Ши!

Несколько секунд Алланон едва не дымился от негодования, пытаясь овладеть собой, затем спокойно взглянул на двух молодых людей и разочарованно покачал головой.

— Разве вы с самого начала не поверили в легенду? — спросил он негромко. — Разве не видели собственными глазами, как мир призраков ощутимо вторгается в ваш мир из

плоти и крови, земли и камня? Разве нам не пришлось с самого начала сражаться с порождением иного мира, существами, владеющими силой, неподвластной смертным? Вы воочию убедились в могуществе эльфийских камней. Почему же теперь вы отрицаете существование неведомого вам в угоду вашему здравому смыслу, в то время как ваше мышление опирается лишь на явления и суждения, накопленные вашим миром, и не способно перенестись туда, где даже ваши незыблемые устои не имеют никакого значения?

Они молча смотрели на друида, прекрасно понимая его правоту и не находя слов для возражения, однако страстное желание спасти Ши не оставляло их. Вовсе не здравомыслие, а вера в мечту и прекрасную легенду заставила их пуститься в это опасное путешествие, и уповать теперь на благоразумие было по-настоящему глупо. Что до Флика, то он оставил попытки здравого размышления с того дня, когда в страхе бежал из Тенистого Дола.

— Не стоит так переживать, мои юные друзья, — мягко произнес Алланон; внезапно он оказался рядом и положил руки на плечи Флику и Мениону, прикосновение его ладоней странным образом успокаивало. — Сила эльфийских камней защитит Ши. К тому же они неразрывно связаны с мечом и помогут нашему другу добраться до него. Если нам повезет, мы встретим Ши, когда найдем меч в Параноре. Все дороги ведут теперь к Башне друида, и мы должны спешить туда, чтобы помочь Ши всем, что в наших силах.

Остальные члены отряда молча собрали оружие и дорожные мешки и застыли в ожидании, в тусклом свете звезд их неясные силуэты напоминали легкие карандашные наброски на фоне черных гор. Флик посмотрел на север; сразу за горами по спящим низинам сплошным покрывалом раскинулся темный лес. Среди деревьев возвышались величественные утесы Паранора, а над ними парила Башня друида, где ждал меч Шаннары. И завершение их похода. Несколько минут Флик молча рассматривал одинокий выступ, затем повернулся к Мениону. Горец неохотно кивнул.

— Мы идем с вами. — Голос Флика прозвучал в тишине приглушенным шепотом.

Пенные воды стремительной реки набрасывались на каменные стены горного канала, сжимавшие их с обеих сторон, неистово мчались на восток, увлекая за собой обломки скал и деревьев, угодившие в неукротимые объятия волн. Они неслись с гор через пороги бурным потоком, сердито вскипая вокруг гладких выступов скал и на неожиданных поворотах, постепенно разделяясь на спокойные тихие речки, струившиеся меж невысокими холмами в преддверии равнины Рабб. К илистому берегу одного из таких тихих рукавов и прибило человека, привязанного кожаным ремнем к обломку бревна, человек этот был без сознания и чудом не захлебнулся. Одежда на нем была изорвана в клочья, кожаные сапоги смыло, мокрое лицо стало пепельно-серым и кровоточило от множества порезов, полученных, когда река тащила его вниз через пороги, пока не принесла на этот берег. Вскоре человек очнулся и понял, что река наконец отпустила его. С трудом отвязавшись от обломка бревна, он на четвереньках отполз подальше от воды, в высокую траву небольшого холма. словно сами по себе, его изрезанные руки нащупали маленький мешочек на поясе, и он с облегчением убедился, что сокровище все еще надежно привязано кожаным ремешком. Однако уже через мгновение силы покинули спасенного пленника реки, и он провалился в глубокий желанный сон.

До самого вечера он спал, укутанный теплом и покоем безмятежного дня, пока прохладная трава, сгибаясь под крепчающим ветром, не хлестнула его по лицу, заставив пошевеливаться. Неожиданно он почувствовал тревогу, словно кто-то предупреждал его об опасности. Однако не успел он привести ставшее непослушным тело в сидячее положение, как на гребне холма, прямо перед ним, появился отряд из десяти—двенадцати воинов. Увидев сидящего в высокой траве человека, они застыли в изумлении, а потом кинулись к нему. Вместо того чтобы осторожно осмотреть раны на его истерзанном теле, они снова повалили его на землю, завели за спину безвольные руки и крепко связали ремнями, которые больно впились в голую кожу. Ноги пленника тоже связали, потом перевернули лицом вверх, и он смог наконец рассмотреть своих захватчиков. Его худшие опасения тут же подтверди-

лись. Скрюченные желтокожие коротышки в зеленых балахонах с куцыми мечами — Менион совершенно точно описал их в своем рассказе о недавнем происшествии на Нефритовом перевале. Он испуганно смотрел в острые глазки карликов, а те озадаченно таращились на получеловека-полуэльфа в лохмотьях непривычной для них одежды южанина. Наконец главный протянул руку и принялся старательно обыскивать его. Ши сопротивлялся, но после нескольких ощутимых ударов замер и лишь беспомощно смотрел, как карлик забирал маленький кожаный мешочек с бесценными эльфийскими камнями.

Собравшись в кружок, карлики с любопытством разглядывали голубые камни, ярко сияющие в ласковом закатном солнце на ладони их главаря. Потом они начали громко спорить о том, откуда у пленника эти камни и где он их взял. Из их бестолковой трескотни Ши не понял ни слова. Наконец карлики решили доставить странного найденныша с его камнями в главный лагерь в Параноре, и пусть с ним разбирается начальство. Они рывком подняли Ши на ноги, перерезали ремни, стягивающие его ноги, и направились на север, время от времени подталкивая обессиленного пленника, когда он замедлял шаг. Уже солнце скрылось за горизонтом, а они все продолжали идти, когда по другую сторону гор командир маленького бесстрашного отряда пытался силой своего разума найти пропавшего Ши Омсфорда.

Лишь чуть забрезжило раннее утро, как путники, окутанные ночной тишиной и отторженные от бледного света луны и звезд сенью дремучего леса, увидели утесы Паранора. В немом восхищении смотрели они на отвесные скалы без единого выступа, могучие сосны и дубы казались крошечными рядом с величественными каменными стенами, на самой вершине которых вознеслось к небесам чудесное творение рук человеческих — Башня друида. Стены древней крепости были выложены из тесаных камней, остроконечные шпили и витые башенки с горделивым вызовом пронзали небо. Несокрушимая крепость, вне всякого сомнения, была выстроена друидами, давно исчезнувшими древними жрецами, и

могла противостоять осаде любой армии. А в самом сердце этой твердыни из камня и железа издавна находился символ торжества людей над силами мира призраков, памятник храбрости и надежде давно ушедших народов, позабытый в веках, пока сменялись поколения и умирали старинные легенды, — волшебный меч Шаннары.

Пока они рассматривали Башню друида, Флик рассеянно вспоминал события, произошедшие с тех пор, как они покинули горный перевал и направились к главной цели своего похода. За считанные часы, не встретив по пути никаких препятствий, они преодолели открытые луга и остановились на опушке леса, окружавшего Паранор. Здесь Алланон коротко рассказал им о дороге через лес. Повелитель чародеев устроил в непроходимой чаще опасные ловушки, чтобы никто не смог добраться до Башни друида. Вдобавок по всему лесу рыщут волки, громадные серые твари способны за секунды разорвать в клочья любого человека или зверя. Однако крепость стерегут не только волки. Подножие утеса, на вершине которого вознеслась Башня, непроницаемой стеной окружал колючий кустарник с ядовитыми шипами. От укола страшных колючек нет противоядия. Однако могущественный друид был готов ко всему. Путники бесстрашно вошли в темный лес и быстро зашагали по самой короткой дороге, ведущей прямо к крепости. Алланон велел им не растягиваться по тропе, впрочем, его предостережение было излишним. Только Менион, казалось, был готов бежать впереди всех, но и горец примкнул к остальным, едва слышал вой вышедших на охоту волков. Хищные твари не заставили себя долго ждать, и уже через несколько минут пути в темноте зажглись алые огоньки волчьих глаз, и замершие от ужаса путешественники слышали отвратительный лязг зубов. Но не успели волки добраться до встревоженного отряда, как Алланон приложил к губам странный свисток и легонько дунул. Человеческое ухо не могло воспринять невероятно высокий звук, зато волки неуверенно попятились, развернулись и бросились врассыпную, громко завывая от возмущения, и еще долго в притихшем лесу слышалось их испуганное поскуливание.

Еще дважды волки попадались им по дороге, хотя определить с точностью, прежняя ли это стая или новая, было трудно. Понаблюдав за воздействием удивительного свистка, Флик решил, что волки каждый раз другие. Не тронув людей, они вновь и вновь в ужасе отступали, едва услышав пугающий посвист, и вскоре отряд без труда добрался до колючих зарослей. Густой кустарник с ядовитыми шипами казался совершенно непроходимым даже для бесстрашного друида. Однако Алланон вновь напомнил своим друзьям, что они находятся в древней обители друидов, а не Повелителя чародеев. Обходя скалу справа, он пошел вдоль живой изгороди, пока не остановился возле ничем не примечательного места. Быстро отмерив расстояние от ближайшего дуба, который показался Флику, как он ни приглядывался, точной копией всех остальных дубов в лесу, друид наметил точку на земле перед колючей преградой и кивнул остальным, давая понять, что именно здесь находится вход. Затем, к их изумлению, суровый великан легко прошел сквозь острые как бритвы шипы и исчез в густых зарослях, однако через мгновение вновь появился, целый и невредимый. Понизив голос, он объяснил, что в этом месте заросли поддельные, совершенно безопасные и именно здесь находится тайный вход в крепость. Были и другие секретные ходы, надежно скрытые от глаз чужаков. И вот, следуя за Алланоном, отряд с легкостью прошел сквозь непроходимые на вид колючие кусты, убедившись в их полной безвредности, и наконец оказался под стенами Паранора.

Флик никак не мог поверить, что они все же добрались до желанной цели. Дорога в Паранор казалась бесконечной, полной смертельно опасных ловушек, сменяющих друг друга. И все-таки они здесь. Осталось лишь влезть на скалу и захватить меч. Конечно, задача непростая, но по пути они преодолевали и не такие преграды. Флик задрал голову и посмотрел на зубчатые стены крепости, отмечая внимательным взглядом горящие факелы. Кто же охранял эти стены и спрятанный за ними меч? Это были не тролли и не карлики. Им предстояла схватка с настоящим врагом, существом из другого мира; неведомо как проникло оно в мир живых, чтобы под-

чинить их своей жестокой воле. Он вдруг рассеянно подумал, почему именно они оказались здесь и для чего они ищут легендарный меч, о котором никто из них, кроме друида, ничего не знал. Чутье подсказывало Флику, что опасное приключение может оказаться весьма поучительным, но смысл наставления ускользал от него, да и мысли были заняты совсем другим. Сейчас Флику хотелось только одного — заполучить меч и выбраться из крепости живым.

Заметив, что Алланон жестом велит идти вдоль отвесного утеса, Флик встрепнулся. Друид словно что-то искал. Вскоре он остановился перед гладкой каменной поверхностью, дотронулся до скалы, и вдруг открылся потайной проход, словно отворилась скрытая дверь. Алланон вошел внутрь и тут же вернулся с незажженными факелами, раздал каждому и сделал знак следовать за ним. Все тихо вошли в черный проем и остановились в нешироком коридоре, каменная дверь за их спинами беззвучно закрылась, и они оказались в крошечной темноте. Постепенно во мраке проступили смутные очертания каменных ступеней, ведущих наверх и в глубь скалы, едва различимых в тусклом свете одинокого факела, трещащего в далеком коридоре. Осторожными, неуверенными шагами они подошли к факелу, и каждый зажег от него свой, прежде чем подниматься по лестнице. Поднеся к губам палец и призывая к полной тишине, Алланон первым ступил на сырые каменные ступени, его черный плащ слегка развевался, заполняя узкий проход. Остальные молча последовали за ним. Восхождение к Башне друида началось.

Лестница завивалась по спирали, бесконечные изгибы и повороты сменяли друг друга. Чем выше они поднимались, тем теплее становился воздух, сырость стен и ступеней ощущалась все меньше, пока не исчезла совсем. Охотничьи сапоги из толстой кожи чуть поскрипывали на каменных ступенях, и эхо разносило скрип в гулкой тишине пещеры. Наконец витая лестница осталась позади, и путь им преградила массивная, окованная железом деревянная дверь, вмурованная в скалу. И вновь Алланон доказал, что прекрасно знает дорогу. От его легкого прикосновения дверь бесшумно рас-

пахнулась, выпуская путников в просторный зал, из которого вело множество коридоров, освещенных ярко горящими факелами. Убедившись, что в зале никого нет, Алланон вновь собрал вокруг себя маленький отряд.

— Башня прямо над нами, — произнес он едва слышным шепотом, когда все придвинулись ближе. — Если мы сумеем незамеченными добраться до комнаты, где хранится меч Шаннары, быть может, нам удастся выбраться без боя.

— Что-то здесь не так, — коротко предостерег Балинор. — Почему нет охраны?

Алланон в недоумении покачал головой, и все заметили тревогу на его лице. Что-то они упустили.

— Этот коридор ведет к основным отопительным каналам и к потайной лестнице, по ней можно подняться к главному залу. Пока мы не доберемся до него, не произносите ни звука, но смотрите в оба!

Не дожидаясь ответа, друид развернулся и быстро зашагал к одному из освещенных коридоров, все остальные поспешили за ним. Проход вел наверх, очень скоро он начал резко закручиваться, пока идущим по нему не показалось, что они вот-вот догонят сами себя. Балинор отбросил свой факел и вынул из ножен широкий меч, все быстро последовали его примеру. От зыбкого света факелов, вставленных в железные кольца в скале, на каменные стены падали дрожащие тени путников; словно испуганные зверьки, потревоженные ярким светом, они метались в тщетном желании убежать. Осторожно, шаг за шагом, маленький отряд пробирался по древним туннелям — друид, два принца, паренек из Тенистого Дола, братья-эльфы и гном. Чувствуя скорое окончание долгих поисков и едва сдерживая волнение, они напряженно всматривались перед собой. Растянувшись цепочкой по длинному коридору и не пряча оружие в ножны, они медленно продвигались вперед, приближаясь к самому сердцу Башни друида и чутко прислушиваясь к малейшим шорохам. Постепенно тишина отступила, и послышался приглушенный звук, похожий на тяжелое дыхание, воздух начал накаляться от жара. В конце коридора показалась каменная дверь с железной ручкой, прямоугольник двери очерчивала

яркая полоска света, пробивавшегося изнутри. Загадочный звук усилился и сделался понятным. Это было размеренное гудение невидимых насосов, скрытых где-то под каменным полом. По безмолвной команде друида все опасно приблизились к закрытой двери.

Алланон распахнул тяжелую каменную дверь, и совершенно неожиданно стоящие на пороге люди покачнулись от порыва горячего ветра, обжигающий поток ворвался в легкие и проник до самых кишок. Судорожно хватая ртом воздух, они застыли, не решаясь войти, потом все же сделали шаг вперед. Дверь тотчас закрылась, и внезапно всем стало ясно, куда они попали. Под узкими мостками, на которых стояли изумленные путешественники, зияла огромная, больше сотни футов глубиной, яма. На дне этой выдолбленной в скале топки полыхало неистовое пламя, питаемое неведомым источником, красно-оранжевые языки рвались вверх, достигая края глубокого колодца. Яма занимала почти все пространство, оставался лишь узкий проход вдоль стен, для безопасности обнесенный с внутренней стороны невысокими железными перилами. По потолку и стенам тянулись нагревательные трубы, разносящие горячий воздух во все уголки крепости. Скрытые от глаз насосы регулировали количество тепла, которое вырабатывала топка. Сейчас, ночью, механизм работал вполсилы, и температура на галерее была терпимая, несмотря на жаркое дыхание огненной ямы, но в другое время любой смертный, забредший сюда, изжарился бы за считанные секунды.

Менион, Флик и братья-эльфы задержались у перил, чтобы внимательнее рассмотреть замысловатые трубы. Хендель не отходил от стены, в этой каменной ловушке, так непохожей на привольные леса его родины, он чувствовал себя неуютно. Алланон подошел к Балинору и коротко переговорил с ним, бросая настороженные взгляды на несколько дверей в стенах комнаты и указывая на открытую винтовую лестницу, которая вела к верхним залам крепости. Вероятно, вскоре они пришли к согласию, потому что велели всем собраться вместе. Хенделя не пришлось долго упрашивать. Менион и эльфы тоже быстро пошли вдоль перил, нагоняя остальных.

Только Флик замешкался, завороченно глядя на полыхающий внизу огонь, и эта короткая заминка привела к совершенно неожиданной развязке. Когда он в последний раз окинул взглядом комнату, то увидел, как на противоположной стене проступает силуэт посланника Черепа.

Флик окаменел. По другую сторону пылающей ямы, полусогнувшись, стояло отвратительное существо; даже в ярком свете тело его было непроницаемо-черным, сложенные крылья чуть подрагивали за спиной. Зловещие когти на кривых ногах, казалось, могли разорвать даже камень. Втянутая в массивные плечи голова напоминала кусок угля. На таком же черном, рубцеватом лице горели полные ненависти глаза, не отрываясь, они смотрели на онемевшего Флика, и он не мог отвести взгляд от красных огоньков, словно читал в них свой смертный приговор. Медленно и осторожно тварь зашаркала вдоль галереи, при каждом шаге из груди ее со свистом вырывалось хрипкое дыхание. А Флик, словно зачарованный мертвящим взглядом, не мог ни двинуться с места, ни позвать на помощь, он лишь с ужасом смотрел, как черная тварь подползает все ближе, и покорно ждал смерти.

По счастью, друзья тоже увидели посланника Черепа. Заметив странное оцепенение Флика и проследив за его взглядом, они различили зловещую черную фигуру, бесшумно крадущуюся вдоль стены. В мгновение ока Алланон подбежал к Флику и резко развернул юношу, спасая от губительного взгляда жуткой твари. Ошеломленный Флик повалился назад, в подставленные руки Мениона, который кинулся ему на выручку. Остальные стояли за спиной друида, с оружием наготове. В нескольких шагах от Алланона скрюченная тварь остановилась, прикрываясь от яркого огня крылом и когтистой лапой. Безжалостные глаза уставились на высокую фигуру, заслонившую собой слабого паренька, и сквозь тяжелое сильное дыхание из глубин бесформенного тела прорвался злобный свистящий шепот:

— Друид, твои жалкие попытки противостоять мне просто смешны! Вы все обречены. Обречены с той минуты, как решили идти за мечом. Учитель знал, что вы пойдете, друид! Знал всегда!

— Убирайся, гнусная тварь, пока я не уничтожил тебя! — взревел Алланон. — Ты никого здесь не запугаешь. Мы заберем меч, и ты нам не помешаешь. Прочь, раб, и пусть твой хозяин покажет себя!

От голоса друида, казалось, вскипал воздух, каждое его слово резало скрюченную тварь как острейшим ножом. Посланник Черепа зашипел от ярости, сиплое дыхание стало частым и рваным, он еще ниже наклонился к земле и сделал шаг вперед, глаза пылали бьющей наотмашь ненавистью.

— Я уничтожу тебя, Алланон. И никто больше не помещает Учителю! С самого начала ты был всего лишь пешкой в нашей игре, хотя даже не подозревал об этом. Теперь ты в наших руках, как и твои драгоценные друзья. Но самое главное — ты привел к нам последнего потомка Шаннары и тем самым оказал нам неоценимую услугу!

Не успели они опомниться, как когтистая лапа вытянулась в сторону изумленного Флика. Тварь, судя по всему, не догадывалась, что Флик вовсе не наследник, не знала, что Ши они потеряли в Драконьих Зубах. Какой-то миг все молчали. В яме взревел огонь, неожиданно выплюнув сгусток раскаленного воздуха, опалившего незащищенные лица смертных. Когти черной твари из призрачного мира медленно потянулись к ним.

— А теперь, глупцы, — просипел полный ненависти голос, — вас ждет та смерть, какой заслуживает весь ваш презренный род!

Глава 16

Не успело смолкнуть шипение злобной твари в залитом пламенем воздухе, как друид резко взмахнул рукой и рявкнул так, что вся его насмерть перепутанная команда вмиг очнулась от наваждения и опрометью бросилась к винтовой лестнице, которая вела к главному залу Башни друида. Время сжалось в комок. В ту же секунду, когда шестеро устремились к лестнице, посланник Черепа ринулся к Алланону. Уже поднимаясь по узким ступеням, они услышали шум борьбы. Один Флик медлил — несмотря на страх и отчаянное желание убежать, он не мог оторвать глаз от завораживающего зрелища, когда два могучих противника сошлись в поединке, в шаге от взметнувшихся над адской топкой языков пламени. Замерев на нижней ступеньке, Флик прислушивался к смолкающему звуку шагов своих друзей. Через миг шаги затихли, и Флик понял, что ему одному суждено увидеть великую битву.

На краю бурлящей топки замерли две черные фигуры, чудовищное напряжение сковывало их тела, темные лица почти касались друг друга. Флик увидел, как костлявые руки друида мертвой хваткой впились в лапы отвратительной твари, когда она попыталась острыми как бритва когтями дотянуться до его горла. Посланник Черепа яростно взмахивал крыльями, пытаясь вырваться, его прерывистое хриплое дыхание разрезало раскаленный воздух громким свистом. Неожиданно тварь выбросила вперед жилистую ногу, и от мощного удара друид упал навзничь на каменный пол у самого края ямы. С быстротой выстрела свирепое создание оказа-

лось рядом с Алланом и занесло смертоносные когти над его головой, однако друид оказался проворнее — в ту же секунду он перекатился вбок, увернувшись от губительного удара. И все же Флик заметил, что когти посланника Черепа успели задеть плечо друида, и услышал громкий треск разрываемой материи. Увидев кровь, Флик ахнул от страха, но спустя мгновение Алланон уже стоял на ногах без малейших следов ранения. С его вытянутых пальцев сорвались две голубые стрелы и с сокрушительной силой ударили в разъяренную тварь, отбросив ее к перилам. Однако крылатый посланник Черепа оказался более живучим, чем змей из Зала королей, и через несколько секунд он уже вполне оправился от удара магических стрел. Взревав от бешенства, черная тварь метнулась к Алланону. Из ее горящих глаз сверкнули ослепительные красные молнии, но друид взмахнул плащом, и удар пришелся в каменную стену. Выжидая момент для новой атаки, противники ходили кругами, не сводя друг с друга настороженных глаз, словно два диких зверя в смертельной схватке, в которой в живых может остаться только один.

Неожиданно Флик заметил, что стало очень жарко. Близился рассвет, и расторопные работники принялись раздувать огонь, готовясь к тому часу, когда обитатели замка проснутся. Не подозревая о сражении на галерее, они как обычно привели в движение дремлющие мехи, раздувая пламя и доводя его до необходимой высоты, чтобы прогреть воздух во всех уголках Башни. Пламя весело плясало над краями огромной ямы, выплескиваясь наружу, и воздух в зале медленно накалялся. Флик чувствовал, как пот заливает лицо, течет под теплой одеждой, но не двигался с места. Он понимал, что гибель Алланона будет означать смертный приговор для всех них, и твердо решил дожидаться исхода сражения. Только этот человек, который привел их сюда через все преграды, знал тайну великого меча и мог вернуть его. Едва дыша, Флик Омсфорд завороченно смотрел, как в битве двух равных противников из мира смертных и царства Повелителя призраков решается судьба всех народов и стран.

И вновь сверкнули голубые стрелы Алланона, короткими резкими ударами друид пытался разозлить противника,

сбить его с ног, заставить оступиться от неосторожного движения. Однако тварь была дьявольски умна и не торопилась совершать роковые ошибки. Словно само зло, пришедшее из мира теней, в сотнях сражений она неизменно выходила победителем, сея за собой смерть. С путающей ловкостью тварь приседала и уворачивалась от ударов, снова и снова возвращаясь в стойку на полусогнутых ногах и настороженно выжидая момент для нападения. Вдруг, совершенно неожиданно, черные крылья раскрылись, монстр плавно взмыл вверх, паря в жарком воздухе, перелетел пылающую яму и вихрем обрушился на Алланона. С ужасом глядя на смертоносные когти чудовища, занесенные над головой друида, Флик уже почти не сомневался, что битва проиграна, но Алланон вдруг чудесным образом избежал удара и одним резким движением могучих рук перекинул противника через себя. Незадачливая тварь стремительно пролетела через весь зал и с громким стуком врезалась в каменную стену. В то же мгновение она встала на ноги, но сила удара оказалась столь велика, что прежней ловкости в движениях не было, и, прежде чем тварь успела увернуться, друид оказался рядом.

Две черные фигуры схлестнулись в смертельном объятии, сплетаясь конечностями, словно ветви деревьев, в неразрывный клубок. Когда они наконец поднялись во весь рост, Флик увидел, как могучие руки Алланона словно тисками сжимают сзади голову монстра, медленно выдавливая из него жизнь. Царапая воздух скрюченными лапами и яростно хлопая крыльями, чудовище тщетно пыталось избавиться от губительных рук друида. Неистовый огонь, пылающий в глазах монстра, не уступал пламени горящей топки, выбрасывая снопы алых молний, которые попадали в каменные стены, оставляя в них зияющие дыры. Пошатываясь, противники оторвались от стены и резко качнулись в сторону пылающей ямы, замерев у низких перил. Флику показалось, что они вот-вот рухнут в бушующее внизу пламя, но Алланон вдруг распрямился одним мощным усилием, потащив за собой отчаянно пытавшегося вырваться монстра, и оба противника отступили от губельного края. В ту же секунду гость из мира призраков взглянул вверх, и его полные ненависти глаза-угольки

уперлись в скрытого тенью лестницы Флика. Хитрая тварь тут же сообразила, чем можно отвлечь друида хотя бы на миг, чтобы освободиться от его мертвой хватки, и переключилась на ничего не подозревавшего паренька. Из сверкающих глаз метнулись огненные стрелы и ударили в каменные глыбы лестницы, превратив их в груды острых как бритва осколков, разлетевшихся во все стороны смертоносным дождем. Флика спасла только быстрота реакции — не успев ничего подумать, он кубарем скатился с лестницы, отделавшись лишь порезами от каменных осколков. Едва он оказался на безопасном островке, как лестница задрожала и, в клубах пыли, обрушилась градом каменных обломков, безнадежно отрезавших путь наверх.

Расчет посланника Черепа оказался верным. Лишь на одно короткое мгновение Алланон отвлекся, взглянув на испуганного Флика, лежащего на каменном полу, и ослабил хватку, однако его противнику этого оказалось довольно. Хитрая тварь ловко высвободилась, отскочила в сторону и, не давая растерянному друиду опомниться, с диким воплем ударила его по голове. Алланон упал на колени, но не успело чудовище нанести последний удар, как друид снова стоял на ногах, голубые стрелы с ослепительными вспышками слетели с его пальцев и хлестнули в голову монстра. И тотчас же, пока черная тварь пыталась оправиться от огненного дождя, Алланон подскочил к ней и обрушил на ее голову мощные кулаки. Основательно потрепав чудовище сокрушительными ударами, друид резко развернул его, обхватил за грудь и с силой прижал крылья и когтистые лапы к извивающемуся телу. Не разжимая железной хватки, друид сверкнул зловещей усмешкой и сжал тело монстра. Лежащий в нескольких шагах Флик услышал отвратительный хруст. Внезапно, от резкого рывка умирающей твари, Алланон отшатнулся вплотную к низким перилам, высокое пламя осветило яростные лица двух врагов, а неистовый рев пылающей топки слился с предсмертным воплем поверженного посланника Черепа, когда его скрюченное тело содрогнулось в страшных судорогах. И уже переваливаясь через ограждение, черная тварь призвала на помощь всю свою ускользающую силу и несокрушимую ненависть

и вцепилась в плащ друида, увлекая смертельного врага в сияние жадного пламени.

Не веря собственным глазам, ошеломленный Флик с трудом поднялся на ноги. Пошатываясь, он подошел к краю огненной ямы, но жар был такой сильный, что юноша тут же отступил. Он попытался приблизиться к топке еще раз, но вновь натолкнулся на стену раскаленного воздуха; пот лил ручьями, затекая со лба в глаза и рот, смешиваясь со слезами бессильного гнева. Яростное пламя в неукротимой пляске поднималось над невысокими перилами, с жадностью лизало камень, весело потрескивая, словно радовалось новому лакомству, неожиданно доставшемуся ему на прокорм. Сквозь дымку, застилавшую обожженные глаза, Флик вглядывался в бездонную яму, но тщетно пытался он разглядеть что-нибудь кроме алых лоскутов пламени и невыносимого жара. Без всякой надежды он в отчаянии снова и снова выкрикивал имя друида, но на его мольбы откликалось лишь эхо, отражаясь от каменных стен и умирая в горячем пламени. И тогда, не слыша ничего, кроме свирепого рева огня, юноша понял, что друида больше нет.

Флик не на шутку испугался. Как безумный, отскочил он от края огненной ямы. Кинулся к лестнице, забыв, что от нее осталась лишь груда камней, в немой растерянности застыл между обломками. Потом с силой тряхнул головой, пытаясь привести мысли в порядок, и вдруг снова почувствовал обжигающий воздух. Понимая, что остаться здесь означает неминуемо сгореть заживо, он побежал к ближайшей каменной двери и в отчаянии толкнул ее. Дверь не поддавалась, и наконец, изодрав руки в кровь, он оставил бесплодные усилия. Быстро оглядев стену, Флик заметил другую дверь. Он кинулся к ней, но крепкий замок не поддавался. Юноша чувствовал себя в ловушке, все его надежды на спасение стремительно таяли. Лишь усилием воли он заставил себя доплестись до третьей двери. Чувствуя, как утасают силы, он снова и снова яростно толкал упрямую преграду и неожиданно задел тайную пластину в стене, отчего дверь вдруг легко отворилась. С радостным криком измученный юноша вывалился через дверной проем в коридор, ногой захлопнул за собой дверь

и без сил упал на пол. Окутанный полумраком, он лежал, отгородившись от жара и смерти по другую сторону массивных каменных створок.

Так пролежал он долго, холодный каменный пол и свежее дуновение воздуха облегчали боль в обожженном теле. Он не пытался думать, не хотел ничего вспоминать, единственным желанием его было забыться в мире и покое этого прорезанного в скале туннеля. Наконец Флик заставил себя встать на колени, потом рывком поднялся на ноги и, покачиваясь, привалился к холодной стене коридора, дожидаясь, когда к нему вернутся силы. Только теперь он заметил, что одежда на нем разорвана и сильно обгорела, руки и лицо кровоточат и почернели от копоти. Флик неспешно огляделся, расправил плечи и оттолкнулся от стены. Впереди закрепленный в стене факел тускло освещал кривой коридор, и юноша медленно двинулся на свет, пока не доковылял до обгоревшей деревяшки. Вынув факел из крепления, Флик побрел вперед, подволакивая ноги. Неожиданно вдалеке послышались крики, и он безотчетно потянулся свободной рукой к охотничьему ножу за поясом, вынув оружие из ножен. Шум вскоре отдалился, а потом и вовсе затих, но никто так и не появился в темном коридоре. Идя по причудливым извивам бесконечного туннеля, Флик прошел мимо нескольких дверей, все они были закрыты и заперты на засов, однако по дороге ему ни разу не попалось ни одной лестницы, да и свернуть было некуда. Время от времени тьму коридора прорезал тусклый свет факелов, закрепленных в стене, в их желтом свечении тень юноши на противоположной стене казалась уродливым призраком, притаившимся во мраке.

Внезапно коридор заметно расширился, и свет впереди стал ярче. Флик в нерешительности остановился, крепко сжимая нож, в мерцающем свете его испарянное, в потных подтеках копоти лицо выражало мрачную решимость. Он медленно и осторожно двинулся вперед. Флик не сомневался, что где-то впереди непременно должна быть лестница, ведущая к главному залу Башни друида. Однако проходили минуты, часы, он искал долго и тщетно и совершенно выбился из сил. Флик начал запоздало корить себя за безрассудство.

Если бы он пошел вместе с остальными, то не блуждал бы сейчас по бесконечным коридорам Паранора. Неужели он никогда больше не увидит друзей, сгинув в этом лабиринте? Он прошел вперед еще немного, огибая выступ скалы и напряженно вглядываясь в мерцающий впереди свет. И вдруг, к изумлению юноши, он оказался у входа в круглую комнату, от которой лучами расходилось множество коридоров. Десяток факелов ярко освещал круглые стены, заливая комнату праздничным светом. Не заметив никакой опасности, Флик вздохнул с облегчением, но вскоре понял, что надежда на спасение ничуть не стала отчетливее. Все остальные коридоры казались близнецами того, по которому он пришел. Не заметил Флик ни дверей, ни лестниц на другие этажи, ни единой подсказки, которая указала бы ему путь к спасению. Он растерянно огляделся, отчаянно пытаясь отличить один коридор от другого, но в напрасных усилиях лишь терял последнюю надежду. В смятении тряхнув головой, он отошел к стене, устало опустился на пол и закрыл глаза, заставив себя примириться с тем, что безнадежно заблудился.

По приказу Алланона отряд бросился к спасительной лестнице. Ближе всех к каменным ступеням стояли Дьюрин и Дазль, быстроногие эльфы уже успели преодолеть половину пути, пока остальные еще топтались внизу. Легкими стремительными движениями эльфы словно перелетали со ступеньки на ступеньку, едва касаясь подошвами камней. Хендель, Менион и Балинор торопливо поднимались следом, но тяжелое оружие да и собственный вес сильно замедляли их шаг, к тому же винтовая лестница была чересчур узкой. Наталкиваясь друг на друга в торопливой попытке убежать от черной крылатой твари из призрачного мира и поскорее добраться до заветного меча, друзья так спешили, что в суматохе не заметили отсутствия Флика.

Дьюрин первым взбежал по лестнице и оказался в Башне друида, едва не споткнувшись на пороге огромной галереи, младший брат следовал за ним неотступной тенью. Грандиозный, с уходящим ввысь потолком, зал поражал своим величием. Отполированные до зеркального блеска деревянные па-

нели стен отражали желтый свет факелов и красноватые сполохи зари, проникавшие сквозь узкие высокие окна. Стены галереи были украшены картинами, резными деревянными и каменными фигурами в мозаичном обрамлении и восхитительными гобеленами ручной работы, тяжелыми складками ниспадавшими до сверкающего мраморного пола. Пришедшие из другой эпохи величественные статуи из металла и блестящего камня были расставлены по всему залу в этом не знающем течения времени убежище. Казалось, век за веком статуи охраняли тяжелые резные двери с изумительной инкрустацией и массивными бронзовыми рукоятками. Несколько дверей было открыто, за ними виднелись другие залы, столь же великолепные, освещенные сиянием раннего утра, которое щедрыми потоками вливалось сквозь устремленные вверх окна.

Впрочем, у эльфов не было времени любоваться вечной красотой Паранора. Едва они переступили порог блистательного зала, как их окружили часовые карликов; казалось, горбатые желтые человечки были повсюду, они неожиданно возникали в дверях, выскакивали из-за статуй, чудесным образом проступали из стен. Дьюрин выхватил кинжал, но смог выстоять лишь несколько секунд, прежде чем карлики облепили его со всех сторон. Дазль бросился на помощь брату, отбиваясь от карликов большим луком, он яростно отшвыривал врагов, пока крепкое дерево не сдалось и лук не сломался с громким треском. Казалось, эльфы обречены и их разорвут на куски раньше, чем подоспеет подмога, однако неожиданно Дьюрину удалось вырваться из кишашей толпы и схватить длинную внушительную пику, которую сжимал в руке железный воин из другой эпохи. Подняв свое новое оружие, он принялся сбивать наседающих со всех сторон карликов размашистыми ударами, отгоняя их от брата. На беду, к карликам подоспело подкрепление, и они быстро выстроились для новой атаки. Тяжело дыша, эльфы отступили к стене, из глубоких порезов, которые все же успели нанести враги, текла кровь. Карлики сбились в кучу, выставив короткие мечи, стражники были полны решимости прорваться мимо мелькающей пики Дьюрина и изрубить эльфов на куски. С диким

воинственным криком они ринулись вперед, обуреваемые жадой убийства.

Ослепленные ненавистью карлики совсем забыли о необходимости следить за лестницей, на тот случай, если непрошеные гости пожаловали не одни. Пока злобные человечки теснили Дьюрина и Дазля, трое их друзей высочили из колодца лестницы, ворвались в галерею и ураганом набросились на застигнутых врасплох врагов. Никогда еще у карликов не было таких противников. Посередине возвышался могучий воин из Каллахорна, его сверкающий меч прорубал дорогу с такой неистовой силой, что карлики валились друг на друга, пытаясь увернуться, но тут же попадали под удары чудовишной булавы гнома и стремительного клинка ловкого горца. Несколько минут они пытались выстоять в схватке с пятью одержимыми воинами, потом, волнами, начали откатываться назад и, наконец, побежали, позорно бросив поле боя. Вымотанные изнурительным сражением, пятеро друзей устремились по широкому коридору, перепрыгивая через мертвых и раненых; их тяжелые сапоги гулко стучали по мраморному полу. Самые отчаянные смельчаки, которые выскакивали им навстречу, тут же падали замертво, сраженные точным ударом. Казалось, после тягот долгого пути, потери друзей ничто не могло остановить отважную пятерку, когда цель была так близка.

В конце старинной галереи, усеянной телами мертвых и раненых карликов и сорванными в пылу сражения картинами и гобеленами, перед широкими резными дверьми тесными рядами выстроился последний, самый отчаянный отряд. Выставив перед собой колючую стену из коротких мечей, карлики приготовились к решающей битве. Под прикрытием мечей Балинора и Мениона пятеро друзей отважно бросились на смертоносную стену, пытаясь прорвать ее в центре, однако уже через несколько минут жестокой схватки стражники отбили нападение. В изнеможении друзья отступили, обливаясь потом и унося с поля боя новые раны и синяки. Дьюрин тяжело опустился на одно колено, обе его руки и нога были в глубоких порезах от мечей карликов. Мениона за-

дело по голове острием пики, и по виску алой струйкой быстро стекала кровь, но горец, казалось, не замечал раны. Снова и снова измученные искатели меча пытались прорваться через живое ограждение, но тщетно. Карликов становилось все меньше, но и время утекало быстро, как вода сквозь песок. Алланон не появлялся, а новые силы на подмогу карликам, скорее всего, были уже на подходе, если, конечно, за этой окованной дверью, которую они с такой яростью защищали, действительно находился меч Шаннары.

Внезапно великан Балинор бросился назад в галерею и, подбежав к огромной каменной колонне с железной урной наверху, одним мощным толчком опрокинул ее. С оглушительным грохотом колонна ударилась о мраморный пол, и от могучего эха весь залитый кровью зал вздрогнул. От удара пол раскрошился, но колонна осталась целой. С помощью Хенделя принц Каллахорна покатиł чуть помятый таран к выстроенным клином карликам и запертым дверям у них за спиной; с каждым оборотом чудовищный каток набирал скорость и мощь, с грохотом надвигаясь на оцепеневших стражников. Растерянные карлики в отчаянии выставили бесполезные мечи против сокрушительной мощи огромной колонны, но скоро не выдержали и бросились бежать. Несколько недостаточно проворных карликов все же не успели увернуться от катящейся на них глыбы, и въехавшая в массивные двери колонна смяла их, осыпав щепками и осколками мрамора. От страшного удара дверь с треском выгнулась, железные засовы захрустели, но все же устояли. И тогда Балинор навалился на покосившиеся створки, петли с громким стуком вылетели, и пятеро друзей ворвались в комнату, сгорая от нетерпения увидеть великий меч.

К их изумлению, комната оказалась пуста. Высокие окна закрывали длинные струящиеся занавески, на стенах висели изумительные картины, изысканная мебель была расставлена с большим вкусом. Только меча нигде не было. Не веря своим глазам, друзья молча оглядывали комнату. Дьюрин тяжело опустился на колени, ослабев от потери крови, он едва не терял сознание. Дазль тотчас кинулся к нему на помощь,

оторвал от своей рубахи несколько лоскутов и быстро перевязал раны, потом помог брату добраться до кресла и осторожно усадил его. Менион пробежался от стены до стены, ища другой выход. И вдруг Балинор, который вышагивал по комнате, внимательно изучая мраморный пол, негромко вскрикнул. Часть пола в самом центре была поцарапана и затерта, словно кто-то пытался уничтожить следы стоявшего здесь тяжелого квадратного предмета.

— Здесь был постамент из Тре-Камня! — воскликнул Менион.

— Но если его унесли, то совсем недавно, — заметил Балинор; он тяжело дышал, голос звучал устало. — Тогда почему карлики пытались задержать нас?

— Может, они не знали, что меча здесь нет, — в отчаянии предположил Менион.

— А если ложный след? — вмешался вдруг Хендель. — Но чего ради тратить время, ведя нас по ложному следу, если только...

— Они хотели, чтобы мы задержались здесь, потому что меч до сих пор в крепости, его еще не вынесли! — взволнованно завершил Балинор. — У них не было времени его унести, поэтому-то они и пытались нас задержать! Но где же меч сейчас и у кого?

Все терялись в догадках. Неужели Повелитель чародеев с самого начала знал о приближении отряда, как и утверждал посланник Черепа? А если их нападение застало карликов врасплох, то что могло случиться с мечом с тех пор, как Алланон видел его в этой комнате?

— Погодите! — слабым голосом проговорил Дьюрин, с трудом вставая с кресла. — Когда я поднимался, я заметил, как карлики несли что-то очень тяжелое к другой лестнице в дальнем конце коридора.

— Башня! — закричал Хендель, кидаясь к открытой двери. — Они заперли меч в башне!

Балинор с Менионом помчались вслед за исчезнувшим гномом, усталость как рукой сняло. Меч Шаннары все еще в крепости. Дьюрин и Даэль медленно двинулись за ними,

старший брат шатался от слабости и тяжело опирался на плечо младшего, однако и их глаза светились надеждой. Через миг комната снова опустела.

После короткого отдыха Флик уныло поднялся на ноги и решил, выбрав наугад один из многочисленных коридоров, пройти по нему до конца в надежде, что он приведет к лестнице на верхние этажи крепости. На мгновение он задумался о друзьях, которые, быть может, уже добрались до меча. Ни о гибели Алланона, ни о его участии, ни о блужданиях несчастного Флика по запутанным лабиринтам они не знали. Юноша надеялся, что товарищи будут искать его, хотя и понимал, что они не станут попусту тратить время, если действительно нашли меч. Им необходимо выбраться из крепости, пока Повелитель чародеев не отправил посланников Черепая отбивать могущественный клинок. Думал Флик и о пропавшем брате, быть может, друзья все же нашли его. Если так — Ши никогда бы не ушел из Паранора, зная, что его брат жив. Только вот беда — ни брат Флика и ни один из его друзей не могли знать, что юноша не погиб в адской топке. Приходилось с горечью признать, что положение его совершенно безнадежно.

Неожиданно в одном из коридоров раздался стук сапог по каменному полу, грохот быстро приближался — очевидно, несколько человек бежали прямо к ротонде. Флик торопливо перебежал к противоположной стене и спрятался в тени другого коридора, вжавшись в каменную стену. Из своего укрытия он хорошо видел залитый светом зал, крепко сжимая в руке короткий охотничий нож. Спустя несколько мгновений в комнату вбежал отряд карликов, но, не замедляя бега, стражники тотчас же скрылись в одном из коридоров. Скоро топот карликов затих в извилистых поворотах каменного туннеля. Конечно, Флик не знал, откуда они бегут и куда торопятся, однако ему очень захотелось оказаться там, откуда ушли карлики. Скорее всего, они явились с верхних этажей Башни друида, а именно туда и стремился Флик. Он осторожно вышел в ярко освещенную ротонду и направился к

проходу, откуда только что выбегали стражники. Возвращаясь по их следам, он ступил в пустой коридор и растворился в темноте. Он шел, выставив перед собой нож и ощупью пробираясь вдоль тускло освещенных стен к ближайшему факелу. Вынув обмотанную горячей паклей деревяшку, он пошел в глубь туннеля, внимательно глядя в неровные стены в поисках двери или лестницы. Не успел он пройти и сотни шагов, как часть стены внезапно скользнула в сторону у него под локтем и из-за поворота выскочил карлик.

Неизвестно, кто из них больше удивился. Стражник был воином отряда, который бежал с поля боя в верхнем зале, и при виде нового врага в туннеле на миг растерялся. Карлик был меньше паренька из Дола, зато крепкий и жилистый, да и меч держал наготове. После короткого замешательства он ринулся в атаку. Флик неосознанно увернулся от просвистевшего у самой головы клинка, карлик оступился от сильного замаха, и удар не достиг цели. Прежде чем стражник успел восстановить равновесие, Флик бросился на него и повалил на пол, пытаясь вырвать меч у маленького верткого человечка, — свой нож он в суматохе выронил. Флик никогда не учился рукопашному бою, и это давало его более опытному противнику ощутимое преимущество. К тому же карлик привык убивать и не задумываясь сделал бы это снова, тогда как Флик хотел лишь разоружить своего врага и убежать. Так они боролись долго, катаясь по полу, наконец карлик высвободился и снова замахнулся мечом, едва не попав Флику по голове. Омсфорд откатился назад, в отчаянии высматривая нож. Горбатый стражник бросился на Флика в тот миг, когда его пальцы нашарили тяжелое древко факела, который он тоже выронил, спасаясь от первого удара. Короткий меч карлика скользнул по плечу юноши, сильно оцарапав кожу. И тогда, оцепенев от боли, Флик вцепился в факел, широко размахнулся и со всей силы обрушил его на поднятую голову карлика. От мощного удара стражник растянулся на полу и замер. Флик медленно поднялся на ноги и, быстро оглядевшись, подобрал свой нож. Плечо сильно болело, кровь, пропитавшая рубаху, стекала по руке и пальцам. Боясь истечь кровью, Флик быстро оторвал несколько полос от короткого плаща

карлика и туго перетянул руку. Затем, прихватив меч своего врага, Флик шагнул в приоткрытую каменную дверь в скале, чтобы узнать, куда она ведет.

К его радости, там оказалась винтовая лестница, уходящая наверх. Флик проскользнул в неширокий проем, закрыл за собой дверь и несколько раз, для верности, дернул ручку здоровой рукой. Подойдя к лестнице, он осторожно встал на тускло освещенную ступень и медленно, слыша только собственное дыхание, начал подниматься, упрямо взбираясь все выше по нескончаемым виткам каменной спирали. Мерцающий свет длинных факелов в железных кольцах выхватывал из темноты грубые ступени, стесанные из огромных валунов. Наконец Флик дошел до закрытой двери на самом верху лестницы и остановился, приставив ухо к щели между железными петлями и чутко прислушиваясь. Однако за каменными створками царила гулкая тишина. Он осторожно приоткрыл дверь и увидел древние залы Паранора. Вот и желанная цель. Флик толкнул дверь пошире и осторожно шагнул в тихий коридор.

И вдруг чья-то худая цепкая рука схватила его за запястье и с силой увлекла обратно на лестницу.

Вглядываясь в хмурый сумрак, Хендель в сомнении застыл у подножия лестницы, которая вела в башню крепости. Все остальные нерешительно сгрудились у него за спиной. Лестница была сложена из ничем не огороженных каменных ступеней, узкие и ненадежные с виду, они резко закручивались вверх по спирали вдоль стен круглой башни. Сама башня утопала в непроглядной темноте, не было ни факелов, ни отверстий в мрачных каменных стенах. Со своей неудачной наблюдательной позиции друзья видели лишь несколько нижних витков лестницы. В том месте, где они остановились, незащищенные ступени обрывались и оставался только непроглядно черный провал лестничного колодца. Менион дошел до края площадки и посмотрел вниз, мысленно отметив полное отсутствие каких-либо защитных ограждений и здесь, и на лестнице. Он кинул в черную бездну камешек и подождал, пока тот ударится о дно. Звук он так и не дождал-

ся. Менион снова взглянул на опасные ступени, на сумрак сверху, затем посмотрел на товарищей.

— С виду откровенное приглашение в западню,— заявил он.

— Очень может быть,— согласился Балинор, подходя ближе.— Но нам придется подняться туда.

Менион кивнул, затем беспечно пожал плечами и направился к лестнице. Остальные, не говоря ни слова, потянулись за ним; Хендель шел за горцем, следом Балинор, а братья-эльфы замыкали цепочку. Они медленно начали взбираться по узким каменным ступеням, настороженно высматривая скрытые ловушки, прижимаясь плечами к стене, чтобы быть подальше от опасного края, за которым начиналась бездна. Виток за витком проходили они в затхлом сумраке. Прежде чем преодолеть каждую следующую ступень, Менион внимательно рассматривал ее, опытным взглядом изучая швы между каменными блоками стен в поисках скрытых механизмов. Время от времени он кидал перед собой камень, проверяя, не сработает ли потайная ловушка при нажиме на ступеньку. Но ничего не происходило. Пропать внизу зияла безмолвной черной дырой, вырезанной в густом мраке башни, ни один звук не нарушал суровое молчание, кроме поскрипывания сапог по истертым ступеням. Наконец сквозь темноту чуть пробился дальний свет факелов, крошечные огоньки зябко вздрагивали от внезапных порывов ветра, неведомый источник которого скрывался где-то на самой вершине Башни. Лестница заканчивалась небольшой площадкой, и на ней уже виднелись смутные очертания огромной каменной двери, окованной железом. Они приближались к вершине Башни друида.

И тогда Менион натолкнулся на первую ловушку. Едва он коснулся ногой следующей ступени, как из стены, в несколько рядов, выскочили длинные зазубренные шипы, и, если бы Менион все же сделал шаг, его лодыжка тут же была бы пробита насквозь и он неминуемо рухнул бы в пропасть, потеряв равновесие. Однако Хендель услышал щелчок скрытой пружины за миг до того, как сработала ловушка. Он крепко ухватил оцепеневшего горца и дернул его назад, едва не

спихнув остальных вниз по ступеням. Они сильно зашатались, застыв в нескольких дюймах от железных шипов. С трудом устояв на ногах, все пятеро несколько долгих минут стояли, привалившись к стене и шумно дыша в безмолвном сумраке. Затем сильными и точными ударами огромной булавы упрямый гном сплющил шипы, снова открыв проход наверх. Теперь он шел впереди отряда в напряженной тишине, а перепуганного Мениона поставили за Балинором. Вскоре Хендель обнаружил вторую похожую ловушку и, обманув ее, сломал шипы и двинулся дальше.

Когда они почти добрались до края площадки и уже казалось, что все преграды позади, Дазль неожиданно вскрикнул. Его острый слух эльфа уловил звук, которого не услышали остальные, это был тихий щелчок новой потайной ловушки. На мгновение все застыли на месте, встревоженно вглядываясь в темные стены и ступени. Так и не заметив никаких признаков опасности, Хендель все же отважился сделать следующий шаг. Удивительно, но ничего не произошло, и, осторожно ступая, гном дошел до конца лестницы, пока остальные терпеливо ждали внизу. Как только Хендель благополучно добрался до площадки, все поспешили вслед за ним, и вскоре пятеро уже стояли наверху, тревожно оглядываясь на тонущую в черном мраке лестницу. Никто не мог понять, как им удалось избежать третьей ловушки. Балинор предположил, что причиной осечки стала многолетняя заброшенность башни, однако Хенделя это объяснение не убедило. Он не мог отделаться от тревожного ощущения, что они не заметили очевидного.

Гигантской тенью нависала башня над колодцем лестницы, холодные, сырые каменные глыбы, поставленные друг на друга столетия назад, с непреклонной твердостью выдержали все набеги безжалостного времени с долготерпением самой земли. Огромная дверь на площадке казалась неприступной, поверхность ее испещрили царапины, но железные петли выглядели такими же надежными, как и в тот день, когда их укрепили в скале. Вбитые в камень длинные железные гвозди удерживали петли и засовы, и пятерым друзьям, стоявшим перед дверью, показалось, что только землетря-

сение сможет сдвинуть эту незыблемую преграду хотя бы на дюйм. Балинор подошел ближе и осторожно провел ладонями по внушительному замку и выщербленным каменным створкам в надежде отыскать потайной механизм. Затем он с опаской повернул железную ручку и толкнул дверь. Ко всеобщему изумлению, каменная плита поддалась и приоткрылась, подрагивая и скрежеща ржавым железом. И уже через мгновение, когда дверь открылась настежь, с оглушительным грохотом врезавшись в стену комнаты, тайна башни предстала перед ними.

В самом центре ротонды, на блестящем пьедестале огромного черного Тре-Камня, острием вниз стоял легендарный меч Шаннары, похожий на сверкающий крест из серебра и золота. Отражаясь в зеркальной поверхности черного куба, длинный клинок вспыхивал в потоках солнечного света, льющегося сквозь высокие, оплетенные железными решетками окна башни. Никто из них прежде не видел чудесного меча, но все тотчас поверили, что перед ними именно он. Столпившись на пороге комнаты, друзья в изумлении разглядывали меч, все еще не веря, что после долгих дней и ночей бесконечного похода они видят перед собой древний талисман, ради которого рискнули самым дорогим. Великий меч у них в руках! Они перехитрили Повелителя чародеев. Друг за другом товарищи медленно вошли в комнату, сияя от счастья, усталость как рукой сняло, даже раны больше не болели. Долго стояли они, в немом благоговении рассматривая великолепный клинок, благодаря судьбу за чудесный подарок. Они не могли заставить себя сделать шаг и снять сокровище с постамента. Казалось, руки смертных не должны касаться этой священной реликвии. Но ведь Алланона с ними нет, и Ши пропал, а где же...

— А где Флик? — внезапно произнес Даэль вслух то, о чем подумали все.

Только сейчас они поняли, что Флика нет рядом. Беспомощно озираясь, они смотрели друг на друга в ожидании объяснений. Внезапно Менион, предчувствуя недоброе, снова развернулся к сверкающему мечу, и тут произошло невероятное. На глазах изумленной пятерки огромный черный

куб Тре-Камня и стоящее на нем сокровище начали подрагивать и растворяться в воздухе. Спустя несколько секунд великий меч превратился в дым, а вскоре и дым развеялся без следа, и изумленные друзья остались одни в пустой комнате.

— Ловушка! Третья ловушка! — первым опомнился Менион.

Он уже слышал, как за спиной с громким скрежетом ржавых петель поворачивается огромная плита; не успели друзья опомниться, как исполинская дверь с грохотом захлопнулась, запирая их в каменной тюрьме. Горец метнулся через комнату и всем телом ударился в дверь как раз в тот миг, когда она закрылась и запоры замка с громким щелчком встали на место. Менион безвольно осел на истертый каменный пол, сердце его бешено колотилось от ярости и гнева. Все остальные не двигались, в немом отчаянии смотрели они, как принц Лиха закрыл лицо руками. И тогда под каменными сводами долгим эхом рассыпался его тихий сдавленный смех, словно горькая издевка над их глупостью и теперь уже неминуемым поражением.

Глава 17

Безрадостный холод тощими струйками серого тумана лился с северного небосклона, расползаясь по зубчатым контурам уединенной черной горы, внутри которой размещался замок Повелителя чародеев. Вокруг горы простирались равнины королевства Черепа, а с двух сторон, неприступной грядой, их защищали островерхие горы, похожие на зубья ржавой пилы. Прозванные Острием Бритвы и Лезвием Ножа, эти мрачные стражники гордо несли свою службу, внушая страх любому смертному, который отважился бы преодолеть их. Между колючими вершинами темнела гора Повелителя призраков; истерзанная веками и позабытая самой природой, она медленно умирала. Пелена смерти окутывала ее вершину, с безжалостной неотвратимостью ниспадала с выщербленных склонов, разнося зловещую ауру по всем окрестным землям, дыша неприкрытой ненавистью к тем немногим отсветам жизни и красоты, которые еще сумели уцелеть в этом царстве увядания. Зловещая эпоха терпеливо дожидалась своего срока в Северном королевстве Повелителя чародеев. И вот час смерти настал, и последние искры жизни медленно утекали в землю, оставляя лишь оболочку, некогда яркую и величественную.

Внутри окруженная равнинами гора была изрезана сотнями древних пещер, их каменные стены никогда не видели солнечного света, как и ничто другое под этим вечно серым небосводом. Петляя, словно загнанные в угол змеи, пещеры за-

путанными извивами протянулись через толщу скалы. Лишь безмолвие и смерть царили в сером тумане королевства призраков, ползучий хмурый сумрак нес неминуемую гибель всему живому, не оставляя даже проблеска надежды. Однако даже здесь присутствовало некое движение, хотя жизнь замка была не похожа ни на что, известное смертным. Источником странного подобия жизни была единственная комната на самой вершине горы, огромный черный зал, северная стена которого была срезана, и в зияющую пустоту вливался тусклый свет унылого неба. Отсюда же открывался вид на бесконечные хребты зловещих гор, образующих северные ворота королевства. И в этой мрачной комнате, с влажными от жгучего холода каменными стенами, сновали чернильно-черные игрушки Повелителя чародеев. Их маленькие силуэты копошились на полу темной комнаты, лишенные позвоночника тела гнулись и дрожали от чудовищной силы, которую имел над ними их Учитель. Даже обычная ходьба стала бы для них избавлением. Лишенные разума призраки, они рабски служили своему хозяину. Непрерывно бормоча, черные видения суетливо двигались меж каменных стен, их приглушенные крики и рыдания выражали лишь страдание и безысходность. В центре комнаты стоял высокий постамент, на котором находилась чаша с водой; мутная поверхность была неподвижна, и от нее веяло смертью. Сменяя друг друга, вертявые призраки то и дело торопливо подбегали к краю чаши и внимательно вглядывались в холодную воду, быстро скользя по ней глазами. Но уже через миг, коротко всхлипнув, они спешили обратно, чтобы слиться с другими тенями. «Где же Учитель, где же Учитель?» — шептали в сумраке плачущие голоса, и маленькие существа продолжали неутомимо сновать вдоль холодных стен. «Он придет, он придет, он придет», — откликался эхом полный ненависти голос.

Неожиданно воздух яростно всколыхнулся, словно высвобождаясь из тисков, и густеющий туман будто слился в гигантскую черную тень, которая медленно обретала очертания на краю чаши. Туман клубился и все больше густел, постепенно превращаясь в Повелителя призраков, и вскоре

в воздухе повисла огромная, завернутая в плащ черная фигура. Рукава плаща взметнулись, только в них не было рук, и складки длинных одеяний не скрывали ничего, кроме пола под ними.

— Учитель, Учитель! — Полные ужаса голоса призраков прозвучали в унисон, скрюченные контуры подобострастно распластались перед хозяином.

Пустой капюшон развернулся к ним и наклонился вниз, и они увидели внутри черноты крошечные проблески пламени, в котором горела пресыщенная ненависть, вспыхивая искрами в мутном зеленом тумане, заполнявшем все одеяние. Затем Повелитель чародеев отвернулся и совершенно позабыл о них; уставившись на воду в удивительной чаше, он терпеливо дожидаясь, пока проявится картина, которую он мысленно пожелал увидеть. Спустя секунды мутная гладь воды прояснилась, и на ее поверхности возникла главная топка Паранора, и отряд Алланона снова стоял лицом к лицу с жутким посланником Черепа. Пронзительные глаза из зеленого тумана уставились сначала на парнишку из Дола, затем понаблюдали за поединком между двумя черными фигурами, пока оба противника не перевалились через край ямы и не исчезли в бушующем пламени. В этот миг неожиданный шум за спиной заставил властелина теней отвлечься и чуть повернуть голову. В комнату вошли двое посланников Черепа, во множестве обитавших в замке, и молча застыли, дожидаясь внимания своего господина. Он был не готов к встрече с ними, поэтому вернулся к созерцанию воды в чаше. Зеркало вновь прояснилось, и на нем проступило изображение башни, где пятеро глупцов в радостном волнении застыли перед мечом Шаннары. Он выждал несколько секунд, наслаждаясь забавным зрелищем и упиваясь своей властью, пока они все ближе подступали к мечу, будто мыши к мышеловке с сыром. Но уже через мгновение мышеловка захлопнулась, на глазах изумленных зрителей яркое видение рассеялось, и дверь башни с грохотом захлопнулась, навеки запирая их в каменной могиле. И тогда крылатые слуги за спиной Повелителя чародеев скорее почувствовали, чем услышали

ледяной хохот, который волнами прокатился по бестелесной оболочке и разнесся по мраке пещеры.

Не поворачиваясь к своим рабам, Повелитель чародеев резко взмахнул полой длинного плаща на срезанную северную стену пещеры, и посланники Черепа, не колеблясь, двинулись к ней. Им не было нужды спрашивать, чего хочет от них господин. Они полетят в Паранор и уничтожат плененного потомка Шаннары, единственного наследника ненавистного меча. Когда последний сын ненавистного рода умрет, а меч перейдет в их руки, мистическая сила, превосходящая их собственную, больше не будет угрожать им. А пока бесценный меч везут из залов Паранора в королевство Северных земель, где он будет погребен в непроходимых пещерах горы Черепа и забыт навеки. Повелитель чародеев чуть развернулся, наблюдая, как двое его слуг неуклюже ковыляют через темную комнату к зияющему отверстию в стене; вскоре они тяжело поднялись в воздух и развернулись на юг. Разумеется, Эвентин попытается отбить меч, чтобы вернуть его своему народу, однако жалкая попытка короля эльфов непременно провалится, а сам великий правитель свободных земель и последняя надежда смертных будет взят в плен. Заклятый враг Повелителя чародеев друид Алланон погиб в топке Паранора, и совсем скоро, когда Эвентин окажется в плену, меч перейдет к нему и последний потомок рода Шаннары умрет, битва будет выиграна раньше, чем начнется. Он не потерпит поражения в Третьей войне рас. Он победит.

Повелитель чародеев взмахнул рукавом, и вода в чаше снова стала мутной, скрыв и Башню друида, и пятерых смертных, угодивших в ловушку. Воздух вокруг черного призрака всколыхнулся яростным порывом, и его очертания вновь начали растворяться в тумане, пока не исчезли бесследно. Потекли долгие безмолвные минуты, а потом из сумрака медленно проступили стонущие тени; убедившись, что их хозяин снова ушел, маленькие черные силуэты опасливо подползли к краю чаши и пристально вгляделись в непрозрачную зыбь, плачем и вздохами сообщая недвижной воде свои жалобы.

На самой вершине Паранора, в уединенной и накрепко запертой комнате Башни друида, четверо измученных путников из Кулхейвена в отчаянии метались меж каменных стен своей тюрьмы. Только Дьюрин сидел, привалившись к стене, — рана причиняла такую боль, что эльф не мог пошевелиться. Стоя перед высоким зарешеченным окном, Балинор чуть покачивался на каблуках и смотрел, как тусклые лучи солнца долгими потоками просачиваются сквозь танцующую пыль, весело расчерчивая каменный пол темной комнаты крошечными квадратиками света. Они просидели взаперти уже больше часа, безнадежно заточенные за неприступной, окованной железом дверью. С потерей великого меча растаяла и надежда на победу. Сначала друзья терпеливо ждали, уверенные, что Алланон скоро придет за ними и пробьет толщину каменной двери, которая отрезала им путь к свободе. Они даже звали его по имени, надеясь, что друид услышит крики о помощи и примчится в башню. Менион напомнил товарищам, что с ними нет Флика, возможно, юноша бродит по закоулкам Паранора, выискивая их. Но скоро их радужные надежды потускнели и угасли, и каждый заставил себя признать, хотя и молча, что спасение не придет, а отважный друид и парнишка из Дола погибли в схватке с посланником Черепа и Повелитель чародеев вновь победил.

Менион снова подумал о своем пропавшем друге, гадая, что могло случиться с Ши. Несмотря на все усилия, они так и не смогли спасти жизнь одного маленького человека, и теперь остается только гадать, какая ужасная смерть ждет его среди диких равнин на границе Западных земель. Быть может, они никогда больше не увидятся. Алланон верил, что они найдут Ши, когда найдут меч, однако великий клинок потерян, а его единственный наследник бесследно исчез. А теперь в своем родовом замке пропал и сам Алланон, быть может, друид сторел в бушующем пламени или захвачен в плен и брошен в темницу, и они никогда не выйдут из своей тюрьмы и сгниют заживо, а весь их поход окажется напрасной прогулкой. Принц мрачно улыбнулся, мечтая лишь о том, чтобы судьба подарила ему возможность встретиться с настоящим

врагом, и тогда всемогущий Повелитель чародеев уж точно не избежит его меткого удара.

Внезапно Дазль, который всегда чутко прислушивался к любому шороху, тихонько шикнул, и все встревоженно застыли на месте, уставившись на массивную дверь. С другой стороны донесся слабый стук шагов по каменным ступеням. Менион положил руку на рукоять меча, лежавшего на полу в кожаных ножнах, и беззвучно вынул его. Принц Каллахорна рядом с горцем уже сжимал в руке свой широкий меч. Короткими торопливыми шагами все остальные тоже подошли к двери. Даже раненый Дьюрин с трудом поднялся на ноги и, сильно прихрамывая, доковылял до товарищей. Шаги достигли площадки и замерли. На мгновение повисла томительная тишина.

Неожиданно огромная дверь распахнулась, с грохотом ударившись о стену, железные петли жалобно застонали под тяжестью каменной глыбы. Из темноты дверного проема проступила испуганная физиономия Флика Омсфорда, его затравленный взгляд метался по лицам друзей, вооруженных до зубов и готовых к нападению. А его ошеломленные товарищи, словно заведенные механические куклы, медленно опустили оружие и уставились на юношу. Флик с опаской вошел в тускло освещенный зал, почти скрытый тенью высокой черной фигуры, показавшейся за его спиной.

И тут все увидели перед собой Алланона.

Потеряв дар речи, они смотрели на друида. Лицо Алланона было в грязных подтеках пота, от толстого слоя золы черный плащ стал серым. Слегка опираясь на плечо Флика, он медленно вышел из темного проема и улыбнулся, увидев изумление своих товарищей.

— Как видите, я цел,— заверил он их.

Флик все еще не мог прийти в себя после встречи с друидом.

— Я же сам видел, как он упал... — попытался он объяснить всем остальным.

— Флик, я жив и здоров. — Алланон похлопал его по плечу.

Балинор сделал шаг вперед, словно желая убедиться, что перед ним действительно Алланон, а не новый призрак.

— Мы думали, ты... потерялся, — выдавил он.

Знакомая насмешливая улыбка появилась на худом лице.

— Виноват, во всяком случае отчасти, в подобном, не соответствующем истине утверждении один наш юный друг. Он видел, как я упал в огонь вместе с посланником Черепа, и решил, что я погиб. Однако он не подозревал, что внутри топки имеется ряд железных скоб, по ним рабочие спускаются вниз, если требуется произвести какой-либо ремонт. А поскольку Паранор долгие века был родовым гнездом друидов, кому, как не мне, знать о существовании этих скоб. Когда крылатый дьявол перетянул меня через перила, я ухватился за скобы и удержался в нескольких футах от края. Разумеется, Флик этого видеть не мог, а рев племени заглушал мой голос, когда я пытался его позвать.

Он помолчал, счищая с плаща грязь.

— Удача благоволила Флику, и он выбрался из той страшной комнаты живым, но позже заблудился в запутанных туннелях крепости. Битва с посланником Черепа ослабила меня, и, хотя я обладаю уникальной защитой от огня, у меня ушло немало времени на то, чтобы выбраться из ямы. Я отправился на поиски Флика и наконец нашел его в лабиринте коридоров, правда напугал до смерти. После этого мы отправились искать вас. Однако теперь нам пора уходить... и как можно скорее.

— А меч?.. — резко спросил Хендель.

— Его здесь нет, увезли раньше. Мы поговорим об этом потом. Оставаться здесь опасно. Карлики скоро вышлют подкрепление для защиты Паранора, а Повелитель чародеев отправит других крылатых слуг удостовериться, что вы больше не причините ему беспокойства. Когда он получит меч Шаннары и будет уверен, что вы навеки заточены в Башне друида, он быстро сосредоточится на плане завоевания четырех земель. Если ему удастся захватить Каллахорн и приграничные государства, прочие Южные земли сдадутся без борьбы.

— Значит, мы опоздали и битва уже проиграна! — воскликнул Менион с горечью.

Алланон выразительно покачал головой.

— Нет, принц Лиха, нас всего лишь перехитрили, но до победы им еще далеко. Повелитель чародеев почивает на лаврах, уверенный в своей победе, он думает, что мы больше не опасны. Кажется, мы сможем использовать это заблуждение против него. Только нельзя отчаиваться. А теперь следуйте за мной.

Он быстро повел их за собой в открытый дверной проем. И уже через миг комната в башне опустела.

Глава 18

До самого заката небольшой отряд карликов гнал Ши на север. Когда они решили устроиться на ночлег, измученный еще до начала перехода юноша рухнул на землю и уснул, прежде чем горбатые человечки успели связать ему ноги. От берегов безымянной реки они долго шли на север, пока не оказались в холмистой стороне западнее лесов Верхнего Ана-ра, на границе с Северными землями. Идти стало труднее, пологие луга и равнины Рабб сменились непрерывными грядами холмов. Приходилось то и дело взбираться в гору, петляя и сворачивая с дороги, чтобы обойти самые высокие холмы. Местность вокруг была дивная — зеленые поляны перемежались изящными рошищами древних тенистых деревьев, их раскидистые ветви грациозно колыхались на легком весеннем ветерке. Однако смертельно уставший юноша не мог насладиться красотами природы, ему хватало сил лишь на то, чтобы переставлять ноги под злобным понуканием равнодушных конвоиров, которые без передышки гнали пленника вперед и вперед. К наступлению сумерек отряд забрался в самое сердце холмистой страны, и если бы Ши мог увидеть карту, то обнаружил бы, что карлики разбили лагерь точно к востоку от Паранора. Впрочем, сон сморил его так быстро, что Ши запомнил только, как упал в траву, и ничего больше не слышал.

Старательные карлики крепко связали юношу, а затем развели костер, чтобы приготовить нехитрый ужин. Одного карлика поставили в караул, больше по привычке, поскольку

ку бояться в родной стране им было некого, а другому приказали внимательно следить за спящим пленником. Командир патрульного отряда так и не понял, кого они взяли в плен, как не понял и важности эльфийских камней, хотя быстро смекнул, что находка достаточно ценная. Он собирался отвести уроженца Дола в Паранор и спросить у своего начальства, что делать с парнем и его камешками. Уж начальство-то должно разбираться в таких вещах. А его дело — патрулировать границы и не нарушать приказов, а на остальное ему наплевать.

Костер быстро разгорелся, карлики проглотили наспех приготовленный ужин из хлеба и вяленого мяса. Подкрепившись, они подсели ближе к огню и стали с любопытством разглядывать три маленьких камешка, которые командир по их настойчивой просьбе извлек из мешка. Морщинистые желтые лица придвигались все ближе к огню и к вытянутой руке командира, на которой в свете костра ярко поблескивали камни. Самый любопытный карлик попытался потрогать камешек, но тут же отлетел в тень за костром, получив от старшего увесистую затрещину. Командир с любопытством потрогал диковинную находку и покатал камни на раскрытой ладони, остальные зачарованно смотрели на его руку. Вскоре это занятие карликам наскучило, камни спрятали обратно в кожаный мешочек, и командир сунул его за пазуху. Открыли бутылку эля, чтобы прогнать ночную прохладу, а заодно и позабыть об усталости и тяготах службы. Бутылка живо ходила по кругу, смех и шутки маленьких воинов разносились далеко в ночи, костер весело потрескивал, даря желанное тепло. Стоящий в стороне часовой вскоре присоединился к остальным, не видя особой необходимости в своем дежурстве. Бутылка с элем быстро опустела, и усталые служаки тесным кругом улеглись вокруг костра, завернувшись в одеяла. Часовой даже сохранил ясность ума настолько, чтобы набросить одеяло и на спящего пленника, рассудив, что не стоит доставлять его в Паранор простуженным. Вскоре лагерь погрузился в тишину, не спал лишь часовой, он стоял в тени от догорающего костра и сонно смотрел на тлеющие угли.

Ши спал беспокойно, его мучили кошмары о спешном бегстве с Фликом и Менионом в Кулхейвен и походе в Па-

ранор. Во сне юноша заново переживал сражение с Туманным призраком, чувствуя, как холодные скользкие щупальца обхватывают его за пояс, вновь испытывал ужас от мертвящего прикосновения болотных вод, захлестывающих ноги. Он снова чувствовал отчаяние, охватившее его, когда они заблудились в Черных Дубах, только на этот раз он был совсем один в огромном лесу и знал, что никогда не найдет выхода и будет блуждать среди вековых деревьев, пока не умрет. Он слышал вой вышедших на охоту волков, чувствовал, как они берут его в кольцо, в отчаянии пытался убежать, петляя в бесконечном лабиринте исполинских деревьев. Картинка быстро сменилась, и вот уже вся их компания в развалинах города в Вольфсктаагских горах. Они с любопытством разглядывают остовы древних зданий, не помышляя об опасности, затаившейся в зарослях. Только Ши знает, что должно произойти в следующую секунду, он пытается предупредить друзей, но голос изменяет ему, и никто не слышит его тревожных криков. Потом он увидел, как из кустов выползло отвратительное существо и приготовилось к прыжку, а он не мог двинуться с места, чтобы предостеречь остальных. И тогда металлическая тварь набросилась на незащищенных людей. После Ши оказался в реке, бурный поток кружил и бросал его, а он пытался удержать голову над яростными волнами, чтобы не захлебнуться. Чудовищная сила тянула его на дно, и он понимал, что вот-вот задохнется. В отчаянии он сопротивлялся свирепой реке, но водоворот затягивал его в бурлящем вихре.

Внезапно он проснулся и увидел на небе слабые проблески зари; приближался рассвет, руки и ноги у него замерзли и онемели от кожаных ремней. Ши с тревогой осмотрелся, увидел остывающие угли костра и неподвижных карликов, спящих крепким сном. Холмы тонули в неясном сумраке, было так тихо, что Ши слышал собственное дыхание, тяжелое и сиплое. На краю лагеря стоял часовой, его маленькая одинокая фигурка неясной тенью расплывалась на дальнем конце поляны, рядом с густым кустарником. Снова Ши оглядел спящий лагерь, приподнялся на локте и протер сонные

глаза, озираясь вокруг. Он торопливо попытался избавиться от ремней, надеясь, что сумеет ослабить их и освободиться раньше, чем его хватятся проснувшиеся стражники. Но после долгих мучений он оставил попытки распутать узлы. Ослабить туго затянутые ремни он не мог, а разорвать не хватало сил. Ши беспомощно смотрел в землю, представляя, как его приведут в Паранор и передадут не знающим пощады посланникам Черепа, которые поспешат избавиться от него как можно скорее.

И вдруг его чуткое ухо уловило тихий звук. Из полумрака донесся слабый шелест, юноша вскинул голову и прислушался. Внимательные глаза эльфа быстро осмотрели поляну, карлики по-прежнему крепко спали. Часовой отошел в сторону, и Ши не сразу заметил его, а когда увидел, то из кустов внезапно мелькнула огромная черная тень, заслонила собой стражника, и тот исчез. Ши недоверчиво заморгал, отказываясь верить своим глазам. Там, где только что стоял часовой, никого не было. Юноша ждал, что последует дальше, но шло время, и ничего не происходило. Последние ночные тени стремительно таяли, и над кромкой далеких холмов на востоке показался золотистый диск.

Слева послышался негромкий шорох, и юноша резко развернулся. Из-за небольшой рощицы показался самый странный персонаж, какого только доводилось видеть Ши за свою жизнь. Ни один житель Тенчистого Дола никогда не отважился бы облачиться в такой ярко-красный наряд. Сначала Ши принял незнакомца за Менисна, однажды он видел горца в похожем охотничьем одеянии. Однако рост, походка и выправка этого человека заставили Ши отказаться от своего предположения. Лицо незнакомца было неразличимо в тусклом свете. В одной руке он держал короткий охотничий нож, а в другой странную заостренную палку. Облаченная в алое фигура медленно подкралась сбоку и зашла Ши за спину раньше, чем юноша успел рассмотреть лицо незнакомца. Охотничий нож легко и беззвучно перерезал ремни, освобождая пленника. Когда Ши увидел вторую руку своего спасителя, глаза его расширились от изумления: вместо левой кисти у странного человека торчала острая железная пика.

— Молчи, — прошептал ему на ухо сиплый голос. — Беги налево к лесу и жди там. Давай, пошел!

Не трата время на расспросы, Ши быстро подчинился. Даже не видя лица своего избавителя, по его грубому голосу и искалеченной руке он мог догадаться, что с этим человеком лучше не спорить. Юноша тихонько отошел от лагеря и побежал, низко пригибаясь к земле, пока не оказался в небольшой рошце. Там он остановился и стал дожидаться своего неожиданного союзника, однако, к его изумлению, ярко-красная фигура бесшумно бродила между спящими карликами, незнакомец явно что-то искал. Солнце поднималось все выше, освещая странного человека, когда тот склонился над съежившимся телом спящего командира карликов. Рука в перчатке осторожно скользнула под рубаху стражника, замерла на мгновение и извлекла кожаный мешочек с драгоценными эльфийскими камнями. Внезапно карлик проснулся, одной рукой он попытался схватить вора за запястье, а другой взмахнул мечом, намереваясь одним ударом покончить с наглецом. Однако спаситель Ши оказался весьма проворным и не позволил застать себя врасплох. Длинная железная пика с громким лязгом блокировала удар меча, а потом, продолжая движение, плавно вошла в горло карлика. От звуков борьбы проснулись все остальные. Сжимая мечи, карлики бросились на врага, пока он не успел скрыться, и отважному незнакомцу пришлось принять неравный бой с дюжиной противников с охотничьим ножом в руке.

Понимая, что смельчаку в алом плаще несдобровать, Ши уже хотел выскочить из своего укрытия и помочь ему. Однако его спаситель отбил атаку карликов с такой легкостью, словно это были мыши, а не воины, потом незнакомец стремительно ворвался в нестройный ряд стражников, и через мгновение двое карликов уже корчились на земле от смертельных ран. Когда карлики снова попытались оттеснить его, он громко крикнул, и откуда-то из тени на другой стороне лагеря выскочила массивная черная фигура с огромной булавой. Не замедляя движения, черный призрак яростно набросился на ошеломленных карликов и разметал их чудовищными ударами, словно палые листья. Не успел Ши опомниться, как

земля была усеяна бездыханными телами карликов. С изумлением смотрел он с опушки леса, как огромное существо подходит к человеку в красном, словно верный пес, жаждущий похвалы хозяина. Незнакомец о чем-то коротко переговорил со своим помощником, а затем неторопливо направился к Ши, оставив черного великана осматривать тела убитых.

— Ну вот, все и кончилось, — проговорил он, приближаясь к юноше и поигрывая кожаным мешочком в здоровой руке.

Ши пытливо рассматривал лицо странного человека, недоумевая, кто же он такой. Пока было ясно лишь одно — чванливые манеры его нежданного избавителя выдавали в нем заносчивого самодовольного типа, чья непоколебимая уверенность в себе, впрочем, вполне соответствовала его неоспоримым талантам воина. На смуглом, гладко выбритом лице незнакомца темнели маленькие аккуратные усики. Определить его возраст было непросто — он не выглядел ни молодым, ни старым. Однако, несмотря на юношескую стремительность, грубая кожа и серьезный взгляд говорили скорее за то, что этот человек уже вступил во вторую половину жизни. В темных волосах поблескивали седые пряди, хотя, быть может, Ши это и показалось в тусклом утреннем свете. Черты лица у него были крупные, особенно выделялся большой улыбчивый рот. Приветливость и обаяние незнакомца не обманули Ши, он чувствовал, что это, скорее, старательно выбранная маска, скрывающая его истинную природу. Незнакомец непринужденно стоял перед озадаченным юношей и с открытой улыбкой дожидался, пока тот заговорит.

— Я вам так благодарен, — поспешно произнес Ши. — Если бы не вы, тогда...

— Да не стоит благодарности, не стоит. Спасение людей не наша стихия, просто эти мерзавцы могли прикончить тебя забавы ради. Знаешь, я ведь сам с Юга. Правда давненько не бывал в тех краях, но родина есть родина. Ты, я вижу, тоже южанин. На холмах живешь, наверное? Хотя эльфийская кровь в тебе тоже есть, это точно...

Незнакомец резко замолчал, и на мгновение Ши показалось, что странный человек видит его насквозь и он рано обрадовался своему спасению. Как бы не угодить из огня да в полымя. Он даже быстро обернулся на оставленный лагерь и убедился, что помощник его избавителя не превратился не-нароком в посланника Черепа.

— Кто ты, приятель, и откуда пришел? — неожиданно спросил его собеседник.

Ши назвал свое имя и сказал, что он родом из Тенистого Дола. Потом рассказал, как сплавлялся на юг по реке, лодка неожиданно перевернулась, и его долго несло течением, пока не выбросило на берег без сознания, где и наткнулся на него отряд карликов. Придуманная история была недалеко от истины, п незнакомец вполне мог в нее поверить, а всю правду Ши не торопился выкладывать, пока не узнает об этой парочке побольше. Завершив свой рассказ тем, что карлики нашли его на берегу реки и взяли в плен, Ши замолчал. Поигрывая кожаным мешочком, незнакомец долго смотрел на юношу, и на лице его расплзалась широкая улыбка.

— Что ж, вряд ли ты рассказал мне всю правду. — Он коротко рассмеялся. — Но я тебя не виню. Я бы на твоём месте тоже не стал откровенничать. Впрочем, у нас ещё будет время. Меня зовут Панамон Крил.

Он протянул широкую ладонь, и Ши охотно протянул свою. От крепкого рукопожатия юноша невольно поморщился. Новый знакомый чуть улыбнулся и выпустил его руку, указав на темную фигуру у них за спиной.

— Мой товарищ, Кельтсет. Мы странствуем вместе почти два года, никогда у меня не было друга лучше чем он, одна беда — не слишком разговорчив. Кельтсет немой.

— А кто он такой? — с интересом спросил Ши, глядя на гиганта, который медленно бродил по небольшой поляне.

— Откуда же ты свалился? — Панамон весело захохотал. — Кельтсет — скальный тролль. Он жил в Чарнальских горах, пока соплеменники не выгнали его. Мы с ним оба изгой в этом неблагодарном мире, но, впрочем, жизнь мало к кому благоволит. Но выбирать не приходится.

— Скальный тролль, — удивленно посторил Ши. — Никогда не видел скальных троллей. Я думал, они совсем дикие, почти как животные. Как же вам удалось...

— Придержи язык, дружок, — резко перебил его собеседник. — Кельтсет крайне чувствителен и не любит таких разговоров, как бы он не наступил на тебя ненароком. Вот ты посмотрел на него и увидел лишь уродливое существо, не похожее на нас с тобой. А потом я сообщаю тебе, что он скальный тролль, и ты уже не сомневался, что он опасный зверь. Бьюсь об заклад, все дело в твоей необразованности и нехватке жизненного опыта. Погуляй по свету с мое, мальчик, и узнаешь, что даже дружелюбная улыбка — лишь способ показать зубы!

Ши внимательно наблюдал за громадным троллем, пока Кельтсет неспешно наклонялся над мертвыми карликами, в который раз тщательно обыскивая их одежду и вещевые мешки. Кельтсет был очень похож на человека, в своих широких штанах до колена и рубахе, подпоясанной зеленым шнурком. На шее и запястьях тролль носил защитные металлические кольца. Что по-настоящему отличало его от человека, так это кожа, похожая на кору дерева, цветом она напоминала хорошо прожаренный и даже почти подгоревший бифштекс. Мелкие черты его темного лица были грубыми и невыразительными, над глубоко посаженными глазами нависали густые брови. На руках тролля не было мизинцев — только большой и еще три мощных пальца толщиной с запястье Ши.

— Что-то мне он не кажется таким чувствительным, — негромко поделился Ши.

— Ну естественно! Вот прекрасный пример поспешного суждения, не имеющего под собой никаких оснований. Только потому, что Кельтсет не похож на цивилизованного человека и внешне не производит впечатления разумного существа, ты называешь его животным. Ши, мальчик мой, верь мне, когда я говорю, что Кельтсет — чувствительное создание с такими же эмоциями, как у нас с тобой. Быть троллем в Северных землях так же нормально, как быть эльфом на Западе, и так далее! Это мы с тобой здесь чужие!

Ши внимательно посмотрел на широкое дружелюбное лицо, на непринужденную улыбку, казавшуюся такой естественной, и отчего-то не поверил в его искренность. Эти двое вовсе не были случайными прохожими, которые кинулись на помощь ближнему просто по доброте душевной. Они со знанием дела следили за лагерем карликов, а когда их обнаружили, уничтожили весь патруль решительно и безжалостно. Но каким бы опасным ни казался тролль, Ши не сомневался, что Панамон Крил намного опаснее.

— Вы, конечно, знаете больше меня, — признал Ши, осторожно подбирая слова. — Я недавно из Южных земель, родные долины покидал редко и совершенно не знаком со здешними жителями. Я обязан жизнью вам обоим, и моя благодарность к Кельтсету ничуть не меньше.

В ответ франтоватый чужеземец счастливо заулыбался, явно довольный неожиданной любезностью юноши.

— Не стоит благодарности, я ведь уже сказал, — отозвался он. — Пойдем-ка присядем, пока Кельтсет там возится. Нам надо подробнее поговорить о том, что привело тебя в эти края. Видишь ли, эти земли чрезвычайно опасны, особенно если путешествовать в одиночку.

Он направился к ближайшему дереву и устало присел под ним, привалившись спиной к стройному стволу. Мешочек с эльфийскими камнями он по-прежнему сжимал здоровой рукой, но чутье подсказывало Ши, что с разговорами на эту тему лучше повременить. Он надеялся, что новый знакомый сам спросит, не его ли это вешица, тогда Ши сможет забрать камни и отправиться в Паранор. Наверняка друзья уже разыскивают его либо на восточной оконечности Драконьих Зубов, либо севернее, у самого Паранора.

— А зачем Кельтсет их обыскивает? — спросил юноша после короткого молчания.

— Ну, может, найдутся какие-нибудь подсказки, откуда они и куда направлялись. Да и съестные припасы нам бы сейчас не помешали. А там, глядишь, и что-нибудь ценное подвернется...

Он неожиданно замолчал и вопросительно взглянул на Ши, поигрывая перед глазами юноши кожаным мешочком,

словно держал приманку перед загнанным зверьком. Ши тяжело глотнул, внезапно он понял, что этот человек с самого начала знал, кому принадлежат камни. Он должен немедленно придумать что-то, иначе выдаст себя с головой.

— Это мое. Мешочек и камни принадлежат мне.

— Ты в этом уверен? — Панамон Крил по-волчьи оскалился. — Что-то я не вижу здесь твоего имени. Как они к тебе попали?

— Отец подарил, — тут же солгал Ши. — Уже очень давно. Я всюду ношу их с собой, вроде талисмана. Когда карлики схватили меня, они меня обыскиали и отняли камни. Но они все равно мои.

Человек в красном плаще улыбнулся одними губами и высыпал камни на ладонь, подцепив мешочек своей устрашающей пикой. Разбойник взвесил их на ладони и поднял к свету, восхищаясь прозрачным голубым сиянием. Потом снова повернулся к Ши, удивленно вскинув брови.

— Может, ты и не врешь, а может, просто украл их. Они кажутся слишком ценными, чтобы таскать их с собой как талисман. Пусть они лучше хранятся у меня, пока я не узнаю наверняка, что они твои.

— Но мне надо идти... я должен встретиться с друзьями! — в отчаянии выкрикнул Ши. — Я не могу ходить за вами, пока вы не убедитесь, что это мои камни!

Панамон Крил медленно поднялся на ноги и посмотрел на Ши сверху вниз, засовывая мешочек с камнями за пазуху.

— Подумаешь, ерунда какая. Скажи, где тебя найти, и я принесу камни, как только проверю, правдив ли твой рассказ. Через несколько месяцев я как раз собираюсь в Южные земли.

Вне себя от гнева, Ши вскочил на ноги.

— Да ты просто вор, обычный грабитель с большой дороги! — выкрикнул он, решительно надвигаясь на Панамона.

Неожиданно Панамон Крил зашелся в приступе безудержного смеха, он даже хватался за бока от хохота. Кое-как успокоившись, он недоверчиво покачал головой и принялся утирать слезы, градом катившиеся по щекам. Ши в изумлении

смотрел на Крила, не понимая, что смешного в его обвинении. Даже скальный тролль на мгновение застыл и повернулся, чтобы взглянуть на них, его спокойное темное лицо было лишено всякого выражения.

— Ши, я всегда восхищался людьми, которые говорят то, что думают! — воскликнул Панамон, все еще хихикая от удовольствия. — Никто не посмеет обвинить тебя в ненаблюдательности!

Ши уже открыл рот для гневной тирады, но тут же осекся, с внезапной ясностью осознав всю правду. Что эти странные типы делают здесь, в далеких Северных землях? А главное, с чего вдруг они решили его спасти? Откуда они вообще узнали, что он пленник карликов? Юноша даже удивился, как столь очевидный ответ не пришел ему в голову с самого начала.

— Панамон Крил, добрый спаситель! — усмехнулся он с горечью. — Теперь понятно, почему ты так развеселился. Ты и твой дружок именно те, кем я вас назвал. Воры, грабители, разбойники с большой дороги! И вы явились сюда только ради камней. Как низко...

— Придержи язык, юноша! — Человек в алой одежде подскочил к Ши, размахивая своей железной пикой. Широко лицо исказилось от ненависти, неизменная улыбка под маленькими усиками вдруг сделалась зловещей, и в темных глазах зажглись гневные огоньки. — Думай про нас что хочешь, только держи это при себе! Я не первый день живу на свете, и никто никогда не осыпал меня дарами! А раз так, я никому не позволю что-либо у меня забирать!

Ши испуганно попятился, понимая, что опрометчиво перешел границы дозволенного с этим непредсказуемым человеком. Без сомнения, главной целью парочки были эльфийские камни, а спасти пленника они решили случайно, в самый последний момент. Панамон Крил был не из тех, над кем можно безнаказанно насмехаться, и несдержанность вполне могла стоить Ши жизни. Еще мгновение рослый грабитель сверлил перепуганного юношу недобрым взглядом, потом медленно отступил назад, его искаженные гневом черты рас-

стабились, и вместе с улыбкой на лицо вернулась маска прежнего благодушия.

— Да с чего бы нам с Кельтсетом это отрицать? — Размашистым шагом он прошелся взад и вперед, затем снова вернулся к Ши. — Мы плывем по волнам судьбы. Только ум и споровка — вот что нас кормит, от других людей мы ничем не отличаемся, разве что методы у нас свои. Да еще мы ненавидим всякое лицемерие! Все люди воры, только мы воры честные и старомодные и не стыдимся своего ремесла.

— А как вы оказались здесь? — неуверенно спросил Ши, боясь снова разозлить своего вспыльчивого собеседника.

— Прошлой ночью, сразу после заката, мы проходили мимо и заметили костер, — охотно ответил тот, все его раздражение вмиг улетучилось. — Я подкрался к краю поляны, чтобы посмотреть поближе, и увидел, как наши маленькие желтолицые друзья забавляются с этими голубыми камешками. Тебя я тоже заметил — лежал весь связанный, хоть сейчас на вертел. Поэтому я позвал Кельтсета и решил убить двух зайцев сразу — ха-ха, как видишь, я не солгал, мне действительно не понравилось, что эти мерзавцы взяли в плен моего земляка!

Ши кивнул, хотя и сомневался, что его нынешнее положение лучше плена у карликов.

— Не бойся, парень. — Панамон Крил словно прочитал его мысли. — Мы тебя не тронем. Нам нужны только камни, за них могут неплохо заплатить, а денежки нам не повредят. Ты же хоть сейчас волен возвращаться туда, откуда пришел.

Внезапно он отвернулся и пошел к Кельтсету, который послушно дожидался его рядом с небольшой кучкой оружия, одежды и прочих более-менее ценных вещей, собранных с убитых карликов. Рядом с внушительной фигурой тролля его тоже отнюдь не маленький приятель казался крошечным, темная бугристая кожа придавала великану сходство с деревом, в тени которого стоял человек в алом плаще. Они коротко переговорили, Панамон что-то негромко втолковывал своему подельнику, а тот бурно жестикулировал и кивал массивной головой. Потом они повернулись к трофеям, Крил

сноровисто рассортировал их, отбросив большую часть добычи в сторону как бесполезный хлам. Ши растерянно наблюдал за ними, не зная, что делать дальше. Без волшебных камней он был совершенно беззащитен в этих диких краях. Только друзья могли вступить за него и помочь отвоевать камни, но он разминутся с ними в Драконьих Зубах. Поворачивать назад, когда пройден такой долгий путь, было невыносимо, даже если возвращение не столь опасно, как дорога к Паранору. К тому же от него зависели все остальные, и он не мог бросить Флика и Мениона, какая бы опасность ему ни грозила.

Панамон Крил обернулся через плечо, и на его красивом лице отразилось легкое удивление, когда он увидел, что юноша до сих пор стоит на прежнем месте.

— И чего ты ждешь?

Ши медленно покачал головой, давая понять, что и сам толком не знает. Мгновение рослый вор рассматривал его, потом подозвал жестом, коротко улыбнувшись.

— Иди сюда, перекуси с нами, Ши, — пригласил он. — По крайней мере, подкрепишься перед возвращением на Юг.

Вскоре все трое уже сидели вокруг небольшого костра, глядя, как подогреваются на огне аппетитные куски вяленой говядины. Немой Кельтсет сидел рядом с хрупким юношей с эльфийской кровью и не сводил глаз с дымящегося мяса, по-детски стиснув руки и опустившись на корточки перед костром. Ши обуревало сильное желание протянуть руку и потрогать странное существо, узнать, какая на ощупь его грубая, похожая на кору дерева кожа. Черты лица тролля, даже с близкого расстояния, казались смазанными. Пока не готовилось мясо, он ни разу не шевельнулся и сидел неподвижно, словно скала, на которой даже само время и сменяющиеся эпохи не оставляют следа. Панамон Крил поднял голову и заметил, что Ши внимательно наблюдает за великаном. Он широко улыбнулся и хлопнул вздрогнувшего юношу по плечу.

— Он не кусается... во всяком случае, когда сыт! Вот твержу тебе, твержу, а ты не слушаешь! Эх, молодость, мятежная, бесшабашная молодость! Разве вы слушаете умудренных

опытом стариков? Кельтсет такой же, как мы с тобой, только больше и спокойнее, а при моей работе это бесценный клад. Свое дело он знает лучше любого человека, а уж я сменил немало напарников, поверь мне.

— Наверное, он делает все, что ты ему велишь? — коротко спросил Ши.

— Конечно делает, — последовал быстрый ответ, затем фигура в красном плаще нависла над побледневшим юношей, железная пика резко взметнулась, придавая весомости словам. — Только не пытайся меня подловить, парень, я во все не сравниваю его с животным. Когда нужно, он думает не хуже нас с тобой. Просто я стал его другом в те времена, когда никто даже не хотел смотреть в его сторону, ни одна живая душа! Он самое сильное существо, какое я когда-либо видел. Он мог бы раздавить меня, даже не заметив. Но знаешь что? Я его одолел, и теперь он предан мне!

Он замолчал, с удовольствием наблюдая за испугом и недоверием на лице своего собеседника. Панамон весело засмеялся и в восторге захлопал себя по коленке — именно такой реакции он и ожидал.

— Я одолел его дружбой, а не силой! Я уважаю его, как человека, обращаюсь с ним как с равным, вот за такую невысокую цену я и приобрел его верность. Ха, как я тебя удивил!

Все еще хихикая над своей незатейливой шуткой, Крил снял с огня прут с полосками мяса и протянул безмолвному троллю, тот отделил несколько кусков и принялся жевать с громким чавканьем. Ши осторожно попробовал предложенную еду и вдруг понял, что просто умирает с голоду. Он даже не помнил, когда ел в последний раз, поэтому с жадностью начал поедать вкусную говядину. Панамон Крил в изумлении покачал головой и протянул юноше еще один кусок, прежде чем взять себе. Несколько минут все трое молча жевали, и, только утолив первый голод, Ши отважился продолжить расспросы.

— А как вы решили стать.. разбойниками? — спросил он осторожно.

Панамон Крил бросил на него острый взгляд и удивленно поднял брови.

— А тебе не все равно? Хочешь написать про нас книгу? — Он помолчал и, неожиданно поборов гнев, мягко улыбнулся собственной раздражительности. — В этом нет никакого секрета, Ши. Видишь ли, я никогда особенно не тяготел к честной жизни, делать ничего толком не умел. В детстве я был несносным ребенком, любил приключения, свободу и ненавидел работать. Потом случилось несчастье, и я лишился руки, отчего найти работу, которая худо-бедно прокормила бы меня, стало еще труднее. Я жил тогда в самом центре Южных земель, в Толхане. Сначала начались мелкие неприятности, потом крупные, и они росли как снежный ком. Не успел я опомниться, как начал скитаться по всем четырем землям и добывать пропитание грабежом. Самое забавное, что к этому ремеслу у меня открылся настоящий талант. И мне понравилось, ужасно понравилось! Вот так! Пусть я не богат, зато в счастливой гармонии провожу свою молодость, ну или зрелость.

— А ты никогда не хотел вернуться? — продолжал расспрашивать Ши, не в силах поверить, что этот человек честен с самим собой. — Неужели ты никогда не вспоминал о доме и...

— Послушай, парень, давай обойдемся без душещипательных сцен, — со смехом простонал его собеседник. — Еще чуть-чуть, и я разрыдаюсь, упаду на свои старые больные колени и начну каяться!

И он забился в приступе такого дикого хохота, что даже безмолвный тролль ненадолго отвлекся от трапезы и изумленно посмотрел на него. Ши почувствовал, как от смущения и ярости щеки заливаются румянцем, медленно отвернулся к еде и принялся сердито жевать говядину. Крил смеялся долго, потом хриплый хохот перешел в короткие смешки, разбойник в изумлении потряс головой и попытался проглотить кусочек мяса. Дожевав, он продолжил свой рассказ уже более спокойно.

— Я бы хотел прояснить, что история Кельтсета отличается от моей. Я сам выбрал такую жизнь, а вот у него были причины посерьезнее. Он немой от рождения, а тролли не любят калек. Думаю, калеки для них главный объект насмешек

и издевок. Вот почему сородичи сделали жизнь Кельтсета невыносимой, пинали его, били, вымещали на нем свой гнев. Он стал для всех козлом отпущения, но ни разу не дал сдачи, всдь у него никого не было, кроме его мучителей. А потом он вырос и стал большим, таким большим и сильным, что остальные начали его бояться. Как-то ночью несколько юнцов решили его избить, жестоко избить, чтобы он ушел прочь или даже умер. Они думали, что их жертва как обычно стерпит все мучения, но Кельтсет неожиданно дал отпор и убил троих. За убийство его прогнали из деревни, а изгнанный тролль не может построить дом вне собственного племени, или как там они себя называют. Поэтому он скитался один-одинешенек, пока не повстречал меня.

Крил слабо улыбнулся и посмотрел на широкое невозмутимое лицо тролля; великан сосредоточенно и старательно дожевывал мясо.

— Он знает, чем мы занимаемся, и даже понимает, что ремесло это не слишком честное. Но он как обиженный ребенок, который ни разу не видел добра от других, поэтому и сам не отличается особой почтительностью. Кроме того, мы промышляем в основном в этой части страны, а здесь живут только карлики и гномы, исконные враги троллей. Дальше на север мы не заходим, да и в Южные земли заглядываем редко. В общем, все у нас как надо.

Он вернулся к еде и стал рассеянно жевать мясо, глядя на догорающие угли и подпихивая их носком кожаного сапога, от чего искры взлетали небольшими фонтанчиками и, остывая, превращались в золу. Ши молча доедал свой кусок, отчаянно думая, как вернуть камни и узнать, где сейчас его друзья. Вскоре трапеза закончилась, разбойник в красном плаще резко поднялся и быстро разбросал остатки костра ногами. Скальный тролль поднялся вместе с ним и, нависая огромной тушей над Ши, тихо ждал, пока его друг закончит сборы. Наконец Ши тоже поднялся, глядя, как Панамон Крил собирает добычу и оружие в мешок и передает троллю. Потом он повернулся к невысокому юноше и коротко кивнул.

— Было интересно с тобой познакомиться, Ши, желаю тебе удачи. Каждый раз, думая об этих камешках, буду вспо-

минать о нашей встрече. Очень жаль, что тебе не удалось их сохранить, зато ты сохранил жизнь, вернее, я помог тебе ее сохранить. Так что, будем считать эти камни подарком за услугу. Тогда и расставание с ними пройдет легче. Ну а теперь тебе лучше отправляться в путь, если хочешь поскорее добраться до безмятежных Южных земель. К юго-западу отсюда есть городок Варфлит, там ты найдешь помощь. Только держись открытой местности.

Он повернулся, чтобы уйти, и взмахом руки велел Кельтсету следовать за собой; сделав несколько размашистых шагов, Крил снова обернулся через плечо. Юноша не двигался с места, словно в оцепенении, он смотрел вслед уходящей парочке. Панамон Крил возмущенно покрутил головой и прошел еще немного вперед, затем в тревоге обернулся и резко остановился, уже зная, что этот упрямец стоит в прежней позе.

— Да что с тобой такое? — сердито спросил он. — Только не говори, что тебя осенила глупейшая мысль выследить нас и попытаться выкрасть камни! Подобный поступок разрушит наши прекрасные отношения, потому что мне придется отрезать тебе уши, а может, и что похуже! Так что давай толай отсюда!

— Ты не знаешь, что это за камни! — в отчаянии выкрикнул Ши.

— Еще как знаю, — последовал быстрый ответ. — С этими камнями мы с Кельтсетом больше не сирые и убогие разбойники. И хотя бы короткое время нам не придется грабить или просить милостыню. Эти камни означают деньги, Ши.

Ши в отчаянии кинулся к двум грабителям, он так и не придумал, как вернуть бесценное сокровище. Панамон Крил с недоверием следил за его приближением, уверенный, что парень сошел с ума, если собирается отбить камни силой. Он в жизни не встречал такого упрянца. Мало этому неблагодарному мальчишке, что ему спасли жизнь и даровали свободу. Задыхаясь, Ши остановился в нескольких шагах от двух высоченных фигур, в голове вихрем пронеслась мысль, что он в последний раз искушает судьбу. Теперь их терпение точно иссякло, и от него скоро останется лишь мокрое место.

— Я не сказал тебе всей правды,— выдохнул он наконец.— Я не мог... я и сам не знаю всего. Только это камни очень важны, и не для меня одного, а для всех людей во всех землях. Даже для тебя, Панамон.

Грабитель в алом плаще посмотрел на него со смесью удивления и недоверия, однако в его глазах не было гнева. Ничего не говоря, он терпеливо ждал, пока взволнованный юноша продолжит.

— Ты должен поверить мне! — воскликнул Ши.— Это не простые камни.

— Ты-то уж точно в это веришь,— бесстрастно произнес Крил.

Он посмотрел на стоявшего рядом тролля и равнодушно пожал плечами. Кельтсет вдруг быстро шагнул к юноше, и тот в ужасе попятился, однако Панамон Крил взмахом руки остановил своего неохватного приятеля.

— Послушай, окажи мне только одну услугу,— в отчаянии взмолился Ши, хватаясь за любую возможность потянуть время.— Проводи меня в Паранор.

— Да ты, верно, спятил! — воскликнул вор, в ужасе от такого предложения.— Зачем тебе понадобилась эта черная крепость? Это ужасная, враждебная страна. Ты там и пяти минут не протянешь! Отправляйся домой, мальчик! Иди в свои Южные земли и оставь меня в покое.

— Я должен попасть в Паранор,— продолжал настаивать Ши.— Я туда шел, когда карлики схватили меня. Там мои друзья, они станут искать меня. Я должен встретиться с ними в Параноре!

— Паранор плохое место, скопище северных тварей, даже я бы испугался идти туда,— с жаром произнес Панамон.— Говоришь, друзья у тебя там? А может, ты хочешь заманить нас с Кельтсетом в ловушку и отнять камни? Это и есть твой план? Забудь о нем немедленно! Воспользуйся моим советом, отправляйся на Юг, пока не поздно!

— Да ты просто боишься! — выкрикнул Ши.— Боишься Паранора, боишься моих друзей. Ты трус, вот ты кто...

Он запнулся на полуслове, увидев в глазах вспыльчивого разбойника недобрые огоньки, широкое лицо Крила покрас-

нело от гнева. С минуту он стоял неподвижно, дрожа от ярости и буравя хрупкого юношу испепеляющим взглядом, но тот не сдавался, возложив все надежды на последнюю фразу.

— Если ты не возьмешь меня с собой, только до Паранора, я пойду один, и пусть судьба решит, — пригрозил он. Он понаблюдал за их реакцией и продолжил: — Я только прошу довести меня до границы Паранора. Дальше вам идти не надо, не переживайте, ни в какую западню я вас заводить не собираюсь.

Панамон Крил снова недоверчиво покачал головой, гнев его испарился, и на сжатых губах заиграла слабая улыбка. Он отвернулся к своему приятелю троллю, потом снова пожал плечами и кивнул.

— А с чего нам-то переживать? — с насмешкой произнес он. — Это ты суешь голову в петлю. Идем, Ши.

Глава 19

Все дальше на север, через дикие холмы и буераки, продвигалась странная компания, к полудню они остановились, чтобы наскоро перекусить и немного отдохнуть. За все время пути с самого утра местность ничуть не изменилась — бесконечные подъемы и спуски сменяли друг друга, чрезвычайно осложняя путешествие. Даже могучему Кельтсету приходилось карабкаться и ползти наравне с людьми, тролль не мог найти надежной почвы под ногами или ровной поверхности, чтобы идти прямо. Вдобавок к холмам и приторкам здешняя сторона была пустынна и неприветлива. На заросших травой холмах встречались редкие кустарники и невысокие деревца, однако жалкая растительность казалась такой неприкаянной, что путники с каждым шагом мрачнели все больше. Высокие, похожие на хлысты сорняки больно хлестали по ногам, а смятые тяжелыми сапогами, быстро распрямлялись. Оглядываясь назад, Ши не замечал никаких следов недавно прошедших здесь людей. Кривые, пригнутые к земле деревья были усеяны маленькими листочками и казались пасынками природы, брошенными еще при рождении и оставленными на произвол судьбы в безжизненной пустыне. Здесь не было ни зверей, ни птиц, и с самого рассвета трое путников не видели и не слышали ни единого живого существа.

Зато в разговорах недостатка не было. Временами Ши даже хотелось, чтобы Панамона Крила хотя бы на несколько минут утомил его собственный голос. Все утро разбойник болтал без умолку, обращаясь то к своим спутникам, то к самому себе, а порой даже ни к кому в отдельности. Он говорил

обо всем на свете, зачастую ничего не смысля в том, о чем рассуждал. Единственной темой, которую он намеренно обходил стороной, был Ши. Крил вел себя так, словно южанин был его боевым товарищем или напарником по разбойничьему ремеслу, с которым можно свободно обсуждать все самые дикие выходки, не опасаясь упреков. Однако он старательно избегал говорить о самом юноше, об эльфийских камнях или о цели их путешествия. Видимо, он решил поскорее избавиться от докучливого южанина, проводив его до Паранора, где юноша сможет встретиться со своими друзьями, а потом преспокойно пойти восвояси. Юноша не знал, куда направлялась эта парочка до встречи с ним. Быть может, они и сами этого не знали. Ши внимательно слушал нескончаемые рассуждения велеречивого вора, изредка вставляя свои замечания, когда это казалось уместным или же когда собеседник ожидал услышать его мнение. Но все же мысли юноши были далеко, он не переставал думать о том, как вернуть бесценные камни. И грабитель, и сам юноша прекрасно понимали, что рано или поздно он попытается вернуть свое сокровище. Оставалось узнать, как он это сделает. Ши боялся, что хитрый Панамон Крил просто играет с ним, держа на длинном поводке; сначала разбойник выведает его намерения, а потом с веселым смехом затянет этот поводок на его шее.

По дороге Ши то и дело посматривал на скального тролля, ему очень хотелось понять, о чем думает невозмутимый великан. Если верить Панамону, отвергнутый своими сородичами тролль стал другом бесцеремонного грабителя за его доброту. Быть может, незатейливая на первый взгляд история и была правдива, однако что-то в поведении тролля заставляло юношу усомниться в этом. Кельтсет шел, высоко подняв голову, расправив массивные плечи, и вообще держался с большим достоинством. Наверное, он и правда был немой — за всю дорогу тролль не произнес ни слова. Однако в глубоко посаженных глазах великана светился ум, и юноша начал понимать, что Кельтсет не так прост, как его представлял балагур Крил. Чутье подсказывало Ши, что Панамон Крил, как и Алланон, не рассказал ему всей правды. Только в отличие от друида разбойник был обыкновенным лжецом,

и юноша чувствовал, что нельзя верить ни единому его слову. История Кельтсета наверняка была выдумкой, то ли потому, что вор просто солгал, то ли потому, что и сам не знал правды. А еще юноша больше не сомневался, что искатель приключений в алом плаще, который, повинувшись мимолетному порыву, спас его жизнь, а потом преспокойно присвоил бесценное сокровище, тоже не совсем обычный бродяга.

Они наскоро проглотили обед. Пока Кельтсет собирал нехитрые пожитки, Панамон сообщил Ши, что они почти достигли перевала Джанниссона, на северной границе холмов. За перевалом начинались равнины Стрелехейма, а после них до Паранора рукой подать. Разбойник не забыл напомнить, что там их пути разойдутся и юноша сможет встретиться с друзьями или отправиться в Башню друида, если захочет. В ответ Ши кивнул, уловив в голосе собеседника нотки нетерпения. Друзья-грабители только и ждали, когда он попытается вернуть свои камни. Однако он не стал глотать приготовленную наживку и с невозмутимым видом продолжал собирать свой мешок, ничего не отвечая на тираду хитрого Крила. Они продолжили путь и медленно продвигались между холмами к невысокой горной цепи, показавшейся впереди. Слева, в туманной дымке, виднелись далекие отроги Драконьих Зубов, и перевал Джанниссона как раз пролегал между ними и грядой этих новых, неизвестных гор. До границы Северных земель оставалось совсем немного, и о возвращении домой можно было забыть.

Панамон Крил с новым пылом обратился к своей неиссякаемой копилке рассказов о похождениях бывшего разбойника. Как ни странно, имя тролля в байках говорливого грабителя почти не упоминалось, что еще более утвердило Ши в его подозрениях. Юноше уже начинало казаться, что для Крила великан такая же загадка, как и для него самого. Если, как утверждал Панамон, они вместе промышляли воровством уже два года, почему Кельтсет так редко становился героем его рассказов. Более того, если при первом взгляде Ши показалось, что тролль всюду следует за своим приятелем, как верный пес за хозяином, то теперь, после внимательного наблюдения, он переменял свое суждение. И причиной рас-

туших сомнений Ши была не столько неумолчная болтовня вора, сколько поведение молчаливого тролля. Его гордая выправка и независимый вид обескураживали. Кельтсет быстро и решительно расправился с отрядом карликов, однако теперь Ши отчего-то был уверен, что тролль поступил так, как велел ему долг, а не просто из желания услужить своему приятелю или заполучить ценные камни. Так и не решив для себя, кто этот загадочный молчун, Ши пришел к убеждению, что на несчастного бродягу и изгоя, отвергнутого собственным народом, Кельтсет точно не похож.

Стало очень жарко, и Ши обливался потом. Упрямые холмы никак не хотели уступать место равнинам, и с каждым часом пути становилось все труднее преодолевать их. Крил продолжал трещать без остановки, посмеиваясь и пересыпая свои рассказы шутками, словно они с Ши были давними приятелями. Он рассказывал обо всех четырех землях, о людях, живущих там, их привычках и обычаях. Рассказ о Западных землях особенно насторожил юношу, ему показалось, что разбойник не слишком хорошо знаком с эльфийским народом, но он снова предпочел оставить свои подозрения при себе. Он покорно выслушивал истории о женщинах, которых Панамон встречал в своих долгих странствиях. Разумеется, не обошлось и без неизменной повести о прекрасной принцессе, которую он спас и полюбил неземной любовью, но коварный отец разлучил влюбленных и увез красавицу в далекие края. Ши сочувственно вздыхал, потешаясь в душе над затосковавшим вдруг разбойником, который обещал непременно разыскать любимую. Не удержавшись, Ши все-таки ввернул словцо и выразил надежду, что принцесса сумеет убедить своего возлюбленного оставить нечестное ремесло, когда он наконец отыщет ее. Крил бросил на него испепеляющий взгляд, но увидел серьезное лицо юноши и даже ненадолго затих, очевидно задумавшись над таким будущим.

Часа через два они добрались до перевала Джанниссона. Широкий перевал соединял две горные цепи, открывая удобный проход к просторным равнинам сразу за ним. Величественными горами на юге действительно оказались Драконьи

Зубы, а вот названия северной гряды Ши не знал. Он слышал, что дальше, на севере, простирались Чарнальские горы, родина могучих троллей. Вероятно, здесь начинались их южные отроги. Эти далекие, почти неизведанные вершины долгие века оставались дикими и пустынными, здесь жили только свирепые воинственные тролли. Племя скальных троллей было самым многочисленным, но в этой части Северных земель встречались и другие племена. Червь сомнения снова зашевелился в душе юноши — если все скальные тролли похожи на Кельтсета, значит, представление южан о них как о кровожадных недоумках совершенно неверно. Казалось невероятным, что его земляки так плохо знают другие народы, живущие по соседству. Даже в учебниках, по которым Ши учили в детстве, тролли представляли диким невежественным народом.

Неожиданно Панамон велел всем остановиться перед входом на перевал и прошел несколько шагов вперед, внимательно оглядывая высокие склоны по обе стороны дороги, очевидно опасаясь засады. После нескольких минут пристального изучения он приказал безмолвному троллю осмотреть перевал и убедиться в его безопасности. Великан быстро ушел вперед и скоро затерялся между холмами и скалами. Улыбаясь возмутительно самодовольной улыбкой, Панамон предложил Ши присесть и подождать возвращения тролля. Он явно гордился собственной мудростью и предусмотрительностью, которая наверняка уберет их от ловушки, приготовленной дружками Ши. Если сам паренек не внушал ему опасений, то друзья южанина вполне могли оказаться коварными злодеями. Чтобы скоротать время в ожидании, словоохотливый искатель приключений решил нарушить тишину очередной леденящей душу историей из жизни разбойника с большой дороги. Новую байку, как и все прочие, Ши считал маловероятной и цветистой. Зато Крил упивался своим рассказом, словно и не повторял его в пятисотый раз. Ши стоически выслушивал откровения разбойника, стараясь приладить лицу заинтересованное выражение, хотя все мысли юноши были заняты будущим. Совсем скоро они достигнут гра-

ниц Паранора, и дальше ему придется идти одному. Необходимо как можно скорее разыскать друзей, если он хочет выжить в этом диком краю. Повелитель чародеев со своими ищейками шли по его следам, и, если они обнаружат юношу раньше, чем он окажется под защитой Алланона, его ждала неминуемая смерть. А впрочем, друзья могли уже добратся до Башни друида и завладеть бесценным мечом, и тогда можно было праздновать победу.

Неожиданно на перевале показался Кельтсет и жестами позвал их за собой. Они поспешили к троллю и двинулись дальше уже втроем. На перевале Джанниссона не было укрытий, где могли бы затаиться злоумышленники, поэтому вероятность засады отменила сразу. Отдельные валуны и небольшие пригорки были слишком малы, чтобы за ними могло спрятаться больше двух человек. Перевал был довольно длинным, и прошел почти целый час, прежде чем путники миновали его. Впрочем, прогулка оказалась приятной, и время пролетело незаметно. Когда они вышли на северной оконечности перевала, то увидели перед собой равнины, а за ними еще одну горную грядку, которая тянулась на запад. Равнины лежали в низине, словно подковой, охваченной с трех сторон горами и лесами и открытой на западе. Унылая равнина казалась совершенно безжизненной, кое-где из иссохшей земли растрепанными пучками торчала чахлая бледно-зеленая трава, редкие искривленные кусты едва доходили Ши до колен. Даже весной заброшенные поля не расцветали, и в мрачные окрестности Паранора редко забредали живые существа.

Когда Панамон повел их на запад, из опасения неожиданного нападения держась в сотнях ярдов севернее леса и гор, Ши догадался, что граница Паранора близка. Юноша отважился спросить человека в атом плаще, где именно находится крепость, но мошенник только лукаво улыбнулся и заверил его, что осталось немного. Расспрашивать было бессмысленно, и Ши смирился с тем, что ему предстоит оставаться в неведении, пока разбойник не решит наконец избавиться от своего навязчивого попутчика. Он принялся разглядывать равнины, голые просторы внушали трепет и завораживали. С тех пор как он покинул дом, для него вдруг открыл-

ся целый мир, и, несмотря на вполне понятный страх за свою жизнь, он жадно впитывал новые ощущения и не хотел ничего пропустить. Они с Фликом всегда мечтали отправиться в путешествие, и, даже если они не найдут великий меч, а сами погибнут и канут в забвение, пока у них есть время насладиться каждой минутой этого удивительного приключения.

К середине дня все трое обливались потом, от немилосердного солнца мало-помалу росло раздражение. Чуть в стороне от людей ровной и уверенной походкой вышагивал Кельтсет, грубое лицо тролля по-прежнему оставалось непроницаемым, темные колючие глаза шурились от раскаленного добела солнца. Панамон перестал балагурить, он мечтал поскорее дойти до цели и избавиться от южанина, как от лишнего груза. Ши устал и вымотался, два дня непрерывного пути истощили его и без того скудный запас жизненных сил. Троица шла под палящим солнцем, не имея возможности хотя бы ненадолго укрыться в живительной тени, от безжалостного света приходилось все время шуриться. Когда солнце склонилось к западу, различать дорогу впереди стало еще труднее, и вскоре Ши оставил всякие попытки понять, где они находятся, полностью доверившись Панамону. Они подошли к северной оконечности гор, обошли их справа и увидели сразу за невысокой грядой бескрайнее поле. Равнина была такая огромная, что Ши увидел всю линию горизонта, там, где небо смыкалось с землей. На его осторожный вопрос, не это ли равнины Стрелехейма, Панамон ответил не сразу, однако после короткого размышления сухо кивнул.

Больше об их местонахождении, как и о дальнейшей судьбе Ши в планах Панамона, не было сказано ни слова. Из долины, похожей на подкову, они вышли на восточную границу равнин Стрелехейма, протянувшихся бескрайними просторами на север и на запад. Удивительно, но из долины этот участок пути, стиснутый слева скалами и лесом, казался совершенно ровным, однако, когда путники подошли ближе, они неожиданно очутились на вершине холма. Здесь были даже рощицы из невысоких деревьев, и густые заросли кустарников, и... нечто, совершенно чуждое этой земле. Все трое заметили странные предметы одновременно, и Пана-

мон дал знак остановиться, с подозрением взглядываясь вперед. Прикрывая глаза ладонью от яркого солнца, Ши разглядел ряд кольев, воткнутых в землю, вокруг них на сотни ярдов во все стороны были разбросаны ворохи цветного тряпья и обломки сверкающего на солнце металла или стекла. И еще он увидел едва различимые черные точки, которые двигались между тряпок и мусора. Панамон громко крикнул, и все вздрогнули от сильного хлопанья иссиня-черных крыльев и испуганного клекота потревоженных стервятников, когда темные точки вдруг превратились в огромных птиц и медленно и неохотно поднялись в сияющее небо. Крил и хрупкий юноша застыли в немом изумлении, а тролль прошел немного вперед и внимательно всмотрелся в даль. Потом он повернулся и энергично замахал своему другу. Панамон угрюмо кивнул.

— Здесь было сражение, — объявил он отрывисто. — И там лежат погибшие.

Все трое медленно двинулись к страшному полю. Ши тащился сзади, он вдруг испугался, что увидит растерзанные тела своих друзей. С каждым шагом размытая издали картина становилась все отчетливее, и вскоре они увидели, что из земли торчат вовсе не палки, а копья и знамена, а пятнышки сверкающего света — это мечи и кинжалы, разбросанные по полю. Оружие валялось рядом с павшими, некоторых смерть застала с мечом в руках, и они так и лежали, сжимая клинки мертвыми пальцами. То, что путники издали приняли за тряпье, оказалось мертвыми воинами, их залитые кровью скрюченные тела медленно разлагались под жарким белесым солнцем. Ши задохнулся, когда ему в ноздри ударил запах смерти, над зловонными останками деловито жужжали мухи. Идущий впереди Панамон оглянулся, и губы его скривились в мрачной ухмылке. Он догадался, что юноша никогда прежде не видел смерть так близко и эта ужасная картина навсегда отпечатается в его памяти.

Ши поборол приступ подступающей к горлу тошноты и заставил себя ступить на скорбное поле вслед за своими спутниками. На полосе холмистой земли лежали сотни окоченевших трупов. Никто не выжил в этой чудовищной бойне, на-

прасно они искали здесь живых. Глядя на беспорядочно разбросанные тела, Панамон сразу догадался, что битва была долгой, противники сражались не на жизнь, а на смерть, никто не просил пощады и никто пощады не давал. Он тотчас узнал штандарты карликов, да и горбатые желтые тела нельзя было ни с чем спутать. Пытаясь понять, с кем сражались карлики, он продолжал разглядывать мертвых и вскоре обнаружил, что противниками маленького народца были эльфы.

Панамон растерянно остановился среди мертвецов, не зная, что делать дальше. А его хрупкий спутник расширенными от ужаса глазами потрясенно смотрел на усеянное трупами поле, переводя взгляд с одного мертвого лица на другое; изрубленные тела карликов и эльфов лежали рядом, на красной от крови земле. Только сейчас он по-настоящему понял, что такое смерть, и испугался. В ней не было ничего романтического — только тошнотворная мерзость и ужас. Смерть этих воинов была совершенно бессмысленна, быть может, они даже сами не знали, за что отдали свои жизни. Никакие возвышенные идеалы или прекрасные стремления не могли служить оправданием этой чудовищной бойне.

Неожиданное движение Кельтсета отвлекло юношу от мрачных мыслей, он увидел, как тролль поднял брошенный штандарт; полотнище было разорвано и залито кровью, древко сломано пополам. На гербе был изображен ворон на раскидистом дереве, окруженном венком из ветвей. Отчаянными жестами Кельтсет пытался что-то сказать Панамону и казался чрезвычайно взволнованным. Крил нахмурился и торопливо оглядел лица лежащих рядом воинов, потом, удаляясь от своих спутников, пошел по широкому кругу. Кельтсет встревоженно огляделся, внезапно его глубоко посаженные глаза остановились на молодом южанине, что-то в лице Ши явно настораживало тролля. Вернулся Панамон, необычайное волнение было написано на его обычно самодовольном лице.

— Да, друг мой Ши, здесь разыгралась настоящая трагедия, — произнес он угрюмо, решительно упираясь руками в бока и широко расставив ноги. — Это знамя королевского рода Элесседилов, личный штандарт Эвелтина. Я не нашел его

тела среди трупов, но легче мне от этого не стало. Если с эльфийским королем что-нибудь случится, начнется чудовищная война. И тогда никто не спасется, никто!

— Эвентин! — испуганно воскликнул Ши. — Он же охранял северные границы Паранора на случай...

Юноша резко оборвал фразу, боясь выдать себя, но Панамон Крил продолжал рассуждать и, казалось, ничего не услышал.

— Ерунда какая-то, карлики и эльфы сражаются здесь, посреди пустоши. Почему Эвентин оказался так далеко от своей земли? Возможно, они сражались за что-то. Ничего не пони... — Он запнулся, невысказанная мысль повисла в воздухе и застыла в тишине. И вдруг Крил пристально посмотрел на юного Омсфорда. — Что ты сейчас сказал? Что-то об Эвентине?

— Ничего, — испуганно промямлил Ши. — Я ничего не...

Разбойник схватил несчастного Ши за грудки, притянул к себе и медленно оторвал от земли, их лица разделяло всего несколько дюймов.

— Хватит изворачиваться, коротышка! — Покрасневшее от гнева лицо казалось огромным, злые глаза сузились. — Живо говори все, что ты об этом знаешь! Думаешь, я не понял, что ты не все сказал о своих камешках, да и карлики неспроста взяли тебя в плен. Пошутили, и хватит! Выкладывай!

Отчаянно пытаясь освободиться от железной хватки Крила, юноша висел в воздухе и пытался придумать правдоподобный ответ. Неожиданно над ними зависла огромная черная тень и стремительным вихрем опустилась с предвечернего неба, громко хлопая чудовищными крыльями. Гигантская тварь неторопливо подошла ближе и замерла в грациозной позе в нескольких шагах от них, и юноша тотчас ощутил знакомый леденящий ужас, словно сама смерть стояла рядом. Все еще рассерженный, хотя и озадаченный внезапным появлением чудовища, Панамон Крил резко опустил юношу на землю и развернулся к крылатой твари. Не помня себя от страха, Ши чувствовал, как кровь стынет в жилах и тело сотрясает крупная дрожь. Посланник Черепа! Они все-таки выслежили его, и некуда бежать.

Злобные красные глазки враждебной твари быстро скользнули по великану троллю, застывшему рядом, задержались на мгновение на разбойнике в красном плаще и наконец переместились на хрупкого южанина, впились в его испуганное лицо, проникая в спутанные мысли. Панамон Крил хотя и с удивлением смотрел на странное существо, но самообладания не потерял. Он поднял руку и грозно потряс пальцем, смело глядя на черную тварь, широкая дьявольская усмешка медленно расплзалась по его вспыхнувшему лицу.

— Кто бы ты ни был, держись отсюда подальше! — отважно выкрикнул он. — Меня интересует только этот парень, и не...

Горящие глазки с ненавистью уставились на него, и Крил вдруг осекся, глядя на крылатую тварь с изумлением и недоверием.

— Где меч, смертный? — услышали они каркающий голос. — Я чувствую его. Отдай мне меч!

Несколько мгновений Панамон Крил озадаченно рассматривал чудище, затем кинул быстрый взгляд на испуганное лицо Ши. Только сейчас он понял, что отвратительное черное существо отчего-то люто ненавидит этого несчастного юношу с эльфийской кровью.

— Отрицать бессмысленно! — резанул скрипучий голос. — Я знаю, что меч у вас, и я должен забрать его. Бороться со мной бесполезно. Ваша битва проиграна. Последний наследник меча давно схвачен и убит. Отдайте мне меч!

Даже словоохотливый Панамон Крил примолк. Он совершенно не понимал, о чем говорит чудище, да и не пытался понять. Ясно было только одно — черная тварь вознамерилась их уничтожить, и время разговоров прошло. Разбойник поднял левую руку и провел по усикам острой пикой. Потом улыбнулся бесшабашной улыбкой и быстро обернулся на молчаливого тролля. Оба без слов понимали, что битва предстоит нештучная.

— Не будьте глупцами, смертные! — громко прошипела тварь. — Мне нужен только меч — не ваши жалкие жизни. А уничтожить вас мне ничего не стоит, даже при свете дня.

Надежда вдруг затеплилась в душе юного Омсфорда. Алланон как-то обмолвился, что сила посланников Черепа слабеет при свете дня. Может, до наступления заката эти твари уязвимы, и у двух закаленных в переделках разбойников есть надежда уцелеть в смертельной схватке. Но как сражаться с призраком, бессмертным духом, заключенным в брENNую оболочку? Сначала никто не двинулся, потом черная тварь неожиданно сделала выпад. В ответ Панамон Крил молниеносно выхватил из ножен на поясе широкий меч и занял боевую стойку, изготовившись к нападению. Громадная туша Кельтсета тут же выдвинулась вперед, и тролль из недвижимой статуи вдруг превратился в грозную боевую машину с горой железных мускулов. Он стоял, широко расставив могучие ноги, в руке появилась увесистая булава. Посланник Черепа остановился и метнул свирепый взгляд на скального тролля. Он впервые внимательно посмотрел на великана, и неожиданно его налитые кровью глаза расширились от удивления.

— Кельтсет!

Дальше все произошло мгновенно. Не успели они опомниться от изумления и понять, откуда посланник Черепа знает немого великана, как тролль атаковал противника с невероятной быстротой. Тяжелая булава просвистела по воздуху и с чудовищным хрустом ударила черную тварь в грудь. Панамон не мешкая бросился на помощь своему напарнику, нацелив меч и железную пику на культю левой руки в шею и грудь чудовища. Однако прикончить посланника Черепа оказалось не так просто. Быстро оправившись от удара булав, чудовище с легкостью парировало атаку Панамона когтистой лапой и отшвырнуло человека на землю. В следующую секунду его горящие глаза задымились, и из них метнулись две багровые молнии, целясь в упавшего Крила. Тот ловко увернулся, и молнии лишь слегка опалили алый плащ. Не успела тварь начать новую атаку, как на нее набросился Кельтсет и придавил к земле всем своим весом. Рядом с великаном троллем даже крылатый монстр казался шутливым; противники яростно боролись, перекатываясь по окровавленной траве. Панамон стоял на коленях и с силой встряхивал головой,

пытаясь прийти в чувство. Ши порывисто бросился к нему и схватил за руку.

— Камни! — взмолился он. — Отдай мне камни, и я смогу помочь!

Разбойник повернул к Ши разбитое лицо, и в глазах его вдруг вспыхнул знакомый злобный огонек.

— Заткнись и не суйся не в свое дело! — прорычал он, грубо отталкивая юношу и с трудом поднимаясь на ноги. — Хватит морочить мне голову, приятель. Просто стой где стоишь!

Подобрав выпавший меч, вор поспешил на помощь товарищу, пытаясь добить зажатого в тисках тролля посланника Черепа метким ударом. Несколько долгих минут все трое яростно метались по холмистому полю, расшвыривая очоленевшие тела мертвых карликов и эльфов. Панамон не мог похвастаться такой же силой, какой обладали его друг и крылатый монстр, зато невероятная ловкость позволяла ему с легкостью уворачиваться от ударов неповоротливого чудовища и грациозно отскакивать от горящих молний. Могучий Кельтсет ни в чем не уступал своему противнику, и свирепая тварь никак не могла одолеть его. Несмотря на ожоги и рваные раны от чудовищных когтей, великан продолжал сражаться под нескончаемым дождем из огненных стрел. Ши отчаянно хотел помочь, но прекрасно понимал, что с его ничтожными силами лучше не лезть в серьезную драку, да и кинжал его рядом с огромным посланником Черепа выглядел детской игрушкой. Вот если бы удалось вернуть камни...

Наконец двое смертных начали уставать от бесконечных нападок живучей твари. Их точные удары, казалось, не причиняли крылатому чудовищу особого вреда, и после долгого изнуряющего боя они поняли, что обычная сила не может уничтожить такого противника. Время шло, и становилось понятно, что сражение проиграно. Неожиданно отважный Кельтсет оступился и упал на одно колено. В тот же миг посланник Черепа выбросил вперед когтистую лапу и полоснул беззащитного тролля от шеи до пояса, швырнув его на землю. Панамон поднял меч и с яростным воплем кинулся на врага, однако все его удары были отбиты, а сам Крил в запале позабыл об осторожности и тотчас стал уязвим. Слуга По-

велителя чародеев обрушился на него, со стуком отбив в сторону железную кисть, из прищуренных глаз чудовища вылетели сверкающие молнии и ударили Панамона в грудь. Огненные стрелы опалили лицо и руки бесстрашного разбойника, а удар был такой мощный, что он упал на землю как подкошенный и потерял сознание. Крылатой твари оставалось только добить своих врагов, если бы не Ши. Увидев, что оба воина лежат на земле, юноша позабыл свой страх и метнул обломок копья в черную голову. Застигнутая врасплох свирепая тварь слишком поздно взмахнула когтистыми лапами, и острый обломок вонзился ей прямо в морду. Яростно трясая головой, чудовище пыталось освободиться от болезненной щепки, и в эту минуту Кельтсет, который уже крепко стоял на ногах, снова схватил его в тиски своих могучих рук и сжал до хруста.

Черная тварь яростно извивалась в железных объятиях великана, и Ши понимал, что Кельтсет не сможет удерживать ее долго. Юноша бросился к лежащему на земле разбойнику и отчаянными криками попытался поднять его. Раненый мужественно приподнялся, но тут же обессиленно рухнул на землю. Напрасно Ши умолял его, тряс за плечо и уговаривал отдать камни. Юноша кричал, что только они смогут уничтожить чудовище и другой надежды на спасение нет. Обернувшись на двух титанов, он с ужасом увидел, что хватка Кельтсета понемногу слабеет. Еще чуть-чуть — и тварь вырвется на свободу, а тогда смерть неминуемо настигнет всех троих. Вдруг из обожженного кулака Панамона прямо на ладонь почти отчаявшегося юноши выпал кожаный мешочек. Бесценные камни снова были у него.

Дрожащими от волнения руками юный Омсфорд развязал шнурок и вытряхнул на ладонь три голубых камешка. В тот же миг посланник Черепа вырвался из могучего захвата тролля и развернулся к великану, чтобы покончить с ним. Ши истошно завопил и протянул ладонь с камнями в сторону чудовища, умоляя мистическую силу спасти их. Едва тварь повернула голову к хрупкому юноше, как из камней вырвалось ослепительное голубое пламя. Черный призрак слишком поздно понял, что наследник Шаннары оживил спящее мо-

гушество эльфийских камней. Слишком поздно он уставил глаза-угольки на юношу и метнул в него огненные стрелы. Мощный голубой луч вмиг превратил молнии в сноп сверкающих искр и, прорезая воздух неукротимым горячим потоком, рванулся к черной скрюченной фигуре. С громким треском луч ударил в застывшую тварь, выжигая злобный дух из брэнной оболочки. Чудовище корчилося в страшных мучениях и визжало от ненависти к своему незримому убийце. И тогда Кельтсет резким движением поднялся на ноги, подхватил упавшее копьё, замахнулся, прогнувшись назад всем огромным телом и высоко вскинув руки, а потом со всего маху всадил копьё в спину чудовища. Крылатая тварь содрогнулась, чуть повернула голову, испустив предсмертный вопль, и медленно осела на землю, рассыпаясь в прах. Через мгновение от посланника Черепа осталась лишь горстка черной золы. Ши стоял, не опуская руки, устремленный на останки чудовища свет волшебных камней все еще горел. Потом кучка праха задрожала, и из середины взметнулось пыльное черное облако, тонкой струйкой дыма вытянулось к небу и растаяло в воздухе. Внезапно голубой луч погас, и битва закончилась, а трое смертных, словно статуи, застыли посреди молчаливого, залитого кровью поля.

Долго они не могли пошевелиться, потрясенные неожиданной развязкой. Ши и Кельтсет стояли, глядя на кучку черного пепла, словно ожидая, что свирепый призрак снова оживет. Панамон Крил лежал на боку, приподнявшись на локте, и пытался разглядеть обожженными глазами, что произошло. Наконец Кельтсет осторожно шагнул вперед, коснулся ногой черного холмика и разметал пепел по сторонам, словно убеждаясь, что ничего, кроме праха, там нет. Ши молча наблюдал за ним, машинально ссыпая эльфийские камни обратно в мешочек и засовывая их за пазуху. Вдруг вспомнив о Панамоне, он быстро развернулся и увидел, что упрямый бродяга уже пытается сесть, его глубоко посаженные карие глаза с удивлением смотрели на юношу. Кельтсет поспешил к другу и осторожно помог ему встать. От многочисленных ожогов лицо и грудь бравого разбойника почернели и сочились кровью, мощные когти злобной твари оставили рваные

раны, но кости, казалось, были целы. Крил быстро взглянул на Кельтсета, оттолкнул от себя его могучую руку и заковылял к застывшему в ожидании Ши.

— Так я и знал, — проворчал он, тяжело дыша и покачивая крупной головой. — Ты знаешь гораздо больше, чем говоришь, особенно об этих камешках. Почему ты с самого начала не сказал мне правду?

— А кто бы меня послушал? — быстро нашел оправдание Ши. — Да и ты не рассказал мне всей правды о себе и о Кельтсете. — Он помолчал, задумчиво глядя на могучего тролля. — Думаю, ты и сам о нем мало знаешь.

Крил с недоверием уставился на щуплого парня, и на его губах медленно расплзлась широкая улыбка. Казалось, слова юноши лишь забавляют его, однако Ши вдруг заметил уважение в темных глазах разбойника.

— Может, ты и прав. Я начинаю думать, что действительно ничего о нем не знаю. — Он искренне рассмеялся и внимательно посмотрел на грубое непроницаемое лицо скального тролля. Затем снова перевел взгляд на Ши. — Ты спас нам жизнь, Ши, и мы перед тобой в неоплатном долгу. Разумеется, ты можешь забирать свои камни. Это лишь та малость, которой я могу отблагодарить тебя. Обещаю, что никогда не стану претендовать на них. Более того, поверь, что по первому твоему зову и мой меч, и все мои скромные таланты к твоим услугам.

Он замолчал, тяжело дыша, усталость и раны давали о себе знать. Ши порывисто шагнул к нему, но разбойник жестом удержал юношу и отрицательно покачал головой.

— Не исключено, что нам предстоит стать большими друзьями, Ши, — проговорил он серьезно. — Однако настоящая дружба не терпит недосказанности. Думаю, ты должен поведать мне историю этих чудесных камней и рассказать об отвратительном чудовище, которое едва не оборвало мою блистательную карьеру в рассвете лет. Да, и не забудь упомянуть в своем рассказе знаменитый меч, о котором я ничего не знаю. В ответ я пролью свет на некоторые тайны, касающиеся меня и Кельтсета. Согласен?

Ши нахмурился и с подозрением взглянул на Крила, пытаясь найти подвох на его лице. После короткого раздумья он согласно кивнул и даже сумел выдавить из себя слабую улыбку.

— Я рад, Ши, — сердечно произнес Панамон, хлопая юношу по хрупкому плечу, и тут же рухнул на землю, ослабев от потери крови и головокружения.

Великан тролль и маленький южанин бросились к раненому и, несмотря на его слабые протесты, заставили лечь, а Кельтсет с нежностью матери, заботящейся о больном ребенке, обтирал влажной тряпкой обгоревшее лицо разбойника. Ши подивился такому быстрому превращению тролля из жестокой боевой машины в ласковую заботливую сиделку. Было в этом молчаливом великане нечто особенное, и Ши отчего-то не сомневался, что Кельтсет какими-то загадочными нитями связан и с Повелителем чародеев, и с поисками волшебного меча. Ведь не случайно посланник Черепа знал имя скального тролля. Наверняка они встречались прежде и вряд ли расстались друзьями.

Панамон оставался в сознании, но было совершенно ясно, что идти сам он не сможет. Несколько раз он пытался встать, но бдительный Кельтсет деликатно укладывал его обратно. Вспыльчивый разбойник осыпал великана страстными проклятиями и требовал, чтобы его немедленно поставили на ноги, но все без толку. В конце концов он успокоился, поняв, что ничего не добьется, и попросил перенести себя подальше от палящего солнца. Ши оглядел голую равнину — укрыться было негде. Единственная ближайшая тень была на юге — там начинался лес, окружавший Бащию друида и обозначающий границу Паранора. Если раньше Крил настойчиво повторял, что близко не подойдет к Паранору, то теперь право принимать решение ему не принадлежало. Ши указал на лес в полумиле от поля недавней битвы, и Кельтсет согласно кивнул. Когда разбойник понял, что предлагает Ши, он гневно завопил и наотрез отказался идти в лес, даже если ему придется умереть не вставая с этого места. Ши попытался урезонить упряма, заверяя, что его друзья, даже если встретятся им в лесу по счастливой случайности, совершенно не опас-

ны, однако Крила, казалось, больше путали загадочные слухи вокруг Паранора. Ши пришлось высмеять его и напомнить, как Панамон в своих рассказах похвалялся способностью выживать в самых ужасных переделках. Пока они пререкались, Кельтсет медленно поднялся и стал, будто бы из пустого любопытства, оглядывать равнину. Спорщики все не унимались, когда тролль наклонился над ними и сделал Панамону какой-то знак. Вор вздрогнул, кровь отлила от его лица, и он коротко кивнул. Чувствуя неладное, Ши начал было подниматься, но крепкая рука Крила удержала его на месте.

— Кельтсет заметил какое-то шевеление в тех кустах на юге. Отсюда не разглядеть, что там. Видишь заросли, как раз посередине между нами и лесом?

Лицо Ши тотчас приобрело пепельный оттенок.

— Держи свои камни наготове, могут понадобиться, — спокойно приказал вор, и стало ясно, что в кустах вполне мог прятаться еще один посланник Черепа, который только и дожидался захода солнца, чтобы застать их врасплох.

— Что будем делать? — испуганно спросил Ши, сжимая мешочек в кулаке.

— Нападем на него, пока он не напал на нас, у тебя есть другие предложения? — раздраженно заявил Панамон, жестом веля Кельтсету поднять себя.

Послушный великан наклонился и бережно поднял Панамона на могучих руках, словно ребенка. Ши подхватил палаш разбойника и присоединился к Кельтсету; тролль шел неторопливо, легкой размашистой походкой. По дороге Панамон снова разговорился не на шутку, он то покрикивал на юного Омсфорда, веля ему поторопиться, то отчитывал Кельтсета за недостаточную деликатность в обращении с ранеными. В отличие от весельчака Крила Ши не мог отделаться от беспокойства и скромно шел в хвосте, настороженно поглядывая по сторонам и в любую минуту ожидая опасности. В правой руке он сжимал мешочек с бесценными камнями, единственным оружием против могущественного Повелителя чародеев. Они отошли от места сражения примерно на сотню ярдов, когда Панамон вдруг приказал остановиться,

жалуясь на сильную боль в плече. Кельтсет осторожно опустил его на землю и выпрямился.

— Мое плечо возмущено таким беспардонным безразличием к своим костям и мышцам, — недовольно бурчал Панамон Крил, выразительно поглядывая на Ши.

Южанин тотчас понял, что они подошли к подозрительному месту, дрожащими руками он распустил завязки мешка и достал камни. Под неумолчное ворчание Панамона Кельтсет невозмутимо встал рядом со своим другом, небрежно поигрывая огромной булавой. Ши быстро огляделся и увидел слева от них густые заросли кустарника. Вдруг кусты едва заметно шевельнулись, и в груди его что-то оборвалось.

И тогда настал черед Кельтсета. Стремительным вихрем он пронесся к зарослям, запрыгнул в центр кустов и скрылся из виду.

Глава 20

А дальше началась настоящая свистопляска. Из кустов донесся пронзительный вопль, ветки заходили ходуном. Из всех сил пытаюсь встать, Панамон отчаянными криками умолял Ши бросить ему палаш, который насмерть перепуганный юноша все еще сжимал в левой руке. Оцепенев от страха, Ши надеялся только на магическую силу камней, готовый в любую секунду к нападению невидимого врага, который наверняка притаился в кустах. Обессилевший от бесплодных попыток подняться на ноги и докричаться до Ши, Панамон упал на спину. Из густых зарослей снова послышались крики, за ними неясный треск, а потом все стихло. И вдруг из зарослей возникла могучая фигура тролля, в одной руке он сжимал увесистую булаву, а другой держал за шею визжащего карлика, который дергался и извивался в железных тисках великана. Рядом с внушительной фигурой Кельтсета горбатый желтый карлик казался ребенком, руки и ноги его без остановки дергались, словно схваченные за хвост змеи. Пленник был в знакомой уже одежде охотников — кожаные штаны и накидка, высокие сапоги и перевязь от меча. Самого меча не было, и Ши догадался, что коротышка потерял свое оружие в кустах не без помощи тролля. Кельтсет подошел к Панамону, которому удалось-таки принять сидячее положение, и с чувством выполненного долга предъявил брыкающуюся жертву на осмотр.

— Пусти! Пусти меня, чтоб ты лопнул! — вопил карлик, вырываясь. — Ты не имеешь права! Я ничего не сделал, у меня даже оружия нет, говорю тебе! Отпусти меня!

Панамон Крил насмешливо посмотрел на маленького пленника, качая головой с явным облегчением. Слушая безостановочные жалобы карлика, он не выдержал и расхохотался.

— Какой страшный враг, Кельтсет! Да он бы от нас мокрого места не оставил, если бы ты не остановил его! Признайся, схватка наверняка была жаркой! Ха-ха-ха, глазам не верю. А мы-то боялись, что в кустах нас поджидают ужасные черные птички!

Однако Ши не разделял веселого настроения разбойника, он прекрасно помнил рассказ о стычке отряда с маленькими желтолицыми охотниками в Анарском лесу. Карлики слыли прекрасными воинами, и такого коварного противника нельзя было недооценивать. Заметив серьезное лицо юноши, Панамон прекратил потешаться над пленником и переключился на Ши.

— Не сердись, Ши. В таких передрыгах я смеюсь скорее по привычке, а вовсе не по глупости, как может показаться. Я смеюсь, чтобы не сойти с ума. Но хватит об этом. Что мы будем делать с нашим маленьким другом?

Карлик со страхом уставился на вмиг посерьезневшего человека, глаза его широко раскрылись, а поток возмущений превратился в тихое хныканье.

— Прошу вас, отпустите меня, — взмолился он подобострастно. — Я тихонько уйду и никому о вас не расскажу. Я сделаю все, как вы велите, друзья мои. Только разрешите мне уйти.

Кельтсет по-прежнему держал беспомощного карлика за шею, приподняв на фут над землей перед Ши и Панамоном, бедняга уже начал задыхаться. Заметив страдания пленника, Панамон знаком велел скальному троллю опустить жертву на землю и ослабить хватку. Делано задумавшись над мольбами карлика, Панамон взглянул на юного Омсфорда и неожиданно подмигнул ему, потом резко развернулся к карлику и поднес железную пику на левой руке к его горлу.

— Не вижу ни единой достойной причины сохранять тебе жизнь, не говоря уже о том, чтобы отпустить тебя, карлик, — объявил он зловещим голосом. — Единственное разумное ре-

шение, которое приходит мне в голову, — это перерезать тебе горло прямо сейчас. Тогда нам не придется волноваться о своем будущем.

Ши не поверил, что Крил говорит серьезно, однако голос разбойника звучал так убедительно, словно он совершенно искренне собирался исполнить свою угрозу. До смерти перепуганный карлик судорожно сглотнул и протянул руки в последней отчаянной мольбе о милосердии. Он причитал и плакал так, что Ши даже стало немного неловко за него. Панамон и бровью не повел, невозмутимо глядя на искаженное ужасом желтое лицо.

— Нет, нет, пощадите, не убивайте меня! — умолял обезумевший от страха карлик. круглые зеленые глаза метались с одного лица на другое. — Прошу вас, оставьте мне жизнь, я вам еще пригожусь! Я могу рассказать о мече Шаннары! Даже могу заполнить его для вас.

При этих словах Ши невольно вздрогнул и предостерегающе положил руку на плечо Панамона.

— Значит, ты можешь рассказать нам о мече, — равнодушно произнес тот ледяным тоном, не обращая внимания на юношу. — И что же ты можешь рассказать?

Дрожащий коротышка немного успокоился, круглые глаза вернулись к нормальному размеру и суетливо забегали по сторонам, выискивая спасительную соломинку. Неожиданно Ши заметил в глазах пленника нечто странное. Лишь на миг карлик расслабился, маска трусливого нытика спала с его лица, и в зеленых глазах мелькнула дьявольская хитрость. Однако это длилось лишь мгновение. В следующую секунду перед ними снова стоял беспомощный пленник, с рабской покорностью во взоре.

— Если хотите, я даже могу отвести вас к мечу, — прошептал он шепотом, словно боялся посторонних ушей. — Я отведу вас туда, где он лежит, а вы сохраните мне жизнь.

Панамон немного отодвинул острую железную пику от горла угодливого пленника, оставив на его шее тонкую красную отметину. Кельтсет не двигался и смотрел перед собой безучастными глазами. Юному Омсфорду не терпелось сказать Панамону, что помощь карлика в поисках волшебного

меча бесценна, но он догадался, что хитрец Крил нарочно предпочитает держать пленника в неведении. Юноша не знал, известна ли его новому знакомому легенда о мече; пока бра-
вый разбойник ни словом не выказал своего беспокойства за судьбы народов, да и о великом мече Шаннары ни разу не об-
молвился. Глядя на дрожащего карлика, Крил вдруг улыб-
нулся.

— Меч-то, поди, ценный, а, карлик? — спросил он безза-
ботно, почти лукаво. — Много золота за него дадут?

— Есть такие, кто даже считает его бесценным, — заверил его карлик, живо кивая головой. — Они готовы отдать за этот меч все, что имеют. Вот в Северных землях, например...

Он резко осекся, испугавшись, что наговорил лишнего. Панамон по-волчьи оскалился и кивнул Ши.

— Этот карлик уверяет, что может добыть для нас день-
ги, — тихо произнес он насмешливым тоном. — И карлик нам не лжет, верно, карлик?

Желтый коротышка с жаром закивал.

— Что ж, мы, пожалуй, сохраним ему жизнь, пусть дока-
жет, что у него есть нечто достаточно ценное, чтобы мы мог-
ли обменять это на его никчемную шкуру. Я не стану отка-
зываться от возможности разбогатеть только ради того, что-
бы удовлетворить естественное желание перерезать глотку
карлику, если он попался мне в руки. А что ты скажешь, кар-
лик?

— Вы все правильно поняли, вот увидите, я пригожусь, —
заскулил пленник, падая на колени перед ухмылявшимся раз-
бойником. — Я помогу вам, вы станете богачами! Только верь-
те мне!

Панамон уже улыбался во весь рот, он сидел в расслаблен-
ной позе, похлопывая здоровой рукой по плечу карлика, слов-
но они были старинными приятелями. Так продолжалось не-
сколько минут, Крил все хлопал маленького пленника по
плечу и ободряюще кивал ему, поглядывая то на карлика, то
на тролля, то на своего земляка.

— Расскажи-ка нам, карлик, что ты здесь делал один-оди-
нешенек, — неожиданно спросил Панамон. — Кстати, как
прикажешь к тебе обращаться?

— Мое имя Орл Фейн, я воин из племени пелл в Верхнем Анаре, — ответил тот охотно. — Меня... я направлялся с одним поручением из Паранора и по дороге набрел на это поле. Они все были уже мертвы, все до единого, я ничем не мог им помочь. А потом я услышал вас и спрятался. Я думал, что вы... эльфы.

Он помолчал и с опаской посмотрел на Ши, с явным ужасом разглядывая его эльфийское лицо. Ши молча ждал, что предпримет Панамон, но тот лишь с пониманием взглянул на карлика и дружески улыбнулся ему.

— Орл Фейн, из племени пелл, — медленно повторил он. — Великое племя храбрых воинов. — Он сокрушенно покачал головой, словно сожалея о чем-то, и снова поднял глаза на притихшего карлика. — Орл Фейн, если мы хотим стать компаньонами, мы должны безоговорочно доверять друг другу. Ложь будет помехой нашей только что родившейся дружбе. Там на поле лежит штандарт племени пелл, знамя твоего родного народа. Ты не мог не участвовать в этом сражении.

Карлик застыл, лишившись дара речи, смесь страха и сомнения отразилась в бегающих зеленых глазах. А Панамон тем временем продолжал дружелюбно улыбаться.

— Только посмотри на себя, Орл Фейн, ты весь в кровоподтеках, и на лбу под волосами у тебя серьезная рана. К чему тебе скрывать от нас правду? Ты ведь был на этом поле? — Словно замороженный проникновенным голосом, пленник согласно кивнул, и Панамон рассмеялся, почти весело. — Ну конечно, ты здесь был, Орл Фейн. Ты бросился в атаку на эльфов, храбро сражался, даже был ранен и потерял сознание, ну вот, так и лежал ты без сознания, пока не появились мы. Вот как все было на самом деле, правильно?

— Да, все так и было, — уже с полной готовностью согласился карлик.

— Нет, все было совсем не так!

Повисло недоуменное молчание. Панамон по-прежнему улыбался, а Орл Фейн, уже окончательно сбитый с толку, не знал, то ли ему улыбаться, то ли плакать. Ши тоже не понимал загадочной игры Панамона и с любопытством наблюдал за обоими.

— Слушай меня, ты, маленький лживый грызун. — Улыбка сошла с губ Панамона, лицо стало жестоким и непроницаемым, и в голосе зазвенел металл. — Ты лжешь с самого начала! Воин племени пелл должен носить их знаки отличия, а у тебя их нет. Ты вовсе не был ранен в бою, эта крошечная царапина на лбу — пустяк! Ты всего лишь дезертир и мародер. Я прав?

Крил ухватил перепутанного карлика за вырез накидки и начал трясти с такой силой, что стало слышно, как стучат его зубы. Совершенно не готовый к такому повороту, пленник задыхался, отчаянно пытаясь глотнуть воздуха.

— Да, да! — Признание наконец было выпрысано из пленника, и Панамон выпустил его, после чего карлик тут же снова попал в железные объятия Кельтсета.

— Предать свое родное племя! — с отвращением проговорил Панамон. — Дезертир — самое презренное существо из живущих на этой земле. Ты как стервятник рыскал по этому полю и собирал с павших ценности. Где они, Орл Фейн? Ши, посмотри в кустах, где он прятался.

Юноша направился к зарослям, и карлик вдруг издал такой невообразимый вопль отчаяния, что Ши уже не сомневался, что могучий Кельтсет свернул ему шею. Однако Панамон только улыбнулся и велел Омсфорду не останавливаться, теперь уже совершенно уверенный, что в кустах спрятан тайник. Ши с трудом пробрался сквозь тесно сплетенные ветки в самую гущу зарослей, старательно высматривая мышек или котомку. Земля в середине кустов была вспахана следами борьбы, ветки сломаны, однако ничего похожего на награбленное добро юноша не заметил. Он уже собрался уходить, когда вдруг заметил в дальнем конце зарослей какой-то предмет, наполовину закопанный в землю и прикрытый листьями и ветками. С помощью охотничьего ножа и собственных рук юноша быстро откопал длинный сверток, в котором что-то громко позвякивало. Он крикнул Панамону о своей находке и в ответ услышал жалобный вопль карлика. Когда солнце уже склонялось к горизонту, Ши выбрался из кустов и бросил сверток на землю перед остальными. Орл

Фейн начал так яростно вырываться, что даже Кельтсету пришлось держать его двумя руками.

— Что бы там ни было, наш маленький друг явно считает это чрезвычайно важным. — Панамон ухмыльнулся и протянул руку к свертку.

Ши встал с ним рядом, заглядывая через широкое плечо, пока Крил развязывал кожаный ремень и нетерпеливо совал руку в мешок. Внезапно передумав, разбойник вытащил руку из мешка и вытряхнул на землю все его содержимое. Все посмотрели на трофеи карлика и с недоумением переглянулись.

— Хлам, — проворчал Панамон Крил после короткого размышления. — Просто хлам. Этот карлик настолько туп, что даже не смог выбрать вещи подороже.

Ши молча смотрел на кучу кинжалов и мечей, некоторые были в кожаных ножнах. На солнце блеснули несколько дешевых украшений и пара монет, которые были в ходу только у карликов и ни для кого, кроме них, не представляли никакой ценности. В мешке карлика действительно был только никчемный хлам, однако хнычущий Орл Фейн совершенно искренне считал свои находки очень ценными. Ши покачал головой, ему было жаль маленького человечка. Став дезертиром, он потерял все, а взамен получил лишь дешевые железки и не имеющие никакой ценности побрякушки. А теперь он наверняка распрощается с жизнью за то, что осмелился лгать не в меру вспыльчивому Крилу.

— Стоит ли умирать за такое барахло, карлик? — проворчал Панамон, коротко кивнув Кельтсету, который уже занес тяжелую булаву, чтобы прикончить несчастного коротышку.

— Нет, нет, постойте, прошу вас! — закричал карлик осипшим голосом. Он понимал, что обречен и это его последняя мольба. — Я не солгал о мече, клянусь, я сказал правду! Я могу достать его для вас. Неужели вы не знаете, что значит меч Шаннары для Властелина тьмы?

Ши решительно протянул руку, удерживая Кельтсета от удара. Великан тролль, казалось, понял его и медленно опустил булаву, с интересом посмотрев на юношу. Панамон Крил уже раскрыл рот для гневной тирады, но внезапно переду-

мал. Ему очень хотелось узнать, что делал этот странный парнишка в далеких Северных землях, а тайна меча, очевидно, была связана с его путешествием. Мгновение разбойник пристально смотрел на юного Омсфорда, потом повернулся к Кельтсету и равнодушно пожал плечами.

— Смотри, Орл Фейн, если ты солгал, больше пощады не жди. Кельтсет, накинь веревку на его жалкую шею и не отпускай ни на шаг. Ши, если ты сможешь мне подняться и позволишь опереться на твое плечо, я смогу дотащиться до леса. А Кельтсету придется зорко следить за нашим маленьким лгунишкой.

Ши помог раненому Панамону подняться на ноги и сделать несколько осторожных шагов. Кельтсет связал карлика и накинул ему на шею веревку, крепко сжав ее конец в кулаке. Пленник не сопротивлялся и не хныкал, но что-то в его поведении настораживало. Быть может, карлик снова солгал, пытаясь спасти свою жизнь, и теперь просто старался придумать, как улизнуть от захватчиков, пока не раскрылся его обман. Хотя сам юноша ни за что не стал бы убивать пленника, да и не согласился бы на его убийство, он не испытывал особого сочувствия к хитрому карлику. Трус, дезертир и мародер, Орл Фейн предал и свою родину, и свой народ. Теперь Ши уже не сомневался, что причитания и молебны карлика были лишь тщательно продуманной маской, за которой скрывался безжалостный и коварный убийца. Сам Орл Фейн без малейших угрызений совести перерезал бы им глотку, если бы был уверен в своей безнаказанности. Ши почти пожалел, что Кельтсет одним взмахом булавы не покончил со всеми его сомнениями и не пристукнул карлика. Тогда не пришлось бы терзаться подозрениями.

Панамон жестом дал понять, что готов идти, однако не успели они сделать и пары шагов, как Орл Фейн снова запричитал. Несчастный карлик отказывался идти дальше, пока ему не позволят забрать мешок с сокровищами. Он отчаянно упирался и так громко завывал, что Панамон едва снова не приказал размозжить его ненавистную желтую голову.

— Да не все ли равно, Панамон? — не выдержал Ши. — Давай возьмем его побрякушки, пусть только замолчит. Потом выкинем, когда он успокоится.

Панамон возмущенно потряс головой и наконец неохотно кивнул. Он был уже сыт по горло этим Орлом Фейном.

— Так и быть, уступаю в последний раз, — согласился вор. и карлик тотчас затих. — Но если он еще раз закричит, я отрежу ему язык. Кельтсет, смотри, чтобы он ненароком не залез в свой мешок, а то выудит ножик подлиннее да и перережет веревки, а потом и нас заодно. Дрянной клинок не годится для хорошей работы, а я не хочу умереть от заражения крови.

Ши невольно рассмеялся. Все оружие действительно выглядело как дешевые поделки, хотя он и заметил один тонкий меч с необычной широкой рукоятью с вырезанным на ней горящим факелом. Но даже этот меч казался убогим, дешевая позолота на рукоятке потрескалась и облупилась. Как и несколько других мечей, он был в истертых кожаных ножнах, и оценить клинок юноше не удалось. Но каким бы он ни был, в руках злобного карлика меч мог оказаться опасным. Кельтсет небрежно закинул на плечо мешок с трофеями Орла Фейна, и небольшой отряд направился в сторону леса.

Путь был недлинный, но, когда они доплелись до кромки леса, Ши едва не падал от усталости — всю дорогу раненый Панамон опирался на его плечо. Разбойник велел всем остановиться и запоздало приказал троллю вернуться, скрыть их следы и оставить новые, чтобы сбить с толку возможных преследователей. Ши не стал возражать. Он, конечно, надеялся, что Алланон с друзьями найдет его, но поисковый отряд карликов или очередной посланник Черепа тоже могли заметить следы.

Привязав пленного к дереву, тролль вернулся по следам к полю боя, уничтожая все приметы их движения в сторону леса. Панамон устало рухнул под раскидистый клен, измученный юноша уселся напротив. Чувствуя невероятное облегчение, он откинулся на траву, рассеянно глядя на вершины деревьев и глубоко вдыхая лесной воздух. Солнце быстро угасало, день клонился к концу, и робкие признаки скорого вечера проступали на западном горизонте багровыми и фиолетовыми прожилками. Меньше часа осталось подождать до темноты, когда ночь укроет их от глаз врагов. Ши очень не

хватало помощи друзей, мудрости и мистической силы Алланона, храбрости Балинора, Хенделя, братьев-эльфов и пылкого Мениона. Но больше всего он скучал по Флику, ему не доставало нерушимой преданности брата и его безоговорочной веры. Конечно, Панамон Крил очень помог ему, но их ничто не связывало. Бесшабашный искатель приключений слишком долго жил своим умом и изворотливостью и потерял представление о правде и честности. А как же Кельтсет, этот загадочный молчун?

— Панамон, ты обещал рассказать мне о Кельтсете, — тихо проговорил Ши. — И о том, откуда его знает посланник Черепа.

Разбойник долго молчал, юноша даже приподнялся посмотреть, услышал ли его Панамон, и натолкнулся на его внимательный взгляд.

— Посланник Черепа, говоришь? Да ты знаешь об этой истории намного больше меня. Вот ты и расскажи мне о моем приятеле.

— Значит, ты обманул меня? — спросил Ши. — Он вовсе не калека и не изгнанник из родного племени. И он не убивал своих обидчиков.

Панамон весело засмеялся и почесал усики своей железной кистью.

— Может, и обманул. А может, так все и было. Понятия не имею. Мне всегда казалось, что с ним должно было случиться что-то подобное, если уж он связался с таким, как я. Он точно не вор, а кто — я не знаю. Однако он мой друг, это правда. В этом я не солгал.

— Откуда он родом? — спросил Ши после минутного молчания.

— Я повстречал его на севере пару месяцев назад. Он шел со стороны Чарнальских гор, измученный, раненый, едва живой. Понятия не имею, что с ним произошло, он никогда не пытался мне рассказать, а я и не спрашивал. Он предпочитает молчать о своем прошлом, как и я. Несколько недель я выхаживал его. Я немного знаком с языком жестов, и он меня понимал, так мы и общались. Свое имя он мне тоже показал руками. Мы немного узнали друг о друге, совсем немного.

Знаешь, нам было хорошо вместе, мы весело проводили время. Жаль все-таки, что он не вор.

Услышав последнее замечание, Ши покачал головой и тихо хмыкнул. Все-таки Панамон Крил неисправим. Он не понимал, как можно жить иначе, да и не хотел понимать. Отнимать у людей все, что понравится, не обращая внимания на их чувства, было для него единственным нормальным занятием. И все же дружба оставалась главной ценностью даже для заносчивого грабителя. Поневоле Ши начал испытывать странную привязанность к этому человеку, хотя их характеры и взгляды на жизнь не имели ничего общего. Впрочем, это не мешало им прекрасно понимать друг друга, да и сражение с общим врагом сблизило их. Должно быть, для зарождения дружбы большего и не требовалось.

— Откуда эта тварь могла его знать? — не унимался Ши.

Панамон рассеянно пожал плечами, давая понять, что ему все равно. Наблюдательный юноша, впрочем, не поверил его деланому равнодушию. Панамон, без сомнения, хотел больше узнать о прошлом своего друга. Было очевидно, что посланник Черепа узнал могучего тролля, но что связывало Кельтсета с этими тварями из мира призраков? Когда крылатое чудовище увидело великана, в его злобных глазах отразился нешуточный страх, а Ши даже представить не мог, что его могущественного врага может испугать какой-то смертный. Панамон тоже заметил это и наверняка задавал себе тот же вопрос.

Когда вернулся Кельтсет, закат уже догорал, слабые отсветы вечернего солнца тускло освещали темный лес. Троль старательно уничтожил все их следы на поле и протоптал несколько ложных цепочек для тех, кто попытается проследить их путь. Панамон чувствовал себя достаточно хорошо, чтобы передвигаться самостоятельно, но попросил Кельтсета поддерживать его, пока они не найдут подходящее место для ночевки. Становилось темно, и путники решили подождать рассвета. Юному Омсфорду поручили вести покорного Орла Фейна на веревке, он неохотно, хотя и безропотно, согласился. Панамон снова попытался бросить надоевший мешок карлика, однако тот ни в какую не хотел расставаться со своими

сокровищами и тотчас принялся завывать с такой тоской, что Крил приказал заткнуть ему рот, и несчастному карлику осталось лишь приглушенно стонать. Но едва они попытались войти в лес, отчаявшийся пленник бросился на землю и отказался вставать, даже когда совершенно взбешенный Панамон злобно пнул его. Конечно, Кельтсет мог бы тащить пленника и помогать Панамону, но возня с карликом не стоила таких усилий. Бормоча в адрес упрямяца самые ужасные проклятия, Крил наконец приказал троллю взять мешок, и все четверо вошли в темнеющий лес.

Когда тропинку скрыла густая мгла, Панамон приказал разбить лагерь на небольшой поляне между огромными дубами, накрепко сплетенные кроны деревьев надежно укрывали путников. Карлика привязали к дереву, а сами занялись костром и приготовлением ужина. Когда еда была готова, веревки пленника ослабили настолько, чтобы он тоже мог поесть. Хотя Панамон не знал точно, где они оказались, он даже не побоялся развести костер, почти уверенный, что никто не станет выслеживать их среди ночи. Вероятно, он чувствовал бы себя не настолько уверенно, если бы знал об опасностях непроходимого леса, который окружал темные утесы Паранора. Однако, на счастье, четверо путников забрели в соседний лес, а страшные заросли вокруг Паранора остались на востоке. В той части дубравы, где они остановились на ночлег, редко бывали слуги Повелителя чародесев, и лишь случайный путник мог ненароком натолкнуться на их стоянку. Они ели в молчании, голодные и усталые после долгого дневного перехода. Надоедливый Орл Фейн перестал ныть и жадно поглощал еду, его хитрое желтое личико тянулось ближе к теплу небольшого костра, а темно-зеленые глаза устало скользили с одного лица на другое. Ши не обращал на него внимания, думая, что можно рассказать Панамону о себе, о своих друзьях, а главное — о волшебном мече. Когда ужин закончился, он так и не пришел ни к какому решению. Пленника снова привязали к ближайшему дубу и позволили свободно дышать без кляпа, взяв с него обещание не вопить и не хныкать. А потом, удобно устроившись у догорающего костра, Панамон выжидающе посмотрел на юношу.

— Подходящее время, чтобы рассказать об этой истории с мечом, тебе не кажется? — начал он живо. — Никакой лжи, никакой полуправды, и ничего не утаивать. Я обещал свою помощь, но мы должны доверять друг другу, чтобы не получилось как с этим жалким предателем. Я был с тобой открыт и честен. И от тебя жду того же.

И Ши рассказал ему все. Начиная рассказ, он не собирался этого делать. Он даже не знал толком, что именно можно открыть разбойнику, но одно событие влекло за собой другое, и, прежде чем юноша успел опомниться, он выложил все. Он рассказал о встрече с Алланом и о появлении посланника Черепа, которое вынудило братьев бежать из Тенистого Дота. Потом пришлось упомянуть о дороге в Лих к Мениону, об их бегстве через ужасные Черные Дубы до Кулхейвена, где они присоединились к остальному отряду. О переходе через Драконьи Зубы он рассказал лишь вкратце, потому что и сам помнил подробности довольно смутно. Потом он упал с узкой тропы, прозванной Морщиной Дракона, в горную реку, и бурный поток унес его на равнины Рабб, где он и попал в плен к карликам. Панамон слушал не перебивая, глаза его широко открылись от удивления. Троль сидел рядом в непроницаемом молчании, грубое с виду, но светящееся разумом лицо было постоянно обращено к хрупкому южанину на протяжении всего рассказа. Неподалеку беспокойно ерзал Орл Фейн, карлик постанывал, бормоча что-то невнятное, и тоже слушал с остальными, взгляд его затравленно метался по сторонам, словно он в любую минуту ожидал появления Повелителя чародеев.

— В жизни не слышал болес неправдоподобной истории, — объявил после короткого молчания Панамон. — Она настолько невероятна, что даже мне сложно в нее поверить. Но я тебе все равно верю, Ши. Верю, потому что сам сражался с чернокрылым монстром, да и удивительную силу этих камней, которые ты называешь зльфийскими, видел своими глазами. Но меч... и твое происхождение... не знаю. Ты сам-то веришь в это?

— Сначала не верил, — медленно признался Ши, — а теперь не знаю, что и думать. Столько всего произошло с тех

пор, и непонятно, где правда, а где ложь. Но я должен отыскать Алланона и своих друзей. Они могли уже найти меч и узнать, как его сила связана с моим происхождением.

Внезапно Орл Фейн согнулся пополам от приступа безудержного смеха, он хохотал как безумец, повизгивая и захлебываясь.

— Нету, нету у них меча! — прокричал карлик, заходясь как в припадке. — Нет, нет, только я могу показать вам меч! Я могу отвести вас к нему. Только я. А вы можете искать, искать и искать, ха-ха-ха, давайте, ищите! Но только я знаю, где он! Я знаю, у кого он! Только я!

— По-моему, он спятил, — угрюмо пробормотал Панамон Крил и приказал Кельтсету заткнуть рот докучливому карлику. — Что он там знает, мы выясним утром. Если ему что-то известно о мече Шаннары, а я сильно сомневаюсь в этом, он нам расскажет, иначе ему несдобровать!

— Как думаешь, он может знать, у кого меч? — встревоженно спросил Ши. — Это не простой меч. От него зависит судьба народов всех четырех земель. Мы просто обязаны выяснить, что известно карлику.

— Ты меня так разжалобил своим волнением за судьбы народов, я вот-вот разрыдаюсь, — насмешливо огрызнулся Панамон. — Да мне плевать, что с ними будет. Ничего хорошего они для меня не сделали — разве что бродили в одиночку, с туто набитыми кошельками и безоружные, да и то не часто. — Он поднял глаза на разочарованное лицо юноши и равнодушно пожал плечами. — Впрочем, эта история с мечом меня заинтриговала, и я, пожалуй, помогу тебе. В конце концов, я многим тебе обязан, а я не из тех, кто забывает добро.

Кельтсет заткнул вопящему карлику рот и присел рядом с ними к маленькому костру. Орл Фейн бился в припадке неукротимого визгливого смеха и что-то беспрерывно мычал сквозь тряпку. Ши с тревогой поглядывал на пленника — узловатое желтое тельце судорожно извивалось, словно одержимое бесом, круглые темные глаза дико вращались и едва не вылезали из орбит. Поначалу Панамон старался не замечать стонов пленника, но вскоре, потеряв терпение, вскочил на ноги и выхватил кинжал, намереваясь отрезать карлику

язык. Орл Фейн тотчас затих, и через некоторое время они забыли о нем.

— А почему, как ты думаешь, — снова заговорил Панамон после долгого молчания, — тот черный монстр утверждал, будто мы спрятали меч Шаннары? Странно, что он говорил очень уверенно. Даже сказал, что ощущает его присутствие. Как ты это объяснишь?

Ши задумался и наконец неуверенно пожал плечами.

— Должно быть, он почуял эльфийские камни.

— Может, ты и прав, — согласился Панамон, потирая подбородок. — Честно говоря, я в этом ничего не смыслю. Кельтсет, а что ты об этом думаешь?

Гигантский тролль с серьезным видом посмотрел на них, а потом что-то сказал на своем безмолвном языке жестов. Панамон внимательно следил за его руками, после чего с возмущением повернулся к Ши.

— Он думает, что меч очень важен, а Повелитель чародеев смертельно опасен для всех нас. — Разбойник громко рассмеялся. — Велика помощь, нечего сказать!

— Но меч действительно очень важен! — повторил Ши, голос его растворился в темноте, и все они сидели молча, погруженные в раздумья.

Подступала ночь, и густую темноту рассеивало лишь слабое мерцание догорающего костра. На небольшой поляне, окруженной, словно кольцом, плотными зарослями, путники чувствовали себе покойно, тишину нарушал лишь стрекот ночных насекомых и далекие крики лесных обитателей. Сквозь ветви величественных деревьев проглядывало темносинее небо с булавочными звездами. Панамон еще что-то тихо говорил, пока угли не угли и не превратились в золу. Тогда он поднялся, затоптал догоревший костер и, давая понять, что с разговорами покончено, решительно пожелал всем спокойной ночи. Кельтсет завернулся в одеяло и заснул раньше, чем Ши успел найти себе на поляне удобное местечко. После тяжелого перехода и сражения с посланником Черепа, когда все они были на волосок от смерти, он чувствовал свинцовую усталость. Юноша расстелил одеяло и лег на

спину, потом стащил тяжелые сапоги и стал смотреть в темное небо сквозь прорехи в кронах деревьев.

Ши снова думал обо всем, что с ним случилось, в который раз мысленно проделывая долгий путь из Тенистого Дола. Многое так и осталось для него загадкой. Ради чего он забрался в такую даль, играл со смертью? Тайна великого меча, могущественный Повелитель чародеев, собственное происхождение — все эти загадки не только не прояснились, но стали еще непонятнее. Друзей он потерял, да и они знают не больше, чем он. Только таинственный Алланон, казалось, знал ответы на все вопросы. Но почему он не открыл юноше всей правды, почему постоянно недоговаривал, оставляя при себе ключ к разгадке тайны меча Шаннары?

Ши перевернулся на бок и посмотрел на спящего Панамона, который лежал в нескольких шагах от него, скрытый темнотой. С дальней стороны поляны слышалось тяжелое дыхание Кельтсета, сливаясь со звуками ночного леса. Орл Фейн сидел, прислонившись спиной к дереву, к которому был привязан, и неотрывно смотрел на Ши, глаза его горели в темноте, как у кошки. От пристального взгляда карлика юноша вздрогнул, но потом заставил себя отвернуться, закрыл глаза и тут же провалился в сон. Уже засыпая, он сунул руку за пазуху и крепко прижал к груди мешочек с эльфийскими камнями, надеясь только на их могущество.

Ши проснулся от возмущенного голоса Панамона, он открыл глаза и увидел серый свет раннего утра. Крил метался по лесной поляне, оглашая утренний сумрак громкими витиеватыми проклятиями. Ши не сразу понял, что произошло. Он протер заспанные глаза и приподнялся на локте, глядя в полумрак. Казалось, он спал всего несколько минут, затекшие мышцы болели, бессвязные мысли туманились. Не умолкая ни на минуту и не останавливаясь, Панамон мерил поляну размашистыми шагами, от его гневного голоса звенело в ушах. Великан тролль неподвижно застыл возле старого дуба. Внезапно Ши понял, что Орл Фейн исчез. Юноша вскочил на ноги и побежал к дереву, отчего-то сильно испугавшись, все его самые ужасные подозрения вдруг ожили. В кор-

нях огромного дерева лежали обрывки веревки, которой был связан карлик. Сам пленник бесследно исчез, а юноша лишился последней надежды отыскать неуловимый меч.

— Как же он освободился? — сердито спросил Ши. — Мне казалось, ты его крепко привязал, он не мог добраться до оружия и перерезать веревки!

Панамон Крил уставился на него как на идиота, лицо разбойника вспыхнуло и налилось гневом.

— Я что, похож на дурачка? Разумеется, я связал его так, чтобы он не смог дотянуться до оружия. Я даже привязал его к этому треклятому дереву и вдобавок воткнул клип в рот. Ты разве не видишь? Маленький дьявол не разрезал веревки. Он просто перегрыз их, чтобы выбраться на свободу.

Настал черед Ши изумляться.

— Уверяю тебя, я серьезен как никогда, — сердито продолжал Панамон. — Веврки перегрызены зубами. Наш маленький грызун оказался шустрее, чем мы предполагали.

— Или совсем отчаялся, — залумчиво заметил Ши. — Интересно, почему он не попытался нас убить? Ведь у него были причины нас ненавидеть.

— Как немилосердно с твоей стороны строить такие ужасные предположения, — картинно испугался Панамон. — Хотя, раз уж ты спросил, я тебе отвечу. Он просто испугался, что его могут застать за таким некрасивым занятием. Наш карлик — дезертир и предатель, презренный трус самого низшего пошиба. И у него не хватило духу ни на что, кроме бегства! Что такое, Кельтсет?

Нависший над ними огромный тролль быстро замахал руками, указывая на север. Панамон с негодованием покачал головой.

— Наш трусливый суслик удрал уже несколько часов назад. Хуже того, этот болван побежал на север, а искать его в тех краях вряд ли самое разумное решение для нас. Пусть его поймают его же соплеменники и прикончат, зачем нам руки марать? Дезертир свое получит. Да пусть бежит, жалко, что ли? Радоваться надо, что избавились от такого сокровища. Может, он вообще все наврал про меч Шаннары.

Ши с сомнением кивнул, он вовсе не разделял уверенности Крила. Каким бы безумным ни казался карлик, и о мече Шаннары, и о его таинственном владельце он говорил очень серьезно. Мысль о том, что их пленник знал тайну меча, не давала юноше покоя. А что, если Орл Фейн побежал за мечом?

— Выбрось ты все это из головы, Ши, — прервал его размышления Панамон. — Этот карлик до смерти нас боялся и думал только о том, как удрать. Байку о мече он выдумал для того, чтобы мы его не прикончили, и ждал лишь подходящего случая улизнуть. Ты только посмотри! Наш друг так торопился, что даже забыл свой драгоценный мешок.

Только сейчас Ши заметил, что на другой стороне поляны валяется полуоткрытый мешок. Казалось странным, что Орл Фейн бросил свои сокровища, хотя накануне чуть ли не на коленях умолял оставить их. Сначала он ни за что не хотел расставаться со своими никчемными побрякушками, а теперь они лежали забытые и никому не нужные. Просто из любопытства Ши подошел ближе и с растущим подозрением уставился на мешок. Потом он порывисто схватил мешок и вытряхнул его содержимое, мечи, кинжалы и украшения с грохотом вывалились на траву. Ши внимательно разглядывал оружие, краем глаза заметив подошедшего Кельтсета. Стоя с безучастным лицом, тролль тоже пристально смотрел на трофеи карлика. Они молча стояли рядом, словно пытаясь разрешить трудную головоломку. Панамон понаблюдав за ними несколько секунд, пробурчал что-то неразборчивое и тоже подошел.

— А не пора ли нам продолжить путь? — беспечно произнес он. — Разыщем твоих друзей, Ши, и, быть может, с их помощью найдем этот неуловимый меч. Ну что ты там хочешь увидеть? Ты ведь уже видел весь этот никчемный хлам. Он несколько не изменился.

И тогда Ши все понял.

— Нет, изменился, — медленно проговорил он. — Его нет.

— Чего нет? — раздраженно спросил Панамон, пиная сапогом груды железа. — О чем ты?

— Здесь был старый меч в кожаных ножнах. С горящим факелом на рукоятке.

Панамон быстро осмотрел все мечи и нахмурился. Кельтсет резко распрямился и уставился на хрупкого Омсфорда сверлящим взглядом. Троль тоже понял, в чем дело.

— Значит, он забрал один меч,— задумчиво проворчал Панамон.— Ну и что из...— Он осекся на полуслове и поднял глаза к небу.— О нет! Этого не может быть... просто не может быть! Ты думаешь, он взял...

Он не смог завершить фразу — перехватило горло. Чувствуя лишь отчаяние и холодную безнадежность, Ши кивнул.

— Меч Шаннары!

Глава 21

Тем же утром, когда Ши и его новые товарищи открыли ужасную правду о сбежавшем карлике и мече Шаннары, Алланону и его спутникам тоже было не до веселья. Они выскользнули из Башни друида, спустились вниз через лабиринт извилистых туннелей в сердце горы и вышли в лес у подножия крепости. Никто не пытался задержать беглецов, лишь несколько карликов из разбитой замковой стражи испуганно рыскали по старинным коридорам. Уже перевалило далеко за полдень, когда маленький отряд наконец отошел достаточно далеко от мрачной крепости и направился на север через лес. Алланон был уверен, что карлики увезли меч Шаннары из Башни еще до их столкновения с посланником Черепа в страшной топке крепости. Но куда увезли меч, он не знал. Северные рубежи Паранора охраняло войско Эвентина, и всякая попытка перевезти меч встретила бы ожесточенное сопротивление. Быть может, эльфийский король уже завладел мечом. Или нашел их пропавшего друга. Алланон очень беспокоился о хрупком юноше с эльфийской кровью, которого надеялся найти в Башне друида. Он не ошибся, когда, стоя у подножия Драконьих Зубов, мысленным взором пытался отыскать юного Омсфорда. Рядом с ним были какие-то люди, и все они медленно двигались на север в сторону Паранора. По дороге их что-то задержало. Однако Алланон очень надеялся на сообразительность Ши и силу эльфийских камней, которая могла защитить его от Повелителя чародеев.

Меж тем у Алланона были и другие причины для беспокойства. К тому времени стало известно об их бегстве из крепости, и на поиски беглецов были срочно высланы отряды карликов, которые прочесывали леса вокруг Паранора. Карлики понятия не имели, кого ищут, они лишь знали, что крепость подверглась нападению и лазутчиков необходимо срочно схватить живыми или уничтожить. Слуги Повелителя чародеев пока не появлялись, и сам Властелин тьмы еще не знал, что жертва вновь ускользнула от него. Он спокойно сидел в мрачном уединении своих владений, совершенно уверенный в том, что докучливый Алланон сгорел в топках Паранора, наследник Шаннары со своими дружками надежно заточен в башне, а великий меч уже направляется в Северные земли, перехваченный посланником Черепа, которого он отправил еще накануне. Итак, новые отряды карликов начали прочесывать леса в окрестностях Паранора в поисках неизвестных злоумышленников. Причем основные силы они направили на юг, отчего-то уверенные, что беглецы пойдут именно в этом направлении.

Тем временем друид со своим небольшим отрядом продвигался на север, изредка останавливаясь, чтобы укрыться при приближении стражников, рысущих по лесу. На счастье, в этих лесах карликов было немного, и беглецам удалось пройти незамеченными, лишь время от времени пережидая под сенью огромных деревьев, пока очередной патруль пройдет по тропе. До края леса они добрались еще засветло и, оставив преследователей позади, увидели перед собой величественные равнины Стрелехейма.

Шедший впереди Алланон остановился и повернулся к своим спутникам, его смутное лицо было усталым и мрачным, однако глаза смотрели решительно и поблескивали молодым задором. Все молчали, а друид переводил взгляд с одного лица на другое, внимательно рассматривая их, словно видел впервые. Наконец он заговорил, произнося слова медленно и неохотно.

— Вот мы и дошли до конца пути, друзья мои. Путешествие в Паранор окончено, и пришло время нам разделиться, отсюда каждый должен пойти своей дорогой. Мы не смо-

ли завладеть мечом, во всяком случае пока не смогли. Мы потеряли Ши, и неизвестно, сколько времени уйдет на его поиски. Однако самая главная опасность угрожает нам с Севера. Мы должны защитить себя и наши народы на Юге, Востоке и Западе. Отчего-то здесь нет армии Эвентина, хотя она должна была защищать северные границы. Судя по всему, что-то заставило их уйти, а это возможно только в том случае, если Повелитель чародеев начал продвигать свои войска на Юг.

— Значит, вторжение началось? — коротко спросил Балинор.

Авланон мрачно кивнул, и все встревоженно переглянулись.

— Без меча нам не одолеть Повелителя чародеев, поэтому мы должны хотя бы попытаться остановить его армию. Для этого нам необходимо как можно скорее объединить все три народа. Быть может, мы уже опоздали. Армия Бронзы попытается захватить весь центр Южных земель. Для этого ему нужно лишь разбить Пограничный легион Каллахорна. Поэтому легион должен защищать города Каллахорна, чтобы дать остальным время собрать армии и нанести ответный удар. Это твоя задача, Балинор. Дьюрин и Даэль смогут дойти с тобой до Тирсиса, а оттуда отправятся к себе домой, на Запад. Эвентин должен привести свою армию на равнины Стрелехейма, чтобы укрепить подступы к Тирсису. Если это не удастся, Повелитель чародеев сможет вбить клин между нашими армиями, и тогда возможности объединить их уже не будет. Хуже того, все Южные земли окажутся открытыми и незащищенными, и времени на подготовку армий не останется. Пограничный легион Каллахорна для них единственная надежда.

Балинор согласно кивнул и повернулся к Хенделю.

— Как нам смогут помочь гномы?

— Варфлит — ключ от восточных подступов к Каллахорну. — Хендель задумался. — Гномам придется отбивать нападения по всему Анару, но мы можем отрядить людей и отправить их на защиту Варфлита. Но Керн и Тирсис вам придется удерживать самим.

— Эльфийская армия поможет вам с Запада, — сейчас же пообещал Дьюрин.

— Постойте! — недоверчиво воскликнул Менион. — А как же Ши? Вы что, забыли о нем?

— Я вижу, твои слова по-прежнему опережают твои мысли, — угрюмо произнес Алланон.

Менион побагровел от гнева, но промолчал.

— Я не перестану искать своего брата, — тихо сказал Флик.

— А я и не предлагал тебе этого, Флик. — Алланон улыбнулся его серьезности. — Мы вдвоем — ты, Менион и я — отправимся на поиски нашего юного друга и пропавшего меча. Думаю, искать их надо где-то рядом. Помните слова призрика Бремена? Ши первым прикоснется к мечу Шаннары. Быть может, это уже произошло.

— Тогда давайте продолжать поиски, — раздраженно выпалил Менион, избегая смотреть друиду в глаза.

— Мы отправляемся немедленно, — объявил Алланон и добавил строго: — А тебе советую внимательнее следить за своим языком. Слова принца Лиха должны быть мудры и взвешенны, учись быть терпеливым и тактичным и не поддаваться безрассудному гневу.

Менион угрюмо кивнул. Потом все семеро попрощались, испытывая смешанные чувства, и расстались. Балинор, Хендель и братья-эльфы повернули на запад от леса, где ночевал Ши с новыми товарищами, в надежде обогнуть Черную Дубраву и двинуться на юг через холмы, лежавшие севернее Драконьих Зубов, так они намеревались через два дня достичь Керна и Тирсиса. Алланон с двумя юными спутниками пошел на восток, высматривая следы пропавшего южанина. Алланон был убежден, что Ши должен двигаться в северном направлении, к Паранору, возможно, его взяли в плен патрули карликов. Спасти юношу будет нелегко, но если о пленнике узнает Повелитель чародеев и поймет, кто он, его немедленно казнят. Этого Алланон боялся больше всего. Только Ши может пробудить могущество меча Шаннары, а без него останется лишь уповать на разъединенные силы трех осажденных земель. Думать о худшем исходе не хотелось, и друид переключил все мысли на изучение окружающей местности.

Менион шел чуть впереди, зорко высматривая следы и малейшие приметы тех, кто прошел здесь раньше. Его беспокоила погода. Если пойдет дождь, то следы смоем и поиски зайдут в тупик. Да и резкие порывы ветра над равнинами Стрелехейма могут стереть следы, даже если погода будет к ним благосклонна. Флик шел последним, он сосредоточенно молчал, мечтая получить хотя бы малейшую весточку от брата, однако больше всего он боялся найти Ши мертвым.

К полудню воздух над голыми равнинами дрожал от жаркого марева, и трое путников держались вплотную к лесу, чтобы тень огромных деревьев хоть немного прикрывала их от раскаленного добела солнца. Только Алланона, казалось, не смущала удушающая жара, его темное лицо, без малейших следов испарины, было спокойным и расслабленным в палящем свете. Флик с трудом переставлял ноги и чувствовал, что вот-вот упадет, и даже крепкого Мениона начинало мутить. Его зоркие глаза стали сухими, взгляд туманился, и все органы чувств вдруг начали отказывать ему. Неожиданно появились странные видения, он слышал звуки и ощущал запахи, порожденные его утомленным разумом среди бескрайней пустоши.

Наконец оба южанина остановились, совершенно обессиленные, и друид объявил короткий привал, отведя их на прохладную поляну в лесу. Молча, не чувствуя вкуса, они проглотили немного хлеба с солониной. Флику хотелось снова расспросить друида о том, есть ли у брата надежда выжить одному среди пустынных земель, но он не мог заставить себя произнести вопрос вслух, боясь услышать ответ. После того как отряд разделился, Флик почему-то чувствовал себя очень одиноко. Он никогда не ощущал привязанности к Алланону, не доверял угрюмому философу и его мистической силе. Друид оставался для него мрачной загадкой, такой же непостижимой и жестокой, как и посланники Черепа. Он был воплощением бессмертного духа Бремена, который явился к ним из Преисподней в Сланцевой долине. Могушество и мудрость друида пугали Флика и никак не вписывались в его привычный мир, в сознании юного Омсфорда они скорее соизмерялись с владениями Повелителя чародеев, этим чер-

ным царством первобытного ужаса, куда не смел проникнуть разум простого смертного. Флик не мог забыть чудовищной схватки между друидом и слугой Черепа, адский огонь, пожирающий обоих противников, до сих пор стоял у него перед глазами. Никто, кроме Алланона, не смог бы выжить в той дьявольской топке. А друид выжил, и это спасение не только казалось невероятным и мистическим, но и вселяло ужас. Казалось, из всего отряда только Балинор мог вести себя с друидом непринужденно, как с обычным человеком, но теперь он ушел, и Флик чувствовал себя одиноким и беззащитным.

Менион Лих тоже не мог похвастать большой уверенностью. Принц не боялся могущественного друида, но считал, что Алланон о нем не слишком высокого мнения и взял в поход только по просьбе Ши. В отличие от Флика, который считал горца легкомысленным искателем приключений, Ши верил своему другу и считал его участие в поисках великого меча необходимым. Но Ши исчез, и защитить его было некому. Менион понимал, что терпение Алланона не бесконечно и достаточно одной стычки, чтобы непредсказуемый друид прогнал его. Поэтому он продолжать молча есть, благоразумно решив промолчать на этот раз.

Когда безмолвная трапеза подошла к концу, друид жестом велел им подниматься. Они покинули тенистую поляну и продолжили свой путь вдоль кромки леса на восток. Солнце палило нещадно, пот заливал лица, и они с трудом всматривались в пустынные равнины в поисках малейших следов пропавшего друга. Спустя четверть часа они вдруг заметили нечто необычное. Первым увидел следы Менион и определил, что этой же дорогой несколько дней назад промаршировал вооруженный отряд карликов в тяжелых сапогах. Примерно с полмили троица прошла по отчетливым следам, и вдруг на вершине небольшого пригорка они заметили останки воинов. В недавней битве сошлись карлики и эльфы, их мертвые тела так и лежали, непогребенные, в сотне шагов от вершины холма. Алланон с двумя спутниками медленно приблизились к печальному полю, усеянному выбеленными костями и гниющей плотью, омерзительная вонь

разливалась в воздухе тошнотворными волнами. Не в силах побороть отвращение, Флик остановился на краю поля и смотрел, как Алланон и Менион подходят к мертвым телам.

Алланон задумчиво ходил среди павших, внимательно изучая оружие и сломанные штандарты и лишь изредка бросая взгляд на лица мертвецов. Менион заметил еще одну цепочку следов и, не отрывая глаз от пыльной земли, пошел вокруг поля. Стоя слишком далеко, Флик не понимал, что происходит, но ему показалось, что принц несколько раз возвращался по собственным следам, высматривая новые отпечатки и прикрывая рукой покрасневшие от солнца глаза. В конце концов он повернул на юг в сторону леса и начал медленно приближаться к Флику, задумчиво опустив голову. Неожиданно Менион остановился у густых зарослей кустарника и опустился на одно колено, явно рассматривая что-то интересное. Тут же забыв о своем страхе перед мертвецами, любопытный Флик поспешил к нему. Он уже почти подошел к принцу Лиха, когда Алланон, застывший в центре поля, вдруг вскрикнул от удивления. Юноши замерли и молча наблюдали за высокой черной фигурой; друид стоял, уставившись в землю, словно не веря собственным глазам, потом резко развернулся и пошел к ним размашистым шагом. Темное лицо его пылало от волнения, но, когда он подошел ближе, Флик и Менион с облегчением увидели, как знакомая недоверчивая усмешка медленно превращается в широкую открытую улыбку.

— Поразительно! Просто невероятно! Наш юный друг оказался гораздо способнее, чем я предполагал! Я нашел небольшую кучку пепла — все, что осталось от посланника Черепя. Никто из смертных не способен одолеть это существо, и совершенно очевидно, что его уничтожили эльфийские камни!

— Значит, Ши побывал здесь до нас! — с надеждой воскликнул Флик.

— Только он имеет власть над эльфийскими камнями, — согласно кивнул Алланон. — Похоже, здесь разыгралась ужасная бигва, значит, Ши был не один. Но сказать точно, друзья или враги были с ним, я не берусь. И еще я не понимаю, ко-

гда погиб посланник Череп — во время битвы между эльфами и карликами или после нее. А что нашел ты, горец?

— Только ложные следы, оставленные очень умным троллем, — скривился Менион. — Отпечатков очень много, но одно могу сказать точно — на этом поле ходил огромный скальный тролль. Он оставил следы повсюду, но они никуда не ведут. Еще, похоже, в тех кустах была драка. Видите, как согнуты ветки, да и листья опали совсем недавно. Но самое главное — там есть отпечатки ног невысокого человека. Они вполне могут принадлежать Ши.

— Ты думаешь, его схватил тролль? — испуганно спросил Флик.

Менион улыбнулся и пожал плечами.

— Если он сумел одолеть посланника Череп, то с обычным троллем и подавно справится.

— Эльфийские камни не для того, чтобы защищаться от смертных существ, — ледяным тоном вставил Алланон. — Можно определить, в какую сторону ушел этот тролль?

Менион отрицательно покачал головой.

— Определить направление можно только по свежим следам. А этим по меньшей мере день. Тролль знал, что делает, когда топтался тут. Мы можем искать вечно и так и не узнаем, куда он направился.

Флик почувствовал, как похолодело сердце. Если Ши действительно попал в лапы этого таинственного создания, значит, поиски снова зашли в тупик.

— Я нашел кое-что еще, — объявил через минуту Алланон. — Сломанный штандарт дома Элессеდიлов, личное знамя Эвентина. Возможно, он сам участвовал в битве. Может, короля захватили в плен или даже убили. Не исключено, что уцелевшие карлики пытались улизнуть из Паранора с мечом и натолкнулись на воинов эльфийского короля. Если так, тогда и Эвентин, и наш друг, и меч Шаннары могут находиться сейчас в руках врага.

— Лично я уверен только в одном, — решительно заявил Менион. — Следы тролля оставлены вчера, и драка в кустах тоже была вчера. А сражение эльфов и карликов проходило несколько дней назад.

— Да... да, ты прав, конечно,— задумчиво согласился друид.— Однако, боюсь, этого недостаточно чтобы восстановить всю последовательность событий. Думаю, здесь нам не получить внятных ответов.

— Что же делать? — взволнованно спросил Флик.

— Через равнину Стрелехейма на запад ведет цепочка следов,— медленно проговорил Алланон, поворачивая голову.— Следы нечеткие, однако их могли оставить те, кто уцелел после битвы...

Он вопросительно посмотрел на Мениона Лиха, ожидая услышать его мнение.

— Эти следы не мог оставить наш таинственный тролль,— обеспокоенно сказал Менион.— Он не стал бы утруждаться, оставляя столько ложных следов, чтобы затем преспокойно показать, куда направляется! Мне все это не нравится.

— У тебя есть другие предложения? — настаивал Алланон.— Единственные заметные следы ведут от поля на запад. Придется идти по ним и надеяться на лучшее.

Флик подумал, что подобное воодушевление неуместно в такой мрачной ситуации, да и бодрый тон друида совершенно не вязался с его обычной утрюмостью. Но выбора у них действительно не было. Может, тот, кто оставил эти следы, знает что-нибудь о брате? Коренастый южанин повернулся к Мениону и кивком выразил свое согласие с друидом, хотя и заметил сомнение на худощавом лице горца. Менион явно не хотел подчиняться решению Алланона и был убежден, что можно отыскать другие следы, которые рассказали бы больше и о тролле, и о гибели посланника Черепа. Друид молча махнул рукой своим спутникам, и Флик, а за ним и Менион двинулись вслед за Алланоном в долгий путь через равнины Стрелехейма на запад от Паранора. Флик в последний раз оглянулся на поле, усеянное мертвыми телами, которые медленно разлагались под палящими лучами солнца, оставленные людьми и природой на попечение бесчувственной смерти. Он покачал головой. Быть может, такой же конец ждет их всех.

Остаток дня трое путников без передышки шли на запад. Они почти не разговаривали, каждый думал о своем, сколь-

зя рассеянным взглядом по затертой цепочке следов; солнце клонилось к горизонту, постепенно наливаясь красным соком, и вскоре исчезло в вечерних сумерках. Когда стало слишком темно, чтобы идти дальше, Алланон указал на ближайший лес, где они и устроились на ночлег. Лес, где они остановились, оказался северо-западной окраиной мрачной и таинственной Черной Дубравы, и угроза столкнуться с поисковым отрядом карликов или нарваться на стаю голодных волков вновь стала не такой уж призрачной. Однако друид уверенно заявил, что прошло слишком много времени и карлики наверняка перестали их искать и занялись более важными делами. Хотя, для соблюдения необходимой предосторожности, они не станут разжигать костер и будут по очереди дежурить до утра на случай появления волков. Флик мысленно взмолился, чтобы волчьи стаи оставались возле Башни друидов, а не разгуливали по лесу. Путники наскоро проглотили нехитрый ужин и устроились на ночлег. Менион вызвался дежурить первым. Флик заснул, едва сомкнув веки, но, когда горещ разбудил его заступать в караул, ему показалось, что прошло всего несколько минут. Около полуночи к нему беззвучно подошел Алланон и приказал отправляться спать, и, хотя прошло меньше часа, он безропотно подчинился.

Когда Флик и Менион проснулись, уже светало. Плотные кроны вековых деревьев неохотно пропускали робкие полоски света. В серой утренней дымке они неожиданно увидели друида. Он сидел, прислонившись спиной к высокому ильму, и пристально смотрел на них. Его худощавая темная фигура была совершенно неподвижна и казалась частью мрачного леса; кустистые брови нависали над черными провалами глаз. Молодые люди поняли, что Алланон почти всю ночь провел на часах, охраняя их сон, но, когда друид с легкостью поднялся к ним навстречу, он казался на удивление бодрым и отдохнувшим, бесстрастное лицо было серьезным и задумчивым. Они быстро позавтракали и снова выбрались из леса на равнины. И тут же остановились в немом изумлении. Ясное небо сияло свежей голубизной раннего утра, над верхушками гор на востоке поднимался ослепительный диск солнца. Зато над северным горизонтом вздымалась непроница-

емая черная завеса, как будто грозовые тучи со всей земли собрались вместе и нагромодились друг на друга. Словно предвестник неотвратимой вечной ночи, мрачная стена поднималась в небо и простиралась вдоль изрезанных границ Северных земель, смыкая в черное кольцо королевство Повелителя чародеев.

— Что это такое? — с трудом выговорил Менион.

Алланон молча взирал на страшную картину, и злоеца чернота, как в зеркале, отражалась на его хмуром челе. Лицо с небольшой черной бородкой окаменело, задумчивые глаза сузились. Менион терпеливо ждал, и наконец друид, словно очнувшись, развернулся к нему.

— Это предвестие конца. Брона подал знак — покорение народов началось. Он бросит свои армии сначала на Юг, потом на Запад и на Восток, и вслед за ними эта ужасная черная мгла начнет расплзаться по всем четырем землям, пока не проглотит солнце и не покроет мир вечной тьмой. А вместе с солнечным светом умрет и свобода.

— Мы проиграли? — запнувшись, спросил Флик. — Неужели мы проиграли, Алланон? И нет никакой надежды?

Взволнованный голос тронул мрачного великана, друид спокойно повернулся к южанину и ободряюще посмотрел в его испуганные глаза.

— Пока нет, мой юный друг. Пока нет.

Они продолжили путь на запад и шли не останавливаясь несколько часов; Алланон велел своим спутникам смотреть в оба, чтобы ненароком не пропустить появление посланников Черепа. Теперь, когда Повелитель чародеев начал свое наступление, его черные стервятники больше не станут таиться под покровом ночи. Их могущественный хозяин наконец покинул уединенное укрытие в Северных землях и выступил в великий поход, а своих верных слуг из мира призраков отправил вперед, даровав им силу противостоять солнечному свету. Этой же силой он сотворил в своих владениях вечную ночь, и такая же страшная участь ждала остальные земли.

Ближе к полудню путники повернули на юг равнин Стрелехейма, двигаясь вдоль западной границы леса, окружавшего Паранор. Следы, по которым они шли, в этом месте пере-

крывались другими, цепочка тянулась с севера на юг, очевидно в сторону Каллахорна. Эти новые следы никто скрыть не пытался, и было совершенно очевидно, куда прошли люди, оставившие их, и сколько их было. Менион без труда определил, когда именно по равнине проследовала колонна в несколько тысяч воинов. Следы принадлежали карликам и троллям, вероятно, из северных войск Повелителя чародеев. Теперь Алланон уже не сомневался, что в сторону Каллахорна направлялась огромная армия, чтобы затем совершить бросок в Южные земли и тем самым разделить армии трех народов. Скоро тропинка из следов, по которой путники двигались с самого начала, безнадежно исчезла под бесчисленными отпечатками сапог, и понять, куда она направлялась, стало невозможно. Чтобы не испытывать судьбу и не идти наугад, Алланон решил идти вслед за колонной.

Они продолжали шагать весь день и останавливались лишь на короткие привалы, стремясь нагнать гигантскую колонну до наступления темноты. Следы воинов четко отпечатались на земле, и Менион скорее по привычке изредка поглядывал на них. Бесплодные равнины Стрелехейма сменились сочными лугами. Флику даже показалось, что он видит родные поля Тенистого Дола и за ближайшим пригорком вот-вот появится отчий дом. Теплый воздух был напоен влагой и ароматами трав, да и по сравнению с выжженной равниной идти стало намного веселее. Каллахорн был еще далеко, но унылые Северные земли понемногу уступали место теплу и радостному цветению. День пролетел незаметно, и пришло время вечерних разговоров. По настоянию Флика Алланон подробнее рассказал им о Совете друидов. Услышали они и обстоятельный рассказ об истории человечества, начиная с эпохи Великих войн и заканчивая нынешней. Менион почти не говорил, он молча слушал друида, зорко поглядывая по сторонам.

Когда утром они пустились в дорогу, с безоблачного неба светило яркое солнце, одаряя землю ласковым теплом. К полудню погода неожиданно испортилась, солнце затаили низко нависшие дождевые тучи, и в воздухе появилась отвратительная липкая морось, тут же облепившая лица и руки пут-

ников. Надвигалась буря. К тому времени они достигли южной оконечности Черной Дубравы, и на потемневшем горизонте уже виднелись зазубренные вершины Драконьих Зубов. Огромная армия, которая прошла здесь недавно, так и не появлялась, и Менион с тревогой думал, как далеко на юг она успела продвинуться. Теперь они были уже недалеко от границ Каллахорна, который начинался сразу за Драконьими Зубами. И если армии Севера уже захватили Каллахорн, надежды на спасение нет. Внезапно сумрачный свет погас, и небо затянула гнетущая мгла.

Уже в сумерках они вдруг услышали зловещий гул, усиленный раскатистым горным эхом. Менион тотчас узнал этот звук, точно такой же он слышал в лесах Анара. Это был грохот сотен барабанов карликов, от размеренного ритма сырой воздух вздрагивал, наполняясь мрачным напряжением. От мощных ударов земля сотрясалась, и вся жизнь вокруг затаилась в благоговейном страхе. Менион решил, что на этот раз карликов гораздо больше, чем они видели на Нефритовом перевале, — настолько силен был грохот. Должно быть, в армии Севера не одна тысяча воинов, если судить по этому звуку. Чем дальше продвигались путники, тем громче становился барабанный бой, пугающая дробь окружила их плотным коконом, все вокруг содрогалось от гулко-го эха. Вечернее небо затягивали плотные грозовые тучи, приходилось идти в вязкой темноте. Менион и Флик двигались почти на ощупь, зато мрачный друид вышагивал по ухаби-стым низинам и пригоркам твердой и уверенной поступью, с ловкостью ведя их за собой. Чувствуя близость вражеского лагеря, все шли молча и настороженно вслушивались в несмолкающую барабанную дробь.

Неожиданно невысокие холмы, поросшие редким кустарником, сменили крутые склоны с острыми уступами скал, усеянные валунами. Алланон продолжал уверенно идти вперед, Менион и Флик осторожно ступали за высокой костлявой фигурой почти в полной темноте. По расчетам Мениона, они были уже в предгорьях Драконьих Зубов, и Алланон выбрал этот окружной путь, чтобы наверняка избежать столкновения с армией северян. Точное расположение вражеского

лагеря по-прежнему оставалось загадкой, но грохот барабанов подсказывал, что они находились как раз напротив. Еще час трое путников осторожно пробирались меж валунов и зарослей кустарника, едва различая дорогу. Одежда на них была изорвана, руки покрыты царапинами и синяками, но Алланон продолжал идти вперед, не замедляя шага и не позволяя даже короткие привалы. К концу этого нескончаемого часа друид внезапно остановился и обернулся к своим спутникам, предостерегающе приложив палец к губам. Затем медленно и осторожно повел их к темной гряде камней. Несколько минут все трое бесшумно карабкались наверх. Внезапно впереди мигнул тусклый желтый свет горящих костров. Путники встали на колени и на четвереньках подкрались к огромным валунам. Добравшись до отвесной скалы, которая возвышалась рядом с каменным завалом, они осторожно выглянули из-за острого выступа.

Картина, представшая перед глазами, потрясла их. Повсюду под чернильным небом, растянувшись на многие мили во всех направлениях, пылали костры армии Севера, словно сияющие желтые точки, раскиданные по черным равнинам. В ярком свете деловито сновали размытые силуэты горбатых карликов рядом с громоздкими троллями. Тысячи вооруженных до зубов воинов дожидались здесь начала похода на королевство Каллахорн. И Флик, и Менион с отчаянием признали, что даже прославленный Пограничный легион не сможет выстоять перед столь могучей армией. Казалось, на равнинах собрались все до единого карлики и тролли. Всю дорогу Алланон старался избежать встречи с вражескими патрулями, двигаясь вдоль оконечности Драконых Зубов на западной границе, а теперь они угодили прямоком в осиное гнездо и, сидя в каменной ловушке в сотнях футов над лагерьм северных войск, с ужасом смотрели на страшную картину. Грохот барабанов нарастал, и потрясенные люди с недоверием переводили взгляд с одного края поля на другой. Впервые Менион и Флик воочию оценили чудовищный размах сил, угрожающих их беззащитной родине. До сих пор они представляли грядущее вторжение лишь со слов Алланона и теперь смогли увидеть и оценить опасность собственны-

ми глазами. Единственной силой, способной противостоять повелителю зла, собравшему эту чудовищную армию, был легендарный меч, но уповать на его могущество было уже слишком поздно.

Несколько томительных минут все молчали, замороженно глядя на раскинувшийся внизу лагерь. Затем Менион коснулся плеча Алланона и попытался заговорить, однако друид быстро закрыл рот удивленного горца рукой и указал на подножие скалы, на которой они прятались. Менион и Флик присмотрелись и вдруг увидели, что неподалеку от их укрытия прохаживаются часовые карликов. Они не ожидали, что враг окажется настолько предусмотрительным и расставит патрули довольно далеко от лагеря, однако карлики, вероятно, хотели оградить себя от любой неожиданности. Алланон махнул рукой, веля отодвинуться от края каменного завала, и начал медленно, дюйм за дюймом, спускаться вниз, они осторожно последовали за ним. Уже внизу друид устроил военный совет.

— Мы должны быть предельно осторожны, — прошептал он. — Звук голосов может отразиться от поверхности скалы, и его услышат часовые на равнине.

Менион с Фликом кивнули.

— Я не думал, что все так плохо, — продолжал Алланон хриплым шепотом. — Кажется, все армии Севера собрались, чтобы нанести удар по Каллахорну. Брона хочет сломить сопротивление южан и разделить более подготовленные армии Востока и Запада, чтобы вынудить их воевать обособленно друг от друга. Все земли севернее Каллахорна уже захвачены. Необходимо срочно предупредить Балинора и всех остальных.

Он минуту помолчал, а затем выжидающе посмотрел на Мениона Лиха.

— Я не могу сейчас уйти! — с жаром воскликнул принц. — Мы должны вместе искать Ши!

— Время слишком драгоценно, чтобы тратить его на споры и выяснять, что важнее, — грозно заявил Алланон, наставив указательный палец в лицо принца, словно кинжал. — Если не предупредить Балинора, Каллахорн падет, а за ним — все остальные Южные земли, включая Лих. Настало время

тебе вспомнить о собственном народе. Сейчас ты ничем не поможешь своему другу, и, вместо того чтобы думать об одном человеке, ты можешь спасти тысячи южан, которым грозит рабство, если Повелитель чародеев захватит Каллахорн!

От ледяного голоса Алланона Флик почувствовал, как по спине пробежал жуткий холодок. Он видел, как стоящий рядом Менион напрягся, и был уже готов услышать его гневную тираду, однако принц Лиха молча проглотил колкие упреки и ничего не ответил. Несколько бесконечных минут друид и Менион смотрели друг на друга, не скрывая ярости. Наконец Менион резко отвел взгляд и сухо кивнул. Испытывая огромное облегчение, Флик громко, не таясь, вздохнул.

— Я отправлюсь в Каллахорн, чтобы предупредить Ба-линора, — едва сдерживая гнев, пробормотал Менион, — но потом я вернусь и найду вас.

— Сначала сделай главное, а потом поступай как хочешь, — холодно ответил Алланон. — Замечу только, что любая попытка прорваться обратно через вражеские армии сродни безумию. Мы с Фликом попытаемся выяснить, что случилось с Ши и мечом. Мы не бросим его, обещаю тебе, горец.

Хмурый Менион недоверчиво посмотрел на него, однако взгляд друида был чист и искренен. Он не лгал.

— Держись ближе к этим невысоким горам, пока не пройдешь линию патрулей, — негромко посоветовал великан. — Когда доберешься до реки Мермидон рядом с Керном, переправишься через нее и еще до рассвета будешь в городе. Думаю, Керн станет первой целью армии Севера. У города почти нет надежды устоять против осады такой огромной армии. Необходимо вывести всех из города и переправить в Тирсис, пока пути к отступлению не отрезаны. Тирсис стоит на плато и с одной стороны защищен горами. Если правильно организовать оборону, город может несколько дней выдерживать самую жестокую осаду. За это время Дьюрин и Дазль доберутся до своих земель и вернутся с эльфийской армией, а Хендель приведет подкрепление с Востока. Если Каллахорн сможет продержаться до объединения трех армий, мы нанесем Повелителю чародеев ответный удар. Пока не найден меч Шаннары, это наша единственная надежда.

Менион кивнул и повернулся к Флику, протягивая ему руку. Флик едва заметно улыбнулся и от всей души пожал ее.

— Удачи тебе, Менион Лих.

Алланон шагнул вперед и положил сильную ладонь на плечо горца.

— Помни, принц Лиха, мы все зависим от тебя. Народ Каллахорна должен понять грозящую ему опасность. Времени на сомнения и нерешительность не осталось, иначе их ждет неминуемая смерть, и вместе с ними погибнут все Южные земли. Не подведи.

Менион резко развернулся и проворно побежал к скалам. Великан друид и коренастый южанин из Тенистого Дола молча смотрели, как его стройная фигура тенью скользит меж камней; вскоре принц исчез из виду. Они постояли молча несколько минут, а потом Алланон повернулся к Флику.

— А нам остается выяснить, что произошло с твоим братом и мечом. — Он снова говорил приглушенным голосом, тяжело опустившись на небольшой камень. Флик придвинулся ближе. — И еще меня очень беспокоит судьба Эвентина. Тот сломанный штандарт, который мы видели на поле боя, был его личным знаменем. Не исключено, что Эвентин захвачен в плен, и тогда эльфийская армия будет откладывать поход до того времени, пока короля не освободят. Эльфы слишком сильно любят Эвентина, чтобы рисковать его жизнью, даже ради спасения Южных земель.

— Ты хочешь сказать, что эльфийский народ совершенно не волнует судьба Южных земель? — недоверчиво воскликнул Флик. — Неужели они не понимают, что с ними станет, если Повелитель чародеев захватит Юг?

— Все не так просто, как кажется. — Алланон тяжело вздохнул. — Единомышленники Эвентина сознают опасность, но не все на его стороне. Многие считают, что эльфы не должны вмешиваться в дела других народов, если только опасность не угрожает им самим. Без Эвентина среди эльфов начнутся споры, и, пока они будут решать, что правильно, а что нет, надобность в их помощи отпадет сама собой.

Флик задумчиво кивнул и вдруг вспомнил, как однажды в Кулхейвене угрюмый Хендель говорил похожие слова о жи-

телях южных городов. Как люди могут быть такими бестолковыми и нерешительными, когда опасность столь близка и очевидна? Впрочем, еще совсем недавно они с братом тоже пребывали в безмятежном неведении и, даже когда узнали об удивительном происхождении Ши и о чудовищных посланниках Черепа, не осознавали страшной угрозы, пока не увидели крылатого монстра воочию...

— Я должен знать, что происходит в этом лагере. — Голос Алланона, полный решимости, вторгся в мысли Флика резким шепотом. Друид пристально смотрел на коренастого паренька. — Мой дорогой Флик... — В темноте сверкнула его слабая улыбка. — Как ты смотришь на то, чтобы немного побыть карликом?

Глава 22

Пока Ши, вдали от друзей, блуждал где-то за северной оконечностью Драконьих Зубов, а друид и его спутники тщетно пытались отыскать следы наследника великого меча, оставшиеся четыре участника похода приближались к величественным башням крепости Тирсис. Почти два дня, без единой остановки, они пробирались в смертельной близости от вражеских армий, которые растянулись вдоль южного королевства Каллахорн. Первый день показался долгим, хотя и прошел спокойно; четверо воинов пробирались на юг через леса, примыкающие к Черной Дубраве, которая кишела патрулями карликов. Сразу за непроходимыми лесами начинались зловещие Драконьи Зубы. Все горные перевалы бдительно охранялись карликами-охотниками, и миновать их без кровавых стычек казалось невозможным. Однако с помощью несложной уловки удалось отвлечь караульных от выхода на высокогорный извилистый перевал Кеннон, и четверка благополучно вышла к горам. Немного сложнее оказалось выйти на южном конце перевала, пришлось без лишнего шума уложить нескольких карликов прямо перед носом у всего лагеря, после чего оставшиеся двадцать часовых в страхе разбежались, решив, будто на перевал напал знаменитый Пограничный легион Каллахорна и теперь безжалостно истребляет их несчастных соплеменников. Когда они наконец добрались до безопасных лесов южнее Кеннона, Хендель вдруг так расхохотался, что даже пришлось сделать остановку, пока он не успокоится. Дьюрин и Дазль удивленно переглядывались, помня, каким упрямым и неразговорчивым был гном на всем

пути до Паранора. Ни разу они не видели на его лице даже тени улыбки, а смех вообще не вязался с мрачным обликом гнома. Эльфы недоверчиво качали головами и вопросительно поглядывали на Балинора. Но в ответ великан-северянин лишь молча пожимал плечами. Он был старым другом Хенделя и хорошо знал его переменчивый характер. А возвращению улыбки на лицо гнома принц только радовался.

В ранних сумерках, когда догорающее солнце разливало на западных равнинах багровыми и алыми красками, они наконец увидели Тирсис. Несмотря на усталость и бессонные ночи, души их пели от радости при виде величавых стен древней крепости. Они немного задержались на опушке леса, который тянулся к югу от Драконых Зубов через весь Каллахорн. К востоку отсюда располагался город Варфлит, защищавший единственный проходимый перевал через Рунн — небольшую горную цепь севернее знаменитого Радужного озера. У них за спиной ленивая река Мермидон вилась вдоль леса, огибая Тирсис. На западе лежал небольшой островной городок Керн, а истоки реки находились еще дальше, среди безбрежной пустоши Стрелехейма. Широкая на всем протяжении река создавала естественную преграду для врагов и дарила обитателям острова чувство защищенности, хотя порой и зыбкое. Во время полноводья, а значит большую часть года, река была глубока и стремительна, и город-остров оставался недосыгаем для врагов.

Несмотря на то что и Керн, окруженный водами Мермидона, и Варфлит, защищенный со всех сторон горами Рунн, были надежно укреплены, все же именно Тирсис стал пристанищем для Пограничного легиона — идеально отлаженной боевой машины, которая с незапамятных времен оберегала границы Южных земель. Знаменитый легион бесстрашно отражал любое нападение на человеческую расу, создавая первую линию обороны от очередного завоевателя. Тирсис стал колыбелью Пограничного легиона Каллахорна, и эта крепость не знала себе равных. В Первую войну рас древний город Тирсис был уничтожен и со временем отстроен заново, на протяжении веков он разрастался, пока не превратился в

один из самых крупных городов Южноземелья и самую неприступную крепость, способную противостоять угрозе с Севера. Величественные бастионы с зубчатыми стенами были возведены на естественном плато, упиравшемся в непреодолимую скалу. Каждое новое поколение горожан вносило свой вклад в укрепление города, делая его все более неприступным. Более семисот лет назад вдоль внешнего края плато возвели огромную Внешнюю стену, которая позволила расширить границы города до предела, дарованного самой природой. На плодородных равнинах у стен крепости раскинулись фермы и пашни, кормившие город, а могучий Мермидон, который нес свои воды с запада на юг, питал черные земли Тирсиса и наполнял их жизнью. Жители небольших поселков, разбросанных вокруг крепости, надеялись в случае опасности спастись за толстыми городскими стенами. Многие века после Первой войны рас города Каллахорна отбивали все атаки недружественных соседей, ни один из трех ни разу не был захвачен. Прославленный Пограничный легион всегда одерживал победу. Но на этот раз Повелитель чародеев собрал такую армию, какой Каллахорн не видел за всю свою историю. Настоящее испытание силы и доблести было еще впереди.

Со смешанным чувством смотрел Балинор на далекие башни города. Его отец был великим королем и достойным человеком, но он уже не молод. Долгие годы Пограничный легион под его командованием отражал нескончаемые нападения настырных карликов из Восточных земель. Не однажды приходилось ему вести затяжные и недешевые кампании против могучих троллей Севера, когда их племена пытались захватить города Каллахорна и взять в рабство их жителей. Балинор был старшим сыном короля и законным наследником трона. Он упорно учился, внимая заботливым наставлениям отца, народ любил своего принца, а такую любовь можно завоевать только через уважение и взаимопонимание. Балинор работал бок о бок с этими людьми, сражался за них, учился у них, поэтому теперь чувствовал то же, что и они, и смотрел на мир их глазами. Он любил свою землю и готов был сражаться за нее, как сражался до этого дня. Он

командовал полком Пограничного легиона, и его воины носили личный знак отличия Балинора — готового к прыжку леопарда. Полк был главной ударной силой всего войска, и Балинор очень дорожил уважением и преданностью этих людей. Несколько месяцев его не было в городе, с тех пор как он по собственному выбору отправился в далекий поход с таинственным Алланом и отрядом из Кулхейвена. Король умолял его остаться, но решение было принято, и даже ради отца он не мог отступить. Странная тоска вдруг охватила принца, когда он смотрел сверху на стены родного города. Он нахмурился и машинально поднес руку к лицу, проведя по шраму, который тянулся через всю правую щеку до подбородка.

— Снова братца вспоминаешь? — спросил Хендель, хотя вопрос скорее напоминал утверждение.

Балинор вздрогнул и посмотрел на него невидящим взглядом, потом задумчиво кивнул.

— Знаешь, хватит уже терзаться, — решительно заявил гном. — Ты должен перестать думать о нем как о брате, иначе быть беде. Относись к нему как к постороннему.

— Не так-то просто забыть о кровном родстве, — упрямо произнес северянин. — Даже отец с сыном не связаны так сильно, как родные братья.

Дьюрин с Дазлем недоуменно переглянулись. Они знали, что у Балинора есть брат, но никогда не видели его, и за весь долгий путь из Кулхейвена принц ни разу не обмолвился о нем.

Балинор заметил удивленные взгляды эльфов и коротко улыбнулся.

— Все не так плохо, как может показаться, — успокоил он.

Хендель в отчаянии тряхнул головой и надолго замолчал.

— Мы с моим младшим братом Палансом единственные дети Рула Букханна, короля Каллахорна, — не дожидаясь вопросов, начал Балинор, его взгляд снова обратился на далекий город, словно принц пытался разглядеть свое прошлое. — В детстве мы были очень близки, как и вы... Но с годами наши взгляды на жизнь разошлись... как часто бывает у разных

людей, даже если они братья. Я как старший брат должен был унаследовать трон. Разумеется, Палане всегда понимал это, и все же чем старше мы становились, тем больше мое престолонаследие отдаляло нас друг от друга. Главной причиной размолвок было различие наших взглядов на будущее страны... Боюсь, это трудно объяснить...

— Совсем не трудно, — возмущенно засопел Хендель.

— Хорошо, пусть не трудно, — устало согласился Балинор, и Хендель тут же кивнул. — Паланс считает, что Каллахорн больше не должен оставаться первым оборонительным рубежом на пути врагов к Южным землям. Он хочет распустить Пограничный легион и отделиться от остального Юга. Мы никак не могли договориться с ним...

— Расскажи им все, Балинор, — ледяным тоном произнес Хендель.

— Мой недоверчивый друг думает, что Паланс перестал быть хозяином своих слов и давно поет с чужого голоса. Он во всем слушается советов одного чернокнижника по имени Стенмин. Алланон считает, что этот низкий человек без совести и чести намеренно подталкивает Паланса к гибели. Стенмин объявил отцу и всему народу, что править будет мой брат, а не я. Он настроил брата против меня. Когда я уходил, Паланс уже был твердо убежден в том, что я не гожусь в правители Каллахорна.

— А этот шрам? — тихо спросил Дьюрин.

— Перед тем как я ушел с Алланоном, мы повздорили, — ответил Балинор, покачивая головой, словно вновь вспоминая злополучный день. — Даже не помню, с чего началась ссора, только Паланс вдруг впал в ярость, в его глазах горела настоящая ненависть. Я развернулся, чтобы уйти, а он схватил со стены кнут и хлестнул им, попав мне по лицу. Я решил на время покинуть Тирсис, чтобы он мог успокоиться и обдумать свои поступки. Если бы я остался, могло бы...

Он не договорил, а Хендель посмотрел на эльфов таким красноречивым взглядом, что в исходе ссоры братьев сомневаться не приходилось. Дьюрин нахмурился, недоумевая, каким же должен быть брат Балинора, чтобы пойти против та-

кого человека. На всем долгом пути до Паранора северянин не однажды проявил доблесть и отвагу, и даже Алланон во многом полагался на него. И все же брат принца намеренно и ожесточенно выступил против него. Эльф ощущал глубокое сочувствие к храброму воину, вернувшемуся домой, где мира не было даже в его родной семье.

— Поверьте, мой брат не всегда был таким. Он, в общем-то, не злой человек, — продолжал Балинор, словно хотел убедить в этом не своих слушателей, а самого себя. — Этот Стенмин имсет над Палансом какую-то необъяснимую власть и нарочно настраивает брата против меня, порождая в нем приступы чудовищной ярости...

— Если бы только это, — резко перебил Хендель. — Паланс настоящий фанатик, он жаждет трона и нападает на тебя под предлогом неусыпной заботы о народе. Он просто захлебывается от собственной добродетельности и великодушия.

— Может, ты и прав, Хендель, — тихо согласился Балинор. — Но он мой брат, и я люблю его.

— Поэтому он так опасен, — заявил гном и встал перед рослым принцем, уверенно глядя ему в глаза. — Он-то тебя больше не любит.

Балинор ничего не ответил, он смотрел на западные равнины, тянувшиеся до самого Тирсиса. Все молчали, оставив принца наедине с его раздумьями. Когда Балинор снова посмотрел на своих спутников, лицо его светилось безмятежностью, словно и не было нелегкого разговора.

— Пора идти. Надо попасть в город до ночи.

— Дальше я с вами не пойду, Балинор, — быстро вставил Хендель. — Я должен вернуться домой, гномам надо готовить армию к обороне Анара.

— Ты бы мог заночевать в Тирсисе, а утром уйдешь, — торопливо произнес Даэль; юный эльф очень беспокоился за уставшего гнома и пытался задержать его под любым предлогом.

Хендель снисходительно улыбнулся и отрицательно покачал головой.

— Нет, до рассвета я должен пройти эти земли. Если я задержусь на ночь в Тирсисе, то потеряю целый день пути, а

время сейчас дорого нам всем. Свобода Южных земель зависит от того, насколько быстро мы сможем собрать и объединить армии, чтобы дать отпор Повелителю чародеев. Теперь, без Ши и меча Шаннары, армии — наша последняя надежда. Я иду в Варфлит, там и заночую. Будьте осторожны, друзья мои. Да пребудет с нами удача.

— Удачи и тебе, отважный Хендель. — Балинор протянул широкую ладонь.

Хендель горячо пожал руку ему и братьям-эльфам, после чего, махнув на прощание, скрылся в лесу.

Балинор и эльфы подождали, пока гном не исчез между деревьями, а затем двинулись через равнины к стенам Тирсиса. Солнце скрылось за горизонтом, и красноватые краски на тусклом небе сменились темно-серой палитрой, чуть разбавленной синевой. Приближалась ночь. Когда засияли первые звезды, они прошли половину пути, и массивные черные контуры великого города закрывали уже почти весь горизонт. По дороге принц Каллахорна поведал эльфам историю возведения Тирсиса.

Сама природа выбрала место для рукотворной крепости. Город выстроили на высоком плато, которое протянулось вдоль гряды небольших, но совершенно неприступных утесов. Эти утесы полностью закрывали плато с юга и частично — с востока и запада. Не такие высокие и величественные, как Драконьи Зубы или Чарнальские горы, они были почти отвесные на юге, и никому еще не удавалось забраться на них. Таким образом, Тирсис был надежно защищен с тыла, и с южной стороны не требовалось возводить никаких укреплений. Плато, на котором стоял город, достигало чуть больше трех миль в самом широком месте и резко обрывалось над бескрайними равнинами, которые тянулись на севере и западе до реки Мермидон, а на востоке — до лесов Каллахорна. Именно бурные воды Мермидона служили первым защитным рубежом при нападении, и редкой армии удавалось зайти дальше реки, чтобы добраться до плато и выйти к городским стенам. Те, кому все же удавалось преодолеть реку, оказывались перед крутой стеной плато, которую было удобно защищать сверху. Единственной переправой на отвесный

берег служил огромный подъемный мост из камня и железа, который опускался прямо из стены.

Но даже если врагу улыбалась удача взобраться на плато и оказаться тем самым на подступах к крепости, оставался еще и третий рубеж обороны, преодолеть который не удавалось еще ни одной армии. В двухстах ярдах от края плоскогорья, охватывая город полукольцом и упираясь в неприступную гряду утесов на юге, поднималась исполинская Внешняя стена. Сложенная из огромных каменных глыб, скрепленных цементом, стена была идеально гладкая, и влезть на нее без специального снаряжения казалось невозможным. Она взмывала ввысь почти на сотню футов, массивная, толстая, непреодолимая. Наверху, по всему полукружью стены, были сооружены бастионы для защитников крепости с тайными укрытиями для лучников, позволяющими незаметно стрелять по незащищенным врагам внизу. Почти тысячу лет древняя стена из грубых каменных глыб отваживала незваных гостей. С тех пор как ее возвели после Первой войны рас, ни одна вражеская армия не смогла проникнуть в Тирсис.

Прямо под величественной Внешней стеной для воинов Пограничного легиона были выстроены длинные казармы со скошенными крышами, которые перемежались хозяйственными постройками для хранения провианта и оружейными складами. Почти треть бойцов огромного войска постоянно несла службу, а остальные две трети оставались дома с семьями и занимались в городе вполне мирными делами, будучи ремесленниками, торговцами или рабочими. В случае необходимости казармы могли вместить и целую армию, что уже бывало, и не однажды, но теперь они были заняты лишь частично. В стороне от казарм, складов и учебного плаца возвышалась Внутренняя стена, отделявшая поселение военных от города. За этой второй стеной на уютных извилистых улочках располагались дома, лавки и мастерские жителей Тирсиса, опрятные и ухоженные домики, выстроенные с любовью и старанием. Город занимал почти все плоскогорье и растянулся от второй стены почти до южных скал. В самом центре была выстроена третья стена, невысокая, за которой

скрывались правительственные здания и королевский дворец, а также просторная площадь для городских собраний и сады. Тенистые парки вокруг дворца были единственным зеленым украшением каменного города, выстроенного на открытом плато. Третья стена была возведена не для обороны, а служила некой границей, от которой начиналась правительственная территория, выделенная для владений короля и городского парка, открытого для всех жителей Тирсиса. Описывая родной город, Балинор немного отвлекся и с гордостью напомнил братьям эльфам, что королевство Каллахорн — одна из немногих сохранившихся просвещенных монархий в мире. Наряду с королем, который безусловно являлся правителем страны, был в Каллахорне и избранный народом парламент, помогающий монарху создавать и воплощать законы управления государством. Народ южного королевства гордился своим правительством и Пограничным легионом, в котором большинство из них когда-то служили или служат поныне. В этом государстве они могли оставаться свободными людьми, и им было что защищать.

В Каллахорне соединились прошлое и будущее. С одной стороны, его города были построены, прежде всего, как крепости, способные выдержать частые осады воинственных соседей. Так и Пограничный легион в неизменном виде пришел из незапамятных времен, когда только что образованные государства непрерывно воевали между собой, а фанатичное стремление к независимости приводило к бесконечной борьбе за ревностно охраняемые территориальные границы; в ту пору дружеские отношения между народами всех четырех земель казались лишь несбыточной мечтой из прекрасного будущего. Ныне в сердце Южных земель уже не найти мест с такой грубоватой архитектурой, более утонченная культура и менее воинственная политика скоро взяли верх, и на смену древним крепостям пришли прекрасные открытые города. Но именно Тирсис со его варварскими каменными стенами и мужественными воинами защищал Южные земли, давая возможность остальным странам расти и процветать. Впрочем, и в этих строгих краях уже витал ветер перемен, возве-

шая скорый приход новой эпохи. Немало людей в обществе говорило о терпимости и понимании между всеми народами и племенами. В Каллахорне, как ни в одной другой, более уединенной, стране Южных земель, каждый человек был на виду и мог рассчитывать на такое отношение, какого заслуживал.

Тирсис стоял на перекрестке всех четырех земель, и, наблюдая разных путников, не однажды проходивших через их город, жители древней крепости давно поняли, что внешние различия, отличающие один народ от другого, не имеют ровно никакого значения. Они умели ценить каждого за его внутренние качества. Никто в Каллахорне не стал бы в изумлении таращиться на могучего скального тролля только из-за его нелепого вида — в этих краях тролли не были диковинными существами. Карлики, эльфы и гномы из разных родов и племен постоянно пересекали страну и всегда были желанными гостями, пока намерения их оставались дружескими. Рассказывая об этом, Балинор не мог сдерживать улыбки — он гордился, что именно его народ первым отказался от предрассудков и сделал шаг к пониманию и дружбе, подав пример всем остальным. Дьюрин и Даэль слушали с молчаливым одобрением. Эльфы, как никто другой, знали, что значит жить в своем маленьком мире и не видеть дальше собственного носа.

Когда Балинор завершил свой рассказ, они вышли из высокой травы равнины на широкую тропу. Дорога извилистой лентой уходила в темноту, направляясь в сторону черневшего на фоне неба массивного плато. Вскоре стали видны городские огни и черные силуэты стражников на каменных бастионах. Проем в гигантской Внешней стене очерчивал яркий свет факелов, каменный мост был опущен и охранялся караульными в черных мундирах. Во дворе виднелись ярко освещенные окна казарм, однако ни привычного громкого смеха, ни веселых выкриков шумной мужской компании Балинор не слышал. Это насторожило принца. Голоса, доносившиеся до них, были негромкими, даже приглушенными, словно говорившие не хотели, чтобы их кто-нибудь услышал. Чув-

ствуя неутрачивающую тревогу, Балинор внимательно вглядывался в сумеречный двор крепости, но, кроме странной тишины, так и не заметил ничего необычного. В конце концов он прогнал черные мысли и решительно направился к каменной платформе.

Эльфы молча следовали за Балинором, который твердой поступью поднимался по мосту. Шедшие им навстречу люди, замечая принца, с изумлением останавливались и смотрели ему вслед. Погруженный в раздумья о скорой встрече с родными, Балинор, казалось, не замечал странного поведения горожан, зато братья не упустили ничего и безмолвно обменивались тревожными взглядами. Необъяснимое напряжение висело в воздухе. Когда они поднялись на плато, Балинор вдруг остановился, как будто тоже обеспокоенный. Он внимательно вглядывался в фигуры часовых, затем поднял голову выше, на затененные лица проходящих по стенам бастиона людей, которые быстро и беззвучно растворялись в темноте, как только узнавали его. Несколько минут трое путников стояли неподвижно, молча глядя на редких прохожих, которые при виде Балинора тотчас ускоряли шаг.

— Что такое, Балинор? — спросил наконец Дьюрин.

— Сам не знаю, — встревоженно ответил принц. — Взгляните на часовых. Ни у одного из них на нашивках нет леопарда, как на гербе Пограничного легиона. Вместо леопарда у всех сокол, этот знак мне незнаком. Да и горожане... вы заметили, как они смотрят?

Изящные эльфы разом кивнули, их внимательные раскосые глаза смотрели кругом с нескрываемым подозрением.

— Ладно, неважно, — коротко заявил принц. — Это город моего отца и мой народ. Идем во дворец и узнаем, в чем дело.

Он решительно зашагал к огромным воротам Внешней стены, эльфы едва поспевали за ним. Подойдя к четверем вооруженным стражникам, принц открыто взглянул на них и увидел на лицах воинов все то же необъяснимое изумление. Никто из часовых не попытался остановить принца, никто не сказал ни слова, однако один из стражников неожиданно оставил свой пост и побежал к Внутренней стене, быстро

скрывшись на улочках города. Балинор и эльфы прошли под величественной каменной аркой, нависшей над их головами, словно лапа диковинного зверя. Пройдя мимо застывших стражников, они вышли во двор, где увидели низкие, довольно скромные на вид казармы легендарного Пограничного легиона. Свет горел всего в нескольких окнах, да и сами казармы казались заброшенными и безлюдными. По двору бродило несколько воинов в мундирах с леопардом на гербе, но все они были без доспехов и безоружные. Один из них бросил беглый взгляд на трех путников, стоящих в нерешительности посреди двора, потом, словно не веря собственным глазам, пригляделся повнимательнее и громко крикнул. Дверь одной казармы с треском распахнулась, и на пороге появился седой ветеран. Увидев Балинора и эльфов, он отдал короткий приказ, и солдаты неохотно разошлись, а сам он поспешил к принцу.

— Мой господин, наконец-то ты вернулся! — воскликнул солдат, приветствуя своего командира и коротко отдавая ему честь.

— Рад тебя видеть, капитан Шилон. — Балинор сжал узловатую ладонь старого солдата в своей. — Что происходит в городе? Почему у всех часовых нашивки с соколом?

— Мой господин, Пограничный легион распушен! Нас теперь по пальцам можно перечесть, остальные разошлись по домам.

Все трое смотрели на капитана так, словно тот сошел с ума. Именно сейчас, когда Южным землям угрожает самое страшное за всю их историю вторжение, Пограничный легион распушен! Они тотчас вспомнили слова Алланона о том, что только это великое войско сможет хотя бы на время задержать собранную Повелителем чародеев армию. А теперь, по чьей-то злой воле, последняя надежда рухнула и Каллахорн остался беззащитным перед страшной угрозой...

— Кто приказал... — прорычал Балинор, сдерживая бешенство.

— Твой брат, — быстро отчеканил седой воин. — Он собрал свою собственную гвардию и приказал ей взять на себя наши обязанности, а легиону велел разойтись до дальнейших

указаний. Лорды Эктон и Мессалайн отправились во дворец умолять короля об отмене приказа, но так и не вернулись. А всем остальным оставалось только подчиниться...

— Да вы все тут с ума посходили! — закричал взбешенный Балинор, вцепляясь в мундир капитана. — А мой отец? Разве он больше не король, разве не он командир легиона? Что он говорит об этом безумии?

Шилон отвел взгляд, подыскивая слова для ответа, который он боялся произнести. Балинор с силой развернул его к себе.

— Я... я не знаю, мой господин, — пробормотал воин, пряча глаза. — Мы слышали, что король болен, больше нам ничего не сказали. Твой брат объявил себя временным правителем, пока короля нет на троне. Это случилось три недели назад.

В потрясенном молчании Балинор выпустил капитана и уставился невидящим взглядом на далекие огни дворца. С какими надеждами он возвращался домой! Ужасная размолвка с братом прогнала его из Каллахорна, а теперь все только еще больше запуталось. Как бы ему этого ни хотелось, он должен увидеться с Палансом и объяснить своему непредсказуемому брату, чем грозит его чудовищная ошибка не только Каллахорну, но и всем народам.

— Мы должны немедленно отправиться во дворец и поговорить с твоим братом. — Встревоженный голос Даэля ворвался в его мысли.

Словно очнувшись, Балинор посмотрел на юного эльфа и неожиданно вспомнил о юном возрасте брата. Кто, как не он, знал об упрямом нраве Паланса.

— Да, конечно, ты прав, — согласился он рассеянно. — Надо пойти к нему.

— Нет, вам нельзя к нему! — От неожиданного крика Шилона все застыли на месте. — Никто из тех, кто ушел во дворец, не вернулся. Говорят, Паланс объявил тебя предателем, будто бы ты вступил в сговор с ужасным Алланом, мрачным скитальцем, который служит темным силам. Говорят, что тебя необходимо немедленно схватить и казнить!

— Какая чушь! — воскликнул принц. — Я не предатель, и даже мой брат это понимает. Что касается Алланона, то он не желает зла нашему народу, напротив — он наш друг и хочет спасти Южные земли. Я должен пойти к Палансу и поговорить с ним. Да, наши взгляды во многом не схожи, но он не посмеет отправить родного брата в темницу, поверьте мне. В конце концов, не он король Каллахорна!

— Если только твой отец жив, друг мой, — негромко произнес стоящий рядом Дьюрин. — Настало время проявить благоразумие, пока мы не ступили на дворцовые земли. Хендель уверен, что твой брат находится под влиянием мистика Стенмина, и, если это так, тебе угрожает более серьезная опасность, чем ты предполагаешь.

После недолгого раздумья Балинор согласно кивнул. Он быстро рассказал Шилону о скором вторжении в Каллахорн огромной армии Севера, уверяя, что только Пограничный легион может спасти их родину. Затем он крепко сжал плечо пожилого воина и прильнул ближе.

— Дождись нашего возвращения или моего личного гонца четыре часа. Если за это время я не вернусь и не пришло весточки, найди лордов Гиннисона и Фандвика, Пограничный легион необходимо собрать немедленно! Созывай народ, пусть требуют от моего брата открытого суда. В этом он не сможет отказать. Отправь гонцов на Запад и на Восток, к эльфам и гномам, сообщи, что нас взяли в плен, меня и кузенов Эвентина. Ты все запомнил?

— Да, мой господин. — Воин с жаром закивал. — Сделаю все, как ты приказал. Да пребудет с тобой удача, принц Каллахорна.

Он развернулся и снова скрылся в казарме, а взбешенный Балинор быстро зашагал в сторону города. Когда они подошли к каменной стене, Дьюрин снова шепотом попытался уговорить брата подождать его снаружи и не ходить во дворец, однако юный Даэль и слушать не хотел. Понимая, что спорить с упрямым бессмысленно, Дьюрин вскоре уступил. Хрупкому эльфу не исполнилось еще и двадцати, и жизнь для него только начиналась. Все участники их небольшого отря-

да, вышедшего из Кулхейвена, питали к Даэлю самые теплые чувства; такую любовь, смешанную с желанием защитить и уберечь от жестокости мира, обычно испытывают к младшим друзьям. Юношеская искренность и открытое сердце Даэля отличали его от большинства людей во времена, когда вокруг царили подозрительность и всеобщее недоверие. Дьюрин очень боялся, что неопытность брата помешает ему выстоять перед невзгодами жизни. Он понимал — если с мальчиком что-нибудь случится, погибнет какая-то невосполнимая часть и его собственной души. Пока они шли к мигающим в темноте огням Тирсиса, Дьюрин то и дело встревоженно поглядывал на брата.

Путь был недолгий, и вскоре они уже вышли через ворота Внутренней стены на улицы города. И здесь стражники смотрели на принца с немим изумлением, однако никто не пытался преградить им дорогу. Они пошли по Тирсовой дороге — главной улице, пересекавшей весь город. Казалось, Балинор даже стал выше ростом, твердой уверенной поступью он вышагивал по каменным плитам, плотно завернувшись в длинный темный плащ, на шее и запястьях воина поблескивала кольчуга. Статный, с горделивой спиной и высоко поднятой головой, по ночному Тирсису шел принц Каллахорна, вернувшийся домой. Встречные прохожие сразу узнавали его, замирая в изумлении, как и стражники у ворот, но быстро приходили в себя при виде его величавой, полной достоинства фигуры и кидались вслед за принцем, чтобы поздравить с благополучным возвращением. Пока возлюбленный сын Каллахорна шел через весь город, толпа выросла с нескольких десятков до нескольких сотен; Балинор искренне улыбался радостным лицам, но продолжал, не останавливаясь, идти вперед, стремясь поскорее добраться до дворца. Крики и возгласы толпы слились в оглушительный хор, разрозненные голоса объединились, все громче скандируя имя своего принца. Несколько человек сумели пробиться через толпу поближе к Балинору и шепотом предупредили его об опасности. Однако принц больше не хотел быть рассудительным и осторожным, на каждый новый встревожен-

ный шепот он решительно встряхивал головой и продолжал идти ко дворцу.

Толпа все прибывала, и вскоре огромное людское море влилось в центр города, прорываясь под гигантскими сводами и нависающими сверху галереями, с трудом протискиваясь по узким перешейкам Тирсовой дороги мимо высоких белокаменных зданий и маленьких домишек к мосту Сендика, который нависал над нижними ярусами Народного парка. На другой стороне моста темнели закрытые дворцовые ворота. На середине широкой арки принц резко развернулся к толпе, все еще преданно сопровождавшей его, и вскинул вверх руки, призывая всех остановиться. Горожане послушно остановились, и в наступившей тишине раздался громкий голос Балинора.

— Друзья мои, соотечественники! — Гордый голос принца унесся в ночную тьму и вернулся звучным эхом. — Я скупал по своей родине и по своим отважным согражданам, но теперь я вернулся домой и никуда больше не уйду! Вы не должны бояться. С нашей страной ничего не случится, и земля наша пребудет вовеки! Если трону великого Каллахорна угрожает опасность, я встречу ее открыто и прямо. Возвращайтесь домой, утром мрачные мысли оставят вас. Послушайте меня, расходитесь по домам, и я тоже пойду домой!

Не дожидаясь ответа толпы, Балинор развернулся и пошел по мосту к дворцовым воротам, братья-эльфы неотступно следовали за ним. Рокот голосов снова нарастал, люди выкрикивали имя принца, но никто не последовал за ним, хотя многие и хотели бы. Повинуясь приказу наследника, люди медленно повернули обратно, хотя некоторые все еще выкрикивали что-то в защиту Балинора, обращаясь к молчаливой громаде дворца, или высказывали мрачные пророчества о том, что ждет гордого принца и его друзей за стенами королевского дома. Трех путников уже не было видно — они быстро спустились с вершины выгнутого моста и вскоре уже стояли перед высокими, окованными железом воротами дворца Букханнов. Балинор решительно взялся за огромное железное кольцо, вмурованное в массивный деревянный створ,

и принялся колотить по воротам. Сначала путники не слышали ничего, кроме оглушительного грохота, и с растущим негодованием вслушивались в любой шорох. Затем тихий голос за воротами потребовал назвать имена. Балинор произнес свое имя и громко приказал открыть ворота. Тяжелые засовы тотчас отодвинулись, и массивные ворота распахнулись внутрь, пропуская всех троих. Не оборачиваясь на молчаливых стражников, Балинор прошел в сад перед дворцом, во все глаза глядя на величественное здание с колоннами, представшее перед ними. Дворец был погружен во тьму, лишь на нижнем этаже левого крыла горел свет. Дьюрин жестом велел Дазлю идти вперед, а сам внимательно всмотрелся в темноту, и его зоркие глаза тотчас заметили несколько десятков хорошо вооруженных стражников. У всех на мундирах были нашивки с изображением сокола.

Наблюдательный эльф тотчас понял, что они угодили в ловушку, как он и предчувствовал еще на подходе к городу. Первым желанием его было остановить Балинора и рассказать ему о вооруженной охране. Однако он понимал, что Балинор как опытный воин не мог не сознавать всей рискованности своего возвращения во дворец. Дьюрин вновь пожалел, что не смог убедить брата остаться за безопасными стенами, но было уже поздно. Они прошли по садовым дорожкам к дверям дворца. Здесь не было стражников, и двери легко открылись от нетерпеливого толчка Балинора. Горящие факелы ярко освещали холл древнего здания, пламя выхватывало великолепные фрески и картины, украшавшие родовое гнездо короля Букханна. Деревянные резные панели на стенах были увешаны роскошными гобеленами и металлическими пластинами с гербами знаменитых родов, прославивших эти земли. Следуя за высоким Балинором по пустынным залам, эльфы с горечью вспоминали недавнее, не слишком приятное, посещение другого дворца в мрачной крепости Паранор, где посреди ослепительного великолепия древних залов, оставшихся от былых эпох, их тоже ждала западня.

Они повернули налево в следующий зал. Впереди размашистой уверенной походкой шел Балинор, его могучая рос-

лая фигура темнела в нескольких шагах от эльфов, длинный плащ вздымался за спиной от стремительной поступи. На мгновение он напомнил Дьюрину Алланона — огромного, взбешенного, грозного в своей ярости, когда он вышагивал такой же решительной походкой, как принц Каллахорна теперь. Дьюрин с тревогой посмотрел на Дазля, но юный эльф, казалось, был поглощен своими мыслями, лицо его пылало от волнения. Дьюрин положил руку на рукоять кинжала, и холодный металл остудил его пылающую ладонь. Если им суждено снова угодить в западню, сражения не избежать.

Неожиданно Балинор остановился перед открытой дверью. Эльфы торопливо подошли к принцу и заглянули из-за его могучей спины в ярко освещенную комнату. В глубине изящно обставленного зала, непринужденно заложив руки за спину, стоял высокий светловолосый человек с небольшой бородкой, в длинном пурпурном плаще с изображением сокола. Он был на несколько лет моложе Балинора, но обладал такой же выправкой и горделивой осанкой. Эльфы тотчас догадались, что перед ними Паланс Букханн. Балинор сделал несколько шагов вперед, не произнося ни слова и не сводя глаз с лица брата. Эльфы двинулись вслед за принцем, настороженно озираясь по сторонам. В комнате было слишком много дверей, слишком много тяжелых драпировок, за которыми могли скрываться вооруженные стражники. Внезапно что-то промелькнуло у них за спиной. Дазль чуть повернул голову, чтобы видеть дверной проем. Дьюрин выхватил из ножен длинный кинжал, замерев в боевой стойке поодаль от своих спутников.

Балинор не шевельнулся, он молча стоял перед братом, вглядываясь в родные черты и изумляясь необъяснимой ненависти, которую ясно читал в глазах Паланса. Идя во дворец, он был готов к такой встрече, но до последней минуты надеялся, что спокойный и откровенный разговор двух самых близких людей может решить все разногласия, когда-то возникшие между ними. Но когда Балинор заглянул в глаза брата и не увидел в них ничего, кроме ярости и гнева, он понял, что никакие доводы рассудка не смогут достучаться до совершенно обезумевшего в своей ненависти Паланса.

— Где отец?..

Резкий вопрос Балинора заглушил неожиданный свист, когда скрытые шнуры выпустили огромную, сплетенную из кожи и веревок сеть, подвешенную к потолку и не замеченную отважной троицей. Накрытые крепкой паутиной, утяжеленной внушительными грузиками, они в мгновение ока оказались на полу, тщетно пытаясь разрезать прочные путы. Тотчас все двери в зале распахнулись, тяжелые драпировки откинулись в сторону, и ворвалось несколько десятков дюжих воинов, готовых сломить сопротивление пленников. Западня была подготовлена идеально — не оставалось ни малейшей надежды ни сбежать, ни дать отпор. Принца и эльфов разоружили, руки бесцеремонно скрутили за спиной, глаза закрыли повязками. Потом пленников грубо поставили на ноги и крепко держали дюжины невидимых рук. На миг установилась полная тишина, затем кто-то приблизился и встал перед ними.

— Ты глупец, Балинор. Зачем ты вернулся? — прозвучал в темноте ледяной голос. — Чего ты ожидал от нашей встречи? Ты трижды предатель и презренный трус после того, что ты сделал со своим народом, с отцом, а теперь и со мной. А что ты сделал с Ширл? Что ты с ней сделал? За это, Балинор, ты умрешь, клянусь тебе! Ведите их вниз!

Грубые руки развернули пленников и подтолкнули к двери, потом бесцеремонно потащили вниз по нескончаемой лестнице до короткой остановки на некой ровной площадке, затем был долгий извилистый коридор с множеством поворотов. Звуки их шагов по влажным камням гулко раздавались в непроницаемом черном молчании. Неожиданно последовал еще один лестничный пролет и новый коридор. Они ощутили холодный спертый воздух и почувствовали, как сырость сочится из каменных стен и пола. Потом послышался визгливый металлический скрежет, древние засовы нехотя отодвинулись, и тяжелая дверь, которую они удерживали на месте, с грохотом отворилась. Жесткие руки с силой развернули пленников и неожиданно отпустили в слепую пустоту. Не успев опомниться, они больно ударились о каменный пол, все еще беспомощные, со связанными руками и плотными

повязками на глазах. Дверь закрылась, и массивные засовы с лязгом встали на место. Они молча прислушивались к звукам удалявшихся шагов, пока те не затихли. Потом вдали раздался приглушенный грохот металла, и пленники догадались, что тюремщики закрывают одну за другой все двери мрачного подземелья, пока в глубокой тишине не остался лишь звук их тяжелого дыхания. Так Балинор вернулся домой.

Глава 23

Была почти полночь, когда Алланон, к огромному облегчению Флика, который явно не испытывал восторга от своей новой роли, наконец остался доволен результатом долгих трудов. Какой-то чудной мазью, извлеченной из кошелька на поясе, друид натирал парнишке из Дола лицо и руки, пока кожа юного Омсфорда не приобрела темно-желтый оттенок. Кусочком мягкого угля он подрисовал на физиономии Флика морщинки и выделил тени вокруг глаз. Грим был не слишком искусным, однако в темноте парень мог сойти за крупного, крепко сбитого карлика, если, конечно, не приглядываться. Даже для опытного лазутчика затея была чрезвычайно опасной, а уж для бесхитростного деревенского паренька попытка выдать себя за карлика казалась настоящим самоубийством. Но иного способа проникнуть в лагерь и попытаться выяснить, что произошло с Эвентином, Ши и неуловимым мечом, у них не было. Алланон не мог пойти сам, даже в самом умелом гриме его узнали бы в мгновение ока. Поэтому перепуганному Флику не оставалось ничего другого, как загнаться под карлика, под запитой ночи спуститься вниз по склону, пройти мимо бдительных часовых, не вызвав подозрений, и войти в лагерь, кишасший злобными карликами и могучими троллями, где и попытаться выяснить, нет ли среди пленников его брата и эльфийского короля, а в довершение всего разузнать что-нибудь о местонахождении меча. Причем все это он должен был проделать до восхода солнца, чтобы при свете дня карлики не смогли разглядеть его нарисованное лицо.

Алланон попросил Флика снять плащ и несколько минут колдовал над ним, немного изменил крой и увеличил капюшон, чтобы он лучше закрывал лицо. Когда все было готово, Флик плотнее завернулся в плащ и обнаружил, что на виду остались только руки, а лицо почти полностью затенено плотной материей. В душе его мелькнул слабый проблеск надежды вернуться живым, если, конечно, он будет держаться подальше от настоящих карликов и уйдет из лагеря до зари. Он еще раз убедился, что короткий охотничий нож надежно закреплен на ремне. Конечно, во вражеском лагере такое жалкое оружие вряд ли поможет, но с ним Флик чувствовал себя хоть немного защищенным. Он медленно поднялся, Алланон придиричиво оглядел невысокую приземистую фигуру, закутанную в плащ, и кивнул.

За последний час погода испортилась, небо затянули плотные клочковатые тучи, закрывшие луну и звезды сплошной завесой, и земля почти полностью погрузилась в темноту. Ночной мрак разбавляли лишь огоньки костров в лагере северян; неожиданно их мерцающее пламя взметнулось ввысь под натиском ураганного ветра, который с диким завыванием пронесся с далекого Севера между вершинами Драконьих Зубов и теперь метался на открытых равнинах. Надвигалась гроза, которая могла обрушиться на долину еще до наступления утра. Угрюмый друид надеялся, что ветер и ненастье помогут Флику и подозрительные враги не заметят подмены.

На прощание Алланон дал пареньку еще несколько наставлений. Короткими рублеными фразами он рассказал ему об устройстве лагеря, особо подчеркнув схему расстановки часовых по всей внешней границе. Он велел Флику высматривать штандарты старейшин карликов и матуренов, вождей троллей, которые, без сомнения, будут размещены где-то в середине лагеря. Строго-настрога друид запретил Флику с кем бы то ни было разговаривать, потому что говор немедленно выдаст в нем южанина. Флик слушал внимательно, с бешено бьющимся сердцем, и понимал, что совсем скоро останется один на один с целым вражеским войском. Надежды на счастливое возвращение у него почти не было, но лю-

бовь к брату заглушала все доводы рассудка, и он не мог не ухватиться хотя бы за призрачную возможность спасти Ши. В завершение своего короткого напутствия Алланон пообещал обеспечить благополучное прохождение первой линии постов, которая начиналась сразу под откосом. Он поднял руку, призывая к полной тишине, и жестом велел Флику следовать за ним.

Они покинули каменное укрытие среди огромных валунов и начали спускаться к равнине, осторожно пробираясь в темноте. Флик едва различал дорогу, и друиду, который сам шел твердой уверенной поступью, словно и не было непроглядной тьмы вокруг, пришлось взять его за руку, чтобы парень не скатился кубарем с горы. Казалось, время остановилось и спуск никогда не закончится, когда они вдруг выбрались из извилистого лабиринта каменных глыб и снова увидели во тьме перед собой огни вражеского лагеря. Флик был весь в синяках и порезах, руки и ноги его дрожали от напряжения, плащ был разорван в нескольких местах. Между ними и огоньками костров висела крошечная темнота, ни один шорох не нарушал тишину, хотя Флик знал, что совсем рядом находятся часовые карликов. Алланон, не говоря ни слова, забрался в расселину в скале и прислушался, чуть наклонив голову. Долго они сидели неподвижно, затем друид встал, жестом велел Флику остаться на месте и исчез в ночи.

Оставшись один, Флик с тревогой огляделся, но ничего не увидел. Прижав пылающее лицо к холодному камню, он стал думать, как вести себя в лагере северян. Никакого особенного плана у него не было. Главное, как сказал друид, избегать разговоров и не подходить очень близко к тем, кто сможет рассмотреть его не слишком умело загримированное лицо. Поэтому надо держаться подальше от света костров. Если пленники в лагере, их, скорее всего, поместят в палатку ближе к центру и выставят охрану. Прежде всего необходимо отыскать эту палатку, а уж потом попытаться заглянуть внутрь. Если все пройдет удачно и его не обнаружат, он вернется к скале, где его будет ждать Алланон, и они вместе решат, что делать дальше.

Флик в отчаянии встряхнул головой. Он слишком хорошо понимал, что не сможет призвать на помощь ни талант перевоплощения, ни изворотливый ум, потому что не обладал ни тем ни другим. С тех пор как при выходе с горного перевала они потеряли Ши, Флик сильно переменялся, его прежний скептицизм и деревенская практичность уступили место странному для него чувству безысходности и отчаяния. За несколько недель знакомый мир исчез безвозвратно, и он уже не мог полагаться на привычный здравый смысл и прежние ценности. Казалось, само время потеряло значимость в эти тягучие бесконечные дни, когда они бежали и прятались и снова бежали или сражались с чудовищами из мира призраков. Счастливые годы юности в тиши и уединении Тенистого Дола казались бесконечно далекими и невозвратными. Единственным, что вносило смысл в сумбур последних недель, были его товарищи и, конечно же, брат. А теперь их дороги разошлись, и Флик остался один на один со своим унынием, измученный, доведенный до отчаяния, в мире, полном неразрешимых загадок и призрачных чудовищ, которые выслеживали его, настигали и подталкивали к грани безумия.

Рядом с Алланом Флик чувствовал себя неуютно. С самой первой встречи мрачный великан оставался для него неразрешимой загадкой, и необъяснимое могущество друида, как все таинственное и непостижимое, пугало его. Долгий и полный опасностей путь в Паранор сблизил всех участников похода, лишь утрюмый скиталец держался отстраненно и высокомерно. И даже его рассказ о собственном происхождении едва ли проливал свет на темную завесу тайны, которой он окутал себя.

Когда отряд еще был вместе, власть таинственного друида над ними не казалась столь неодолимой, хотя на протяжении долгих и опасных поисков меча Шаннары именно он оставался непререкаемым лидером. Но теперь, когда Флик остался с Алланом наедине, он не мог побороть в себе липкий ужас, который вселял в него таинственный философ. Флик снова задумался над загадочной историей великого меча и тут же вспомнил, как друид отказался открыть им всю

тайну его могущества. Не однажды они рисковали жизнью ради мифического клинка, но так и не узнали, в чем его великая сила и как с его помощью можно одолеть Повелителя чародеев. И еще оставалось непонятным, откуда сам Алланон так много знает о мече?

От резкого звука за спиной Флик подскочил, развернулся и выставил в темноту коротенький нож. Послышался громкий шорох, и рядом с Фликом вдруг возник высокий силуэт Алланона. Мощная рука схватила его за плечо и втащила обратно за каменный уступ. Алланон пристально вгляделся в лицо паренька, словно пытался прочесть его мысли. Флик с трудом заставил себя выдержать пронизывающий взгляд, сердце его колотилось от страха и волнения.

— Путь открыт, часовых больше нет. — Низкий голос, казалось, поднимался из глубин самой земли. — Пора идти, мой юный друг, и призови на помощь всю свою отвагу и здравомыслие.

Флик коротко кивнул и поднялся, его завернутая в плащ фигура беззвучно выскользнула из каменного укрытия в черноту открытых равнин. Он перестал рассуждать, не строил больше мрачных догадок, а слушался лишь своего тела, которое чутко выискивало таящуюся в темноте опасность. Пригнувшись к земле, он быстро приближался к далекому свету костров, время от времени останавливаясь, чтобы осмотреться и прислушаться, нет ли шагов за спиной. Гнетущие свинцовые облака по-прежнему закрывали небо плотным коконом, не пропуская даже тусклого света звезд, и чернильную мглу ночи рассекал лишь неверный свет далеких костров. Флик бежал по голой открытой равнине, и густая трава скрывала звук его шагов. Бескрайнюю пустошь наполняли лишь редкие чахлые кусты да несколько кривых деревьев. В темноте не угадывалось ни малейших признаков жизни, и Флик слышал лишь приглушенное завывание ветра и собственное дыхание. Горящие костры, которые у подножия скалы казались тусклым оранжевым маревом, начали разделяться на отдельные огоньки; одни горели ярче, с жадностью пожирая подброшенные дрова, другие едва мерцали тлеющими уголь-

ками, забытые их безмятежно спящими кормильцами. Вскоре Флик подошел настолько близко, что слышал негромкие голоса над уснувшим лагерем, хотя еще не мог различить слов.

Примерно через полчаса он подобрался к внешнему кольцу огней. Быстро нырнув в тень от полосы света, он замер и принялся изучать раскинувшийся перед ним лагерь. Холодный северный ветер раздувал трескучее пламя больших костров, и рваные облачка дыма плыли над равниной в сторону Флика. Здесь начиналась вторая, после скалистых утесов, линия постов, которая опоясывала весь лагерь. Впрочем, часовых было совсем немного, и стояли они далеко друг от друга. Вероятно, северяне не считали нужным выставлять патрули в такой близости от лагеря и относились к этим постам довольно небрежно. Часовыми были в основном карлики-охотники, хотя Флик заметил и нескольких троллей.

Он с любопытством разглядывал могучие фигуры. Все тролли были разного роста, с тучными ногами и руками. Их темная грубая кожа напоминала кору дерева и казалась такой же жесткой. Часовые и воины прохаживались вокруг или сидели на корточках у дотгорающих костров, все они были закутаны в толстые плащи, скрывающие тело и большую часть лица. Флик удовлетворенно кивнул. Будет несложно пробраться в лагерь незамеченным, если все станут кутаться в плащи, а судя по тому, как крепчал ледяной ветер, холод только усилится. Становилось сложно разглядеть что-то за кольцом огней, да и дым застил воздух плотной завесой.

Отчего-то лагерь отсюда казался меньше, чем со скалы у подножия Драконьих Зубов. Однако Флик понимал, что особо обольщаться не стоит. Сидя на корточках, он видел не так много, но прекрасно знал, что лагерь простирается на многие мили. И как только он минует внутреннюю линию постов, придется пробираться между тысячами спящих карликов и троллей, мимо сотен костров с предательски ярким светом и обходить стороной вражеских солдат, отчего-то страдающих бессонницей. Первый же просчет выдаст его с головой. Надо не только пройти по лагерю никем не замеченным, но и отыскать пленников. Флик в сомнении покачал головой и медленно двинулся вперед.

Природное любопытство подстегивало Флика задержаться в тени и подольше понаблюдать за карликами и троллями, однако он тотчас напомнил себе, что времени до рассвета осталось немного. Всю жизнь он прожил на одной земле с этими двумя народами, но они казались ему пришельцами из другого мира. На пути в Паранор им встречались злобные хитрые карлики, и ни одна встреча не закончилась миром; в извилистых коридорах древней Башни друида ему даже довелось сразиться с карликом один на один. Однако Флик почти ничего не знал об этих маленьких человечках с морщинистой желтой кожей, для него они были просто враги, которые пытались его убить. Еще меньше он знал о могучих троллях, они были затворниками и всегда селились только в далеких северных горах и пустынных равнинах, скрытых от посторонних глаз. Но одно Флик знал наверняка — армией, состоящей из карликов и троллей, командует Повелитель чародеев, а его цель была хорошо известна.

Он дождался, пока ветер, налетающий резкими порывами, нагонит дыма от горящих костров между ним и ближайшим часовым, распрямился во весь рост и с непринужденным видом шагнул на территорию лагеря. Место он выбирал тщательно — все воины здесь уже спали. Дым и густая темнота скрывали его плотную фигуру, пока он не шагнул из тени и не вошел в круг ближайших костров. Часовой продолжал таращиться перед собой невидящим взглядом, не заметив его появления.

Флик еще плотнее закутался в плащ и низко надвинул капюшон; любой, кто оказался бы рядом, увидел бы только его руки. Просторный капюшон полностью затенял лицо. Он быстро огляделся, но не заметил поблизости ничего подозрительного. Глубоко вдыхая прохладный ночной воздух, он попытался справиться с волнением и понять, в какой части лагеря находится. Определив, где, по его расчетам, должен быть центр, он решительно развернулся и пошел широкими размашистыми шагами по тропе, которая должна была привести его к скопищу горящих костров в середине лагеря. Теперь оставалось только идти вперед, все пути к отступлению были отрезаны.

То, что он увидел, услышал и пережил в ту страшную ночь, навсегда отпечаталось в его памяти. Он будто попал в некий недоступный пониманию сон, навязчивый кошмар из странных образов и звуков, населенный видениями и существами из иного измерения, которые невесть как оказались в его привычном мире, словно обломки чужой жизни, выброшенные на берег бескрайним океаном. Быть может, ночная мгла и обволакивающий дым сотен костров затуманили его рассудок, погрузив в сон наяву. А может, уставший испуганный разум отозвался столь причудливым образом на невиданные прежде картины.

Тягучие минуты медленно складывались в бесконечные часы; пряча лицо от света костров, Флик пробирался через огромный лагерь, зорко поглядывая по сторонам и примечая любую опасность, да еще приходилось постоянно смотреть под ноги, чтобы ненароком не наступить на спящих воинов, которые жались поближе к огню. Временами ему казалось, что обман раскрыт, и, обмирая от страха, он хватался за рукоять ножа, чтобы отстоять свою свободу в бою или погибнуть. От каждого встреченного им воина он ждал окрика, словно карлик направлялся именно к нему, чтобы уличить самозванца. Но все они молча проходили мимо, и Флик снова оставался наедине со своим страхом, среди тысяч темных и враждебных фигур.

Несколько раз он проходил рядом с небольшими группками, солдаты негромко разговаривали и смеялись, греясь у трескучих костров от пронизывающего холода. Два или три раза ему даже приветливо закивали и махнули рукой, когда он проходил мимо, опустив голову и плотнее завернувшись в плащ, и тогда он отвечал каким-нибудь уклончивым жестом. Его неотступно преследовал страх совершить непоправимую ошибку — не так посмотреть, не туда ступить, ненароком ответить и выдать себя.

Несколько часов бродил он по огромному лагерю, так и не находя ни малейших следов пленников. Уже прошла половина ночи, и с приближением утра росло отчаяние. У него уже мутилось в глазах от бесчисленных догорающих костров

и от лиц спящих воинов; некоторые лежали лицом к небу, другие — завернувшись с головой в одеяло. Он видел много палаток со штандартами вождей, и карликов и троллей, но ни одной с выставленными рядом часовыми не заметил. Впрочем, некоторые он все же осмотрел на всякий случай, так, впрочем, и не обнаружив ничего настораживающего.

Он прислушивался к обрывкам разговоров между троллями и карликами, стараясь оставаться в тени, но все же подходя достаточно близко, чтобы расслышать слова. Однако язык троллей был совершенно ему не понятен, а то немногое, что удавалось разобрать из невнятной речи карликов, оказывалось бесполезным. Создавалось впечатление, что никто в лагере ничего не знает ни о брате, ни об Эвентине, ни о мече, если они вообще когда-нибудь были здесь. Флику начало казаться, что Алланон неверно истолковал следы, по которым они шли последние несколько дней.

Он внимательно взгляделся в ночное небо. До рассвета оставалось всего несколько часов. Флик вдруг испугался, что не успеет добраться до условленного места, где его ждал Алланон, но быстро рассудил, что в общей суматохе утренней побудки сумеет проскользнуть мимо полусонных воинов и добежать до склонов Драконьих Зубов раньше, чем взойдет солнце.

Внезапно из темноты справа от него послышались тяжелые шаги, и в крут света, громко шаркая, ступили четверо троллей, в полном боевом облачении и с оружием. Нетерпеливо переговариваясь, они прошли мимо оцепеневшего южанина, и неожиданно для себя самого и вопреки здравому рассуждению он пошел за ними, держась в нескольких ярдах. Чутье подсказывало ему, что среди ночи воины не станут просто так прогуливаться в полных боевых доспехах. Тролли двигались под прямым углом к тому курсу, который избрал для себя Флик, поэтому он оказался как раз в тени у них за спиной, когда они размеренно шагали через спящий лагерь. Несколько раз могучие воины проходили мимо темных палаток, но не заходили в них, как ожидал Флик, а продолжали идти дальше не останавливаясь.

Вскоре он заметил, что лагерь довольно сильно изменился. Палаток стало больше, да и сами палатки здесь были совершенно другие — просторные, с высокими, хорошо освещенными навесами, за которыми двигались чьи-то темные силуэты. Простых солдат, спящих на холодной земле, здесь почти не было, зато появилось много часовых, которые прохаживались между ярко горящими кострами рядом с палатками. Понимая, что в таком светлом месте будет сложно остаться незамеченным, Флик решил, чтобы избежать расспросов, подойти ближе к троллям и шагал теперь вплотную к ним, словно тоже был из их отряда. Они проходили мимо караульных постов, часовые коротко приветствовали их и глядели вслед, но никто не пытался заговорить с закутанным в плащ карликом, который торопливо семенил за могучими спинами троллей.

Неожиданно молчаливые солдаты резко повернули налево, Флик, даже не задумываясь, повернул вместе с ними и вдруг оказался прямо перед длинной низкой палаткой, которую тоже охраняли вооруженные тролли. Ни поворачивать назад, ни пытаться сбежать было уже поздно, поэтому, когда небольшой отряд остановился перед входом в палатку, на смерть перепуганный Флик, не останавливаясь, пошел дальше и, словно задумавшись о чем-то и не замечая ничего вокруг, прошел мимо троллей. Часовые, казалось, не заметили в его поведении ничего необычного, лишь мельком взглянули на Флика, когда он проходил рядом, плотно закутанный в плащ, и через несколько секунд он уже скрылся в густой тени за палаткой.

Оставшись один, Флик резко остановился и с трудом перевел дыхание, чувствуя, как по спине стекает пот. Проходя мимо приоткрытой палатки, он успел краем глаза заметить между двумя часовыми, вооруженными длинными железными пиками, в откинutom пологe освещенного входа, скорченную фигуру чернокрылого монстра в окружении троллей и карликов. Даже мимолетного взгляда было довольно, чтобы узнать зловещую тварь, которая преследовала их повсюду. Леденящий ужас прокатился волной по всему телу, сердце

бешено колотилось, и Флик еще долго не мог успокоиться, стоя в темноте.

В этой палатке наверняка находилось что-то очень важное, иначе зачем она так тщательно охранялась. Быть может, именно здесь слуги Повелителя чародеев держали пленников и великий меч. Дрожа как в лихорадке, Флик решил во что бы то ни стало заглянуть внутрь. Близился рассвет, и времени оставалось совсем немного. Но как заглянуть в палатку, в которой сидит кровожадное чудовище, а от одного вида грозных часовых бросает в дрожь? Скрытый темнотой, Флик уселся на корточках и безнадежно помотал головой. Что же делать? Попытаться заглянуть внутрь — настоящее самоубийство, но иного выхода нет. Если он вернется к Алланону ни с чем, они так и не продвинутся в своих поисках, и вся эта ужасная ночь во вражеском лагере окажется напрасной.

Флик с надеждой взглянул в темное небо, словно именно там могла скрываться подсказка к тому безвыходному положению, в котором он оказался. Зловещие тучи по-прежнему висели над спящей землей, закрывая далекие звезды. Ночь близилась к концу. Флик поднялся и, ежась от холода, плотнее закутался в плащ. Не для того он прошел этот мучительный путь, чтобы погибнуть по прихоти изменчивой судьбы, когда жизнь брата и даже самого Алланона и всех остальных зависела от него. Он должен узнать, что скрывается в палатке. Медленно и осторожно, он начал дюйм за дюймом продвигаться вперед.

Заря быстро приближалась, тусклый серый свет разливался по объятому густым туманом восточному небосклону. Над равнинами Стрелехейма, словно зловещие саваны на мертвом теле земли, по-прежнему висели низкие грозовые тучи, а на юге темнела огромная черная стена как предвестник неотвратимости наступления Повелителя чародеев. Часовые у западного склона Драконьих Зубов оставили свои ночные посты, чтобы вернуться в просыпающийся лагерь армии Севера. В каменном укрытии, среди огромных валунов, сидел Алланон, его длинный черный плащ, свободно висящий на

костлявом теле, плохо защищал от ледяного утреннего ветра и противной липкой мороси, которая постепенно усиливалась и превращалась в настоящий дождь. Всю ночь друид просидел здесь, не сомкнув глаз, высматривая Флика, но небо на востоке светлело, вражеский лагерь просыпался, и его надежды постепенно таяли. Отказываясь верить очевидному, Алланон еще ждал чего-то и надеялся, что маленький южанин все же смог проскользнуть незамеченным через вражеские посты, отыскать пропавшего брата и эльфийского короля и до рассвета выбраться из лагеря.

Лагерь уже снимался, палатки были разобраны и сложены, а гигантская армия строилась в колонны, которые раскинулись по равнине громадными черными квадратами. Наконец боевая машина Повелителя чародесв двинулась маршем на юг по направлению к Керну, и долговязый друид спустился со скалы, где его смог бы увидеть Флик, если бы оказался где-нибудь неподалеку. Но только ветер негромко шуршал в траве, пролетая над долиной. Высокая темная фигура друида застыла в немом ожидании, и лишь глаза выдавали горечь, которую он чувствовал.

Понимая, что ждать дальше бессмысленно, Алланон развернулся лицом на юг, выбрав дорогу, параллельную той, по которой ушла вражеская армия. Высоко подняв голову под сплошной стеной дождя, он огромными размашистыми шагами быстро пошел по тропе, оставляя за спиной безмерную пустоту голой равнины.

Почти перед самым рассветом Менион Лих вышел к извилистой реке Мермидон севернее города-острова Керн. Алланон не ошибался, когда предупреждал принца о плотной линии вражеских постов. Часовые были выставлены даже за пределами огромного лагеря на равнине и растянулись на запад вдоль Мермидона от южной оконечности Драконьих Зубов. Земли, лежащие к северу от этого места, принадлежали Повелителю чародеев. Вражеские патрули беспрепятственно бродили вдоль южных границ величественных Драконьих Зубов, подпирающих своими вершинами небо, охраняя редкие перевалы. Батинору, Хенделю и братьям-эльфам

удалось прорваться через один такой патруль на высокогорном перевале Кеннон. У Мениона не было спасительного прикрытия гор, которые спрятали бы его от северян. Как только он расстался с Алланом и Фликом, ему пришлось идти через голую открытую равнину, раскинувшуюся на юге от Мермидона. Впрочем, у принца все же было два преимущества. В непроглядной черноте беззвездной ночи разглядеть что-нибудь дальше своего носа было невозможно. А Менион как непревзойденный охотник всех Южных земель мог прекрасно ориентироваться в любых, даже непроходимых местах. Поэтому, оставаясь незаметным для других, он быстро и уверенно двигался в густой темноте, и только самое чуткое ухо могло услышать его осторожные шаги.

Итак, он молча расстался с Алланом и Фликом, все еще злясь на друида, который вынудил его прервать поиски Ши ради того, чтобы предупредить Балинора и народ Каллахорна о неизбежном нападении. Менион чувствовал странную неловкость перед Фликом за то, что оставил его наедине с таинственным и непредсказуемым друидом. Он по-прежнему не доверял этому загадочному страннику, который не только не рассказал им всей правды о неуловимом мече, но и сам оставался для них совершеннейшей тайной. Они послушно выполняли все его приказы и в самые опасные минуты их долгого пути полагались только на его решения. Не однажды молчаливый друид спасал их от смерти, и все же великий меч ускользнул от них, и вдобавок бесследно исчез Ши. В довершение всех бед огромная армия Севера грозила вторжением в его родные Южные земли, и не было никакой надежды остановить ее. Только королевство Каллахорн могло задержать вражеское войско, но Менион не верил, что даже прославленный Пограничный легион в одиночку способен остановить нагиск чудовищной громады. Только с помощью армии эльфов и гномов, твердил он себе, защитники Каллахорна смогут хотя бы ненадолго остановить Повелителя чародеев. Надеяться на меч Шаннары он считал бессмысленным — даже если отыщется Ши, продолжать поиски меча времени уже не будет.

Ударившись коленом об острый как бритва край булыжника, Менион негромко выругался и снова сосредоточился на дороге, решив не думать больше о неизбежном, хотя и туманном будущем. Словно проворная черная ящерица, он бесшумно скользил вниз по склонам Драконых Зубов, пробираясь в запутанном лабиринте острых валунов; меч Лиха и длинный ясеновый лук были надежно закреплены за спиной. Никого не встретив по дороге, принц благополучно достиг подножия горы и всмотрелся в темноту. Ничто не нарушало зловещей тишины ночи. Менион осторожно двинулся в сторону поросших травой равнин, останавливаясь через каждые несколько ярдов и вслушиваясь в малейший шорох. Он знал, что повсюду расставлены посты, но не мог разглядеть их в темноте.

Так ничего и не увидев в чернильной завесе, он медленно и осторожно пошел в южном направлении, держа наготове охотничий нож. Поначалу все было спокойно, и Менион уже начал надеяться, что ему удалось проскользнуть под самым носом у часовых, даже не заметив их, как вдруг послышался какой-то шум. Принц затаил дыхание и попытался понять, откуда доносились звуки; внезапно в темноте прямо перед ним раздалось негромкое покашливание. Часовой выдал себя как раз вовремя, чтобы горец не столкнулся с ним нос к носу. Если бы караульный закричал, на его крик тотчас сбегались бы все остальные.

Менион упал на колени и крепко сжал нож. Потом осторожно, ползком, начал придвигаться к часовому. Наконец в темноте проявились чьи-то смутные очертания. Судя по росту, на посту стоял карлик. Выждав еще минуту, когда караульный повернулся спиной, Менион подполз ближе, теперь до карлика оставалось всего несколько футов. Стремительным движением он вдруг поднялся перед остолебеневшим от изумления карликом и, прежде чем тот успел пикнуть, железной хваткой сжал ему горло. Рукоять ножа резко опустилась на темечко карлика, и тот рухнул на землю как подкошенный. Не дожидаясь встречи с другими часовыми, горец скользнул в темноту, подальше от постов. Нож он держал наготове,

на случай если впереди окажется еще одна застава. Ледяной ветер не ослабевал, впереди была длинная тревожная ночь.

Вскоре он добрался до Мермидона, и на юге показались тусклые огни острова Керн. Сидя на корточках на невысоком пригорке, который обрывался сразу над северным берегом, он всматривался в быстрое течение реки. Пригнувшись, горец плотнее запахнул плащ, надеясь защититься от крепнувшего ледяного ветра. Все еще не веря, что удалось выйти к реке незамеченным, он решил, что проскользнул мимо постов, даже не увидев их в темноте.

Настороженно оглядевшись вокруг, принц убедился, что поблизости никого нет, и встал во весь рост, разминая уставшие ноги. Он понимал, что придется пересечь Мермидон ниже по течению, если он не хочет барахтаться в ледяных объятиях стремительной реки. Рядом с Керном обязательно должны быть лодки или паром, которыми пользуются и сами горожане, живущие на острове. Поправив оружие за спиной, принц мрачно усмехнулся и, подставив лицо колючему ветру, пошел вниз по холму, ведущему к реке.

Однако далеко уйти он не успел. Меньше чем через тысячу ярдов утренний ветер на мгновение утих, и во внезапной тишине Менион услышал чье-то неясное бормотание. Он тотчас упал и вжался в землю. Ветер вновь усилился, и сквозь его громкое завывание Менион до боли в ушах вслушивался в тревожные звуки. Затем ветер снова сделал передышку, и из темноты донеслись негромкие голоса. Кто-то разговаривал внизу, на берегу темной реки. Горец быстро переполз к небольшому пригорку, который закрывал его от слабых огней далекого города. Затем он поднялся и, пригнувшись к земле, стремительно и беззвучно побегал по холму параллельно реке. Голоса сделались громче и отчетливее, и вскоре уже казалось, что они доносятся из-за самого холма, в нескольких шагах от принца. Менион прислушался, но по-прежнему не смог разобрать слов. Он осторожно подполз к вершине пригорка и увидел несколько черных фигур, толпящихся у самой реки.

И сразу же заметил лодку, подогнанную к берегу и привязанную к невысокому кусту. Вот и желанная переправа, но

как добраться до нее? Рядом с лодкой тесным кругом громоздились четверо вооруженных троллей, их могучие черные силуэты безошибочно узнавались даже в тусклом свете. Пробраться к лодке под самым носом вооруженных стражников казалось совершенно невозможным. Рядом с троллями Менион различил невысокую хрупкую фигуру, одежда незнакомца явно выдавала в нем южанина.

Как ни пытался Менион разглядеть стоявших у воды стражников, в скудном свете он лишь уловил неясные черты лица худощавого южанина; человек этот не был похож ни на кого, с кем принц встречался прежде. На тонком скуластом лице незнакомца темнела небольшая бородка, которую он то и дело теребил короткими нервными движениями.

И тут принц заметил еще кое-что. У ног стражников лежал большой тюк, обернутый плащом и надежно перевязанный веревками. Менион внимательно пригляделся к темнеющему на земле странному предмету, недоумевая, что это может быть. К изумлению принца, сверток неожиданно шевельнулся, и с этой минуты Менион уже не сомневался, что под толстой тканью скрывается что-то живое. В отчаянии он попытался придумать хитроумный способ подобраться поближе к группе стражников, но было поздно. Четверо троллей и южанин уже прощались. Один из троллей подошел к таинственному свертку и одним легким движением закинул его на могучее плечо. Южанин вернулся к лодке, отвязал веревку и забрался внутрь, спустив весла на зыбкие волны. На прощание они обменялись еще несколькими словами, до Мениона донеслись лишь обрывки разговора, из которых следовало, что все идет своим чередом. А напоследок, когда лодка уже уходила от берега, объятая быстрым течением реки, южанин велел троллям ждать его дальнейших известий о принце.

Менион еще на дюйм продвинулся вперед по мокрой траве холма, глядя, как южанин на маленькой лодке исчезает в темной дымке над Мермидоном. Начинаясь рассвет, но в тусклом сером свете было видно не лучше, чем в ночной темноте. Низкие косматые облака по-прежнему не отпускали небо, и казалось, что они вот-вот коснутся земли. Бли-

зился дождь, и воздух уже был затянут густым ледяным туманом, насквозь промочившим одежду Мениона. Через час, на восходе солнца, безбрежная армия Севера двинется в сторону Керна и наверняка к полудню доберется до острова. У принца оставалось очень мало времени, чтобы предупредить горожан о скором нападении вооруженной армады. Необходимо срочно переправить жителей острова в Тирсис или еще дальше на юг, где люди будут в безопасности. А Балинору надо немедленно сообщить, что Пограничный легион должен тотчас выступить навстречу врагу и удерживать огромное войско, пока не подоспеет подкрепление от эльфов и гномов.

Принц Лиха понимал, что времени гадать о таинственном разговоре на берегу реки, свидетелем которого он случайно стал, у него нет, но отчего-то медлит. Он дождался, пока тролли отойдут от кромки воды, унося с собой перевязанный тюк, и двинулся вверх по холму. Менион был уверен, что тот южанин с лодкой взял кого-то в плен и передал солдатам вражеской армии. Было совершенно очевидно, что о ночной встрече обе стороны условились заранее и загадочный пленник очень важен для них, а значит, и для Повелителя чароцеев.

Менион смотрел, как четверо троллей скрываются в мутной утренней дымке, и не знал, как поступить. Он расстался с Адланом, чтобы выполнить очень важное поручение, которое, быть может, спасет тысячи жизней, и времени на дерзкие выходы в окружении врагов лишь для удовлетворения собственного любопытства у него не было, даже если эта сумасбродная затея спасет... Ши! А вдруг этот пленник Ши? Мысль молнией пронеслась в его сознании, и решение было принято в один миг. Если есть хотя бы ничтожная надежда, что в живом свертке находится его друг, Менион просто обязан попытаться спасти его.

Принц вскочил и быстро побежал на север, туда, откуда только что пришел, стараясь двигаться по одной линии с троллями. В густом тумане было трудно не отклоняться от выбранного пути, но у Мениона не было времени задумываться о таких пустяках. Важнее было придумать, как отбить

пленника у четырех вооруженных троллей, если любой из них мог пристукнуть худощавого горца одним пальцем. К тому же воины в любой момент могли выйти к пограничным постам северян, и, если принц не успеет остановить их раньше, другой возможности просто не будет. Менион почувствовал, как на лицо упали первые капли дождя, над головой зловеще прогрохотал гром, и ветер подул с новой силой. В отчаянии он высматривал в мглистых клубках тумана ушедший отряд, но троллей нигде не было видно. Испугавшись, что слишком замешкался и упустил их, Менион, рискуя свернуть себе шею, помчался по мокрой траве. Стремительной черной тенью он несясь сквозь туман, огибая чахлые деревца и заросли кустарника, обшаривая взглядом пустую равнину. Дождь хлестал его по лицу, затекал в глаза, и принцу приходилось время от времени замедлять бег и стирать теплую жижу из пота и дождя. Он сердито мотал головой. Тролли должны быть где-то рядом! Он не мог их потерять!

Внезапно четверо стражников вынырнули из тумана позади принца, чуть левее от него. Торопясь нагнать троллей, Менион немного перестарался и пронесся мимо них. Принц затаился за невысокими кустами и смотрел, как приближаются могучие темнолицые воины. Если они никуда не свернут, то пройдут вплотную к густым зарослям впереди, которые пока не были видны троллям, зато хорошо видны Мениону. Горец выскочил из своего укрытия и стремглав помчался в туман. Оставалось только надеяться, что тролли не заметили бегущего во мгле человека, иначе при подходе к кустам они будут настороже. Если же ему удастся проскочить незамеченным, он устроит засаду в зарослях, а потом отступит к реке. Менион во весь дух мчался по равнине, пока не забежал в густые заросли; тяжело дыша, он упал на колени и, скрывшись за ветками, стал наблюдать за дорогой.

Сначала он не видел ничего, кроме тумана и дождя, вскоре из свинцового марева возникли четыре громоздкие фигуры. Размеренными тяжелыми шагами тролли приближались к укрытию, в котором затаился принц Лиха. Он сбросил тяжелый плащ, насквозь промокший от утреннего дождя. Когда ему придется убегать от рослых воинов, плащ будет толь-

ко мешать. Заодно он снял и тяжелые охотничьи сапоги. Потом Менион вынул из кожаных ножен меч Лиха и положил сверкающий клинок рядом с собой. Из колчана он достал две черные стрелы и туго натянул тетиву лука, замерев в ожидании. Тролли быстро приближались к густым зарослям, их темные силуэты уже виднелись в просветах густой листвы. Они шли по двое, один из шедшей впереди пары тащил обмякшее тело связанного пленника. Явно ничего не опасаясь на земле, которую они уже считали своей, тролли подходили все ближе к кустам. Менион медленно встал на одно колено и вложил стрелу в тетиву лука.

Не подозревая о засаде, тролли поравнялись с зарослями, когда невесть откуда с громким свистом по воздуху пролетела первая стрела и впилась в громадного тролля с пленником на плече. С ревом боли и ярости тролль уронил свою ношу и упал, схватившись за раненую ногу обеими ручищами. И в этот миг смятения и паники Менион выстрелил снова, поразив второго тролля в плечо, отчего тот крутанулся на месте и всей своей огромной тушей повалился на шедших сзади товарищей.

Не медля ни секунды, горец с диким криком выскочил из-за кустов и молнией ринулся на остолбеневших троллей, размахивая мечом. От неожиданности воины отступили назад, забыв о своем пленнике, и тогда их стремительный враг свободной рукой забросил на плечо завернутое в плащ тело, прежде чем северяне успели опомниться. В следующую секунду принц промчался мимо них, на бегу распоров мечом руку ближайшего к нему тролля, который попытался остановить смельчака. Дорога на Мермидон была открыта!

Два тролля, невредимый и легко раненный в руку, бросились в погоню, в сосредоточенном молчании тяжело топая по мокрой от дождя земле. Громоздкие доспехи и грузное тело сильно замедляли их бег, однако они оказались намного проворнее, чем предполагал Менион, к тому же воины были сильными и отдохнувшими, а горец заметно устал. Даже без тяжелого плаща и сапог принц не мог бежать быстрее, волоча на спине пленника. Дождь к тому времени лил стеной, и колючие брызги впились в кожу, как будто понукая из-

мученное тело бежать быстрее. Горец вприпрыжку неся по скользкой траве, огибая низкие деревца, перепрыгивая кусты и затопленные водой канавы. Даже босыми ногами бежать по мокрой траве было трудно. Несколько раз он спотыкался и падал на колени, но тут же вскакивал и продолжал бежать дальше.

Изрезав ноги в кровь камнями и колючками, скрытыми в мягкой траве, Менион продолжал бежать, не чувствуя боли. Пустынная равнина безмолвно взирала на неуклюжих великанов и худенькую фигуру под проливным дождем и ледяным ветром. Они неслись, ничего не замечая вокруг, по бескрайнему мертвому полю, и лишь жуткое завывание ветра в ушах нарушало зловещую тишину. Юный принц Лиха чувствовал невыносимое одиночество в этом страшном забеге на выживание, испытании духа и тела, которое потребовало от него всех сил, без остатка.

Время вдруг перестало существовать, Менион с трудом заставлял ноги двигаться, несмотря на резкую боль в свинцовых мышцах, а река все не показывалась. Он больше не оборачивался, чтобы взглянуть на троллей. Кожей он ощущал их присутствие, их тяжелое дыхание горячечным пульсом отдавалось в его голове, и принц понимал, что расстояние между ними неумолимо сокращается. Он должен бежать быстрее! Он обязан добраться до реки и освободить Ши...

Менион даже не сомневался, что несет на спине своего друга. Едва он поднял завернутое в плащ тело, он сразу почувствовал, что пленник невелик ростом и худощав. Это окончательно убедило принца в том, что захваченный троллями незнакомец именно Ши. Пленник был в сознании, он неловко ерзал на спине бегущего горца, бормоча что-то невнятное. Менион, задыхаясь, коротко успокаивал его на бегу и уверял, что спасение близко.

Дождь неожиданно полил с новой силой, застилая дорогу, мокрая равнина быстро превращалась в вязкое болото. Вдруг Менион споткнулся о скользкий корень и со всего размаху полетел в мокрую траву, а его драгоценная ноша упала рядом с ним. Превозмогая боль, измученный горец заставил себя встать на колени, крепко сжал меч и всмотрелся в гус-

тую пелену дождя, пытаясь увидеть своих преследователей. К его радости, троллей нигде не было видно. В слепящем дожде и тумане они быстро потеряли его из виду. Но скоро дождь кончится, туман прояснится, и тогда... Менион резко встряхнул головой, прогоняя усталость, и быстро подполз к пленнику, который отчаянно барахтался в тугих веревках. Кто бы ни был внутри мокрого свертка, он мог бежать сам, а силы Мениона стремительно таяли. Он понимал, что не сможет больше тащить свою ношу.

Плохо понимая, что делает, принц начал негнушимися руками пилить толстые веревки. Разум снова и снова твердил ему, что пленник именно Ши. Тролли и незнакомый южанин с бородкой встречались на реке тайно, ночью, чтобы никто не узнал об их загадочном пленнике. Наконец тутие веревки с треском лопнули и упали, и из толстого, намотанного в несколько слоев мокрого плаща выбрался человек.

Разинув рот от изумления, Менион Лих протер залитые дождем глаза, поморгал и посмотрел снова. Перед ним стояла женщина!

Глава 24

Женщина! Зачем северяне похитили какую-то женщину? Сквозь завесу дождя Менион смотрел в чистые голубые глаза, недоверчиво глядящие на него. Это была необыкновенная женщина. Никогда принц Лиха не видел такой красавицы — смуглая кожа, тонкие правильные черты лица, изящный гибкий стан, завернутый в шелка, и совершенно изумительные волосы... Менион не мог оторвать глаз от ее волос. Даже мокрые и липнувшие к лицу под проливным дождем, они ниспадали на плечи и спину пленницы длинными прядями, отливая в сером сумраке утра восхитительной медью. В немом оцепенении юноша смотрел на прекрасную незнакомку, пока пульсирующая боль в кровотокающих ногах не вернула его с небес на землю и не напомнила о грозящей с минуты на минуту опасности.

Он вскочил, морщась от боли в босых ступнях, усталость накатывала тяжелыми волнами, и он едва держался на ногах от изнеможения. Несколько мгновений, показавшихся вечностью, он раскачивался, словно пьяный, опираясь обеими руками на рукоять меча. Сквозь ссрую мглу он видел испуганный взгляд девушки и, едва не теряя сознание, вдруг удивился, как прежде не заметил ее юного возраста. Потом она оказалась рядом, поддержала его и что-то проговорила отчего-то очень далеким голосом. Он покачал головой и упрямо кивнул.

— Я нормально себя чувствую, — произнес он совершенно чужим голосом. — Бежим к реке, нам надо срочно попасть в Керн.

Они быстро зашагали сквозь туман и дождь, поскальзываясь на мокрой хлюпающей траве. Менион чувствовал, как голова начинает проясняться и силы возвращаются к нему; девушка цеплялась за его руку, то ли боясь упасть, то ли стараясь поддержать его. Острый взгляд принца выискивал в сумраке нагоняющих их троллей, уверенный, что они рыщут где-то неподалеку. Внезапно его уши уловили новый звук: это был грохот стремительных вод Мермидона. Из-за дождя вода в реке поднялась, затопив низкие берега. Девушка тоже услышала этот шум и крепче сжала его руку.

Вскоре они взобрались на вершину невысокого холма, который тянулся вдоль северного берега реки. Бурный поток захлестывал землю, и вода еще продолжала подниматься. Менион не знал, в какой стороне Керн, и очень боялся проскочить мимо острова. Девушка, казалось, прочла его мысли, взяла Мениона за руку и повела вдоль холма, вниз по течению реки, поглядывая на сумеречный берег. Не задавая вопросов, принц послушно шел за ней, то и дело оглядываясь и высматривая троллей. Дождь мало-помалу ослабевал, серый туман рассеивался. У беглецов оставалось совсем немного времени, чтобы найти переправу, прежде чем преследователи снова увидят их на открытой равнине.

Сколько они шли вдоль реки, Менион не знал. Наконец юная незнакомка остановилась и быстро замахала рукой, указывая на небольшой ялик, привязанный к заросшему травой причалу. Они подбежали к берегу и быстро сели в лодку. Вода оказалась обжигающе-холодной, ледяные брызги от вспененных волн пробирали Мениона до костей. Закинув меч за спину, он отчаянно налегал на весла, сражаясь с бурным течением, которое тащило лодку вниз и разворачивало от дальнего берега. Казалось, не будет конца этой яростной схватке человека и реки; от чудовищного напряжения глаза Мениона застилало туманом, онемевшие руки наливались свинцом.

Как они переправились на другой берег, Менион помнил смутно. Почти теряя сознание, он чувствовал, как чьи-то руки вытаскивают его из лодки на мокрую траву. Сидя на земле и бессмысленно глядя перед собой, он слышал нежный дев-

чий голос, обращенный к нему. А потом вдруг навалилась чернота, и все звуки стихли, но даже в забытьи Мениона не отпускало назойливое чувство тревоги, которое ввинчивалось в уставший мозг и требовательно звало подняться, чтобы враг не мог застать его врасплох. Однако измученное тело не откликалось на беспокойный голос разума, и вскоре Менион провалился в глубокий сон.

Когда он очнулся, в воздухе по-прежнему висел серый сумрак и с хмурых небес лениво и размеренно моросил небольшой дождь. Менион лежал в теплой удобной кровати, рваные раны на ногах были промыты и перевязаны, а бегство от северных троллей казалось далеким кошмарным сном. Неспешные капли дождя умиротворяюще стучали в оконное стекло, на каменные стены с деревянными панелями лился неяркий свет. Принц медленно оглядел изящно обставленную комнату и понял, что дом принадлежит не обычному горожанину, а особе королевского рода. На деревянных панелях были вырезаны гербы королей Калтахорна. Не торопясь вставать, Менион неспешно рассматривал комнату и ждал, когда еще не вполне пробудившийся от сна разум проснется и он вновь почувствует себя бодрым и отдохнувшим. Он заметил сухую одежду, сложенную на стуле у кровати, и уже собирался встать и одеться, когда дверь приоткрылась и в комнату вошла пожилая женщина с подносом дымящейся еды. Вежливо кивнув и улыбнувшись, она подошла к кровати и поставила поднос на колени Мениону, помогая ему приподняться и подложив под спину подушки. Потом она стала убеждать его поесть, пока еда не остыла. Неожиданно улыбающаяся женщина напомнила принцу его мать, добрую хлопотунью, которая умерла, когда ему было двенадцать лет. Пожилая служанка дождалась, пока он сделает первый глоток, а потом развернулась и вышла, осторожно прикрыв за собой дверь.

Менион ел медленно, наслаждаясь великолепным обедом, и чувствовал, как силы возвращаются к нему. Только когда он почти расправился с едой, он вспомнил, что не ел сутки, если не больше. Он снова посмотрел на дождь за окном

и попытался вспомнить, какой день на дворе. Если уже настал следующий день, тогда...

Он тотчас вспомнил, зачем так стремился в Керн. Неужели он опоздал и уже поздно предупреждать горожан о скором вторжении армии Севера? Похолодев от ужасной мысли, он так и застыл с вилкой в руке, когда дверь приоткрылась во второй раз. В комнату вошла спасенная им девушка; на ней было струящееся платье теплых тонов, длинные рыжие волосы были тщательно расчесаны и сияли даже в тусклом свете дождливого дня. Менион с восхищением смотрел на девушку, пораженный ее красотой. Внезапно вспомнив о застывшей в воздухе вилке, он положил ее на поднос и приветливо улыбнулся. Незнакомка закрыла за собой дверь и грациозно подошла к его постели. Почему же похитили эту удивительную девушку, подумал принц. Знаком ли с ней Баалинор, быть может, он знает ответ на этот вопрос? Она стояла рядом с кроватью, глядя на него сверху вниз внимательными ясными глазами.

— Теперь вы выглядите гораздо лучше, принц Лиха, — улыбнулась она. — Отдых и еда полностью исцелили вас.

— Откуда вы узнали, кто я...

— Я видела герб королевского рода Лиха на вашем мече. Кто еще, кроме наследника, стал бы носить такой меч? Но я не знаю, как вас зовут.

— Менион, — ответил горец, несколько удивленный тем, что девушке известно его маленькое королевство, о котором почти никто ничего не слышал.

С очаровательной улыбкой девушка протянула ему смуглую изящную руку, и Менион почувствовал ее дружеское пожатие.

— А я Ширл Рейвенлок, и вы у меня в гостях, в Керне. Если бы не ваша отвага, Менион, я никогда бы не увидела свой родной город. За это я бесконечно благодарна вам и навсегда останусь вашим другом. А теперь, пока вы заканчиваете трапезу, мы можем поговорить.

Она села рядом с кроватью и жестом предложила Мениону доедать обед. Принц взял было вилку, но, вспомнив о

грозящей с Севера опасности, снова с грохотом уронил ее на поднос.

— Вы должны немедленно отправить гонца в Тирсис к Балинору и сообщить, что вторжение северян началось! Они разбили огромный лагерь под Керном и ждут только...

— Я знаю, не волнуйтесь, — быстро перебила его Ширл, взмахивая рукой. — Пока вы не провалились в беспамятство, вы бредили и постоянно твердили об опасности. Гонец уже в Тирсисе. В отсутствие брата правит Паланс Букханн, король все еще болен. Керн готовит оборону, но настоящей угрозы пока нет. От дождя воды Мермидона поднялись, и большая армия не сможет форсировать реку. Пока не подойдет подкрепление, на острове мы будем в безопасности.

— Балинор должен был вернуться в Тирсис еще несколько дней назад, — с тревогой произнес Менион. — А что с Пограничным легионом? Он готов к обороне?

Девушка смотрела на него безучастно, она явно не понимала причины волнения принца и ничего не знала о роли Балинора и прославленного легиона. Резким движением Менион отставил поднос и выбрался из постели, изумленная Ширл тоже поднялась, все еще пытаясь успокоить взволнованного юношу.

— Ширл, вы, конечно, можете считать себя в полной безопасности на этом острове, но поверьте мне — у нас совсем не осталось времени! — воскликнул Менион, потянувшись к одежде. — Я видел их армию — никакая, даже самая полноводная река на свете не способна надолго задержать такую громаду, и мы можем уповать только на чудо.

Он замолчал и начал задумчиво расстегивать рубашку, потом вдруг спохватился и вспомнил, что рядом с ним молодая женщина, и многозначительно кивнул на дверь. Однако девушка покачала головой и отвернулась, давая ему возможность переодеться.

— А почему вас похитили? — спросил Менион, торопливо натягивая одежду и поглядывая на стройную фигуру девушки. — У вас есть какие-нибудь догадки, зачем вы понадобились северянам, ну, если, конечно, не брать в расчет вашу красоту?

Он лукаво улыбнулся; именно из-за этой дерзости, граничащей с нахальством, ему никогда не доверял Флик. Менион не видел лица девушки, но был уверен, что она густо покраснела.

— Я смутно помню, как это случилось, — ответила она после короткой паузы. — Я спала. Проснулась от шума в комнате, потом кто-то схватил меня, и я потеряла сознание, наверное, меня ударили или... Нет, теперь вспомнила: мне положили на лицо тряпку, вымоченную в какой-то гадкой жидкости, и я не могла дышать. Потом я потеряла сознание, очнулась уже на песке и поняла, что я на берегу Мермидона. Вы же видели, как меня завернули в какое-то тряпье и связали. Своих похитителей я не видела и почти ничего не слышала, а то, что слышала, — не разобрала. А вы что-нибудь заметили?

Менион покачал головой и пожал плечами.

— Не много, — произнес он вслух, вспомнив, что девушка не видит его. — Какой-то человек привез вас на лодке и передал четырем троллям. Я не очень хорошо разглядел его, но обязательно узнаю, если увижу снова. Но вы не ответили на мой вопрос. Почему они вас похитили? Можете повернуться. Я уже одет.

Девушка послушно повернулась и подошла к нему, с любопытством глядя, как он натягивает высокие охотничьи сапоги.

— Я принадлежу к королевскому роду, Менион, — ответила она тихо.

Менион тотчас замер и поднял на нее глаза. Он не ошибся — никто из обычных горожан Керна не узнал бы герб его семьи на мече. Теперь становилось понятно, почему ее пытались похитить.

— Мои предки были королями Керна и даже одно время всего Каллахорна, пока около ста лет назад не возвысился род Букханнов. Я... думаю, меня можно назвать несостоявшейся принцессой. — Она засмеялась нелепости такого титула, и он улыбнулся в ответ. — Мой отец возглавляет Совет по внутренним делам Керна. Король правит всем Каллахорном, но у нас проснещенная монархия, как принято гово-

рить, поэтому король редко вмешивается в дела правительства города. Я давно нравлюсь сыну короля, Палансу, и ни для кого уже не секрет, что он хочет на мне жениться. Думаю... меня похитили, чтобы добиться от Паланса чего-нибудь.

Менион серьезно кивнул, и недоброе предчувствие внезапно кольнуло его настороженный разум. Паланс не унаследует трон Каллахорна, если только с Балинором не случится беды. Почему бы кому-нибудь, не тратя времени даром, не попытаться манипулировать младшим сыном короля, твердо зная, что Балинора поблизости нет? Он снова вспомнил недоуменный взгляд девушки в ответ на его вопрос о возвращении принца Каллахорна домой. Ширл ничего не знала об этом, хотя Балинор должен был вернуться еще несколько дней назад.

— Ширл, как долго я спал? — спросил он с тревогой.

— Почти сутки, — ответила она. — Вы были так измучены вчера утром, когда мы плыли через Мермидон, и я подумала, что вам просто необходим сон. Вы же успели предупредить нас...

— Сутки потрачены впустую! — сердито воскликнул принц Лиха. — Если бы не ливень, город бы уже пал! Мы должны действовать немедленно, но как... Ширл, я должен поговорить с вашим отцом. Надо срочно созвать городской Совет! — Увидев сомнение в глазах девушки, он порывисто схватил ее за руку. — Не спрашивайте ничего, просто выполните мою просьбу. Где зал Совета? Отведите меня туда поскорее!

Не дожидаясь, пока девушка поведет его, Менион подхватил ее под руку и потащил из комнаты в длинный коридор. Они быстро прошли через пустой дом и вышли в парадную дверь на просторную тенистую лужайку. Мелкий холодный дождь не утихал, и они побежали под навес, чтобы не намокнуть. Многие дорожки в городе были защищены такими навесами, и им удалось хотя бы немного защититься от противной утренней мороси. Пока они бежали к зданию городского совета, Ширл расспрашивала, как он оказался в этой части страны. Менион отвечал уклончиво, помня о строгом запрете Алланона рассказывать кому-нибудь о походе в Па-

ранор. Несмотря на то что он отчего-то доверял этой девушке, даже ей принц не мог рассказать о поисках таинственного меча. Поэтому на ее вопрос он ответил что-то невнятное о том, как по просьбе Багинора пытался выяснить намерения вражеской армии с Севера. Она выслушала молча, и Менион вдруг почувствовал себя виноватым оттого, что пришлось лгать. Единственным утешением для его совести было то, что Алланон так и не рассказал им всей правды, поэтому принц при всем желании не смог бы посвятить девушку во все подробности загадочной истории.

Они дошли до старинного каменного дворца с величественными колоннами и арочными окнами в ажурных кованых решетках, где и проходили собрания городской управы. Скусающие стражники у дверей без слов пропустили их, и молодые люди торопливо вошли в здание, не останавливаясь пробежали по длинным коридорам с уходящими ввысь потолками и поднялись по винтовой лестнице. Древние стены гулким эхом отзывались на стук их башмаков по истертым каменным плитам. Залы Совета находились на четвертом этаже. Когда они наконец остановились перед деревянными дверьми, Ширл попросила Мениона подождать, пока она предупредит отца и остальных членов Совета о его желании обратиться к ним. Горец с большой неохотой согласился. Девушка вошла внутрь, а он остался за дверью и прислушался к приглушенному гулу голосов; томительные секунды растягивались в вечность, нескончаемый дождь продолжал негромко выстукивать свой размеренный ритм по стеклам окон, которые тянулись вдоль всего пустынного коридора.

Слушая ровную мелодию дождя и глядя на каменное величие древних стен, Менион вдруг вспомнил всех друзей, с кем свела его судьба по дороге в Паранор. Неужели они никогда больше не соберутся вместе, не вспомнят те страшные минуты, что пережили в крепости друидов? Даже если и так, он до конца дней своих не забудет их храбрости и жертвенности и всегда будет с гордостью вспоминать, как они вместе преодолевали тяготы опасного пути. Даже ленивый и неповоротливый Флик, от которого он никак не ожидал геройства, проявил недюжинную отвагу и упорство.

Где же теперь Ши, его старинный друг? Менион горестно покачал головой. Ему очень не хватало маленького южанина, с его причудливой смесью незыблемой рассудительности и удивительно несовременных убеждений. Ши упрямо не хотел замечать, как меняются времена, хотя это было так же очевидно, как перемещение небесного светила с востока на запад. Он словно не понимал, что страна и ее народ снова возрождаются и память о прошлых войнах медленно отступает в забытье. Ши верил, что можно повернуться спиной к своему прошлому и строить новый мир без оглядки на него. Юноша упорно не хотел понимать, что будущее неразрывно связано с прошлым, как сплетены между собой нити огромного ковра, сотканного из событий, поступков и образов. Хрупкий юноша из Дола и сам был частью ушедшей эпохи, и его убеждения скорее напоминали о прошлом, чем сулили надежду на будущее.

«Как странно,— подумал вдруг Менион, неподвижно застыв посреди коридора и устремив взгляд на истертые временем каменные стены.— И таинственный меч Шаннары, и его друг — посланцы медленно уходящей эпохи, однако именно в них заключена надежда, и только они несли миру спасение».

Тяжелые дубовые двери зала открылись за спиной у Мениона, и его грустные мысли прервал нежный голос Ширл. В огромном дверном проеме девушка казалась хрупкой и беззащитной, ее прекрасное лицо пылало от волнения. Стоило ли удивляться выбору Паланса Букханна? Подойдя ближе, Менион взял ее теплую руку в свою, и они вместе вошли в зал Совета. Горец сразу заметил суровую простоту огромного зала, освещенного тусклым светом хмурого утра, который неохотно просачивался в узкие высокие окна с железными решетками. Старинный величавый зал очень подходил для заседаний городского Совета острова Керн. За длинным, отполированным до блеска деревянным столом, выжидающе глядя на Мениона, сидели двадцать довольно пожилых мужчин, их мудрые сосредоточенные лица были странным образом похожи друг на друга. Несмотря на внешнюю невозмутимость, глаза их выдавали тревогу за родной город и его обита-

телсей. Они понимали, что остров находится в безопасности лишь до тех пор, пока не утихнет дождь и бурные воды Мермидона не успокоятся под палящим солнцем. Горец вместе с девушкой остановились перед ними, и их шаги затихли в гулкой тишине.

Описывая огромные силы армии Повелителя чародеев, Менион старался тщательно подбирать слова, чтобы не сказать лишнего. Он рассказал Совету о долгом пути в Каллахорн, о Балиноре и других своих товарищах по отряду, с которыми шел от самого Кулхейвена и которые теперь разбрелись по всем четырем землям. Ни о мече, ни о загадочном происхождении Ши принц не обмолвился, не стал также упоминать имени Алланона. Он посчитал, что, кроме угрозы нападения на Керн, старейшинам Совета не нужно ничего знать. Напоследок Менион горячо призвал старейшин города сделать все для спасения своего народа и вывезти жителей в безопасное место, пока пути еще не отрезаны. Закончив свою взволнованную речь, он вдруг почувствовал странное облегчение. Торопясь предупредить этих людей, Менион не думал о том, что подвергает смертельной опасности собственную жизнь. Но если бы он опоздал с тревожным известием, всех жителей острова ждала бы неминуемая смерть без всякой надежды на спасение. Теперь, стоя перед седовласыми старейшинами, он чувствовал, что выполнил свой долг, как велела ему честь.

Когда горец замолчал, члены Совета в смятении принялись задавать ему вопросы, их громкие, взволнованные и даже сердитые голоса гулко отдавались в пустом зале. Менион отвечал быстро, стараясь не терять самообладания, когда ему вновь пришлось заверять городских старейшин о внушительных размерах вражеской армии и о неотвратимости нападения. Наконец первое волнение поутихло, и Совет приступил к более сдержанному и обстоятельному обсуждению. Несколько старейшин считали, что Керн сможет выстоять, пока из Тирсиса не подоспест Паланс Буханн со своим отрядом, однако большинство полагали, что сразу после окончания дождей остров окажется беззащитен и вражеская армия без труда доберется до стен города. Разгоряченные споры про-

должались, Менион слушал молча, сосредоточенно думая, что еще можно предпринять. Наконец раскрасневшийся седовласый человек, которого Ширл представила как своего отца, подошел к Мениону и отвел его в сторону, пока остальные члены Совета наперебой предлагали свои пути к спасению.

— Видел ли ты Балинора, юноша? Знаешь, где можно его найти?

— Принц должен был вернуться в Тирсис еще несколько дней назад, — обеспокоенно ответил Менион. — Он собирался домой, чтобы мобилизовать Пограничный легион и подготовиться к вторжению. С ним отправились и два кузена Эвентина Элесседила.

Пожилой человек нахмурился и покачал головой, на морщинистом лице отразилась тревога.

— Принц Лиха, вынужден сказать тебе, что положение намного серьезнее, чем может показаться. Несколько недель назад Рул Букханн, король Каллахорна, тяжело заболел, и, боюсь, он уже не поднимется. Балинора не было в городе, поэтому на трон сел младший сын короля. Паланс всегда был весьма неуравновешенным молодым человеком, но в последнее время он ведет себя особенно странно. Первым же приказом он велел расформировать Пограничный легион, оставив только несколько воинов.

— Расформировать! — воскликнул Менион. — Но какого...

— Он счел гарнизон ненужным, — быстро перебил его собеседник. — Вместо легиона он собрал небольшой отряд из собственных воинов. Дело в том, что в тени брата Паланс всегда чувствовал себя на вторых ролях, а Пограничным легионом по приказу короля командовал лично Балинор. Вероятно, Паланс понимал, что воины легиона останутся верны истинному наследнику трона, а он вовсе не собирался возвращать власть Балинору, если король умрет. Он даже не пытается это скрыть. Командиры легиона и несколько человек из близкого окружения Балинора были схвачены и брошены в тюрьму, все делалось без лишнего шума, и народ не выразил возмущения столь бессмысленным поступком. У на-

шего нового короля только один советник и его главное доверенное лицо — человек по имени Стенмин, злобный мистик и плут, который преследует лишь свои собственные интересы, а вовсе не печется о благе народа и своего покровителя. Я совершенно не представляю, как мы можем рассчитывать в одиночку отразить вторжение такой чудовищной армии, тем более когда в стране так неспокойно. Я даже не вполне уверен, что нам вообще удастся убедить принца в существовании угрозы, пока враг не войдет в открытые ворота!

— Значит, Балинор в большой опасности, — мрачно произнес Менион. — Он отправился в Тирсис, ничего не зная ни о болезни отца, ни о притязаниях брата на трон. Я должен немедленно разыскать его!

Его слова потонули в невообразимом шуме, когда возбужденные горячим спором члены Совета вдруг вскочили со своих мест и принялись наперебой выкрикивать планы спасения обреченного города. Отец Ширл поспешил вернуться к ним, но прошло еще несколько минут, прежде чем ему и еще нескольким наиболее рассудительным членам Совета удалось утихомирить спорщиков и вернуть дискуссию в более спокойное русло. Менион слушал старейшин, рассеянно глядя на мрачное небо за высокими узкими окнами. Оно уже не было таким темным, как раньше, да и дождь заметно ослабевал. Не оставалось никаких сомнений, что к утру тучи развеются и вражеское войско, собравшееся в ожидании у берегов Мермидона, попытается перейти реку. Небольшой гарнизон, охранявший Керн, не сможет защитить город. Необходимо сильная, хорошо организованная армия, иначе город падет. Менион снова вспомнил о своем расставании с Алланоном и неожиданно для себя подумал, что сделал бы мудрый друид на его месте. Надежды на спасение стремительно таяли. Власть в Тирсисе захватил обделенный умом честолюбец, а городская управа Керна никак не может прийти к соглашению, хотя давно уже пора действовать. Менион чувствовал, что его терпение вот-вот лопнет. Сколько же можно обсуждать столь очевидные вещи!

— Уважаемые члены Совета! Выслушайте меня! — В его голосе звенел гнев, отдаваясь эхом от древних каменных стен;

старейшины Керна сначала перешептывались, а потом и все смолкли. — Не только Каллахорн, но и все Южные земли, мой дом и ваш, стоят перед угрозой полного уничтожения, если мы не начнем действовать прямо сейчас! Уже завтра к вечеру Керн превратится в пепелище, а его жители станут рабами. Наш единственный путь к спасению — это немедленное отступление в Тирсис, а единственная надежда одолеть могучую армию Севера — как можно скорее вновь собрать Пограничный легион под командованием Балинора. Эльфийская армия готова выступить на нашей стороне. Сам Эвентин поведет ее. Народ гномов, многие годы ведущий войну с карликами, обещал помочь нам. Но мы должны продержаться сами до тех пор, пока все армии не соберутся, чтобы дать отпор Повелителю чародеев!

— Прекрасные слова, принц Лиха, — быстро ответил отец Ширл, как только зардевшийся горец умолк. — Но как наш народ сможет добраться до Тирсиса? Вражеская армия стоит сразу за рекой, а мы совершенно беззащитны. С острова необходимо вывезти почти сорок тысяч человек и, не подвергая опасности, переправить их в Тирсис, то есть за многие мили отсюда. Наверняка враг уже расставил патрули вдоль берегов, значит, переправиться через Мермидон до начала наступления мы не сможем. Что же нам делать?

Легкая улыбка пробежала по губам Мениона.

— Мы будем атаковать, — ответил он простодушно.

На миг повисло потрясенное молчание, все с изумлением смотрели на его невозмутимое лицо. Не дожидаясь, пока онемевшие члены Совета найдут подходящие слова, Менион вскинул руку.

— Атака — это то, что они меньше всего от нас ожидают, тем более ночью. Если все правильно рассчитать, стремительный удар по флангу головного лагеря собьет врагов с толку и заставит думать, будто их атаковало огромное войско. Темнота и смятение помогут скрыть истинные размеры нашего отряда. Такой штурм, без сомнения, вынудит всех постовых вокруг острова вернуться в лагерь. Даже с горсткой воинов мы сможем произвести много шума — поджечь ла-

герь в нескольких местах, вынудить их топтаться на месте добрый час, если не дольше. А вы за это время вывезете людей из города!

Один из старейшин отрицательно замотал головой.

— Одного часа будет недостаточно, хотя твой план отвлечения часовых очень неплох, юноша. Но даже если мы сможем переправить все сорок тысяч человек с острова на южный берег, потом им придется идти пешком до самого Тирсиса, а это почти пятьдесят миль. Даже в обычных условиях женщинам и детям понадобится несколько дней, чтобы пройти такое расстояние, а как только враги обнаружат, что Керн опустел, они тотчас последуют за нами на юг. Обогнать их мы не сможем. Так стоит ли пытаться?

— Вам вовсе не придется их обгонять, — быстро проговорил Менион. — Жители Керна не пойдут по суше, вы просто отправите их вниз по течению Мермидона! Погрузите всех на лодки, плоты, на любые посудины, способные держаться на воде, какие у вас есть или какие можно построить за ночь. Мермидон течет на юг, в глубь Каллахорна, и до Тирсиса всего десять миль отсюда. Просто сойдете на берег в нужном месте и благополучно доберетесь до города еще до рассвета и задолго до того, как северяне снимутся с места и пустятся в погоню!

Вдохновленные решимостью Мениона и его искренней верой в успех, все члены Совета вскочили со своих мест, громкими возгласами одобряя план принца Лиха. Даже если город придется оставить на разграбление врага, жителей необходимо спасти любой ценой. После короткого совещания решили срочно собрать мастеровых со всего острова. До самого заката каждый гражданин города, способный оказать посильную помощь, будет привлечен к постройке бревенчатых плотов для перевозки нескольких сотен человек. У многих горожан есть собственные лодки, на которых они переправляются на материк по личным надобностям. Кроме того, есть на острове и несколько вместительных паромов, их тоже можно использовать. Менион предложил Совету немедленно отдать приказ о постоянном патрулировании всех бере-

гов, чтобы ни одна живая душа не покинула остров. Все подробности бегства жителей из города члены Совета должны как можно дольше держать в тайне от остальных. Больше всего Менион боялся, что врагу станет известен их план, и тогда пути к отступлению окажутся отрезанными еще до того, как они успеют что-нибудь предпринять. Ведь кто-то же похитил Ширл из ее собственного дома и провез через весь город под носом у горожан, а потом переправил на лодке, чтобы передать троллям. Человек, который сделал все это, должен очень хорошо знать остров, и не исключено, что он по-прежнему в городе. Если изменник узнает подробности плана бегства, он наверняка попытается предупредить северян. Секретность совершенно необходима, если они хотят преуспеть в столь опасном предприятии.

Остаток дня пролетел для Мениона незаметно. Грустные мысли о пропавшем друге и разлуке с друзьями отступили на второй план. Впервые с тех пор, как Ши пришел в его горное королевство, принц Лиха отчетливо понимал, с кем им предстоит сразиться, и готов был призвать на помощь все свои умения и способности. Ныне им угрожал не король Черепи и его прислужники из мира призраков. Враги, осадившие Керн, были существами из плоти и крови, они жили и умирали по тем же законам, что и люди, и горец вполне мог просчитать их поведение. Но одним из главных залогов успеха его плана по одурачиванию вражеской армии было время, и Менион всецело отдался самому важному делу своей жизни — спасению целого города.

Вместе с членами Совета он руководил постройкой огромных бревенчатых плотов для переправы большинства жителей Керна вниз по течению полноводного Мермидона к безопасному пока Тирсису. Грузиться на плоты было решено на юго-западном берегу, чуть ниже городских стен. Там располагалась широкая, но надежно укрытая бухта, откуда и будут отчаливать с наступлением темноты плоты и небольшие лодки. Вдоль речного берега напротив бухты тянулась цепь невысоких обрывистых утесов. Менион подумал, что несколько воинов могли бы перейти реку вброд именно здесь,

когда начнется ночная атака на вражеский лагерь; оказавшись на берегу, они бы обезвредили патруль, который наверняка будет небольшим в этом глухом месте. После того как часовые будут сняты, лодки и плоты начнут отчаливать вниз по течению, держась южного рукава Мермидона, чтобы достичь Тирсиса. Нет никакой уверенности, что враг не заметит плоты, но иного выхода у них нет. Впрочем, Менион был убежден, что горожанам удастся незаметно покинуть город, если, конечно, небо к тому времени не очистится, а часовых отзовут в главный лагерь вверх по реке, для отражения ложной атаки.

Однако к концу дня дождь начал ослабевать, и в плотной серой завесе клубящихся туч появились голубые прорехи. Ненастье стихало, и стало совершенно очевидно, что к ночи тучи развеются окончательно и свет молодого месяца и тысячи мерцающих звезд зальет землю. Менион сидел в одной из маленьких комнат Совета, когда заметил в окне голубое небо. Он тотчас отвлекся от огромной карты, расстеленной на столе. Рядом с принцем сидели два воина из расформированного Пограничного легиона — капитан-лейтенант Янус Сеппре и офицер из гарнизона острова, седовласый ветеран по имени Фандрез. Никто лучше Фандреза не знал окрестности Керна, и именно он помогал спланировать отвлекающую атаку на армию северян. Сеппре был выше его по званию и удивительно молод для такой должности, но, несмотря на молодость, это был опытный и отважный воин, у которого за плечами уже имелся десяток лет службы и сражений. Капитан был преданным сторонником Балинора, и, как и Мениона, его сильно беспокоило отсутствие вестей о принце. Несколькими часами раньше он уже выбрал две сотни бойцов из распущенного Пограничного легиона, чтобы сформировать основную ударную силу, которая обрушится на вражеский лагерь.

Менион предложил свою помощь, и она была охотно принята. Ноги горца все еще болели от синяков и ссадин после сумасшедшего бега по каменистой равнине, однако он отказался выехать из Керна вместе с горожанами, потому что лож-

ная атака на вражеский лагерь была именно его идеей. Флик наверняка не нашел бы в решении принца ничего, кроме упрямства и гордости, однако Менион Лих не хотел прятаться за спины других, пока за рекой идет бой. Долгие годы он мечтал найти в своей жизни нечто большее, чем только неистребимая жажда новых ощущений. И вот теперь он наконец знал, за что стоит сражаться, и не собирался оставаться сторонним наблюдателем, когда всему человечеству угрожала чудовищная опасность, равной которой не было уже много столетий.

— Мы высадимся вот здесь, возле Спин-Бар.

Неспешный скрипучий голос Фандреза вплыл в его мысли, возвращая горца к составленной в мельчайших подробностях карте. Янус Сенпре согласно кивнул и вопросительно взглянул на Мениона.

— Они расставят часовых вдоль луга над отмелью, — произнес он в ответ. — Если мы не обезвредим их, все пути к отступлению будут перекрыты.

— Твоя задача не допустить этого, путь должен быть свободен, — заявил капитан.

Менион открыл рот, чтобы возразить, но не успел.

— Я понимаю твое горячее желание быть с нами, Менион, но нам придется передвигаться гораздо быстрее врага, а твои ноги пока еще не зажили для долгого и быстрого бега. Ты знаешь это не хуже меня. Поэтому ты возьмешь на себя прибрежные патрули. Держи свободным проход к лодкам, этим ты поможешь нам гораздо больше.

Менион молча кивнул, хотя и был сильно расстроен. Ведь он мечтал сам участвовать в штурме. В глубине души он все еще лелеял надежду отыскать во вражеском лагере пропавшего друга. Он снова вспомнил об Алланоне и Флике. Быть может, они уже нашли Ши, как ему обещал друид. Менион печально покачал головой. Ши! Почему это должно было случиться именно с ним, ведь больше всего на свете он хотел, чтобы его оставили в покое! Но человек вынужден мириться с безумием жизни, принимая все ее сюрпризы либо с бессильной яростью, либо с унылым безразличием. И никто не может найти выхода, разве что выбрав смерть.

Совещание быстро закончилось, и унылый Менион Лих попуру бродил по комнате Совета, погруженный в свои мысли. Так, печальный и задумчивый, он дошел до каменной лестницы и спустился вниз. Выйдя на улицу, он медленно побрел обратно к дому Ширл, стараясь держаться ближе к галереям и стенам домов. Что же с ними будет? Страшная тень Повелителя чародеев нависла над миром, словно гигантская несокрушимая стена. Как можно надеяться одолеть это существо, лишенное души, которое живет по законам, совершенно чуждым их привычному миру? И почему единственный смертный, способный уничтожить это непостижимое создание, — обычный парень из глухой деревушки? Менион отчаянно мечтал приоткрыть хотя бы крохотную щелочку в этой непроницаемой завесе тайн, которая окружала его и разбросанных по свету друзей.

Неожиданно он обнаружил, что стоит перед домом Рейвенлоков; тяжелые створки дверей были закрыты, холодные железные засовы казались примороженными серым туманом, который клубился в стылom вечернем воздухе. Менион быстро отвернулся от дверей; разговаривать ни с кем не хотелось, и он решил остаться на пустынной веранде. В маленький садик рядом с домом вела выложенная камнями дорожка, с напитанных дождем деревьев и цветов на лужайке медленно стекала вода, мокрая трава поблескивала под ногами. Печальный, подернутый туманом сад словно чувствовал его настроение. Отчаяние и безысходность вдруг охватили принца, захлестывая душу ощущением невыносимой утраты. Никогда прежде Менион не чувствовал такого беспросветного одиночества, даже в пустынных темных горах Лиха, когда охотился вдали от родного дома и друзей. Что-то в душе его с пугающей настойчивостью твердило о невозвратности прежней жизни. И родной дом, и милые сердцу друзья навсегда остались в прошлом. Менион тряхнул головой, прогоняя невольные слезы, а ледяной дождь зябкой сыростью окутывал его, просачиваясь в самое сердце.

Вдруг на каменистой дорожке послышались легкие шаги, и маленькая хрупкая фигурка остановилась рядом с прин-

цем. Девушка молча посмотрела на него, и медный локон упал на ее распахнутые глаза; не говоря ни слова, она отвела взгляд и стала смотреть на мокрый печальный сад. Они долго стояли в молчании, и весь остальной мир перестал для них существовать. Высоко в небе клубились тяжелые тучи, скрывая последние робкие проблески голубого неба, и ранние сумерки становились все чернее. Дождь снова полился неукротимыми потоками на осажденные земли Каллахорна, и Менион рассеянно подумал, что ночь на острове Керн будет черная и безлунная.

Было уже далеко за полночь, дождь по-прежнему лил как из ведра с черного зловещего неба, когда измученный Менион Лих, спотыкаясь, начал забираться на небольшой, грубо сколоченный плот, привязанный в тихой бухте на юго-западном берегу острова. Едва не упав, он вдруг почувствовал легкое прикосновение рук и с изумлением увидел перед собой темные глаза Ширл Рейвенлок. Как и обещала, она дожидалась его на берегу, хотя он умолял ее отправиться вместе со всеми на больших плотях. Весь в синяках и порезах, насквозь мокрый от дождя и собственной крови, Менион позволил девушке укутать его в плащ и удивился тому, как ей удалось сохранить одежду сухой и теплой под проливным дождем. Они сели рядом, соприкасаясь плечами, и стали дожидаться остальных.

С Менионом вернулось еще несколько человек. Уставшие после битвы, но преисполненные гордости за ту отвагу и жертвенность, которые смогли показать этой ночью на северных равнинах, они тоже подтягивались к причалу. Никогда принц Лиха не видел подобной удали при таком нештучном перевесе в силах противника. Горстка воинов из легендарного Пограничного легиона наделала столько шума во вражеском лагере, что даже спустя четыре часа после их стремительного натиска там царили смятение и паника. Несметные тысячи карликов и троллей топтались на месте, сминая друг друга и нанося бестолковые удары всем, кто оказывался рядом, рая и убивая даже собственных собратьев. Не

только обычный страх или ненависть подстегивали их, но и неистовая сила Повелителя чародеев заставляла обезумевших от ярости воинов снова и снова бросаться в кровавую сечу с ненасытной жадой убийства. Однако солдаты легиона стойко держались, отступая лишь для того, чтобы перестроиться и снова ринуться в атаку. Многие погибли в этом страшном бою. Менион и сам не понимал, какому чуду он обязан спасением своей жалкой жизни.

Веревки отвязали от причала, и Менион почувствовал, как плот мягко отошел от берега. Течение подхватило его и потащило на середину разлившегося от паводка Мермидона. Вскоре они вошли в главное русло реки, и плот беззвучно поплыл вниз по течению к стенам Тирсиса, куда несколько часов назад уже отправились жители Керна. Как только вражеские патрули оставили свои посты западнее острова и спешно вернулись в лагерь, подвергшийся, как им казалось, могучей атаке всех армий Каллахорна, сорок тысяч человек погрузились на огромные плоты, небольшие лодки и даже двухместные ялики и под покровом темноты, никем не замеченные, выбрались из осажденного города. Шорох дождя, журчание реки и далекие крики из лагеря заглушали негромкий шум на берегу, когда испуганные люди, напирая друг на друга в отчаянном желании спастись, торопливо грузились на плоты и лодки. Затянутое тучами черное небо скрывало беглецов, а их сломленный дух поддерживала сплоченность в общей беде. Оставалась еще последняя надежда, что хотя бы на время им удалось спастись от могущественного Повелителя чародеев.

Убаюканный мерным течением волн, несущих их маленький плот все дальше на юг, Менион то и дело проваливался в сон. Причудливые видения мелькали в его беспокойном разуме, погруженном наконец в умиротворяющую тишину. Неожиданно в его дремавшее сознание пробились чьи-то голоса, усилием воли он стряхнул с себя тяжелый сон и вдруг увидел в сыром воздухе мерцающее красное зарево. Прищурившись, он резко оторвал голову от плеча Ширл и с недоумением смотрел, как северное небо наливается алым све-

чением, словно нетерпеливая заря раньше времени решила прийти на землю. Он услышал печальный, полный боли голос Ширл, слова ее прозвучали чуть слышно:

— Они подожгли город, Менион. Они подожгли мой дом!

Менион опустил глаза и крепко сжал руку девушки в своей ладони. Да, жители Керна спаслись, но сам город с наводящим ужас величием встречал свою смерть, обращаясь в пепел на глазах потрясенных зрителей.

Глава 25

Время остановилось в могильной темноте небольшой камеры. Даже после того, как глаза пленников привыкли к крошечной тьме, осталась пустота, которая притупляла чувства и лишала их способности сознавать ход времени. В давящей черноте камеры слышалось лишь приглушенное дыхание троих друзей, равномерная капель ледяной воды со старых стен да иногда робкий шорох пугливой мыши. Порой узникам начинало казаться, что они слышат и другие звуки, но всякий раз необъятная тишина поглощала их, и надежды на спасение таяли в ее бездонной утробе.

Где-то наверху, где были свет и воздух, среди шума города и людских голосов, Паланс Буханн решал их судьбу и, сам того не ведая, судьбу всех Южных земель. С неминуемым приближением Повелителя чародеев время, отведенное для королевства Каллахорн, стремительно таяло, уходя в песок. Но здесь, в темном безмолвии их маленькой тюрьмы, отрезанной от биения человеческой жизни, время не имело значения и завтрашний день ничем не отличался от дня сегодняшнего. Оставалось только гадать, увидят ли они еще солнечный свет, когда выйдут из своего заточения, или перенесутся из одной темноты в другую? Быть может, на земле воцарится жуткий мрак короля Черепа, если власть его распространится не только на Каллахорн, но и на все уголки Южноземелья.

Когда конвоиры ушли, Балинор и эльфы поспешили освободиться от пут. Связали их не очень крепко, рассудив, что из подземелья не так-то просто сбежать, поэтому все трое первым делом распутали узлы и сняли с глаз повязки. Потом,

прижавшись друг к другу в темноте, они стали тихонько разговаривать о том, какое будущее может ожидать их. От удушливого гнилостного запаха древнего подвала перехватывало горло, даже толстые плащи не спасали от ледяного воздуха, который пробирал до костей. Пол в совершенно пустой камере был земляной, стены — из камня и железа.

Балинор хорошо знал дворцовые подвалы, но не узнавал темницы, в которую их заточили. Подвалы использовались, прежде всего, для хранения припасов, были и винные погреба без окон, но эта комната не могла принадлежать к их числу. И тогда он вдруг с ужасом понял, что их бросили в давно запертую и забытую древнюю тюрьму, выстроенную столетия назад под дворцовыми подвалами. Должно быть, Паланс нашел потайной ход и открыл мрачные камеры для новых узников. Может, друзья Балинора из распущенного Пограничного легиона тоже сидят в этих страшных лабиринтах после визита во дворец. Самым ужасным было то, что о тайной тюрьме почти никто не знал.

Разговоры скоро стихли. Говорить было не о чем. Балинор успел предупредить капитана Шилона. Если они не вернутся, он должен будет разыскать Гиннисона и Фандвика, двух самых преданных Балинору командиров, и передать им приказ вновь собрать расформированный Пограничный легион, чтобы противостоять Повелителю чародеев и его армии. Еще Шилон отправит гонцов к эльфам и гномам и попросит у них помощи. Эвентин не позволит, чтобы его кузены оставались узниками Каллахорна, да и Алланон придет, как только услышит о несчастье. Четыре часа, отведенные Балинором на ожидание, должно быть, давно истекли, и оставалось только терпеливо ждать. Однако время стоило дорого, и, если Паланс твердо вознамерился захватить трон Каллахорна, их жизням угрожала серьезная опасность. Принц уже пожалел, что не послушался совета Дьюрина и не отложил разговора с братом до более подходящих времен.

Но разве он мог ожидать такой встречи? Паланс почти не слушал Балинора, он словно взбесился, пожираемый черной ненавистью. Впрочем, в таком непредсказуемом поведении не было ничего странного. Причина гнева заключалась не

только в его неуравновешенности, несходстве характеров двух братьев и не в болезни отца, в которой Паланс отчего-то винил старшего брата. Главной причиной его неистовой ярости была прекрасная Ширл Рейвенлок, в которую Паланс влюбился без памяти несколько месяцев назад и поклялся жениться на ней, несмотря на ее холодность и явное нежелание отвечать сыну короля взаимностью. С юной красавицей из Керна что-то случилось, и в этом Паланс тоже обвинял брата. Балинор был уверен, что Паланс обязательно придет в темницу, чтобы узнать о судьбе девушки, которой он так дорожил.

Балинор поделился с эльфами своими догадками. В скором визите брата он не сомневался, но не представлял, что будет отвечать на его вопросы. Совершенно очевидно, что взбешенный Паланс не поверит ни единому его слову.

Прошло больше суток, а никто так и не приходил. Никто не принес узникам ни еды, ни питья. Даже когда их глаза привыкли к мраку, они не видели ничего, кроме собственных темных силуэтов и каменных стен. Спать решили по очереди, но в давящей тишине сон не шел, и они лишь проваливались в тяжелое забытие, не приносящее отдыха ни телу, ни душе. Сначала пленники пытались отыскать слабое место в петлях толстой железной двери, но все они были надежно закреплены на местах. Прокопать смерзшуюся ледяную поверхность земляного пола голыми руками тоже было невозможно. Толстые каменные стены, несмотря на древность, были по-прежнему крепки, даже раствор между огромными глыбами не крошился. Испробовав все попытки выбраться из своей тюрьмы, узники уселись на пол и стали ждать.

Наконец после тягучих часов ожидания в промозглой темноте они услышали далекий лязг металла, словно где-то вдалеке с трудом отворилась тяжелая железная дверь. Послышались голоса, далекие и приглушенные, потом кто-то начал спускаться по истертым каменным ступеням в нижнее подземелье, где томились пленники. Они быстро вскочили на ноги и столпились у двери, напряженно прислушиваясь к приближающимся шагам и голосам. Балинор различил среди остальных голос брата, на удивление нерешительный и даже

надлюмленный. Затем старинные засовы отодвинулись, и громкий скрежет больно резанул по ушам троих узников, уже привыкших к мертвой тишине своей темницы. Массивная дверь медленно отворилась, друзья отошли в сторону и тут же прикрыли глаза от слепящего света факелов, хлынувшего в камеру. Пока они медленно привыкали к свету, несколько человек переступили через порог и остановились рядом с дверью.

Вперед вышел младший сын короля Каллахорна, широкое лицо его было спокойным и невозмутимым, губы плотно сжаты. Лишь глаза выдавали клокодавипую в нем ненависть, безумный, на грани отчаяния, взгляд метался по лицам трех узников, заложенные за спину руки сжимались в кулаки. Внешне Паланс был очень похож на своего брата — то же строение лица, большой рот, крупный выступающий нос, та же внушительная фигура. Рядом с ним стоял мужчина в нарядном красном облачении, которого тотчас узнали даже эльфы, хотя никогда прежде не видели. Это был Стенмин — высокий, сутуловатый человек с хищным костлявым лицом. Глаза мистика были холодны и безжалостны, а безграничное доверие новоиспеченного некоронованного короля придало его чертам жестокость и высокомерие. Его тонкие нервные руки то и дело теребили жидкую острую бородку. За спиной Стенмина застыли двое вооруженных стражников в черных мундирах с изображением сокола. За ними, у самой двери, стояли еще двое. Стражники были вооружены устрашающими копьями. Сначала все молчали. Не двигаясь, стороны настороженно рассматривали друг друга в дрожащем свете факелов. Затем Паланс коротко кивнул на открытую дверь.

— Я буду разговаривать со своим братом наедине. Уведите их отсюда.

Стражники без слов вывели упирающихся эльфов из камеры. Принц подождал, пока они выйдут, и с немым вопросом повернулся к застывшей фигуре в красном.

— Я подумал, не понадобится ли королю моя помощь... — Мистик повернулся к Балинору, буравя его хитрыми злобыми глазками.

— Оставь нас, Стенмин. Я буду говорить с братом наедине.

Голос Паланса едва не срывался от гнева, и мистик послушно кивнул, быстро пятась к двери. Тяжелая дверь захлопнулась со зловещим грохотом, оставив обоих братьев в тишине, нарушаемой лишь потрескиванием факела, пожиравшего сухое дерево в брызгах мерцающих искр. Балинор не шевелился, он терпеливо ждал, пытливо глядя на юное лицо брата в поисках откликов той прежней любви и привязанности, которые они испытывали друг к другу в детстве. Но теплые чувства исчезли или были запрятаны в далеких уголках души, а их место заняла необъяснимая, неумная ненависть, словно во всех своих бедах Паланс винил брошенного в темницу брата. Однако уже через мгновение ярость и злоба сменились невозмутимой отрешенностью, которую Балинор считал одновременно и нелепой, и фальшивой, словно Паланс играл некую роль, не понимая характера своего персонажа.

— Зачем ты вернулся, Балинор? — проговорил он медленно и печально. — Зачем?

Могучий воин ничего не ответил, сбитый с толку внезапной переменой настроения брата. Еще недавно Паланс был готов разорвать его на куски, чтобы узнать о пропавшей возлюбленной, а теперь даже не вспоминает о ней.

— Ладно, неважно... — пробормотал он раньше, чем Балинор успел опомниться от такого неожиданного поворота. — Ты мог бы держаться подальше, после всего... после такого вероломства. Я надеялся, что ты не будешь столь опрометчив, знаешь, мы ведь были так близки в детстве, все же... ты мой единственный брат. Я стану королем Каллахорна... Ведь я должен был родиться первым...

Голос его упал до шепота, и он пробормотал что-то невнятное.

«Да он сошел с ума! — в отчаянии подумал Балинор. — Как же мне достучаться для него?»

— Паланс, выслушай меня, прошу тебя. Я ничего не сделал ни тебе, ни Ширл. С тех пор как я ушел из дома несколько недель назад, я все время был в Параноре и вернулся только для того, чтобы предупредить людей о смертельной опас-

ности. Властелин Черепа собрал огромную армию; если мы не остановим ее, она вытопчет все Южные земли! Ради нашего народа, выслушай меня...

Визгливый голос брата заглушил его слова.

— Я больше не хочу слушать эту чепуху о вторжении! Мои разведчики обшарили все границы и доложили, что врага нигде нет. К тому же нет таких смельчаков, которые отважатся напасть на Каллахорн... напасть на меня. Нашему народу ничто не угрожает. А остальные меня не волнуют. Чем я им обязан? Они никогда не помогали нам, и наше королевство всегда в одиночку противостояло любым посягательствам на Южные земли. Я ничего им не должен!

Он шагнул к Балинору и злобно нацелил на него палец, огонек ненависти снова вспыхнул в его глазах, юное лицо исказилось яростью.

— Ты пошел против меня, брат, когда узнал, что именно мне суждено стать королем. Ты пытался отравить меня, как отравил отца, ты хотел, чтобы я стал таким же больным и беспомощным, каким стал он... А теперь он умирает, и никому нет до него дела. Ты думал, что нашел союзника, который поможет тебе занять трон, когда уходил с этим изменником Алланом. Как я ненавижу его, подлый предатель, дьявол! Я уничтожу его! А ты — ты навсегда останешься в этом подземелье, ты сгниешь здесь заживо, и никто не вспомнит о тебе. Тебя постигнет та же участь, какую ты готовил для меня!

Паланс вдруг отвернулся с коротким ехидным смешком и метнулся к закрытой двери. Балинор уже подумал, что брат собирается ее открыть, но тот неожиданно замер и посмотрел через плечо. Потом медленно повернулся, и Балинор снова увидел тоску в его глазах.

— Ведь ты мог держаться подальше отсюда, и тебе бы ничто не угрожало, — пробормотал растерянно Паланс. — Стенмин сказал, что ты обязательно вернешься, хотя я не верил. Он снова оказался прав. Он всегда прав... Почему ты вернулся?

Балинор лихорадочно пытался найти нужные слова. Нало было потянуть время и попытаться выяснить у брата, что же случилось с его друзьями и с королем.

— Да... я был не прав... я понял, что ошибся, — медленно произнес он. — Я вернулся, чтобы встретиться с отцом и с тобой, Паланс.

— Отец... — чужим, надтреснутым голосом выговорил принц и подошел ближе. — Мы бессильны ему помочь, он лежит в своей комнате в южном крыле, словно живой мертвец. Стенмин присматривает за ним, и я тоже, но сделать ничего нельзя. Мне кажется, он больше не хочет жить...

— Но что с ним случилось? — не выдержал Балинор и, нахмурившись, решительно шагнул к брату.

— Не подходи, Балинор! — Паланс отскочил назад, выхватывая кинжал.

Балинор колебался. Он мог бы без труда завладеть оружием, взять принца в заложники и потребовать, чтобы их выпустили из подземелья. Но что-то удержало его от такого поступка. Он резко остановился, поднял вверх руки и попятился к стене.

— Не забывай, что ты мой пленник. — Паланс удовлетворенно кивнул, но голос его дрожал. — Ты отравил короля и пытался отравить меня. Я мог бы казнить тебя за это, как настаивал Стенмин, но я не такой трус, как он. Я ведь тоже служил в Пограничном легионе, пока... Но теперь его нет, я распустил легион и отправил всех воинов по домам, к их семьям. Мое царствование будет эпохой мира. Хотя ты вряд ли это поймешь, не так ли, Балинор?

Балинор замотал головой, отчаянно пытаясь найти способ достучаться до сумеречного сознания брата. Он уже ни минуты не сомневался, что Паланс нездоров. Было ли это врожденное безумие, скрытое до поры, или его некрепкая душа просто не выдержала нервного напряжения событий, следовавших за уходом Балинора из Каллахорна? Но что бы ни послужило причиной внезапного помешательства, Балинор больше не узнавал в этом непредсказуемом человеке своего возлюбленного брата, товарища его детских игр. Осталась лишь телесная оболочка, за которой скрывалось совершенно чужое злобное существо, одержимое мечтой о королевском троне. Балинор был убежден, что в неожиданной перемене брата виноват Стенмин. Неским таинственным способом

мистик подчинил себе помутившееся сознание юного принца и заставил Паланса служить своим целям, постоянно заверяя его в том, что ему суждено стать королем. Паланс всегда хотел править Каллахорном и не сомневался, что в один прекрасный день сядет на трон. Об этом Балинор знал уже тогда, когда уходил из города. Стенмин всегда был рядом с молодым принцем, не оставлял его своими советами, нашептывал о своей дружбе и преданности, отравлял его разум и настраивал против родного брата. Волевой и независимый, несмотря на юный возраст, Паланс всегда отличался отменным здоровьем, и умственным и физическим, и сломить его дух было не так-то просто. И все же он изменился. Хендель был не прав, когда говорил о Палансе, но и Балинор ошибался. Никто из них не мог предвидеть такого поворота, а теперь было уже слишком поздно.

— А что случилось с Ширл? — быстро спросил старший брат.

Гнев в блуждающих глазах Паланса снова угас, лицо приобрело безмятежное выражение, и губы растянулись в широкой блаженной улыбке.

— Она так хороша... так хороша. — Принц дурашливо вздохнул и всплеснул руками от избытка чувств, бесполезный кинжал выскользнул из его рук и звякнул о каменный пол. — Ты отнял ее у меня, Балинор, пытался спрятать. Но ничего, теперь она в безопасности. Ее спас один южанин — принц, как и я. Нет... я же больше не принц, отныне я король Тирсиса. У него совсем крохотное королевство, я о таком даже не слышал никогда. Мы с ним станем добрыми друзьями, как с тобой когда-то, Балинор. Вот только Стенмин... он говорит, что никому верить нельзя. Мне даже пришлось упрятать под замок Мессалайна и Эктона. Они пришли, когда Пограничный легион распустили по домам, пытались отговорить меня... они... не поняли моей мечты о мирной жизни. Просто не поняли...

Паланс вдруг умолк, опустил глаза и тотчас увидел на полу забытый кинжал. Он быстро схватил оружие, сунул в ножны на поясе, с хитрой улыбкой поглядывая на брата, и стал удивительно похож на смышленного мальчишку, которому по-

счастливилось избежать трепки. И вновь Балинор с горечью убедился, что видит перед собой человека, совершенно неспособного принимать разумные решения. Он вдруг отчетливо понял, почему не поддался искушению отнять у Паланса кинжал и захватить его в заложники. Хитрец Стенмин, зная о болезни молодого принца, намеренно оставил их наедине. Если бы Балинор попытался сбежать, прикрываясь братом как щитом, злодей одним подлым ударом покончил бы с двумя принцами и достиг тем самым желанной цели. Кто посмел бы задавать Стенмину вопросы, объяви он, что Паланс погиб по нелепой случайности, когда брат его пытался бежать из темницы? А дальше все просто — наследников нет, король при смерти, и мистик вполне может захватить власть над правительством Каллахорна и взять судьбу Южных земель в свои руки.

— Паланс, умоляю, выслушай меня, — негромко начал Балинор. — Ведь когда-то мы были так близки. Мы были даже ближе, чем просто кровные братья. Вспомни о нашей дружбе, вспомни, как мы доверяли друг другу, как любили друг друга, всегда понимали друг друга с полуслова. Ты не мог забыть всего этого. Выслушай меня! Король должен стремиться к пониманию своих подданных, даже если мнение народа и его собственное во многом несхожи. Ты ведь согласен с этим?

Паланс серьезно кивнул; взгляд его был рассеян и далек, словно юноша пытался прогнать туман, застилавший его сознание. Слабый проблеск разума вдруг промелькнул в его глазах, и Балинор с вновь ожившей надеждой решил во что бы то ни стало оживить уснувшую память брата.

— Стенмин использует тебя, он дурной человек. — (Юноша сильно вздрогнул и отшатнулся, словно не желая слушать дальше.) — Ты должен понять, Паланс. Я не враг тебе, и я не враг нашей родине. В болезни отца нет моей вины. И вреда Ширл я тоже не причинял. Я только хотел помочь...

Внезапно тяжелая дверь с натужным скрипом приоткрылась, и в проем просунулось острое лицо Стенмина. Непрерывно кланяясь, он вошел в камеру и впился злобными глазами в Балинора.

— Мне показалось, вы звали меня, мой король, — подострастно улыбнулся он. — Вас так долго не было, и я испугался, не случилось ли чего...

Паланс уставился на него невидящим взглядом, потом медленно помотал головой и развернулся к двери. Балинор едва сдержался, чтобы не наброситься на мерзавца Стенмина и не прикончить его раньше, чем подоспеют стражники. Но пока он сомневался, поможет ли это брату и спасет ли его самого, драгоценное время ушло. В камеру уже входили братья-эльфы под охраной стражников, нерешительно остановились на пороге, потом подошли к своему товарищу. Неожиданно Балинор вспомнил, что брат говорил о принце из крошечного южного королевства, который спас Ширл. Это же Менион Лих! Но как он оказался в Каллахорне?

Стражники повернулись к выходу, следом шел молчаливый Паланс, его лицемерный опекун в красном облачении заботливо поддерживал принца под локоток. Внезапно мистик остановился и развернулся к узникам, слабая улыбка искривила его поджатые губы, голова чуть наклонилась набок.

— На случай, если мой король забыл упомянуть, Балинор... — медленно проговорил он с ненавистью. — Стражники с Внешней стены видели, как ты разговаривал с неким Шилоном, бывшим капитаном Пограничного легиона. Он пытался сообщить о твоём... э-э-э... затруднительном положении, когда его задержали. Теперь он в тюрьме и вряд ли будет впредь докучать нам. Дело закрыто окончательно, и о тебе тоже со временем забудут.

Балинор почувствовал, как внутри что-то оборвалось. Если Шилона схватили прежде, чем он успел встретиться с Гиннисоном и Фандвиком, собирать Пограничный легион будет некому и никто не обратится к народу от его имени. Далекие друзья не знают о его заточении, и даже если они заподозрят неладное, то будут лишь теряться в догадках и никогда не узнают всей правды. Об этом древнем подземелье известно немногим избранным, и вход сюда надежно укрыт от посторонних глаз. В горестном молчании трое узников смотрели, как стражники ставят на пол у двери небольшой поднос с хлебом и кувшином воды и выходят в коридор, унося с собой

все факелы, кроме одного. Последний факел был в руках Стенмина, мистик злобно усмехался и держал его перед сгорбившимся Палансом, дожидаясь, пока тот выйдет вслед за дюжими стражниками. Но принц отчего-то медлил, не отрываясь, он смотрел на гордое, отрешенное лицо брата в красноватых отблесках от неверного света и на глубокий шрам через всю щеку, который казался черным и уродливым в полумраке подземелья. Несколько долгих минут братья молча смотрели друг на друга, а потом Паланс снова, медленно и неуверенно, пошел к Балинору, стряхнув с себя руку Стенмина, который попытался удержать его. В полушаге от брата он остановился, все еще не отрывая испытующего взгляда от сурового, словно высеченного из гранита, лица Балинора, как будто пытался впитать его твердость и решимость, которых так недоставало ему самому. Потом неуверенно поднял руку, застыл на мгновение и положил ладонь на плечо Балинора, крепко сжав пальцы.

— Я хочу... понять, — прошептал он почти в полной темноте. — Я хочу узнать... Ты должен помочь мне...

Балинор молча кивнул и осторожно накрыл могучей ладонью руку брата. На миг им обоим показалось, что детская дружба вернулась. Затем Паланс отвернулся и быстро вышел из камеры, встревоженный Стенмин кинулся следом. Тяжелая дверь закрылась, скрипнув древними петлями, лязгнули железные засовы, и трое узников снова остались во тьме. Удаляющиеся шаги медленно растворились в тишине, и вновь потекло томительное ожидание, но теперь надежда на спасение казалась еще более далекой и несбыточной.

Темный силуэт отделился от стены черных деревьев пустынного ночного парка под высоким пролетом моста Сендика и беззвучно метнулся в сторону дворца Букханнов. Быстрыми уверенными прыжками мощная невысокая фигура преодолела низкие изгороди и заросли кустарника, сплетенные меж величественных ильмов, пара внимательных глаз изучила стену, которой были обнесены королевские земли, высматривая в темноте ночные патрули. Над парком, рядом с коваными железными воротами, в которые упирался мост,

стояло несколько стражников, в свете факелов были хорошо видны изображения соколов на их мундирах. Скрытая темнотой фигура проворно вскарабкалась по отлогой насыпи к мшистым, увитым плющом стенам и растворилась в тени.

Оставаясь невидимой, она начала уверенно продвигаться вдоль стены в сторону от главных ворот и неровного света факелов. Затем бледный свет луны выхватил у западного крыла темный силуэт, когда непрошенный гость, крепко уцепившись за длинные плети плюща, бесшумно подтянулся к краю стены. Осторожно высунув голову над каменной кромкой, он всмотрелся вниз, в пустынный дворцовый сад, наметанным глазом высматривая опасность. Убедившись, что стражников поблизости нет, он мощным рывком подтянулся на стену, легко преодолел ее и с глухим стуком приземлился среди цветов.

Он пригнулся к земле и кинулся в спасительную тень старой раскидистой ивы. Затаив дыхание под сенью могучих ветвей, лазутчик вслушался в звук приближающихся голосов и вскоре понял, что это дворцовая стража, совершая свой привычный обход, лениво переговаривается на ходу. Не теряя самообладания, он терпеливо ждал, его коренастая фигура казалась невидимой рядом с коротким толстым стволом дерева. Появились стражники, не прерывая беззаботной болтовни, они неспешно прошли через сад и скрылись. Незнакомец выждал еще несколько минут и взгляделся в темную громаду королевского дворца Каллахорна в центре тенистого парка. Свет из нескольких окон узкими лучами лился в безлюдный сад, выхватывая из мрака неясные силуэты древнего каменного здания. Изнутри доносились слабые далекие голоса его невидимых обитателей.

Одним стремительным рывком чужак метнулся в тень дворца и остановился под маленьким темным окошком в стенной нише. Яростно дергая задвижку, он попытался ослабить ее. Наконец с громким щелчком, который, казалось, разнесся далеко окрест, старинная щеколда сломалась, и створки окна бесшумно отворились внутрь. Незнакомец не стал выяснять, слышали ли патрули его довольно шумный

вход в здание, и проворно проскользнул в маленькое отверстие. Когда окно уже закрывалось за ним, слабый свет выглянувшей из-за тучи луны на миг осветил решительную физиономию Хенделя.

Когда Стенмин бросил в темницу Балинора и кузенов Эвентина, он допустил один серьезный просчет. Его план был прост. Капитана Шилона схватили сразу после разговора с Балинором, чтобы пожилой воин не успел выполнить поручение принца и не рассказал друзьям о его задержании. Самого Балинора и братьев-эльфов, его единственных спутников при входе в Тирсис, заперли в тайном подземелье под дворцом, близкие друзья принца Эктон и Мессалайн тоже были в тюрьме, и, казалось, все бунтовщики изолированы и можно не ожидать серьезных неприятностей. В городе распространили слух, будто бы принц появлялся в Тирсисе ненадолго и снова вернулся к Алланону, таинственному и мрачному врагу Каллахорна, как утверждал Стенмин, сумев убедить в этом Паланса Букханна и почти всех горожан. Появления друзей Балинора мистик тоже не опасался. Чтобы узнать о судьбе товарища, им пришлось бы прийти во дворец для встречи с новым королем, и избавиться от них не составило бы большого труда. Единственным упущением в безупречном замысле Стенмина был Хендель. Угрюмый гном прекрасно знал подлую натуру мистика и подозревал о его влиянии на неуравновешенного принца. Он не спешил объявлять о своем присутствии в городе, пока не разузнает, что же произошло с его исчезнувшими товарищами.

Вернуться в Тирсис гнома заставил неожиданный поворот событий. Когда он распростился с Балинором и эльфами на опушке леса к северу от крепости, он действительно хотел отправиться в западный город Варфлит и оттуда идти обратно в Кулхейвен. На родине он намеревался помочь своим сородичам собрать армию для обороны Южного Анара от нашествия армии Повелителя чародеев. Всю ночь Хендель шел через леса вдоль северных границ Варфлита и утром вошел в город, где тут же натолкнулся на старинных приятелей; коротко поздоровавшись с ними, он сразу отправился спать.

Когда Хендель проснулся, день был уже в разгаре, и, наскоро умывшись и перекусив, он засобирався в дорогу. Но не успел гном дойти до городских ворот, как увидел небольшой отряд; измученные воины, пошатываясь, шли по улицам Варфлита и требовали немедленно провести их к городскому совету. Хендель поспешил за ними, расспросив по дороге одного из воинов, оказавшегося его знакомым. Из рассказа приятеля он с ужасом узнал, что несметная армада троллей и карликов движется к Варфлиту от Драконьих Зубов и через день-другой будет в городе. От патрульного отряда, который заметил приближение полчищ и попытался проскользнуть мимо, чтобы успеть рассказать об угрозе, осталась лишь горстка воинов. К несчастью, отряд заметили, и в неравном бою почти все гномы погибли. Лишь несколько из них сумели добраться до Варфлита, безмятежные жители которого и не подозревали о смертельной опасности.

Хендель понимал — если враг движется на Варфлит, значит, еще одна, более могущественная армия идет в Тирсис. Повелитель призраков вознамерился разом уничтожить крупные города Каллахорна и оставить ворота в Южные земли открытыми и незащищенными. Как можно скорее предупредить народ гномов об опасности — именно это Хендель считал своим главным долгом, но путь до Кулхейвена занял бы два дня пути, и еще два дня понадобилось бы на обратную дорогу.

Скоро он уже знал, что отец Балинора больше не король. И если принц не сумеет вернуть трон и заново собрать Пограничный легион, прежде чем его казнят или бросят в тюрьму его безумный завистливый братец со своим гнусным прихвостнем Стенмином, Каллахорн обречен. Необходимо как можно скорее отыскать Балинора, пока не стало слишком поздно. И никто, кроме Хенделя, не сможет это сделать. Алланон по-прежнему ищет Ши в далеких Северных землях, вместе с Фликом и Менионом. Гном не стал долго раздумывать и не мешкая приказал одному из воинов разбитого отряда этой же ночью отправиться в Кулхейвен. Старейшины гномов должны как можно скорее узнать о том, что вторжение в Южные земли началось через Каллахорн, и немедлен-

но выступить на подмогу Варфлиту. Города Каллахорна не должны пасть, иначе земли окажутся отрезанными друг от друга и случится то, чего больше всего опасался Алланон. Если враг захватит Юг, армии гномов и эльфов окажутся разделенными и Повелитель чародеев без труда справится с остальными землями. Самой страшной клятвой израненный гном поклялся Хенделю выполнить поручение и заверил, что все воины немедленно отправятся в Анар.

Обратный путь в Тирсис был долгим и опасным и занял много часов. Леса кишели патрулями карликов, главной задачей которых было не допустить любого сообщения между городами Каллахорна. Хенделю постоянно приходилось быть начеку и подолгу отсиживаться в безопасном укрытии при приближении дозорных. Не раз он далеко отклонялся от выбранного пути, чтобы не столкнуться с вооруженными до зубов карликами. На этот раз постов было гораздо больше, чем в Драконьих Зубах, и Хендель как опытный воин сразу догадался, что вторжение вот-вот начнется. Если северяне собираются атаковать Варфлит в ближайшие пару дней, Тирсис должен ждать нападения в то же время. Маленький остров Керн наверняка стал первой жертвой огромной армии Повелителя чародеев. Уже за полдень гном преодолел последний кордон патрулей и приближался к равнинам в окрестностях Тирсиса. Опасность натолкнуться на карликов больше не угрожала Хенделю, зато в городе его ждала встреча с хитрым Стенмином и молодым принцем, который превратился в игрушку в руках лицемерного мистика. Прежде Хендель уже встречался с Палансом, но сомневался, что принц запомнил его. Со Стенмином он виделся только однажды. Тем не менее осторожный гном не торопился объявлять о своем прибытии до поры до времени.

Он вошел в Тирсис, когда жизнь в городе текла своим заведенным чередом, и тут же затерялся в толпе торговцев и путешественников, наводнивших улицы. Оказавшись за громадой Внешней стены, он несколько часов бродил между полупустыми казармами Пограничного легиона, разговаривал с солдатами, стараясь выяснить что-нибудь о своих друзьях. Наконец он узнал, что Балинор и эльфы пришли в Тирсис

два дня назад на закате и направились во дворец. С тех пор их никто не видел, но в городе были уверены, что принц приходил повидаться с отцом, надолго не задержался и снова ушел. Зная о коварстве Стенмина, Хендель сразу заподозрил неладное и остаток дня бродил рядом с королевским дворцом, высматривая повсюду пропавших друзей.

Он заметил усиленную охрану вокруг дворца и необычные нашивки с изображением сокола на мундирах солдат. Этот герб Хендель никогда прежде не видел. У стражников рядом с городскими воротами и у всех солдат, которых он встречал в городе, были одинаковые нашивки. Вероятно, во всем Тирсисе осталась только одна воинская часть. Даже если Балинор жив и гному удастся освободить его, будет очень непросто вернуть власть и восстановить Пограничный легион. За все время пребывания в городе Хендель не заметил и тени беспокойства на лицах, ни разу не услышал разговоров о вторжении северян. Казалось, граждане Тирсиса даже не подозревают о смертельной опасности. Хендель не мог поверить, что Паланс отказался готовить город к обороне и бросил своих подданных на произвол судьбы. Каким бы неуравновешенным человеком ни был младший сын Рула Букханна и под чьим бы влиянием он ни находился, он не мог не понимать, что в случае падения Тирсиса трона ему не видать. До захода солнца Хендель внимательно изучал район обширного Народного парка, который раскинулся под широкими пролетами моста Сендика. Когда стемнело, он начал штурм тщательно охраняемого дворца.

Оказавшись в темной комнате, гном осторожно прикрыл за собой окно. Стены небольшого кабинета от пола до потолка занимали шкафы, полные книг, все полки были снабжены аккуратными ярлыками. В этой комнате находилась фамильная библиотека Букханнов — настоящая сокровищница во времена, когда новых книг почти не писали и распространение их было повсеместно прекращено. В эпоху Великих войн книги едва не исчезли с лица земли, да и после тяжелые времена не особо располагали к сочинительству. Очень немногие, даже в самых просвещенных кругах всех четырех

земель, могли позволить себе роскошь выбирать книги для чтения из собственной домашней библиотеки в несколько сотен томов.

Однако Хендель удостоил комнату лишь беглым взглядом и бесшумно, мягкой кошачьей походкой, начал продвигаться к двери; из щели над полом пробивалась слабая полоска света. Затаив дыхание, гном осторожно выглянул в освещенный коридор. За дверью никого не оказалось; внезапно Хендель понял, что совершенно не представляет, что делать дальше. Без сомнения, Балинор и эльфы находились во дворце. Наскоро перебрав все варианты, гном решил, что друзей держат под замком где-нибудь в подвалах дворца, если они, конечно, живы. Сначала надо искать именно там. Он постоял еще минуту, прислушиваясь к гулкой тишине, потом глубоко вздохнул и решительно шагнул в коридор.

Хендель не раз гостил у Балинора и неплохо изучил дворец. Где находятся королевские темницы, он, конечно, не знал, зато хорошо запомнил коридоры и лестницы старинного здания, однажды его даже водили в винные погреба и подвалы для хранения провизии. В конце коридора он свернул налево, точно зная, что именно там найдет лестницу в подвал. Он уже стоял перед массивной дверью, за которой скрывался холод подземелья, когда вдруг услышал за спиной голоса. Гном торопливо толкнул дверь, но, к его ужасу, она не поддавалась. Нахмурившись, Хендель снова и снова налегал могучим плечом на упрямую дверь. Голоса были совсем рядом, гном в отчаянии кинулся искать другое укрытие и вдруг увидел почти у самого пола задвижку, которую раньше просмотрел. Когда несколько беззаботно болтающих стражников уже поворачивали за угол и эхо их шагов гулко разносилось в пустом коридоре, Хендель хладнокровно отодвинул вторую щеколду, толкнул тяжелую створку и проскользнул внутрь. Трое часовых, которые направлялись к южным воротам, чтобы сменить на посту своих товарищей, появились в коридоре в тот миг, когда дверь за гномом бесшумно затворилась.

Хендель не стал выяснять, заметили ли его стражники, и кинулся вниз по лестнице, срубленной из огромных камен-

ных глыб, в темноту заброшенной кладовой. Внизу он остановился и стал на ощупь искать на холодной каменной стене железное кольцо для факела. Отыскать удалось не сразу; гном быстро выдернул факел из гнезда и зажег его с помощью огнива.

Медленно и кропотливо он начал обыскивать подвал, не пропуская ни единого закутка. Время летело стремительно, а он так ничего и не находил. Наконец, когда уже не осталось ни малейшего уголка, обойденного его вниманием, он начал сомневаться, что друзья держат именно в этой части дворца. С большой неохотой Хендель признал, что их могли запереть и в верхних комнатах. Хотя казалось маловероятным, что Паланс и его хитрый советник стали бы рисковать, помещая пленников туда, где их могут увидеть. А что, если Балинор действительно покинул Тирсис и отправился на поиски Алланона, подумал Хендель и тут же отгнал эту мысль. Смелый и прямодушный Балинор предпочел бы встретиться с братом лицом к лицу, не дожидаясь чьей-либо помощи. Снова и снова Хендель пытался понять, где могли запереть принца и его друзей, чтобы надежно укрыть их от посторонних глаз. Ничего более подходящего, чем глухой темный подвал, по-прежнему не приходило ему в голову, но ведь он только что обшарил...

Неожиданно Хендель вспомнил о старинной подземной тюрьме под дворцовыми подвалами. Балинор как-то упоминал о ней мимоходом, коротко рассказал ее историю и добавил, что темница давно заброшена и вход туда наглухо закрыт. Взволнованный гном снова обвел взглядом темные стены, отчаянно пытаясь вспомнить, где находится тайный вход. Теперь он почти не сомневался, что друзья томятся именно в этой заброшенной тюрьме, лучшего места, чтобы спрятать человека, просто не найти. Кроме членов королевской семьи и самых близких друзей, о темнице никто не знал. Много лет назад вход туда был закрыт и с тех пор не использовался, и даже старожилы Тирсиса, скорее всего, уже не помнили о древнем лабиринте под дворцом.

Не обращая внимания на маленькие смежные комнаты и коридоры, решительно настроенный Хендель вниматель-

но исследовал стены и пол в главном помещении, уверенный, что видел запечатанный вход именно там. Если потайную дверь недавно открывали, он не сможет не заметить этого. Но как гном ни пытался, ему не удалось увидеть ничего настораживающего. Плесень на стенах, которые он простукивал у самого основания, казалась нетронутой. Отчаявшись от бесплодных поисков, Хендель снова подумал, что ошибся в своих предположениях. С унылым видом он уселся на винный бочонок, которые во множестве стояли посреди комнаты, и обшарил глазами стены. Времени оставалось мало. Если Хенделю не удастся выбраться из дворца до рассвета, он может присоединиться к своим заточенным друзьям. Гном понимал, что упустил нечто очень важное и разгадка лежит прямо перед его носом. Негромко чертыхаясь, он поднялся с бочонка и медленно побрел по комнате, мучительно пытаясь вспомнить. Стены, что же там было со стенами...

И вдруг он вспомнил. Потайной коридор начинался не в стене, а в полу комнаты! Подавив радостный вопль, гном кинулся к громоздким бочкам. Неимоверными усилиями ему наконец удалось сдвинуть несколько, пока не показалась огромная каменная плита, скрытая под ними. Истекающий потом гном схватился за железное кольцо, вмурованное в плиту, и потянул на себя с громким протяжным стоном. Древняя плита заскрежетала, медленно, словно нехотя поддалась и тяжело откинулась на пол. Хендель сунул в мрачные глубины факел и заглянул в черную дыру подвала. Мерцающий свет выхватил из сырого мрака каменную лестницу, поросшую зеленоватым мхом, ступени ее растворялись в темноте. Держа перед собой факел, маленький человечек начал спускаться в древнее подземелье, мысленно моля, чтобы на этот раз не было никакой ошибки.

Колючий холод стылого подвала пробрался под одежду и злобно впился в кожу. От спертого, заплесневелого воздуха перехватывало дыхание, и гном, морща от отвращения нос, стал спускаться быстрее. Он ужасно боялся таких мрачных подземелий, похожих на могильные склепы, и уже начал жалеть о своем опрометчивом решении исследовать древнюю тюрьму. Но если Балинор действительно томился в этом

ужасном месте, рискнуть стоило. Хендель был не из тех, кто бросает друзей. Он спустился до основания лестницы и увидел один-единственный коридор. Медленно продвигаясь вдоль узкого прохода в сыром сумраке, который не мог разогнать даже свет догорающего факела, гном видел по обе стороны коридора железные двери, врезанные в толстые каменные стены через равные промежутки. На древних заржавленных створках не было смотровых окошек, тяжелые засовы казались неодолимыми. Страшная тюрьма могла привести в смятение любого человека — крохотные клетушки без проблеска света становились могилой для их узников, и даже сама память о них стиралась навсегда.

В эпоху изматывающих Великих войн гномы жили в подобных подземельях, спасая свою жизнь. Так продолжалось долгие годы, пока, наполовину ослепшие, они не выбрались в почти забытый мир, полный света. Страшное прошлое накрепко въелось в память многих поколений гномов, вселив в них безотчетный страх перед темными закрытыми пространствами, и избавиться от этого страха они так и не смогли. И сейчас Хендель чувствовал этот леденящий душу ужас, такой же неотвязчивый и ненавистный, как пронзительный холод подземелья, в котором находилась эта древняя могила.

Справившись с тугим комком страха, подступавшим к горлу, гном решительно осмотрел несколько первых дверей. Заржавленные засовы были на своих местах, на металле лежал толстый слой пыли и паутины. Он внимательно разглядывал одну за другой мрачные тюремные двери, но было совершенно очевидно, что ни одну из них не отпирали уже много лет. Хендель уже сбился со счета, а коридор, казалось, уходил в черную бесконечность. Его подмывало позвать друзей, но он боялся, что голос услышат наверху через открытый вход в подвал. С опаской оглянувшись, он вдруг понял, что не видит больше ни люка, ни лестницы. И впереди стояла такая же тьма, как и сзади. Сжав зубы и негромко разговаривая сам с собой, чтобы совсем не пасть духом, гном пошел вперед, внимательно вглядываясь в каждую новую дверь. И вдруг в мертвой тишине послышался слабый шепот.

Хендель замер и напряженно прислушался, боясь обмануться. Но шепот раздался снова, и он больше не сомневал-

ся, что слышал человеческие голоса. Гном быстро пошел вперед, пытаясь отыскать источник звука. Однако голоса стихли так же внезапно, как и появились. В отчаянии Хендель вглядывался в двери-близнецы по обе стороны коридора. И вдруг заметил, что пыль и паутина на засове одной двери стерты, а на металле виднеются совсем свежие царапины. Засов был смазан, значит, его недавно отпирали! Мощным рывком гном оттянул ржавую щеколду и распахнул тяжелую дверь, выставив перед собой факел. Свет выхватил из темноты три фигуры, и ошеломленные узники, щурясь от слепящего мерцания, нерешительно поднялись навстречу вошедшему.

В следующий миг зазвучали радостные возгласы узнавания, и четверо друзей бросились в объятия друг друга. Суровое лицо Балинора казалось уверенным и невозмутимым, и только светлые глаза выдавали, какой камень свалился с его души. Верный гном снова спас их. Однако для проявления чувств и слов благодарности времени не было. Хендель поманил друзей в темный коридор и торопливо пошел к лестнице, чтобы поскорее покинуть мрачное подземелье. До наступления рассвета необходимо было во что бы то ни стало выбраться из дворца и вернуться в город. Они быстро шагали по коридору за меркнувшим светом догорающего факела, словно слепые за поводырем.

И вдруг тишину древней тюрьмы взрезал громкий скрежет, и до их ушей донесся глухой стук, похожий на звук закрываемой плиты. Похолодев от ужаса, Хендель бросился вперед, быстро добежал до сырых каменных ступеней и остановился как вкопанный. Огромная плита, открывающая путь наверх, была опущена, и не оставалось никакой надежды сдвинуть ее. Беспомощно опустив руки, Хендель стоял перед друзьями, в отчаянии мотая головой. Он не только не спас узников, но и сам угодил в ловушку. Факел в мускулистой руке гнома почти догорел. Совсем скоро густой мрак поглотит их, и снова потечет томительное ожидание неизвестности.

Глава 26

— Хлам, рухлядь одна! — с досадой рычал Панамон Крил, снова и снова пиная сваленную на земле грудку дешевых клинков и украшений. — Как же я мог так опростоволоситься? Я должен был сразу увидеть!

Ши молча добрал до края поляны, изучая слабые следы на траве, которые оставил хитроумный Орл Фейн, убегая на север. А ведь он был так близок к цели, своими собственными руками держал бесценный меч и не узнал его — непростибельная глупость! Могуций Кельтсет тихо стоял рядом с юношей, пригнувшись к мокрой, устланной листьями земле, его непроницаемое лицо было почти на одном уровне с лицом Ши, удивительно добрые глаза смотрели внимательно и серьезно. Ши тихо подошел к разъяренному Панамону.

— Не вини себя, откуда тебе было знать, — подавленно пробормотал он. — Это я должен был прислушаться к его болтовне более внимательно и поменьше... ладно, неважно. Я ведь знал приметы меча и все же забыл о них, когда дошло до дела.

Панамон кивнул и пожал плечами, проведя концом своей пики по тщательно подстриженным усикам. Не отказав себе в удовольствии еще раз пнуть брошенные карликом трофеи, он позвал Кельтсета, и они начали деловито сворачивать лагерь, собирая кухонную утварь и оружие. Ши немного понаблюдал за ними, кляня себя за невнимательность, пока угрюмый окрик Панамона не вывел его из оцепенения. Он молча присоединился к приятелям, полный мрачных мыслей о своем будущем. Терпение благородного разбойни-

ка наверняка истощилось, он и без того уже привел бестолкового и удивительно упрямого южанина к опасным границам Паранора, да еще вынужден был искать каких-то людей, которые вполне могли оказаться не слишком дружелюбными, к тому же пресловутый меч, известный только Ши, уплыл у них из-под носа. Один раз Крил и его молчаливый спутник уже едва не лишились жизни из-за этого таинственного меча и вряд ли захотят испытывать судьбу снова. Последней надеждой Ши были друзья. Но когда он отыщет их, придется рассказать Алланону о своей непростительной оплошности. Ши вздрогнул, вспомнив мрачное лицо друида и его безжалостный взгляд, от которого невозможно ничего скрыть.

Он вдруг вспомнил странное пророчество, прозвучавшее неделю назад в предрассветном сумраке Сланцевой долины. Призрак Бремена предостерегал их об опасности Драконьих Зубов и о том, что один из них не увидит Паранор, но первым прикоснется к мечу Шаннары. И вот предсказание исполнилось, а Ши в сумятице последних дней даже не заметил этого.

Усталый юноша закрыл глаза и вновь с горечью подумал, почему именно он стал частью этой запутанной головоломки с легендарным мечом, от которого зависел исход войны с могущественным миром призраков. Он чувствовал себя таким маленьким, таким беспомощным, хотелось забиться куда-нибудь в уголок и молить о скором конце. Если верить Алланону, от него зависела судьба всех народов, а он с самого начала был никуда не годен. Он совершенно не мог обходиться без посторонней помощи и никогда бы не пришел сюда без поддержки других людей. Они рисковали своими жизнями только для того, чтобы он смог добраться до волшебного меча. И вот, когда меч был у него в руках...

— Я решил. Мы идем за ним.

Звучный голос Панамона Крила разрезал тишину небольшой поляны, словно громкий стук топора по сухому дереву. Ши с удивлением уставился на широкое серьезное лицо разбойника.

— Ты хочешь сказать... идем в Северные земли?

Вор в красном плаще кинул на него один из тех сердитых взглядов, который должен был означать, что маленький южа-

нин законченный идиот, неспособный понять нормально-го человека.

— Он посмел одурачить меня. Я готов сам перерезать себе глотку за то, что упустил эту крысу. Когда я доберусь до него, уж точно отправлю на корм червям!

Суровое лицо Крила оставалось бесстрастным, но в зловещем голосе звенела нескрываемая ненависть, от которой бросало в дрожь. Это был совсем другой человек, хладнокровный и безжалостный, который не моргнув глазом перебил целый отряд карликов и без страха вступил в неравный бой с могущественным посланником Черепа. Он делал это не ради спасения Ши и не ради волшебного меча. Речь шла о его задетой гордости и страстной жажде мщения несчастному существу, посмевавшему уязвить его самолюбие. Ши бросил быстрый взгляд на застывшего Кельтсета, но великан тролль никак не выразил ни одобрения, ни осуждения, лицо его было невозмутимо, глубоко посаженные глаза смотрели без всякого выражения. Панамон коротко хохотнул и стремительно подошел к юноше.

— Ты только подумай, Ши. Наш друг карлик сильно упростил дело, выдав нам точное местоположение меча, на поиски которого ты потратил столько времени. Тебе больше не нужно искать его.

Ши кивнул, по-прежнему недоумевая, что же заставило искателя приключений переменить решение.

— А у нас есть хоть малейшая надежда догнать его?

— Вот так-то лучше, такой настрой нам и нужен! — усмехнулся Панамон, лицо его сияло уверенностью. — Разумеется, мы его догоним, это всего лишь вопрос времени. Хуже будет, если кто-нибудь догонит его раньше нас. Никто лучше Кельтсета не знает Северные земли. Этому карлику от нас не спрятаться. Ему придется бежать, бежать без остановки, никто не поможет ему, даже собственные сородичи не примут. Я не знаю, как меч попал к нему, как этот прохвост догадался о его ценности, но я совершенно точно знаю, что он дезертир и мародер.

— А что, если он из тех карликов, что везли меч Повелителю чародеев, или даже их пленный? — задумчиво предположил Ши.

— Скорее всего, второе, — согласился Панамон и рассеянно, словно пытаясь вспомнить что-то, посмотрел на север, где над лесом висела серая утренняя дымка.

Солнце уже расчистило от сумрака восточную часть небосклона, и новорожденный свет, сияющий и теплый, медленно просачивался сквозь темные кроны деревьев. Однако легкий туман раннего утра все еще висел в воздухе, окутывая трех путников мглистым смещением солнечного света и уташающей ночи. Небо на севере не светлело и оставалось темным и зловещим даже для раннего утра, и говорливый обычно Панамон несколько минут молча смотрел на пугающую черную стену. Когда он наконец развернулся, лицо его было хмурым.

— На севере творится что-то странное. Кельтсет, выходим прямо сейчас, надо найти этого карлика, пока он не наткнулся на патруль. Не хочу, чтобы его последние минуты в этом мире прошли в обществе кого-то другого!

Могучий тролль быстро пошел вперед размашистыми шагами, наклонив голову, он вглядывался в землю перед собой, высматривая следы, которые оставил сбежавший Орл Фейн. Панамон и задумчивый юноша шли следом, стараясь не отставать. Опытный глаз Кельтсета сразу заметил отпечатки ног карлика, беглец так торопился, что даже не потрудился замести следы, и, очевидно, точно знал, куда направляется.

Ши попытался предположить, куда мог побежать хитрый коротышка. Он мог бы принести меч в дар Повелителю чаролеев и попытаться вернуть себе доброе имя у сородичей. Но вчера карлик вел себя так странно, что Ши начал сомневаться в его рассудке. Было совершенно очевидно, что Орл Фейн не притворялся. Его была сильная дрожь, словно в приступе падучей, отрывистая, бессвязная речь напоминала бред. Если бы Ши был более внимателен и отнесся к полубезумному лепету карлика серьезнее, он бы догадался, что желанный меч совсем рядом — стоит лишь протянуть руку. Нет, было совершенно ясно, что рассудок карлика помутился, и предсказать его поступки едва ли возможно. Он сбежал от них, но куда?

— Теперь я вспомнил, — ворвался в его раздумья голос Панамона. — Вчерашняя тварь с крылышками твердила, что

меч у нас. Будто бы она чувствовала его присутствие, а так оно и было, ведь Орл Фейн сидел в кустах, с мечом в мешке.

Ши молча кивнул, с горечью вспоминая злополучный день. Посланник Черепа невольно подсказал им, где искать бесценный меч, но в пылу битвы, находясь на волосок от смерти, они просто не заметили этого. Панамон продолжал бурчать, придумывая все новые планы самой изощренной мести, которая ожидает мерзавца Орла Фейна. Неожиданно деревья расступились, и перед путниками открылись широкие просторы Стрелехейма.

Пораженные, все трое застыли, не веря собственным глазам, смотрели они на непроницаемую черную стену на севере, она тянулась вдоль всего горизонта, охватывая кольцом Северные земли, вздымалась до самых небес и исчезала в далекой выси. Казалось, король Черепа накинул на древние земли саван тьмы, взятый из мира духов. То была не просто чернота безлунной ночи. Из сердца королевства Черепа напознала, клубясь в зловещем водовороте, стена густого тумана, свитая из самых темных оттенков серого. Ничего страшнее этой чудовищной картины Ши не видел, и внезапная необъяснимая уверенность в том, что черная громада движется на юг, застилая собой целый мир, вдруг охватила его. Значит, Повелитель чародеев начал свой поход...

— Ради всего святого, что это за... — Панамон умолк, не договорив.

Ши рассеянно покачал головой. Ответ на этот вопрос находился за пределами понимания смертных. Несколько томительных минут все трое безмолвно взирали на чудовищную стену, как будто дожидаясь, что произойдет дальше. Первым очнулся Кельтсет; наклонившись, он быстрыми размашистыми шагами прошел вперед, внимательно изучая следы на жесткой траве. Затем тролль поднял голову и указал прямо в центр мгlistой глыбы. Панамон вздрогнул, лицо его застыло.

— Карлик бежит прямо к этой дряни, — проворчал он сердито. — Если мы не схватим его раньше, чем он доберется туда, тьма полностью скроет его следы. Тогда мы его потеряем.

А в нескольких милях впереди них маленькая сгорбленная фигурка резко остановилась у серого края темнеющей стены мглы и тумана; испуганный Орл Фейн прекратил свой изнуряющий бег и в недоумении устоялся на клубы черного марева. С тех пор как в первых проблесках зари карлик сбежал от трех иноземцев, он бежал, пока хватало сил, потом перешел на торопливый шаг, то и дело оглядываясь в ожидании неизбежной погони. Мысли его путались, все последние недели своего опасного промысла Орл Фейн выживал лишь благодаря природному чутью и невероятному везению, избегая общества живых и обирая мертвых. Став изгоем, он не мог думать ни о чем, кроме неистового желания спастись, прожить еще один день в ополчившемся на него мире. Даже собственные соплеменники презирали его, испытывая к бывшему сородичу чувство гадливости, словно он был мерзким червяком под ногами. Земля вокруг была дикая и беспощадная для одиночек. Однако он продолжал жить, несмотря ни на что, и некогда ясный разум его постепенно замыкался, отгораживаясь от прочно поселившихся в нем страхов, пока безумие не взяло верх, подчинив себе последние крохи рассудка.

Но отчего-то неминуемая смерть все не приходила, а ехидная судьба, неожиданно снизойдя до бедного изгнанника, рассыпала перед ним фальшивые бриллианты надежды и предложила вернуть, казалось бы, навсегда утерянное тепло дружеского общения. В своей отчаянной битве за выживание отвергнутый всеми мародер вдруг узнал о существовании легендарного меча Шаннары. Тайна удивительного клинка слетела с холодеющих губ воина, павшего на равнинах Стрелехейма, когда нить его жизни истончилась и ослепшие глаза больше не могли видеть. Так великий меч, обладающий властью над всеми живущими, оказался в руках Орла Фейна.

Однако безумие все сильнее овладевало меркнувшим разумом несчастного карлика, страхи и сомнения без конца терзали его, не оставляя ни на минуту. Губительная нерешительность стала причиной его плена и потери спасительного меча, той ниточки, по которой он мог вернуться к своему народу. Под натиском отчаяния и ярости слабеющий разум его отступил, и последние проблески сознания погасли безвоз-

вратно. И лишь одна горячая мысль гнала и подталкивала его — во что бы то ни стало вернуть меч, свою единственную надежду на спасение. Не понимая, что может выдать бесценную тайну и навсегда потерять возжеланный меч, он похвалялся перед ничего не подозревавшими чужестранцами, однако, на его счастье, те не умели читать между строк и, не особо обращая внимания на бессвязную болтовню пленника, посчитали его обыкновенным сумасшедшим. Потом ему удалось сбежать, снова завладеть мечом, и после долгих часов непрерывного изматывающего бега он наконец был близок к цели.

И вот он стоял, глядя пустыми глазами на зловещую черную стену, преградившую ему путь в Северные земли. Да, именно на Север, бормотал он с кривой улыбкой, и глаза его раскрывались все шире. Только там отверженный сможет наконец найти покой и избавление от мучений. В глубине души Орл Фейн чувствовал нестерпимое желание бежать без оглядки от этой пугающей черноты, но неотвязчивая мысль обрести спасение в Северных землях гнала его вперед. Ведь он пришел сюда, чтобы встретиться с... Учителем. Великий Повелитель чародеев ждет его. Взгляд карлика упал на древний клинок, крепко привязанный к поясу; кончик меча волочился по грязной земле. Узловатые желтые ладони судорожно вцепились в резную рукоять, коснулись выправленной на ней руки с высоко поднятым горящим факелом. Изысканная позолота меча почти стерлась, обнажив блестящую поверхность. Карлик крепко сжимал рукоятку, словно надеялся получить хоть каплю волшебной силы могущественного клинка и для себя. Глупцы! Если бы они только знали, кого осмелились презирать! Самый великий меч за всю историю мира теперь у него в руках, и именно ему предначертано... Орл Фейн торопливо одернул себя, испугавшись, что даже пустынная равнина сможет прочесть его потаенные мысли и похитить их.

Пугающая чернота вздымалась впереди и словно ждала его. Охваченный новыми страхами, карлик никак не решался сделать шаг, но иного пути не было. Он смутно припомнил своих преследователей — великана тролля, странного однорукого человека, чью жгучую ненависть он ощущал каждой

своей клеточкой, и хрупкого юношу с эльфийской кровью. Нечто необъяснимое в этом получеловеке-полуэльфе с неотступным упорством стучалось в смятенный разум Орла Фейна и тревожило его.

Бестолково тряхнув большой круглой головой, карлик двинулся к серому краю стены; вокруг царила бездонная тишина. Он шел не оглядываясь, пока тьма не сомкнулась за его спиной и в звенящее безмолвие не ворвался оглушительный свист ветра и пронизывающая сырость. Быстро оглянувшись, Орл Фейн, к своему ужасу, не увидел ничего, кроме непропускаемой черной завесы. Ветер сбивал его с ног, и постепенно карлик начал чувствовать чье-то присутствие в слепой темноте. Сначала невидимые существа явились ему лишь смутными мысленными образами, но вскоре сквозь густую мглу просочились их негромкие голоса и замерли над его головой невысказанными вопросами. Наконец призраки обрели зримые очертания, и карлик уже чувствовал их робкие прикосновения. Неистовый смех сотрясал его тело, и несчастный безумец чувствовал, что перенесся из мира живых в царство призраков, где скитаются в безнадежных поисках выхода из своей вечной темницы лишённые душ создания. Спотыкаясь в темноте, он бродил среди них, то смеясь, то болтая без умолку, то радостно напевая что-то бессвязное; разум больше не принадлежал ему. Обитатели темного мира раболепно следовали за ним, понимая, что смертный почти переступил грань, отделяющую его от царства мертвых. Это был лишь вопрос времени. Когда нить его жизни оборвется, он станет одним из них — потерянным и забытым навсегда. Орл Фейн наконец-то окажется среди своих.

Минуло почти два часа, утреннее солнце лениво и неторопливо катилось по небосклону, когда трос путников замерли на краю мгlistой стены, за которой исчез беглец. Как и испуганный карлик до них, они медлили, в молчании изучая зловещую тьму, застывшую на пороге королевства Повелителя чародеев. Казалось, густой туман лежит на безжизненной земле пластами, становясь все темнее и враждебнее с приближением к центру чудовищной завесы, словно откликаясь на страх замерших перед ним зрителей. Не сводя глаз с без-

донной черноты, Панамон Крил быстро ходил взад-вперед размашистыми шагами, словно пытаясь набраться решимости продолжить путь. Великан Кельтсет бегло осмотрел землю и коротким кивком дал понять, что карлик действительно отправился на север. Застыв словно статуя, тролль стоял, сложив могучие руки на груди, глаза его под косматыми бровями превратились в узкие щелочки.

Ши для себя твердо вознамерился продолжать поиски, даже если следы карлика безнадежно потеряны. Другого выхода не было. Былая вера в провидение вернулась к юноше, что-то подсказывало ему, что они непременно найдут беглеца и вернут меч. В душе его словно поселилась невидимая сила, наполнявшая его отвагой и незыблемой уверенностью. Едва сдерживая нетерпение, он только и ждал, когда Панамон прикажет двигаться дальше.

— Мы все посходили с ума, — пробормотал разбойник, в очередной раз проходя мимо Ши. — Даже в самом воздухе этой стены разлита смерть...

Он резко замолчал и наконец остановился, дожидаясь ответа Ши.

— Надо идти дальше, — быстро отозвался тот невыразительным тоном.

Панамон медленно поднял глаза на тролля, но его друг не шевельнулся. Он немного подождал, явно озадаченный безразличием Кельтсета. С тех пор как они пустились в это проклятое путешествие по Северным землям, великан вообще никак не выражал своего отношения, хотя прежде, когда они странствовали вдвоем, тролль всегда с готовностью соглашался с ним. Странное равнодушие Кельтсета смущало и настораживало самоуверенного разбойника.

Наконец искатель приключений утвердительно кивнул, и все трое решительно зашагали к сумрачной стене. Равнина была плоская и голая, и некоторое время они шли, не встречая никаких препятствий. Вскоре туман сгустился, и они с трудом различали в темнеющей пелене смутные очертания друг друга. Панамон объявил короткий привал, достал из мешка веревку и предложил всем обвязаться, чтобы не потерять друг друга. Когда дело было сделано, они тронулись даль-

ше. В оглушающей тишине слышался только слабый стук подметок по жесткой земле. В воздухе не было сырости, и все же холодный пронизывающий туман противно облеплял кожу, напоминая Ши отвратительное зловоние Туманной Топи. Казалось, чем глубже они продвигались в сгустках тумана, тем быстрее неся и воздух. И уже совсем скоро трое путников оказались в крошечной темноте.

Казалось, прошли часы, но само время словно остановилось в этой безмолвной черной мгле, обволакивающей хрупкие смертные существа. Веревка удерживала их от одиночества смерти, пронизывающего туман, не столько протягиваясь от одного путника к другому, сколько связывая их с миром солнечного света, оставленного позади. Место, куда они осмелились войти, было призрачным царством неизвестности, где замирали все чувства, и лишь страх, питаемый разгулявшимся воображением, овладевал душами людей. Во всем ощущалось дыхание смерти, она словно висела в темноте, мягко прикасаясь к телам живых, которых однажды призовет в свои владения. Мрачные химеры казались почти естественными в этой таинственной мгле, все запреты, наложенные человеческими чувствами, вдруг растворились в бессвязных воспоминаниях разума, а смутные видения, обитающие в подсознании, быстро обрели силу, заявляя свои права.

Поначалу было даже приятно отдаваться во власть подсознания, и вскоре они уже не чувствовали ни наслаждения, ни раздражения, лишь вялое, покорное оцепенение овладело ими. Довольно долго это ощущение обволакивало их, ласкало и нежило их разум, погружая тела и мысли в сладкую дремоту; словно мифические лотофаги, плыли они на мягких волнах забвения. Время исчезло, и лишь туман, жадный и неотступный, заполнял все вокруг.

И вдруг из смутных уголков мира живых напозло ощущение жгучей боли и с бесцеремонной внезапностью прокатилось через омертвевшее тело Ши. Разум его неожиданно высвободился из ватных объятий безразличия, резкая боль в груди все нарастала. Ощущая странную легкость во всем теле, полусонный Ши крепко вцепился в рубаху и нащупал маленький кожаный мешочек, который и был причиной невы-

носимой боли. Едва юноша сжал в ладони волшебные камни, как разум его тотчас прояснился, вновь обретя утраченную живость.

И в тот же миг его захлестнула волна ужаса. Ши вдруг увидел, что лежит навзничь и совершенно не помнит, куда и зачем шел. Юноша судорожно нащупал веревку на поясе и с силой дернул ее. Из мгlistой пелены донесся слабый стон, и он с облегчением убедился, что товарищи не оставили его. Тело плохо слушалось, медленно, с невероятным трудом Ши поднялся на ноги и наконец понял, что произошло. Призрачный мир вечного сна едва не сделал их своей добычей, притупил их чувства, и, убаюканные смутными видениями, пленники черного тумана медленно плыли навстречу тихой смерти. Только сила эльфийских камней спасла их.

Ши чувствовал невероятную слабость, однако, собрав по капле остатки сил, он отчаянно тянул за веревку, пытаясь оттащить Кельтсета и Панамона от края смертельной бездны и вернуть их в мир живых. Он яростно кричал, снова и снова дергая веревку, потом медленно доковылял до своих товарищей и принялся с неистовой силой пинать безжизненные тела, чтобы боль оживила их спящее сознание. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем они пришли в себя и поняли, что случилось. Уснувший разум наконец пробудился, и вновь окрепшая воля к жизни подняла их на ноги. Непослушными руками они цеплялись друг за друга, отчаянно пытаясь выкарабкаться из дурманящего тумана. Превозмогая чудовищную слабость, они заставили себя идти дальше сквозь непроглядную тьму, каждый шаг давался с невероятным трудом. Хрупкий юноша из Дола шагал впереди, плохо сознавая направление, но полагаясь на вновь ожившее чутье, возрожденное силой эльфийских камней.

Долго пробивались они сквозь нескончаемую черноту, изо всех сил стараясь оставаться в сознании и сохранять ясность ума в этом мертвящем тумане, который лениво клубился вокруг них. Странное, похожее на сон, дыхание смерти цеплялось за них в неустанной попытке подчинить их утомленный разум, безмолвно призывая уставшие тела согласиться на желанный отдых. С истовой решимостью живые сопро-

тивлялись ласковой смерти, чувствуя, как крошечная искра мужества и уверенности вновь разгорается в них.

Наконец чудовищная усталость начала отступать в темную мглу. На этот раз смерть проиграла, ей не удалось подавить в них жажду жизни. В свое время она еще встретится с этой троицей, а пока им позволено немного задержаться в мире живых. Безразличие и вялость отпустили путников, цепкая дремота рассеялась, но не так, как слетает сон, а с тихим обещанием вернуться вновь. И в тот же миг все трое стали прежними, мышцы их вновь обрели силу, разум освободился от мягких объятий губительного сна. Лишь мучительные воспоминания о смертельной дремоте, над которой не властны ни чувства, ни время, не оставляли их.

Они долго молчали, каждый хранил в душе невысказанный страх и тихое отчаяние, испытанное при встрече с неумолимой смертью, которая однажды возьмет их за руку и уведет за собой навсегда. Никому из смертных не дано заглянуть в ее запретные владения до наступления отведенного им срока, и те несколько мгновений, что они провели на пороге забвения, ошеломили их, оставив ощущение ужаса и сводящей с ума безысходности.

Но вскоре страшные воспоминания покинули их, и осталось лишь смутное осознание счастливого избавления от гибели. Вновь обретя ясность ума, они продолжали искать выход из нескончаемой черноты. Только однажды Панамон осторожно спросил у шедшего впереди юноши, знает ли он дорогу. В ответ Ши лишь нехотя кивнул и сердито подумал, к чему задавать такие нелепые вопросы. Даже если он не знает дороги, им придется полагаться на его чутье. Однажды эльфийские камни уже спасли его, и он вновь доверял им свою жизнь.

Ши недоумевал, как Орлу Фейну удалось преодолеть завесу таинственного тумана. Быть может, безумный карлик нашел свой способ противостоять ее мертвящей силе, но это казалось маловероятным. А если коротышка упал посреди непроницаемой мглы, значит, и меч потерян для них навсегда. При мысли, что великий меч Шаннары лежит в нескольких ярдах от них, скрытый черной пеленой, юноша вздрогнул.

Неожиданно густая мгла сменилась тусклой серой дымкой, и стена тумана осталась позади. Все произошло так быстро, что путники совершенно не были к этому готовы. Только что они брели в густой пелене мрака, с трудом различая друг друга, а в следующее мгновение уже стояли под свинцовым небом Северных земель.

В потрясенном молчании друзья огляделись вокруг. Никогда прежде Ши не видел такой безрадостной земли, пустынная даль была еще более мрачной, чем мертвые низины Клетта или зловещие Черные Дубы далеких Южных земель. Бесплодная серая земля не знала солнечного света, ни одна травинка не пробивалась сквозь ее безжизненную толщу. Даже самые стойкие кустарники не выживали в этом царстве Властелина тьмы. Низкой унылой чередой на север тянулись голые окаменевшие холмы, огромные круглые валуны, торчащие повсюду, темнели до самого мглистого горизонта, а русла давно высохших рек взрезали безотрадные низины пыльными извилистыми канавами. Даже слабый шорох не нарушал безмолвия этих пустынных мест, и в некогда живой земле ощущалось ледяное дыхание смерти. Далеко на севере в пустое небо впивались острые вершины зловещих гор, и Ши, даже без объяснений, уже знал, что это и есть дом Броны, Повелителя чародеев.

— Что ты намерен делать дальше? — спросил Панамон Крил. — Следы мы потеряли окончательно. Мы даже не знаем, сумели ли наш друг карлик выбраться живым из этой чертовщины. Честно говоря, я в этом сильно сомневаюсь.

— Мы должны искать его, — невозмутимо ответил Ши.

— Пока эти крылатые твари ищут нас, — быстро отозвался его собеседник. — Знаешь, Ши, я как-то не рассчитывал на такие захватывающие приключения. Скажу тебе по секрету, я начинаю стремительно терять интерес к этой погоне, тем более что понятия не имею, за какую таинственную цель рискуя своей жизнью. Мы только что едва не погибли, а я даже не увидел нашего загадочного убийцу!

Ши задумчиво кивнул и вдруг понял истинную причину волнения своего нового друга. Впервые в жизни Панамон Крил боялся умереть и даже ценой уязвленной гордости был

готов повернуть назад с полдороги. Теперь только от Ши зависело, продолжат ли они путь. Кельтсет стоял в стороне от людей, его добрые карие глаза были устремлены на хрупкого юношу из Дола, косматые брови сочувственно сдвинуты к переносице. Глубокий ум, светящийся в спокойных глазах могучего тролля, вновь поразил Ши. Он по-прежнему ничего не знал о молчаливом великане, но страстно хотел узнать. Юноша был уверен, что именно Кельтсет таит разгадку к некой удивительной тайне, о которой не знал даже Крил, как бы ни похвалялся он своей близкой дружбой с троллем.

— Выбор у нас невелик, — произнес наконец Ши. — Можно поискать Орла Фейна здесь, тогда мы рискуем снова встретиться с посланниками Черепа, или же еще раз пройти через...

Он не стал договаривать очевидные для всех слова и увидел, как побледнел Панамон.

— Я не вернусь в этот... во всяком случае, не сейчас! — с жаром воскликнул разбойник.

Он отчаянно замотал головой, рука с грозной пикой взметнулась вверх, словно отгоняя сам воздух, принесший столь безумное предложение. Но уже скоро Панамон справился со своими чувствами и знакомая открытая улыбка робко вернулась на его лицо. Закаленный в жизненных передрягах, он просто не мог позволить страху овладеть собой. Мрачные воспоминания о слепой темноте мертвого мира он решительно подавил, призвав на помощь весь свой опыт бесстрашного искателя приключений и разбойника с большой дороги, чтобы вновь ощутить уверенность в себе. Если ему и суждено погибнуть в этом последнем приключении, он встретит смерть с той же храбростью и решимостью, которые помогали ему выжить все эти годы.

— Давайте разложим все по полочкам, — задумчиво проговорил он, прохаживаясь взад-вперед. Прежнее высокомерие и твердость вернулись к нему. — Если наш карлик не сумел выбраться из туманной завесы, тогда меч все еще там, и мы можем в любой момент забрать его. Но если коротышке удалось спастись, как и нам, тогда куда же...

Он осекся на полуслове и внимательно вгляделся в унылую пустошь, словно пытался отсечь самые невероятные пути

бегства Орла Фейна. Кельтсет быстро подошел к нему и махнул рукой на зазубренные вершины на севере, откуда начиналось королевство Черепа.

— Да-да, разумеется, ты, как обычно, прав, — согласился Панамон с легкой улыбкой. — Должно быть, он с самого начала стремился именно туда. Больше ему идти некуда.

— К Повелителю чародеев? — тихо спросил Ши. — Он понес меч Повелителю чародеев?

Панамон коротко кивнул. При мысли о том, что им придется выслеживать беглеца у самого порога Повелителя призраков, не обладая хотя бы магическим даром Алланона, чтобы противостоять его могуществу, Ши бросило в дрожь. Единственной надеждой на спасение оставались эльфийские камни, но и они едва ли могли противостоять такому чудовищу, как Брона.

Однако прежде им предстояло решить, удалось ли Орлу Фейну миновать завесу черноты. Сначала они решили двигаться вдоль западной кромки клубящейся стены и поискать там следы беглеца. Если в той стороне никаких признаков спасения карлика не обнаружится, они пройдут то же расстояние на восток. Если же и там следы карлика не отыщутся, им придется признать, что туман поглотил его, и вернуться за мечом. Такое будущее никого особенно не обрадовало, но Ши заверил друзей, что сила эльфийских камней поможет им отыскать бесценную реликвию. Безусловно, волшебные камни тут же выдадут их присутствие обитателям мира призраков, однако им придется пойти на такой риск, если они хотят найти что-то в этой непроглядной черноте.

Не раздумывая больше, друзья быстро зашагали вперед, зоркий взгляд Кельтсета внимательно скользил по голой земле, высматривая отпечатки ног карлика. Тяжелые тучи заслоняли небосвод, затягивая Северные земли зловещей серой мглой. Ши попытался определить, как долго они блуждали в стене тумана, но у него ничего не получилось. Быть может, прошло всего несколько часов, а быть может, и дней, только с каждым шагом обступавшая их серая мгла становилась все темнее. Приближалась ночь, а это означало, что поиски Орла Фейна придется приостановить.

Густые тучи над головой быстро наливались свинцом и яростно клубились в мрачном небе. Ледяной шквальный ветер пронесился по голым холмам и низинам, сердито толкая огромные валуны, встававшие на его пути. Становилось нестерпимо холодно, и путники плотнее запахнули плащи, с трудом продираясь навстречу ветру. Вскоре стало ясно, что приближается буря, и путники в отчаянии думали о том, как дождь расправится со следами беглеца. Если потоки воды размывают землю, они никогда не узнают, выбрался карлик из тумана или нет...

Однако удача улыбалась им, и Келътсет неожиданно обнаружил на голой земле отпечатки ног, цепочка следов выходила от кромки черной стены и тянулась дальше на север. Скальный тролль знаками показал Панамону, что человек, оставивший следы, небольшого роста, скорее всего карлик, и еще он сильно хромал, как будто был изможден до предела или даже ранен. Окрыленные счастливой находкой и ни секунды не сомневаясь, что следы принадлежат именно Орлу Фейну, друзья быстро зашагали по едва заметной тропке на север. Все испытания хмурого утра были тотчас забыты. Могушественный Повелитель чародеев, чье королевство начиналось в нескольких милях отсюда, чудовищная усталость и отчаяние, охватившее их после досадной потери волшебного меча, — все это тотчас отступило в тень, и лишь уверенность в скорой победе владела их сердцами. На этот раз хитрому карлику не уйти от них.

Небо тем временем становилось все чернее. С запада докатился далекий раскат грома, и новый порыв ветра разнес зловещий грохот через шири и дали Северных земель. Надвигалась чудовищная буря, словно сама природа решила оживить эти мертвые пустоши, отмыв их дочиста, чтобы бесплодная земля вновь могла дарить жизнь. Воздух стал обжигающе-холодным, и даже толстые плащи не спасали путников от колючего ветра. Однако друзья едва замечали его злобные укусы и с тревогой вглядывались в северный горизонт в поисках беглеца. След на земле становился все отчетливее, а это означало, что карлик прошел здесь совсем недавно.

Чем ближе подходили они к остроконечным северным горам, тем заметнее менялась местность вокруг. Хотя земля по-прежнему была голой и твердой как железо и те же валуны и завалы из камней темными глыбами торчали у них на пути, дорога постепенно становилась все более холмистой. Идти по неровной и начисто лишенной растительности иссохшей земле было неимоверно тяжело, с каждым шагом холмы становились все выше, а впадины все глубже, и путникам приходилось то карабкаться в гору, становясь на четвереньки, то скользить по склону вниз.

Западный ветер усиливался, с оглушительным воем налетая на дерзких смельчаков и сбивая их с ног яростными ударами. Иссохшие комья земли взлетали в воздух, подхваченные безжалостным ураганом, впивались в кожу, в глаза, набивались в горло удушливыми колючими песчинками. Очень скоро ветер разгулялся не на шутку, и в воздухе повисла сплошная серая стена, словно они вдруг угодили в песчаную бурю в пустыне. Стало трудно дышать, приходилось идти наугад в колючей завесе, и даже зоркие глаза Кельтсета уже не могли различить слабую цепочку следов. Быть может, злобный ветер давно разметал едва заметную тропинку, но друзья продолжали упорно идти вперед.

Рокот далекого грома усиливался, сменяясь непрерывными раскатами, которые перемежались резкими вспышками молний над головами беззащитных смертных. Небо стало совершенно черным, хотя, продираясь в слепящих клубах земляной пыли, путники едва ли заметили это. С каждой секундой грозовая мгла надвигалась на них с запада, и обезумевший ветер с яростной силой подгонял тяжелые тучи, готовые пролиться на землю неистовым ливнем. Наконец идти дальше стало невозможно, и Панамон, перекрикивая завывания ветра, приказал им остановиться.

— Все, дальше не пройти! Надо укрыться, пока не началась гроза!

— Мы не можем сейчас останавливаться! — сердито закричал в ответ Ши, но слова его почти потонули в резком порыве ветра.

— Не валяй дурака!

Крил с трудом приблизился к юноше и упал на одно колено, всматриваясь в клубы пыли и прикрывая глаза рукой от колючих песчинок. Справа он заметил высокий холм с выступающими глыбами огромных валунов, который мог бы защитить их от яростной бури. Резко свернув с невидимой тропы, он повернул к холму, жестом призывая друзей следовать за ним. Первые тяжелые капли дождя упали на землю, и измученные путники вздрогнули от его ледяного прикосновения, раскаты грома разрывались в ушах оглушительными ударами. Ши все еще всматривался в темный горизонт на севере, отказываясь подчиниться решению Панамона прекратить преследование, когда они были почти у цели.

Едва они успели добраться до каменистого укрытия, как Ши вдруг заметил какое-то движение. Яркая вспышка молнии высветила маленькую фигурку на далеком холме, которая отчаянно пыталась достичь вершины наперекор яростному ветру. Юноша громко закричал и порывисто схватил за руку Панамона, указывая на едва видимый в темноте холм. Все трое замерли, всматриваясь в бушующую черноту, и в тот же миг с неба обрушилась слепящая стена дождя, промочившая их до нитки. Ослепительный росчерк на небе вновь высветил далекий холм и крошечного смельчака, который был уже совсем близок к вершине. Затем вспышка утасла, и ливень припустил с новой силой.

— Это он! Он! — завопил Ши. — Я иду за ним!

Не дожидаясь товарищей, взволнованный юноша двинулся вниз по скользкому склону холма, твердо решив, что на этот раз меч от него не уйдет.

— Ши! Стой, Ши! — напрасно кричал ему вслед Панамон. — Кельтсет, держи его!

Быстро скатившись вниз по холму, тролль в несколько прыжков настиг маленького южанина, легко поднял его могучей рукой и понес назад к Панамону. Ши вопил и отчаянно брыкался, но у него не было ни малейшей надежды вырваться из железной хватки Кельтсета. Яростный ливень хлестал по незащитной земле, вымывая почву и камни и унося их в канавы, которые на глазах превращались в маленькие

бурные реки. Панамон завел друзей под выступы скал, не обращая внимания на нескончаемые жалобы и угрозы Ши, и принялся высматривать более надежное укрытие от бури на восточном склоне холма. Вскоре он заметил почти у самой вершины прекрасное убежище, окруженное с трех сторон огромными завалами камней, где они могли спрятаться если не от дождя и холода, так хотя бы от бушующего ветра. С трудом переставляя негнувшиеся ноги, друзья медленно поднимались наверх, пока наконец не добрались до каменистого укрытия, где и рухнули в изнеможении. Панамон махнул рукой Кельтсету, чтобы тот выпустил брыкающегося юношу. Разъяренный Ши подскочил к разбойнику, не обращая внимания на дождь, заливавший лицо.

— Ты что, спятил? — взорвался он, перекрикивая вой ветра и нескончаемые раскаты грома. — Я мог схватить его! Я мог...

— Ши, послушай меня! — резко перебил его Панамон, глядя в сердитые глаза юноши. Неожиданно буря над Северными землями поутихла, но лишь на мгновение. — Он был слишком далеко, мы бы не добрались до него в такую жуткую грозу! Да нас бы вмиг сдуло с того холма или покалечило на скользком склоне! В такой ливень слишком опасно лезть на высоту даже в десять футов, а там не одна миля. Успокойся, возьми себя в руки. Когда буря утихнет, мы просто подберем косточки этого несчастного карлика.

Ши хотел было поспорить с разбойником, но мало-помалу гнев уступил здравому смыслу, и юноша неохотно признал правоту Крила.

Могучие потоки дождя взрезали беззащитную землю, вырывая каменистые пласты почвы и перекраивая ее застывшие черты. Постепенно холмы начали оседать в переполненные водой канавы, древние равнины Стрелехейма мало-помалу расширялись, вливаясь в бескрайние Северные земли. Прижимаясь к холодным валунам, Ши вглядывался в сплошную пелену дождя, скрывавшую унылую безжизненную пустошь. Казалось, они были единственными живыми существами в этом царстве печали и запустения. Быть может, и их

тоже смоет этим нескончаемым водопадом и когда-нибудь жизнь здесь начнется заново, с горечью думал он.

Дождь не проникал в их небольшое убежище, но в промокшей насквозь одежде они никак не могли избавиться от ледяной сырости. Поначалу друзья молча ждали в надежде, что буря вот-вот закончится и они снова кинутся в погоню за Орлом Фейном, однако гроза все не унималась; постепенно им наскучило томительное ожидание, и друзья решили, что дождь не закончится до ночи. Чтобы подкрепить угасшие силы, они немного поели, хотя голод не мучил их, а потом попытались уснуть в своем тесном убежище. Панамон умудрился сохранить в дорожном мешке два сухих одеяла, завернутых в непромокаемую ткань, и протянул их Ши. Юноша с благодарностью отказался, не желая оставлять кого-нибудь из друзей в холоде, однако Кельтсет, которого, казалось, мало что могло смутить, уже спал. Поэтому Панамон и Ши сами завернулись в теплые одеяла, теснее прижались друг к другу и принялись молча смотреть на дождь.

Спустя некоторое время они разговорились о прошлом, о мирных временах и далеких странах, воспоминаниями о которых им хотелось поделиться в этот час уныния и одиночества. Как обычно, говорил почти один Панамон, однако его рассказы о былых странствиях отличались от прежних баск. Все невероятные подробности его удивительной жизни исчезли, и Ши вдруг почувствовал, что хвастливый разбойник впервые говорит о настоящем Панамоне Криле. Их неспешный, тихий разговор напоминал беседу двух близких друзей, которые встретились после долгой разлуки.

Панамон рассказал о своей юности, о выпавших на долю его родных тяжелых временах, которые длились до самого его взросления. Он не оправдывался, не сожалел — просто делился с Ши воспоминаниями о минувших годах. Маленький южанин рассказал о своем детстве, проведенном с братом Фликом, вспомнил их захватывающие, полные опасностей походы в Дульнский лес. Говоря о порывистом Менионе, он невольно улыбнулся и вдруг подумал, что Панамон был точно таким же в юности. За неторопливой беседой время летело незаметно; оттородившись от бури, они чувствовали стран-

ную близость, впервые со дня их знакомства. Медленно подступала ночь, и Ши казалось, что он понимает своего собеседника как самого себя, словно рядом с ним был родной человек. Быть может, Крил тоже стал лучше понимать его. Ши очень хотелось верить в это.

Наконец ночь объяла всю землю, и даже потоки дождя скрылись за ее густой чернотой, слышалось лишь завывание ветра да плеск воды в канавах. Неожиданно разговор зашел о спящем Кельтсете. Панамон и хрупкий юноша из Дола начали тихонько рассуждать о загадочной истории скального тролля, пытаясь понять, что заставило великана пуститься в опасное путешествие в Северные земли. Они знали, что здесь его родина. Быть может, тролль решил вернуться в далекие Чарнальские горы? Но разве он не был изгнан оттуда, пусть не своими же соплеменниками, а кем-то не менее могущественным и властным? Откуда посланник Черепа мог знать его? Даже Панамон признавал, что Кельтсет не похож на обыкновенного искателя приключений. Удивительное достоинство и отвага отличали могучего тролля, а в его молчаливой сосредоточенности чувствовался недюжинный ум. Было совершенно очевидно, что в прошлом Кельтсета скрывалась какая-то ужасная тайна, которой он не хотел делиться ни с кем. Нечто чудовищное произошло с ним, Панамон и Ши чувствовали, что это как-то связано с Повелителем чародеев, пусть и не напрямую. В глазах посланника Черепа промелькнул страх, когда он узнал скального тролля. Они еще немного поговорили, пока на рассвете их не сморил сон; они плотнее закутались в одеяла, защищаясь от сырости и ночного холода, и погрузились в дремоту.

Глава 27

— Эй, ты! Постой-ка!

Громкий властный голос раздался из темноты за спиной Флика, и насмерть перепуганный лазутчик чуть не подпрыгнул от неожиданности. Даже не пытаясь бежать, он медленно повернулся, мысленно прощаясь с жизнью. Все-таки его заместили! Онемевшие пальцы судорожно сжимали охотничий нож под плащом, но доставать его не было никакого проку. Пристально вглядываясь в ночной сумрак, он попытался различить неясный силуэт, который едва вырисовывался впереди. Флик плохо понимал язык карликов, но требовательных ноток в голосе было довольно, чтобы догадаться о смысле короткого приказа. Замерев от ужаса, он смотрел, как из тени палаток, не переставая браниться, выдвигается громоздкая неповоротливая фигура.

— Да не стой ты столбом! — произнес сердитый голос, когда этот шар на коротеньких ножках подошел ближе. — Не видишь — помощь нужна!

Флик с изумлением присмотрелся к обладателю ворчливого голоса и вдруг заметил, что приземистый карлик несет уйму подносов с тарелками, которые угрожающе сотрясались при каждом его шаге и лишь чудом удерживались на его толстых ручках. Не успев ни о чем подумать, Флик бросился на помощь карлику, взял у него верхние подносы и прижал к груди, тут же уловив дразнящий запах только что приготовленного жаркого с овощами, который просачивался из-под крышек на горячих блюдах.

— Ну вот, так-то лучше, — облегченно вздохнул карлик. — Еще один шаг, и я бы точно опрокинул всю эту стряпню. Народу видимо-невидимо, целая армия, а помочь отнести старейшинам обед никого не допросишься. Все карлики лентяи. Приходится мне самому со всем управляться. Вот досада! Только ты один и помог. Ты славный малый, я прослежу, чтобы тебя как следует накормили.

Флик почти ничего не понял из болтовни карлика, но это уже не имело значения. Самое главное — никто пока не заметил в нем самозванца. Мысленно поблагодарив благосклонную судьбу, Флик поудобнее пристроил тяжелые подносы, вполуха слушая веселую трескотню своего говорливого спутника. Гора тарелок на его коротеньких ручках опасно покачивалась. Скрытый глубоким капюшоном, настороженный Флик время от времени кивал, делая вид, что соглашается с карликом, а сам пристально всматривался в темные силуэты, которые двигались внутри большой освещенной палатки прямо перед ними.

Неожиданно Флик поймал себя на мысли, что именно в эту палатку он должен пробраться во что бы то ни стало и выяснить, кто там находится. Словно прочитав его мысли, карлик уверенно зашагал к откинутому пологу, держа перед собой гору посуды и повернув сморщенное желтое личико к Флику, очевидно, чтобы тот лучше слышал его неиссякаемый монолог. Теперь все стало понятно. В этой палатке находились старейшины карликов и троллей, из которых состояла огромная северная армия, и ужасный посланник Черепа. Именно для них Флик и его новый приятель несли обед.

«Я сошел с ума, — лихорадочно думал Флик. — Стоит им присмотреться ко мне получше, и они тотчас распознают во мне чужака».

Но несмотря на опасность, он должен был хотя бы одним глазком взглянуть на обитателей палатки.

Они подошли к входу и остановились перед двумя могучими троллями. Рядом с грозными часовыми Флик вдруг почувствовал себя маленьким и беззащитным. Он не решался оторвать глаза от земли, хотя и понимал, что при всем желании не сможет заглянуть троллям в лицо, просто потому, что

упрется взглядом в грудь часового, даже если распрямится во весь рост.

Впрочем, не в меру словоохотливого карлика, казалось, не слишком смущал его невеликий рост. Решительно подойдя к часовым, он что-то сердито рявкнул, очевидно ни минуты не сомневаясь, что в палатке его давно ждут с распростертыми объятиями. Или, по крайней мере, ждут обед. Один из постовых шагнул внутрь, быстро переговорил с кем-то и тут же вернулся, равнодушно кивнув двум коротышкам с подносами. Карлик тоже кивнул дрожащему от страха Флику и живо протиснулся мимо троллей в палатку. Едва осмеливаясь дышать, юный Омсфорд послушно двинулся за ним, мысленно моля судьбу о новом чуде.

В центре просторного шатра стоял массивный деревянный стол, рядом с ним, на высоких железных подставках, ровно горели факелы, довольно хорошо освещая даже дальние уголки. Вокруг деловито сновали тролли, разного роста и телосложения, совсем не похожие друг на друга. Кто-то уносил со стола скатанные в трубку схемы и карты, чтобы вернуть их в большой, окованный медью сундук, кто-то готовился приступить к давно ожидаемой вечерней трапезе. Все тролли были в военных мундирах, с нашивками высших чинов — матуренов.

В дальнем углу шатра, отделяя скрытое от глаз пространство, висел толстый гобелен, сквозь который не пробивался даже яркий свет факелов. Воздух в штабной палатке был тяжелый и дымный, и Флик вдруг почувствовал, как трудно стало дышать. Он заметил много оружия и доспехов, аккуратно сложенных на полу, на высоких железных стойках были развешаны помятые щиты, словно кто-то довольно неуклюже попытался украсить скучное убранство шатра. Всем своим существом Флик чувствовал присутствие крылатой твари и в конце концов решил, что посланник Черепа скрывается за выцветшим гобеленом. Злобное существо не нуждалось в пище, его брэнная оболочка давно обратилась в тлен, а дух жаждал лишь огня Повелителя чародеев.

Неожиданно рядом с гобеленом он заметил смутный силуэт человека на высоком деревянном стуле. В густом дыму,

за рослыми фигурами троллей, Флик не мог как следует рассмотреть его лицо. От мысли, что он вот-вот увидит брата, юноша невольно вздрогнул. В тот же миг нетерпеливые тролли подошли к Флику, забрали у него подносы с едой и принялись расставлять блюда на столе, почти полностью заслонив человека в дальнем углу палатки. Возвышаясь над приземистыми слугами, тролли о чем-то негромко переговаривались между собой, и Флик, ни слова не понимая в чудном языке, на всякий случай еще ниже опустил голову, чтобы предательский свет факелов не выдал его. Но удача снова улыбнулась ему — уставшие и голодные командиры троллей были слишком поглощены планами наступления, чтобы обращать внимание на необычное лицо довольно высокого карлика, который прислуживал им.

Наконец, водрузив последние подносы на огромный стол, матурены устало уселись вокруг, чтобы приступить к еде. Карлик, который привел Флика в штабную палатку, уже направился к выходу, однако взволнованный паренек чуть замешкался, чтобы краем глаза взглянуть на человека в дальнем углу.

Это был не Ши. Пленником оказался эльф лет тридцати пяти, с умным волевым лицом. Даже мимолетного взгляда хватило Флику, чтобы узнать в нем Эвентина, молодого эльфийского короля, от которого, по заверению Алланона, зависела победа или поражение всех Южных земель. Ведь именно великому западному королевству эльфов, которые всегда жили уединенной жизнью, удалось собрать самую сильную армию всего свободного мира. Если меч Шаннары исчез бесследно, только этот человек был способен остановить несметное полчище Повелителя чародесв, а теперь его собственную жизнь мог оборвать один-единственный приказ.

Вдруг Флик почувствовал на плече чью-то руку и вздрогнул от неожиданности.

— Давай-давай, шевелись, пора уже, — поторопил его карлик тихим шепотом. — Как-нибудь в другой раз посмотришь. Никуда он не денется.

Флик все медлил, и неожиданно в голове его созрел дерзкий план. Будь у него побольше времени на раздумья, он бы

ужаснулся от своего безрассудства, но думать было некогда, а о прежней своей осторожности и благоразумии он давно позабыл. Близился рассвет, и он не успевал покинуть лагерь и вернуться к Алланону до восхода солнца, к тому же важное задание, ради которого он и пришел, все еще оставалось невыполненным. Так что уходило было рано.

— Идем, я тебе говорю, нам надо... Эй, ты что делаешь-то? — взвизгнул карлик, когда Флик грубо схватил его за шиворот и подтолкнул к троллям. От громкого крика они перестали жевать и с любопытством уставились на двух коротышек.

Флик поднял руку и указал на связанного пленника. Тролли как по команде проследили за его взглядом. Затаив дыхание, Флик ждал, наконец один из командиров что-то спросил, остальные равнодушно пожали плечами и закивали.

— Да ты рехнулся! Совсем с ума сошел! — возмущался карлик, тщетно пытаясь понизить голос до шепота. — Какое тебе дело, поест этот эльф или не поест? Ну высохнет он от голода, ну помрет, нам-то что с того...

Договорить он не успел. Один из троллей подозвал их и протянул тарелку с едой. Флик замялся и посмотрел на возмущенного карлика, но тот лишь мотал головой и ворчливо бормотал что-то бессвязное.

— На меня можешь не смотреть! — воскликнул он с жаром. — Ты сам это придумал. Ты его и корми!

Из сердитого бурчания карлика Флик понял немного, но суть уловил верно и быстро шагнул вперед, чтобы взять тарелку. На мгновение он поднял голову и взглянул в лицо тролля, но, к счастью, широкий капюшон не выдал его. Флик плотнее запахнул плащ и осторожно направился в глубь палатки, душа его пела от счастья. Неужели его план удался? Оставалось только подобраться поближе к связанному пленнику и шепнуть ему об Алланоне, который непременно спасет его. Он с опаской оглянулся на троллей, но командиры уже забыли о странном происшествии и вернулись к прерванному ужину, лишь возмущенный карлик все еще смотрел ему вслед. Флик понимал, что где-нибудь на границе лагеря его безрассудный план никогда бы не сработал. Но никто и

представить себе не мог, что найдется безумец, который осмелится проникнуть в палатку командиров, под самым носом у часовых, в окружении тысяч солдат, да еще с ужасным посланником Черепа неподалеку.

Медленно, стараясь не выдать волнения, Флик подошел к пленнику, держа тарелку с едой перед собой; лицо юноши оставалось в тени. Для человека Эвентин был не слишком высокого роста, хотя для эльфа его фигуру можно было назвать крупной. Изорванная кольчуга прикрывала обычную походную одежду, в дымном свете факелов тускло поблескивал герб рода Элесседилов. Волевое лицо Эвентина было иссечено порезами, очевидно, последняя битва далась ему нелегко. На первый взгляд, в эльфе не было ничего особенного, такие лица не сразу выделяются в толпе. Когда Флик подошел ближе и остановился перед ним, Эвентин был спокоен и невозмутим, мысли его, казалось, витали где-то далеко. Словно почувствовав пристальный взгляд юноши, он чуть повернул голову, и темно-зеленые глаза сосредоточились на невысоком человеке, стоявшем прямо перед ним.

Глаза Эвентина потрясли юного Омсфорда. Страстная решимость, воля и спокойная уверенность, которые светились во взгляде эльфийского короля, отчего-то напомнили ему Алланона. Властный и неумолимый, этот взгляд словно притягивал к себе, требуя полного подчинения. Даже у Ба-линора Флик никогда не видел такого выражения, хотя все и признавали его очевидное первенство. Заглянув в глубокие зеленые глаза эльфа, Флик неожиданно испугался; точно так же он боялся смотреть в лицо мрачному друиду. Поспешно уткнув взгляд в тарелку, он лихорадочно думал, что делать дальше. Рука сама потянулась к вилке, и Флик медленно подцепил еще теплый кусок мяса. От троллей его скрывал дым чадающих факелов, да и света в этом дальнем углу палатки было немного. Но Флик не сомневался, что говорливый карлик внимательно наблюдает за ним, и малейшая оплошность могла стоить ему жизни.

Он осторожно поднял голову и повернулся к свету, чтобы пленник мог хорошо рассмотреть его черты. Глаза их встретились, и на невозмутимом лице эльфа промелькнула тень

любопытства, он удивленно приподнял бровь и внимательнее взглянул на юношу. В ответ тот выразительно поджал губы и снова уставился в тарелку. Эвентин не мог есть сам, поэтому Флик начал неторопливо кормить его, старательно обдумывая следующий шаг. Теперь плененный король знал, что перед ним не карлик, но юноша все же боялся заговорить с эльфом даже шепотом. За пыльным гобеленом, в нескольких дюймах от них, находился посланник Черепа, и если чудовище обладало острым слухом... Однако ничего другого не оставалось, и, прежде чем уйти, Флик должен был непременно сказать Эвентину очень важные слова. Это была его единственная возможность. Собравшись с духом, Флик чуть приблизился к эльфу и встал так, чтобы тролли не видели лица пленника.

— Алланон, — выдохнул он едва слышным шепотом.

Эвентин снял с вилки кусочек мяса и ответил слабым кивком, лицо его застыло и вновь стало бесстрастным и невозмутимым. Впрочем, Флику хватило и этого. Пора было выбираться отсюда, пока удача не отвернулась от него. Держа тарелку с недоеденным ужином, он медленно развернулся и пошел через всю палатку к сердитому карлику, на лице которого было написано плохо скрываемое нетерпение. Командиры еще сидели за столом, и, проходя мимо, Флик слышал их негромкий увлеченный разговор. В его сторону тролли даже не взглянули. Не останавливаясь, Флик сунул тарелку изумленному карлику, что-то невнятно пробормотал ему на ходу и быстро вышел из палатки, проскочив между двумя часовыми, прежде чем тот успел опомниться. Беспечной походочкой он уже уходил прочь от шатра, когда на пороге неожиданно возник карлик и громко завопил что-то совершенно непонятное. Впрочем, Флик и не пытался понять его ворчливую тарабаршину. Обернувшись, он весело помахал маленькому человечку, улыбнулся довольной улыбкой и исчез в темноте.

На заре армия Севера начала наступление на юг, главной целью огромного полчища был Каллахорн. Не дождавшись Флика, Алланон с тревогой смотрел вслед уходящему войску из укрытия у подножия Драконьих Зубов, а несчастный ла-

зутчик был вынужден продолжать свой маскарад и при свете дня. Утром зарядил проливной дождь, и перепутанный Флик едва не бросился наутек в страхе, что вода смоем желтый грим, который Алланон нанес на его кожу. Однако бежать среди бела дня было слишком опасно, и Флик только плотнее закутался в плащ и постарался ничем не привлекать внимания. Вскоре он промок до нитки, но, к счастью, краска прочно сидела на коже и вовсе не думала смываться. Она лишь слегка побледнела, но перед выступлением в лагере царила такая суматоха, что никто не обращал друг на друга внимания. Да и ненастье, которое обрушилось на равнины Стрелехейма в то утро, было только на руку Флику. Погожий летний денек скорее бы расположил воинов к беспечной расслабленной болтовне, а теплое солнышко заставило бы всех снять тяжелые плащи. Если бы Флик один продолжал идти в низко надвинутом капюшоне, он бы тотчас привлек к себе внимание, а без спасительной накидки его грубый грим стал бы всем заметен. Любой, кто бросил бы даже мимолетный взгляд в его сторону, при ярком свете непременно увидел бы, что юноша даже отдаленно не напоминает карлика. А пока, никем не узнаваемый, он шагал по мокрой траве пустынных равнин вместе с несметной армией Севера к южному королевству Каллахорн.

Ливень не утихал до вечера и, как выяснилось потом, еще несколько дней кряду. Низкие грозовые тучи с недовольным грохотом клубились между небом и землей черной ворчливой массой. Дождь то лил стеной, подгоняемый неустойчивым западным ветром, то оборачивался унылой моросью, даря обманчивую надежду на скорое завершение ненастья. Стало очень холодно, и насквозь промокшая армия дрожала под ледяным ветром, проклиная непогоду.

Весь этот изнурительный день Флик шагал вместе со всеми, с трудом продираясь сквозь нескончаемый дождь и пронизывающий ветер, и все же чувствовал невероятное облегчение оттого, что может не привлекать к себе внимания. Он старался не идти слишком долго в одной и той же группе, всегда держался чуть поодаль от остальных и постоянно из-

бегал любой мало-мальской возможности быть вовлеченным в разговор. В огромной армии Севера было несложно часто менять окружение и не попадаться вновь на глаза тем, с кем ты недавно шагал бок о бок, к тому же никто не пытался выстроить войско стройными колоннами, и солдаты двигались беспорядочной толпой. То ли дисциплина у северян была совсем никудышная, то ли наоборот — вымуштрованные солдаты просто не нуждались в старших офицерах и сами поддерживали образцовый порядок. Однако, поразмыслив над этим, Флик решил, что только страх перед вездесущими посланниками Черепа и их таинственным Учителем удерживает каждого карлика или тролля от безрассудства. Как бы там ни было, маленький южанин оставался еще одним солдатом армии Северных земель и с нетерпением дожидался темноты, когда можно будет под покровом ночи сбежать к Алланону.

День уже клонился к вечеру, когда армия подошла к затопленным берегам в верховьях Мермидона и остановилась прямо напротив острова Керн. Решено было снова разбить лагерь. Командиры быстро поняли, что переправляться через бурную реку в проливной дождь чрезвычайно опасно, к тому же для перевозки солдат требовались большие плоты. Плотов не было, значит, их пришлось бы построить. На это мог уйти не один день. Гроза, скорее всего, утихнет, воды Мермидона спадут, и перебраться на другой берег будет несложно. А тем временем, пока Менион Лих еще безмятежно спал в доме Ширл Рейвенлок, народ Керна с ужасом смотрел на огромное полчище, понимая, какая опасность угрожает их городу. Северяне не смогут обойти остров стороной, чтобы двинуться к своей главной цели — в Тирсис. Они непременно попытаются захватить Керн, и сделать это будет несложно, ведь остров очень маленький, да и защищает его лишь небольшой гарнизон. Падение города было неизбежно, вражеской армии оставалось лишь переждать непогоду.

А Флик меж тем думал только о том, как незаметно улизнуть из лагеря. Гроза могла вот-вот утихнуть, и он снова остался бы совершенно беззащитным посреди тысяч врагов. Но

даже больше разоблачения он боялся скорой битвы северян с Пограничным легионом Каллахорна, тогда ему пришлось бы сражаться против своих же друзей.

С тех пор как впервые, всего несколько недель назад, Флик повстречал Алланона в окрестностях Тенистого Дола, он сильно изменился, в нем открылась неведомая прежде внутренняя сила и уверенность, которую он уже и не надеялся обрести. Однако последние сутки стали для юноши настоящим испытанием храбрости и силы духа, даже закаленный в жестоких переделках Хендель вряд ли назвал бы этот поход легкой прогулкой. Маленький южанин, беззащитный и совершенно неприспособленный к таким проверкам на прочность, чувствовал, как страх с каждой минутой овладевает им все больше и больше и последние остатки мужества стремительно тают.

Единственной причиной, по которой он отважился пуститься в опасное путешествие в Паранор, был, конечно, Ши. К тому же только брат, с его спокойной убежденностью, мог влиять на осторожного, недоверчивого Флика, который смотрел на мир с мрачной подозрительностью. А теперь Ши исчез, не подавая о себе весточки, и привыкший во всем полагаться на него Флик, хотя и не оставлял надежды найти брата, чувствовал себя безмерно одиноким. Мало того что он оказался в чужой земле, за много миль от родного дома, был вынужден сражаться с таинственным существом, даже не принадлежащим к миру смертных, так он еще тайком проник в армию Повелителя чародеев, где любой солдат мог разоблачить его каждую минуту. Положение его было совершенно безнадежным, и Флик уже начал сомневаться, есть ли хоть малейшая польза от того, что ему уже удалось сделать.

Пока громадное войско в сыром предвечернем сумраке ставило лагерь на берегах Мермидона, несчастный юноша испуганно пробирался сквозь толпы солдат, отчаянно пытаясь сохранить в душе покидающую его решимость. Дождь лил как из ведра, превращая неясные силуэты солдат в серые движущиеся тени, которые сливались с промокшей землей в единую унылую пелену. Разводить костры в такое ненастье никто не пытался, тьма быстро сгущалась, и уже скоро стало

трудно разглядеть лицо стоящего рядом. Флик осторожно шел по темному лагерю, запоминая расположение командирских палаток, позиции часовых и мысленно оценивая силы карликов и троллей. Если Алланон попытается спасти эльфийского короля, эти сведения могут ему пригодиться, рассудил он.

Огромный шатер, где находились командиры троллей и их пленник, Флик заметил сразу, даже в густой мгле из дождя и тумана. Он не был уверен, что Эвентин все еще там, быть может, его отвели в другую палатку или даже отослали из лагеря перед решительным наступлением. Два могучих тролля по-прежнему охраняли вход в шатер, однако внутри не было заметно никакого движения. Несколько томительных минут Флик наблюдал за тихой палаткой, а потом осторожно пошел дальше.

Когда спустилась ночь и уставшие воины устроились на мокрой холодной земле, чтобы забыться тяжелым беспокойным сном, Флик решил, что другого времени для побега не будет. Он совершенно не представлял, где сейчас Алланон, но был уверен, что друид непременно последовал за армией северян, когда та двинулась к Каллахорну. Увидеть Алланона в темной дождливой ночи он не надеялся, оставалось только дожидаться утра в каком-нибудь надежном укрытии, а на рассвете попытаться найти его. Закутавшись в мокрый плащ, Флик бесшумно пробирался к восточной окраине лагеря, осторожно переступая через сложенное на земле оружие и мешки, обходя дремлющих воинов, которые зябко жались друг к другу.

В ту ночь он вполне мог пройти через лагерь с открытым лицом. Хотя непрерывный дождь начал наконец ослабевать, крошечная тьма и серое облако тумана, которое стелилось над мокрой травой равнин, затягивали воздух густой пеленой, и рассмотреть что-либо дальше собственного носа было совершенно невозможно. Флик снова подумал о брате. Соглашаясь проникнуть в лагерь под видом карлика, он надеялся отыскать Ши, но так ничего и не узнал. С первой же минуты пребывания среди тысяч врагов он был готов к разоблачению, но удача оказалась снисходительной, и он по-преж-

нему оставался неузнанным. Если ему посчастливится незаметно ускользнуть из лагеря и разыскать Алланона, они вместе найдут способ помочь плененному королю эльфов...

Задумавшись, Флик вдруг остановился и присел на корточки рядом с накрытой холстиной грудой тяжелой поклажи. Даже если ему повезет и он вернется к друиду, как они смогут помочь Эвентину? Придется искать Балинора за крепостными стенами Тирсиса, а на это уйдет драгоценное время. И не забудут ли они о пропавшем брате, пока станут вызывать из плена эльфийского короля, чья жизнь сейчас, после потери великого меча, конечно, более важна для народов Южных земель, чем жизнь никому не известного хрупкого юноши из Дола? А если Эвентину что-нибудь известно о судьбе Ши? Быть может, он даже знает, куда увезли меч Шаннары?

Уставший разум Флика отчаянно зацепился за новую надежду. Ничего важнее спасения брата для него не существовало. Мысль о том, что никто даже не пытается найти Ши, с тех пор как Менион отправился в Каллахорн, а могущество Алланона оказалось бессильно, не давала ему покоя. Если Эвентин действительно знает что-нибудь о судьбе брата, Флик непременно должен поговорить с ним.

Дрожа в стылom ночном воздухе, он протер мокрые от дождя глаза и пристально взгляделся в серый туман. Возвращение в лагерь казалось совершенно безумной затеей. Изнуренный тяжелым походом, дрожащий от страха Флик с трудом держался на ногах. Но, всматриваясь в непроницаемый сумрак ночи, он понял, что никогда не простит себе, если не воспользуется такой прекрасной возможностью еще раз попытать счастья.

«Безумие, настоящее безумие!» — думал он в отчаянии.

Возвращение означало верную гибель, его непременно убьют, как только он попытается... освободить Эвентина.

Внезапно он понял, что именно это и собирается сделать. Только король эльфов мог знать что-нибудь о пропавшем брате, Эвентин был его последней надеждой. Слишком много усилий было потрачено за этот мучительный, нескончаемый день, когда каждую секунду обман мог раскрыться, и лишь

чудо спасло его от смерти. Ему даже удалось пробраться в штабную палатку троллей и шепнуть плененному королю одно только слово, но чего это стоило! Быть может, слепая судьба помогала ему, и проблеск ее был чудесным и мимолетным, как само счастье, но Флик не мог остановиться на полдороге. Он слабо улыбнулся робким росткам безрассудства в собственной душе и даже удивился, что столько лет мог жить, не подозревая о страстном желании ответить на вызов опасности, которое ныне с легкостью поймало его в ловушку и стремительно несло к гибели. Замерзший, измученный, доведенный до отчаяния сомнениями и страхами, Флик должен был непременно пройти этот путь до конца, просто потому что случай привел его сюда. Именно его. Флик мрачно представил себе, как улыбнулся бы Менион Лих, узнав его мысли, и вдруг остро почувствовал, как ему не хватает сейчас своенравного горца с его безрассудной храбростью. Однако принц был далеко, а время стремительно таяло...

Едва осознавая, что делает, он пошел обратно тем же путем, мимо спящих воинов, осторожно пробираясь сквозь клубы мутного тумана к длинному шатру матуренов. Остановившись неподалеку, он пристально смотрел на темную палатку, чувствуя, как пот ручейками стекает по разгоряченному лицу на мокрый плащ, смешиваясь с липким туманом. Жестокие сомнения снова начали одолевать его. А что, если жуткий прислужник Повелителя чародеев, этот бездушный убийца, все еще в палатке и только и ждет, когда какой-нибудь глупец попытается освободить Эвентина? А может, короля эльфов давно уже нет в лагере и он напрасно вернулся?

Глубоко вздохнув, Флик решительно отмел все сомнения и, призывая на помощь остатки храбрости, оторвал взгляд от затянутой туманом палатки. Мглистая темнота скрывала даже силуэты часовых у входа. Сунув руку под мокрый плащ, Флик достал короткий нож, свое единственное оружие. Он вспомнил место, где находился связанный Эвентин накануне вечером, и мысленно прикинул, на какой стене парусиновой палатки необходимо сделать разрез. Затем он медленно двинулся вперед.

Флик скорчился рядом с мокрой палаткой и прислушался к живым звукам, доносящимся изнутри, грубая ледяная ткань больно отпечаталась на его щеке. Должно быть, он стоял так не меньше четверти часа, с тревогой вслушиваясь в тяжелое дыхание и немелодичный храп спящих северян. От идеи проникнуть в палатку через передний вход он сразу отказался, понимая, что тогда придется на ощупь пробираться мимо спящих троллей, чтобы добраться до Эвентина. Он вспомнил место, рядом с тяжелым гобеленом, отделяющим дальний угол палатки, где сидел привязанный к стулу пленник. Затем он воткнул острие своего почти игрушечного ножа в промокшую толстую парусину и принялся пилить; работа продвигалась мучительно медленно, казалось, что с каждым нажимом разрез почти не увеличивается.

Он не знал, сколько минут или часов у него ушло на то, чтобы сделать трехфутовую прореху, помнил только, как без устали пилил в ночной тишине и дрожал от страха, что треск рвущейся ткани перебудит всю палатку. Время словно остановилось, и вскоре Флику начало казаться, что он один в огромном лагере и под завесой из дождя и черного тумана нет ни единой живой души. Ничто не двигалось в кромешной темноте ночи, и звук голосов не доносился до его ушей. Быть может, он и вправду остался один в целом мире на эти несколько страшных минут...

Длинный, почти до земли, разрез в блестящей от дождя парусине зиял в темноте, приглашая войти внутрь. Флик опасно нащупал руками дорогу сразу за дырой. Сухой парусиновый пол был таким же холодным, как и мокрая земля, в которую упирались колени Флика. Он осторожно просунул голову в дыру, с опаской вглядываясь в глубокую черноту палатки, наполненную дыханием спящих воинов. Глаза медленно привыкали к темноте, и Флик отчаянно пытался выровнять дыхание, сердце колотилось от страха — он все еще был снаружи, и любой проходящий мимо мог заметить его.

Понимая, как опасно и дальше оставаться у всех на виду, он набрался смелости и медленно продвинулся вперед. Вокруг слышался мерный храп и беспокойное дыхание, кто-то

с шумом перевернулся на другой бок в темноте за его спиной. Никто не просыпался. Не смея шелохнуться, Флик замер на корточках у самого разреза и сидел так несколько долгих минут, отчаянно стараясь различить в чернильной темноте силуэты спящих, мебель и сложенные на полу вещи.

Казалось, ожидание продлится вечно, но в конце концов он смог рассмотреть скорченные тела троллей, они лежали по всей палатке, зябко кутаясь в теплые одеяла. К своему ужасу, Флик вдруг заметил, что один из спящих лежит всего в нескольких дюймах от него. Если бы юноша сразу начал пробираться дальше, то непременно наступил бы на тролля. Страх нахлынул на него с новой силой, и Флик едва сдержался, чтобы не броситься вон из палатки. Он чувствовал, как по спине ползут липкие струйки пота, и отчаянно пытался унять дрожь. Все чувства его были обострены до предела, пылающая голова разрывалась от чудовишного напряжения, однако позже Флик не вспомнил ничего из переживаний тех страшных минут в палатке. Милосердная память просто стерла их, оставив лишь яркую картинку, которая навсегда отпечаталась в его разуме. Флик сразу заметил худошавую фигуру Эвентина; теперь король не сидел на стуле, а лежал на полу всего в нескольких футах от него, темные глаза эльфа были открыты и выжидающе смотрели на юношу. Флик не ошибся, выбирая место для входа в палатку. Мягко ступая, он с великой осторожностью подошел к Эвентину и быстро перерезал тугие веревки на руках и ногах эльфа.

Как только король эльфов смог идти сам, две темные фигуры торопливо двинулись к выходу. Эвентин чуть замешкался и взял какой-то предмет, который лежал возле спящего тролля. Флик не стал разглядывать, что взял эльф, и быстро выскользнул в черный туман за прорехой. Оказавшись снаружи, он припал к земле и встревоженно огляделся. Тишину ночи нарушал лишь назойливый стук дождя. Через минуту полотнище шатра вновь открылось, из дыры выбрался Эвентин и застыл рядом со своим спасителем. В руках у него была дождевая накидка и широкий меч. Завернувшись в плащ, он сдержанно улыбнулся испуганному, но безмерно

счастливому Флику и тепло пожал ему руку, безмолвно выражая свою благодарность. В ответ Флик широко улыбнулся и кивнул.

Итак, его дерзкий план сработал, и Эвентин Элесседил был спасен под самым носом у сонных врагов. Это был счастливейший миг в жизни Флика Омсфорда. Окрыленный победой, он не думал о том, как они выберутся из лагеря. Самое страшное было позади, а все остальное казалось ему парой пустяков. Пробираясь в палатку, он думал только о том, как освободить пленника, и вот теперь настало время задуматься о следующем шаге, но, пока они медлили, подходящий момент был упущен.

Откуда ни возьмись вынырнули трое вооруженных до зубов часовых и тотчас заметили две темные фигуры, которые прятались за командирской палаткой. На мгновение все замерли, затем Эвентин распрямился во весь рост и встал прямо перед дырой в парусиновой стене. К изумлению Флика, эльф не только не растерялся, а спокойно поманил к себе часовых и что-то быстро произнес на языке троллей. Услышав родную речь, стражники беспечно опустили длинные пики и, чуть помедлив, пошли к ним. Эвентин отступил в сторону, открывая зияющую прорезь в палатке за его спиной, и предостерегающе кивнул Флику, когда тролли ринулись вперед. Перепуганный парень отошел, крепко сжимая нож, скрытый плащом. Тролли подошли ближе и с недоумением уставились на дыру в шатре, и тогда Эвентин взмахнул мечом.

В следующий миг две часовых уже лежали бездыханные с перерезанными глотками. Третий тотчас закричал, зовя на помощь, яростно ринулся на Эвентина и распорол ему плечо, но потом тоже медленно осел на раскисшую землю, сраженный точным ударом. Снова все смолкло. Привалившись к палатке, белый как мел Флик с ужасом смотрел на мертвых троллей, пока раненый Эвентин пытался остановить кровь, которая хлестала из раны в плече. Вдруг они услышали в темноте громкие голоса.

— Куда идти? — сильным шепотом спросил Эвентин, крепко сжимая в здоровой руке окровавленный меч.

Флик молча подскочил к королю и махнул рукой в темноту за его спиной. Голоса становились все громче, они были слышны уже с разных сторон, и, не мешкая больше ни секунды, беглецы ринулись прочь из лагеря. Почти вслепую пробирались они между скрытыми темной пеленой палатками и грудami амуниции, спотыкаясь на скользкой траве, в клубах густого тумана, в отчаянной попытке оторваться от преследователей. Голоса троллей за спиной почти смолкли, но уже вскоре тишину вновь прорезали их тревожные крики, когда они обнаружили убитых часовых. В ночном воздухе взвился резкий звук боевого горна троллей, и перебуженные воины армии Севера вскочили, хватаясь за оружие.

Флик бежал первым, лихорадочно пытаясь вспомнить самый короткий путь к границам лагеря. Чудовишный страх мешал думать, и он понесся наугад, не разбирая дороги, подгоняемый единственным желанием как можно скорее вырваться из ненавистного лагеря. Морщась от боли, раненый Эвентин старался не отставать от своего спасителя. Он понимал смятение юноши и громким криком призывал его к осторожности.

Но было уже слишком поздно. Не успел Эвентин договорить, как они со всего маху налетели на кучку полусонных северян, разбуженных боевым горном. Обе стороны не ожидали столкновения, и, захваченные врасплох, все упали на землю, запутавшись в один большой клубок. Флик чувствовал, как его толкают и пинают невидимые руки и ноги, и начал яростно отбиваться, вслепую размахивая ножом. Раздались вопли ярости и боли, и его ненадолго оставили в покое. Флик вскочил на ноги, а уже через мгновение опять упал под новыми ударами. Заметив тусклый блеск меча, взметнувшегося над его головой, юноша едва успел подставить нож и отвести удар. Еще несколько минут они барахтались на земле, и Флик с трудом уворачивался от цепких рук, стараясь вырваться из свалки тяжелых брыкающихся тел. Весь в синяках и порезах, то и дело падая без сил, но упорно поднимаясь, он отчаянно продирался сквозь груды вопящих тел, громко выкрикивая имя Эвентина.

Флик так и не понял, что умудрился напороться на отряд невооруженных северян, которые были безмерно удивлены, когда он неистово набросился на них, размахивая ножом. Несколько минут они пытались прижать его к земле и отобрать оружие, но напуганный до смерти парень отбивался с такой яростью, что они никак не могли его удержать. Эвентин тотчас бросился на подмогу, прорубаясь сквозь толчею, чтобы помочь юноше, и под его напором враги наконец отступили и бросились врассыпную в спасительную темноту. Быстро расправившись с самым упорным, довольно крупным карликом, который сидел верхом на Флике, Эвентин взял юношу за ворот плаща и поставил на ноги. Парень еще мгновение продолжал отчаянно вырываться и размахивать руками, но, увидев, кто его держит, тотчас успокоился. Отовсюду доносились оглушительные звуки горна и нарастающий гул пробудившейся армии. Напрасно Флик пытался расслышать, что говорит ему король, — голова все еще гудела от полученных ударов.

— ...найти самый короткий путь. Не беги, иди уверенно, но не спеша. Если ты побежишь, на нас сразу обратят внимание. Идем!

Голос Эвентина смолк в темноте, сильная рука крепко сжала плечо Флика, развернув его. Глаза их встретились на мгновение, и испуганный парень тут же опустил голову, чувствуя, как пронизывающий взгляд эльфа заглядывает прямо в его душу. Ступая бок о бок, они двинулись к границе потревоженного лагеря, держа оружие наготове. Флик совершенно успокоился, разум его работал теперь быстро и четко. Внимательно глядя перед собой, он с легкостью находил ориентиры, которые старался запомнить по пути к палатке, и понимал, что движется в правильном направлении. Страх и неуверенность остались в прошлом, шагая рядом с невозмутимым и сильным духом Эвентином, он чувствовал, как в душе его крепнет мужество и спокойная решимость. Словно сам Алланон шагал сейчас рядом с ним — только загадочный друид излучал такую же стойкую уверенность, которая исходила от эльфийского короля.

Мимо пронеслись взволнованные солдаты, но никто не остановил их, никто не заговорил с ними. Никем не замеченные, они спокойно прошли через сумятицу поднятого по тревоге гудящего лагеря и приблизились к линии постов на границе. Со всех сторон доносились крики и гвалт северян, но постепенно звуки становились все тише, оставаясь у них за спиной. Дождь наконец перестал, лишь тяжелый туман плотной пеленой лежал на земле от равнин Стрелехейма до самого Мермидона. Флик мельком взглянул на своего спутника и с тревогой отметил гримасу боли на его лице; левая рука Эвентина висела плетью и сильно кровоточила. Отважный эльф быстро уставал, все больше и больше слабея от потери крови, лицо его побелело и осунулось. Флик невольно замедлил шаг и подошел ближе, чтобы подхватить раненого эльфа, если тот начнет падать.

Они дошли до границ лагеря как раз вовремя — весть о происшествии в штабной палатке троллей еще не успела долететь до часовых. Однако звуки боевого горна заставили их насторожиться, и патрульные собрались небольшими группами, держа оружие наготове. На счастье, тролли были уверены, что опасность исходит от врага за пределами лагеря. Повернувшись спиной, они напряженно всматривались в темноту, а Флик с Эвентином тем временем незаметно подошли вплотную к границе. Не мешкая ни секунды, король ровным шагом прошел между постами, уверенный, что темнота, туман и общее смятение помогут им и дальше оставаться незамеченными.

Драгоценное время стремительно таяло. Еще несколько минут, и огромная армия будет выстроена к маршу, а на поиски беглецов немедленно отправят стражников, как только станет известно об исчезновении пленника. В безопасности он окажется, только если удастся добраться до границ Керна, сразу на юге, или до отрогов Драконьих Зубов, к востоку от которых начинались непроходимые леса. Времени оставалось мало, и Эвентин решил рискнуть, даже если для этого придется открыто пройти мимо патрулей.

Не таясь, они уверенно прошагали между двумя постами и решительно направились к темным равнинам. Им удалось

пройти незамеченными и миновать цепь постов, как вдруг сразу несколько часовых окликнули их. Не останавливаясь и не прибавляя шаг, Эвентин чуть повернул голову и спокойно помахал им здоровой рукой, крикнув что-то в ответ на языке троллей. Флик осторожно ступал следом, замерев от напряженного ожидания. Часовые в нерешительности смотрели им вслед. Затем один из них громко вскрикнул и побежал вдогонку, размахивая руками. Эвентин велел Флику поспешить, и они бросились бежать. С яростными воплями двадцатка стражников ринулись в погоню, воинственно размахивая пиками.

Сразу стало ясно, что силы неравны. Эвентин и Флик были легче своих преследователей и в другое время без труда ушли бы от погони. Но эльф был серьезно ранен и потерял много крови, а Флик едва держался на ногах от усталости после всех испытаний, свалившихся на него в последние два дня. Сильные и отдохнувшие стражники быстро нагоняли их. Оставалось только уповать на спасительный туман и молить об удаче. Силою дыша и спотыкаясь на каждом шагу, беглецы неимоверным усилием воли заставляли себя двигаться вперед. Скользящая трава мелькала перед глазами, смешиваясь с черной полосой тумана. Не видя впереди ни гор, ни леса, где можно было бы укрыться, они чувствовали, как силы стремительно тают.

Внезапно из темноты впереди, блеснув железным наконечником, вылетело копье и впилося в грудь Эвентина, пригвоздив его к земле. Только сейчас Флик с ужасом вспомнил о внешнем кольце часовых. Из тумана вынырнул стражник и кинулся к упавшему элфу. Собрав последние силы, раненый король резко перекатился на бок, уворачиваясь от занесенного меча, который тут же воткнулся в землю у него над головой, и поднял свой меч. Бегущий воин упал и коротко охнул, напоровшись на клинок.

Флик застыл на месте, в ужасе ожидая появления других стражников. Но никого не было. Бросившись к Эвентину, юноша выдернул копье и с трудом поднял короля на ноги. Эвентин прошел несколько шагов и снова упал. Испуганный

Флик рухнул на колени рядом с эльфом, отчаянно пытаясь привести его в чувство.

— Нет... нет, со мной все кончено, — услышал он наконец сиплый стон. — Я не могу идти дальше...

Из темноты донеслись крики часовых. Совсем скоро преследователи будут здесь! Флик снова попытался поднять Эвентина на ноги, но не смог, король лежал на земле без всяких признаков жизни. Беспомощно озираясь, юноша крепко сжал в руке нож и ждал. Отчаяние и страх захлестнули его разум, и он громко закричал в темноту:

— Алланон! Алланон!

Крик быстро затих в ночи. Снова зарядил дождь, усердно поливая и без того промокшую насквозь землю, огромные лужи быстро разливались на топком лугу. Близился рассвет, хотя в такую погоду невозможно было точно определить время. Замерев от ужаса, Флик съехался рядом с недвижимым эльфом и прислушался к голосам, которые становились все ближе и ближе. Густой туман по-прежнему застилал воздух, но юноша точно знал, что враги совсем рядом. И вдруг он вспомнил, что забыл спросить у Эвентина о пропавшем брате, и горькая безысходность вновь наполнила его сердце. Услышав громкие крики слева, он вздрогнул и повернул голову. Из тумана показались неясные силуэты. Все-таки они нашли его! Флик угрюмо поднялся, чтобы достойно встретить врагов.

В следующее мгновение темная мгла между ним и стражниками взорвалась ослепительным огнем, полыхнувшим словно из-под земли, и чудовищная сила швырнула Флика на землю. Столбы искр и горящая трава взметнулись в воздух, и мощные взрывы, один за другим, сотрясли землю. Смутные фигуры часовых бесследно исчезли. Трескучее пламя огромными колоннами вытянулось вверх, пробиваясь к небесам сквозь темноту и туман. Шурясь от ярких вспышек неистового огня, Флик решил, что наступил конец света. Несколько бесконечных минут сплошная стена пламени в неукротимой ярости кромсала закопченную землю, корежа ночной воздух, и Флик кожей чувствовал ее палящий жар. На-

конец невидимая сила с жутким шипением выплюнула последний сгусток огня, и землю затянуло густой завесой пара и черного дыма. Совсем скоро в воздухе осталось лишь небольшое жаркое облако и, смешиваясь с дождем, начало медленно остывать.

Флик опасливо встал на одно колено и вгляделся в пустоту перед собой. Скорее почувствовав, чем услышав шаги за спиной, он резко повернулся и увидел, как из клубов тумана и пара медленно выходит высокая черная фигура в развевающемся плаще. Решив, что сам ангел смерти пришел за ним, Флик с ужасом смотрел на жуткий силуэт. Только когда видение подступило совсем близко, он вздрогнул и узнал таинственного странника. Перед ним стоял Алланон.

Глава 28

Едва последние беженцы с острова Керн прошли через огромные ворота Внешней стены Тирсиса, как по безоблачному темно-голубому небу ослепительным светом растеклась заря. Дождь перестал, туман развеялся, и бескрайний черный свод из грозowych туч, который так долго нависал над землями Каллахорна, наконец отпустил небо. Насквозь промокшая земля не могла впитать всю воду, и поросшие травой равнины поблескивали на солнце небольшими озерцами. Чистое васильковое небо приветливо смотрело на землю, радостно встречавшую новый день. Несколько часов кряду граждане Керна прибывали в город небольшими группками. Уставшие и испуганные, они с ужасом вспоминали страшную ночь, но неясное будущее тревожило их еще больше. Родной остров был захвачен, хотя не все беженцы еще знали, что северяне подожгли Керн в отместку за неожиданное нападение на их лагерь.

Спасение жителей обреченного города прошло без помех, и, хотя дома их сгорели, все люди остались живы и благополучно добрались до безопасной пока крепости. Обманутые дерзкой атакой небольшого отряда, который отвлек на себя даже дальние посты часовых, северяне решили, что на лагерь напала огромная армия, и в панике не заметили, как горожане погрузились на плоты и направились вниз по течению. Когда они догадались, что их атаковала лишь горстка смельчаков, остров уже опустел и стремительные воды Мермидона унесли плоты с горожанами далеко на юг.

Измученный Менион Лих вошел в Тирсис одним из последних. За время десятимильного перехода от берега реки до города раны на его ногах снова открылись, но он наотрез отказался от носилок и шел сам. Когда они ступили на широкий мост, ведущий к воротам Внешней стены крепости, силы почти оставили его, и принц непременно упал бы, если бы не друзья. Верная Ширл, которая ни на минуту не оставляла его, отказываясь даже поспать, поддерживала принца с одной стороны, а с другой Менион чувствовал надежную руку Януса Сенпре, хотя тот был изможден не меньше его.

Молодой командир легиона уцелел в той ужасной битве и покинул осажденный остров на небольшом плоту вместе с Менионом и Ширл. Пережитые вместе испытания сблизили их, и по дороге в древнюю крепость они откровенно разговаривались, хотя и так, чтобы не слышали остальные, о роспуске Пограничного легиона. Оба считали, что перед угрозой нападения на Тирсис огромной армии Севера знаменитый легион необходим как никогда. И только Балинор, который до сих пор не подавал о себе никаких вестей, мог возглавить его. Нужно было как можно скорее разыскать принца и вновь собрать защитников крепости, даже если брат Балинора не станет отменять свой глупый приказ.

Ни горец, ни юный офицер легиона даже не подозревали, как трудна их задача, хотя уже догадывались, что Балинор схвачен по приказу брата сразу при входе в Тирсис несколькими днями раньше. И все же они верили, что Повелителю чародеев не удастся уничтожить крепость так же легко, как остров Керн. На этот раз они никуда не уйдут и примут бой.

Сразу за воротами их встретили дворцовые стражники в черных мундирах, передали теплые слова приветствия от короля и вежливое, но весьма настойчивое приглашение навестить его немедленно. Когда Янус Сенпре заметил, что беспокоить смертельно больного, прикованного к постели короля не слишком удобно, капитан стражников поспешно, хотя и несколько запоздало, добавил, что во дворец их приглашает не король, а его младший сын Паланс. Менион ужасно обрадовался — он сгорал от нетерпения попасть во дворец и начать действовать. Об усталости и боли он тут же позабыл, хотя

друзья и не отходили от него, готовые прийти на помощь в любую минуту. Капитан стражи подал знак часовым у Внутренней стены, тотчас подали нарядный экипаж для доставки во дворец важных гостей. Менион и Ширл забрались в коляску, однако Янус наотрез отказался ехать с ними, сославшись на то, что хотел бы сначала проверить, как разместили его солдат в опустевших казармах легиона. С обезоруживающей улыбкой он пообещал присоединиться к ним позже.

Когда карета немного отъехала от Внутренней стены, молодой офицер с невозмутимым лицом сдержанно помахал рукой Мениону. Затем, вместе с седовласым Фандрезом и еще несколькими офицерами, он решительно зашагал к казармам легиона. А тем временем Менион, сидя в карете, задумчиво улыбался и крепко держал Ширл за руку.

Королевский экипаж миновал ворота во Внутренней стене и медленно покатился по Тирсовой дороге, запруженной народом. В тот день жители древней крепости поднялись рано, чтобы встретить несчастных беженцев из сожженного города, с готовностью предлагая пищу и кров как старым знакомым, так и совершенно чужим людям. Каждому хотелось побольше узнать о наступлении северян, которые уже скоро могли прийти и в их родной город. Толпы напуганных людей бродили по тесным улицам, встревоженно переговариваясь друг с другом. Заметив пышную карету, медленно проезжавшую по мостовой в сопровождении дворцовых стражников, горожане останавливались, с любопытством глядя ей вслед. Некоторые узнавали стройную девушку с темно-рыжими волосами, оттенявшими усталое, бледное лицо, и с изумлением приветствовали Ширл. Внезапно Менион снова почувствовал острую боль в ногах и порадовался, что не пришлось идти пешком.

Огромный город мелькал мимо них чередой домов и перекрестков. Казалось, весь Тирсис вышел на улицы, мужчины, женщины, дети от мала до велика — все спешили куда-то шумными толпами. Принц Лиха глубоко вздохнул и, не выпуская руки девушки, откинулся на мягкие подушки. Глаза его закрылись, и уставший разум нерешительно скользнул за серую дымку тумана. Шум городской толпы быстро

затих и превратился в слабый убаюкивающий гул, который мягко подталкивал Мениона в объятия долгожданного сна.

Он уже плыл по ласковым волнам дремоты, когда кто-то осторожно встряхнул его за плечо, возвращая в реальный мир. Менион открыл глаза и увидел дворцовые предместья, карета взбиралась по широкому мосту Сендика. Принц невольно залюбовался залитыми солнцем парками и садами под сводами моста, тенистые лужайки с ухоженными роскошными клумбами были восхитительны. Повсюду царили покой и уют, словно эта часть Тирсиса не имела никакого отношения к остальному городу и его шумным обитателям, которые и создали эту изумительную красоту.

На противоположном конце моста гостеприимно распахнулись дворцовые ворота. Менион не поверил собственным глазам. Вдоль всей подъездной дороги, застыв в почтительном ожидании, выстроились ряды солдат королевской гвардии в черных мундирах с изображением сокола. Где-то за оградой невидимые трубы громогласно возвестили о прибытии кареты. Принц был ошеломлен. Такой пышной церемонии удостоивались лишь величайшие правители Четырех земель, и это правило неукоснительно соблюдалось в немногих сохранившихся монархиях Юга. Помпезность встречи и нарочитая демонстрация военной силы означали, что Паланс Бухханн не только намеренно пренебрегает тревожными обстоятельствами, повлекшими их прибытие, но и совершенно не уважает сложившиеся за века традиции.

— Да он совсем обезумел! — взорвался разъяренный Менион. — Неужели он не понимает, что происходит? Не нашел лучшего времени для показушных парадов, когда северяне вот-вот будут здесь и каждый защитник крепости на счету!

— Прошу тебя, Менион, будь осторожен в разговоре с принцем. Мы должны быть терпеливы, если хотим помочь Балинору. — Сжав его руку, Ширл заглянула в лицо Мениона и застенчиво улыбнулась. — А еще помни, что он любит меня. Пусть он и совершает странные поступки, но когда-то он был хорошим человеком, к тому же Паланс родной брат Балинора.

Нетерпеливый и вспыльчивый Менион хоть и с большой неохотой, но признал правоту девушки. Показывая свое возмущение глупым маскарадом, он ничего не добьется; пока они не узнают, где прячут Балинора и не освободят его, благоразумнее будет проявлять снисхождение ко всем причудам принца. Карета вкатилась в дворцовые ворота и торжественно проехала перед застывшим строем солдат из отборной королевской гвардии. Приветствуя гостей, по двору четкими рядами проехал небольшой отряд кавалеристов под неумолчный гром фанфар. После этого карета мягко остановилась, и рядом с ней появилась внушительная фигура нового правителя Каллахорна; на широком лице Паланса блуждала робкая улыбка.

— Ширл! Дорогая, я думал, что больше никогда тебя не увижу! — Он открыл дверцу и помог хрупкой девушке сойти по ступенькам, на мгновение прижал к себе, затем отступил на шаг, любуясь ею. — Я... я думал, что потерял тебя навсегда.

Менион надел на лицо маску невозмутимости, стараясь не показать ярость, kloкотавшую внутри. Выбравшись из кареты, он встал рядом с ними и сдержанно улыбнулся Палансу, когда тот развернулся, чтобы приветствовать гостя.

— Принц Лиха, ты самый желанный гость в моем королевстве, — приветствовал он худошавого горца, тепло пожимая ему руку. — Ты оказал мне... неоценимую услугу. Все, что у меня есть, — твое, безраздельно! Мы станем большими друзьями, ты и я. Большими друзьями! Прошло уже... так много... с тех пор...

Он вдруг замолчал, сбившись с мысли, и пристально взгляделся в лицо Мениона. Речь принца была путаной и бессвязной, он словно не понимал, о чем говорит.

«Может, он и не совсем обезумел, — подумал Менион, — но с головой у него точно не в порядке».

— Я счастлив оказаться в Тирсисе, — ответил он вслух, — несмотря на печальные события, которые привели меня сюда.

— Ты, конечно, говоришь о моем брате? — Вопрос прозвучал резко, как будто его собеседник снова очнулся от забытья, лицо принца вспыхнуло.

Менион с недоумением смотрел на странную перемену.

— Паланс, принц имеет в виду вторжение армии Севера и падение Керна,— поспешно объяснила Ширл.

— Ах да, Керн...— Взгляд его снова затуманился, в глазах вдруг появилась тревога, словно он что-то искал и не мог найти.

Менион беспокойно огляделся и с удивлением отметил, что рядом с ними нет Стенмина. И Ширл, и Янус в один голос говорили, что советник никогда не оставляет принца одного. Он быстро перехватил настороженный взгляд девушки.

— Что-то случилось, милорд? — подчеркнуто официально спросил Менион, пытаясь вернуть внимание Паланса, и сочувственно улыбнулся, изображая обеспокоенного друга, готового прийти на помощь. Незатейливый обман принес неожиданные результаты.

— Ты можешь помочь мне... и моему королевству, Менион Лих,— тотчас отозвался Паланс.— Мой брат жаждет занять мое законное место на троне. Он хотел убить меня. Мой советник Стенмин спас меня от коварства Балинора, но враги не дремлют... они повсюду! Мы с тобой должны стать друзьями. Будем вместе бороться с подлыми изменниками, которые хотят захватить корону... они похитили мою любимую... но ты вернул ее мне. Я... я не могу говорить со Стенмином... как с другом не могу... А вот с тобой... с тобой можно говорить!

Словно маленький ребенок, он пылливо смотрел на изумленного Мениона Лиха, дожидаясь ответа. Острая жалость к младшему сыну Рула Буханна внезапно захлестнула горца, и он искренне захотел хоть чем-нибудь помочь этому несчастному человеку. Печально улыбнувшись, он согласно кивнул.

— Я знал, что ты поймешь меня! — взволнованно воскликнул принц, смеясь от радости.— Ведь в наших жилах течет королевская кровь, а значит... мы похожи. Мы станем замечательными друзьями, Менион. Ну а пока... тебе надо отдохнуть.

Казалось, он неожиданно вспомнил, что гвардейцы по-прежнему стоят в парадном строю, терпеливо дожидаясь, пока принц даст команду разойтись. Резко взмахнув рукой, новый правитель Каллахорна повел своих гостей в старинный дво-

рец рода Букханнов, на ходу кивнув командиру гвардейцев, что должно было означать завершение парада и возвращение солдат к их ежедневной службе. Все трое поднялись по ступенькам дворца и вошли в распахнутые двери, где их уже ждала толпа слуг, чтобы проводить гостей в отведенные им покои. Неожиданно принц остановился, повернулся к идущим следом Мениону и Ширл и, наклонившись к ним, произнес доверительным шепотом:

— Мой брат заточен в темнице, прямо под нами. Вам нечего бояться. — Он выразительно посмотрел на них, потом бросил быстрый взгляд на удивленных слуг, почтительно ожидавших поодаль. — А знаете, у него ведь повсюду друзья...

Менион и Ширл кивнули, потому что именно этого он от них и ждал.

— А он не убежит? — осторожно закинул удочку Менион.

— Он пытался этой ночью... вместе с друзьями. — Паланс довольно улыбнулся. — Но мы их поймали и тоже заперли... теперь они все в темнице... навсегда. Стенмин сейчас там... вы должны с ним познакомиться...

Принц резко распрямился, снова не закончив мысль, и внимание его переключилось на слуг. Подозвав нескольких из них, он громко приказал проводить его друзей в их комнаты, чтобы они могли умыться с дороги и облачиться в чистую одежду, перед тем как присоединиться к нему за завтраком. Приглашение на завтрак пришлось весьма кстати — с прошлого вечера они ничего не ели. Мениону необходимо было срочно перевязать наспех замотанные раны, и домашний лекарь уже стоял наготове, с бинтами и снадобьями. А еще он нуждался в отдыхе, но с этим придется подождать. Они уже пошли по длинному коридору в сопровождении слуг, когда Паланс вдруг окрикнул Ширл и бросился за ними. Неуверенными шагами он приблизился к изумленной девушке и порывисто обнял ее. Менион отвернулся, но слова принца расслышал отчетливо.

— Ты не должна снова уходить от меня, Ширл. — Слова прозвучали мягко, но это была не просьба, а приказ. — Твой дом теперь здесь, в Тирсисе, и ты станешь моей женой.

Повисло тягостное молчание.

— Паланс, я думаю, мы...— начала Ширл дрогнувшим голосом.

— Нет, не говори ничего. Никаких разговоров... не сейчас,— быстро перебил Паланс.— Позже... когда мы будем одни, ты отдохнешь... у нас еще много времени. Ты ведь знаешь, как я люблю тебя... всегда любил. И ты меня любишь, я знаю.

Снова наступила тишина, потом Ширл быстро прошла мимо Мениона, слуги торопливо бросились за ней, чтобы показать дорогу в ее комнату. Горец молча пошел вслед за девушкой, он не смел догонять ее, чувствуя спиной пристальный взгляд Паланса. Ширл шла, низко опустив голову, длинные волосы скрывали ее лицо, загорелые руки были крепко сцеплены перед грудью. В полном молчании слуги проводили их до гостевых покоев в западном крыле старинного дворца. Менион вошел в свою комнату и позволил настойчивому лекарю обработать раны на ногах и перевязать их свежими бинтами. Чистая одежда лежала на огромной, с поломом, кровати на четырех столбиках, горячая ванна уже ждала его, но задумчивый Менион не смотрел по сторонам. Он торопливо выскочил в пустынный коридор и легонько постучал в дверь Ширл. Когда он вошел, осторожно прикрыв за собой тяжелую деревянную дверь, девушка поднялась с кровати, порывисто подбежала к нему и крепко обняла тонкими руками.

Несколько минут они молча стояли обнявшись, чувствуя тепло друг друга, казалось, невидимые нити ласково оплетают их, навсегда связывая их души неразрывными узами. Менион нежно гладил медно-рыжие волосы девушки, осторожно прижимая ее голову к груди. Теперь он точно знал, что судьба Ширл зависит от него. Одинокая и беззащитная, она отчаянно просила у него помощи, и Менион вдруг понял, что безумно влюблен.

Как странно, что это случилось именно теперь, когда весь мир стремительно летел в пропасть и смерть уже затаилась на пороге. Бурные события последних недель бросали Мениона из одной ужасной схватки в другую, снова и снова он вынужден был бороться за свою жизнь с существами, не под-

властными человеческому разуму, и лишь загадочная легенда о мече Шаннары и Повелителе чародеев примиряла принца Лиха с удивительным поворотом в его судьбе. С тех пор как он покинул Кулхейвен, его закрутил головокружительный водоворот невероятных приключений. Лишь преданность хрупкого паренька из Дола и новые друзья, с которыми они вместе совершили полный опасностей поход в Паранор и которых он теперь потерял, вселяли в его сердце слабую надежду на то, что, даже если весь мир полетит в тартарары, останется нечто прочное и неизменное. Потом судьба подарила ему встречу с Ширл Рейвенлок, и новая череда опасных событий, которые они пережили вместе, связала их прочными узами. Менион закрыл глаза и крепче прижал девушку к себе.

Своим наивным признанием о подземной тюрьме, где томился Балинор и его друзья, Паланс, сам того не ведая, облегчил им задачу. Очевидно, одна попытка побега уже сорвалась, и новой оплошности нельзя было допустить. Менион шепотом заговорил с Ширл. Если Паланс настоит, чтобы девушка осталась во дворце для ее же безопасности, за каждым ее шагом станут следить. Но гораздо хуже было то, что юный принц Букханн, искренне убежденный в пылкой любви девушки, был совершенно одержим желанием жениться на ней. Разум нового короля Каллахорна медленно затмевала темная пелена безумия, оставляя лишь редкие проблески сознания его сломленной душе. Если болезнь завладеет им безраздельно, узников ждет печальная участь...

Менион не стал размышлять, что будет дальше. На это просто не было времени. Когда армия Севера подойдет к воротам города, будет уже слишком поздно. Балинора необходимо освободить как можно скорее. Он мог рассчитывать на помощь Януса Сенпре, но дворец охраняли преданные Палансу гвардейцы в черных мундирах. О старом короле, казалось, никто ничего не знал, его не видели уже несколько недель. Если верить его сыну, Рул Букханн смертельно болен и не встает с постели, но ведь и Палане утверждал это со слов своего загадочного советника.

Ширл уже подмечала, что Стенмин повсюду следует за принцем, однако с тех пор, как они прибыли в Тирсис, мистика нигде не было видно. Это казалось тем более странным, что молва утверждала, будто все решения давно уже принимает советник, который лишь прикрывается своим неуравновешенным господином. Еще в Керне, в зале городского Совета, отец Ширл уверял, что Стенмин обладает необъяснимой властью над младшим сыном Рула Буханна. Менион не знал, как мистика удалось добиться такого влияния на Паланса, но был убежден, что именно он виновен в странном поведении наследника. Впрочем, у них совсем не было времени разгадывать эти загадки, и оставалось довольствоваться тем немногим, что удалось узнать.

Когда Менион вернулся в свою комнату, собираясь наконец смыть дорожную пыль и облачиться в чистую одежду, план освобождения Балинора уже складывался в его голове. Насладившись горячей ванной, он продолжал обдумывать каждую мелочь, когда вдруг раздался стук в дверь. Накинув заботливо оставленный прислугой халат, он быстро прошел через комнату, открыл дверь и увидел дворцового слугу, который держал в руках меч Лиха. Обрадованный, Менион поблагодарил и бережно положил бесценное оружие на кровать, только теперь вспомнив, что забыл меч в карете. Рассеянно одеваясь, он с гордостью вспоминал славную историю доблестного клинка. С того дня, как Ши пришел к нему в Лих, верный меч побывал уже не в одном сражении и каждый раз выручал своего хозяина. За эти несколько недель им вместе пришлось пережить столько невероятных приключений, сколько не каждому доведется испытать и за целую жизнь.

С грустью думая о пропавшем друге, Менион в тысячный раз спрашивал себя, жив ли еще хрупкий паренек из Дола. Он снова корил себя за то, что не отправился на поиски Ши, когда жизнь юноши, быть может, зависела от него. Вместо этого он вновь позволил Алланону управлять собой и теперь чувствовал глгую вину за предательство, которое невольно совершил. Мысль о брошенном друге была невыносима, и все же друид не неволил Мениона идти в Тирсис и горев

сам выбрал этот путь. Ведь кроме Ши в его помощи отчаянно нуждались и другие люди...

Задумчиво меря шагами просторную спальню, он наконец устало погрузился в мягкие объятия широкой кровати. Нашупав прохладную сталь меча, он лежал на спине и думал о будущем. Перед глазами вдруг возникло испуганное лицо Ширл, глаза девушки с мольбой вглядывались в его лицо. Он не может бросить ее здесь и отправиться на поиски Ши. Как вообще можно выбирать, кто из этих двоих важнее в его жизни? А ведь от него зависела и судьба Балинора, других узников, да и всего народа Каллахорна. Оставалось лишь надеяться, что Алланон с Фликом найдут пропавшего юношу и спасут его, если, конечно, Ши до сих пор жив. Уже засыпая, Менион вновь подумал о том, сколько испытаний выпало на их долю и как много зависело от них. Оставалось только молиться, чтобы судьба не отвернулась от них, и ждать. Молиться и ждать... Измученный разум Мениона наконец сдался, и принц мягко провалился в спасительный сон.

Однако уже через мгновение что-то заставило его проснуться. Слабый ли шорох или острое чутье опытного охотника — что бы это ни было, только оно спасло Мениона от верной гибели. Затаив дыхание, он неподвижно лежал на кровати, вслушиваясь в едва уловимый скребущий звук, который доносился от дальней стены, и вдруг увидел сквозь полуприкрытые веки, как на ней зашевелился гобелен. Казалось, часть грубой каменной стены кто-то вытолкнул наружу, и из темного проема беззвучно выскользнула согнутая фигура в темно-красном одеянии.

Сердце Мениона бешено заколотилось, и лишь усилением воли он заставил себя не вскочить с кровати и не схватить своего таинственного гостя. Закутанный в красное незнакомец быстро оглядел комнату и бесшумно направился к неподвижно лежащему горцу. Подойдя совсем близко, он вдруг остановился и выхватил из-под плаща длинный острый кинжал.

Менион не шевелился, рука его по-прежнему лежала на рукояти меча. Он выждал, пока злодей с кинжалом не оказался в одном шаге от кровати, а потом вскочил с быстротой

молнии. Сильный и проворный как кошка, принц Лиха стремительно метнулся к вздрогнувшему от неожиданности незнакомцу и замахнулся над его головой все еще убраным в ножны мечом. Злодей отскочил и едва успел выставить перед собой кинжал. Меч взметнулся во второй раз, и кинжал звякнул о каменный пол, выпав из онемевших от боли рук. Не медля, Менион бросился на врага, всем весом сбил его с ног и придавил к полу, выкручивая ему руку и сжимая пальцы на горле.

— Кто тебя послал, подлый убийца? Отвечай! — злое ще прорычал Менион.

— Нет, нет, постойте, вы ошибаетесь... Я не враг... прошу вас, мне нечем дышать...

Он резко замолчал, хватая ртом воздух, и из его горла донесся громкий булькающий звук. Однако Менион вовсе не собирался отпускать злодея. Пристально вглядываясь в незнакомые черты, он решил, что никогда прежде не видел этого человека. Обрамленное маленькой черной бородкой узкое длинное лицо было искажено болью, а горящие ненавистью глаза незнакомца не оставляли никаких сомнений в его намерениях. Менион быстро отступил в сторону и рывком поднял пленника на ноги, другой рукой не выпуская его тощей шеи.

— Что ж, поведай мне о моей ошибке. У тебя есть минута, прежде чем я отрежу тебе язык и позову стражу!

Он отпустил горло врага и тут же схватил его за багровый плащ. Отшвырнув меч на кровать, он мгновенно поднял с пола кинжал, держа его наготове, на случай если незнакомец снова надумает напасть.

— Это подарок, принц Лиха... Подарок от короля, — проговорил пленник дрожащим голосом, пытаясь успокоиться. — Король лишь хотел выразить свою благодарность, и я... я просто вошел через другую дверь, чтобы не нарушать ваш покой.

Он выжидающе замолчал, острые глазки не отрываясь смотрели на горца. Казалось, его не слишком заботило, поверит ли ему Менион, он словно ждал, пока юноша увидит что-то еще... Принц резко потрянул его, притягивая хитрое костлявое лицо к своему.

— В жизни не слышал такой бездарной лжи! Как твоё имя, негодай?

При этих словах глаза злодея полыхнули жгучей ненавистью.

— Я Стенмин, личный советник короля. — Казалось, он совершенно овладел собой. — И я сказал вам истинную правду. Паланс Букханн действительно попросил меня передать для вас подарок. В моих намерениях не было зла. Если не верите, можете спросить у короля. Спросите у него!

В голосе этого человека звенела такая непобедимая уверенность, что Менион понял — Паланс подтвердит даже самый неправдоподобный рассказ своего советника. У него в руках оказался самый опасный человек в Каллахорне, злобный и коварный мистик, тайно управлявший страной, единственный, кто мог помешать Мениону освободить Балинора. Принц Лиха не понимал причины необъяснимой ненависти этого человека, которого он видел впервые в жизни, зато прекрасно понимал, что, отпустив его или уличив в попытке покушения перед Палансом, снова поставит свою жизнь под угрозу. Он грубо швырнул мистика в кресло и велел сидеть тихо. Стенмин замер, взгляд его блуждал по комнате, руки нервно теребили острую бородку. Краем глаза наблюдая за ним, Менион лихорадочно думал, как лучше поступить. Решение пришло мгновенно. Он мог больше не откладывать освобождение Балинора до лучших времен — выбор был сделан за него.

— Вставай, мистик, или как тебя там!

Стенмин снова начал буравить принца своими злобными глазками, и Менион в бешенстве выдернул его из кресла.

— Я не задумываясь прикончу тебя, освободив народ Каллахорна от такой гадины. Но пока ты мне нужен. Ты отведишь меня в темницу, где заперт Балинор с друзьями. Живо!

При упоминании имени Балинора глаза Стенмина расширились от изумления.

— Откуда вы... узнали о нём... об этом изменнике? — удивленно воскликнул мистик. — Король сам приказал заточить своего брата в тюрьму, чтобы тот сидел там до тех пор, пока не сгниет заживо. Принц Лиха, даже я не...

Стенмину не удалось договорить — Менион схватил его за горло и с силой сдавил. Негодяй сдавленно всхлипнул и побагровел.

— Я не просил твоих оправданий. Я велел отвести меня к Балинору!

Он еще сильнее сжал пальцы, и хрипящий мистик бешено закивал. Менион наконец выпустил его шею, и почти задохнувшийся пленник без сил упал на колени. Горец торопливо скинул халат и облачился в свою одежду, потом пристегнул меч и сунул за пояс кинжал. Мгновение он размышлял, не разбудить ли спящую в соседней комнате Ширл, но быстро отказался от этой мысли. Хватит того, что он собирался рисковать своей жизнью, не стоило впутывать девушку в такую опасную затею. Если ему удастся освободить друзей, они еще успеют вернуться за ней. Менион повернулся к мистику, выхватил из-за пояса кинжал и поднес к его лицу.

— Если ты попытаешься обмануть меня, подлый убийца, я верну тебе этот прекрасный подарок, который ты так любезно преподнес мне, — процедил он сквозь зубы. — Так что не пытайся хитрить. Сейчас мы выйдем из этой комнаты, и ты поведешь меня потайными лестницами и коридорами к тюрьме, где вы прячете Балинора и его друзей. Не вздумай позвать стражу, ты даже рта не успеешь раскрыть. Если ты все же сомневаешься в моих словах, я попробую тебя убедить. Так слушай — в этот город меня прислал Алланон.

Услышав имя друида, Стенмин смертельно побледнел, и в его изумленных глазах мелькнул неподдельный ужас. Он покорно направился к двери спальни, Менион шел следом, не выпуская рукояти кинжала. Самым главным теперь было время. Он должен как можно скорее освободить узников и захватить безумного Паланса, пока не опомнилась дворцовая стража. А потом Янус Сенпре приведет всех, кто еще верен Балинору, и власть в стране будет возвращена законному наследнику без кровопролития.

Огромная армия Севера наверняка уже выстраивалась на зеленых лугах напротив острова Керн для наступления на Тирсис. Если удастся быстро собрать Пограничный легион,

они смогут остановить врага на северном берегу Мермидона. Войско Повелителя чародеев не осмелится переходить разлившуюся реку, если на другом берегу их будет ждать достойный отпор, поэтому северянам придется искать обходные пути. На это уйдет несколько дней, и к Тирсису успеет подойти армия Эвентина. Менион понимал, что их судьба решится через несколько минут.

Они осторожно вышли из комнаты. Менион быстро огляделся по сторонам, высматривая стражников в черных мундирах, но коридор был пуст, и горец молчаливым жестом велел Стенмину идти вперед. С большой неохотой мистик повел юношу через центральную часть дворца, петляя по самым глухим закоулкам древнего здания и старательно избегая мест, где они могли встретить людей. Дважды по дороге они встречали королевских гвардейцев, и каждый раз утрюмый и сосредоточенный Стенмин молча проходил мимо, низко наклонив голову.

Сквозь зарешеченные окна Менион видел окружавшие дворец Букханнов роскошные сады, залитые мягким солнечным светом. Утро было в самом разгаре, и оставалось совсем немного до того часа, когда старинное здание очнется от сна и его коридоры вновь наполнятся привычными звуками хлопотливого дня. Паланса Букханна нигде не было видно, и Менион очень надеялся, что дворцовые обязанности отвлекут принца.

Постепенно со всех сторон стали доноситься голоса. Все чаще им встречались слуги, спешащие куда-то по своим обычным делам. Проходя мимо, они нарочито не замечали Стенмина и его спутника, и Менион с радостью отметил, что никто здесь не любит мистика и не доверяет ему. Вскоре они подошли к массивной двери, ведущей в дворцовое подземелье. Рядом с дверью, закрытой на огромный железный засов, стояли двое вооруженных стражников.

— Не делай глупостей! — резким шепотом предостерег Менион, когда они подходили к часовым.

Они медленно подошли ближе и остановились, настороженный горец небрежно положил руку на рукоять кинжала

и застыл за спиной Стенмина. Стражники с любопытством посмотрели на него и перевели взгляд на королевского советника.

— Откройте дверь, — приказал тот. — Мы с принцем Лиха желаем осмотреть винный погреб и подземелья.

— По приказу короля никому не позволено входить сюда, милорд, — с нажимом произнес часовой, стоящий справа от двери.

— А я здесь именно по приказу короля! — сердито закричал Стенмин и тут же получил от Мениона легкий тычок в спину.

— Часовой, это же личный советник короля, а не какой-нибудь злоумышленник, — проговорил горец с притворной улыбкой. — Мы просто осматриваем дворец, а поскольку именно я спас нареченную его величества, король очень надеется, что мне удастся узнать ее похитителей. Впрочем, если моих слов вам недостаточно, я могу потревожить короля и пригласить его спуститься сюда...

Он многозначительно замолчал, надеясь, что страх перед непредсказуемым поведением короля остановит стражников и они хорошенько подумают, прежде чем звать Паланса. Так и случилось. Лишь мгновение часовые колебались, потом молча кивнули и, отодвинув засовы, отошли в сторону. Сразу за внушительной дверью начиналась уходящая вниз каменная лестница. Не говоря ни слова, Стенмин шагнул вперед. Казалось, он полностью подчинился воле Мениона и готов выполнять все его приказания, однако горец понимал, что мистик вовсе не так прост. Если Балинор выйдет на свободу и вновь соберет Пограничный легион, его власти над тронном Каллахорна придет конец, а Стенмин был не из тех, кто сдается без боя. Он наверняка задумал ответный удар и только ждал подходящего момента. Тяжелая дверь бесшумно закрылась за ними, и они начали спускаться в освещенный факелами подвал.

Менион почти сразу увидел люк в полу погреба. Его даже поленились снова заставить винными бочонками, лишь надежно укрепили железные засовы крест-накрест на камен-

ной крышке, навсегда лишив узников надежды выбраться наружу. Менион не знал, что после неудачного побега этим утром его друзей даже не стали снова запира́ть в камеру, и теперь они блуждали в темноте по бесконечным подземельям дворца. Возле закрытого люка поставили двух часовых, они настороженно взирали на двух гостей, спускавшихся по ступенькам лестницы. Менион заметил тарелку с остатками сыра и хлеба и два стакана с вином рядом с наполовину опустошенной бутылкой. Бдительные стражники пьянствовали. Горец едва заметно улыбнулся.

Когда они шагнули со ступенек на каменный пол, Менион принялся с деланным интересом разглядывать подвал и начал непринужденно беседовать со своим молчаливым спутником. Стражники медленно поднялись и с испугом уставились на королевского советника, который был явно чем-то недоволен. Горец понимал, что своим неожиданным посещением они застали часовых врасплох, и постарался тут же воспользоваться неожиданной удачей.

— Я знаю, о чем вы думаете, милорд. — Он яростно сверкнул глазами на мистика, когда они приблизились к часовым. — Выпивать на посту! А если бы заключенные сбежали, пока эти двое валялись тут пьяные в стельку? Придется доложить об этом безобразии королю, как только завершим обход.

При упоминании короля стражники побелели от страха.

— Господин, мы не виноваты, — умоляющим тоном пролепетал один из них. — Мы только принесли с собой немного вина к завтраку. Мы и не думали напиваться...

— Это уж решать королю, — перебил его Менион, взмахнув рукой.

— Но... король не станет слушать...

При виде такого нахального обмана Стенмин едва не закипел от ярости, однако стражники неправильно поняли его негодование, решив, что советник возмущен их поведением. Напрасно мистик пытался хоть что-нибудь сказать — Менион тут же подскочил к нему и притворился, будто пытается удержать своего спутника от немедленной расправы над несчастными стражниками, а сам тем временем выпнул кинжал и приставил к груди Стенмина.

— Разумеется, они лгут, — спокойно продолжил Менион тем же тоном. — Однако король человек занятой, и мне не хочется беспокоить его по таким пустякам. Быть может, на этот раз ограничимся предупреждением...

Он обернулся на стражников, которые тотчас закивали, отчаянно пытаясь избежать гнева всемогущего Стенмина. Как и все в королевстве, они смертельно боялись той власти, которой мистик обладал над юным принцем, и готовы были любой ценой загладить свою вину, лишь бы не разозлить его.

— Что ж, прекрасно, вам повезло. — Менион убрал кинжал в ножны и развернулся к дрожащим от страха часовым. — А теперь откройте люк и приведите сюда заключенных.

Принц Лиха встал рядом со Стенмином и кинул на него грозный взгляд. Однако мрачный мистик, казалось, вовсе не замечал горца, глаза его неотрывно смотрели на каменную плиту, преграждавшую путь в древнюю темницу. Испуганно переглянувшись, часовые не двинулись с места.

— Господин, король никому не разрешает видеться с узниками... что бы ни случилось, — выдохнул наконец один из стражников. — Я не могу вывести их из подземелья.

— Значит, вы осмеливаетесь ослушаться королевского советника и его гостя? — Менион предвидел отказ и был готов идти до конца. — Тогда нам остается только вызвать сюда короля...

Этого оказалось достаточно. Не прекословя больше, стражники кинулись к каменной плите и торопливо отодвинули все засовы. Потом они с силой потянули за железное кольцо, и крышка люка с тяжелым стуком откинулась на каменный пол. Держа наготове мечи, они начали кричать в зияющую черноту, приказывая узникам подниматься наверх. Вскоре послышался звук шагов по каменной лестнице. Менион терпеливо ждал с мечом в руке, стоя рядом со Стенмином. Свободной рукой он крепко сжимал руку мистика, сквозь зубы приказывая тощему советнику не двигаться и держать рот на замке. Наконец из ямы показался широкоплечий Баалинор, за ним поднялись братья-эльфы и крепыш Хендель, который всего несколько часов назад пытался освободить

пленников и сам попал в западню. Сначала узники не заметили Мениона. Горец быстро вышел вперед, не выпуская руки угрюмого Стенмина.

— Вот так, пусть выходят, следите за ними. С такими людьми нужно держать ухо востро. Никогда не знаешь, чего от них ожидать.

Измученные пленники коротко переглянулись, с трудом скрывая изумление при виде принца Лиха. Менион торопливо подмигнул им из-за спин стражников, и все четверо тут же отвернулись, лишь радостная улыбка, промелькнувшая на лице юного Даэля, едва не выдала их. Пленники вышли из подземелья и остановились в нескольких шагах от стражников, повернувшись спиной к горцу. И вдруг, не успел Менион опомниться, как невозмутимый до сих пор Стенмин вывернулся из его руки и с громким криком отпрыгнул в сторону.

— Предатель! Стража, ко мне...

Закончить он не успел. Пока растерянные часовые бестолково оглядывались вокруг, Менион вихрем налетел на убежавшего мистика и повалил его на каменный пол. Стражники слишком поздно поняли свою ошибку. Четверо узников ринулись в атаку, одним прыжком они подскочили к остолбеневшим тюремщикам и разоружили их, прежде чем те успели сообразить, что происходит. В считанные секунды стражников связали, заткнули рты и оттащили в дальний угол подвала, чтобы их не сразу увидели. Без особого почтения изрядно помятого Стенмина рывком подняли на ноги и поставили рядом, чтобы мистик снова не взбунтовался. Менион с тревогой поглядывал на закрытую дверь над лестницей, но никто не появлялся. Оставалось надеяться, что крик Стенмина не услышали наверху. Друзья наконец подошли к нему и принялись хлопать его по спине и пожимать руки, на их усталых лицах светились благодарные улыбки.

— Менион Лих, мы никогда не сможем отплатить тебе за твою отвагу.— Великан Балинор взял его руку и крепко сжал.— Я и не думал, что нам суждено снова свидеться. А где Алланон?

Менион коротко рассказал, как расстался с Алланом и Фликом возле лагеря северян, чтобы отправиться в Каллахорн и предупредить о скором наступлении на Тирсис. Отвлекаясь на минуту, чтобы всунуть кляп в рот Стенмина, на случай если советник снова попытается позвать на помощь стражников за дверью подвала, горец рассказал о спасении Ширл Рейвенлок, о бегстве с ней в Керн, а потом и под древние стены Тирсиса, после осады и сожжения острова. Друзья мрачно слушали, не перебивая.

— Не знаю, что нас ждет завтра, горец, — негромко произнес Хендель, — но сегодня ты проявил себя настоящим героем, и мы никогда этого не забудем.

— Надо немедленно собрать Пограничный легион и отправить его на берег Мермидона, — вмешался Балинор. — Еще мы должны как можно скорее предупредить горожан, а потом найти отца и... брата. Но кровопролития я не хочу. Дворец и армию я должен вернуть миром. Что, если мы попросим помощи у Януса Сенпре? Как думаешь, Менион, он надежный человек?

— Он верен тебе и королю, — кивнул горец.

— Немедленно отправляйся к нему, пока мы здесь, — продолжал принц Каллахорна, стремительно подходя к связанному мистика. — Когда он прибудет с подмогой, мой брат останется без поддержки. Но что же случилось с отцом?

Возвышаясь над хмурым Стенмином, Балинор выдернул из его рта кляп и уставился на советника тяжелым взглядом. Тот поежился, переполненные ненавистью глаза беспокойно бегали по сторонам. Мистик понимал свое поражение — как только Палане лишится трона, его власти в Каллахорне придет конец, все его надежды стремительно рушились, и черное отчаяние затмевало разум. Пока Балинор испепелял пленника взглядом, Менион невольно задумался, чего добивался этот человек, заставляя принца совершать столь бессмысленные поступки. В том, что он внушил безумному Палансу притязания на трон, не было никакой загадки. Его собственное положение слишком зависело от того, кто будет новым королем Каллахорна. Но почему он настоял на рос-

пуске Пограничного легиона, зная, какая огромная армия угрожает маленькому южному королевству и его просвещенной монархии? Зачем утруждал себя тем, что заточил в тюрьму Балинора и упрятал его отца в дальнем крыле дворца, когда мог просто потихоньку избавиться от них обоих? И почему он пытался убить Мениона, которого видел впервые в жизни?

— Стенмин, твоей власти над этой страной и ее народом пришел конец, моим братом ты тоже больше не будешь вертеть как послушной марионеткой, — с холодной решимостью объявил Балинор. — От того, что ты намерен делать с этой секунды до того момента, пока я не восстановлю порядок в городе, зависит, увидишь ли ты завтрашний день или нет. Что ты сделал с моим отцом?

Мистик долго молчал, в отчаянии озираясь по сторонам, лицо его посерело от страха.

— Он... он в северном крыле... в башне, — наконец прошептал он.

— Если с ним что-нибудь случилось...

Балинор резко отвернулся, на миг забыв о перепуганном советнике. Стенмин тут же отскочил к стене и замер, исподлобья наблюдая за внушительной фигурой принца. Одной рукой он снова принялся теревить острую бородку. Глядя на советника едва ли не с сочувствием, Менион неожиданно вздрогнул. В его голове совершенно отчетливо всплыли события недавней ночи, свидетелем которых он стал, затаившись на небольшом холмике над берегом Мермидона севернее острова Керн. Та же бородка клинышком и та же привычка поглаживать ее! Теперь Менион точно знал, чего добивался Стенмин. Лицо его перекосилось от ярости, и он бросился к советнику, не замечая удивленного лица Балинора.

— Так это ты был там, на берегу! — гневно закричал он. — Ты боялся, что я расскажу, как ты похитил Ширл и отдал ее северянам, поэтому и пытался меня убить! Предатель! Ты собирался предать нас всех и сдать город Повелителю чародеев!

Не слыша криков товарищей, он бросился к насмерть перепуганному советнику, который как-то изловчился увер-

нуться от удара и побежал к лестнице. Менион кинулся вслед за ним, на бегу поднимая сверкающий меч своего отца. На середине каменной лестницы горец нагнал беглеца и с силой дернул его назад; мистик в ужасе завизжал. Но едва Менион прижал обезумевшего от страха советника к стене и занес меч над его головой, как тяжелая, окованная железом дверь в под-земелье неожиданно распахнулась, с оглушительным грохо-том впечатавшись в стену, и в темном проеме возникла вну-шительная фигура Паланса Буханна.

Глава 29

На мгновение все замерли. Даже испуганный Стенмин сполз по стене подвала и застыл, невидящим взглядом уставившись на грозную молчаливую фигуру на верхних ступенях лестницы. Принц стоял неподвижно, словно изваяние, на его хмуром, белом как полотно лице отражалась странная смесь гнева и смятения. Чувствуя, как ярость понемногу угасает, Менион Лих опустил занесенный меч и отважно встретил блуждающий взгляд Паланса. Необходимо было действовать без промедления, если они хотели остаться в живых. Грубым рывком он поднял Стенмина с пола и швырнул к подножию лестницы.

— Вот предатель, которого ты искал, Паланс, — проговорил он с презрением. — Он настоящий враг Каллахорна. Этот человек похитил Ширл Рейвенлок и отдал ее северянам. Этот человек собирался сдать Тирсис Повелителю чародеев...

— Ваше величество, вы пришли как раз вовремя. — Мистик быстро оправился от испуга и решительно перебил Мениона, пока не стало слишком поздно. Спотыкаясь на каждом шагу, он кинулся вверх по лестнице и упал к ногам Паланса, яростно тыча пальцем в сторону Балинора и его друзей. — Я раскрыл подлый замысел их побега и спешил рассказать вам! Горец с ними заодно, он пришел убить вас! — Шипя от ненависти, Стенмин судорожно цеплялся за принца, пытаясь встать на ноги. — Они хотели убить меня, а потом и вас, мой господин! Они враги, посмотрите на них хорошенько!

Менион едва сдержался, чтобы не взбежать по лестнице и не вырвать мистика его лживый язык. Заставляя себя со-

хранять внешнюю невозмутимость, он не сводил глаз с ошеломленного Паланса Букханна.

— Этот человек предал тебя, Паланс, — продолжал он спокойно. — Он отравил твое сердце и твой разум. Он лишил тебя воли, завладел твоими мыслями. Он никогда не заботился ни о тебе, ни о королевстве. Каллахорн он просто продал за бесценок, и теперь вашу страну ждет печальная участь Керна. — Стенмин взревел от ярости, но Менион безжалостно продолжал: — Ты хотел, чтобы мы стали друзьями, но дружбы без доверия не бывает. Не дай ему снова обмануть себя, иначе ты навсегда потеряешь свое королевство.

Стоявшие внизу Балинор с друзьями, затаив дыхание, смотрели на принца. Они боялись, что малейший шум может разрушить странные чары, которые слетал Менион Лих вокруг Паланса, чей мятущийся разум отчаянно боролся с темной стеной безумия. Наконец принц медленно шагнул на площадку, прикрыв за собой дверь, и прошел вперед мимо Стенмина, словно того и не было вовсе. Поколебавшись, советник неуверенно посмотрел на дверь, раздумывая о побеге. Однако, не желая мириться с поражением, он стремительно развернулся, схватил Паланса за руку и зашептал ему в самое ухо:

— Вы сошли с ума! Неужели вы и впрямь так безумны, как говорят, мой король? Неужели вы готовы отказаться от трона и отдать его брату? Ведь именно вы истинный наследник короля! Не слушайте его, он лжец. Принц Лиха — друг Алланона.

Паланс чуть развернулся к нему, глаза его расширились.

— Да, друг Алланона! — Стенмин понял, что поймал принца на крючок, и не собирался отпускать. — Как вы думаете, кто выкрал вашу невесту прямо из ее дома в Керне? Этот подлый изменник твердит вам о своей дружбе, а сам участвовал в похищении. Хитростью и обманом он проник во дворец, чтобы убить вас. Если бы не я, вас ждала бы неминуемая смерть!

Взбешенный Хендель шагнул вперед, но Балинор удержал его. Менион стоял неподвижно, понимая, что любое резкое движение только подтвердит обвинения Стенмина. Он

кинул на мистика испепеляющий взгляд, затем быстро повернулся к Палансу и покачал головой.

— Настоящий предатель он. Он служит Повелителю чародеев.

Паланс спустился на несколько ступеней, пытливо взглянул в лицо Мениона, а потом повернулся к брату, который терпеливо ждал его у подножия лестницы. В смятении он остановился, на губах появилась слабая улыбка.

— А что думаешь ты, брат? Я и вправду безумен? Если нет... тогда... быть может, все вокруг сумасшедшие, и только я один нормален. Ответь мне, Балинор. Мы непременно должны поговорить... прежде чем... я так хотел сказать...

Замолчав на полуслове, он вдруг распрямился во весь свой внушительный рост и снова посмотрел на Стенмина, который напоминал загнанного в угол зверя, готового к прыжку.

— Как ты жалок, Стенмин! Встань! — громогласно приказал он, и перепуганный советник резко распрямил спину. — Ответь же мне, что я должен делать? — резко продолжал Паланс. — Может, мне всех казнить и спасти свою жизнь?

Стенмин тотчас подскочил к принцу, глаза его сверкали ненавистью.

— Позовите стражу, ваше величество. Велите уничтожить подлых убийц!

Неожиданно Паланс как-то обмяк, его крупное тело съежилось, глаза растерянно забегали по стенам подвала, сосредоточенно изучая каменную кладку. Менион понял, что принц Каллахорна вновь теряет чувство реальности и скатывается в туманный мир безумия, затмевающего его некогда ясный рассудок. Стенмин тоже заметил перемену в поведении принца, по его злобному лицу расплзлась мрачная усмешка, рука потянулась к острой бородке. Однако Паланс внезапно снова заговорил.

— Нет, не будет никакой стражи... я не допущу убийства... Король должен быть справедлив. Пусть Балинор стремится завладеть тронem, но он мой брат. Мы поговорим с ним теперь же... никто не причинит ему вреда... никто... — Голос принца умолк, и он неожиданно улыбнулся Мениону. — Ты вернул мне Ширл. Знаешь, я ведь думал, что никогда не уви-

жу ее. Если бы ты был моим врагом... разве ты... подарил бы мне такое счастье?

Стенмин яростно закричал и схватил принца за руку, но Паланс словно не замечал его.

— Мне трудно... ясно мыслить, Балинор,— тихо прошептал Паланс, дрожа как в лихорадке.— Мысли путаются... все как в тумане. Я даже не сержусь на тебя за то, что ты хочешь стать королем. Знаешь, я сам всегда хотел... стать королем. Но мне так нужны друзья... так хочется с кем-то поговорить...

Он спокойно повернулся к Стенмину, глаза его были пусты и невыразительны. Однако мистик увидел в лице Паланса нечто такое, что заставило его выпустить руку принца и в ужасе отшатнуться к стене. Только Менион, который стоял достаточно близко, понял, что происходит. Необъяснимая власть мистика над Палансом Букханном разом испарилась. И без того затуманенный разум несчастного юноши перешел грань, за которой не было места привычным образам и смыслам, и лицо Стенмина слилось в его темном сознании с целым морем таких же неразличимых лиц, населявших ужасный мир безумного принца Каллахорна.

— Паланс, послушай меня,— едва слышно заговорил Менион, пытаясь хоть на миг достучаться до угасшего разума, спрятанного за черной паутиной безумия. Принц чуть повернулся к нему.— Давай позовем сюда Ширл. Она поможет тебе.

Принц колебался, с трудом вспоминая что-то, потом слабая улыбка оживила его измученное лицо, натянутое струной тело расслабилось. Он вдруг вспомнил нежный голос девушки, ее хрупкую красоту и ту удивительную безмятежность, которую всегда испытывал только рядом с ней. Если бы ему удалось хоть ненадолго вернуть это забытое чувство...

— Ширл,— тихо произнес он, протянув руку к закрытой двери подвала.

Когда он проходил мимо Стенмина, тот словно взбесился. Крича от ярости и досады, мистик кинулся на принца и вцепился в подол его мантии. Менион тотчас бросился наверх, чтобы разнять их. Он был уже на последних ступенях лестницы, когда тощая рука Стенмина вдруг взметнулась вверх и в ней сверкнул длинный кинжал, вероятно, спрятан-

ный где-то под плащом. Лишь на миг острое лезвие мелькнуло в воздухе, и зловещую тишину подвала прорезал отчаянный крик Балинора. В следующую секунду клинок достиг своей цели, и все увидели, что из груди Паланса Букханна торчит рукоять кинжала; лицо принца быстро заливала мертвенная бледность.

— Возвращаю тебе твоего брата, глупец! — злобно выкрикнул Стенмин, толкая обмякшее тело вниз по лестнице.

Раненый принц тяжело упал на подставленные руки Мениона, под его весом Менион отшатнулся к стене, на мгновение потеряв равновесие, а с ним и возможность добраться до ненавистного врага. Стенмин яростно дергал массивную дверь подвала, а Балинор уже мчался наверх, чтобы задержать убийцу. Эльфы бежали следом, зовя на помощь стражу. Советник наконец сумел приоткрыть дверь и уже начал протискиваться в узкий проем, когда стоящий внизу Хендель схватил свою верную булаву и метнул ее в спину беглеца. Тяжелая булава с сокрушительной силой ударила Стенмина в плечо, и его крик эхом разнесся по каменным сводам подземелья. Однако мощный удар Хенделя лишь ненадолго задержал злодея, и уже через миг тощая фигура в багровом плаще скрылась за дверью. В следующую секунду они услышали его истошный крик о том, что заключенные убили короля.

В отчаянии взглянув на недвижимое тело брата на руках Мениона, Балинор ринулся к открытой двери. Неожиданно из коридора выскочили два стражника в черных мундирах. Выхватив мечи, они попытались остановить безоружного Балинора, однако разъяренный принц с легкостью разметал королевских гвардейцев, словно это были тряпичные куклы, вырвал у одного из них меч и был таков. Дьюрин и Дазль бежали следом за ним. Лишь Менион остался на лестнице. Стоя на коленях, он смотрел друзьям вслед и бережно поддерживал раненого Паланса Букханна. Угрюмый Хендель молча вскарабкался наверх и встал рядом с ним, печально покачивая седеющей головой. Принц был еще жив, но его хриплое дыхание все больше слабело, веки судорожно подергивались. Гном тоже опустился на колени и медленно выдернул кинжал из груди несчастного принца, пока Менион удерживал

обмякшее тело Паланса. С отвращением отбросив окровавленный клинок, Хендель наклонился, помогая горцу поднять раненого. Неожиданно глаза принца открылись, он что-то проговорил едва слышным шепотом и снова провалился в беспамятство.

— Он зовет Ширл, — прошептал Менион, глядя на умирающего, в глазах его блеснули слезы. — Он все еще любит ее. Все еще любит.

А тем временем наверху Балинор и братья-эльфы пытались догнать Стенмина. Старинный дворец гудел, словно потревоженный улей, стражники, слуги и посетители в панике сновали по извилистым коридорам. Эхо их испуганных голосов металось меж каменными стенами, разнося страшную весть об убийстве молодого короля и о безжалостных злодеях, готовых перерезать всех и каждого. Со стороны дворцовых ворот доносились звуки другого сражения, что явно не могло успокоить обитателей древнего здания. Балинор и эльфы решительно пробивались сквозь толчею испуганной челяди, которая едва не падала в обморок при виде обнаженных мечей. Самые отважные стражники несколько раз попытались остановить неистового принца Каллахорна, но великан просто отшвыривал их в стороны, не замедляя шага, и продолжал преследовать сгорбленную фигуру в красном плаще. Стенмин был еще виден, когда трое преследователей выскочили в главный коридор дворца, но быстро протолкнулся через сумятицу толпы и теперь торопливо убежал прочь. Балинор яростно пробивался вперед, расшвыривая всех, кто попадался на пути, лицо его было утрумо и страшно.

Неожиданно прямо напротив Балинора и его друзей дворцовые двери задрожали под чудовищным напором и распахнулись с оглушительным треском. Размахивая мечами и выкрикивая имя Балинора, в огромный холл ввалились десятки разъяренных воинов, и в наступившем гвалте принц не сразу различил на их нашивках изображение леопарда — герб Пограничного легиона. Уцелевшая горстка дворцовых стражников бросилась врассыпную, побросав оружие или сдаваясь в плен. Заметив своего командира, воины легиона кинулись к Балинору и с победными криками подняли его над толпой.

Дьюрина и Даэля оттеснили от принца, и ликующие солдаты перегородили им путь, мешая преследовать быстро удалявшегося мистика. Балинор кричал и яростно отбивался, отчаянно пытаясь освободиться из объятий ликующей толпы, но счастливые воины, не замечая возмущения принца, уже несли его обратно к погребам.

Братьям наконец удалось пробиться сквозь плотный строй воинов, и они едва успели заметить, как тощая фигура советника свернула в следующий коридор и скрылась из виду. За считанные секунды быstroногие эльфы сократили расстояние, отделявшее их от убийцы, и за углом коридора снова увидели мистика. Злобное лицо Стенмина пылало от страха, правая рука плетью висела вдоль тела. Дьюрин мысленно корил себя за то, что не захватил лук. Внезапно Стенмин встал и тщетно попытался открыть одну из дверей на левой стороне коридора. Замок не поддавался, и испуганный мистик в панике кинулся к следующей двери. Дьюрин и Даэль были всего в нескольких ярдах от него, когда советник наконец справился с засовом и исчез за дверью, которая с грохотом захлопнулась за ним. Уже через миг эльфы оказались рядом с дверью, но она была заперта изнутри. Братья принялись крошить толстое дерево мечами, но замок держал крепко, и прошло несколько долгих минут, прежде чем удалось сломать его. Однако, когда дверь распахнулась и эльфы, размахивая мечами, ворвались в комнату, Стенмина уже и след простыл.

Менион стоял у ворот королевского дворца и молча прислушивался к негромкому разговору Балинора с офицерами Пограничного легиона. Ширл была тут же, хрупкая рука девушки лежала в его ладони, ее юное лицо казалось взволнованным в полуденном свете. Менион взглянул на нее и ободряюще улыбнулся, притянув ближе к себе. За Внешней стеной Тирсиса два полка возрожденного легиона терпеливо дожидались приказа, готовые выступить навстречу огромной армии. Войско Повелителя чародеев уже достигло северного берега Мермидона, чтобы переправиться через реку. Если воинам легиона удастся хотя бы несколько дней удерживать южный берег, эльфийская армия успеет подойти на помощь

Тирсису. Время, горестно думал Менион, лишь немного времени, и они спасены. Но драгоценные минуты стремительно таяли. Пока в городе улеглись волнения, пока Балинор вновь собирал своих воинов, северяне успели дойти до берегов Мермидона и начали готовиться к переправе.

Теперь королем Каллахорна стал Балинор, но радости это ему не принесло. Возлюбленный брат лежал без сознания, и смерть уже витала над его головой. Лучшие лекари Тирсиса с величайшим усердием осмотрели принца, пытаясь установить причину его внезапного безумия, и пришли к выводу, что долгое время Паланс получал сильное снадобье, совершенно сломившее волю юноши и превратившее его в послушную марионетку. В конце концов измученный разум принца не мог более сопротивляться убийственной дозе, и он действительно сошел с ума.

В мрачном молчании Балинор выслушал их приговор. Часом раньше в заброшенной комнате северной башни он нашел отца. Старый король был мертв уже несколько дней, и лекари утверждали, что правителю Каллахорна долго подсыпали в пищу яд. Стенмин никому не позволял входить в покои Рула Букханна, кроме его полубезумного сына, поэтому сохранить тайну смерти короля было бы несложно. После этого оставалось только убить Балинора и уговорить Паланса открыть ворота перед Повелителем чародеев, и город был бы обречен. Подлый замысел Стенмина почти удался, и он все еще был опасен. Несмотря на все усилия братьев-эльфов, злодей сбежал и затерялся где-то в городе.

Будущее всех Южных земель теперь зависело от принца Каллахорна. Народ ждал от славного рода Букханнов надежного правления и защиты. Пограничный легион под командованием Балинора всегда был готов отразить любое нападение на древнюю крепость. Отныне принц был единственным наследником королевского рода и их последней надеждой, и жители Тирсиса, открыто или тайно, признавали в нем своего нового правителя. Если с ним что-нибудь случится, непобедимый легион потеряет своего полководца и станет беспомощным, а трон королевства осиротеет. Те немногие, кто до конца осознавал всю серьезность положения, понимали,

что Тирсис необходимо удержать любой ценой, иначе Юг падет и армии эльфов и гномов будут разобщены. Алланон предостерегал о такой опасности, поэтому именно от Тирсиса сейчас зависела судьба всех Южных земель, а судьба Тирсиса зависела от Балинора.

Тем же утром Янус Сенпре тоже пытался спасти родной город. Простившись с Менионом у ворот, он немедленно разыскал Фандвика и Гиннисона. Вместе с командирами легиона они втайне собрали офицеров распущенного войска и без лишнего шума стремительно захватили городские ворота и солдатские казармы. Не встречая почти никакого сопротивления, они решительно двинулись по городу, собирая немалые силы, пока наконец не подошли к стенам королевского дворца. Дожидаясь сигнала от Мениона, они услышали крики о подлом убийстве короля и, предчувствуя неладное, вломились в ворота, оказавшись во дворце как раз в тот момент, когда Балинор гнался за удирающим Стенмином. Мятеж прошел почти бескровно, и сторонники Паланса были либо заключены в тюрьму, либо получили возможность вернуться в прежние подразделения легиона. Очень быстро было восстановлено два из пяти полков, остальные три предстояло собрать и вооружить до захода солнца. Однако разведчики доложили Балинору, что северяне уже подходят к Мермидону, и решено было действовать немедленно, чтобы помешать переправе.

Хендель и братья-эльфы в беспокойном ожидании стояли на ступеньках дворцовой лестницы. Угрюмый гном как обычно выглядел решительным и невозмутимым, время от времени украдкой поглядывая на горца и его прекрасную спутницу. Дьюрин, казалось, постарел за эти несколько дней, его тонкое лицо туманилось в ожидании неизвестности, а вот его неунывающий брат, также обеспокоенный неясным будущим, просто светился от радости. Менион снова посмотрел на Балинора, стоящего в окружении командиров легиона. Вот Гиннисон — крепыш с ярко-рыжими волосами и мощными ручищами, рядом с ним седой Фандвик с белоснежными обвислыми усами и сердитым взглядом, невысокий Эктон с непримечательной наружностью, которого счи-

тали лучшим наездником королевства. Надменный Мессалайн, напротив, был высок и широкоплеч, слушая Балинора, он с беспечным видом раскачивался на каблуках; и наконец, Янус Сенпре, только что произведенный в командирский чин за дерзкую операцию под Керном и неоценимую помощь в спасении Тирсиса. Несколько минут принц Лиха внимательно рассматривал каждого из них, словно его пытливым взгляд мог оценить все достоинства доблестных воинов. Балинор наконец закончил переговоры и направился к нему, махнув по дороге Хенделю и эльфам.

— Я немедленно отправляюсь на берег Мермидона,— сообщил он негромко, когда все подошли. Менион хотел что-то сказать, но Балинор быстро перебил его: — Нет, Менион, я знаю твой вопрос. И мой ответ — нет. Вы все останетесь в городе. Любому из вас я, не задумываясь, доверил бы свою жизнь, а жизнь Тирсиса для меня важнее. Поэтому я прошу вас любой ценой защищать город. Если со мной что-нибудь случится, только вы сможете продолжить битву. С вами останется Янус, он будет командовать защитниками города, я велел ему во всем полагаться на вас.

— Эвентин скоро придет,— быстро проговорил Дазль, отчаянно стараясь придать голосу бодрости.

Балинор улыбнулся и согласно кивнул.

— Алланон никогда не подводил. Не подведет и на этот раз.

— Не рискуй без пользы,— мрачно посоветовал Хендель.— Этот город и его народ пропадут без тебя. Ты нужен им живым.

— Прощай, старина.— Балинор крепко пожал руку гнома.— А вот я пропаду без тебя. Без твоего опыта и умения. Береги себя.

Махнув командирам, он быстро отвернулся и сел в ожидавший экипаж, который должен был довести их до городских ворот. Янус Сенпре ободряюще кивнул Мениону, когда королевская карета тронулась с места, и конный эскорт ровным строем двинулся следом, грохоча подковами по мосту Сендика. Четверо друзей и Ширл Рейвенлок смотрели им вслед, пока величавая вереница не скрылась из виду и стук конских копыт не стих вдали. Затем Хендель рассеянно про-

бурчал, что неплохо бы еще раз поискать Стенмина, и, не дожидаясь ответа, заковылял во дворец. Дьюрин и Дазль поспешили за ним, чувствуя неутешную печаль. Впервые за время их долгого пути из Кулхейвена они надолго расставались с Балинором, и смутная тревога терзала их сердца.

Менион прекрасно понимал чувства эльфов, он сам едва сдерживался, чтобы не броситься вслед за принцем, чтобы вместе с ним вступить в страшную схватку с Повелителем чародеев. Но силы его были на пределе, последние двое суток принц Лиха почти не спал. Напряженная битва у острова Керн, долгий путь на плоту по бурным водам Мермидона, невероятное освобождение Балинора в Тирсисе истощили даже его неумную энергию. Пошатываясь, горец послушно побрел за Ширл в дворцовый сад и без сил рухнул на широкую скамью. Девушка тихо присела рядом, обеспокоенно глядя в его лицо, а Менион наконец закрыл глаза и позволил себе немного расслабиться.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — сквозь туман услышал он ее нежный голос. — Ты хочешь пойти с ним.

Горец улыбнулся и медленно кивнул, мысли его путались.

— Но тебе необходимо поспать.

Менион снова кивнул и неожиданно вспомнил о Ши. Где же он? По-прежнему скитается по свету в напрасных поисках неуловимого меча Шаннары? Горец быстро встряхнулся и встал, испуганно поворачиваясь к Ширл. Он словно боялся, что девушка может исчезнуть. Несмотря на усталость, ему отчаянно хотелось выговориться, потому что другой возможности могло и не быть. Тихо и печально он принялся рассказывать о своей долгой дружбе с пареньком из Дола. Сбивчиво, путано он вспоминал славное время, проведенное в горах Лиха, и постепенно подошел к началу их путешествия в Паранор за великим мечом. Время от времени он предпринимал тщетные попытки объяснить девушке их общие взгляды на жизнь и вечные разногласия, которые всегда порождали жаркие интересные споры. Слушая горца, Ширл начала понимать, что Менион не столько рассказывает о пропавшем друге, сколько пытается открыть свою душу. Наконец она остановила его, решительно прикрыв его рот узкой ладошкой.

— Он был самым близким твоим другом? — спросила они тихо. — Как брат? И теперь ты чувствуешь себя виноватым за то, что случилось с ним?

Менион печально пожал плечами.

— Я не мог ничего сделать. Если бы я удержал его в Лихе, это лишь отсрочило бы неизбежное. Разумом я понимаю это, но все же чувствую свою... вину.

— Если его привязанность к тебе так же глубока, он должен понимать, что ты все сделал правильно. Где бы он сейчас ни находился, — тотчас ответила она. — Никто не станет упрекать тебя за храбрость... и... я люблю тебя, Менион Лих.

Менион озадаченно уставился на нее, внезапное признание застало его врасплох. Девушка засмеялась и обняла его, рыжие локоны упали ему на лицо мягкой вуалью. Менион порывисто прижал ее к себе, потом бережно отодвинул и заглянул в глаза. Она не отвела взгляд.

— Я хотела, чтобы ты знал, Менион. Если нам суждено умереть...

Она вдруг замолчала и отвернулась, и изумленный горец увидел, как слезы медленно катятся по ее щекам. Он протянул руку и быстро смахнул их, потом встал со скамейки и ласково улыбнулся, увлекая Ширл за собой.

— Я прошел долгий путь, — проговорил он тихо. — Сотни раз меня могли убить, но я уцелел. Я видел зло этого мира и мира призраков, неведомого смертным. Нам нечего бояться. Любовь может победить смерть. Нужно просто верить. Верь в нас, Ширл.

Она невольно улыбнулась.

— Я верю в тебя, Менион Лих. Только и ты сам не забывай верить в себя.

Горец устало улыбнулся и крепко сжал ее руки. Она была прекраснейшей женщиной на свете, и он любил ее больше жизни. Наклонившись, он нежно поцеловал Ширл.

— Все будет хорошо, — прошептал он. — Все образуется.

Они еще немного задержались в пустынном саду, рассеянно бродя по узким дорожкам между прогретыми солнцем клумбами и негромко разговаривая. Однако Менион едва не засыпал на ходу, и Ширл уговорила его отдохнуть, пока еще

есть время. Задумчиво улыбаясь, горец вернулся в свою спальню, упал на кровать и мгновенно провалился в глубокий сон. Пока он спал, не видя снов, день медленно утасал, солнце клонилось к западу и наконец скрылось в багровом сиянии над краем земли. Проснулся он, когда уже совсем стемнело, отдохнувший, но по-прежнему встревоженный. Горец поспешил разыскать Ширл, и они вместе пошли по безлюдному дворцу, высматривая Хенделя и эльфов. Негромкий стук их шагов разносился по гулким коридорам, они быстро проходили мимо застывших стражников и темных комнат, задержавшись лишь возле недвижимого Паланса Букханна, возле которого сидели бесстрастные лекари. Сознание так и не вернулось к принцу, его раненое тело и сломленный дух из последних сил боролись с настырной смертью, медленно и неотвратимо наступающей на него. Когда они отошли от постели умирающего, темные глаза Ширл были полны слез.

Решив, что друзья отправились к городским воротам дожидаться возвращения Балинора, Менион оседлал двух лошадей, и молодые люди поскакали к Тирсовой дороге. Стояла холодная ясная ночь, бледный свет луны и далеких звезд озарял городские башни, которые отчетливо выделялись на черном прямоугольнике неба. Лошади поднялись на мост Сендика, и Менион почувствовал, как свежая ночная прохлада мягким ветерком обдувает разгоряченное лицо. Тирсова дорога была непривычно тиха, улицы пустынные, а из освещенных окон домов не доносилось ни веселого смеха, ни оживленных голосов. Над осажденным городом висела гнетущая тишина, словно мрачное ожидание скорой смерти обволакивало древнюю крепость. Встревоженные всадники ехали в зловещем безмолвии, стараясь найти утешение в вечной красоте ночного неба, которое словно обещало народам долгую счастливую жизнь. Впереди чернела величественная Внешняя стена, на парапетах горели сотни факелов, освещая солдатам Тирсиса дорогу домой. Как долго их нет, подумал Менион. Быть может, им все же удалось остановить высадку северян...

Вскоре всадники спешили у ворот крепости. В казармах легиона никто не спал, воины без усталости готовились к ско-

рой битве. Повсюду натываясь на бегущих людей, Менион и Ширл наконец поднялись на вершину широкой стены, где их тепло приветствовал Янус Сенпре. Молодой командир без отдыха стоял на посту с тех пор, как уехал Балинор, его худое лицо осунулось от усталости и тревоги. Через несколько минут из темноты выскользнули Дьюрин и Хендель, чуть позже к ним подоспел бродивший где-то Дазль. Друзья молча смотрели в ночной сумрак, скрывающий северный берег Мермидона, куда отправился Пограничный легион. Свежий ночной ветер доносил до них приглушенные звуки далекой битвы.

Янус рассеянно заметил, что полдюжины разведчиков, которых он отправил к берегу реки, до сих пор не вернулись. Это был недобрый знак, и, если бы не сердитый Хендель, который каждый раз напоминал юноше о его обещании защищать Тирсис, он бы давно ушел вслед за воинами Балинора. Дьюрин для себя решил, что непременно отправится на выручку друга, если Балинор не вернется до полуночи. Эльф мог прокрасться незамеченным через любые преграды. А пока он с растущей тревогой ждал вместе с остальными. Все были настолько поглощены далекой битвой на Мермидоне, что даже не обратили внимания на рассказ Ширл о состоянии раненого принца Букханна. Услышав в ответ лишь невнятное бормотание, девушка больше не пыталась отвлечь их от горьких мыслей. Прошел час, потом еще один. Звуки сражения становились все громче, все отчаяннее, и казалось, что битва вот-вот докатится до города.

Неожиданно из темноты, почти перед самым обрывом, появился большой отряд всадников и пеших воинов. Нестроенными колоннами они вступили на широкий наклонный мост, ведущий в крепость. Их приближения никто не заметил, и на вершине Внешней стены раздались громкие возгласы удивления, когда солдаты возникли у стен города словно из ниоткуда. Испугавшись, что врагам удалось обойти Балинора с флангов, Янус Сенпре со всех ног бросился к маховикам, запиравшим огромные железные засовы на воротах. Однако Хендель невозмутимо остановил его. Он раньше всех понял, что происходит. Перевесившись через край стены, гном

что-то громко закричал на родном языке и почти тотчас получил ответ. Угрюмо кивнув друзьям, Хендель указал на высокого всадника, который быстро приближался к голове длинной колонны. В мягком свете луны все увидели грязное лицо Балинора. Когда отряд подошел ближе, по хмурому лицу своего командира все поняли, что их худшие опасения оправдались — Пограничный легион не смог удержать берег Мермидона, и армия Повелителя чародеев двигалась на Тирсис.

Почти в полночь пятеро смельчаков, оставшихся от небольшого отряда из Кулхейвена, собрались в уединенной столовой королевского дворца, чтобы наскоро поужинать. Долгая битва на берегу Мермидона, занявшая весь день и весь вечер, была проиграна, хотя отважному легиону все же удалось изрядно потрепать северян. Поначалу казалось, что опытные воины Балинора сумеют защитить южный берег бурной реки, но силы были слишком неравными. Всадники Эктона с быстротой молнии пронеслись вдоль оборонительных линий легиона, пресекая всякую попытку врага обойти с флангов окопавшихся пехотинцев. Наступление на армию Юга в лоб привело к гибели сотен троллей и карликов. Это была самая жестокая битва из всех, что доводилось видеть Балинору, и Мермидон постепенно окрашивался в красный цвет, наполняясь кровью раненых и убитых. Но враги продолжали упрямо наседать, словно безумцы, не ведающие страха, они снова и снова шли вперед. Власть Повелителя чародеев над его смертными рабами была настолько велика, что даже ужас перед скорой кончиной не останавливал их. Наконец большой отряд скальных троллей прорвал оборону легиона на правом фланге, и, хотя все враги погибли, тирсианцам пришлось перебросить силы с левого фланга. И тогда северяне прорвались.

Почти на закате Балинор понял, что даже лучшие в мире воины с наступлением темноты не смогут отбить и удерживать южный берег. За время дневного сражения легион понес лишь легкие потери, поэтому Балинор приказал двум полкам отступить к небольшому холму южнее Мермидона и перестроить боевые порядки. Кавалерия осталась на флан-

гах, чтобы стремительными набегами выводить врага из равновесия и не давать ему перейти в наступление. Все ждали наступления темноты. Когда спустились сумерки, северяне начали переправу; с изумлением и ужасом воины легиона смотрели, как первые сотни выбравшихся на берег быстро превращались в тысячи и тысячи, и не было конца этому бескрайнему живому потоку, пока несметная армия сплошным ковром не заполнила оба берега Мермидона, куда ни кинь взгляд.

Однако огромные размеры армии делали ее медлительной и неповоротливой, приказы доходили долго, а зачастую и вовсе терялись. Никто даже не попытался выбить защитников Тирсиса с маленькой высоты. Вместо этого основная часть северян, высадившись на южном берегу, бестолково топталась на месте, словно никто из них не представлял, что делать дальше. Несколько отрядов троллей в полной боевой амуниции попытались атаковать полки легиона, однако воины Балинора с легкостью отбросили их назад. С наступлением ночи вражеская армия неожиданно начала выстраиваться в колонны по пять, и Балинор понял, что первая же серьезная атака разобьет легион наголову.

И тогда принц Каллахорна решился на очень сложный тактический маневр, призвав на помощь все свое мастерство и бесстрашие, которые и сделали его лучшим полководцем всех Южных земель и прославили Пограничный легион. Не дожидаясь наступления, он разделил свое войско и первым ударил по огромной колонне врага с двух сторон. Нанося быстрые стремительные удары и пользуясь наступившей темнотой и прекрасным знанием местности, солдаты легиона врезались во фланги северян, и вскоре вражеская армия превратилась в смятую неровную дугу. После каждой новой атаки полукрут немного сжимался, и воины Тирсиса отступали чуть дальше. Балинор с Фандвиком держали левый фланг, Эктон и Мессалайн укрепились на правом.

Разъяренные враги попытались ответить на дерзкие вылазки; почти вслепую, они неуклюже продвигались в густых сумерках по совершенно незнакомой земле, но бдительные солдаты легиона каждый раз отступали на безопасное рас-

стояние. Мало-помалу Балинор стягивал оба полка, заманивая обозленных северян за собой. А когда все пешие воины, скрытые темнотой, незаметно покинули поле битвы, кавалерия мощным броском пошла в последнюю атаку, выскользнула из готового сомкнуться кольца и исчезла в ночи. Оба фланга вражеской армии неожиданно столкнулись и начали рубить друг друга в полной убежденности, что наконец-то настигли ненавистного противника, который так долго ускользал от них.

Никто так никогда и не узнал, сколько троллей и карликов погибло от рук своих же соплеменников; даже когда Балинор с двумя полками легиона въехал в ворота Тирсиса, битва на южном берегу Мермидона еще продолжалась. Чтобы скрыть отступление, копыта лошадей и сапоги обмотали тряпками. Если не считать небольшого конного отряда, который забрался слишком далеко на запад и был отрезан и смят, легион Балинора вышел из сражения почти без потерь. Но нематые потери северян не остановили движения огромной армии, и Мермидон, первый защитный рубеж Тирсиса, был оставлен.

Враги разбили лагерь на равнинах, недалеко от крепости, и теперь повсюду, куда ни глянь, в бледном лунном свете виднелись бесконечные ряды ночных костров. Штурм Тирсиса начнется на рассвете, когда объединенное войско карликов и троллей, послушное воле Повелителя чародеев, бросится на неприступную Внешнюю стену. Выдержит ли древняя крепость или не устоит под мощным напором — никто не знал.

Сидя в глубокой задумчивости напротив Балинора за небольшим обеденным столом, Хендель снова вспомнил, как днем вместе с Янусом Сентре осматривал городские укрепления. Недоброе предчувствие кольнуло его сердце. Без сомнения, Внешняя стена была серьезной преградой, но что-то не давало покоя утrophому гному. Он не сумел бы назвать причины своего беспокойства, но даже теперь, в этой уютной комнате, среди друзей, не мог отделаться от подозрения, что упущено нечто очень важное.

Снова и снова он мысленно проходил все линии обороны древней крепости. На краю обрыва жители Тирсиса воз-

вели невысокий вал, чтобы помешать врагу взобраться на плато. Если северян не удастся удержать на равнине под утесом, Пограничный легион отступит к городу, и останется только уповать на неприступность гигантской Внешней стены. С тыла Тирсис защищали отвесные скалы, которые вздымались в небо сразу за королевским дворцом. Балинор заверил гнома, что никто не сможет забраться по совершенно гладким утесам без единого выступа или впадины. Казалось, укрепления Тирсиса со всех сторон были безупречны, однако Хендель не мог унять беспокойства.

Неожиданно мысли его перенесли в Кулхейвен, он снова вспомнил семью, с которой расстался несколько недель назад. Ему никогда не удавалось побыть со своими близкими подольше, вся его жизнь проходила в нескончаемых стычках на границах Анара. Он скучал по лесному краю, по яркой листве весенней и летней поры и думал о том, как незаметно пролетело время. Сколько долгих дней прошло в разлуке, и, быть может, ему не суждено больше вернуться домой. Но горевать о прошлом было некогда, и горькая мысль пронеслась в голове, не оставив следа.

Пока Дьюрин и Даэль неспешно говорили с Балинором, их мысли то и дело уносились к Западным землям. Даэль, как и Хендель, вспоминал родной дом. Предстоящая битва пугала его, но он мужественно справлялся со своими страхами: глядя на уверенность друзей, эльф и сам начинал верить, что достойно встретит врага и не позволит ему уничтожить все самое дорогое. Еще он думал о Линлисс, ее милый застенчивый образ постоянно жил в его мыслях. Именно ее он будет защищать. Заметив мимолетную улыбку брата, Дьюрин без слов догадался, что юноша вспоминает о своей невесте. Дьюрин нежно любил брата и с первого дня похода старался быть как можно ближе к нему, чтобы защитить в случае опасности. За время долгого пути в Паранор они несколько раз были на волосок от смерти. И теперь завтрашний бой сулил новую опасность, и Дьюрин вновь будет рядом.

Он вспомнил об Эвентине и с тревогой подумал, успеют ли могучие эльфийские армии вовремя добраться до Тирсиса. Без их помощи Пограничный легион не сможет долго

сдерживать натиск северян, и орды Повелителя чародеев рано или поздно прорвут оборону города. Он поднял стакан с вином и сделал большой глоток, чувствуя, как приятное тепло разливается по всему телу. Его внимательный взгляд медленно скользил по лицам товарищей, чуть дольше задержавшись на обеспокоенном лице Мениона Лиха.

Проголодавшийся за сутки горец с жадностью набросился на еду. Расправившись с ужином раньше всех, он подлил себе вина и, потягивая его, непрерывно засыпал Балинора вопросами о прошедшей битве. И вот теперь, в тихие часы уходящей ночи, охваченный легкой хмельной дремотой, он вдруг подумал, что разгадка всего того, что случилось за время их похода из Кулхейвена, и всего того, что еще только предстоит, находится в руках Алланона. Он больше не мог думать ни о Ши, ни о мече, ни даже о Ширл. Перед его мысленным взором снова и снова вставала зловещая фигура загадочного друида. Только Алланон знал ответы на все вопросы. Только ему была подвластна тайна талисмана, названного мечом Шаннары. Только он один знал, для чего явился перед ними в Сланцевой долине призрак друида Бремена, умершего пятьсот лет назад. Только он на долгом пути в Паранор знал, чего опасаться и как избежать новой ловушки. Но сам он всегда оставался для них непостижимой загадкой.

Теперь Алланон покинул их, и только Флик, если он еще жив, может спросить у друида об их дальнейшей судьбе. Сама жизнь их теперь зависела от мрачного странника, но что станет делать этот таинственный великан? Что ему остается, когда волшебный меч потерян, а единственный наследник Джерла Шаннары бесследно исчез? Или погиб? Менион сердито закусил губу и отбросил ненавистную мысль. Ши не может погибнуть! Просто не имеет права!

Менион проклинал все, что привело их к такой печальной развязке. Они позволили загнать себя в угол. Теперь оставался только один путь. В завтрашней резне тысячи славных воинов сложат головы, и лишь немногие из них будут понимать, за что отдают свои жизни. И так происходит веками, сколько бы ни было войн на земле. Однако эта война, в которой в последней схватке сойдутся смертные и бесплотный

призрак, неподвластна человеческому пониманию. Как можно уничтожить само зло в образе Повелителя чародеев, необъяснимое и недоступное разуму обычных существ? Быть может, только Алланон понимает, с каким противником им предстоит сразиться. Но друид исчез — именно теперь, когда не осталось никакой надежды.

Свечи на столе догорали, и в маленькой комнате сгушалась тьма. На резных деревянных стенах, украшенных гобеленами, тихо потрескивали факелы в железных кольцах, и постепенно пять голосов звучали все глуше, сливаясь в едва слышное бормотание, словно ночь была спящим ребенком, которого они боялись нечаянно разбудить. Тирсис уже спал, спала на зеленых равнинах под обрывами и армия Севера. В удивительном покое и безмолвии лунной ночи казалось, что все живое погружено в мирный безмятежный сон, а война, с ее неизбежным ужасом смерти и боли, становится лишь смутным, почти стертым воспоминанием из прежних времен. Однако пятеро друзей, сидящих за столом за тихой беседой о лучших днях и великой дружбе, ни на минуту не могли избавиться от томительного ощущения, что ужасы войны от них не дальше скорого рассвета, а неотвратимый мрак Повелителя чародеев медленно подползает с Севера, чтобы сокрушить их хрупкие жизни.

Глава 30

Утром третьего дня поисков Орла Фейна бурные потоки дождя, бушевавшие на бесплодных просторах Северных земель, наконец иссякли, и на небе появилось тусклое солнце, похожее на белый пушистый шар. С яростью раскаленной печки оно прожигало размытую водой каменистую землю, пробиваясь сквозь туманную мглу, которая шлейфом тянулась от черной стены Повелителя чародеев. Буря совершенно изменила окрестный пейзаж, сильный ливень смыл почти все заметные буторки, оставив унылую глинистую равнину в окружении неотличимых друг от друга скалистых холмов.

Поначалу появление солнца радовало путников. Его сильные лучи пробились сквозь ненавистный сумрак, льнувший к голой земле, и быстро прогнали холод утихшей бури; сразу стало теплее, и характер почвы снова начал меняться. Однако уже через час на равнину обрушилась чудовищная жара. От рек, в которые после долгого дождя превратились сухие извилистые канавы, начал подниматься пар, и воздух быстро напился противной сыростью.

Робкие травинки, ожившие было после яростной бури, чахли и умирали в удушливом раскаленном пекле, отрезанные от света густой серой мглой. Раскисшая глина быстро спекалась в твердую, растрескавшуюся корку, где не было места жизни. Реки, маленькие ручейки и озера стремительно высыхали, пока не исчезли совсем. Огромные валуны, разбросанные по равнине, с жадностью впитывали испепеляющий жар, словно железо, которое положили на раскаленные угли. И уже скоро эту голую безжизненную пустыню под

бескрайним чистым небом нельзя было отличить от той, на которую лишь недавно обрушились мощные потоки дождя. Только равнодушное солнце совершало своей вечный неспешный путь с востока на запад в этом царстве безмолвия, складывая дни в года, а года — в столетия.

Три согнутые фигуры боязливо выбрались из-под каменного укрытия в одном из бесчисленных холмов. Медленно распрямляя затекшие тела, они с тоской уставились в плотную стену тумана. Долго стояли они, разглядывая пустынную мертвую землю, которой, казалось, не было конца, это унылое кладбище с каменистыми могильниками, хранящими бранные останки тех, кто посмел явиться в запретное королевство. Серый сумрак пронизывала гнетущая тишина, молча напоминающая трем живым о смерти. Чувствуя недоброе, они напряженно всматривались в мрачную пустыню.

Ши повернулся к своим спутникам. Панамон Крил выгибал спину и растирал затекшие ноги. Его всклокоченные волосы стояли дыбом, на широком лице темнела трехдневная щетина. Он был похож на бродягу, однако его зоркие глаза настороженно встретили вопросительный взгляд Ши. Тем временем великан Кельтсет бесшумно поднялся на вершину холма и вглядывался в северный горизонт.

В тесном каменном укрытии они просидели почти три дня, пока на пустынных равнинах не унялась яростная северная буря. Целых три дня были упущены, и теперь все следы Орла Фейна и меча Шаннары были уничтожены безжалостной природой. Все время, пока бушевал ливень, они сидели среди каменных глыб, ели, чтобы не умереть с голоду, и спали, потому что больше нечего было делать. Долгие разговоры помогли Ши и Панамону лучше понять друг друга, только Кельтсет по-прежнему оставался для них загадкой. Ши несколько раз настаивал на продолжении поисков невзирая на ненастье, но Панамон отказывался даже обсуждать это. Он уверял, что никто не сможет идти под таким ливнем, и Орл Фейн будет вынужден искать убежище, иначе неминуемо увязнет в грязи или утонет в канаве. В любом случае, невозмутимо рассудил Крил, карлик далеко не уйдет. С вершины холма спустился Кельтсет, энергично размахивая рукой. Горизонт был чист.

Они больше не обсуждали, что делать дальше. Все было давно решено. Подхватив нехитрую поклажу, путники быстро спустились по крутому склону и направились на север. Наконец-то Ши и Панамон пришли к единодушию. Поиски меча больше не были для них лишь делом уязвленной гордости или стремлением к победному завершению трудного похода за таинственным талисманом. Погоня за неуловимым клинком превратилась в опасную охоту за единственным средством, хотя и сомнительным, с помощью которого они надеялись выжить в этом диком краю.

Прямо на севере, среди черных остроконечных вершин, стояла крепость Повелителя чародеев. А за их спинами простиралась глухая стена тумана, которая обозначала внешние границы королевства Черепа. Чтобы убраться из этих ненавистных земель, им придется выбирать между этими двумя дорогами. Разумнее всего было снова пройти через черный туман, полагаясь на силу эльфийских камней. Однако использование магических оберегов делало их уязвимыми для обитателей мира призраков. Еще в Кулхейвене Алланон предупреждал об этом Ши, и теперь юноша поделился своими опасениями с Крилом. Меч Шаннары был единственным оружием, способным защитить смертных от Повелителя чародеев, и, завладев волшебным клинком, они могли хотя бы попытаться противостоять чудовищу. Необходимо было срочно вернуть меч и как можно скорее проскользнуть сквозь завесу смертоносного тумана. Едва ли кто-нибудь решился бы назвать этот план безупречным, но выбор был невелик.

Идти по равнине стало так же трудно, как и до начала бури. Твердая комковатая почва была усеяна острыми камнями, которые то и дело попадались под ноги. Спотыкаясь и падая, путники медленно продвигались вперед, не обращая внимания на синяки и ссадины. Неровная местность мешала держаться выбранного направления, и уж совсем невозможно было оценить, какое расстояние удалось преодолеть. В унылом однообразном пейзаже глазу было совершенно не за что зацепиться, и они не могли с уверенностью сказать, что не проходили в одном и том же месте дважды. Минуты текли мучительно медленно, а они так ничего и не находили. Влаж-

ность еще больше усилилась, и одежда измученных путников промокла насквозь. Они сняли плащи и привязали к дорожным мешкам до наступления ночи, когда снова похолодает.

— Вот здесь мы его видели в последний раз.

Тяжело дыша, Панамон застыл на вершине широкого холма, куда они только что забрались. Ши остановился рядом и недоверчиво огляделся. Все окрестные холмы были совершенно одинаковыми, если не считать небольших различий в размерах или очертаниях. Юноша с сомнением посмотрел вдаль. Он даже не мог с уверенностью сказать, откуда они пришли.

— Кельтсет, а что видишь ты? — спросил разбойник.

Скальный тролль неспешно прошелся по вершине, внимательно глядя под ноги, но дождь, разумеется, давно смыл все следы карлика. Еще несколько минут тролль бесшумно бродил среди камней, затем повернулся к товарищам и замотал головой. Испачканное землей лицо Панамона вспыхнуло от гнева.

— А я говорю, он был здесь. Надо пройти еще немного вперед.

Они молча пошли вперед, скатились с одного холма и вскарабкались на следующий. Больше они не спорили. Говорить было не о чем. Даже если Панамон ошибался, поиски пришлось бы продолжать. Прошел еще час, путники упрямо пробирались на север. Никаких следов беглеца по-прежнему не было. Постепенно Ши начал терять надежду. Невозможно было обследовать каждый кусочек бескрайней равнины; даже если Орл Фейн прошел всего в полусотне ярдов правее или левее от них, они никогда об этом не узнают. Быть может, несчастный карлик вместе с мечом давно погребен под толстым слоем грязи, намытым во время бури, но и эту тайну хранят безмолвные холмы.

Тело Ши ныло от постоянного напряжения, и он уже подумывал о коротком привале, чтобы еще раз обсудить, верное ли направление они выбрали. Не лучше ли свернуть на более ровную дорогу? Однако, взглянув на хмурое лицо Панамона, он благоразумно решил промолчать. Несколько дней

назад он уже видел на лице разбойника такое выражение, когда тот в одиночку справился с целым отрядом карликов. Охотничий азарт горел в темных глазах Панамона. Если он все же найдет карлика, горемыка может считать себя покойником. Ши невольно вздрогнул и отвел глаза.

Преодолев еще несколько холмов, они наконец обнаружили первую находку. С вершины небольшого пригорка острые глаза Кельтсета заметили чужеродный предмет, торчащий из слоя глины, на дне маленькой лоштинки. Махнув товарищам, он торопливо скатился по склону каменистого холма, быстро побежал к оврагу и наклонился к земле. В руках у тролля подоспевшие Ши и Панамон увидели большой обрывок ткани, который оказался почти целым рукавом рубахи. Мгновение все молча смотрели на тряпку, потом Ши взглянул на Кельтсета, ожидая от него подтверждения, что это обрывок одежды именно Орла Фейна. Великан серьезно кивнул. Панамон с мрачной усмешкой поддел лоскут на острие своей пики.

— Вот и попался. Теперь не уйдет, голубчик.

Однако в тот день им не удалось настичь беглеца, не встретилось и других его следов. Даже в толстом слое глины не осталось ни одного отпечатка ног карлика. Несмотря на твердые заверения Панамона, Орл Фейн умудрился пройти по равнине в самое ненастье, не утонул и не завяз в глине. Дождь смыл все его следы, словно в насмешку, оставив на самом виду лишь оторванный рукав. Тряпку могло принести сюда потоком воды, поэтому определить, куда шел карлик, было совершенно невозможно. С приближением ночи на землю опустилась такая густая тьма, что путники не видели дальше собственного носа и с большой неохотой прервали поиски. Первым нес вахту Кельтсет, Панамон и Ши в изнеможении рухнули на землю, завернулись в непросохшие плащи, спасаясь от ночной прохлады, и уснули почти тотчас же.

Утро не заставило себя долго ждать и скоро вернулось уже знакомой серой дымкой. Этот день был не такой влажный, но и радости он принес не больше, чем предыдущий; солнце по-прежнему скрывалось в густом тумане, который недвижным маревом висел в воздухе. Та же зловещая тишина сто-

яла вокруг, и путники чувствовали лишь невыносимое одиночество. Уныние бескрайней пустыни мало-помалу проникало и в души людей. В последние дни Ши стал более раздражительным и нетерпеливым, а обычно бодрый и говорливый Панамон Крил теперь угрюмо молчал. Лишь Кельтсет сохранил свою выдержку, и лицо его оставалось таким же спокойным и невозмутимым.

Они равнодушно проглотили завтрак и продолжили поиски. Все чувства словно притупились, они больше не ощущали ни радости, ни азарта погони — осталось лишь отвращение к безжизненной пустыне и желание как можно скорее выбраться отсюда. То ли из упрямства, то ли оттого, что им некуда было больше идти, они продолжали двигаться вперед. Не сговариваясь, Панамон и Ши начали задумываться, почему Кельтсет до сих пор с ними. Он был на родине и, вероятно, не пропал бы один, если бы решил покинуть их. Оба безуспешно пытались понять причину, которая заставила тролля оставаться с ними; слишком уставшие, чтобы ломать голову над этой непостижимой загадкой, они просто сочли его присутствие подозрительным, снова подумали, что до сих пор ничего не знают об угрюмом молчуне, и поклялись до конца путешествия выяснить все о великане. Они продолжали брести сквозь пыль и хмарь, а тем временем тусклое утро лениво перетекало в полдень.

Вдруг Панамон резко остановился.

— Следы!

С диким воплем разбойник ринулся к неглубокой канаве слева от них, Кельтсет и Ши с изумлением смотрели ему вслед. Мгновение спустя вся троица стояла на коленях рядом с цепочкой четких следов в толстом слое грязи. Ошибиться было нельзя, даже Ши узнал отпечатки сапог карлика по изношенным, растрескавшимся подошвам. Следы определенно вели на север, но по запутанной змейке шагов было видно, что карлик неуверенно петлял, словно не знал, куда двигаться дальше. Казалось даже, что Орл Фейн блуждал по холмам без всякой цели. Они еще немного задержались, изучая дорожку следов, потом поспешно поднялись по команде Панамона. Отпечатки были оставлены всего несколько часов назад,

и, судя по их извилистой веренице, нерешительный Орл Фейн не мог далеко уйти. Панамон с трудом скрывал злорадство и уже потирал руки в предвкушении расправы с мерзавцем карликом. Впереди наконец забрезжил конец пути, и об усталости он тут же позабыл, взбодренный скорой победой. Не тратя времени на разговоры, все трое подхватили надоевшие мешки и с мрачной решимостью двинулись дальше на север в полной уверенности, что этот день принесет им удачу.

Чем глубже забирались они в пустынный северный край, тем больше запутывались следы карлика, сплетаясь в изменчивые цепочки меж глинистыми холмами. Временами им приходилось сворачивать на восток, а потом круто разворачиваться. Часы шли, и хотя Кельтсет знаками объяснял, что следы становятся все более свежими, путникам казалось, что они по-прежнему топчутся на одном месте. Если до наступления ночи им не удастся настичь беглеца, темнота скроет следы и они снова потеряют карлика. Уже дважды Орл Фейн был почти у них в руках, и каждый раз неожиданный поворот событий вынуждал их прекращать погоню. Третьей неудачи нельзя было допустить. Ши даже поклялся себе, что не перестанет преследовать карлика и в полной темноте.

Вдалеке чернели грозные вершины мрачного королевства Черепа, их острые, словно лезвия бритвы, края безжалостно вспарывали горизонт. Липкий страх заползал в душу хрупкого юноши из Дола, он никак не мог отделаться от этого страха, и чем дальше на север продвигались путники, тем больше росло и беспокойство. Ему начало казаться, что поиски Орла Фейна и меча — лишь небольшая часть тех ужасных событий, которые ждут их впереди. Пока это была лишь смутная тревога, но Ши все чаще одолевало жгучее желание прекратить эту безумную погоню и вернуться домой.

Ближе к вечеру холмистая местность постепенно перешла в плоскую равнину, и уставшие путники смогли наконец не только видеть далеко вперед, но и впервые с тех пор, как миновали черную стену тумана, идти, почти не напрягаясь. От зрелища, представшего их глазам, захватывало дух. Пустынная коричневая земля с серыми камнями ровным полотнищем расстиралась дальше на север, упираясь в испо-

линские вершины на границе королевства Череп — владений Повелителя чародеев. Лишь на далеком горизонте бескрайняя гладь топорщилась едва видимыми отсюда каменными завалами и горными хребтами, которые гигантскими ступенями поднимались к зубуренным вершинам гор. Та же могильная тишина висела над голой раскаленной равниной. Ни стрекота насекомых, ни крика птиц, ни шороха зверька ни разу не слышали путники в этой зловещей глуши, даже ветер не шевелил спекующую пыль. Повсюду царила звенящая пустота, окутанная саваном смерти. Неровная цепочка следов Орла Фейна тянулась через бескрайнюю пустыню и исчезала вдалеке. Казалось, зловещая земля поглотила его.

В нерешительности они остановились, на лицах всех троих отражалось явное нежелание ступать на эту угрюмую землю. Однако времени на раздумья не оставалось, и они снова пошли вперед. Петляющая цепочка следов теперь была видна далеко, и охотникам даже удавалось иногда срезать путь. Они быстро нагоняли упущенное время. Не прошло и двух часов, как Кельтсет дал знать, что карлик опережает их всего на час. Близились сумерки, и солнце быстро клонилось к неровной линии горизонта. Серое марево смешивалось с предвечерним сумраком, и становилось все труднее различать дорогу.

Следы карлика привели их к глубокой ложине, образованной высокими горными кряжами, которые топорщились острыми скалистыми выступами. Увядающие солнечные лучи почти полностью скрылись во тьме сумрачной долины, и Панамон Крил, который сам встал во главе небольшого отряда некоторое время назад, напряженно шурился, выискивая в густом слое пыли отпечатки шагов беглеца. Они замедлили шаг и совсем остановились, когда Панамон вдруг склонился над самой землей. Разбойник так пристально всматривался в едва видимую цепочку следов, что для него стало настоящим потрясением, когда она внезапно оборвалась. Ши и Кельтсет поспешили к нему, и после тщательного изучения почвы в нескольких шагах впереди все с изумлением поняли, что кто-то старательно замел все дальнейшие следы Орла Фейна.

В тот же миг из тени лошины появились огромные темные силуэты и, тяжело топая, неуклюже направились к ним в ступившихся сумерках. Ши первым увидел их, но решил, что его подводит зрение. Панамон быстрее сообразил, что происходит. Резко распрямившись, он выхватил из ножен меч и грозно замахнулся своей железной пикой. Быть может, ему и удалось бы прорваться через быстро сжимаемое кольцо, если бы не Кельтсет. Невозмутимый и обычно предсказуемый тролль удивил всех. Проворно подпрыгнув к своему приятелю, он решительно оттащил изумленного Крила назад. Разбойник недоверчиво посмотрел на великана и опустил оружие. Их окружало не меньше дюжины внушительных фигур, и даже в слабом свете Ши понял, что они натолкнулись на отряд троллей.

Усталые эльфы натянули поводья взмыленных коней и рассеянно взгляделись в широкие склоны долины Ренн. Пустынная долина тянулась на восток на две мили, высокие склоны по обе стороны от нее ошетинились острыми хребтами, поросшими редкими деревцами и чахлым кустарником. Уже больше тысячи лет знаменитый перевал служил воротами из южных равнин Стрелехейма в великие леса Западных земель, в королевство эльфов. Именно на этом легендарном перевале армии могущественного Повелителя чародеев потерпели поражение от эльфийских легионов во главе с Джерлом Шаннарой. Именно здесь Брона когда-то столкнулся с Бременом и загадочной силой меча Шаннары и отступил вместе со своим огромным войском назад на равнины, чтобы там встретиться с наступающей армией гномов, попасть в тиски и потерпеть поражение. Перевал Ренн видел самое начало грозного наступления на мир, впервые со времен Великих войн, и все народы считали эту безмятежную ныне долину частью великого прошлого. Это был природный памятник истории человечества, и паломники со всего света стекались сюда, чтобы почувствовать дух тех грозных времен.

Джон Лин Сандор отдал приказ спешиться, и эльфы с радостью спрыгнули на землю. Командира всадников сейчас занимала не история прошлых веков, а ближайшее будущее.

С растущей тревогой смотрел он на непроницаемую черную стену, протянувшуюся от Северных земель через равнины Стрелехейма; ее мутная тень с каждым днем все ближе подползала к границам их родного края. Зоркие глаза эльфа всматривались в далекий восточный горизонт, где тьма уже полностью окутала леса, окружавшие древнюю крепость Паранор. Он горестно покачал головой и проклял день, когда позволил уговорить себя на время оставить короля и старинных друзей. Они вместе росли, и, когда Эвентин вззошел на трон, Сандор занял место советника при дворе и стал его самым верным помощником. Они вместе готовились к вторжению армии Броны, Повелителя призраков, который, как все думали, был убит во время Второй войны рас. Загадочный скиталец Алланон предостерегал народ эльфов об опасности, и, хотя многие насмешливо встретили его пророчество, Эвентин понимал, что к словам друида стоит прислушаться. Алланон никогда не ошибался, он обладал удивительным даром предвидения, и его предсказания всегда сбывались.

Эльфы послушались советов своего короля и подготовились к войне, однако вторжение все не начиналось. Затем пал древний Паранор и исчез меч Шаннары. И снова Алланон пришел к эльфам с просьбой выставить дозор на равнинах Стрелехейма под Паранором, чтобы помешать карликам, захватившим крепость друидов, переправить великий меч на Север, в замок Повелителя чародеев. И снова они повиновались, не задавая вопросов.

Несчастье свалилось как снег на голову, и именно тогда, когда Джон Лин Сандор не мог помочь королю. Карлики, засевшие в Параноре, вдруг решили прорываться дальше на север, и три мощных отряда неожиданно напали на патруль эльфов. Эвентин и Джон Лин со своими воинами порознь преследовали два вражеских отряда из трех и легко справились бы с ними, если бы не подмога объединенных сил карликов и троллей, которые отделились от огромной армии Севера. Отряд Джона Лина был почти полностью разбит, а сам он едва спасся от гибели. До Эвентина ему добраться не удалось, и король исчез вместе со своими солдатами. Джон Лин Сандор искал его уже почти трое суток.

— Мы найдем его, Джон Лин. Он не из тех, кто легко сдается. Вот увидишь, король жив.

Угрюмый эльф кивнул, едва заметно наклонив коротко остриженную голову, его пронзительные глаза бегло скользнули по юному лицу воина, стоящего перед ним.

— Быть может, это странно, но я знаю, что он жив, — продолжал тот серьезно. — Не могу объяснить свою уверенность, я просто чувствую.

Брин Элесседил был младшим братом Эвентина и в случае его смерти наследовал эльфийский трон. Он был еще слишком юн, чтобы управлять страной, и искренне не желал этого. С тех пор как исчез Эвентин, он даже не попытался возглавить павшую духом армию или предстать перед королевским Советом, а немедленно отправился с отрядом на поиски брата. Правительство совершенно растерялось, никто не знал, как поступить в такой ситуации, и всего за две недели сплоченный эльфийский народ, еще недавно готовый противостоять несметным полчищам северян, превратился в скопление разрозненных, напуганных группировок.

Впрочем, врожденная уверенность и любовь к порядку не позволили эльфам поддаться панике, и они все же взяли себя в руки. Однако именно Эвентин с первого дня своего правления сплотил народ уединенного западного королевства. Несмотря на молодость, он обладал удивительно сильным характером и ясным умом, всегда был готов дать дельный совет и быстро завоевал любовь и доверие своих подданных. Слухи об исчезновении короля потрясли народ эльфов.

Все мысли Бриана Элесседила и Сандора были поглощены поисками пропавшего короля. После столкновения с патрулем карликов и большим полком армии Севера уцелевшие в схватке воины ненадолго заехали в отдаленную деревушку Коос, чтобы поменять лошадей и пополнить запасы провизии. И вот теперь они возвращались, чтобы продолжить поиски.

Джон Лин Сандор знал, где искать Эвентина, если тот еще жив. Несметные полчища северян уже неделю двигались к Каллахорну, но дальше им не пройти, пока крепость защищает хотя бы один воин Пограничного легиона. Если Эвен-

тин попал в плен, а именно так считали его брат и Сандор, короля вместе с его офицерами следует искать в армии Бронны. Король эльфов нужен им для устрашения других народов. Если правители соседних государств узнают о пленении Эвентина Элесседила, они сдадутся без боя.

Так или иначе, Повелитель чародеев понимал, как важен Эвентин для своего народа. Он стал самым почитаемым и любимым правителем со времен Джерла Шаннары, и эльфы были готовы на все, чтобы король вернулся к ним целым и невредимым. Мертвый Эвентин был бесполезен для Властелина тьмы, его казнь лишь сплотила бы разъяренных эльфов в общем желании уничтожить Брону. Зато живой король мог сослужить ему отличную службу — эльфийский народ не станет рисковать жизнью своего любимого монарха. Джон Лин Сандор и Брин Элесседил вовсе не думали, что Эвентина вернут эльфам, даже если их армия не станет помогать Южным землям. Они решили действовать на свой страх и риск и лишь надеялись найти своего друга и брата раньше, чем его ценность неожиданно упадет. Раньше, чем будет захвачен Юг.

— Пора! Поехали!

Нетерпеливый голос Джона Лина рассек короткую тишину, и расслабленные воины торопливо поднялись. Он в последний раз взглянул на далекий черный горизонт, развернулся и легко вскочил в седло, быстрым движением подхватив поводья. Брин тут же оказался рядом, и уже через мгновение маленький отряд галопом несся по широкой долине. Стояло хмурое утро, воздух был напоен свежестью ночного дождя, который еще продолжался на равнинах. Мокрая трава клонилась под копытами лошадей, заглушая стук подков. Далеко на юге, в толще облаков, проглядывала синяя полоска неба. Утро не сулило особой жары, и всадникам было легко в прохладном воздухе.

Они быстро добрались до конца долины и повернули к восточному ущелью, осадив взмысленных коней. Сразу за перевалом начиналась граница Северных земель, поэтому всадники говорили вполголоса. Петляя меж высоких хребтов, образующих ущелье, они вскоре выехали на равнины Стрелехейма. Джон Лин бегло оглядел огромную пустошь, простиравшуюся перед ними, и вдруг резко дернул поводья.

— Брин! Всадник!

Брин тотчас подъехал, и они вместе смотрели на далекого всадника, который галопом мчался к ним. Черты лица его в мутном свете были неразличимы, и эльфы с любопытством ждали, когда он подъедет поближе. На мгновение Брин Элессидил даже поверил, что вот-вот увидит любимого брата, но вскоре понял, что всадник слишком мал ростом. Да и наездник никудышный. Приближаясь к эльфам, горемыка то судорожно сжимал поводья, то вдруг цеплялся за седло, боясь упасть; широкое лицо его покраснелось от напряжения, пот лился ручьями. Это был не эльф, а какой-то южанин.

Неуклюжим рывком он осадил коня прямо перед эльфами и, прежде чем заговорить, долго не мог выровнять дыхание. Когда он наконец взглянул на насмешливые лица воинов, лицо его покраснело еще больше.

— Я на днях встретил одного человека, — начал незнакомец. И замолчал, убеждаясь, что его слушают. — Он попросил меня разыскать ближайшего советника эльфийского короля.

Все смешки тотчас прекратились, и всадники подались вперед.

— Я Джон Лин Сандор, — негромко произнес командир отряда.

Измученный наездник счастливо вздохнул и кивнул.

— А я Флик Омсфорд, ехал от самого Каллахорна, чтобы найти тебя. — С огромным трудом он слез на землю и принялся растирать ноющую поясницу. — Если вы позволите мне передохнуть пару минут, я отведу вас к Эвентину.

Молча шагая между двумя гигантскими троллями, Ши не мог отделаться от ощущения, что Кельтсет предал их. Засада была выставлена безупречно, но они могли хотя бы попытаться вырваться из ловушки. Вместо этого, по внезапной команде тролля, они просто позволили себя разоружить, не оказав никакого сопротивления. Сначала Ши надеялся, что Кельтсет знаком с кем-нибудь из патрульных или хотя бы сумеет договориться со своими соплеменниками, и их тут же отпустят. Но молчаливый великан покорно дал связать себе

руки. Тролли отобрали оружие у Панамона и Ши, связали их, как и Кельтсета, и повели на север по голым равнинам. Эльфийские камни остались у Ши, но они были совершенно бесполезны против троллей.

Глядя на широкую спину Панамона, юноша попытался угадать мысли своего вспыльчивого приятеля. Разбойник был так ошарашен поведением Кельтсета, что до сих пор не проронил ни слова. Очевидно, он никак не хотел признаться в том, что ошибался в своем молчаливом спутнике, которого когда-то спас от смерти и чьей дружбой так дорожил. Поступок тролля был полной загадкой для них обоих, но если Ши чувствовал лишь растерянность, то Панамон кипел от возмущения. Несмотря ни на что, Кельтсет был его другом, единственным другом, на которого он всегда мог положиться. Теперь же растущее недоверие могло быстро перерасти в ненависть, а Ши уже знал, что с Панамоном Крилом лучше дружить, чем числить его среди своих врагов.

Пленники не могли определить дорогу, по которой их вели. Над северными землями стояла безлунная ночь, и Ши приходилось напряженно глядеть под ноги, пока отряд петлял между разбросанными валунами и высокими пригорками, усеянными обломками скал. Из того, что говорили тролли между собой, он не понимал ни слова, а спросить у мрачного Панамона не решался. Если тролли знают, кто он, их наверняка отведут к Повелителю чародеев. Но если эльфийские камни у него до сих пор не отобрали, остается надежда, что патрульные схватили их как нарушителей границы, не догадываясь, что именно привело троих путников на Север. Впрочем, скоро они поймут, так что радоваться рано. Ши вдруг вспомнил о сбежавшем карлике. Следы Орла Фейна обрывались в том месте, где они натолкнулись на засаду троллей, поэтому карлик тоже мог оказаться пленником. Но куда его отвели? И где теперь меч Шаннары?

Долго брели они в кромешной темноте. Вскоре Ши потерял счет времени, он так устал, что в конце концов без сил упал на землю, и один из троллей взвалил юношу на плечо, словно мешок с зерном, и нес весь остаток пути. Первым, что он увидел, придя в себя, был мерцающий свет неболь-

ших костров в незнакомом лагере. Его поставили на землю и отвели в просторную палатку. Внутри тролли еще раз осмотрели его руки, проверяя прочность узлов, и вдобавок связали ноги. Потом все ушли, и Ши остался один. Панамона и Кельтсета куда-то увели.

Сначала он попытался ослабить ремни на руках и ногах, но быстро оставил эту безнадежную затею. Его снова начал одолевать сон, усталость после долгого перехода накатывала на измученное тело. Чтобы как-то отвлечься, он заставил себя думать о побеге. Но чем больше он старался, тем сильнее пелена затягивала его уставший разум. Через пять минут он уже спал.

Казалось, почти тотчас чьи-то грубые руки бесцеремонно вырвали его из глубокого сна. Ши с трудом поднялся и увидел крупного тролля. Буркнув что-то непонятное, крепьши махнул рукой на тарелку с едой и вышел. На миг ослепленный светом утра после темноты палатки, Ши беспомощно заморгал, мысленно отметив, что солнце по-прежнему не жалует Северные земли. Неожиданно он осознал, что кожаные ремни сняты, с силой растер затекшие запястья и лодыжки, а потом быстро проглотил оставленную еду.

Снаружи царило большое оживление; в утреннем воздухе звенели громкие крики троллей, в спешке пробегавших по лагерю. Подкрепившись нехитрым завтраком, пленник уже собрался с духом, чтобы выглянуть из палатки, как вдруг холщовый полог резко откинулся и вошел охранник. Молчаливым жестом тролль приказал Ши следовать за ним. Нащупав спрятанные на груди эльфийские камни, юноша неохотно поплелся за стражником.

Несколько троллей повели пленника через обширный лагерь, мимо больших и маленьких палаток и каменных хижин. Лагерь раскинулся на широком утесе в окружении невысоких горных хребтов. Взглянув на горизонт, Ши понял, что они находятся высоко над голыми равнинами, которые пересекали прошлой ночью. Стоянка троллей казалась совершенно необитаемой, все голоса разом смолкли. От ночных костров осталась лишь зола, а палатки и хижины стояли пустые. Внезапно Ши пробрало ледяным холодом, он

решил, что его ведут на казнь. Ни Панамона, ни Кельтсета нигде не было видно. Алланон, Флик, Менион Лих и все остальные плутали где-то в Южных землях и ничего не знали об уготованной ему судьбе. Никогда еще Ши не чувствовал себя таким одиноким. Страх и отчаяние сковали его волю, и несчастный южанин даже не пытался бежать, ступая одеревеневшими ногами рядом со своими конвоирами. Так они шли довольно долго, то и дело петляя между безмолвными палатками, впереди уже маячила невысокая горная цепь, обозначающая границу лагеря. Когда палатки и хижины закончились и они вышли на широкую открытую площадку, Ши замер, не веря своим глазам.

Широким полукругом, обратив лица к горам, на площадке сидело несколько десятков троллей. Появление Ши лишь на секунду отвлекло их от странного оцепенения. У подножия хребта расположились три тролля — все разного роста и, насколько Ши мог судить, разного возраста. Каждый сжимал в руке ярко раскрашенную палку с черным лоскутком. Сбоку юноша увидел Панамона Крила; разбойник был странно печален и задумчив и никак не отреагировал на его появление. Все не отрывали глаз от массивной фигуры Кельтсета, который неподвижно стоял в центре со сложенными на груди руками, лицом к трем троллям у горы. Он не повернулся, когда в круг ввели Ши и усадили рядом с Панамоном. Наступила звенящая тишина. Ничего более странного Ши в своей жизни не видел. Затем один из трех троллей церемонно поднялся и легонько постучал посохом по земле. Все собравшиеся разом вскочили, повернулись на восток и хором проговорили несколько отрывистых фраз на своем языке. После этого все снова уселись.

— Подумать только! Они молятся!

Услышав голос Панамона, Ши вздрогнул от неожиданности и посмотрел на него, но разбойник по-прежнему не отрывал глаз от Кельтсета. Поднялся второй из трех председателей на этом странном сборище и что-то коротко сказал внимающим его слушателям, энергично махнув рукой в сторону Панамона и Ши. Юноша повернулся к Крилу, ожидая объяснений.

— Это суд, Ши,— сказал вор удивительно спокойным тоном.— Но судят не нас с тобой. Нас отведут к горе Черепа, в королевство Повелителя чародеев, а там... Не знаю, что с нами будет... Мне кажется, они еще не поняли, кто мы. Просто Повелитель чародеев велел приводить всех чужаков к нему, вот они и исполняют его приказ. Так что надежда еще есть.

— А как же суд? — с сомнением спросил Ши.

— Это суд над Кельтсетом. Он предпочел быть судимым собственным народом, вместо того чтобы отправиться к Броне. По древней традиции любой тролль имеет право выбора, и ему не могли отказать. Его судят за измену. Наши народы воюют, а Кельтсета видели с нами, поэтому он считается предателем. Таков закон.

Ши невольно взглянул на Кельтсета. Похожий на изваяние, великан сидел неподвижно и слушал монотонный голос судьи. Как хорошо, что они ошибались, радостно подумал Ши. Тролль не выдавал их. Но почему он так легко сдался, если знал, что его ждет?

— А если его вину признают? — взволнованно спросил он. На губах Панамона мелькнула слабая улыбка.

— Я знаю, о чем ты думаешь,— сказал он с горькой иронией.— Дескать, сам поставил свою жизнь на карту. Если его признают виновным, то немедленно сбросят с ближайшей скалы.

Он выразительно замолчал и вдруг повернулся к юноше.

— Я тоже этого не понимаю.

Тролль наконец закончил свою длинную тираду и сел на место. Через мгновение к важной троице вышел еще один и что-то отрывисто проговорил. Следом выходили другие и коротко отвечали на вопросы судей. Ши не понимал ни слова, но догадывался, что это воины патрульного отряда, который схватил их прошлой ночью. Суд вызывал все новых и новых свидетелей, а Кельтсет по-прежнему сидел с бесстрастным видом, не меняя позы.

Ши смотрел в невозмутимое лицо великана, не в силах понять его выбор. Как и Панамон, юноша больше не верил в печальную легенду о несчастном калеке, изгнанном жестокими сородичами. Не верил он и в то, что Кельтсет был раз-

бойником и бродягой, каким его пытался представить Крил. Удивительно добрые глаза загадочного молчуна светились разумом. Хотя за всю дорогу он не сказал ни слова, Ши не сомневался, что тролль знает все и о мече Шаннары, и о Повелителе чародеев, и даже о нем самом. Тайну своего прошлого гигант никому не открывал. Совсем как Алланон, внезапно подумал Ши. Да и загадку великого меча знали они оба. Юноша сам удивился, как такое нелепое сравнение пришло ему в голову.

Допрос свидетелей завершился, и судьи велели обвиняемому встать и сказать слово в свою защиту. В гулкой тишине все тролли, Панамон и Ши ждали, когда же поднимется Кельтсет. Великан сидел неподвижно, погруженный в странное оцепенение. Ши вдруг захотелось завопить во весь голос, чтобы только разбить невыносимую тишину, но крик застрял в горле. Время текло мучительно медленно. А потом, неожиданно для всех, Кельтсет встал.

Он стоял во весь свой величественный рост, гордо распрямив спину, лицо его было торжественно и значительно. С достоинством глядя на замерших в ожидании судей и ни на секунду не опустив головы, он сунул руку за широкий ремень на пояс и извлек большой медальон из черного металла. За секунду, которую Кельтсет держал медальон в руке перед изумленными троллями, Ши успел разглядеть крест в центре блестящей подвески. В следующее мгновение великан медленно поднял медальон за цепочку и надел его на могучую шею.

— Силы небесные... не могу поверить! — Панамон задохнулся от изумления.

Все трое судей тоже поднялись, как громом пораженные. Когда Кельтсет повернулся к остальным троллям, которые сгорали от любопытства, не понимая, что происходит, все мгновенно вскочили с мест, и воздух наполнился их взволнованными криками. Переполошенные зрители отчаянно размахивали руками и не умолкали ни на минуту, во все глаза глядя на неподвижно застывшего в круте Кельтсета. Ши смотрел на него вместе с остальными, совершенно сбитый с толку.

— Панамон, что здесь творится? — выкрикнул он наконец.

Мощный рев восторженной толпы почти полностью заглушил его слова. Панамон вдруг тоже поднялся на ноги и хлопнул хрупкого юношу по плечу.

— Не могу поверить, — повторил он с нескрываемой радостью. — Мне такое и в голову не могло прийти! Так вот что он скрывал от нас, мой юный друг! Вот почему сдался в плен и не стал сопротивляться! Но все-таки...

— Объясни наконец, что происходит! — с жаром потребовал Ши.

— Взгляни на медальон, Ши. Видишь крест в круте? — громко закричал вор. — Это Черный Айрикс, высшая награда троллей! Если увидишь за всю жизнь хотя бы троих, кто удостоился такой чести, считай, тебе крупно повезло! Такой медальон получают только самые достойные из достойнейших, те, кто воплощает в себе все, что ценит и к чему стремится народ троллей. Чтобы получить такую награду, надо при жизни стать едва ли не богом. Вот такая честь была оказана нашему троллю, а мы даже не догадывались!

— А как же его проступок? Ведь сородичи видели его с нами?.. — Юноша не успел договорить.

— Тот, кто носит Айрикс, не может быть предателем своего народа, — резко оборвал его Крил. — Великая честь, оказанная этим избранным, предполагает безграничное доверие к ним. Никто из удостоенных великого медальона никогда не нарушит законов своего народа, он просто не способен на такое. Тролли считают величайшим грехом сомневаться в достоинствах своих героев и ужасно боятся наказания за такие подозрения. Ни один тролль не усомнится в нем.

Ши заворуженно смотрел на Кельтсета; толпа все не унималась. Скальный тролль снова повернулся к судьям, которые тщетно пытались успокоить ликующее собрание. Прошло еще несколько минут, прежде чем шум немного утих. Наконец тролли уселись на места и принялись с волнением ждать слов Кельтсета. Последовала короткая пауза, прежде чем из толпы протиснулся переводчик, и тогда великан заговорил на языке жестов. Внимательно глядя на руки Кельтсета, тролль-переводчик обратился к судьям. Один из судей начал задавать вопросы, так они переговаривались доволь-

но долго, и Ши ничего бы не понял, если бы не сидящий рядом Панамон, который быстрым шепотом начал объяснять смысл их разговора своему взволнованному товарищу.

— Он говорит, что пришел из Норбана, это один из самых больших городов троллей на севере Чарнальских гор. Он из древнего и уважаемого рода Малликос. Но все его родные погибли, поговаривали, что их убили гномы, когда пытались ограбить их семейный дом. Тот судья слева спрашивает, как удалось уцелеть самому Кельтсету, ведь все считали, что он тоже погиб в той страшной бойне. Похоже, история была громкая, если даже в этой захолустной деревушке слышали... А он говорит... ты сейчас такое услышишь, Ши, с ума сойти! Кельтсет сказал им, что его семью уничтожили посланцы Повелителя чародеев! Почти год назад они явились в Норбан, свергли правительство и велели солдатам исполнять их приказы. Большинство горожан они убедили в том, что Брона вернулся из царства теней, где пробыл не одну тысячу лет, и теперь никто из смертных не сможет причинить ему вреда. Малликосы были одной из правящих семей Норбана, они единственные отказались подчиниться захватчикам и призвали всех горожан выступить против Повелителя чародеев. Кельтсет мог убедить многих, ведь слово обладателей Черного Айрикса для троллей непререкаемо. Тогда Повелитель чародеев уничтожил всю семью Малликосов, а Кельтсета отправил в свою крепость на Острие Ножа. Историю о разбойниках-гномах распустили специально, чтобы обозленные тролли легче согласились пойти войной на Южные земли.

На счастье, Кельтсету удалось бежать, прежде чем его заточили в темницу, после этого он долго скитался на Юге, там я его и встретил. По приказу Повелителя чародеев ему выжгли язык, тогда он научился говорить руками. Он лишь ждал случая вернуться на Север...

Неожиданно заговорил второй судья, и Панамон на мгновение умолк.

— Судья спросил, почему он вернулся именно теперь. А наш друг говорит, что узнал то единственное, чего так боится Брона. Это меч Шаннары. И еще он услышал легенду о том, как однажды появится последний потомок великого эльфийского рода и поднимет этот знаменитый клинок...

Панамон резко замолчал, когда переводчик выжидающе повернулся к Кельтсету. И тут могучий тролль впервые посмотрел на юношу, и его добрые глаза встретились с испуганными глазами маленького южанина. Ши вздрогнул. Затем великан повернулся к замершим в ожидании судьям и коротко взмахнул руками. Панамон немного помедлил и тихо произнес:

— Он говорит, что тролли должны пойти вместе с ним в королевство Черепа. А когда мы все окажемся в крепости, ты, Ши, уничтожишь Повелителя чародеев!

Глава 31

Паланс Буханнан умер на рассвете. Смерть пришла тихо, почти неожиданно, когда первые золотистые лучи робко просочились сквозь сумрак восточного небосклона. Принц скончался, так и не придя в сознание. Когда Балинору сообщили печальное известие, он едва заметно кивнул и отвернулся. Друзья нерешительно постояли рядом еще минуту, а потом Хендель молча сделал знак, чтобы все уходили. Выйдя в коридор перед комнатой, где лежало тело, они собрались в кружок и заговорили приглушенными голосами. Балинор был последним из Буханнанов. Если в предстоящей битве ему суждено погибнуть, славный род навсегда исчезнет и только история будет помнить великое имя.

В тот же час началось наступление на Тирсис. Огромная армия подступила тихо, на исходе уходящей ночи. Занявшие боевые позиции воины Пограничного легиона смотрели, как лениво наползающий рассвет выхватывает из сумрака огромную армию, которая растянулась от далекого Мермидона до серых равнин под стенами крепости; четко выстроенные полки северян расчерчивали темно-зеленое поле, делая его похожим на шахматную доску. На мгновение чудовищная армия замерла на равнине в безмолвном ожидании — осторожные солнечные лучи медленно превращали неясные тени в тела из плоти и крови, жестокие и безжалостные, — а затем двинулась на защитников Тирсиса. Тишину неожиданно разорвал грохот боевых барабанов карликов, низкий тревожный звук зловещим эхом отдавался от каменных стен крепости.

Северяне двигались медленно и размеренно, дробь барабанов перемежалась с гулким стуком сапог и лязганьем доспехов и готового к бою оружия. Воины шли молча — несметные тысячи закованных в железо фигур с неразличимыми в густом утреннем сумраке лицами. Впереди пешего строя, на окованных железом колесах, воины со скрипом толкали огромные неуклюжие мостки, сколоченные из обшитых металлом бревен. С их помощью северяне собирались преодолеть укрепленные крепостные стены.

Вскоре наступательная армия подошла совсем близко к замершему в ожидании Пограничному легиону, мерный бой барабанов не смолкал. На востоке показался яркий ободок солнца, окончательно вытесняя ночь за дальний горизонт. Неожиданно барабаны смолкли, и растянувшаяся на миля армия резко остановилась. В утреннем воздухе повисло испуганное молчание. А потом из глоток северян вырвался оглушительный рев, и несметное полчище чудовишным валом хлынуло вперед.

Балинор стоял у закрытых ворот Внешней стены, с холодным бесстрастным лицом он смотрел вниз, на толпы яростных врагов. Не теряя самообладания, он ровным голосом отдавал четкие распоряжения гонцам, приказывая одному мчаться на левый фланг к Эктону и Фандвику, а второму как можно скорее разыскать Мессалайна и Гиннисона на правом. Глаза короля неотрывно смотрели на ужасную картину у стен бастиона, волна разъяренных северян подкатывала все ближе и ближе. За nasкоро возведенными валами лучники и копьеносцы терпеливо дожидались его приказа. Балинор не сомневался, что воинам легиона удастся отбить даже такую чудовищную атаку со своих выгодных позиций, но сначала необходимо было уничтожить пять наклонных платформ, которые медленно подкатывались к подножию утеса. Его опасения о том, что враги непременно попытаются взобраться на плато и невысокие валы вокруг крепости с помощью таких или подобных приспособлений, сбылись. Северяне, похоже, тоже ожидали, что мост, ведущий к воротам города, будет разрушен, и хорошо подготовились. Авангард армии Севера был уже в полусотне футов от плато, а король Каллахорна все еще медлил.

И вдруг под ногами яростно марширующих воинов разверзлась земля, и сотни северян с громкими криками начали проваливаться в замаскированные ямы, вырытые вокруг всего плато. Два огромных настила, оставшиеся без присмотра, слетели с колес и рухнули в широкие канавы, разлетаясь в щепки. Первая волна мощной атаки застопорилась, и тогда лучники Пограничного легиона, получив долгожданный приказ Балинора, в упор выстрелили по первым рядам ошеломленных врагов. Убитые и раненые падали на землю, и их тут же затапывали воины второй волны наступления, которые стремительно прорывались к солдатам легиона.

Осталось еще три перекатных моста, которые благополучно миновали скрытые ловушки и теперь медленно катились к невысоким валам. Лучники быстро выпустили залп зажигательных стрел, целясь в открытое дерево, но дюжины проворных карликов тотчас взобрались на платформы и принялись сбивать огонь. К тому времени лучники северян успели встать на позиции, и несколько минут воздух рассекал громкий свист стрел, летящих с обеих сторон. Уязвимые карлики, которые суетливо сновали вокруг горящих платформ, упали замертво. Повсюду раздавались крики боли, когда смертоносные стрелы находили свои живые мишени. Скрытые за укреплениями раненые воины легиона могли перевязывать свои раны, а вот их сраженные противники так и лежали, беспомощные, посреди поля, и сотни их погибали, прежде чем их успевали перенести в укрытие.

Три огромные платформы продолжали катиться к подножию плато, одна из них была объята пламенем, и огромные клубы дыма застилали все в сотне ярдов вокруг. Когда два настила были всего в нескольких шагах от земляного вала, Балинор дал сигнал к последней атаке. К краю плато подтащили огромные котлы с маслом и опрокинули их на равнину, прямо под колеса катящихся платформ. Не успели северяне опомниться, как в лужи растекшегося масла полетели факелы, и все поле исчезло в столбах пламени и густого черного дыма.

Наступление приостановилось, когда вновь прибывающие волны северян в ужасе застыли перед чудовищной сте-

ной огня. Передние ряды атакующих сгорели заживо, лишь немногим удалось спастись от языков пламени, бушующего у стен крепости. Ветер относил черный дым на запад по равнине, и на несколько минут центр и левый фланг вражеской армии оказались отрезанными друг от друга и от раненых, которые беспомощно задыхались в удушливом чаду.

Балинор поспешил воспользоваться замешательством северян. Именно сейчас неожиданная контратака могла смять врага и повернуть вспять армию Севера. Резко развернувшись, он махнул Янусу Сенпре, который остался в крепости, чтобы командовать городским гарнизоном, и теперь стоял в ожидании наверху Внешней стены. В тот же миг тяжелые, окованные железом ворота отворились наружу, и конный полк Пограничного легиона, вооруженный короткими мечами и пиками с крючьями на концах, вылетел на плато, резко повернул налево и галопом поскакал по открытой дороге вдоль городской стены. На мундирах воинов сверкал герб с изображением леопарда. С быстротой молнии примчались они к левому флангу оборонительных линий крепости, которым командовали Эктон и Фандвик. С края плато на окутанные дымом равнины быстро опустили наклонный мост, и всадники, вслед за Эктоном, с грохотом ринулись вниз.

По плану Балинора кавалерия должна была обогнуть завесу дыма и неожиданно обрушиться на правый фланг северян. После этого пеший полк легиона собирался нанести удар по незащищенному центру вражеской армии и отбросить противника назад, к Мермидону. Если же контратака провалится, обоим командирам было приказано немедленно отступать под прикрытием дымовой завесы к наклонным мостам, которые будут дожидаться их. План был рискованным. Армия Севера превосходила защитников Тирсиса раз в двадцать, и, если бы воины легиона оказались отрезанными, их неминуемо перебили бы всех до одного.

Небольшие отряды пехотинцев уже спустились по наклонной платформе и устремились на левый фланг, короткими набегами отакая противника от единственного пути к отступлению, который еще оставался у конного полка. На мгнове-

ние густой дым, относимый ветром от горящих в центре платформ, полностью заслонил происходящее на левом фланге.

А на правом фланге меж тем завязалась жестокая битва. Здесь обзор двум армиям лишь слегка закрывала едва заметная дымка, и наступление северян продолжалось, ничем не замедленное. Укрывшиеся за валом лучники легиона перебили первую волну нападавших, однако вторая пробилась к самому подножию плато и пыталась штурмовать укрепленные высоты с помощью грубо сколоченных осадных лестниц. Карлики непрерывным дождем из стрел прижимали защитников крепости к земле, чтобы дать своим солдатам беспрепятственно взобраться по лестницам. На помощь лучникам подоспели другие отряды и принялись железными крючьями отталкивать врагов от насыпи, после чего стрелки возобновили огонь.

Это была долгая кровавая битва, обе стороны дрались без усталости, и никто не хотел уступать. В какой-то момент яростный отряд диких скальных троллей прорвал оборону легиона и ворвался на плато. Здоровяк Гиннисон, с копной огненно-рыжих волос и пунцовым лицом, немедленно повел своих солдат навстречу могучим троллям, в кровавой рукопашной схватке легионеры перебили небольшой отряд нападавших и быстро закрыли брешь.

Наверху огромной Внешней стены Янус Сентре и четверо друзей с волнением наблюдали за ужасной битвой, которая разворачивалась у них перед глазами. Хендель, Менион Лих, Дьюрин и Дазль остались в городе, им было приказано следить за ходом сражения и помогать Балинору принимать точные решения. Клубы черного дыма совершенно скрывали от глаз командира передвижения его кавалерии, и только друзья с высоты утеса могли подсказать, когда лучше начать атаку из центра оборонительной линии. Балинор во многом полагался на опыт и мудрость Хенделя, ведь угрюмый гном почти тридцать лет провел в бесконечных войнах на границах Анара.

И вот седой молчун Хендель, горец и братья-эльфы с тревогой смотрели на грандиозное зрелище у подножия утеса. На правом фланге битва была особенно жестокой, северяне

яростно наступали на защитников крепости, укрывшихся за земляным валом, пытаясь пробиться к вершине плато. Пограничный легион держался из последних сил. Равнины прямо под городскими воротами в середине крепостной стены были скрыты дымом от горящего масла и вражеских платформ, которые уже превратились в груды объятых пламенем бревен. Вокруг столбов дыма суеливо сновали растерянные карлики, тщетно пытаясь выстроить свои смятые ряды для нового наступления. А слева, невидимые за дымовой завесой, неожиданно вырвались всадники легиона и, не давая врагам опомниться, решительно сломили их сопротивление.

На правом фланге, именно для таких маневров противника, располагался большой конный отряд карликов, однако внезапная и стремительная атака кавалерии Эктона застала северян врасплох. Тирсианцы в два счета разметали плохо обученных верховой езде карликов и начали решительную атаку на оголившийся край вражеской армии. Раскинувшись широким веером на север, прославленные конники выстроились в три шеренги, опустили свои устрашающие пики с крючьями на концах и устремились в гущу ошеломленного войска. Точным броском Эктон повел своих всадников прямым в незащищенные ряды северян и могучим натиском едва не обратил в бегство их правый фланг. Небольшая группа наверху Внешней стены с волнением увидела, как противник спешно перебрасывает силы из центра на правый фланг, чтобы встретить новую атаку. И тогда Хендель не мешкая махнул Балинору, стоявшему внизу. В середине линии обороны тут же опустили еще один наклонный мост, и второй полк легиона во главе с высоченным Мессалайном сошел на затянутые дымом равнины, оставив небольшой отряд для охраны моста. Сомкнув ряды обороны, Балинор торопливо поднялся на верхнюю площадку стены, чтобы наблюдать за контратакой.

Все было продумано до мелочей. Как только смятый правый фланг неповоротливой армии Севера начал разворачиваться, чтобы встретить новую атаку всадников легиона, из дымной завесы в центре появился полк Мессалайна. Закрывшись щитами и выставив перед собой колючую стену из гроз-

ных копий, прославленные воины плотно сомкнутыми рядами врезались прямо в гущу растерянных врагов. Не сбавляя шага, они оттесняли превратившихся в бесполое стадо карликов все дальше и дальше, оставляя на земле десятки мертвых и искалеченных тел. Слева продолжали наступать всадники Эктона. Весь правый фланг начал стремительно рушиться, крики испуганных карликов стали такими пронзительными, что даже яростное наступление на дальних подступах к крепости ненадолго приостановилось, и сбитые с толку северяне с удивлением оглядывались на запад в тщетной попытке понять, что там происходит. Стоя на вершине обрыва, Менион Лих с изумлением воскликнул:

— Невероятно! Легион теснит их. Победа!

— Пока нет,— прошептал Хендель.— Настоящая битва только начинается.

Горец снова повернулся к сражению. Враги все еще отступали под мощным напором легионеров, однако в тылу вражеской армии шла активная перестановка сил. Армия Повелителя чародеев так легко не сдалась; уступая защитникам крепости в воинской смекалке и умении, она значительно превосходила их числом. Большой конный отряд карликов уже обходил с тыла отступающих пехотинцев, чтобы ответить на удар кавалерии Эктона. Карлики немедленно сдвинулись на север, навстречу передним рядам всадников, и под прикрытием луков и пращей ринулись в атаку. Из дальних шеренг в центре вражеского войска выдвинулся внушительный отряд могучих воинов, закованных в тяжелые латы. Выстроившись в плотное каре, они начали наступать на ослабевшие ряды северян, протискиваясь к пехотинцам легиона. Мгновение зрители на вершине утеса с недоумением ждали, что произойдет дальше, и вдруг вскрикнули от изумления, увидев, как латники мечами и пиками начали прорубаться через отступающих бойцов своей же армии. Никогда в жизни Менион не видел такой жестокости.

— Скальные тролли! — в волнении выкрикнул Балинор.— Они уничтожат отряд Мессалайна. Сенпре! Сигналь отступление!

Новый офицер легиона метнулся к ближайшему флажку, и тут же в небо взметнулось большое алое полотнище.

Менион Лих с недоумением смотрел на короля. Почему Ба-
лино́р велел отступать, когда победа казалась так близка! За-
метив удивленный взгляд друга, король мрачно усмехнулся.

— Скальных троллей с младенчества учат сражаться, в
этом вся их жизнь. В рукопашной нам с ними не справиться.
В этом троллям нет равных, и физически они намного силь-
нее. Лобовой атакой мы ничего не добьемся. Мы и так потре-
пали их изрядно и до сих пор удерживаем утесы. Для полной
победы придется отрубить от огромного полчища по кусочку.

Менион понимающе кивнул. Коротко махнув рукой, Ба-
лино́р спустился с крепостной стены, чтобы быть ближе к
своим войнам. Сейчас его больше волновало бескровное от-
ступление обоих полков легиона, а для этого требовалось не-
медленно защитить наклонные мосты, ведущие на вершину
плато. Горец смотрел ему вслед, пока могучая фигура коро-
ля не скрылась из виду, потом снова повернулся к равнине.
Страшное зрелище предстало его взору. От подножия уте-
са до самых дальних рядов армии Севера земля была усыпа-
на телами павших. Замерев от ужаса, друзья смотрели с вер-
шины утеса на самую кровавую бойню, которую им только
приходилось видеть.

Вдалеке пеший полк Мессалайна начал организованно
отступать к стенам Тирсиса, хотя огромные скальные тролли
уже почти прорвались сквозь смятые ряды своей армии и
приготовились преследовать ненавистных южан. Но пока пе-
хотинцы беспрепятственно отходили к утесу, конный полк
Экто́на столкнулся с неожиданным сопротивлением кавале-
рии карликов, и слева от наступающих троллей завязалась
жестокая схватка. Экто́н не успел или не захотел отойти под
яростным натиском врага, и его всадники попали под пере-
крестный огонь двух рядов лучников, атаковавших с севера.
Сзади конницу уже обходил большой смешанный отряд кар-
ликов и троллей, и вскоре полк Экто́на был окружен с трех
сторон.

Хендель что-то сердито пробурчал. Менион впервые с
начала сражения по-настоящему испугался. Даже Янус Сен-
пре принялся нервно ходить взад-вперед по стене. В следу-
ющий миг их самые худшие опасения сбылись. Преследую-

шие легионеров тролли неожиданно рванулись вперед с такой скоростью, что измученные воины Мессалайна не успели отойти к утесам и вынуждены были принять бой почти в сотне ярдов от спасительного моста. Клубы дыма от затающего пламени черной стеной висели над низкими земляными валами, и ожидавший у городских ворот Балинор не видел, что происходит на равнине, зато страшный поворот событий был прекрасно виден с Внешней стены.

— Надо предупредить Балинора! — закричал Хендель, прыгивая с парашюта. — Их сейчас на клочки разорвут!

Янус Сенпре поспешил вместе с ним, а Менион и братья-эльфы в немой беспомощности смотрели, как яростные тролли могучей стеной приближаются к уставшим воинам Мессалайна. Тирсианцы выстроились тесными рядами, закрылись щитами и выставили перед собой копья, уперев их древками в жесткую землю. Тролли растянулись плотной широкой дугой, сжимая противника с трех сторон, чтобы смять его в рукопашной схватке. Менион бросил тревожный взгляд вниз, но Балинор не двигался с места, еще не зная о смертельной опасности, которая угрожает целому полку его знаменитого легиона. Горец снова повернулся к равнине и вдруг заметил краем глаза, как к королю Каллахорна бегут Хендель и Янус, отчаянно размахивая руками. Слишком поздно, с горечью подумал Менион. Они не успеют.

И тогда случилось то, чего никто не ожидал. Конный полк Эктона, на время скрытый из виду, стремительным броском вырвался из тесных рядов карликов и безупречным строем полетел на восток, заходя по крутой дуге в тыл скальным троллям. На полном скаку всадники пронеслись через цепочку карликов, преградивших им путь. Не обращая внимания на град стрел, которыми их поливали лучники северян, они неслись прямо на ряды латников. Опустив пики, воины Эктона ударили сзади по фаланге троллей и, не замедляя хода, пронеслись по равнине дальше на восток. Не ожидавшие нападения, дюжины сраженных пиками троллей замертво упали на землю.

Но могучие великаны не напрасно считались лучшими воинами в мире — тролли быстро оправились от внезапно-

го удара, сомкнули ряды и развернулись, готовые к новому штурму врага. Когда полк Эктона снова развернулся на запад и головокружительным галопом понесся вперед, латники метнули им навстречу булавы и копья. Оставив на поле больше десятка убитых, всадники проскакали на восток и резко повернули на юг, к спасительным стенам Тирсиса.

Дерзкий налет кавалерии достиг своей цели, окруженный полк Мессалайна успел улизнуть из готовой захлопнуться ловушки и скрылся в клубах черного дыма. Блистательный маневр Эктона был выполнен безупречно, и друзья на парапете Внешней стены не могли сдержать восторженных криков.

Преследуемые разъяренными тролями, пехотинцы легиона прорвались сквозь дым и побежали к мосту, где их уже ждал Балинор с небольшим отрядом подмоги. У подножия утеса завязалась жестокая схватка с северянами, когда те попытались взобраться по наклонной платформе. Тогда защитники Тирсиса сбросили мост на равнину и вскоре подожгли.

На левом фланге бойцы легиона отчаянно пытались защитить от врагов второй наклонный мост в крепость, а в это время всадники Эктона пробивались сквозь строй взбешенных лучников, неся новые и новые потери. Всю дорогу до стен крепости им пришлось пробиваться сквозь отряды карликов, которые стремились отрезать им путь к отступлению, яростно размахивая мечами. Наконец разгоряченные воины достигли желанного прибежища, почти не замедляя хода, бешеным галопом взлетели по наклонному мосту и свернули к открытым воротам, где их приветствовали радостные толпы солдат и горожан. Когда последний кавалерист покинул равнину, отряд, сдерживающий натиск врага у подножия утеса, тоже поднялся наверх, и защитники Тирсиса поспешно втащили за собой мост.

Тем временем день был в разгаре, и над бойцами двух армий влажной завесой висел нещадный жар полуденного солнца. Угрюмо и неохотно северяне отошли от стен крепости, унося с собой сотни мертвых и раненых, и начали перестраиваться для нового штурма. Ветер внезапно стих, и над умолкшими равнинами неподвижно застыл дым от горящего мас-

ла. Земля под утесами была усеяна обгоревшими телами, небольшие костры из огромных бревен, оставшихся от переносных мостов, все еще полыхали, медленно превращаясь в золу. отвратительная вонь поднималась над полем, и кружившие неподалеку стервятники с пронзительными криками начали слетаться на пир. Разделенные истерзанной землей, противники с нескрываемой ненавистью смотрели друг на друга, готовые пролить новую кровь, несмотря на усталость и раны. А пока некогда цветущая равнина застыла в тревожном ожидании, и палящее солнце безжалостно выжигало пустынную измученную землю. Казалось, битва окончена, и мысли уцелевших в этой страшной войне с надеждой обращались к близким. Тень смерти ненадолго отступила.

Однако ближе к вечеру армия Севера снова пошла в наступление. Отряды лучников бесконечным дождем стрел осыпали низкие валы и утесы, смешанные полки карликов и троллей, вооруженных мечами, яростными набегами пытались прорвать оборону тирсианцев. Переносные платформы, штурмовые лестницы, веревки с крючьями — все пошло в ход, чтобы пробить брешь в рядах защитников крепости, но каждый раз легионеры отбрасывали северян назад. Долгим утомительным штурмом северяне надеялись сломить дух врага, ослабить и без того уставших воинов легиона. Наступили сумерки, а ожесточенная битва все еще продолжалась. Лишь в полной темноте сражение наконец утихло, и страшное несчастье постигло прославленный Пограничный легион. Когда над залитой кровью землей сгустилась тьма, измученные противники в последний раз обменялись градом стрел, пущенных почти наугад в туманном сумраке. В это время конный полк Эктона возвращался с левого фланга, и шальная стрела пробила горло командира, выбив великого воина из седла. Эктон упал на руки своих товарищей и через несколько мгновений умер.

Во всем свете не было более мрачного и зловещего места, чем королевство Повелителя чародеев; голая безжизненная пустошь, окруженная кольцом смертельных ловушек, утрюмо затаилась на самом краю земли. Заботливая рука приро-

ды давно не касалась этой безотрадной обители тьмы, и обреченная пустыня лежала в вечном безмолвии. Восточные границы королевства тонули в зловонном сумраке бескрайнего болота Мальг, и ни одному живому существу еще не удавалось одолеть его зыбучие топи. Под мелкими водами, на которых плавали клочки бесцветной тины, живущей не дольше одного дня, скрывалась гибельная трясина, и любой, кто осмеливался ступить на ее зыбкие хляби, неминуемо находил свою смерть. Говорили, что Мальг бездонен, и хотя на его обширных просторах еще изредка встречались крохотные островки твердой почвы и виднелись огромные, похожие на руки, ветви деревьев, но и они постепенно исчезали в бескрайней пучине.

Вдоль северной границы, к западу от Мальга, протянулась изрезанная горная гряда, прозванная Лезвием Бритвы. В этих невысоких горах не было перевалов, а широкие склоны топорщились отвесными зазубренными скалами, словно вытолкнутыми из чрева земли. Находились смельчаки, которые пытались преодолеть неприступные вершины и, быть может, даже преуспели бы в своих попытках, если бы не полчища ядовитых пауков, облюбовавших зловещие горы. Выбеленные кости мертвецов, небольшими кучками разбросанные среди темных скал, мрачно напоминали об их неизбежном присутствии.

В северо-западном пределе королевства гибельная цепь разрывалась, Лезвие Бритвы уступало место пологим холмам, и на пять миль к югу, до самого центра неприступного кольца, тянулась легко проходимая равнина. Казалось, ничто не препятствовало незванным гостям воспользоваться этим внешне безопасным входом, но маленькие ворота в запретное королевство служили лишь ловушкой, устроенной для доверчивых чужаков Учителем и Повелителем. Глаза и уши, послушные только его приказам, бдительно стерегли узкую полосу земли, и в любую минуту западня могла захлопнуться. Сразу от подножия холмов начиналась пустыня Киерлак, почти на полсотни миль растянулась на юг огромная иссохшая пустошь. Над песчаными равнинами невидимой дымкой висели тяжелые ядовитые испарения, поднимавшиеся от вод реки

Леты, которая лениво затекала в раскаленную пустыню с юга и вливалась в небольшое озерцо. Даже птицы, пролетавшие слишком близко к смертельному туману, гибли на лету. Тела животных, умерших в страшной топке, среди песка и ядовитого воздуха, разлагались в считанные часы, и ничто не напоминало о месте их гибели.

Однако самая ужасная преграда зловеще тянулась вдоль всей южной границы запретных владений, от юго-восточного края пустыни Киерлак до топких берегов Мальга. И называлась эта преграда Острие Ножа. Словно огромные каменные копы, вонзенные в земную твердь неким чудовищным исполином, отвесные горы взметались в небо на тысячи футов. Неровным частоколом из жутких колев застилали они мутный горизонт, похожие на растопыренные в агонии пальцы. У подножия зловещих гор плескались ядовитые воды Леты, которая брала свое начало в бездонных топях болота Мальг и вилась на запад вдоль каменной преграды, неся свои губительные испарения к пустыне Киерлак. Не родился еще тот безумец, который осмелился бы на дерзновенную попытку преодолеть эти ужасные вершины.

Впрочем, в неприступной преграде был один проход — узкий извилистый каньон, он открывался за цепочкой зубчатых холмов и тянулся на тысячи ярдов до подножия одинокой горы, которая возвышалась на южной границе кольца. От времени и ненастья неровная поверхность горы обтесалась и стерлась, и ее южные склоны приобрели особенно зловещие очертания. Даже мимолетного взгляда хватило бы, чтобы заметить пугающее сходство горы с человеческим черепом, лишенным плоти и жизни; огромная круглая голова с провалившимися щеками и кривым оскалом обнаженных зубов поблескивала в мутном сумраке, глядя перед собой пустыми глазницами. Это и был дом Властелина и Учителя. Королевство Бронь, Повелителя чародеев. На всем здесь лежал отпечаток Черепа, неизгладимый знак смерти.

Было уже за полдень, но время не ощущалось в этом утробном пустынном краю, и огромная, иссеченная ветрами крепость замерла в странной пугающей тишине. Небо и солнце застилали все та же мутная серость, и безжизненная, усеян-

ная камнями коричневая пустошь казалась совершенно необитаемой. Однако нечто большее висело в тот день в воздухе, прорезая могильную тишь и одиночество, проникая в плоть и кровь смельчаков, которые извилистой тропой пробирались через единственные врата неприступных гор. Давящая тревога витала над истерзанными землями Повелителя чародеев, словно события, коим суждено было случиться, слишком быстро пронеслись во времени и теперь, дыша друг другу в затылок, нетерпеливо дожидались своего часа.

Тролли настороженно шагали по змеистому каньону, рядом с исполинскими вершинами гор их крупные фигуры казались крошечными и напоминали жалких муравьев, ползущих сквозь вечные скалы. Словно маленькие дети, входящие в незнакомую темную комнату, они переступили порог царства смерти, страх и недоверие боролись в их душах с отчаянным желанием увидеть, что скрывается за темнотой. Никто не преградил им путь, хотя их заметили. Их ждали. Появление небольшого отряда не стало неожиданностью, и они входили, не опасаясь прислужников Учителя. Бесстрастные лица скрывали их истинные намерения, иначе они никогда бы не ушли дальше южных берегов Леты. Ибо среди них шел тот, кого Повелитель призраков давно считал мертвым, — последний потомок великого эльфийского рода Шаннары.

Ши ступал сразу за могучим Кельтсетом, руки его для виду были связаны за спиной. Следом, тоже притворяясь связанным, шел Панамон Крил, его внимательные серые глаза пристально вглядывались в чудовищные отвесные скалы, которые вздымались по обеим сторонам узкой извилистой тропы. Хитрость удалась на славу. Скальные тролли пригнали пленников к берегу Леты, ленивой ядовитой реки, неспешно несущей свои воды вдоль южных границ королевства Черепа. Там они погрузились на широкий плот из гнилых бревен, скрепленных ржавыми шипами. Его безмолвный капитан — согбенное существо в плаще — больше напоминал зверя, нежели человека; лицо перевозчика скрывали темные складки капюшона, зато когтистые чешуйчатые лапы, сжимавшие кривой шест, были хорошо видны. Пока утрюмый кормчий вел свое судно через холодные отравленные воды Леты, ис-

путанные пассажиры чувствовали нарастающую тревогу лишь от одного его присутствия и не скрывали облегчения, когда наконец высадились на противоположном берегу и утлый плот скрылся во мгле, поднимавшейся от темных вод. Теперь они были совершенно отрезаны от нижних Северных земель, и плотная серая мгла, которая просачивалась сквозь недвижный сухой воздух, скрывала от них дальний берег реки. А прямо перед ними, в тусклом северном свете, громоздились черные утесы Острия Ножа, рассекая блеклый сумрак величественными пиками, похожими на пальцы каменного исполина. Не говоря ни слова, отряд вошел в узкий проход, пересекающий черную грядку, и углубился в запретные владения Повелителя чародеев.

Повелитель чародеев. С того самого дня, когда Алланон рассказал хрупкому юноше из Дола о его удивительном происхождении, Ши чувствовал, что все произойдет именно так и он неминуемо встретится с этим ужасным существом, которое так жаждало его смерти. Время и события слились в единый миг, яркой вспышкой полыхнули в голове сумбурные воспоминания о долгой череде дней, когда он пытался убежать от неминуемой встречи и спасти свою жизнь. Теперь страшный момент, который юноша так упорно пытался оттянуть, настал, и встретить его придется в одиночестве. Старинных друзей он растерял и вступал в чертоги Повелителя чародеев в сопровождении скальных троллей, бесприютного бродяги и загадочного, жаждущего мести великана. Именно ему, Кельтсету, удалось убедить судей передать под его командование небольшой отряд троллей, не столько потому, что они верили, будто subtilный южанин может уничтожить бессмертного Брону, а потому, что их могучий сородич носил на шее великий Черный Айрикс.

Трое судей пролили свет и на судьбу Орла Фейна. Тролли схватили маленького беглеца примерно за час до того, как взяли в плен его упорных преследователей, и под охраной отвели в главный лагерь. Совет матуренов совещался недолго и вскоре решил, что карлик совершенно безумен. Он бормотал что-то невнятное о тайнах и сокровищах, хитрая желтая физиономия то и дело расплывалась в ухмылке. Время

от времени он разговаривал сам с собой, яростно размахивая руками и отбрыкиваясь ногами от невидимых никому, кроме него, существ. Единственной связью несчастного безумца с реальным миром был древний меч, за который он цеплялся столь неистово, что тролли, захватившие карлика в плен, не смогли отобрать оружие и связали беглеца вместе с его бесполезной железякой в потрепанных ножнах. Еще через час Орла Фейна отослали на север, в подземелья Повелителя чародеев.

Каньон причудливой змейкой петлял среди грозных пиков, тропа то расширялась, то вдруг превращалась в узкую расселину между скалами. Могучие тролли без передышки протискивались по извилистому коридору. Некоторые из них уже бывали здесь, они и вели остальных размеренным изнурительным шагом. Медлить было нельзя. Повелитель призраков мог узнать, что в его казематах томится некий Орл Фейн, который не расстанется со своим древним оружием ни на секунду.

От одной этой мысли Ши бросало в дрожь. Что, если это уже случилось и они шагают напрямик на собственную казнь? Казалось, на всем пути от самого Кулхейвена Повелитель чародеев всегда знал любой их следующий шаг. Как можно было решиться на такое безумие! Даже если им удастся завладеть великим мечом... что тогда? Ши мысленно усмехнулся. Как он сможет в одиночку противостоять Повелителю чародеев, без поддержки Алланона, не имея малейшего понятия о том, как высвободить силу знаменитого клинка? Никто так никогда и не узнает, что он держал в руках самый могущественный меч в мире.

Юноша понятия не имел, что собираются делать остальные. Сам же он для себя решил, что, даже если случится чудо и неуловимый меч свалится ему в руки, он просто сбежит без оглядки, спасая свою жизнь. Любой на его месте поступил бы так же. Он был уверен, что Панамон Крил одобрил бы его решение, но с начала похода в королевство Черепа им ни разу не удалось толком поговорить. Ши чувствовал, что впервые за свою разгульную жизнь, полную невероятных приключений и опасных выходов, разбойник в алом плаще по-

настоящему напуган. И все же Панамон отправился вместе с Кельтсетом и Ши, потому что они были его единственными друзьями и потому что гордость мешала ему отказаться. Несмотря на то что инстинкт выживания всегда был главным его девизом, он никогда бы не позволил запятнать свою честь даже ради спасения жизни.

Не столь очевидны были причины, побудившие Кельтсета отправиться в это опасное путешествие. Ши казалось, что он понимает, почему могучий тролль так настаивает на возвращении великого меча, и дело тут было не только в личной мести за убитых родных. Спокойная уверенность, которая исходила от загадочного молчуна, придавая силы его менее смелым спутникам, напоминала юноше Балинора. Ши почувствовал это, когда тролль дал понять, что они должны идти за Орлом Фейном и мечом. Добрый умный взгляд великана словно говорил юноше, что тролль верит в него, и Ши не мог отказать могучему другу, хотя и не сумел бы объяснить всего безрассудства своего решения. Если сейчас, после долгих поисков великого меча, он повернет назад, то предаст и своих друзей, и себя самого.

Неожиданно скалистые стены утесов расступились, и каньон вышел в покатую долину, которая больше напоминала широкую выемку в каменистой земле королевства Черепа; угрюмую пустошь голой равнины нарушали лишь скалистые холмы да русла пересохших рек. Отряд молча остановился, и глаза путников невольно обратились к стоящей в центре долины одинокой горе, ее южный склон таранился на непрощенных гостей невидящими провалами, похожими на темные глазницы черепа. Долгие века выптербленное каменное лицо терпеливо дожидалось Учителя. Стоя у края долины, Ши почувствовал, как зашевелились волосы на затылке и по спине пробежал ледяной холодок.

С двух сторон из-за скал вдруг появились неуклюжие уродливые существа, их громоздкие тела казались такими же тусклыми и безжизненными, как и земля под ногами, стертые лица были почти лишены черт. Быть может, в далеком прошлом они и были людьми. Странные создания стояли прямо, на двух ногах, руки безвольно свисали по бокам, но на

этом сходство и заканчивалось. Сухая белесая кожа напоминала резину, а когда они двигались, то казалось, будто невидимый кукловод дергает за ниточки своих кукол. Похожие на порождения страшного сна, чуждые твари обступили троллей, глядя пустыми глазами в их грубые лица, словно хотели понять, кто явился в их мир. Кельтсет чуть повернулся и быстро сказал что-то Панамону на языке жестов.

— Тролли называют их немаками, — тихо прошептал бродяга. — Стой спокойно, помни, что ты изображаешь пленника. Не дергайся.

Один из уродцев что-то хрипло проскрежетал идущим первыми троллям и резко махнул в сторону связанных людей. Последовал короткий обмен фразами, затем один из троллей что-то сказал через плечо Кельтсету, и великан немедленно махнул Ши и Панамону. Троица отделилась от отряда и в сопровождении двух троллей последовала за одним из немаков, когда тот развернулся и неуклюже заковылял к скалистой стене слева.

Уходя, Ши повернулся и увидел, как тролли медленно разбредаются по обе стороны от входа в каньон, словно собираясь дожидаться возвращения товарищей. Оставшиеся с ними немаки не двигались. Снова посмотрев вперед, юноша увидел, что поверхность утеса рассекает длинный разлом, который поднимается на сотни футов вверх и служит проходом куда-то дальше. Небольшой отряд ступил в узкую трещину в скале и тут же погрузился в чернильную темноту. После секундной слепоты их провожатый снял со стены факел, зажег его и рассеянно протянул шедшему рядом троллю. Очевидно, его собственные глаза были привычны к царящему здесь мраку, потому что он продолжал уверенно шагать впереди.

Они вошли в затхлую пещеру, из которой лучами расходилось несколько темных коридоров. Ши вдруг померещилось, что издали доносятся слабые, леденящие душу крики и эхо их загнанно мечется в каменной клетке. Панамон то и дело сыпал проклятиями, в пляшущем свете факела были видны струйки пота на его широком лице. Безучастный немак медленно направился к одному из коридоров, и туск-

лый свет, сочащийся через трещину в скале, сменился крошечной тьмой.

Спускаясь по безмолвному темному коридору, путники не слышали ничего, кроме долгого эха собственных шагов; взгляды их скользили по глухим железным дверям, врезанным в скалы по обе стороны узкого прохода. Отчаянные крики еще слабо отзывались в ушах, но теперь они звучали все тише. Из камер, мимо которых они проходили, не доносилось ни звука. Наконец их проводник остановился перед одной из дверей, быстро замахал руками и что-то проговорил на гортанном языке троллей. Потом он повернулся и даже успел сделать шаг дальше по коридору, когда первый из троллей с сокрушительной силой ударил его по голове увесистой булавой. Немак замертво повалился на пол пещеры. Подошел Кельтсет, чтобы снять веревки с Ши и Панамона, а двое других троллей встали на страже у дверей камеры. Освободив друзей, великан бесшумно скользнул к железной двери и отодвинул засов. Ухватившись за задвижки, он резко потянул тяжелую створку на себя, и древняя дверь с пронзительным скрежетом распахнулась.

— Теперь поглядим, — сипло выдохнул Панамон и, забрав у Кельтсета факел, осторожно вошел в крошечную камеру, друзья последовали за ним.

Орл Фейн сидел на корточках у дальней стены, его тощие ноги были закованы в кандалы, закрепленные в каменном полу, изорванная грязная одежда превратилась в лохмотья. Ничто не напоминало в нем того карлика, которого они поймали на равнинах Стрелехейма лишь несколько дней назад. Равнодушно взглянув на них пустым взглядом, он улыбнулся бессмысленной улыбкой и что-то невнятно забормотал себе под нос. От яркого света факела глаза его расширились, и он стал в отчаянии озираться по сторонам, не переставая бормотать, словно разговаривал с невидимыми для посторонних глаз существами, которые разделяли его одиночество.

Могучий тролль и двое его друзей с первого взгляда поняли, что карлик безумен. Они сразу заметили, что костлявые руки карлика жадно цепляются за потертые кожаные

ножны, скрывавшие предмет их долгих поисков. Древний эфес тускло блеснул в мерцающем свете, и все увидели вырезанную на нем руку с зажженным факелом. Наконец-то! Они нашли меч Шаннары!

Мгновение все стояли неподвижно, глядя, как безумный карлик все сильнее прижимает меч к тощему телу. Внезапно в его мутных глазах мелькнуло узнавание, когда он заметил острую пику, блеснувшую на обрубке медленно поднявшейся руки Панамона. Разбойник с грозным видом шагнул вперед и наклонился к самому лицу узника.

— Я пришел за тобой, карлик, — объявил он сипло.

При звуках его голоса Орл Фейн внезапно преобразился и вжался в стену, из горла карлика вырвался испуганный крик.

— Отдай меч, подлая крыса! — приказал вор.

Не дожидаясь ответа, он схватил оружие и попытался вырвать клинок из неожиданно цепких рук перепуганного карлика. Но даже в тот миг, когда смерть смотрела ему в лицо, Орл Фейн не хотел расставаться со своим бесценным сокровищем. Голос его поднялся до визга, и Панамон в приступе ярости обрушил свою искаленную руку на голову несчастного коротышки. Карлик без чувств рухнул на каменный пол.

— Сколько сил мы потратили, гоняясь за этой презренной тварью! — воскликнул Панамон Крил. Он резко осекся и снизил голос до сиплого шепота. — Я-то думал, что хотя бы порадуюсь, видя, как он сдохнет, но... он больше того не стоит.

Скривившись от отвращения, он наклонился к рукояти меча, намереваясь выдернуть его из ножен, однако Кельтсет шагнул вперед и остановил возмущенного друга, положив руку ему на плечо. Разъяренный вор холодно взглянул на тролля, и тогда тот молчаливым жестом указал на Ши, после чего Панамон и сам великан отступили в сторону.

Меч Шаннары принадлежал Ши по праву рождения, но он колебался. Какой долгий путь он прошел, сколько пережил ради этого мгновения и вдруг понял, что боится. При взгляде на древнее оружие юноша чувствовал, как внутри все холодеет. Он даже захотел отказаться, понимая, что не сможет принять на себя весь груз ответственности, которую его

вынуждают принять. Ши вдруг подумал о сокрушительной силе эльфийских камней. Каким же могуществом должен тогда обладать меч? Он вспомнил Флика, Мениона и остальных друзей, они не щадили жизней, только для того, чтобы он мог завладеть великим клинком. Если он смалодушничает, то предаст их веру в него. Отказаться сейчас означало сказать им, что все усилия и переживания, которые они испытали в поисках знаменитого оружия, были напрасны. Он снова увидел темное загадочное лицо Алланона, когда тот отчитывал его за глупые идеалы и нежелание видеть людей такими, какие они есть. Ему придется держать ответ и перед таинственным скитальцем, и вряд ли Алланон будет доволен им...

На негнущихся ногах он подошел к лежащему Орлу Фейну и наклонился над ним. Пальцы юноши крепко сомкнулись на холодном металле рукояти, вспотевшая ладонь ощутила выпуклый образ горящего факела. Еще секунду он колебался, а потом медленно вытащил из ножен меч Шаннары.

Глава 32

Второй день битвы за Тирсис принес то же поголовное истребление воинов армии Севера. Штурм начался на заре; ровным строем, под неумолчный грохот барабанов огромные полчища двинулись к утесу и, не доходя сотни ярдов, остановились. В следующее мгновение солдаты с оглушительным ревом ринулись на приступ, в яростном стремлении завладеть высотой. С тем же вызывающим оторопь пренебрежением к собственным жизням волны северян накатывали на защитников крепости, укрывшихся за земляным валом у городской стены. На этот раз захватчики не тащили за собой громоздкие платформы, потому что просто не успели сколотить их заново, а полагались только на тысячи небольших штурмовых лестниц и абордажные крюки. Битва была яростной и беспощадной. Сотни северян погибли в первые же минуты.

После гибели Эктона Балинор не стал повторять маневр с контратакой и бросать в бой конный полк. Вместо этого он решил окопаться на подступах к утесу и сдерживать натиск врага как можно дольше. Горящее масло и непрерывный град стрел рассеяли первую волну нападавших, но на этот раз северяне не дрогнули и не покинули поле боя. Не обращая внимания на стрелы и огонь, они неудержимо шли вперед и наконец достигли подножия утеса. Приставив к крутому обрыву штурмовые лестницы, они начали карабкаться вверх, и вскоре сражение перешло в рукопашную схватку.

Почти восемь часов отважные защитники Тирсиса сдерживали армию, превосходящую их раз в двадцать. Не зная

устали, они сбрасывали лестницы, рубили веревки с крюками, снова и снова не давая северянам взобраться на плато и тут же закрывая малейшую брешь в обороне крепости. Каждый воин знаменитого легиона в той жестокой схватке проявил себя настоящим героем. Без отдыха сражались они с несметными полчищами, мужественно принимая неравный бой с беспощадным противником. Восемь часов разъяренная армия Севера тщетно пыталась прорвать оборону легиона, и в конце концов им это удалось. После упорного сопротивления защитники крепости дали небольшую слабость на левом фланге, и враги с победным криком ринулись на плато.

С потерей Эктона единственной преградой, которая охраняла этот участок оборонительной линии, был отряд Фандвика. Собрав поредевшие силы, ветеран легиона повел своих воинов навстречу противнику. Несколько долгих минут северяне яростно пытались прорваться сквозь небольшую прореху в обороне, битва была жестокой и кровавой. Десятки воинов пали с обеих сторон, погиб и отважный Фандвик.

В надежде остановить врага Балинор спешно перебросил часть войск из центра на левый фланг, и еще некоторое время тирсианцам удавалось сдерживать бешеный натиск. Однако уже вскоре враги прорвались в другом месте, потом еще в одном, и тогда легионеры дрогнули и начали отступать. Видя, что его армия больше не может удерживать внешние рубежи, король Каллахорна приказал оставшимся командирам отходить в город. Удерживая сломленный левый фланг, Балинор подтягивал силы с центра, не давая врагам подступить ближе, пока все воины легиона не отступили под стены Тирсиса.

Не скрывая горечи, защитники города ринулись оборонять Внешнюю стену. Однако армия Севера не спешила с наступлением. Вместо этого враги начали растаскивать оборонительные валы и передвигать их ближе к краю обрыва, сооружая новые бастионы для защиты от лучников крепости. До наступления сумерек измученные солдаты легиона молча наблюдали с городских стен за деловитой возней суетливых карликов. К вечеру лагерь северян переместился по

равнине ближе к городу, и в наступившей темноте начали загораться сторожевые костры.

Уже на исходе дня стало понятно, как захватчики собирались штурмовать крепость. С равнины на плато северяне тополиво перетаскивали огромные наклонные мосты, оперев их на камни и бревна, оставшиеся от прежних платформ. Затем из сумерек выкатились три осадные башни, каждая из которых легко доставала до верха Внешней стены. Башни оставили за границей лагеря, откуда их прекрасно могли видеть защитники города, и приковали цепями. Такой явной демонстрацией силы северяне, очевидно, хотели сломить дух Пограничного легиона.

Над самыми городскими воротами стояли Балинор, его друзья из Кулхейвена и командиры легиона. Король не отрываясь смотрел вниз, на вражеский лагерь, лицо его было бесстрастно и невозмутимо. Сначала он подумывал о ночной вылазке на равнины, чтобы поджечь осадные башни, но вскоре отказался от этой мысли. Северяне наверняка подготовятся к любым неожиданностям и всю ночь будут пристально следить за воротами. Кроме того, ничто не помешает легионерам поджечь башни, как они подожгли штурмовые мосты, когда начнется наступление.

Король покачал головой и нахмурился. Наступательная тактика северян настораживала его, и Балинор никак не мог отделаться от смутного ощущения тревоги. Противник не мог рассчитывать на то, что осадные башни помогут ему пробиться за Внешнюю стену. Наверняка они припасли что-нибудь еще. В сотый раз он спрашивал себя, успеет ли эльфийская армия прийти на помощь осажденной крепости. Балинор верил Эвентину и очень рассчитывал на его поддержку. С наступлением темноты он приказал удвоить посты по всей стене и предложил товарищам поужинать.

Скрытые рошицей на гребне невысокой горы в нескольких милях западнее Тирсиса, всадники небольшого отряда с замиранием сердца следили за ужасной битвой, которая разыгралась у стен древней крепости. Когда сгустились су-

мерки, они заметили в лагере северян исполинские осадные башни, готовые на рассвете штурмовать город.

— Надо срочно известить Балинора, — прошептал Джон Лин Сандор. — Он должен знать, что наша армия на подходе.

Флик с надеждой посмотрел на забинтованного Эвентина. Король смотрел на осажденный город, его необыкновенные глаза сверкали.

— Я верю, что наша армия на подходе, — еле слышно проговорил король эльфов. — Сегодня почти три дня, как ушел Брин. Если завтра он не вернется, я поеду сам.

Понимая волнение друга, Джон Лин легонько положил руку ему на плечо.

— Ты ранен, Эвентин, и не можешь ехать. Не волнуйся за брата, он не подведет. Балинор опытный боец, да и стены Тирсиса крепки, за всю историю города никому не удалось их преодолеть. Легион может держаться долго.

Все надолго замолчали. Флик смотрел на темный город и думал о друзьях. Должно быть, Менион тоже там. Горец не мог знать, что пережил Флик и что случилось с Эвентином. Не знал он и о том, что стало с непредсказуемым Алланом, который по неизвестной причине исчез вскоре после того, как Флик вернулся с поисковым отрядом эльфов. Хотя с первого дня своего появления в Тенистом Доле друид постоянно окружал себя завесой тайны, он никогда не уходил, не объяснив причины. Быть может, он сказал Эвентину...

— Город в осаде, кругом посты, — раздался в сумерках голос короля эльфов. — Пройти через них будет очень сложно. Но ты прав, Джон Лин. Балинор должен знать, что мы не забыли о нем.

— Пока у нас недостаточно сил, чтобы прорваться в Тирсис или хотя бы ударить в тыл северян, — задумчиво отозвался его друг. — Разве что...

Он быстро взглянул на темнеющие громады осадных башен, которые без всякой охраны стояли на равнине.

— ...сделать небольшой подарок, — выразительно завершил за него король.

Еще до полуночи Балинора спешно вызвали в сторожевую башню над городскими воротами. Вскоре он уже был на стене и, онемев от изумления, вместе с Хенделем, Менионом и братьями-эльфами смотрел на сумятицу, охватившую полусонный вражеский лагерь. На дальних границах огромного поля ярким костром полыхала средняя из трех осадных башен, освещая равнины на многие мили вокруг. Северяне в панике метались между уцелевшими башнями, отчаянно пытались защитить их от пламени. Было совершенно очевидно, что пожар застал их врасплох. Балинор взглянул на товарищей и сдержанно усмехнулся. Значит, помощь уже близка.

Утро третьего дня началось с гнетущей тишины, которая гулким саваном расстелилась над землями Каллахорна и двумя враждующими армиями. Не было слышно ни мощного грохота барабанов, ни глухого стука солдатских сапог, ни громогласных боевых кличей. На далеком восточном горизонте выкатилось яростное красное солнце, и свет его медленно растекался сквозь сумрак уходящей ночи, словно кровь. Над росистой равниной клубился мутный туман. Ничто не нарушало утробного безмолвия. На стенах крепости солдаты легиона с тревогой всматривались в белесую мглу, ожидая наступления.

Отряд Балинора защищал центр Внешней стены. Справа от него расположился Гиннисон со своими воинами, слева — Мессалайн. Янус Сенпре, как и прежде, командовал городским гарнизоном и резервами. Менион, Хендель и братья-эльфы молча стояли рядом с Балинором, дрожа от утренней сырости. Ночь друзья почти не спали, но чувствовали себя на удивление бодрыми и спокойными. За последние двое суток они на многое стали смотреть иначе. На их глазах гибли тысячи, и в этой чудовищной бойне собственные жизни вдруг стали казаться им ничтожными и в то же время бесценными. Цветущие луга у стен крепости превратились в истерзанную выжженную пустыню, земля пропиталась кровью и дышала смертью. История была стара как мир — одна армия стремилась уничтожить другую. Защитники Тирсиса больше не думали о высокой цели спасения жизни на земле, война превратилась в бессознательную привычку, которая служила лишь оправданием любым поступкам смертных.

Кроваво-красный свет утреннего солнца стал прозрачнее, и постепенно в нем проступили очертания вражеской армии; четкие шеренги пехотных и конных полков выстроились по всему огромному полю вчерашнего побоища, от подножия утеса до обгоревших остовов двух осадных башен. Они не двигались, не издавали ни звука. Они просто ждали. С тревогой глядя вниз, Хендель что-то прошептал Балинору. Командующий тотчас разослал гонцов ко всем командирам и приказал всем соблюдать спокойствие и порядок.

Не успел Менион спросить, что происходит, как на плато прямо под городскими воротами началось какое-то движение. Из сумрака медленно вышел воин в полных доспехах и, гордо расправив плечи, замер под гигантской стеной. В руке он сжимал длинное древко с алым штандартом. В следующую минуту воин решительно воткнул древко в землю, церемонно отступил назад и с достоинством направился к своей армии. Снова повисла напряженная тишина. И вдруг над равниной пронесся низкий, скорбный звук далекого рога, затем печальный зов повторился еще и еще раз. Потом все смолкло.

— Страж смерти. — Тихий шепот Хенделя нарушил тишину. — Это значит, нам не будет пощады. Они собираются убить нас всех.

Воздух взорвался неожиданным грохотом военных барабанов, и замершие шеренги северян разом пришли в движение. Небо застили тысячи стрел и с оглушительным свистом метнулись к бастионам крепости. Пики, копыя и булавы полетели вверх. Из мглы, висящей над равниной, медленно проступил громоздкий силуэт уцелевшей осадной башни; чудовищная громада стонала и скрежетала под собственным весом, пока сотни воинов тянули и толкали ее по наскоро сколоченному мосту, ведущему к Внешней стене. Лучники легиона встретили врага дождем стрел, а основные силы под прикрытием бастионов терпеливо ждали приказа Балинора.

Король выждал, пока массивное сооружение оказалось в двадцати пяти ярдах от стены. Северяне уже пытались штурмовать величественную преграду с помощью лестниц и крю-

ков, грубая каменная поверхность была усеяна карабкающимися фигурками, которые тщетно стремились добраться до вершины. Внезапно с бастионов начали опрокидывать котлы с маслом, заливая и солдат, и осадные конструкции, пропитывая землю у подножия стены. Следом за маслом вниз полетели зажженные факелы, и тотчас все передовые силы наступательной армии охватило неистовое пламя. Осадная башня и солдаты вокруг нее исчезли в черном дыму, который рванулся к небесам, скрывая от воинов легиона страшные картины смерти, но не заглушая криков ужаса и боли. Атака Внешней стены захлебнулась. Немногих, кто успел подняться наверх, быстро перебили, остальные сорвались с кручи или задохнулись в прогорклом дыму, с криком падая прямо в огонь.

За считанные минуты защитники крепости отбили яростную атаку, и вся армия Севера снова скрылась из виду. Люди на бастионах пристально вглядывались в клубы дыма, тщетно силясь угадать следующий ход противника. Балинор посмотрел на товарищей и с сомнением покачал головой.

— Это глупость чистой воды. Они не могли не понимать всю безнадежность такого приступа и все же решились на это. Неужели они сошли с ума?

— А если они просто хотели сбить нас с толку... — тихо пробормотал Хендель. — А мы им с готовностью организовали дымовую завесу для отступления.

— Погубить столько народу ради дымовой завесы? — недоверчиво воскликнул Менион.

— Значит, они задумали что-то еще и совершенно уверены в победе, — заявил Балинор. — Будьте начеку. Я иду к воротам.

Он резко развернулся и почти бегом спустился по винтовой каменной лестнице. Остальные молча проводили его взглядами, а затем снова повернулись к равнине. Масло продолжало гореть, и густые клубы черного дыма по-прежнему поднимались к небесам. Предсмертные крики раненых стихли, и наступила странная тишина.

— Что же они готовят? — наконец выговорил Менион. Минуту все молчали.

— Жаль, что мы не поймали этого Стенмина, — произнес Дьюрин. — Я не чувствую себя в безопасности даже за крепостной стеной, пока этот безумец бегает по городу.

— Мы почти схватили его, — быстро вставил Дазль. — Но он словно растворился в воздухе, когда мы вбежали в комнату. Наверное, там был потайной ход.

Дьюрин согласно кивнул, и разговор снова затих. Менион смотрел на дым и думал о Ширл, которая ждала его во дворце, о Флике, Ши, о своем отце и далекой родине. Образы, заполнявшие его рассеянные мысли, стремительно сменяли друг друга. Что будет с дорогими ему людьми?

— Проклятье! — Хендель так резко дернул его к себе, что Менион едва не вскрикнул. — Какой же я дурак. Все было у меня под носом с самого начала. Потайной ход! В дворцовых подвалах, под винным погребом, есть старая тюрьма, ею не пользуются уже много лет. Там есть потайной ход, он тянется под горой и выводит на равнины. Старый король как-то при мне обмолвился о нем. Стенмин тоже наверняка его знает!

— Они войдут в город! — закричал Менион и вдруг осекся. — Хендель! Ведь там Ширл!

— Надо торопиться. — Хендель уже направлялся к лестнице. — Менион, за мной! Дазль, разыщи Януса, скажи, чтобы немедленно прислал подкрепление во дворец. Дьюрин, найди Балинора и предупреди его. Поспешите и молитесь, чтобы мы не опоздали.

Они скатились по истертым ступеням и, как одержимые, побежали между казармами. Расталкивая солдат у ворот, Хендель и Менион со всех ног бросились к Тирсовой дороге.

«Не успеем!» — пронеслось в голове у Мениона.

Он едва не сбил с ног Хенделя, пытаясь развернуть его к группе оседланных лошадей, привязанных справа от них. Отпихнув в сторону подскочившего интенданта, оба запрыгнули в седла и помчались в город. Лошади галопом пронеслись через открытые ворота, мимо ошеломленной стражи, мимо резервных отрядов. Дорога была свободна, и всадники во весь опор неслись к королевскому дворцу.

Бешеные скачки, казалось, опровергали все законы времени и пространства. Два всадника мчались по древним бу-

лыжникам Тирсовой дороги, мимо людей и домов, которые сливались в одну размытую стену. Драгоценные мгновения стремительно таяли, и наконец вдалеке показалась широкая арка моста Сендика, который тянулся над городским парком к воротам дворца Буханнанов. У въезда на мост стояли подводы с провизией, возчики едва успели отскочить в сторону, когда мимо вихрем пронеслись всадники и, не замедляя хода, направились к открытым воротам. Ворвавшись в окруженный садами внутренний двор, Хендель и Менион осадили взмысленных лошадей и спрыгнули на землю.

Возле дворца было тихо. Казалось, ничего необычного не происходит. Из тени огромной ивы лениво вышел слуга, чтобы принять поводья у разгоряченных всадников, в его глазах отражалось лишь легкое любопытство. Хендель бросил на него внимательный взгляд и отпустил, а сам торопливо направился к парадной двери в сопровождении Мениона. По-прежнему ничто не настораживало его. Быть может, они успели вовремя? Или даже ошиблись...

Залы древнего замка были пусты и безмолвны; переступив порог, они остановились и быстро оглядели открытые двери и глубокие альковы, гобелены на стенах и занавешенные окна. Менион хотел сразу побежать к Ширл, но гном удержал его. Рыжеволосой дочери королей придется подождать. Жестом веля взволнованному горцу молчать и следовать за ним, Хендель медленно пошел через пустой коридор к лестнице в подвал. На повороте они остановились, вжались спиной в стену и осторожно выглянули за угол.

Уже знакомая им массивная, окованная железом дверь в винный погреб была приоткрыта. Рядом с ней стояли трое стражников, которые внимательно следили за пустым коридором. У всех троих на мундирах были нашивки с соколом. Менион и Хендель, затаив дыхание, отступили назад. Только теперь горец понял, что забыл отвязать меч от седла. Он быстро огляделся и вдруг заметил ряд скрещенных копий, закрепленных на стене. Копье было не самым удобным для него оружием, но выбирать не приходилось. Менион беззвучно выдернул копьё и вернулся к Хенделю. Они молча посмотрели друг на друга. Придется действовать быстро. Если

стража успеет скрыться за дверью и запереть ее изнутри, они упустят Стенмина и не найдут потайной ход. Но ведь их всего двое. А сколько врагов скрывается внизу, неизвестно.

Однако раздумывать было некогда. Рванувшись с места, они выскочили из укрытия и помчались по коридору. Не успели стражники развернуться, как Менион и Хендель вихрем налетели на них. Ближайшего к двери воина принц Лиха проткнул копьем, а в следующее мгновение расправился со вторым. Третий стражник как подкошенный рухнул на пол от мощного удара булавы Хенделя. Схватка закончилась, не успев начаться; друзья вошли в дверь и сбежали по истертым ступеням, еще не зная, что впереди их ждет самая страшная битва в их жизни.

Свет факелов ярко освещал старый винный погреб. Небольшие огоньки горели на всех стенах, разгоняя затхлый сумрак, словно туманное солнце ранним утром. Посреди просторного зала зиял распахнутый люк, ведущий в заброшенную темницу, а из темноты подземелья доносился далекий скрежет металла о камень. Подвал кишел вооруженными людьми, и они набросились на двух непрошенных визитеров со всех сторон.

Хендель и Менион встретили нападение яростными ударами и ринулись в самую гущу врагов. На счастье, горец у двери успел подобрать меч сраженного стражника. Спиной к спине с Хенделем он бесстрашно рубился с неравным противником. Краем глаза Менион заметил, как из открытого люка показалась знакомая фигура в багровом плаще; при виде ненавистного Стенмина принц Лиха почувствовал, как в душе закипает дикая злоба. Ярость придала ему сил, и Менион стремительно накинулся на врагов, стремясь прорваться к человеку, предавшему их. Худое лицо мистика исказилось от страха, и он в ужасе отпрянул.

Не зная устали, гном и горец в неистовой злобе наступали на врагов. Каменный пол был усеян мертвыми и искалеченными телами. Друзья и сами были ранены дюжину раз, но не чувствовали боли. Дважды Менион поскальзывался на залитом кровью полу, и каждый раз Хендель сдерживал нападавших, пока горец снова вставал на ноги. Оставалось одо-

леть лишь пятерых, но и силы друзей были на исходе. Насквозь мокрые от пота и крови, они сражались как заводные куклы, мышцы их налились свинцом и онемели. Словно спохватившись, перепуганный Стенмин вдруг вскочил, кинулся к открытому люку и принялся громко звать на помощь. Принц Лиха был начеку. Собрав последние силы, он бросился на двух воинов и повалил их на пол. Третий метнулся наперерез принцу, но взбешенный горец по рукоять всадил в него меч, оставив клинок в мертвом теле. Подхватив упавшее копьё, Менион налетел на съжившегося мистика и оглушил его мощным ударом. Тошее тело обмякло на каменный пол. Менион Лих ухватился за края тяжелой крышки люка и рванул вверх изо всех сил.

Казалось, каменная плита была прикована к полу цепями. Она даже не шелохнулась. Далекий скрежет внизу стих, и послышался топот бегущих к открытому люку людей. Оставались считанные секунды. Если они успеют добежать до лестницы, ему конец. Стиснув зубы, истекающий кровью горец нечеловеческим усилием снова потянул массивную плиту, и на этот раз камень сдвинулся. Застонав от страшного напряжения, Менион поднимал край огромной крышки, пока плита наконец не перевернулась и с чудовищным грохотом не встала на место. Потными онемевшими руками он продел цепь в кольцо и задвинул засов. Проход был закрыт. Если северяне захотят войти во дворец через потайной ход, им придется прорубаться через толщу камня и железа.

— Менион...

Слабый шепот неожиданно нарушил гулкую тишину. Стоя на четвереньках, горец нащупал брошенный меч и поднял окровавленное лицо. Скользя взглядом по скопищу искалеченных тел на полу подвала, где мертвецы лежали вперемешку с теми, кто доживал последние секунды, Менион увидел гнома. Хендель стоял рядом с лестницей, привалившись к стене, в руке он все еще сжимал огромную булаву. Вокруг лежали убитые. Он не пощадил никого. Не спасся ни один. Гном взглянул на Мениона тем же суровым взглядом, как в тот день, когда они впервые встретились в низинах за Черными Дубами. Это был прежний Хендель — угрюмый, не-

многословный, никогда не теряющий присутствия духа. Но уже в следующую секунду глаза его остекленели, с долгим вздохом тело медленно сползло по стене, падая в объятия смерти, которая все-таки добралась до него.

Хендель! Этого просто не может быть! Измученный разум Мениона отказывался верить тому, что видели его глаза. Он с трудом поднялся на непослушные ноги и встал, пошатываясь, среди пляшущих теней. Слезы наворачивались на покрасневшие глаза и черными струйками стекали по грязному лицу. Едва переставляя свинцовые ноги, он стал медленно пробираться через груды мертвых тел, задыхаясь от ярости и беспомощности. Краем глаза он заметил, как шевельнулся Стенмин, начиная приходить в себя. Горец доплелся до Хенделя, опустился на колени и прижал его обмякшее тело к груди. Сколько раз бесстрашный гном спасал ему жизнь! Сколько раз он спасал их всех, и все ради того, чтобы... Слезы душили Мениона. Внутри словно все разом надломилось.

Стенмин медленно поднялся на одно колено и мутным взглядом обвел подвал. Все его люди были мертвы, крышка люка наглухо закрыта, и... Один из врагов еще жив. Горец! Скрытое болью тело мистика содрогнулось от ужаса. Как же он ненавидел этого человека! Ненависть его была так сильна, что он бы, пожалуй, решился на убийство, если бы не липкий животный страх. Страх оказался сильнее, и мистик не мог думать ни о чем, кроме бегства. Для спасения оставался только один путь — открытая дверь подвала. Но сначала нужно было пройти мимо горца. Стенмин встал и, ступая на цыпочках, бесшумно направился к лестнице.

Стоя на коленях с телом мертвого гнома на руках, горец не заметил крадущегося мистика. Бусины пота проступили на лбу Стенмина, тонкие губы скривились в жестокой усмешке, но страх снова пересилил жажду убийства. Оставалось лишь несколько шагов, и он снова будет свободен. Город все равно обречен, не останется ни одной живой души. И все ненавистные враги наконец умрут. Выживет он один. Стенмин едва сдержал торжествующий смех. Нащупав ногой ступень лестницы, он начал осторожно пробираться к манящей двери. С опаской поглядывая на спину горца, который теперь был

всего в нескольких футах, мистик, затаив дыхание, проби-
рался наверх. Открытая дверь к свободе была так близка, и
никто не стоял у него на пути...

И тогда Менион обернулся. Вопль ужаса вырвался из гор-
ла мистика, когда он прочитал на лице принца Лиха свой
смертный приговор. Упав на четвереньки, он стал отчаянно
карабкаться по ступенькам, путаясь в длинном плаще.

Ему удалось добраться до середины лестницы, когда Ме-
нион догнал его.

Тем временем под стенами Тирсиса назревало что-то
странное. Спустившись с парапета Внепней стены, Балинор
тут же направился к городским воротам. Увидев короля,
стражники легиона встали навытяжку. Казалось, все было
в порядке. Ряды внутренних засовов, которые управлялись
из надвратной башни, крепко держали массивные створ-
ки. Для большей надежности дверь скреплял огромный по-
перечный брус, неподвижно лежащий в мощных железных
скобах. Не в силах избавиться от смутного беспокойства, Ба-
линор сосредоточенно разглядывал величественную стену.
Он чувствовал что-то неладное. Ворота были единственным
слабым местом непреодолимой крепости. Осадные башни,
веревки с крючьями, штурмовые лестницы — все это было
лишь пустой тратой времени, и Повелитель чародеев навер-
няка понимал это. Единственной лазейкой, через которую
он мог проникнуть в город, были ворота.

Взгляд короля переместился наверх, к надвратной баш-
не. Внутри низкой каменной постройки с глухими стенами
скрывался механизм, запиравший внутренние засовы. Воз-
ле единственной двери бдительно несли стражу двое солдат.
Балинор лично отбирал воинов для отряда, охранявшего са-
мый важный для города механизм, и командовал этим отря-
дом капитан Шилон. По обе стороны от приземистого стро-
ения постоянно находились солдаты Пограничного легиона.
Казалось, любая попытка захватить башню неминуемо была
обречена на провал. И все же...

Балинор подошел к подножию узкой лестницы, которая
вела в башню, и начал подниматься по истертым каменным

ступеням. Внезапно он услышал доносящиеся с вершины стены крики и остановился; в следующую секунду в воздухе раздалось низкое гудение тысяч стрел, и на парапеты Внешней стены обрушился железный дождь. Балинор взлетел наверх и в три прыжка оказался на стене. Он пристально вгляделся вниз: плато у подножия стены было усеяно телами и обломками, крошечные лужицы горящего масла чадили в утренней дымке. Северяне больше не пытались штурмовать стену. Вместо этого они выстроились в шеренги по пять лучников и поливали защитников крепости непрерывным дождем стрел.

Причина внезапной смены тактики вскоре стала понятна. На краю утеса отряд скальных троллей в тяжелых доспехах толкал громоздкий таран, защищенный сверху и с боков листами железа. Расчет был прост — пока воины Пограничного легиона прячутся от стрел за парашетом стены, тролли подкатят таран прямо под городские ворота и попытаются пробить их.

С первого взгляда план казался нелепым и даже бестолковым. Но если надвратная башня окажется в руках северян и им удастся отодвинуть внутренние запоры, единственной помехой для мощного натиска тарана останется поперечный брус, который долго не выстоит. Предчувствуя недоброе, Балинор бросился к небольшой башне над воротами. При его приближении стражники безмолвно вытянулись в струнку. Он скользнул по ним рассеянным взглядом и потянулся к дверной ручке. Шилона нигде не было. Дверь распахнулась, Балинор уже шагнул в темноту, как вдруг понял, что никогда прежде не видел ни одного из солдат, стоявших в карауле.

Скорее почувствовав, чем услышав опасность, он отпрыгнул в сторону, едва успев увернуться от мощного удара в спину, и вырвал копье из рук убийцы. Прислонившись к стене, Балинор быстро оглядел тускло освещенную комнату. Застывшие тела Шилона и его солдат грудой лежали в дальнем углу башни, доспехи и одежда с них были сорваны. Неожиданно из глубины выскочили темные фигуры со стертыми лицами и, размахивая кинжалами, кинулись на короля. Балинор швырнул копье прямо в гущу врагов и бросился к вы-

ходу. Но второй часовой, оставшийся снаружи, тут же захлопнул перед ним дверь. Отважный воин оказался в ловушке, но времени прорубаться на свободу у него не было. Он едва успел выхватить из ножен меч, как убийцы набросились на него, грубо повалили на пол, но их кинжалы лишь скользнули по верной кольчуге, которая уже столько раз спасала жизнь Балинору. Одним могучим рывком он высвободился и снова встал на ноги. В сумраке запертой комнаты его противники казались неясными тенями, но меч короля безошибочно находил своих жертв. Два темных силуэта с криком рухнули на пол, разрубленные огромным клинком, но остальным удалось проскочить, и они оказались вплотную к королю.

Балинора снова свалили с ног, и снова он высвободился. Яростно сражаясь, противники отступили в глубь комнаты. Снаружи гремел бой, никто не слышал шума борьбы внутри каменной башни, и король понимал, что подмоги он не дожидется. Он вжался спиной в стену и снова ударил мечом почти вслепую. Уже трое рухнули замертво, раненые корчились на полу, но атаки все не прекращались. Балинор чувствовал, что силы оставляют его. И вдруг башня наполнилась громким лязгом рычагов и шестерней, и король с ужасом понял, что кто-то отпирает внутренние засовы городских ворот. Яростным рывком он попытался прорваться к запирающему засовы механизму, но враги решительно преградили ему путь, и Балинор был вынужден отступить. Через мгновение послышался пронзительный металлический скрежет, который сменился тяжелыми ударами. Они заклинили рычаги! Забыв об осторожности, разъяренный король бросился на уцелевших врагов.

Неожиданно дверь башни распахнулась, и в открывшийся проход влетело тело мнимого часового. Серый дневной свет затопил темную комнату, и вдруг откуда ни возьмись рядом с Балинором возникла стройная фигура Дьюрина. В злобешей тишине друзья продолжали рубить оставшихся врагов, оттесняя их в дальний угол башни, подальше от рычагов и открытой двери. Там, стоя плечом к плечу в неистовой рукопашной, они уничтожили всех до единого. Даже не взгля-

нув на трупы, король бросился к поврежденному стопорному механизму, и чем дольше он смотрел на сплетенную вереницу шестеренок и рычагов, тем больше его лицо темнело от гнева. В бешенстве Балинор навалился на главную рукоять всем телом. Она не шевельнулась. Поняв, что произошло, Дьюрин побледнел.

— Можем не успеть! — закричал король, в отчаянии дергая заклиненные рычаги.

Неожиданно они вздрогнули от мощного удара, который сотряс стены башни.

— Ворота! — в ужасе воскликнул Дьюрин.

Башню всколыхнул второй удар, за ним третий. Снаружи послышался топот бегущих по стене ног, и вскоре в дверном проеме возникло хмурое лицо Мессалайна. Не дав ему заговорить, Балинор решительно направился к зубчатой стене, на ходу отдавая приказы.

— Очистите башню и пришлите механиков, пусть попробуют высвободить рычаги. Засовы городских ворот открыты, а шестерни заклинены!

От страшного известия Мессалайн изменился в лице.

— Укрепите ворота бревнами и постройте в пятидесяти шагах за ними лучших бойцов, в три фаланги с обеих сторон. Северяне не должны прорваться. На Внутреннюю стену поставьте лучников в два ряда, пусть простреливают все подходы к воротам. Городскому гарнизону и резервным войскам защищать Внутреннюю стену насмерть. Всем остальным оставаться на Внешней стене и держаться до последнего. Если первый рубеж падет, легион отступит к следующему и будет сражаться дальше. Если потеряем вторую стену, строимся у моста Сендика. Это последний рубеж обороны. Вопросы есть?

Дьюрин быстро рассказал, куда ушел Хендель. Балинор только устало покачал головой.

— Предательство за каждым углом. Пока мы не сможем помочь Хенделю. Если дворец падет и они прорвутся с тыла, нам все равно конец. Мессалайн, принимай правый фланг, Гиннисон встанет слева, я в центре. Враг не должен пройти! Молитесь, чтобы Эвентин успел раньше, чем силы оставят нас.

Пригибаясь к земле, Мессалайн побежал вниз. Мощные удары тарана продолжали сотрясать стену; Балинор и Дьюрин молча смотрели друг на друга. Дневной свет начал тускнеть, зловещая тень Повелителя чародеев неотвратимо поползала на обреченный город. Балинор медленно протянул руку и сжал узкую ладонь эльфа.

— Прощай, друг мой! Все кончено. Времени почти не осталось.

— С Эвентином наверняка что-то случилось, он не мог бросить нас... — горячо начал эльф.

— Знаю, знаю, — прервал его Балинор. — Алланон тоже. Он не успел найти меч и наследника Шаннары. У него тоже не осталось времени.

Они замолчали, тишину нарушали крики людей на стене и грохот тарана. Балинор стер кровь с глубокого пореза над глазом.

— Дьюрин, разыщи брата. Прежде чем уйдешь отсюда, прикажи, чтобы на таран вылили остатки масла и подожгли. Пусть мы их не остановим, так хотя бы поджарим.

Король мрачно усмехнулся и тихо выскользнул из башни. Дьюрин проводил его задумчивым взглядом и подумал о том, чем они провинились перед жестокой судьбой, если она уготовила им такой печальный конец. Балинор был самым замечательным из всех людей, которых встречал эльф. Однако он потерял все — близких, дом, родной город, а теперь в любую минуту мог расстаться с жизнью. Как же мир не содрогнется от такой чудовищной несправедливости, когда у достойных людей отнимают все, а бездушные создания, полные злобы и ненависти, упиваются их бессмысленной гибелью? Еще недавно он твердо верил в победу и знал, что чудо непременно случится, ужасный Повелитель чародеев будет повержен и народы всех четырех земель вздохнут спокойно. Но сладкий сон кончился.

Все еще погруженный в свои невеселые мысли, Дьюрин рассеянно смотрел, как в башню вошли несколько дожих механиков и начали возиться с испорченным механизмом, впрочем, без всякой надежды на успех. Эльф встряхнул головой и поспешил на стену. Пора было искать брата.

Защитники Тирсиса яростно защищали ворота в город. Несмотря на град стрел, которыми выстроенные на плато отряды карликов непрерывно поливали паралеты стены, им удалось сразить нескольких троллей, держащих огромный таран. На укрепления над самыми воротами спешно втащили последние котлы с маслом и опрокинули вниз, отправив вдогонку зажженные факелы. В одну секунду землю перед воротами скрыло неистовое пламя и клубы черной копоти. Металл дымил и плавился в адском пекле, и в считанные минуты тролли сторели заживо в раскаленных ловушках своих доспехов. Однако их место быстро заняли новые солдаты, и могучий таран продолжал сотрясать ворота чудовищными гулкими ударами, от которых уже скоро погнулся брус и начали расщепляться бревна, удерживающие высокие створки ворот.

Серое небо почернело от маслянистого дыма, который поднимался над горящей равниной, заволакивая городские стены и их защитников густой пеленой. У подножия стены грудой лежали черные, обугленные тела троллей, и удушливый запах горелого мяса заползал в ноздри солдат легиона. Противники отчаянно пытались сломить сопротивление друг друга, но никто не хотел уступать. Казалось, победа в этот день так никому и не достанется.

И все же от нещадных ударов погнутый брус разломился надвое, бревна треснули и разлетелись в щепки, и гигантский таран пробил дыру в воротах Тирсиса. Мощным потоком северяне хлынули в образовавшийся проем на строевой плац и тотчас были сражены стрелами лучников, стоявших на вершине Внутренней стены. А у самих ворот врагов уже поджидали три фаланги легиона; грозно ошетилившись копьями и прикрывшись щитами, они выстроились неполным квадратом в пятидесяти шагах от входа. Таран снова качнулся вперед, дыра еще немного расширилась, и передние ряды северян бросились на копья защитников крепости. От мощного натиска легионеры чуть дрогнули, но устояли и отбросили нападавших назад, где те беспомощно топтались в жуткой давке, открытые для лучников, которые обстреливали их и спереди, и сзади. В считанные минуты площадка перед воротами была усеяна горами мертвых и израненных

тел, заваливших пролом в воротах, так что огромной вражеской армии не удавалось продвинуться дальше ни на шаг.

Дьюрин стоял наверху Внешней стены, рядом с надвратной башней, и смотрел, как атака северян разбивается о фаланги легиона. Он уже знал, что Даэль вместе с Янусом Сенпре ушел во дворец, и, хотя сердце его рвалось к брату, все же решил остаться с Балинором. Тем временем враги спешно пытались вернуть утерянное преимущество, и матурены отправляли к пролому в воротах осажденного города могучих скальных троллей. Твердо вознамерившись покончить с ненавистным противником раз и навсегда, армия Севера собрала свои все еще немалые силы для решительного штурма. Со всех сторон Внешнюю стену снова облепили несметные орды карликов и небольших троллей с лестницами и веревками. Немногие оставшиеся на бастионах воины славного легиона отчаянно сражались, чтобы не допустить прорыва, но их ряды стремительно таяли, а поток северян казался неиссякаемым. Началась настоящая война на истощение, и победить в ней у тирсианцев не было никакой надежды.

Неожиданно из сгустившейся тьмы на севере возникли две крылатые фигуры; поднявшись в воздух, они зловещей тенью зависли в небе, и Дьюрин почувствовал, как в жилах стынет кровь. Посланники Черепа! Неужели они настолько уверены в победе, что осмелились появиться при свете дня? Глубокое отчаяние захлестнуло сердце эльфа. Больше он ничем не мог помочь отважным воинам, пора было отправляться на поиски брата. Какая бы участь ни ждала их, они должны встретить свою судьбу вместе.

Он развернулся и быстро пошел вдоль стены, пригибаясь к земле, пока не поравнялся с левым флангом защитников крепости. В нескольких сотнях футов от задних рядов воинов начинался крутой мощный спуск, который вел к казармам легиона, расположенным между двумя городскими стенами. Воздух дрожал от лязга мечей и оглушительных криков. Спустившись вниз, Дьюрин вдруг увидел, как в пролом в воротах прорываются могучие скальные тролли, закованные в доспехи. Он невольно замер на месте, чувствуя, что судьба воинов знаменитого легиона может решиться с минуты на минуту.

Фаланга сомкнулась плотнее и двинулась в атаку на массивных троллей, которые мощным четырехугольником медленно приближались к средней линии обороны, которой командовал Балинор. Когда противников разделяло лишь десять шагов, тролли, к всеобщему изумлению, резко повернули влево и стремительно бросились на фланг Гиннисона. С оглушительным грохотом полки столкнулись, и жуткий лязг мечей о булавы и щитов о железные латы взорвал воздух. Сначала фаланга легиона сдерживала натиск, первые тролли упали замертво. Однако силы были слишком неравными, и северяне одним своим весом оттесняли отважных воинов, пока наконец правый фланг обороны не начал рушиться.

Яростно взмахнув мечом, Гиннисон тотчас бросился вперед, чтобы не пропустить врагов дальше, его длинные рыжие волосы огненным факелом полыхали в самой гуще троллей. Балинор сдвинулся вправо, Мессалайн наступал сзади, и тролли понемногу начали отступать. Не было в этой страшной осаде схватки более жестокой, и Дьюрин с ужасом наблюдал, как могучие скальные тролли снова теснят воинов легиона и прорываются вперед. Уже вскоре им удалось пробиться сквозь слабеющие ряды легиона, и Гиннисон совершенно исчез из виду, когда могучая волна троллей смяла его воинов и ринулась к казармам и Внутренней стене.

Дьюрин стоял как раз у них на пути. У него еще оставалось время, чтобы укрыться за стеной, но вместо этого эльф опустился на одно колено, вложил в лук стрелу и натянул тетиву. Первый тролль рухнул в пятидесяти шагах от него, второй — на десять шагов ближе, третий — в двадцати пяти. В атаку бросились воины, защищавшие стену, лучники отчаянно пытались остановить прорвавшихся троллей. В одну секунду Дьюрин оказался в самой гуще чудовищного сражения — тролли и защитники крепости бежали на него с разных сторон и сходились в отчаянной рукопашной. Повернувшись к могучим латникам, которые надвигались на него темной стеной, Дьюрин выпустил по ним последние стрелы.

Потом он отбросил лук и впервые подумал о бегстве. Но не успел он сделать и шага, как целая толпа врагов надвинулась на него. Подхватив брошенный кем-то меч, он яростно отбивался, стараясь не потерять равновесие, когда трол-

ли мощным натиском оттесняли его к стенам казармы. Прямо над ним нависла громадная туша скального тролля в латных доспехах, с темным, похожим на древесную кору лицом. В отчаянии эльф метнулся в сторону, уворачиваясь от удара огромной булавы. В левом плече вспыхнула острая боль, а потом наступило странное онемение и рука безвольно повисла. Собрав последние силы, Дьюрин старался не упасть, но боль внезапно вернулась, захлестнув его хрупкое тело грубым потоком. Согнувшись пополам, он рухнул на землю. Чувствуя ужасную тяжесть, он лежал лицом вниз, дыхание его было слабым и прерывистым. Сражение меж тем откатывалось все дальше; Дьюрин попытался посмотреть, что происходит, но силы оставили его, и эльф провалился в черную бездну, в которую чудовишными вспышками все еще прорывалась боль.

Менион Лих наклонился и осторожно поднял мертвое тело Хенделя. Ступая негнушимися ногами, он шагал между телами павших врагов к лестнице. Там принц равнодушно перешагнул через обезглавленный труп в багровом плаще и пошел вверх по ступеням древней лестницы. Застыв от горя, горец вышел из двери подземелья и направился по опустевшему дворцовому коридору, прижимая к себе безжизненное тело гнома. Он брел без цели, глядя перед собой пустыми глазами, лицо его искажал безмолвный крик боли и отчаяния. В приемной он остановился, услышав гулкое эхо бегущих ног, которое доносилось из восточного крыла. Менион осторожно положил свою ношу на стол и молча смотрел на золотоволосую девушку. Ширл медленно подошла к нему, глаза ее были полны слез.

— О Менион,— чуть слышно прошептала она.— Какое несчастье...

Глаза его блеснули, губы зашевелились, когда он попытался заговорить и не смог. Ширл бросилась к нему, обняв тонкими руками его поникшие плечи, касаясь лицом его лица. Менион прижал девушку к себе, и ужасная боль, которая таилась в душе его, бесшумным потоком хлынула наружу и исчезла в ее печальном безмолвии и любви.

А тем временем на бастионах Внутренней стены Балинор еще раз проверил готовность защитников города и устало остановился над прочно забаррикадированными воротами. Северяне уже строились для последнего штурма. Только что неприступная Внешняя стена пала, и отважным воинам легиона пришлось отступить на вторую линию обороны. Балинор угрюмо смотрел на исполинскую стену, облепленную фигурками врагов, и до боли сжимал рукоять широкого меча так, что костяшки пальцев побелели. В жестокой схватке с троллями перед воротами Внешней стены его плащ и мундир были изодраны в клочья. Балинор удерживал центр обороны, но враги прорвались с флангов. Гиннисон был убит, Мессалайн тяжело ранен, сотни отважных воинов погибли, защищая Внешнюю стену, пока еще теплилась какая-то надежда. Дьюрин исчез в гуще сражения, и судьба его была неизвестна. И теперь король Каллахорна один стоял наверху стены.

Балинор резко махнул солдатам, которые подтаскивали к воротам бревна для подпорки, и в тусклом свете ярко блеснул рукав его кольчуги, пробитой и разорванной в нескольких местах. Глубокое отчаяние вдруг завладело им. Никто не пришел ему на помощь. Ни Эвентин со своей армией, ни Алланон, ни другие правители Юга. Часы Тирсиса сочтены, за ним падет весь Каллахорн, а подмоги все нет. Только легион продолжал сражаться, пытаясь в одиночку защитить все Южные земли. Разве это справедливо? Балинор опомнился и резко отбросил сомнения и слабость. У него не было времени жалеть себя. Слишком много жизней зависело сейчас от его решимости и мужества.

Армия Севера выстраивалась вдоль подножия Внешней стены, в руках захватчиков виднелись уже знакомые штурмовые лестницы и веревки с железными крюками, приготовленные к новому штурму. Пока шла битва с отрядами скальных троллей на парадном плацу легиона, несколько латников уже перелезли через Внутреннюю стену и скрылись в городе. Балинор вдруг подумал, что стало с верным Хенделем и Менионом. Скорее всего, им удалось перекрыть потайной ход и остановить врагов, иначе город давно бы уже пал. А теперь им придется защищать дворец от первых захватчиков, которым удалось прорваться за Внутреннюю стену.

Копоть от маслянистого дыма застилала глаза, и Балинор тер их, пока не потекли слезы. Быстрым взглядом он окинул укрепления стены, затянутые плотной серой пеленой. Это казалось невероятным, но легион все еще удерживал противника, силы которого были настолько велики, что потеря сотни-другой бойцов ничего для него не значила. Балинор вдруг вспомнил, что сказал Хендель после смерти его отца и брата. Последний из Буханнанов. Великий род прервется вместе с ним, как умрет древний Тирсис и все его подданные. В воздухе громогласным эхом прокатился чудовищный рев, и северяне рванулись к последней преграде, отделявшей их от желанной цели. Длинный шрам на лице короля побагровел, и Балинор грозно поднял свой клинок.

Почти в то же мгновение первые разрозненные отряды скальных троллей собрались у подножия моста Сендика. Они медлили. Прямо посреди широкой каменной арки выстроились солдаты легиона, преграждая путь к воротам дворца. Впереди стоял Янус Сенпре, по одну сторону от него застыл Менион; несмотря на раны, он держался прямо и двумя руками сжимал меч Лиха. С другой стороны стоял Дазль, его юное лицо было бледным, но решительным. За спинами скальных троллей в небеса поднимались клубы дыма от горящих домов горожан. Испуганные крики перекрывали шум сражения под Внутренней стеной. Вдалеке на почти опустевшей Тирсовой дороге метались крошечные фигурки людей, разбегавшихся по своим домам. Противники молча смотрели друг на друга. Тролли все прибывали, они разглядывали южан холодными равнодушными глазами опытных бойцов, уверенных в своей победе. Защитников на мосту было меньше пятидесяти человек.

Внезапно небо почернело, и воинов окутала зловещая тишина. И тогда откуда-то из горящего города до Мениона донесся слабый, но отчетливый детский крик. Дазль, стоявший чуть левее, вдруг почувствовал, как холодный северный ветер затих с негромким вздохом. Могучие тролли неспешно выстроились в боевой порядок, поигрывая огромными булавами, и плотно сомкнутыми рядами двинулись к середине моста, где их ждали последние защитники города.

На гребне горы к западу от города Флик Омсфорд и небольшой отряд эльфийских всадников беспомощно наблюдали за разрушением Тирсиса. Стоя между Эвентином и Джоном Лином Сандором и глядя, как несметная армия Севера, никем не остановленная, вливается в проломленные ворота крепости, юноша чувствовал, как угасает в нем последняя надежда. На улицах города уже полыхали пожарища, и в небо поднимались клубы черного дыма. Последние воины славного Пограничного легиона были сметены со стен крепости. Оборона города пала. Флик в ужасе смотрел, как в потемневшее небо поднялись чудовищные фигуры посланников Черепа и нависли над наступающей армией, раскинув черные крылья. Страшное пророчество Алланона сбылось. Повелитель чародеев победил.

Неожиданно всадник слева от юноши громко вскрикнул, и Эвентин пришпорил коня, нетерпеливо протискиваясь мимо Флика. На бескрайней равнине, пока еще далеко на западе, в серой дымке горизонта проступила смутная темная линия. В следующее мгновение они услышали далекий топот копыт, который смешивался с грохотом яростной битвы у них за спиной.

Темная линия на горизонте стремительно росла и вскоре превратилась в огромные полки всадников; тысячи воинов с яркими развевающимися знаменами и блестящими копьями летели по равнине под чистое сильное пение боевых горнов. Эльфы радостно закричали, приветствуя свою армию, которая на головокружительной скорости неслась к Тирсису. Заметив их приближение, арьергард северян уже смыкал ряды и разворачивался, чтобы встретить новый удар. Армия Эвентина наконец пришла на помощь защитникам Тирсиса, чтобы спасти осажденные земли трех земель и все то, что народы мира ценой собственных жизней отстояли в веках. Но помощь эта, казалось, пришла слишком поздно.

Глава 33

Одним плавным движением Ши бесшумно высвободил клинок из потертых ножен. В слабом мерцании факелов металл сверкнул тусклым синеватым отсветом; поверхность клинка была безупречно гладкой, словно знаменитый меч не знал еще ни одной битвы. Тонкий уравновешенный клинок, выкованный искусным мастером, оказался неожиданно легким; резную рукоять украшала уже знакомая юноше четкая гравировка — рука, сжимающая зажженный факел. Осторожно держа меч, Ши поглядывал на Панамона и Кельтсета, ища у них поддержки. Он вдруг ужасно испугался того, что произойдет дальше. Но его хмурые товарищи стояли неподвижно, лица их были невозмутимы и бесстрастны. Ши крепко взялся за рукоять обеими руками и резко взмахнул мечом, направив его вверх. Ладони вспотели, и он ощутил, как тело бьет легкая дрожь. Сбоку послышался слабый шорох, и Орл Фейн тихо застонал. Секунды таяли, и Ши чувствовал, как металл гравировки больно впивается в ладонь. Но ничего не происходило.

...В сером сумраке пустой пещеры на вершине горы Черепа темные воды в каменной чаше были ровными и спокойными. Сила, называющая себя Повелителем чародеев, дремала...

Неожиданно меч Шаннары потеплел в руках Ши, странная волна пульсирующего жара хлынула из глубины темного железа в ладони ошеломленного юноши, а затем исчезла. Вздрогнув, он испуганно попятился и чуть опустил клинок. Через мгновение удивительное тепло сменилось острым по-

калыванием в руках. Ши невольно поморщился и напряг мышцы, хотя боли он не чувствовал. Юноша инстинктивно попытался опустить меч, но, к его изумлению, руки не слушались, словно кто-то невидимый удерживал их, заставляя крепко сжимать древний клинок.

Покалывание пробежало по всему телу, и хрупкий юноша почувствовал, как внутри его рождается мощная сила и несокрушимым потоком несется к холодному металлу меча, превращая великий клинок в часть его самого. Тонкая позолота на резной рукояти раскрошилась под его пальцами, и рукоять сверкнула гладким серебром, пронизанным красноватыми прожилками света, которые горели и извивались в сверкающем металле, словно живые. Нечто неведомое пробуждалось в душе паренька, и он чувствовал, что это часть его самого, хотя и совершенно чуждая всей его прошлой жизни. Удивительная сила мягко, но уверенно тянула его за собой, затягивая Ши все глубже.

В нескольких шагах от него Панамон Крил и Кельтсет с растущей тревогой смотрели, как щуплый юноша медленно погружается в транс; глаза его были полузакрыты, дыхание замедлилось, и он застыл, словно статуя, посреди полутемного подвала. Ши крепко сжимал меч Шаннары двумя руками, нацелив клинок к потолку, сверкающая рукоять ярко вспыхивала в неверном свете факелов. На секунду Панамону вдруг захотелось взять парня за плечи и хорошенько встряхнуть, но что-то его удержало. Из глубины подвала показался Орл Фейн и пополз по гладким каменным плитам к своей бесценной находке. Панамон чуть помедлил, а затем грубым пинком оттолкнул карлика назад.

Ши чувствовал, как мощная сила затягивает его все глубже, словно щепку в бурном водовороте. Все расплывалось перед глазами и постепенно исчезало. Сначала исчезли стены каменного подвала, потом скорченная фигура хнычущего карлика и, наконец, растворились даже могучие силуэты Панамона и Кельтсета. Станный поток подхватил юношу, и он не находил в себе сил противиться его властному течению. Медленно уносился он в самые глубокие бездны сво-

его существа, пока все вокруг не погрузилось в непроглядный мрак.

...В глубине пещеры в недрах мрачной, похожей на череп горы по неподвижным водам чаши пробежала мелкая рябь, и несчастные создания, служащие своему Учителю, испуганно вылезли из дальних углов каменного склепа. Повелитель чародеев медленно пробуждался от своего беспокойного сна...

В сумятице переживаний и чувств, которые составляли глубинный корень его существа, человек, держащий в руках меч Шаннары, встретился лицом к лицу с самим собой. На мгновение юношу захлестнул ураган размытых образов, затем поток словно повернул вспять, унося его в совершенно ином направлении. Немыслимые видения толпились перед его взором. Привычный мир, где он родился и жил, все его прошлое и настоящее вдруг предстали перед ним освобожденными от столь бережно взлелеянных иллюзий, и он увидел подлинную сущность бытия во всей ее наготе. Сладкие грезы больше не украшали суровую неприглядность жизни, красивые фантазии не скрывали грубость ее очертаний, ложные надежды не смягчали жестокость ее решений. И среди этой бескрайней пустоты он увидел себя — ничтожную искру быстротечной жизни.

Ужасное открытие ошеломило юношу, ледяным холодом сковало все его мысли и чувства. Безуспешно цеплялся он за свое прежнее представление о себе, пытаясь найти опору от разъедающего безумия и укрыться от кошмарного зрелища внутренней наготы и слабости существа, в котором он был вынужден узнать себя.

Затем сила потока, казалось, немного ослабела. Ши заставил себя открыть глаза, чтобы на миг избавиться от ужасных видений. Прямо перед ним сверкал меч Шаннары, устремленный вверх, он пытал ослепительным белым светом, который лился от клинка к рукояти. За клинком юноша разглядел Панамона и Кельтсета, не сводящих с него глаз. Затем взгляд могучего тролля чуть сдвинулся и упал на меч. Странное волнение мелькнуло в умных глазах великана. Ши снова посмотрел на знаменитый меч и увидел, что его свечение

лихорадочно пульсирует. Нетерпеливыми волнами оно пыталось пробиться от клинка к телу юноши, но что-то мешало ему.

Еще мгновение Ши пытался сопротивляться, но затем глаза его вновь закрылись, и видения вернулись. Первое потрясение от увиденного уже прошло, и теперь он пытался осмыслить, что происходит. Он сосредоточился на стоящих перед ним образах Ши Омсфорда, полностью погружившись в его мысли, чувства, суждения и порывы, которые делали его характер одновременно чуждым и знакомым.

Образы проявились с пугающей четкостью, и внезапно он увидел иную сторону своей личности — ту, которую раньше не мог рассмотреть, а возможно, просто отказывался принимать. Она проступила в бесконечной череде событий, скорее напоминавших карикатуру на те воспоминания, которые он привык считать достоверными. Здесь велся скрупулезный счет всем обидам, которые он наносил другим, каждой мелочной зависти, которую испытывал, всем его предрассудкам, намеренным полуправдам, жалости к себе, страхам — всему тайному, что было спрятано глубоко внутри. Здесь он увидел Ши Омсфорда, который бежал из Тенистого Дола вовсе не для того, чтобы спасти семью и друзей, а из страха за собственную жизнь, цепляясь за малейшее оправдание для своей паники. Именно этот Ши Омсфорд эгоистично позволил брату разделить его страх, облегчая таким образом собственную боль. Здесь жил юноша, который глумился над безнравственностью Панамона Крила и в то же время позволял презираемому им разбойнику рисковать жизнью ради его спасения. И еще здесь...

Образы тянулись нескончаемой вереницей. Ши Омсфорд в ужасе отпрянул от ужасной картины. Он никогда не сможет с этим примириться. Никогда!

И все же, черпая силу и мудрость из какого-то глубинного источника, его разум открылся для восприятия образов, с готовностью бросился им навстречу, убеждая, даже заставляя Ши признать истинность того, что ему показали. Здравый смысл не позволял юноше отрицать темную сторону его характера; как и тот неполный образ, который он всю жизнь

привык считать своей сущностью, она была всего лишь частью Ши Омсфорда, и он не мог от нее отречься.

И ему пришлось принять то, что он увидел. Потому что это была правда.

...Разъяренный Повелитель чародеев наконец сбросил с себя последние остатки сна...

Правда? Ши снова открыл глаза и посмотрел на меч Шаннары, сияющий белым огнем от клинка до рукояти. Пульсирующее тепло быстро разливалось по телу, подталкивая его не только к новому видению себя, но и к познанию тайной мудрости бытия.

Он вдруг понял, что постиг тайну меча. Великий клинок обладал силой открывать Истину, заставляя своего владельца узнавать правду о себе, а возможно, и обо всех тех, кто прикасался к нему раньше. Мгновение он колебался, пытаясь побороть недоверие. Потом отчаянно пытался увидеть что-нибудь еще в том неожиданном озарении, что вдруг снизошло на него. Но увы — больше открывать было нечего. В этом была вся магия знаменитого меча. В остальном он был лишь тем, чем казался, — прекрасным творением искусного мастера из другой эпохи.

Осознание это пронеслось через разум Ши, внося полный сумбур в его растерянные мысли. Неудивительно, что Алланон так и не раскрыл им тайну меча. Разве такое оружие сможет противостоять невероятной силе Повелителя чародеев? Как оно может защитить от существа, способного выдавить из него жизнь одной лишь мыслью? Похолодев от страшной догадки, Ши понял, что его предали. Легендарная сила меча оказалась ложью! Он почувствовал, как сердце захлебывается страхом, и крепко зажмурился, дрожа как в лихорадке. Перед глазами яростно забурился мрак, и юноша почувствовал, как кружится голова от его непрерывного верчения.

...В бесцветной серой пустоте горного убежища Повелитель чародеев наблюдал и прислушивался. Гнев его начал медленно отступать, и туманная мгла, скрытая капюшоном, чуть качнулась. Парень из Дола, которого он считал погибшим, все-таки выжил и, несмотря ни на что, нашел меч. Но он жалок и слаб и никогда не поймет силу талисмана. Уже

теперь он охвачен страхом и сомнением, и справиться с ним не составит труда. Бесшумной тенью Учитель быстро заскользил прочь из пещеры...

На вершине голого, продуваемого всеми ветрами холма Алланон остановился; его темные глаза под кустистыми бровями внимательно разглядывали мрачные контуры одинокой горной цепи на тусклом северном горизонте. Казалось, горы тоже смотрели на него, повернув к друиду свои хмурые, изрезанные временем и непогодой лица, в которых отражалась душа самой земли, породившей их долгие века назад. Над бескрайней дикой пустыней, которая и называлась Северными землями, застыла зловещая томительная тишина. Даже ветры в горах смолкли и притаились. Друид плотнее запахнул черный плащ и глубоко вздохнул. Ошибки быть не могло, его унесенная влаль мысль не могла подвести. То, ради чего он так долго трудился, наконец-то свершилось. Где-то в глубоких пещерах Острия Ножа, вдаль от вершины холма, на котором стоял мистик, Ши Омсфорд обнажил меч Шаннары.

Только все шло не так, как должно быть! Даже если юноше хватит сил принять правду о самом себе и тайна великого меча откроется перед ним, он не знает, как правильно использовать талисман в схватке с могущественным Повелителем чародеев. У него не хватит времени обрести уверенность, и только Алланон мог бы поддержать его и дать столь необходимые знания. Сомнения и страх будут раздирать несчастного юношу, и Брона без труда справится с ним. Даже издаля друид чувствовал, как пробуждается его враг. Властелин тьмы уже начал спускаться из своих горных чертогов, безгранично уверенный в том, что наследник меча так и не узнал всей силы великого талисмана. Он нанесет свой удар быстро и беспощадно, и Ши погибнет раньше, чем научится выживать.

До столкновения оставались считанные минуты, и Алланон уже понял, что не успеет вовремя. Слишком поздно он узнал, что Ши и меч Шаннары неведомо как оказались на Се-

вере. Оставив своих спутников в Каллахорне, он поспешил на помощь юноше. Однако события развивались слишком стремительно. И теперь у него оставалась последняя, пусть и призрачная надежда хоть чем-то помочь Ши. Подхватив полы длинного плаща, он торопливо зашагал вниз по холму, взбивая небольшие облачка пыли, лицо его было утрумо и решительно.

Панамон Крил бросился к Ши, когда юноша упал на колени, но Кельтсет остановил его могучей рукой. Тролль повернулся к входу в пещеру и настороженно прислушался. Панамон ничего не услышал, но внезапный страх сковал его движения, и он замер на полдороге. Кельтсет не отрываясь смотрел в темноту, скользя взглядом по каменным сводам, так, словно видел кого-то, идущего по коридору. Панамон почувствовал, как дрожь пробежала по телу.

Неожиданно тесную пещеру окутала огромная тень. Пляшущий свет факела, заполнявший маленькое углубление в скале, резко померк. В дверях показалась высокая фигура, закутанная в черный плащ. Что-то подсказывало Панамону, что это и есть Повелитель чародеев. Вместо лица под низко надвинутым капюшоном была только тьма и густой зеленый туман, который лениво клубился вокруг двух маленьких точек красноватого огня. Огоньки обратились сначала к Панамону и Кельтсету, мгновенно заморозив их волю смертельным холодом и превратив их в недвижные статуи. Крил хотел предупредить маленького южанина, но не мог выговорить ни слова и лишь беспомощно смотрел, как безликий призрак медленно поворачивается к Ши.

Ши Омсфорд очнулся от оцепенения и вновь увидел перед собой затхлый сумрак тесной пещеры. Все казалось странно далеким, хотя в самой глубине его затуманенного сознания назойливо звенел слабый тревожный голос. Однако усталый разум юноши неохотно отвечал на зов и в первые минуты замечал лишь прогорклый запах плесени да тихое потрескивание единственного факела. Постепенно сквозь мглу проступили фигуры Панамона и Кельтсета, неподвижно застыв-

шие в пяти шагах от него, смертельный ужас искажал их окаменевшие лица. У дальней стены корчился Орл Фейн, сжавшись в маленький желтый комок, карлик хныкал и что-то невнятно бормотал. А прямо перед ним ярко сверкал меч Шаннары.

И в тот же миг тайна меча вернулась к нему, а с ней и горькая безнадежность его положения. Он хотел поднять голову, но глаза были словно прикованы к одной точке. Неожиданно страх и отчаяние захлестнули его ледяным потоком и повлекли за собой. Руки его затряслись, по спине побежал липкий холодный пот. Все внутри его кричало о бегстве. Бежать! Бежать без оглядки, пока хозяин этих мрачных мест, в которые он осмелился вступить, не нашел его и не уничтожил! Благородная цель, ради которой он рисковал всем, больше ничего не значила, и единственной мыслью в его скованном ужасом разуме была мысль о спасении.

Шатаясь, юноша с трудом встал на ноги. Каждая клеточка его существа кричала: спасайся, брось меч и беги! Но руки его отказывались выпускать клинок, словно незримая сила запрещала им сделать это. Ши отчаянно пытался обуздать свой страх, крепко сжимая рукоять меча, пока костяшки пальцев не побелели от боли. Меч был последним, что останавливало его на краю черной пучины страха. И он в отчаянии цеплялся за эту слабую надежду, хотя и понимал, что бесполезный меч не спасет его.

СМЕРТНЫЙ, Я ЗДЕСЬ!

Леденящим эхом отдавались слова в гулкой тишине пещеры. Ши с трудом поднял голову и посмотрел на дверь. Сначала он увидел лишь тени, потом тени немного ступились, слившись в очертания высокой темной фигуры в плаще. Повелитель чародеев! Неподвижной черной громадой он висел в проеме двери, непроницаемый и бесформенный. В глубине капюшона клубился зеленый туман, алые искры огня разгорались все ярче.

СМЕРТНЫЙ, Я ЗДЕСЬ. СКЛОНИСЬ ПРЕДО МНОЙ!

Ши побелел от ужаса. Могучая черная сила врезалась в его разум, и он отчаянно зашатался на самом краю бездны. Один легкий толчок — и... Он заставил себя думать только о

мече и отчаянном желании выжить. Багровая пелена застилала его разум, принося несчетные голоса обреченных существ, молящих о милосердии. Искалеченные создания ползали у его ног, цеплялись за руки и тянули за собой, в пропасть. Последние капли храбрости в его душе разом иссякли. Какой же он маленький, какой уязвимый. Как он может противостоять всемогущему Повелителю чародеев?

Застыв у дальней стены подвала, Панамон Крил смотрел, как призрак в черном плаще медленно приближается к Ши. С мечом или без, хрупкий юноша был беспомощен перед плотным чудовищем, лишенным лица. Быстро кивнув Кельтсету, Панамон страхнул сковавший его страх и ринулся в атаку, грозно размахивая культей с пикой на конце. Темная фигура чуть повернулась к неожиданному противнику, она больше не казалась бестелесной, могучая сила исходила от нее мощной волной. Призрак взмахнул рукой, и Крил почувствовал, как железные тиски схватили его за горло и прижали к стене. Он попытался высвободиться, но неодолимая сила держала и его, и Кельтсета на месте. В немой беспомощности они смотрели, как Повелитель чародеев разворачивается к Ши.

Схватка почти закончилась. Ши по-прежнему держал меч перед собой, но сила Властелина тьмы сломила остатки его решимости. Разум был больше не подвластен ему. Страх и отчаяние раздирали его на части. И тогда откуда-то из глубины темного капюшона донесся зловещий голос.

ПОЛОЖИ МЕЧ, СМЕРТНЫЙ!

Жгучее желание повиноваться этому мрачному зову овладело им. Перед глазами поплыла мутная пелена, не хватало воздуха. Неожиданно в глубине сознания раздался далекий и очень знакомый голос, который шептал его имя. Ши попытался ответить, вновь обретя надежду на спасение, но зов Повелителя чародеев вновь окатил его ледяным холодом.

ПОЛОЖИ МЕЧ!

Клинок в руках Ши чуть дрогнул. Юноша почувствовал, как слабеет разум и смертельный мрак заполняет все его существо. Меч был всего лишь бесполезным куском металла. Так почему бы не бросить его и не покончить со всем этим?

Сила кошмарного создания, застывшего перед ним, безгранична. А он всего лишь жалкий смертный.

Меч опустился еще ниже. Неожиданно из дальнего угла пещеры раздался громкий крик, и обезумевший от ужаса Орл Фейн с рыданиями упал на каменный пол. Панамон побледнел как полотно. Могучее тело Кельтсета, казалось, было вдавлено в стену чьей-то железной рукой. Острие меча Шаннары застыло в нескольких дюймах от пола, слегка подрагивая.

И тогда Ши снова услышал настойчивый голос. Рожденный из ниоткуда, шепот был такой слабый, что юноша с трудом различал слова.

«Ши! Наберись мужества. Доверься мечу!»

Алланон!

Спокойный голос друида пронзал стену страха и сомнений, которые окружали хрупкого юношу. Но голос этот был такой далекий...

«Доверься мечу, Ши. Все остальное обман...»

Слова Алланона потонули в яростном вопле — Повелитель чародеев услышал голос ненавистного друида, проникшего в мысли Ши. Но Брона опоздал. Алланон уже протянул спасительную нить, и юноша крепко ухватился за нее, отползая от края пропасти. Страхи и сомнения оставили Ши, и великий меч в его руке вновь поднялся.

Казалось, Повелитель чародеев сделал шаг назад, и лишенный лица капюшон чуть повернулся к Орлу Фейну. Хнычущий карлик тотчас вскочил, движения его были резкими и скованными, словно кто-то невидимый дергал за нити марионетки. Послушная кукла в руках Властелина тьмы, он двинулся вперед, узловатые желтые ручки в отчаянии потянулись к мечу. Цепкие пальцы сомкнулись на выставленном вперед лезвии и потянули клинок к себе. И вдруг Орл Фейн пронзительно закричал, отдергивая руки от талисмана. Упав на пол, он закрыл руками искаженное от страха лицо, словно пытался отгородиться от какого-то ужасного видения.

Повелитель чародеев еще раз властно взмахнул рукой. Дрожащий карлик с трудом поднялся на ноги и бросился к Ши,

громко вопя от страха. Руки его снова вцепились в блестящий клинок, и снова он в ужасе отпрянул в сторону, заливаясь слезами.

Ши внимательно посмотрел на несчастного карлика, понимая, что происходит. Орл Фейн узнал правду о себе самом, точно так же, как увидел ее Ши при первом прикосновении к мечу. Только для карлика эта правда оказалась невыносимой. Но почему сам Брона не пытался завладеть мечом, спрашивал себя Ши. Это было бы несложно, однако Властелин тьмы сначала вынуждал Ши бросить меч силой наваждения, а потом подчинил себе разум и без того безумного карлика. Неужели существо, обладающее таким могуществом, не могло отнять великий талисман у жалкого смертного? Это же так просто... Ши старался найти ответ, и первый проблеск понимания уже забрезжил перед его мысленным взором.

Орл Фейн снова поднялся на ноги, послушный приказам своего господина. В безумном отчаянии он подскочил к Ши, яростно хватая воздух скрюченными пальцами. Юноша попытался отойти, однако разум несчастного карлика давно померк, сознание умерло, а душа больше не принадлежала ему. С пронзительным криком страха и боли он бросился на меч. Его жилистое тело дернулось, пронзенное сверкающим металлом, и в последние мгновения своей жизни он прижал к себе единственную вещь, которая что-то значила для него в этом мире. Лишь один краткий миг она наконец-то принадлежала ему. Потом он умер.

Ошеломленный юноша отступил назад, выдернув клинок из безжизненного тела. В тот же миг Повелитель чародеев нанес новый удар, с неистовой яростью вторгаясь в разум своего противника, чтобы смять его сопротивление. Властелин тьмы больше не обволакивал Ши сомнениями, не вселял в него неуверенность, не пытался обмануть наваждениями. Грубым и беспощадным ударом он затопил его разум сокрушительным страхом, съедающим душу. Ужасные видения закружились перед мысленным взором Ши, представляя могущество Повелителя чародеев в сонме жутких образов, которые должны были сломить его волю. Он чувствовал себя жалким

червяком, ползающим по земле; казалось, еще одна секунда — и Властелин тьмы сотрет беспомощного смертного в порошок.

Но мужество Ши оказалось сильнее. Один раз он уже почти поддался безумию и теперь держался твердо, веря в себя и в Алланона. Крепко сжимая меч двумя руками, он заставил себя сделать крошечный шаг к стене осаждающих его страхов. Он старался убедить себя, что это всего лишь навязание и страх который терзает его, навязан ему жестокой волей. Стена немного поддалась, он сделал еще шаг, уже более уверенно. Он вспомнил ужасную смерть Орла Фейна и мысленно представил себе тех, кому еще суждено умереть, если он дрогнет. В памяти снова всплыл тихий шепот Алланона. Юноша заставил себя думать о странном нежелании Властелина тьмы касаться меча и вдруг понял, в чем слабость могущественного Броны. Истинная сила талисмана заключалась в простом законе, которому подчинялись даже такие непобедимые существа, как Повелитель чародеев.

Неожиданно мгла перед глазами юноши поблекла, и стена страхов рассыпалась. Ши снова стоял перед Властелином тьмы, и алые искры в зеленом тумане под капюшоном горели яростным огнем. Рукава плаща быстро взметнулись, словно призрак защищался от невидимой опасности, и темная фигура отшатнулась от него. Сила, удерживающая Панамона и Кельтсета, неожиданно ослабла, и они бросились вперед, выхватывая оружие. Ши чувствовал, как последние преграды, воздвигнутые Повелителем чародеев против его атаки, стремительно тают. И тогда он опустил меч Шаннары.

Призрак дернулся, и дикий беззвучный вопль ужаса всколыхнул черный саван, длинная бестелесная рука яростно взлетела вверх. Ши сильнее вдавил сверкающий клинок в темную фигуру призрака, отшвыривая его к стене. Он поклялся себе, что пойдет до конца и уничтожит чудовище, чтобы зло больше не висело над миром темной пеленой. Черный плащ призрака сотрясался перед его глазами, скрюченные пальцы судорожно хватали сырой воздух. Повелитель чародеев начал рассыпаться, жгучая ненависть к тому, кто его уничтожил, кипела в оглушительном крике призрака, и тысячи дру-

гих голосов, взывающих к мести, которой они так долго были лишены, вторили ему неумолчным эхом.

Через клинок меча ужас этого существа хлынул в сознание юноши, но с ним явилась и сила других голосов. Ши больше не раздумывал. Прикосновение меча несло с собой правду, против которой хитрость и обман Повелителя чародеев были бессильны. Именно правды он не мог перенести, не мог принять, не мог пережить. Именно от правды у него не было никакой защиты. Потому что для Повелителя чародеев правда означала смерть.

Смертная оболочка Броны была лишь иллюзией. Давным-давно все средства, которые он изыскал, чтобы продлить свою бrenную жизнь, иссякли, и тело его умерло. Однако одержимая уверенность в том, что он не может погибнуть, поддерживала в нем тлеющий уголек жизни, и то же кощовство, которое довело его до безумия, придало ему сил. Бросив вызов самой смерти, он удерживал свое мертвое тело от разложения, чтобы обрести вечную жизнь, ускользавшую от него. Он существовал на грани двух миров, и сила его внушала трепет. Но теперь меч заставил его увидеть себя таким, каким он был, — сгнившей мертвой оболочкой, которую поддерживала лишь безумная вера в собственную реальность, наваждением, иллюзией, порожденной одной силой воли, такой же преходящей, как и его новый облик. Он был всего лишь ложью, которая появлялась и росла в страхах и сомнениях смертных существ, ложью, созданной для того, чтобы скрыть правду. Но теперь его так тщательно выстроенный обман раскрылся.

Ши Омсфорд нашел в себе силы смириться со своей слабостью и уязвимостью — как и у всех людей, они были частью его естества. Но Повелитель чародеев никогда бы не смог принять того, что открыл ему меч, потому что существо, которым он себя считал, было мертво почти тысячу лет. И в этом была правда. Ложь — единственное, что оставалось от Броны, но теперь и ее отняла сила меча.

Он закричал в последний раз, и эхо его скорбного воя гулко разнеслось под каменными сводами пещеры, смешиваясь с торжествующим хором призраков. Потом все стихло.

Протянутая рука начала сохнуть, распадаясь в прах, дрожащее тело под покровом плаща осыпалось пылью. Крошечные алые искры последний раз сверкнули в тающем зеленом тумане и исчезли. Плащ съёжился и пустой грудой осел на пол, черный капюшон медленно сложился, и от Повелителя чародеев осталась только смятая куча материи.

В следующий миг Ши неуверенно пошатнулся. Его измученное тело вынуждено было расплачиваться за то страшное напряжение и бурю чувств, которые терзали его душу так нещадно. Пол закачался у него под ногами, и юноша начал медленно проваливаться в темноту.

Отзвуки беспощадной схватки смертного существа с порождением мира призраков отозвались и в Тирсисе. В самом сердце земли зародился низкий рокот, и непрерывные волны чудовишных судорог прокатились по ее истерзанной поверхности. На низких холмах восточнее крепости маленький отряд эльфов едва сдерживал испуганных коней, и измученный Флик Омсфорд с ужасом смотрел на пляшущую под ногами землю. Наверху Внутренней стены возвышалась могучая фигура Балинора, отражающего атаку за атакой. Армия Севера тщетно пыталась прорвать оборону легиона, и несколько минут дрожь земли оставалась незаметной в пылу битвы. А на мосту Сендика тролли, уже готовые броситься на штурм дворцовых ворот, в нерешительности остановились, почувствовав нарастающие толчки. Менион Лих вздрогнул, когда на древнем камне появились длинные трещины и мост, на котором стояли воины, зашатался. Мощная дрожь быстро нарастала, с пугающей скоростью переходя в неукротимую лавину судорог, кореживших почву и камень. Над землей пронесся яростный ветер, разметавший по полю эльфийскую армию, которая все еще стремилась достичь Тирсиса. От Анарских лесов в Кулхейвене до самых дальних уголков бескрайних Западных земель пронесся могучий ураган. Под натиском страшного ветра и землетрясения вековые деревья трещали и раскалывались в щепки, гранитные скалы рушились и рассыпались в пыль. Небо потемнело и стало непро-

нищемо-черным; лишенное солнца и облаков, оно было совершенно пустым, словно кто-то подмел небосвод одним взмахом гигантской метлы. Черноту прорезали длинные ломаные росчерки алых молний, которые расплзались от горизонта до горизонта запутанной сверкающей паутиной. Казалось, настал конец света, и все живое должно было неминуемо сгнуться в этом аду. Светопреставление, обещанное с начала времен, наконец-то наступило.

Однако уже в следующий миг все стихло, и мир объяла полная всепоглощающая тишина. Безмолвие висело над землей плотным саваном, пока из непроницаемой черноты не начали доноситься мрачные завывания; они становились все более гнетущими и вскоре превратились в вопли невыразимой тоски. Битва за Тирсис была забыта. Противники с ужасом смотрели, как бесплотные призраки посланников Черепа, висящие в небе, содрогнулись от невыносимой боли, завывая и судорожно дергая когтистыми лапами. Еще мгновение черные тени парили над застывшими в ужас людьми, которые не могли отвести глаз от страшной картины. А потом крылатые создания начали распадаться, их черные тела медленно превращались в прах и осыпались на землю. Вскоре на небе не осталось ничего, кроме бескрайней завесы пустоты и мрака, которая стремительно стала отползать на север, словно кто-то потянул за концы гигантского одеяла. Сначала на юге, а потом на востоке и западе проступила чистая голубизна неба, и ослепительный солнечный свет хлынул на все земли. С благоговейным ужасом смотрели смертные, как невероятный мрак сжался на севере в одно маленькое облачко, которое немного повисело над горизонтом и стремительно метнулось вниз, исчезнув без следа в недрах земли.

А в черной бескрайней пучине, по которой плыл Ши, время остановилось.

— Думаешь, он выкарабкается?

Тихий далекий голос медленно проник в его спящее сознание. Разгоряченную кожу рук и лица внезапно окатило волной холода от гладких каменных плит.

— Погоди-ка, он моргает. Кажется, приходит в себя!

Это был Панамон. Ши открыл глаза и увидел, что лежит на полу тесной комнаты, мрак пещеры чуть рассеивал дрожащий желтый свет факела. Он снова был самим собой. Рука все еще сжимала рукоять меча, но сила талисмана уже покинула его, и странная связь, ненадолго соединившая их в единое целое, исчезла. Ши неуклюже поднялся на четвереньки, но вдруг пещеру сотряс утробный зловещий рокот, и юноша едва не упал. Сильные руки успели подхватить его в последнюю секунду.

— Тише-тише, не торопись, — прозвучал почти над самым ухом сиплый голос Панамона. — Дай-ка на тебя посмотреть. Вот так, а ты посмотри на меня. — Он рывком развернул слабое тело юноши к себе, и глаза их встретились. На секунду в суровом взгляде разбойника мелькнул страх, и тотчас губы его растянулись в улыбке. — Он в порядке, Кельтсет. А теперь давайте выбираться отсюда.

Он помог Ши встать и направился к выходу. В нескольких футах впереди громоздился массивный силуэт Кельтсета. Ши сделал пару неуверенных шагов и остановился. Что-то удерживало его.

— Я в порядке, — пробормотал он едва слышно.

Внезапно память вернулась к юноше, он вспомнил все — силу меча, которая протекла через его тело, превратив их в единое целое, мысленные образы, открывшие ему правду, схватку с Повелителем чародеев, ужасную смерть Орла Фейна... Ши вскрикнул и пошатнулся...

Панамон порывисто протянул руку и поддержал юношу.

— Успокойся, все позади. Ты молодец. Повелителя чародеев больше нет. Вот только эта гора скоро развалится на куски. Надо выбираться отсюда, пока она не рухнула нам на голову!

Низкий рокот нарастал, стены и потолок пещеры дрожали, осыпаясь струйками пыли и каменных крошек. Глубокие трещины прорезали древние камни, и сильные толчки непрерывно продолжались. Ши посмотрел на Панамона и кивнул.

— Все будет хорошо.— Разбойник в алом плаще быстро поднялся.— Я вытащу вас отсюда. Обещаю.

Все трое торопливо высочили в темный коридор. Извилистый туннель тянулся сквозь толщу горы, по грубым стенам, прямо у них на глазах, расплзались ломаные трещины и рубцы. Рокот нарастал, гора сотрясалась от мощных толчков, и казалось, что сама земля вот-вот разверзнется и проглотит ее целиком. Маленькие проходы и смежные пещеры тянулись нескончаемой чередой, но, как бы друзья ни спешили, выход был еще далеко. Несколько раз кто-нибудь из них оступался под градом мелких камней и пыли, но тут же продолжал путь. Огромные обломки скалы с грохотом падали на дорогу, но могучий Кельтсет отодвигал камни в сторону, и маленький отряд шел дальше. Постепенно Ши начало охватывать странное оцепенение, свинцовая усталость разливалась по всему телу и капля за каплей выдавливала из него последние силы. Но каждый раз, когда он в изнеможении останавливался, сильная рука Панамона поддерживала его и уверенно вела вперед, через каменные завалы.

Они добрались до самой узкой части туннеля, откуда начинался резкий поворот направо, когда неистовая судорога сотрясла умирающую гору. С оглушительным скрежетом потолок тесного прохода треснул и начал медленно проседать. Панамон громко закричал и толкнул Ши вперед, закрывая юношу своим телом. Кельтсет тотчас оказался рядом, принимая на могучие плечи тонны рушащейся скалы. Поднялись столбы пыли, и на несколько мгновений коридор затянуло густой серой пеленой. Когда пыль чуть улеглась, Панамон помог юноше подняться и мягко протолкнул его вперед, мимо застывшего тролля. Протискиваясь между каменными глыбами, Ши встретился взглядом с добрыми глазами Кельтсета. Потолок просел еще на несколько дюймов, и, чтобы его удержать, троллю пришлось напрячь всю свою недюжинную силу. Глядя на его застывшую в чудовищном напряжении фигуру, Ши медлил, но Панамон решительно взял юношу за плечи и подтолкнул к более широкой части туннеля. В изнеможении они рухнули на груды каменных обломков, судорожно хватая ртом воздух, и быстро оглянулись на Кельтсета. Ве-

ликан все еще держал потолок, который прямо на их глазах крошился с громким треском. В отчаянии Панамон метнулся на помощь другу, но не успел он добежать до тесного прохода, как через недра горы прокатился раскатистый гул, древние камни с протяжным стоном зашевелились и весь туннель с жутким треском обвалился. Тонны камней обрушились вниз, безнадежно завалив проход. Ши закричал и бросился к каменному завалу, но Панамон грубо оттащил его назад, размахивая перед носом юноши своей грозной культей.

— Он погиб! Ему уже не помочь.

Потрясенный Ши молча смотрел на него.

— Бежим, надо выбираться отсюда! — яростно выкрикивал Панамон. — Или ты хочешь, чтобы его смерть стала напрасной? Шагай!

Он резко встряхнул бледного юношу и толкнул к открытому проходу. Гулкие толчки из самого сердца горы продолжались, едва не сбивая двух беглецов с ног. Ши бежал не разбирая дороги, пыль и слезы застилали ему глаза. Щурясь и отчаянно моргая, он пытался разглядеть хоть что-нибудь в густых клубах пыли. У самого уха раздавалось тяжелое дыхание Панамона, и юноша чувствовал, как разбойник легонько подталкивает его в спину своей грозной пикиой, вынуждая бежать быстрее. Со стен и потолка градом сыпались осколки камней, оставляя синяки и порезы на его хрупком теле, превращая одежду в лохмотья. В руках он сжимал меч Шаннары, и, хотя сверкающий клинок уже потерял свою волшебную силу, он все же служил доказательством, что все случившееся с ним не было лишь порождением безумной фантазии.

Неожиданно в конце туннеля забрезжил серый свет северного неба, и они вырвались из горы. Снаружи лежали искалеченные тела тролля и немака. Не замедляя бега, друзья бросились в извилистое ущелье, рассекающее Острие Ножа. Каменистая земля билась в диких судорогах, длинные кривые разломы тянулись от основания горы Черепа к кольцу естественных преград, оберегавших запретные земли. Неожиданно сверху раздался громкий скрежет, заглушивший все другие звуки. Беглецы оглянулись и с ужасом увидели, как оползает и рушится каменное лицо черепа. Все произо-

шло за считанные секунды, и на их глазах неприступная крепость Повелителя чародеев превратилась в груды обломков и гора Черепа перестала существовать. Густое облако желтой пыли взметнулось к небу, тяжкий грохот вырвался из недр земли и раскатился гулким эхом по бескрайней пустоши Северных земель. Яростный ветер обрушился на обломки умирающей горы, а в сердце земли уже рождался новый рокот. Замерев от ужаса, Ши смотрел, как зловещий хребет содрогается от новых толчков. Мрачное королевство прямо на их глазах превращалось в руины.

А Панамон уже рвался в ущелье, таща за собой оцепеневшего Ши. Впрочем, на этот раз юношу не пришлось подгонять, он быстро догнал приятеля, ловко скользя между горами мертвых тел. Было совершенно непонятно, из какого неиссякаемого источника измученный юноша вновь черпал бесстрашие и решимость, но изумленный Панамон неожиданно обнаружил, что с трудом поспевает за Ши. Когда они добрались до выхода из ущелья, с вершины горы, с каждым новым толчком, сотрясающим землю, с оглушительным треском начали отваливаться огромные обломки скалы. С сокрушительной силой громадные валуны падали в извилистый каньон, каменная лавина съезжала с вершин древних гор, набирая силу с каждой секундой. А посреди всего этого светопреставления, увертываясь от града камней, бежали два хрупких человека — юноша с эльфийской кровью и однорукий вор. Могучие порывы ветра били им в спину, заставляя быстрее протискиваться через завалы камней и песка. Перед глазами мелькали и оставались позади изгибы и повороты каменных стен. Они уже знали, что выход из каньона близок, а за ним начинались пологие холмы. Неожиданно Ши почувствовал, как дорога впереди расплывается, он неуверенно покачнулся и сердито протер глаза.

И вдруг вся западная стена каньона обрушилась и осела, засыпая людей каменными осколками и удушающей пылью. Что-то острое ударило Ши по голове, и на миг в глазах у него потемнело. Лежа под грудой битого камня, он чувствовал, что сознание ускользает от него. Потом он смутно ощутил, как сильная рука Панамона выдергивает его из-под облом-

ков и тянет вверх. Сквозь серую завесу Ши увидел на его лице кровь. Он медленно поднялся на ноги, тяжело опираясь на меч, чтобы не упасть.

Панамон все еще стоял на коленях. Рукой с пикой он указывал на проход у них за спиной. Ши встревоженно оглянулся и с ужасом увидел, как из клубов пыли медленно появляется уродливое неуклюжее существо. Немак! Повернув к ним бесформенное застывшее лицо, чудовище заковыляло вперед шаркающей походкой. Панамон взглянул на Ши и мрачно усмехнулся.

— Всю дорогу тащился за нами, с самого начала. Я думал, застрянет где-нибудь в завалах, но он упорный.

Он медленно поднялся и вытащил из ножен меч.

— Или вперед, Ши. Я немного задержусь.

Ошеломленный Ши молча покачал головой, отказываясь понимать друга.

— Мы можем убежать от него, — выговорил он наконец. — Ущелье почти кончилось. Или можем сразиться с ним — вместе!

Панамон покачал головой и печально улыбнулся.

— Только не сегодня. Кажется, я повредил ногу, так что бежать больше не смогу. — Не давая Ши заговорить, он покачал головой. — Ничего не хочу слышать, Ши. А теперь беги и не останавливайся.

Ши смотрел на него, и из глаз его текли слезы.

— Я не могу!

От внезапного мощного толчка гора вздрогнула, и они снова упали на колени. По склонам с грохотом покатались огромные валуны, а дрожь земли продолжала нарастать. Немак подходил все ближе, лицо его было бессмысленно, и казалось, что царящий вокруг грохот его нимало не заботит. Панамон с трудом поднялся на ноги, увлекая Ши за собой.

— Ущелье может рухнуть в любую минуту, — сказал он тихо. — Времени на споры нет. Я сам о себе позабочусь, как делал это всегда, до встречи с тобой и Кельтсетом. А теперь беги. Беги без оглядки!

Он положил руку на худое плечо юноши и легонько подтолкнул его вперед. Ши попятился на несколько шагов и

неуверенно остановился, почти угрожающе приподняв меч. На широком лице Панамона Крила мелькнуло удивление, потом он сверкнул своей мрачной улыбкой, и в глазах его загорелся огонек.

— Мы еще увидимся, Ши Омсфорд. Попомни мое слово.

На прощание он махнул своей грозной культией и развернулся навстречу ковыляющему немаку. Ши смотрел ему вслед, все еще не решаясь уйти. Виною ли тому было его ослабшее зрение, но на мгновение ему показалось, что разбойник в красном плаще ничуть не хромает. В следующую секунду новый мощный толчок сотряс гору, и юноша бросился вперед к спасительным холмам. Поскальзываясь и оступаясь на камнях и комьях земли, увертываясь от града осколков, летевших с вершины горы в узкий каньон, он бежал вперед, и никого не было рядом с ним.

Глава 34

День почти догорел. Солнечный свет струился долгими размытыми потоками сквозь скользящие белые облака, согревая каменистую пустынную почву Северных земель. Даже одного погожего дня хватило заброшенной мертвой земле, чтобы то тут, то там появились крошечные островки зелени — первые предвестники новой жизни, которая когда-нибудь снова расцветет в этих гиблых местах. Над далеким северным горизонтом виднелись обломанные пики Острия Ножа, почти скрытые густой завесой пыли, которая висела над руинами королевства Черепа.

Растерянный и отрешенный, Ши брел не разбирая дороги сквозь лабиринт канав и оврагов, протянувшийся вдоль подножия горы. Полуслепой, измученный, в грязных лохмотьях, он был почти неузнаваем. Идя навстречу Алланону, юноша даже не заметил его, крепко сжимая двумя руками посеребренную рукоять меча. В первую секунду друид в изумлении смотрел на странного бродягу с мечом в руках, который спотыкался на каждом шагу. Затем с радостным криком бросился к нему и крепко прижал к себе худое тело Ши Омсфорда.

Ши спал долго, а когда наконец проснулся, уже наступила ночь. Он лежал под выступом нависающей скалы, у подножия которой начиналась глубокая лощина с широким дном. Рядом уютно потрескивал небольшой костер, даря свое заботливое тепло, как и плащ, в который юноша был тщательно укутан. Зрение начало возвращаться к нему, и ту-

ман перед глазами постепенно рассеивался. Прямо над головой висел купол чистого звездного неба, словно натянутый между двумя горными вершинами. Ши невольно улыбнулся. На миг ему показалось, что он снова в Тенистом Доле. А в следующую минуту в тусклом свете костра появилась темная фигура Алланона.

— Тебе лучше? — спросил друид вместо приветствия и сел рядом. Что-то изменилось в нем. Он больше не казался зловещим и утрюмым, в голосе звучала необычная теплота, и сам он стал более человеческим.

Ши кивнул.

— Как ты меня нашел?

— Это ты меня нашел. Неужели ты ничего не помнишь?

— Нет, ничего, после того как... — Ши запнулся. — А еще кто-нибудь... ты больше никого не видел?

Минуту Алланон внимательно изучал его взволнованное лицо, словно обдумывая ответ, потом покачал головой.

— Ты был один.

Ощутив комок в горле, Ши снова лег и судорожно глотнул. Значит, Панамон тоже погиб. Почему-то он до последнего надеялся на лучшее.

— Как ты себя чувствуешь? — донесся до него из темноты зычный голос друида. — Не хочешь поесть? Думаю, тебе надо подкрепиться.

— Да. — Ши поднялся и сел, кутаясь в теплый плащ.

Алланон у огня наливал в маленькую миску похлебку. Почувствовав дразнящий аромат еды, Ши понял, что по-настоящему проголодался. Вдруг он вспомнил о мече и огляделся вокруг. Меч лежал рядом, тускло поблескивая в полутьме. Внезапно спохватившись, юноша стал ощупывать карманы в поисках эльфийских камней, но их не было. В отчаянии он перетряс всю свою одежду, но маленький мешочек с волшебными камнями бесследно исчез. Чувствуя внезапную слабость, Ши в изнеможении прилег на спину. Может, Алланон...

— Алланон, я нигде не могу найти эльфийские камни, — проговорил он торопливо. — Ты не...

Друид подошел к нему и протянул миску с дымящейся похлебкой и небольшую деревянную ложку. Лицо его было скрыто непроницаемой тенью.

— Нет, Ши. Должно быть, ты потерял их, когда убежал из Острия Ножа. — Заметив печаль на лице юноши, он ободряюще похлопал его по плечу. — Не стоит так переживать. Камни сослужили свою службу. А теперь поешь и ложись спать. Тебе необходим отдых.

Ши машинально глотал суп, не переставая думать об эльфийских камнях. Они были с ним с самого начала, оберегали на каждом шагу долгого пути, не однажды спасали ему жизнь. Как он мог быть таким беспечным? Снова и снова Ши думал, где мог обронить камни, но ничего не приходило в голову. Маленький мешочек мог легко потеряться.

— Прости меня за камни, — тихо прошептал он.

Присев рядом с юношей, Алланон пожал плечами и слабо улыбнулся. Он казался уставшим и внезапно постаревшим.

— Возможно, они еще найдутся.

Ши молча доел похлебку, и Алланон, не спрашивая, снова наполнил миску. От горячей еды юноша расслабился, и по всему его телу разлилось приятное тепло. Он снова начал проваливаться в сон. Как просто было бы отдаться во власть ласковой дремоте, но он не мог позволить себе этого. Слишком многое еще беспокоило его, слишком много вопросов оставалось без ответа. И единственный человек, который мог пролить свет на все загадки, сидел рядом. А после всех испытаний Ши заслужил право получить ответы на свои вопросы.

Он заставил себя сесть, чувствуя пристальный взгляд Алланона, скрытого в тени костра. Звенящую тишину внезапно разорвал пронзительный крик ночной птицы. Ши невольно замер. Жизнь возвращалась в Северные земли после долгих лет запустения. Он поставил миску рядом с собой и повернулся к Алланону.

— Поговорим?

Друид молча кивнул.

— Почему ты не рассказал мне правду о мече? — негромко начал юноша из Дола. — Почему скрыл?

— Я рассказал все, что тебе требовалось знать. — Темное лицо Алланона было бесстрастно. — Остальное тебе рассказал сам меч.

Ши недоверчиво смотрел на него.

— Ты должен был сам постичь тайну меча Шаннары, — мягко продолжал Алланон. — Я бы просто не смог объяснить тебе всего — ты должен был сам почувствовать это. И научиться принимать правду о себе, только после этого великий талисман в твоих руках стал бы оружием против Повелителя чародеев. Я не имел права вмешиваться.

— Хорошо, но ты мог хотя бы объяснить мне, почему Брона так боится меча.

— И чем бы это тебе помогло, Ши?

Юноша нахмурился.

— Не понимаю.

— Представь, что я рассказал бы тебе то, что в моей власти, еще до того, как ты прошел все испытания. Как эти знания помогли бы тебе? Стал бы ты продолжать поиски? Смог бы поднять меч на могущественного Брону, зная, что единственная сила загадочного талисмана в том, чтобы показывать правду? Боюсь, ты просто не поверил бы, что такая малость способна уничтожить всемогущего Повелителя чародеев.

Он ближе придвинулся к Ши в слабом свете костра.

— А может, ты поддался бы отчаянию и бросил поиски? Сколько правды ты смог бы вынести?

— Не знаю, — с сомнением отозвался Ши.

— Тогда я расскажу тебе кое-что, чего не мог сказать раньше. Пятьсот лет назад Джерл Шаннара знал все это и ничего не смог сделать.

— Но я думал...

— Что он победил? — договорил за него Алланон. — Почему же тогда Повелитель чародеев не был повержен? Нет, Ши, у Джерла Шаннары ничего не получилось. Бремен открыл королю эльфов тайну меча в надежде, что знание поможет владельцу талисмана выстоять против Броны. Но он ошибся. Хотя Джерл Шаннара заранее знал, что узнает правду о себе самом, он не смог смириться с тем, что увидел. Сом-

неважко, что вообще можно подготовиться к такому испытанию. Мы редко бываем честны сами с собой, боимся пускать правду на порог. Вряд ли он всерьез поверил словам Бремена о том, что случится после того, как он прикоснется к мечу. Джерл Шаннара был настоящим воином и привык использовать оружие по назначению, хотя Бремен и предупреждал его, что в бою с Броней этот меч бессилен. Когда он столкнулся с Повелителем чародеев и талисман начал проявлять себя ровно так, как обещал Бремен, король испугался. Его сила, отвага, боевой опыт — все оказалось бесполезно. С этим он не смог смириться. И Повелителю чародеев удалось от него ускользнуть.

Ши смотрел недоверчиво.

— Но и у меня все могло получиться иначе.

Но друид словно не слышал его.

— Я должен был оказаться рядом, когда ты нашел меч и открыл его тайну. Тогда бы я объяснил тебе, как этот клинок может уничтожить Повелителя чародеев. Но я потерял тебя в Драконьих Зубах, а когда понял, что ты нашел меч и отправился на Север, было уже слишком поздно. Я сразу бросился за тобой следом, но все равно едва не опоздал. Я чувствовал твой страх, когда ты открыл тайну меча, и знал, что Повелитель чародеев тоже ощущает твоё смещение. Но я был слишком далеко. Я попытался позвать тебя, проникнуть в твои мысли. Но времени объяснять, что к чему, уже не оставалось — Повелитель чародеев был рядом. Мне удалось сказать тебе лишь несколько слов.

Он замолчал, задумчиво глядя перед собой.

— Однако ты сам нашел ответ, и ты выжил.

Юноша отвернулся, вспомнив, что все, кто отправился с ним в королевство Черепа, мертвы.

— Все могло получиться иначе, — устало повторил он.

Алланон ничего не ответил. Костер у его ног медленно догорал, превращаясь в мерцающие угли. Ши поднял с земли миску и быстро доел похлебку, снова чувствуя цепкие объятия сна. Он уже клевал носом, когда Алланон вдруг зашевелился в темноте и сел рядом с ним.

— Ты думаешь, я напрасно не открыл тебе тайны меча? — проговорил он негромко. Это было скорее утверждение, чем вопрос. — Может, ты и прав. Может, для всех было бы лучше, если бы я с самого начала все рассказал.

Ши посмотрел на него. Худое лицо друида с темными провалами глаз и глубокими резкими складками казалось маской, скрывавшей какую-то вечную загадку.

— Нет, ты все сделал правильно, — медленно проговорил юноша. — Наверное, я не смог бы примириться с правдой.

Алланон чуть склонил голову набок, словно обдумывая его слова.

— Я должен был больше верить в тебя, Ши. Но я боялся. — Он замолчал, увидев сомнение на лице юноши. — Ты мне не веришь, но это так. Ты и все остальные никогда не относились ко мне как к обычному человеку. Это было необходимо, иначе ты никогда бы не принял ту роль, которую я для тебя уготовил. Но друид все же человек, Ши. И еще ты кое о чем забыл. Пресжде чем стать Повелителем чародеев, Брона был друидом. Поэтому все друиды до некоторой степени ответственны за его деяния. Это мы позволили ему стать Повелителем чародеев. Наши знания помогли ему обрести могущество, наше уединение от остального мира позволило ему стать тем, кем он стал. Весь род человеческий мог погибнуть или превратиться в рабов, и вина за это легла бы на нас. Дважды друиды могли уничтожить Брону и дважды упускали такую возможность. Ныне из всего нашего народа остался я один, и только я мог защитить мир от этого чудовища. Признаюсь, я боялся. Соверши я хоть малейшую ошибку, и Брона стал бы навеки свободен.

Голос друида упал до шепота, и он внезапно опустил глаза.

— Ты должен узнать еще кое-что. Бремен был не просто моим предком. Он был моим отцом.

— Отцом? — Ши вмиг очнулся. — Но это же невоз...

Он осекся, не в силах договорить. Слабая улыбка тронула губы Алланона.

— Должно быть, порой тебе приходило в голову, что я намного старше обычных людей. Друиды открыли тайну продления жизни сразу после Первой войны рас. Однако за все

надо платить, а Брона отказался платить за свое долголетие. У нас есть множество обязательств, Ши. Не такой это великий дар. За нашу долгую жизнь мы расплачиваемся особым сном, который и позволяет нам не стареть. Путь к истинному долголетию сложен, и некоторые шаги на этом пути не слишком... приятны. Да и ни один из них не дается легко. Брона не хотел приносить такие огромные жертвы, он искал свой путь, а нашел лишь иллюзию.

Друид надолго замолчал, погрузившись в свои мысли, потом продолжил:

— Бремен был моим отцом. У него была возможность покончить с Повелителем чародеев, но он совершил слишком много ошибок, и Брона ускользнул от него. Бегство злодея было на совести моего отца, и, если бы его чудовищные замыслы сбылись, вина легла бы на Бремена. Я жил с этим страхом и постепенно стал одержим им. Я поклялся не повторить ошибок своего отца. Признаюсь, Ши, я никогда по-настоящему не верил в тебя. Я думал, что ты слишком слаб для такой великой задачи, и скрывал правду, преследуя собственные цели. Во многом я был несправедлив к тебе. Но ты был моей последней надеждой. Ты один мог вернуть доброе имя моего отца и избавить меня самого от чувства вины за его грехи. Только ты мог спасти друидов от ответственности за порожденное ими чудовище.

Он помедлил и посмотрел прямо в глаза юноше.

— Я ошибался в тебе, мой друг. Ты оказался намного лучше, чем я мог надеяться.

Ши улыбнулся и слегка покачал головой.

— Нет, Алланон. Не ты ли часто говорил мне, что задним умом всяк крепок? Вспомни свои слова.

Друид грустно улыбнулся ему в темноте.

— Как жаль... жаль, что у нас совсем не осталось времени, Ши Омсфорд. Я бы хотел узнать тебя получше. Но... уже совсем скоро долг позовет меня...

Он замолчал, печально наклонив голову. Озадаченный юноша ждал, когда друид снова заговорит, но тот молчал.

— Хорошо, значит, утром...— Ши устало потянулся и плотнее закутался в плащ, от еды и жара костра его снова начало клонить в сон.— Нас еще ждет долгий путь на Юг.

Алланон отозвался не сразу.

— Твои друзья уже близко, они ищут тебя,— произнес он наконец.— Когда вы встретитесь, ты расскажешь им все, что узнал от меня?

Ши слушал его краем уха, думая о Тенистом Доле и скором возвращении домой.

— Лучше ты сам расскажешь...— пробормотал он сонно.

Снова наступила тишина. Уже сквозь дремоту Ши услышал в темноте тихий шорох, и, когда друид снова заговорил, голос его звучал словно издалека.

— Вряд ли я смогу, Ши. Я очень устал, силы мои на исходе. И пришла пора мне... уснуть.

— До завтра,— пробормотал Ши.— Спокойной ночи.

Голос друида отозвался едва слышным шепотом.

— До свидания, мой друг. До свидания, Ши.

Но Ши уже спал.

Ши проснулся как от толчка, потоки утреннего солнца щедро заливали землю. Услышав стук конских копыт и шарканье сапог, он открыл глаза и увидел вокруг себя стройных худощавых людей в зеленых накидках. Рука юноши невольно потянулась к мечу Шаннары, он с трудом сел и, прищурившись, взгляделся в склоненные над ним лица. Это были эльфы. Один из них — высокий, с резкими чертами лица — подошел ближе. Заглянув прямо в глаза юноши внимательными зелеными глазами, он дружески положил руку ему на плечо.

— Ты среди друзей, Ши Омсфорд. Мы воины Эвентина.

Ши медленно поднялся на ноги, все еще настороженно сжимая меч.

— А где Алланон?..— спросил он, озираясь в поисках друида.

Высокий эльф секунду помедлил, затем отрицательно покачал головой.

— Здесь больше никого не было. Только ты.

Ничего не понимая, Ши прошел мимо него, торопливо протолкался через кольцо всадников и всмотрелся в широкую долину. Но взору его предстали лишь серые утесы да

пыльный извилистый перевал, исчезающий вдалеке. Кроме конного отряда всадников и его самого, рядом никого не было. Внезапно Ши вспомнил слова друида и понял, что Алланон и вправду ушел.

— Спит...— услышал он собственный шепот.

Он повернулся и на непослушных ногах двинулся к ожидавшим его эльфам, слезы ручьями текли по изможденному лицу Ши. Алланон непременно вернется, упрямо твердил он себе, вернется, когда они позовут его. Так было всегда. Ши вытер слезы и поднял глаза к сверкающей синеве северного неба. На мгновение ему показалось, что он снова слышит далекий голос друида. И тогда слабая улыбка тронула его губы.

— До свидания, Алланон,— тихо отозвался он.

Глава 35

Вот так все и кончилось. Десять дней спустя те, кто остался от небольшого отряда, который много недель назад пустился в опасный поход из Кулхейвена, в последний раз прощались друг с другом. Ясный летний день был напоен солнцем и свежестью. Легкий западный ветерок шелестел в изумрудной траве равнин под Тирсисом, а вдалеке негромко шумел Мермидон, лениво катя свои воды в утренней тишине. Дьюрин и Даэль стояли на дороге, идущей от крепостных стен, левая рука старшего брата была забинтована. Даэль отыскал его среди раненых, и теперь эльф быстро поправлялся. Рядом стояли Балинор Буханнан в кольчуге и синей королевской мантии, немного бледный Ши Омсфорд, верный Флик и Менион Лих. Друзья негромко разговаривали и бодро улыбались, напрасно стараясь скрыть печаль расставания. Оседланные лошади паслись неподалеку. Наконец повисло неловкое молчание, все принялись пожимать друг другу руки и обещать скорую встречу. Прощание было тяжелым, и за веселыми улыбками таилась грусть.

А потом они разъехались, каждый в свою сторону. Дьюрин с Даэлем поскакали на запад, в Белеаль, где Даэля ждала его возлюбленная невеста Линлисс. Флик неустанно твердил брату, что они вполне заслужили отдых, и Омсфорды повернули на юг, к Тенистому Долю. К тому же рассудительный Флик решил, что все дела закончены и их приключение подошло к концу. Менион Лих вызвался сопровождать их до родной долины, чтобы доставить Ши домой целым и невредимым. А когда он будет уверен, что с другом больше ниче-

го не случилось, он сможет отправиться в свои горы, к отцу, который наверняка уже успел соскучиться по нему. Впрочем, дома он собирался пробыть недолго, ведь сердце его рвалось к рыжеволосой красавице, которая осталась в Каллахорне.

Балинор молча стоял на опустевшей дороге и смотрел вслед друзьям, пока они не превратились в едва заметные тени на далеких зеленых равнинах. Тогда он медленно забрался в седло и поскакал обратно в Тирсис.

Меч Шаннары остался в Каллахорне. Ши твердо решил оставить великий талисман жителям пограничного государства. Именно они сделали все, чтобы отстоять свободу всех четырех земель. Никто другой не был достоин чести хранить и оберегать знаменитый клинок. Меч врезали клинком вниз в куб из красного мрамора и на вечные времена поместили в мавзолей в центре Народного парка под широкой аркой моста Сендика. На каменном фасаде мавзолея высекли такие слова:

*Здесь покоится сердце и душа народов,
их право быть свободными,
их желание жить в мире,
их смелость принимать истину.
Здесь покоится меч Шаннары.*

Несколько недель спустя Ши устало сидел на высоком деревянном табурете на гостиничной кухне и невидящим взглядом смотрел на тарелку с едой, которая стояла перед ним на столе. Сидевший рядом Флик уже приступил ко второй добавке. Был ранний вечер, весь день братья Омсфорд чинили навес над верандой. Летнее солнце пекло нещадно, работа утомила их, но, несмотря на усталость, Ши не мог заставить себя проглотить ни кусочка. Он равнодушно ковырялся в тарелке, когда в двери показался отец. Сердито бормоча себе под нос, Кёрзат Омсфорд подошел к братьям и хлопнул Ши по плечу.

— И сколько еще это будет продолжаться? — спросил он. Ши удивленно поднял на него глаза.

— Не понимаю, о чем ты, — ответил он искренне, взглянув на Флика, но тот лишь рассеянно пожал плечами.

— Как я погляжу, ты опять ничего не ешь. — Отец окинул взглядом тарелку. — Откуда же ты наберешься сил, если не будешь есть как следует?

Он замолчал, а потом продолжил, словно спохватившись:

— Чужестранцы — вот о чем я толкую. Теперь вы снова разбежитесь. А я-то думал, все уже позади.

Ши во все глаза смотрел на него.

— Я никуда не собираюсь. Да скажи наконец, что случилось?

Кёрзат Омсфорд грузно опустился на свободный табурет и внимательно посмотрел на своего приемного сына; он уже смирился с тем, что для того, чтобы получить прямой ответ, придется проявить немного настойчивости.

— Ши, мы всегда были честны друг с другом. Когда вы вдоволь нагостились у принца Лиха, я ни разу не допекал вас расспросами о том, почему вы вдруг исчезли посреди ночи, ничего мне не объяснив, а вернувшись, были похожи на привидения. Сами вы не говорите об этом ни слова. Теперь признайся, — продолжил он быстро, не давая Ши возразить, — я ведь ни разу не приставал к тебе с расспросами?

Ши молча кивнул. Его отец удовлетворенно хмыкнул.

— А все потому, что мужчина должен свои дела решать сам. Так я думаю. Но я не могу забыть, что в прошлый раз вы исчезли из дома сразу после того, как к нам заглянул тот, другой чужестранец.

— Другой? — хором воскликнули братья.

В тот же миг воспоминания захлестнули их — таинственное появление Алланона, предостережение Балинора, посланники Черепа, бегство, страх... Ши медленно сполз с табурета.

— Скажи... меня кто-то ищет?

Отец кивнул и нахмурился, увидев тревогу в глазах сына.

— Незнакомец, как и в прошлый раз. Пришел только что, спрашивает тебя. Он ждет в гостиной. Только я не понимаю...

— Ши, что делать? — взволнованно заговорил Флик. — У нас даже эльфийских камней больше нет.

— Я... я не знаю,— пробормотал Ши, отчаянно стараясь побороть растущий страх.— Можно убежать через черный ход...

— Нет уж, постойте! — решительно вмешался Кёрзат Омсфорд.

Он крепко взял сыновей за плечи и развернул к себе, с недоверием глядя на них.

— Я не учил своих сыновей бежать от опасности.— Он пристально посмотрел в их встревоженные лица и покачал головой.— Вы должны научиться смело смотреть ей в лицо, а не убегать от нее. Да что вы в самом деле! Вы же у себя дома, здесь ваша семья, друзья, разве они дадут вас в обиду? Они горой станут за вас, а вы обратились драпать!

Он выпустил их и отступил на шаг.

— Сейчас мы все вместе пойдем и посмотрим на этого человека. С виду он тот еще тип, но говорил со мной вполне дружелюбно. Да и вряд ли однорукий справится с тремя крепкими мужиками. Тут и пика ему не поможет.

Ши вздрогнул.

— Однорукий?

— Похоже, пусть он проделал не близкий.— Старший Омсфорд, казалось, не слышал восклицания Ши.— Твердит о каком-то кожаном мешочке, будто бы он твой. Я ему говорю, мол, давайте я передам, а он ни в какую. Мол, только лично в руки отдам.

При этих словах Флик понял, о ком говорит отец.

— Должно быть, эта штука очень важная,— уверенно заявил Омсфорд-старший.— Он сказал, что ты обронил ее по дороге домой. Как же такое могло случиться?

Долго Кёрзату Омсфорду пришлось ждать ответа на свой вопрос. Сыновья вскочили как ужаленные, стремглав вылетели из дверей кухни и помчались по коридору.

Литературно-художественное издание

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

Терри Брукс

МЕЧ ШАННАРЫ

Ответственный редактор *А. Етоев*

Редактор *О. Радько*

Выпускающий редактор *Е. Березина*

Художественный редактор *А. Сауков*

Технический редактор *О. Шубик*

Компьютерная верстка *В. Сергеев*

Корректоры *Н. Князева, Н. Тюрина*

Иллюстрация на переплете:

Krasny, Jan Patrik via Agentur Thomas Schlük GmbH

ООО «Издательский дом «Домино».

191014, Санкт-Петербург, ул. Некрасова, д. 60.

Тел./факс: (812) 272-99-39. E-mail: dominospb@hotmail.ru

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 17.03.2010. Формат 84х108^{1/32}.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 33,6.

Тираж 4000 экз. Заказ № 485.

Отпечатано с предоставленных диапозитивов
в ОАО «Тульская типография». 300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ISBN 978-5-699-41727-8

9 785699 417278 >

БРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ Ф

Терри
БРУКС

Terry Brooks

ISBN 978-5-699-41727-8

9 785699 417278 >

БРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ Ф